СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются в низу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год издания, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в двух экземплярах.

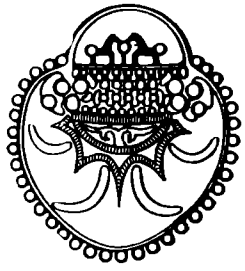
6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные на глянцевой бумаге и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в двух экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского, греческого и арабского алфавитов, должны быть сдублированы на кальку для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1961

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А.Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:
Москва, В-36, 1-ая Черемушкинская, 19, тел. В-5-00-11 доб. 3-45

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-05434 Подписано к печати 28-IV 1961 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 10,25
Печ. л. 28,08 Уч-изд. л. 32,8 Тираж 1840 экз. Заказ 1460

2 я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

СТАТЬИ

В. В. АРТЕМЬЕВ, С. В. БУТОМО, В. М. ДРОЖЖИН, Е. Н. РОМАНОВА

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АБСОЛЮТНОГО ВОЗРАСТА РЯДА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗЦОВ ПО РАДИОУГЛЕРОДУ (C^{14})

Метод установления абсолютного возраста органических остатков по содержанию в них радиоуглерода (C^{14}), предложенный В. Либби [1], нашел широкое применение в археологических исследованиях. За 10 лет существования метод радиоуглеродного датирования непрерывно развивается как по линии теоретических представлений о возникновении и распространении C^{14}, так и в направлении усовершенствования техники измерения C^{14}. В настоящее время большинство радиоуглеродных лабораторий используют при измерениях C^{14} пропорциональные счетчики, наполненные полученными из углерода исследуемых образцов газами (углекислый газ, ацетилен и некоторые другие).

Сцинтилляционный метод измерения C^{14}, развивающийся в последнее время, позволяет устранить основной недостаток пропорционального счета, заключающийся в ограничении количества вводимого для измерения радиоуглерода.

Радиоуглеродная лаборатория Института археологии АН СССР использует в работах по датированию сцинтилляционный метод счета C^{14}. Первые результаты наших работ по применению жидких сцинтилляторов для измерения природного C^{14} показали возможность успешного использования сцинтилляционных счетчиков при радиоуглеродном датировании [2]. В настоящей статье излагаются основные результаты работ лаборатории за последний год по дальнейшему развитию сцинтилляционного метода радиоуглеродного датирования.

Мы уже указывали, что бензол, синтезированный из углерода исследуемых образцов, является отличным растворителем для жидкого сцинтиллятора и может быть с успехом использован для измерения природного C^{14}. Однако сложности, связанные с процессом получения бензола из образцов, не позволили применять это соединение в серийных работах по радиоуглеродному датированию. Вследствие этого было решено вводить для измерения исследуемый углерод в виде производного бензола — этилбензола.

Этилбензол является хорошим растворителем для жидких сцинтилляторов, однако содержит в своем составе меньше углерода из анализируемого образца, чем бензол. Последнее обстоятельство объясняется схе-

---

[1] W. F. Libby. Radiocarbon Dating. Chicago, 1955.

[2] Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (C^{14}), СА, 1959, № 2, стр. 7.

мой получения этилбензола, которая может быть представлена следующим образом:

$$C_6H_6 + C_2^*H_2 \rightarrow C_6H_5C_2^*H_5$$

Ацетилен, при помощи которого синтезируется этилбензол, получается из углерода образца ($C \rightarrow CaC_2 \rightarrow C_2H_2$) [3]. Для реакции используется столь древний бензол, что он не содержит C^{14}. Поэтому в полученном этилбензоле из восьми углеродных атомов лишь два имеют в своем составе радиоуглерод из образца.

Несмотря на то, что в молекуле этилбензола содержится всего 23% углерода из исследуемой пробы (в молекуле бензола — 92%), легкость химического синтеза этого соединения послужила основанием для использования этилбензола при радиоуглеродном датировании.

Для установления радиоуглеродного возраста были использованы в основном остатки древесины и древесного угля, полученные из археологических и геологических коллекций. Ввиду возможности загрязнения исследуемых образцов углеродосодержащими веществами иного возраста, принимались меры для удаления этих загрязнений. Остатки корней растений и комочки приставшего к образцу грунта соскабливаются ножом или извлекаются пинцетом. Неорганический углерод, попадающий в пробу, например, из грунтовых или поверхностных вод в виде карбоната или бикарбоната, разрушается кипячением размельченного образца в 5%-ной соляной кислоте. Образцы могут быть также загрязнены продуктами гниения органических веществ, в основном гуминовыми кислотами. Гуминовые кислоты удаляются обработкой исследуемых проб 3%-ным кипящим раствором едкого натра.

Процесс предварительной химической обработки является исключительно важной частью подготовки образца к измерению. Загрязнения посторонним углеродом могут значительно исказить истинный возраст. Особенно большая ошибка может быть получена при попадании в весьма древний образец современного углерода. Так, например, образец 40 000-летнего возраста, зараженный 1% современного углерода, даст радиоуглеродный возраст 34 000 лет.

Синтез ацетилена из углерода исследуемого образца проводился по одной из двух нижеприведенных схем:

1. Древесина $\xrightarrow{t^\circ}$ уголь $\xrightarrow{Ca}$ $CaC_2 \rightarrow C_2H_2$
2. Образец $CaCO_3 \xrightarrow{HCl}$ CO_2

   Древесина $\xrightarrow{t^\circ O_2}$ $CO_2 \rightarrow (NH_4)_2CO_3 \rightarrow SrCO_3 \rightarrow SrC_2 \rightarrow C_2H_2$

Синтез ацетилена по первой схеме, разработанной в нашей лаборатории [4], прост и экономичен по времени. Использование ограниченного количества реактивов и выбор пути синтеза, исключающего стадию получения CO_2, сводит к минимуму возможность попадания в пробу постороннего углерода. Поэтому в большинстве случаев образцы дерева и угля переводились в ацетилен согласно первой схеме.

Второй вариант, по которому в лаборатории синтезировали ацетилен, был предложен Зюссом [5]. Его несомненным достоинством является возможность получения ацетилена не только из углерода органических веществ, но также из карбонатов и бикарбонатов, содержащихся, например, в раковинах и костях. Использование данной схемы синтеза

---

[3] Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо. Ук. соч., стр. 9.

[4] Х. В. Протопопов, С. В. Бутомо. Ук. соч.

[5] H. E. Suess. Natural Radiocarbon Measurements by acetylene counting. Science, т. 120, 1954, стр. 5.

ацетилена объясняется дальнейшими планами работы лаборатории по радиоуглеродному анализу таких материалов, как ткани, кости, раковины.

Синтез этилбензола из ацетилена в целях радиоуглеродного датирования, разработанный И. Е. Старик, Х. А. Арслановым и А. П. Жарковым [6], завершает процесс химической подготовки углерода образцов к измерению их активности. Получение этилбензола происходит в двухгорлой колбе (рис. 1), снабженной мешалкой. Реакционная колба заполняется предварительно осушенным бензолом (500 *мл* бензола на 15 *л* ацетилена). В колбу вносится 20 *г* сухого порошка алюминия и 1 *г* $AlCl_3$, которые являются катализаторами процесса гидроалкилирования бензола. Через раствор со скоростью ~ 3 *л/час* пропускается ток хлористого водорода. Колба помещается в водяную баню, снабженную терморегулятором, позволяющим поддерживать в реакционном сосуде требуемую температуру (60—70° С). Ацетилен поступает на реакцию со скоростью 2 *л/час*. Как C_2H_2, так и HCl предварительно осушаются, проходя через склянки Тищенко, наполненные концентрированной серной кислотой; остатки влаги поглощаются в U-образной трубке, содержащей P_2O_5. Избыток HCl и частично C_2H_2 отводится в тягу (см. рис. 1). По окончании реакции реакционную смесь выливают в ледяную воду. Затем отделяют углеводородный слой, промывают его водой и сушат над $CaCl_2$. Смесь ароматических углеводородов разгоняют на колонке и собирают фракцию, кипящую при 132—138° С. Полученный «сырой» этилбензол обрабатывают в целях очистки концентрированной H_2SO_4, насыщенным раствором Na_2CO_3, промывают водой и сушат над $CaCl_2$ и затем над Na. При повторной разгонке отбирается фракция, кипящая при 134—135° С, являющаяся чистым этилбензолом. Выходы «сырого» и чистого этилбензола по ацетилену — 35 и 28% соответственно.

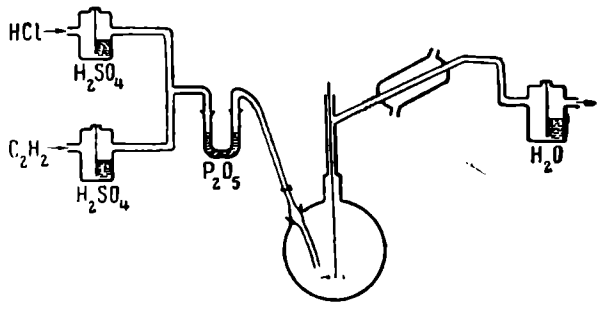


Рис. 1. Схема установки для получения этилбензола

Определение содержания природного C^{14} в археологических объектах с той точностью, которая необходима для достоверного датирования, представляет собой трудную техническую задачу. Радиоуглерода C^{14} в образцах содержится ничтожно мало (10^{-12} *г* на 1 *г* углерода образца), причем тем меньше, чем старше образец. Радиоуглерод невозможно отделить об обычного углерода и сконцентрировать его обычными химическими методами. Кроме того, радиоактивные β-лучи, испускаемые при распаде C^{14}, обладают столь малыми энергиями, по сравнению с излучениями других радиоактивных изотопов, что почти полностью поглощаются в толще слоя самого образца. Наконец, из-за ничтожно малого содержания C^{14}, при измерениях начинает проявляться вероятностный, статистический характер самого радиоактивного распада и, для получения точности, достаточной для датировки, измерения приходится вести круглосуточно в течение длительного времени. Это требует использования такой измерительной установки, которая бы стабильно работала в течение многих суток, не меняя своих характеристик.

Сцинтилляционная установка состоит из кюветы с жидким образцом, фотоумножителя, регистрирующего акты распада C^{14}, усилителя, амплитудного дискриминатора и регистратора (рис. 2). Для того, чтобы регист-

---

[6] И. Е. Старик, Х. А. Арсланов, А. П. Жарков. Радиохимия, № 2, 1960, стр. 259.

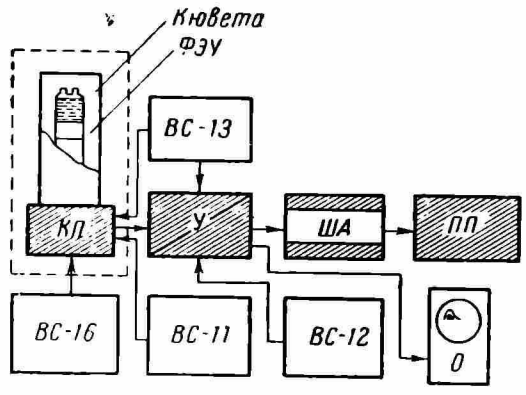


Рис. 2. Блок-схема сцинтилляционной установки для измерений C^{14}

рировать радиоактивный распад C^{14}, использовался жидкий сцинтиллятор — раствор некоторых веществ-добавок в этилбензоле, обладающий способностью светиться под действием радиоактивного излучения. Как уже упоминалось, углерод археологического образца вводится в состав жидкого сцинтиллятора в виде этилбензола, чем достигаются наилучшие условия для регистрации радиоактивности. Для приготовления жидкого сцинтиллятора в этилбензоле растворяют 2,5-дифенилоксазол (4 *г* на литр), 1,4-ди-[2-(5-фенилоксазолил)]-бензол (POPOP) с 0,1 *г/л* и нафталин (130 *г/л*). Точно измеренный объем жидкого сцинтиллятора помещается в кювету из высокоинертной пластмассы фторопласт — 4. Конструкция кюветы обеспечивает возможность изменения рабочего объема и позволяет без ухудшения условий счета работать с разными количествами этилбензола.

Для регистрации сцинтилляций использовался отобранный экземпляр фотоумножителя типа ФЭУ-11. Он отличается высокой чувствительностью и хорошей стабильностью. Многократные проверки его уровня шумов и коэффициента усиления на протяжении многих месяцев не показали отклонений, превышающих статистическую ошибку измерений.

Измерения природного C^{14} затруднены тем обстоятельством, что в окружающих счетчик материалах всегда содержится некоторое количество различных радиоактивных атомов. Кроме того, жидкий сцинтиллятор непрерывно подвергается воздействию космических лучей. Хотя интенсивность как космических лучей, так и излучений радиоактивных загрязнений очень мала, ложные отсчеты, создающие постоянный фон установки, заметно снижают точность датировок. Для снижения фона кювета и фотоумножитель помещались в массивную защиту из слоев стали (толщина 30 *см*) и свинца (толщина 10 *см*).

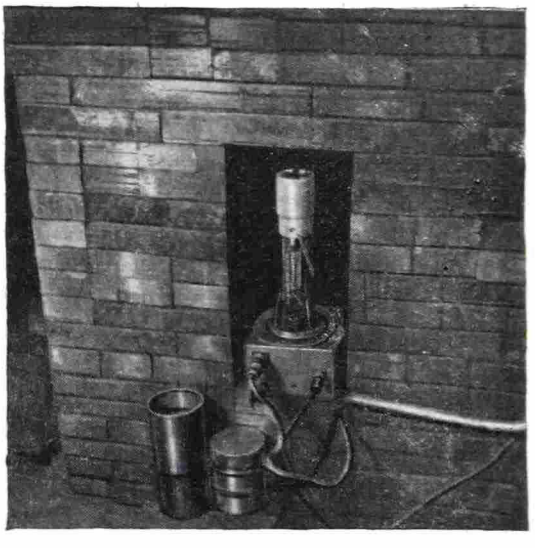


Рис. 3. Защита из стали и свинца и детектор со снятым кожухом

Все детали, непосредственно окружающие кювету с образцом, изготовлялись из материалов, содержащих наименьшее количество естественной радиоактивности (латунь). Изготовление кюветы для жидкого сцинтиллятора из пластмассы фторопласт-4 позволило дополнительно снизить фон по сравнению с фоном стеклянной кюветы. Это объясняется тем, что в состав обычного стекла входит радиоактивный изотоп калия K^{40}. Устранение K^{40} снизило фон в 2,5 раза.

Общий вид защиты с детектором, с которого снят верхний кожух, показан на рис. 3.

В результате регистрации фотоумножителем каждого акта распада появляются электрические импульсы. Эти импульсы усиливаются в

40 000 раз неперегружающимся усилителем, так что амплитуда наибольших импульсов, соответствующих C^{14}, составляет 70 *в*. Для того чтобы выделить эти импульсы среди импульсов большей амплитуды, соответствующих отсчетам фона, применяется дифференциальный дискриминатор. Он выделяет импульсы по амплитудам, соответствующим спектру C^{14}. При этом достигается значительное снижение фона и дальнейшее улучшение условий счета.

Отобранные дискриминатором импульсы попадают в регистратор. Питание всех узлов установки осуществляется от стабилизированных выпрямителей типа ВС—16, ВС—12 и ВС—13. Общий вид установки показан на рис. 4.

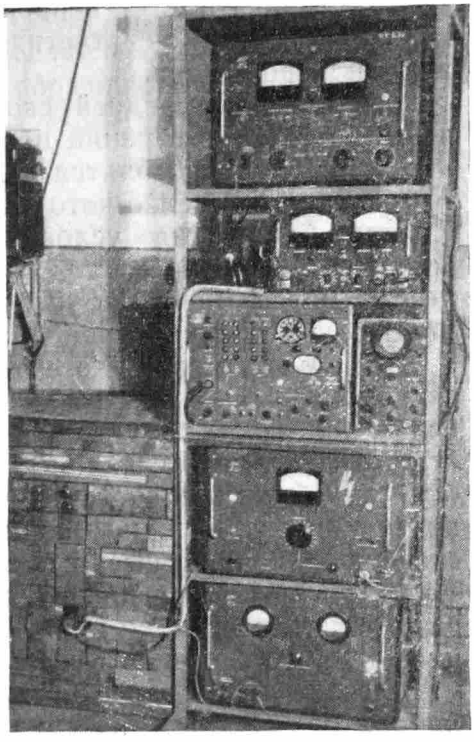


Рис. 4. Общий вид сцинтилляционной установки для измерений C^{14}

Все измерения производились при комнатной температуре 18—20° С. Условия измерения (напряжение на фотоумножителе и пороги амплитудной селекции импульсов) подбирались таким образом, чтобы обеспечить наилучшее соотношение скоростей счета образца и фона и получить максимальную стабильность в течение длительных измерений. Еще Арнольдом[7] было замечено, что при некоторых выбранных порогах дискриминации, есть такое напряжение на фотоумножителе, при котором скорость счета C^{14} достигает максимума, а скорость счета фона — минимума. В этой точке небольшие изменения коэффициента усиления меньше всего сказываются на изменении скорости счета, что позволяет достигать высокой стабильности счета при этих режимах. Наши результаты подтвердили существование такой точки, которая достигалась при напряжении на умножителе в 1000 *в*. Нижний и верхний пороги амплитудной селекции были выбраны так, что они соответствовали энергиям β-частиц приблизительно от 33 до 140 *кэв*. При этом достигалось наилучшее соотношение скоростей счета образца и фона.

В этилбензоле могут растворяться небольшие количества кислорода, входящего в состав воздуха. Присутствие кислорода вызывает тушение сцинтилляций и потому для удаления кислорода через сцинтиллятор перед каждым измерением продувался аргон. При этом яркость сцинтилляций увеличивалась в 1,5 раза. Кроме того, таким путем можно приравнять яркости сцинтилляций различных образцов и вести измерения в строго одинаковых условиях.

Характерной чертой радиоактивного распада, как одного из явлений микромира, является его статистический характер. В образце, содержащем какое-либо определенное число атомов радиоактивного вещества, за различные одинаковые отрезки времени будет распадаться разное число атомов. При достаточно продолжительных наблюдениях можно заметить, что это число колеблется в определенных пределах около некоторого среднего значения. Это среднее число распадов в единицу времени (за минуту, например) можно определить все более и более точно по мере роста числа сосчитанных актов распада. Радиоактивного угле-

[7] J. R. Arnold. Scintillations Counting of Natural Radiocarbon. I. The Counting Method, Science, т. 119, 1954, стр. 155.

рода C^{14} в обычном углероде содержится столь мало, что для получения нужной точности длительность измерений составляет от 24 до 48 часов. Несмотря на это, ошибка в датировке радиоуглеродным методом получается главным образом в результате статистической ошибки измерения. Эту существенную особенность датировочных измерений необходимо учитывать не только при обработке полученных результатов, но и при организации и проведении самих измерений.

При длительных измерениях необходимо иметь возможность точного контроля за состоянием всей установки. Такой контроль периодически осуществляется с помощью стандартного радиоактивного источника — кобальта-60, а также непрерывно, в процессе самих измерений, с помощью подробной статистической обработки поступающей и накапливаемой информации.

Определение средней скорости счета каждого образца состоит из двух или трех измерений по 18—20 часов. Для повышения надежности эти измерения проводятся как непрерывно, так и с интервалами в две-три недели, в течение которых измеряются другие образцы. Любые случайные «блуждания» условий измерения за эти недели вызвали бы расхождения в получаемых результатах и были бы замечены. Так сам процесс измерений используется для непрерывного контроля за стабильностью установки.

Во время измерений отсчеты числа набранных импульсов производятся каждые 10 минут. В соответствии с математической статистикой отсчеты должны быть распределены не совершенно беспорядочно, а в соответствии с так называемым нормальным законом распределения. Любые случайные или систематические отклонения в условиях счета за сутки приводят к искажению распределения. Для контроля «чистоты» статистики используется специальный график на вероятностной бумаге [8]. Если отсчеты распределены в соответствии с нормальным законом, то все точки лежат на прямой. Любые отклонения при измерениях приводят к искажению графика. Кроме того, удается отбросить те отсчеты, во время которых были зарегистрированы электрические помехи от соседних лабораторий или космические ливни.

Фон установки измеряется один раз в неделю. Не было замечено каких-либо систематических изменений.

Современный эталон был измерен несколько раз с высокой точностью. В качестве эталона взят образец древесины возрастом 80 лет. Такой выбор эталона дает возможность избежать ошибки вследствие изменения удельной активности радиоуглерода за последние 100 лет.

Для оценки погрешностей датировок используются методы математической статистики.

Из закона для скорости радиоактивного распада следует, что после истечения t лет в углероде образца останется n_t нераспавшихся атомов C^{14}, которое можно подсчитать по формуле:

$$n_t = n_{0 \cdot e}^{-\lambda t}$$

где n_0 — первоначальное число атомов C^{14}, а λ — постоянная распада C^{14}. С помощью приборов непосредственно определяется, конечно, не число атомов $C^{14} - n_t$, а скорость распада этого количества атомов. Между этими величинами существует строгая зависимость. Из этой формулы следует, что возраст в годах составляет:

$$t = \frac{T}{\ln 2} \ln \frac{n_0}{n_t} \quad \text{лет}$$

---

[8] А. Хальд. Математическая статистика с техническими приложениями. М.— Л., 1956.

То есть необходимо измерить скорость счета датируемого образца и скорость счета такого же количества современного образца. Каждое такое измерение в силу статистического характера радиоактивного распада проводится не абсолютно точно, а с погрешностью Δn. Относительная ошибка составляет $\Delta n/n$. Тогда, используя методы математической статистики, можно показать, что ошибка в определении возраста составит:

$$\pm \Delta t = \frac{T}{\ln 2} \sqrt{\delta^2_{\text{обр}} + \delta^2_{\text{совр}}} \text{ лет},$$

где $T = 5568$ лет — период полураспада C^{14}. Здесь $\delta_{\text{обр}}$ и $\delta_{\text{совр}}$ — относительные ошибки измерения скорости счета образца и современного эталона. Если, например, измерения скорости счёта образца соответствуют возрасту 4380 лет, а ошибка Δt составляет ± 70 лет, то действительный возраст образца будет заключен в интервале от 4310 до 4450 лет. К сожалению, приблизительно в трех случаях из десяти в этот интервал, по теории вероятности, действительный возраст не попадет. Но более широкий интервал в $\pm 2\Delta t$ уже в 95 случаях из 100 будет заключать в себе действительный возраст. Несмотря на то, что интервал в $\pm 2\Delta t$ более достоверен, обычно принято указывать ошибку $\pm \Delta t$, так как соответствующий перерасчет можно всегда произвести.

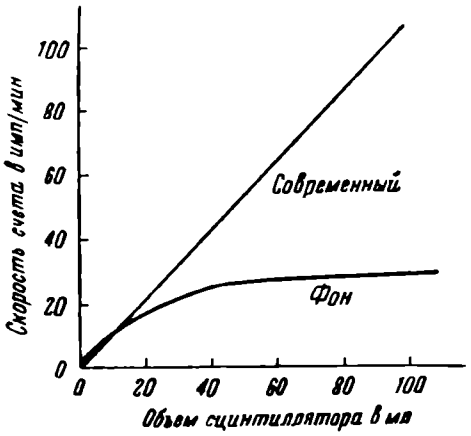


Рис. 5. Зависимость скоростей счета современного и фонового этилбензола от объема

Ограничения в точности радиоуглеродных датировок следует иметь в виду при выборе образцов, возраст которых желательно получить.

Статистическая точность датировок зависит от количества используемого этилбензола. Чем больше количество вводимого для измерения этилбензола, тем точнее результат.

Для объемов этилбензола от 10 до 75 *мл* была подробно изучена зависимость скоростей счета фона и современного образца от количества этилбензола (рис. 5). Обнаружилась нелинейность изменения скорости счета фона, связанная, вероятно, с тем, что основную долю в фоне составляет излучение калия K^{40} стекла баллона фотоумножителя. Фон за счет внешних излучений должен был бы изменяться почти линейно с объемом, что и наблюдается при больших объемах. При 40 *мл* фон составляет 25,3 *имп/мин,* современный — 42,9 *имп/мин,* а при 75 *мл* — фон и современный составляют 28,0 *имп/мин* и 77,9 *имп/мин* соответственно.

Как видно, скорость счета фона растет медленнее, чем скорость счета современного эталона, т. е. чем больше используется вещества, тем лучше условия счета.

Таким образом, точность радиоуглеродных датировок зависит от количества имеющегося материала и от времени, которое может быть затрачено для измерения данного образца. Следует отметить, что по мере сужения интервала $\pm \Delta t$ требующееся время измерения быстро увеличивается. Так, для удвоения точности, нужно затратить времени в четыре раза больше.

Однако для тщательно выбранных образцов, которые могут иметь значение в качестве опорных точек для хронологии данной исторической культуры или определенного района, можно получать датировки с весьма высокой точностью.

При использовании для определения возраста 200 *мл* этилбензола и 48-часовых измерениях, как показывают подсчеты, возможно производить датировки образцов возрастом до 50 000 лет. Для образцов, возрастом 5,5 тысяч лет, при тех же количествах этилбензола, ошибка датировки за счет статистического характера радиоактивного распада составит ±20 лет. Для получения 200 *мл* этилбензола требуется около 4 *кг* древесины или 800 *г* угля.

Результаты показывают, что по сравнению с пропорциональными счетчиками сцинтилляционный метод позволяет расширить границы датировок по C^{14}, повышает их точность и дает более широкие возможности для решения археологических вопросов.

Ниже приводятся результаты измерений образцов, проведенных с сентября 1959 г. по апрель 1960 г. Измерения проводились с количествами этилбензола от 18 до 70 *мл*. Ошибки в определении возраста вычислены из стандартных отклонений для скоростей счета фона, современного эталона и образца. К вычисленным датам прибавлялось везде 80 лет, соответствующих возрасту эталонного образца.

Авторы выражают глубокую благодарность члену-корреспонденту АН СССР профессору И. Е. Старик и доктору технических наук профессору С. И. Руденко за их постоянный интерес к данной работе и ценную поддержку.

Таблица

Возраст археологических и геологических образцов по радиоуглероду

№№ пп	Лабораторный номер	Образец	Возраст по C^{14} (лет)
1	РУЛ-120	Часть балки из перекрытия II Пазырыкского кургана (Горный Алтай); образец представлен С. И. Руденко	2350±140
2	РУЛ-132	Часть деревянного перекрытия Туэктинского кургана (Горный Алтай); образец представлен С. И. Руденко	2450±120
3	РУЛ-129	Часть ствола березы из грабительского лаза Туэктинского кургана (Горный Алтай); образец представлен С. И. Руденко	2450±120
4	РУЛ-130	Часть балки из перекрытия Катандинского кургана (Горный Алтай); образец представлен С. И. Руденко	2420±130
5	РУЛ-151	Древесина (часть ствола лиственницы) из V Пазырыкского кургана (Горный Алтай); образец представлен С. И. Руденко	2440±50
6	РУЛ-134	Часть ствола лиственницы из Бошадарского кургана (Горный Алтай); образец представлен С. И. Руденко	2500(?)
7	РУЛ-105	Уголь из жилища эпохи бронзы из Кобяковского городища (Ростовская область); представлен С. И. Капошиной	2850±110
8	РУЛ-136	Древесина из кургана Гиреева Могила (Ростовская область); представлена А. Н. Мелентьевым	3870±130
9	РУЛ 161	Древесина из нижних слоев голоценовых отложений близ г. Звенигород (Московская область); представлена В. А. Сукачевым	15080±270
10	РУЛ-114	Древесина из межледниковых отложений (Ярославская область); представлена В. А. Сукачевым	17200±2500
11	РУЛ-168	Древесина из нижних слоев голоценовых отложений близ с. Гремячево (Калужская область); представлена В.А. Сукачевым	12900±200
12	РУЛ-185	Древесина из межледниковых отложений близ с. Шурскол (Ярославская область); представлена В. А. Сукачевым	>45000

Таблица (продолжение)

№№ пп	Лабораторный номер	Образец	Возраст по C^{14} (лет)
13	РУЛ-145	Древесина из разреза II надпойменной террасы р. Белой у пос. Горнова (Уфимский район, Башкирия), верхний плейстоцен; представлена В. Якимовичем	21280±550
14	РУЛ-179	Древний плавник с десятиметровой морской террасы (земли Александры (архипелаг), Земля Франца-Иосифа); представлен В. Д. Дибнером	4250±90
15	РУЛ-108	Обугленное дерево с Кобыльего городища (Центр Европейской части СССР); образец представлен П. А. Раппопортом	660±120
16	РУЛ-172	Фрагменты деревянного изображения человека из Сергеевского погребения (Приморский край); образец представлен Приморским Краеведческим музеем	780±65
17	РУЛ-157	Обугленные злаки из нижнего слоя поселения Квацхела эпохи энеолита (Урбниси, Грузия); образец представлен Гос. Музеем Грузии	4760±90
18	РУЛ-163	Уголь из поселения Кюльтапа (Нахичев. АССР); представлен О. А. Абибулаевым	4880±90
19	РУЛ-159	Уголь из поселения Тилькин-Тепе (Туркменская ССР); представлен В. М. Массоном	6590±110
20	РУЛ-141	Береста из Воробьевского захоронения (Прибайкалье); представлена А. П. Окладниковым	2840±95
21	РУЛ-165	Уголь из раскопок (Падь Семипятная, Дальний Восток); представлен А. П. Окладниковым	3010±80
22	РУЛ-177	Уголь из жилища эпохи бронзы (горелые деревянные конструкции жилища). Кировское (Дальний Восток); представлен А. П. Окладниковым	4150±60
23	РУЛ-193	Уголь из жилища конца неолита — ранней бронзы. Бухта Пхусун (Дальний Восток); представлен А. П. Окладниковым	4250±60
24	РУЛ-138	Остатки морского слона с сорокаметровой морской террасы (Антарктида); образец представлен Е. С. Короткевичем	1800±130
25	РУЛ-127	Уголь из поселения эпохи бронзы. Дальверзин (Средняя Азия); представлен Ю. А. Заднепровским	2720±120
26	РУЛ-182	Уголь из культурного слоя городища II Шурабашат (Киргизская ССР); представлен Ю. А. Заднепровским	2670±80

С. А. ТОКАРЕВ

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ЖЕНСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА

Скульптурные изображения женщин эпохи верхнего палеолита недаром привлекают к себе внимание многих исследователей. Они найдены во многих странах, от Франции до Восточной Сибири, и в очень большом количестве, свыше сотни, считая только вполне достоверные находки [1]. Следовательно, перед нами не случайное и единичное, а какое-то типичное и массовое явление. Отличаясь друг от друга по размерам, стилю, частью и по материалу (преимущественно слоновая кость, реже — камень), эти многочисленные пластические фигурки имеют между собой все же немало общего: это всегда обнаженная женская фигура, обычно с массивными формами и резко выраженными половыми признаками, но с редуцированными ногами и руками. Эти статуэтки, относимые к эпохе ориньяка, могут считаться древнейшими в человеческой истории памятниками изобразительного искусства, и уже одно это оправдывает интерес к ним. Но большинство исследователей считает их в равной мере также и памятниками, имеющими отношение к религиозным верованиям и обрядам, и это требует еще более внимательного изучения данного предмета.

Высказывались разные мнения о происхождении и назначении ориньякских женских статуэток. Одни авторы видят в них произведения «эротического» искусства; так смотрит на дело, например, Карел Апсалон [2]. Но такой взгляд — грубая модернизация: палеолитический художник, для которого обнаженное человеческое тело было повседневным бытовым явлением (если и существовала тогда одежда, ее надевали, конечно, лишь в холодное время года), не мог на него смотреть глазами европейца XX в. Другие усматривают здесь следы «культа плодородия», о чем будто бы говорят тучные, упитанные тела изображенных женщин с подчеркнутыми признаками материнства [3]. Но такой взгляд разделяется далеко не всеми исследователями [4].

С. Н. Замятнин высказал предположение, что женские фигурки ориньякской эпохи изображают исполнительниц охотничьих магических обрядов [5]. Такое предположение чисто теоретически можно было бы допустить, но оно не подкреплено никакими этнографическими аналогиями и по существу опирается только на один единичный факт — изображения

---

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 384—385.

[2] K. Apsalon. The Diluvial Anthropomorphic Statuettes and Drawings Especially the So-Called Venus Statuettes, Discovered in Moravia, A Comparative Study. Artibus Asiae, Institute of Fine Arts, New-York University, т. XII, 3, 1949, стр. 204—208 и др.

[3] См. Г. Обермайер. Доисторический человек. СПб., 1913, стр. 260.

[4] См. П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 397—398.

[5] С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарина. Палеолит СССР. Материалы по истории дородового общества. ИГАИМК, вып. 118, 1935, стр. 73—77; его же. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита. Сб. «Проблемы истории первобытного общества». Тр. Института этнографии АН СССР, новая серия, т. 54, М.—Л., 1960, стр. 107—108.

из Лосселя, где женщины как бы поднимают кверху ритуальным жестом сосуд; в других изображениях, совершенно статических, нет и намека на исполнение какого-либо обряда. Точку зрения С. Н. Замятнина разделили также А. С. Гущин и А. Ф. Анисимов [6].

Наибольшей известностью у советских исследователей пользуется мнение П. П. Ефименко — лучшего знатока палеолита. Он связывает происхождение верхнепалеолитических женских изображений с зарождением материнского рода, когда женщина в условиях появляющейся оседлости должна была стать «центральной фигурой» родовой хозяйственной общины [7]. С этим можно вполне согласиться. Но кого же именно изображают дошедшие до нас многочисленные женские фигурки? По мнению П. П. Ефименко, это — «женщины-прародительницы», «родоначальницы», а в то же время — «хранительницы домашнего очага» и исполнительницы охотничьих магических обрядов [8].

Взгляд П. П. Ефименко, разделяемый и другими советскими археологами [9], заслуживает серьезного внимания. Его основное положение — связь женских изображений верхнего палеолита с зарождающейся материнско-родовой организацией — несомненно верно. Но нетрудно видеть, что, конкретизируя свое объяснение, П. П. Ефименко одновременно апеллирует к довольно разным вещам. В них надо тщательно разобраться.

Единственно надежный способ правильно истолковать памятники палеолитического искусства — это привлечь этнографические параллели. Посмотрим, что они нам говорят.

Известно ли у каких-либо современных отсталых (или более развитых) народов почитание «прародительниц», культ женских предков? В старой этнографической литературе можно встретить подчас обстоятельные рассуждения о подобной форме верований [10]. Но на поверку оказывается, что засвидетельствованных фактов почитания женских предков чрезвычайно мало. Едва ли не единственный надежный факт — культ «родоначальниц» на островах Пелау в Западной Микронезии; но пример этот не типичен, ибо микронезийцы, сохраняя некоторые архаические черты в общественном строе, стоят в целом на очень высокой ступени исторического развития, с делением общества на классы и пр. У других народов Океании, в частности в Меланезии, культ женских предков не отмечен, несмотря на то, что там материнско-родовой строй еще прочно держится.

Казалось бы, культ женских предков скорее всего можно найти у таких племен с классическим материнско-родовым строем, как индейцы Северной Америки, особенно ирокезы и южные алгонкины. Но на самом деле этого нет: у племен Северной Америки вообще неизвестен культ предков; исключение составляют племена пуэбло с их более развитым общественным строем [11].

У народов Африки культ предков, соответствующий развитому патриархально-родовому строю, очень резко выражен. Но почитание женских предков народам Африки неизвестно [12].

---

[6] А. С. Гущин. Происхождение искусства. Л.—М., 1937, стр. 107—108; А. Ф. Анисимов. Религия эвенков. М.—Л., 1958, стр. 46—49.

[7] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 402—403.

[8] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 403—404.

[9] В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. I. Л., 1939, стр. 210; А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 39; Всемирная история, т. I, ч. I. Возникновение человеческого общества. М., 1955, стр. 70—71.

[10] Н. Харузин. Этнография, вып. IV. СПб., 1905; стр. 289, 299—300.

[11] R. Lowie. Primitive Religion. New York, 1924, стр. 23, 175; I. O. Dorsey. A study of Siouan cults (11-th Ann. Rep., Bur of Ethnol, 1889—90). Washington, 1894, стр. 371; Fr. Krause. Die Pueblo-Indianer, Halle, 1907, стр. 66—67 и др.

[12] C. Meinhof. Religionen der schriftlosen Völker Afrikas, Tüb., 1913, гл. 5.

Вообще этнографический материал свидетельствует с полной ясностью, что родовой и семейно-родовой культ предков представляет собой сравнительно позднюю форму религии, свойственную лишь патриархально-родовому строю, а так называемый «культ женских предков» (или «культ женщин-родоначальниц») вообще почти нигде не засвидетельствован.

Таким образом, едва ли есть какие-нибудь основания полагать, что в эпоху палеолита умершие женщины-родоначальницы были предметом религиозного почитания и что именно их изображают дошедшие до нас статуэтки. Подобный религиозно-мифологический образ, по всей вероятности, никогда не существовал [13].

Другое дело — образ «женщины-хранительницы домашнего очага», о котором, хотя и вскользь, упоминает П. П. Ефименко. Именно хранительница домашнего очага! Или, точнее, женское олицетворение очага, «хозяйка очага» — вот кого, вероятно, изображали статуэтки.

На какую-то связь женских фигурок с очагом указывает прежде всего уже один факт частого нахождения их именно вблизи очага; этот факт отмечал сам П. П. Ефименко [14]; позднейшие находки тоже подтверждают подобную связь [15]. А самое главное — в пользу сделанного предположения говорят убедительные этнографические параллели.

Попробую доказать это. У очень многих современных народов, сохранивших пережитки родового быта, отмечены два характерных явления: 1) религиозное почитание родового и семейного очага как средоточия и материального воплощения жизни рода и семьи и 2) олицетворение очага в образе «хозяина» или, чаще, «хозяйки очага». То и другое отмечается, однако, не у всех народов данной ступени развития, а преимущественно у живущих в условиях умеренного и холодного климата — там, где вообще огонь горит в жилище; у народов же, живущих в жарком поясе, где внутри жилья, как правило, огнища не бывает и огонь разводится на открытом воздухе и не служит символом единства семьи или рода, он не олицетворяется и не почитается.

Наиболее яркие примеры родового и семейного почитания очага находим мы у народов Северной Азии. И, что самое для нас интересное, хотя народы эти уже давно перешли от материнско-родового к отцовско-родовому строю и следы первого сохранились у них по большей части лишь в слабых пережитках, семейно-родовой огонь в религиозных представлениях большинства народов Сибири олицетворялся в женском образе — как «хозяйка очага». При этом, по крайней мере у некоторых народов, делались и изображения этого существа.

Приведем имеющиеся сообщения. По верованиям гиляков, в каждом очаге находится «старуха огня»; по другим представлениям — «старик со старухой». Это покровители рода. «Во всех важных случаях жизни,— пишет Л. Я. Штернберг,— в случае болезни, на охоте, перед отправлением в опасный путь и т. д., сородич бросает в огонь свои скромные жертвы — листик табаку, сладкий корень, каплю араку и просит старуху огня исполнить его просьбу» [16]. Л. Я. Штернберг называет этих мифоло-

---

[13] Д. Е. Хайтун, соглашаясь в известной мере с точкой зрения П. П. Ефименко, дает, однако, свое толкование ориньякских изображений женщин: по его мнению, это образы не просто предков, а «тотемических предков». (См. Д. Е. Хайтун. К вопросу об интерпретации женских изображений ориньякской эпохи. Уч. зап. Тадж. Гос. университета, т. VII, 1955, стр. 137, 140). Однако такое предположение нельзя подтвердить ни одной этнографической параллелью: у нас нет буквально ни одного примера того, чтобы у какого-нибудь народа «тотемические предки» изображались в виде женщин.

[14] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 404.

[15] М. М. Герасимов. Палеолитическая стоянка Мальта. СЭ, 1958, № 3, стр. 37, 40, 51.

[16] Л. Я. Штернберг. Гиляки. Из сообщений в Географическом обществе в 1900—1901 гг. Этнографическое обозрение, кн. 63, 1904, № 4, стр. 73.

гических «старика и старуху» огня — «родоначальниками рода» [17] — но ни из чего не видно, что дело идет тут действительно о почитании умерших родоначальников-предков; перед нами просто родовой культ огня-очага и его олицетворение.

У нанайцев (гольдов) дух огня называется «фадзя-мама» — «мать огня». «Этого духа огненной стихии,— говорит Л. Н. Липский,— гольды представляют в образе дряхлой, сгорбленной старухи в красном халате» [18]. Ей — или самому очагу — постоянно приносят жертвы. «Обыкновенно старший в семье перед тем, как приняться за еду, отделяет от каждого кушанья крошечные порции и кидает в огонь. Льют в огонь и напитки, особенно водку» [19].

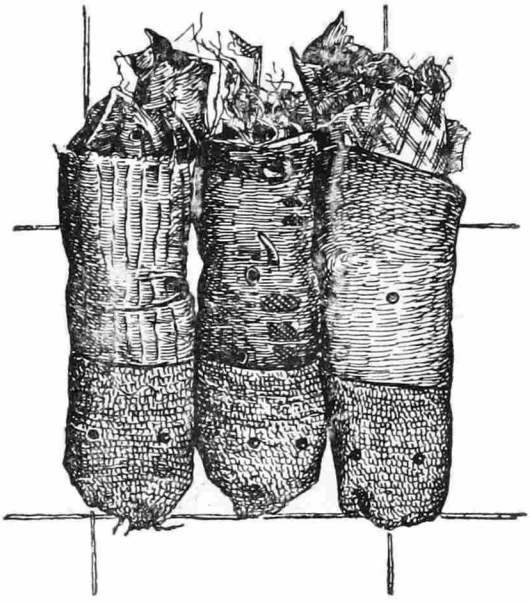


Рис. 1. «Эмэгэндэр» («бабушки») — женские семейные покровители у алтайцев и телеутов (по Н. П. Дыренковой)

У эвенков средоточием родового и семейного культа был домашний очаг, олицетворенный в женском образе — «энэкэ» («бабушка»). Культ очага находился в руках женщин, хотя у эвенков давно уже сложились патриархально-родовые отношения. «Хозяйка чума,— сообщает А. Ф. Анисимов,— прежде чем кормить семью, кормила духа чумового огня, бросая в огонь наиболее лакомые кусочки и приговаривая: „На, ешь, сыта будь, зверя дай, чтобы сыто было!“» [20]. Встречая оленье стадо, хозяйка обращалась к той же «бабушке» с просьбой: «Стереги лучше, сделай так, чтобы стадо больше стало» [21]. При перекочевке хозяйка сама переносила золу от старого очага на новое место и почтительно приглашала «бабушку» поселиться в новом жилье [22].

Несколько иначе описывает верования енисейских эвенков К. М. Рычков: у них, по его сведениям, было представление о «духе огня» (тогомухунин), женатом на хозяйке очага [23].

У тавгийцев (нганасанов) и энцев огонь очага тоже олицетворялся в женском образе — это «мать огня» [24].

В верованиях обских угров — по крайней мере манси-вогулов — огонь рисуется как женское существо («семиязыкая мать моя огонь»). Из уважения к ней мужчины не могут раздеваться донага перед огнем [25].

Женское олицетворение и религиозное почитание очага засвидетельствовано и в верованиях юкагиров. В. Иохельсон сообщает: «Хозяин огня, лочин-погиль, или человек огня, лочин-шоромо, есть хранитель семейного очага, живущий в очаге и переселяющийся вместе с семьей. Он заставляет топливо гореть и в это время находится в пламени. Без

---

[17] Л. Я. Штернберг. Ук. соч., стр. 72.
[18] Л. Н. Липский. Элементы религиозно-психологических представлений гольдов. Чита, 1923, стр. 233.
[19] Там же.
[20] А. Ф. Анисимов. Ук. соч., стр. 94.
[21] Там же, стр. 95.
[22] Там же, стр. 94—95.
[23] К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. «Землеведение», кн. 1—2. М., 1922, стр. 82.
[24] Устное сообщение Б. О. Долгих.
[25] В. Чернецов. Вогульские сказки. Л., 1935, стр. 140.

него топливо не будет гореть. Его внешний вид — очень маленькая и голая девочка-ребенок, ибо к этому Хозяину обращаются со словами лочид-емеи, т. е. огненная мать. На голове у него нет волос... Потрескиванием хозяин огня предостерегает обитателей дома не кочевать, если им грозит неудача или голод...» [26].

Даже у алтайцев, достигших более высокого уровня общественного развития, чем малые народы Севера, сохранилось женское олицетворение очага: это «от-энэ» («огонь-мать»). К этой «огню-матери» обращались с молитвами, приносили ей жертвы. Огонь считался хранителем жизни рода, и передавать свой родовой огонь чужеродцу строго запрещалось; в то же время очаг каждой юрты считался семейной святыней, и в некоторых случаях нельзя было дать огня даже сородичу [27].

Рис. 2. Деревянное изображение женского духа — хранительницы очага «Алалт» у кетов (по В. И. Анучину)

У тех же алтайцев и у близко родственных им телеутов описан очень интересный, чисто женский культ, объектом которого служили тряпичные куклы, называвшиеся «эмэгэндэр», т. е, «бабушки» (рис. 1). Они считались покровительницами семьи и передавались по наследству по женской линии. Выходя замуж, девушка брала с собой в свою новую семью своих «эмэгэндэров». Два раза в год, весной и осенью, устраивался обряд их кормления [28]. Подробно описавшая этот культ эмэгэндэров Н. П. Дыренкова истолковывает его как культ женских предков [29], но такое толкование не вытекает из сообщенных самой Дыренковой фактов. Она называет эмэгэндэров «хранительницами родового огня»; но связь их с почитанием или олицетворением огня-очага остается тоже неясной.

Зато такая связь женских священных изображений с домашним очагом отчетливо видна в семейном культе кетов. По описанию В. И. Анучина, в каждой кетской семье хранилось и наследственно передавалось человеческое изображение, которое называлось «Алалт» и рассматривалось как женский дух и хранитель домашнего очага (рис. 2). Считалось, что Алалт помогает по хозяйству, дома и на промысле; за это ей давали маленькую жертву из охотничьей добычи. Представление об Алалт, семейной покровительнице, никак не было связано с культом предков, которого кеты совершенно не знали: умершие рассматривались как враждебные человеку силы [30].

Такие же человекообразные изображения, связанные с домашним очагом и служащие семейной святыней, имеются до сих пор у чукчей и коряков. Это «гыр-гыр» (чукчи), или «гыз-гыз» (коряки), деревянное

---

[26] W. Jochelson. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. Jesup North Pacific Expedition, т. IX, Leiden — New York, стр. 150—151.

[27] Н. П. Дыренкова. Культ огня у алтайцев и телеут. Сб. МАЭ, т. VI, Л., 1927, стр. 63—64, 66—71.

[28] Н. П. Дыренкова. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков. Памяти В. Г. Богораза, сборник, Л., 1937; см. также Л. Э. Каруновская. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. Сб. МАЭ, т. VI, стр. 22—23.

[29] Н. П. Дыренкова. Пережитки идеологии..., стр. 139.

[30] В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. Сб. МАЭ, т. II, вып. 2, СПб., 1914, стр. 13, 84—86.

огниво, вырезанное в форме грубой человеческой фигуры (рис. 3). Гыр-гыр считается покровителем семьи, и ни одна семья не расстанется добровольно с этой святыней: она передается из поколения в поколение; но даже старое, совершенно обветшавшее огниво не выбрасывается, а торжественно сжигается. Гыр-гыр употребляется при семейных праздниках и обрядах, а также и просто для добывания огня. Но и сам по себе семейный огонь считается чем-то священным: его никоим образом нельзя смешивать (например, через посуду) с огнем другой семьи. Сам огонь, видимо, не олицетворялся в верованиях чукчей и коряков; огниво изображалось в человеческом образе, но без ясных признаков пола [31].

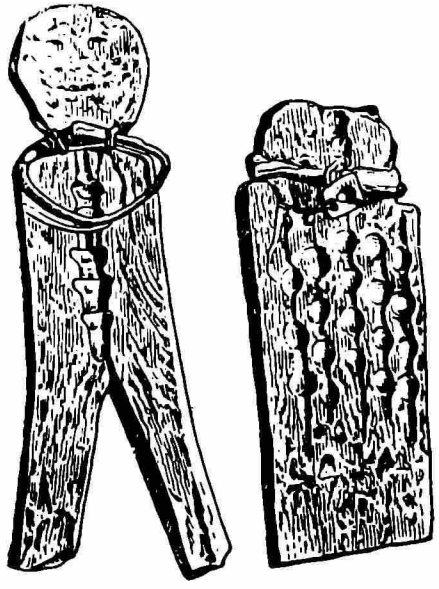


Рис. 3. Священные деревянные огнива у чукчей (по В. Г. Богоразу)

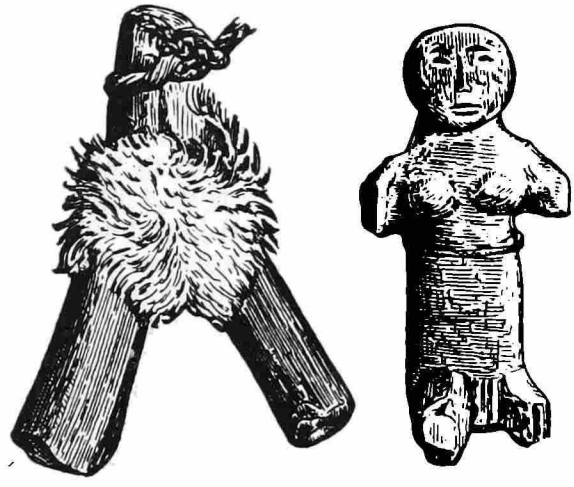


Рис. 4. «Деревянные женщины» — изображения семейных «охранителей» у чукчей (по В. Г. Богоразу)

Зато у чукчей и коряков есть в числе семейных «охранителей» (священных предметов-фетишей) изображения женщины, которые так и называются «деревянная женщина» (утты-нев), или «госпожа» (нев-эрмечын), с ясно обозначенными признаками пола (рис. 4). Такая «деревянная женщина» вместе с другими «охранителями» считается покровительницей семейного благополучия, оленьих стад и пр. [32].

Очень устойчива у чукчей и коряков традиция, по которой весь семейный культ, все семейные обряды находятся в руках женщин. Старшая женщина в семье называется «главно-огнивная» (эун-милыглын). Если в семье не остается женщин, все семейные обряды, праздники прекращаются [33].

Об азиатских эскимосах имеются очень скудные сведения; но и у них олицетворение и почитание домашнего очага существовало. По сообщению И. К. Воблова, во время праздника по случаю начала промысла глава семьи приносит жертву «духу-хранителю огня», бросая в огонь кусочки мяса [34]. С другой стороны, у (американских) эскимосов существовали вырезанные из кости женские фигурки, по виду зачастую сход-

---

[31] В. Г. Богораз. Чукчи, II, Религия. Л., 1939, стр. 54—56.
[32] Там же, стр. 58—59.
[33] Там же, стр. 63.
[34] И. К. Воблов. Эскимосские праздники. Сибирский этнографический сборник. Тр. ИЭ АН СССР, т. XVIII, М.—Л., 1952, стр. 322.

1

2

Рис. 5. Эскимосские женские статуэтки (по С. В. Иванову)

ные с палеолитическими статуэтками (рис. 5). Назначение их неясно [35].

Из народов Сибири только те, у которых распад родовых отношений зашел наиболее далеко,— якуты и буряты,— не обнаруживают следов женского олицетворения огня-очага в своих верованиях. У них огонь — домашний очаг олицетворялся в мужском образе, как «хозяин огня» (уот-иччитэ — у якутов, гали-эжин — у бурят) [36].

За пределами Сибири о женских олицетворениях (и вообще олицетворениях) домашнего очага известно мало. У айнов о. Хоккайдо (в прошлом — также и южного Сахалина) есть представление о «хозяйке огня». По сообщению Л. Я. Штернберга, в честь ее на очаге водружается священное «инау»— жертвенная заструженная палочка [37]. Исследователь айнов Джон Батчелор называет это существо «богиней огня»; ей приносят небольшие жертвы и обращаются к ней с молитвой: «О священная богиня огня, будь милостива к нам, позаботься об этом доме. Вот я предлагаю тебе немного саке и инау» [38].

В Северной Америке у индейцев-квакиутлей есть представление о «Сидящем-на-огне», мужском олицетворении огня, и о его жене, олицетворении жара (горящих углей); «дрова не могут гореть, если нет „Сидящего-на-огне" и его жены». Квакиутли бросают в огонь небольшие жертвы — куски рыбы, обмакнутые в жир, и просят его оказать покровительство, помочь в хозяйстве [39].

В Африке единственный, кажется, описанный пример почитания священного огня относится к гереро (скотоводческий народ в южной, умеренной зоне Африки). Но там почитали не родовой и не семейный, а общинный (деревенский) священный огонь, горевший в хижине вождя.

У народов высокогорных областей Кавказа, сохранивших пережитки дохристианских и домусульманских верований (в связи с сохранением родовых пережитков),— у осетин, ингушей, сванов, хевсуров — домашний очаг и все с ним связанное (особенно надочажная цепь) считалось семейной святыней. Это проявлялось в целом ряде суеверных обычев и запретов. Однако ничего не известно об олицетворении этих святынь.

В истории известны случаи, когда женское олицетворение домашнего очага сохраняется вплоть до очень поздних ступеней общественного развития. Так, в античном мире греки чтили богиню Гестию —

---

[35] С. В. Иванов. О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов. Сб. МАЭ, т. XI, М.— Л., 1949, стр. 162—170. Сам С. В. Иванов дает этим фигуркам иное истолкование.

[36] В. Серошевский. Якуты. СПб., 1896, стр. 665; Н. Агапитов и М. Хангалов. Материалы для изучения шаманства в Сибири: шаманство у бурят Иркутск. губ. ИВСОРГО, т. 14, № 1—2, 1883, стр. 4—6.

[37] Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 53—54.

[38] J. Batchelor. The Ainu and their Folk-lore. London, 1901, стр. 99, 100.

[39] Fr. Boas. Ethnology of the Kwakiutl. 35-th Ann. Rep. BAE, 1913—1914, ч. 2, Washington, 1921, стр. 1331—1333.

покровительницу домашнего очага и семьи (само слово ἑστία означало первоначально просто очаг). У римлян такая же богиня называлась Вестой. И хотя у обоих народов существовал и общегосударственный (либо городской) культ богини очага Гестии-Весты, однако бесспорно, что первоначально это был чисто домашний, семейно-родовой культ.

* * *

Все приведенные факты свидетельствуют о необычайной устойчивости, по крайней мере при каких-то определенных исторических условиях, мифологического образа женщины-покровительницы домашнего очага, «хозяйки очага», «матери огня». Едва ли можно сомневаться в том, что корни этого образа восходят к материнско-родовому строю. Теоретически вполне правдоподобно, что зарождение образа женщины — «хозяйки очага» относится к эпохе раннеродового строя, т. е. к эпохе верхнего палеолита. Поэтому есть все основания считать ориньякские женские статуэтки изображениями именно «хозяйки очага».

Конечно, можно возразить на это, что аналогии для истолкования ориньякских статуэток взяты со слишком дальнего исторического расстояния; допустимо ли ставить в прямую генетическую связь мифологические образы эпохи верхнего палеолита с богами и духами античной Греции и Рима или современных народов Сибири? Не слишком ли велика между ними историческая дистанция? С другой стороны, высказанный выше взгляд наталкивается и на ту трудность, что в верованиях как раз наиболее отсталых современных народов — австралийцев, папуасов, огнеземельцев, бушменов, ведда и др.— мифологический образ «хозяйки очага» не засвидетельствован, да нет и почитания домашнего очага. Однако этот факт не должен нас смущать. Как уже говорилось, религиозное почитание домашнего очага (и его олицетворение) известно только тем народам, у которых этот домашний очаг существует, т. е. у которых огонь зажигается в доме; у народов же тропических стран, где жилища не отапливаются, а пища приготовляется на открытом воздухе (все наиболее отсталые современные народы живут как раз в этой зоне) домашний очаг не олицетворяется и не почитается просто потому, что его нет.

Со стороны же археологического материала этот пробел отчасти заполняется: известно немало находок неолитических и энеолитических статуэток и других изображений женщин, по стилю, однако, заметно отличающихся от изображений эпохи палеолита в сторону схематизации. На некоторых неолитических глиняных сосудах встречается условное изображение лица или части женской фигуры. Известны и грубо сделанные каменные или глиняные скульптуры, в которых лишь угадываются женские статуэтки. Сходные по стилю изображения найдены также на стенах погребальных гротов, благодаря чему этот женский образ толкуется некоторыми как страж могилы [40]. Возможно, однако, что некоторые из упомянутых женских изображений связаны с тем же древним мифологическим образом родовой покровительницы, хозяйки очага.

Еще более вероятно, даже почти достоверно, такое предположение в отношении известных женских статуэток трипольской культуры: сами условия их нахождения говорят о связи этих статуэток с огнищем. Есть, впрочем, и мужские изображения. В одном случае «женский идол» найден прямо сидящим около печи, внутри модели трипольского жилища [41]. В свете приведенных выше параллелей едва ли можно сомневать-

[40] J. Déchelette. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, т. I, Paris, 1920, стр. 449, 457, 458.

[41] Т. С. Пассек. Периодизация Трипольских поселений (III—II тысячелетия до н. э.). МИА, № 10, 1949, стр. 92—98.

ся, что и в трипольских женских фигурках мы должны видеть ту же хозяйку очага, покровительницу материнского рода или семьи.

Таким образом, и археологический, и еще более — этнографический материал показывает, что в определенных материальных условиях мифологический образ — женское олицетворение домашнего очага — действительно обнаруживает огромную историческую устойчивость. Это и понятно. Раз сохраняется материальная и социальная база какого-то определенного верования, может сохраняться и само верование. Такой базой интересующего нас верования была материнско-родовая организация, зарождение которой восходит к эпохе верхнего палеолита, а последние остатки и пережитки ее сохраняются очень долго: они заметны и у народов античного мира, и у современных народов Севера. Неудивительно, что столько же времени просуществовал и порожденный материнско-родовым укладом религиозно-мифологический образ «хозяйки очага», а равно и порожденная тем же укладом первенствующая роль женщин в семейных, домашних обрядах. Может показаться удивительным, что и этот образ, и эта роль женщин в обрядах удерживаются так надолго после смены материнско-родовой организации отцовско-родовой; однако это — несомненный факт, который невозможно оспаривать.

Образы же почитаемых предков-прародителей исторически возникают гораздо позже. Нет никаких оснований предполагать их существование в эпоху палеолита, будь то хотя бы «женские предки», которые вообще едва ли когда-либо почитались

А. А. БОБРИНСКИЙ

К ИЗУЧЕНИЮ ГОНЧАРНОГО КРУГА НА ТЕРРИТОРИИ СССР

В керамических коллекциях из городища Сувар, хранящихся в ГИМ (раскопки А. П. Смирнова, 1934—1935 гг.), есть обломки предметов, которые имеют необычную для бытовой керамики форму. Судя по одному целому предмету, найденному в Ялуторовском округе Тобольской губернии[1], они напоминают небольшие круглые столики (рис. 1, *1*). Верхняя плоскость этих столиков обычно ровная или чуть вогнутая, нижняя утолщается к центру, где находится цилиндрическая ножка, немного расширяющаяся в виде раструба. В торце ножки — конусовидное отверстие. В коллекциях из Сувара оказались обломки примерно 17 столиков.

По особенностям конструкции ножек они могут быть разделены на две большие группы (рис. 1, *3*): с глубоким конусовидным отверстием в ножке (6—8 *см*) и с мелким конусовидным отверстием (1,5—2,5 *см*). Первых — 14 экземпляров, вторых — три. Все ножки, за исключением одной, имеют овальный край торца, одна — плоский, немного наклоненный во внутрь (рис. 1, *3б*).

Диаметры дисков столиков колеблются от 25 до 35 *см*. По краям дисков имеются широкие наклонные рубцы, а на нижней стороне — невысокий волнообразный бортик. Толщина дисков у края — 1,3—2 *см*, к центру она увеличивается до 3—3,5 *см*. Высота ножек равна обычно половине диаметра диска столика. Например, ялуторовский столик с диаметром диска 28 *см* имеет ножку высотой 14 *см*.

Все предметы сформованы с помощью гончарного круга из пластичной глины, в которую введены растительные примеси, во́лос, а в некоторых случаях и шамот. В изломе многие обломки имеют трехцветную структуру: средний слой — более темный (обычно черный или серо-черный), краевые прослойки — светлые (серо-желтого, грязно-желтого, иногда розоватого цвета). Толщина краевых прослоек — 1—3, иногда 5 *мм*. Некоторые диски имеют краевую прослойку только с одной стороны. Судя по однотонности окраски поверхностей и излома и отсутствию каких-либо четких признаков использования предметов после обжига, некоторые диски как и ножки, лопнули во время обжига. Однако есть обломки с таким же однотонным цветом поверхностей и излома, но имеющие следы, возникшие в процессе использования их после обжига.

По-видимому, вторичное попадание их в огонь связано с пожаром.

Присутствие обломков с признаками керамического брака и со следами вторичного пламени позволяет предположить, что раскопками

---

[1] Обстоятельства находки столика неизвестны. В Гос. Исторический музей он поступил в 1908 г. от Московского археологического об-ва, куда в свою очередь был передан Западно-Сибирским отд. Русского географического об-ва. Номер его по книге поступлений ГИМ — 44846, оп. 656.

Пользуясь случаем, выражаю признательность научной сотруднице археологического отдела музея Н. Г. Недошивиной, любезно сообщившей мне эти сведения.

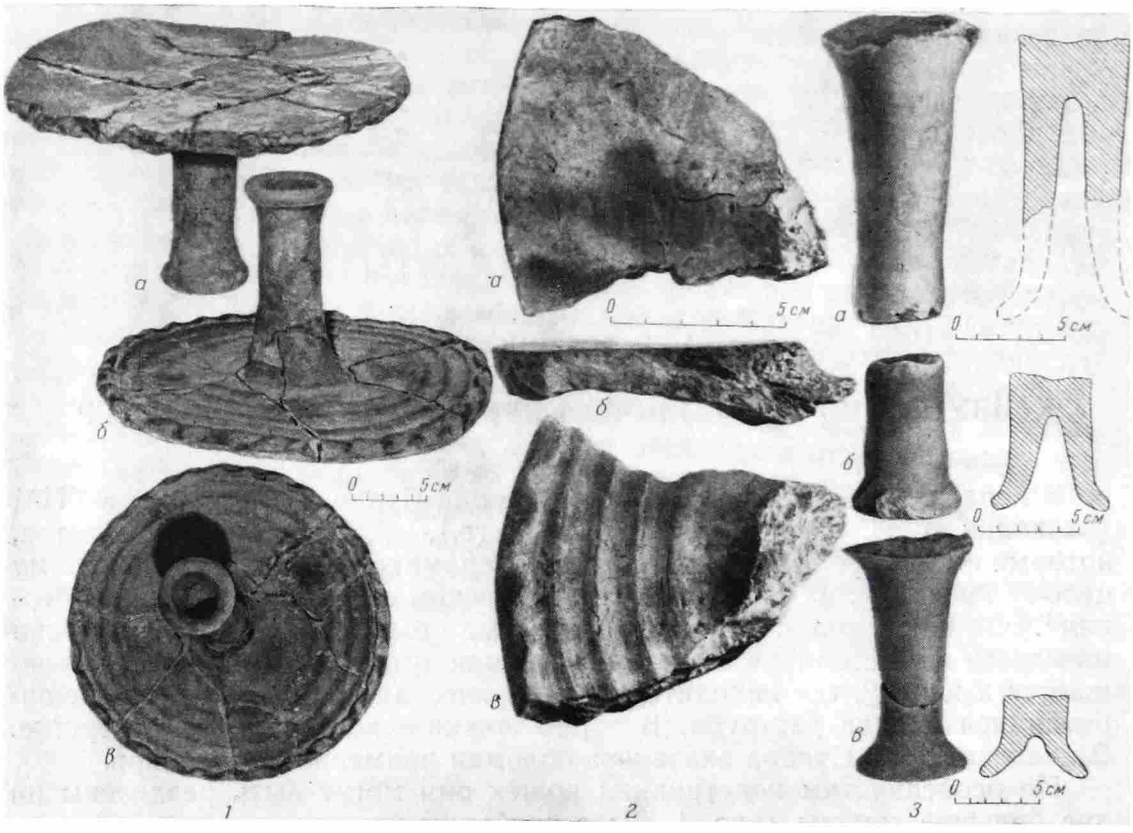


Рис. 1. Целый образец и обломки от глиняных столиков

1, а, б, в — столик из Западной Сибири; *2,а,б, в* — обломок диска из Сувара; *3,а,б, в* — обломки ножек (Сувар)

1934—1935 гг. вскрыты наряду с другими и жилища гончаров, погибшие в результате пожара.

Обломки глиняных столиков, аналогичных или сходных с только что описанными, встречены при раскопках многих памятников на территории Волжской Булгарии [2]. Датируются они обычно X—XII вв. [3].

В литературе было высказано несколько разноречивых предположений о их назначении. В 1876 г., впервые сообщая об их находках, А. Ф. Лихачев истолковал обломки ножек как фаллические религиозные символы древних булгар [4].

Позднее высказывались мнения, что эти находки представляют собой обломки архитектурных украшений (М. М. Хомяков), горизонтальных ручек от древнебулгарских сосудов (В. Ф. Смолин) и, наконец, вертикальных ручек от крышек древнебулгарских сосудов (Ю. Иванов) [5].

В 1921 г., располагая уже большой коллекцией, Ю. Иванов реконструировал форму одного предмета и вновь предложил рассматривать их как крышки сосудов, ссылаясь на сообщение профессора Б. Ф. Адлера,

---

[2] А. Ф. Лихачев. Бытовые памятники Великой Булгарии. Тр. II АС, СПб., 1876, т. I, стр. 1—50; Г. Ахмаров. Экскурсия на место древнего Сувара. ИОАИЭКУ, т. XI. Казань, 1899, стр. 478—481; П. Пономарев. Раскопки в Билярске в 1915 г. ИОАИЭКУ, т. XXX, вып. 1, Казань, 1919, стр. 51; его же. Отчет об археологической экскурсии в Билярск в июне 1916 г. ИОАИЭКУ, т. XXX, вып. 1, стр. 111; М. Худяков. Разведки в Билярске 1915 г. ИОАИЭКУ, т. XXX, вып. 1, стр. 60; А. П. Смирнов. Сувар. Тр. ГИМ, вып. XVI, 1941, стр. 162, табл. I, *16*; его же. Волжские булгары. Тр. ГИМ, вып. XIX, 1951, стр. 241; Н. Я. Мерперт. Археологические памятники у села Хрящевки из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС, КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 53, рис. 22, *3* (первый слева); стр. 54.

[3] А. П. Смирнов. Волжские Булгары, стр. 214.

[4] П. А. Пономарев. Раскопки в Билярске, стр. 55.

[5] П. А. Пономарев. Отчет об археологической экскурсии, стр. 112.

что в Средней Азии «и поныне» существуют «глиняные сосуды со вполне аналогичными ручками»[6]. После Ю. Иванова никто не возвращался к изучению этих предметов, и в настоящее время они упоминаются в литературе под названием «крышек».

Однако при визуальном изучении предметов выяснилось, что они не могли служить ни крышками, ни ручками сосудов, ни архитектурными украшениями, ни тем более фаллическими символами, о которых писал А. Ф. Лихачев. Внешний вид и конструктивные особенности глиняных столиков позволили предположить, что они имели какое-то производственное назначение, что и подтвердилось в результате произведенного микроскопического и химического анализов и макрофотографирования предметов.

Микроскопическому анализу были подвергнуты следы, имеющиеся на наружных поверхностях и стенках конусных отверстий предметов. Выяснилось, что одни из этих следов возникли во время формовки столиков, другие — после их обжига.

Ниже приводятся результаты изучения следов, обнаруженных на обломках из Сувара[7] и на целом глиняном столике из Западной Сибири.

Оставшиеся на поверхностях ножек следы формовки на круге по особенностям размеров и очертаний разделяются на ладьевидные и концентрические штрихи.

Ладьевидные штрихи — прерывистые, мелкие; имеют форму узких вытянутых лунок с вогнутым радиусным ложем и наклонными стенками. Длина их обычно колеблется в пределах 0,1—0,15 *мм*, ширина в центре — около 0,03—0,05 *мм*, глубина в средней (наиболее глубокой) части, как правило, равна 0,02—0,03 *мм*. Расстояние между двумя смежными штрихами — около 0,1 *мм*. Образующаяся между ними стенка имеет в профиле вид сферической вершины нередко с заостренным окончанием. При осмотре поверхности невооруженным глазом эти штрихи почти не заметны. Наблюдения над ними становятся доступными при увеличении в 8—16 раз, но при сильном увеличении они «исчезают», теряясь в неровностях зернистой структуры глины. Прерывистость этих штрихов кажущаяся, вызвана зернистостью материала. Под микроскопом легко заметить, что, «миновав», например, зерно кварцита или другой твердый минерал, штрихи снова продолжаются, оставляя следы по той же линии.

Концентрические штрихи на поверхности обычно легко заметить и невооруженным глазом. Следы, оставленные ими, очень длинные, часто замкнуты по окружности и имеют форму сравнительно широких бороздок с плоским или немного выгнутым ложем и четкими наклонными стенками. В профиле стенки треугольные, с довольно острой вершиной. Глубина штрихов — 0,1—0,06 *мм*, ширина — 1—1,2 *мм*. Впрочем, следует заметить, что определенные закономерности в расстояниях между ними наблюдаются отчетливо только там, где удается определить следы, возникшие за один оборот ножки и не перекрытые затем частично аналогичными следами.

Ладьевидные и концентрические следы, очень близкие только что описанным по ширине и очертаниям, удалось получить при заглаживании поверхностей сырой глины влажными пальцами.

Резко отличаются от них следы, оставшиеся на стенках конусных отверстий. Прежде всего здесь отсутствуют, по-существу, ладьевидные штрихи в форме очень мелких и узких лунок. Сходные следы, правда, есть, но они сильно варьируют по своим очертаниям и размерам, расположены бессистемно и или вовсе мелкие, с трудом различимые под мик-

---

[6] Ю. Иванов. Глиняные песты из Бюляра и Сувара и их значение в болгарской керамике (опыт контр-реконструкции). Казанский музейный вестник, № 1—2, Казань, 1921, стр. 130.

[7] Выражаю признательность А. П. Смирнову за разрешение использовать в данной статье керамические находки из раскопок Сувара.

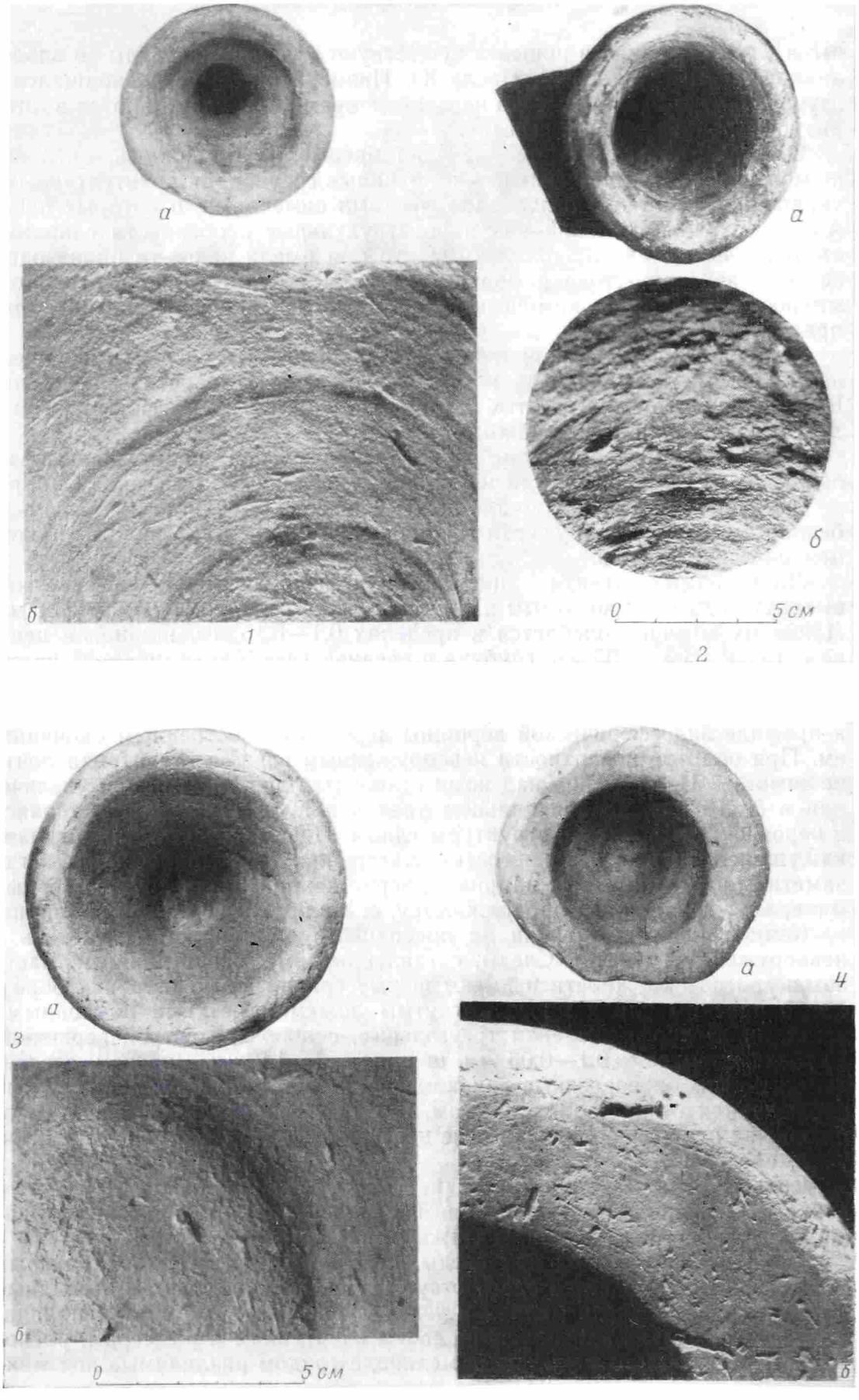


Рис. 2. Следы, возникшие на стенках конусовидных отверстий после обжига

1, а, б — поверхность глубокого отверстия ножки из Сувара; *2, а, б* — поверхность глубокого отверстия ножки из Западной Сибири; *3, а, б* — поверхность в ножке с мелким отверстием из Сувара; *4, а, б* — поверхность торца ножки с глубоким конусным отверстием из Сувара

роскопом, или намного глубже самых «глубоких» ладьевидных. Пожалуй, единственное, что сближает их с ладьевидными штрихами — это прерывистость, но если у ладьевидных она кажущаяся, то здесь совершенно определенная — на одной линии штрихи встречаются редко, обычно они как бы разбросаны по поверхности.

Концентрические следы также сильно варьируют по размерам. Наиболее крупные из них в несколько раз превосходят следы, оставшиеся на наружных поверхностях. Но дело не только в размерах, но и в форме. В отличие от штрихов, возникших на наружных поверхностях, они имеют не выгнутое или прямое ложе, а овальное, нередко довольно острое. По глубине они в несколько раз больше, чем самые «глубокие» концентрические следы на наружных поверхностях столиков. Какой-либо системы в расположении этих следов по размерам нет. Расстояния между ними колеблются от 2 до 3—4 *мм*. Стенки между ними в профиле сферические или трапециевидные. Но есть здесь и следы, каких вообще нет, да и не могло образоваться на поверхностях сырой глины,— глубокие короткие царапины, являющиеся тоже дугами концентрических окружностей. Они могли возникнуть только после обжига предметов.

Царапины обнаружены на стенках отверстий шести предметов: у четырех — с глубоким конусным отверстием и двух — с мелким (рис. 2). Так как остальная керамика представляет собой обломки предметов с признаками гибели во время обжига, то это обстоятельство позволяет предположить, что царапины возникли в процессе использования уже готовых изделий. Бóльшая часть царапин имеет длину от 0,5 до 3 *мм*, расстояния их друг от друга непостоянные и колеблются в пределах 1—3 *мм;* наиболее густо расположены они в верхней части стенок конусных отверстий. Ложе царапин нередко заострено, имеет ладьевидную форму. В отличие от следов, возникающих во время формовки, царапины не имеют по своему краю уступчиков, какие обычно образуются на сырой глине, и легко различаются среди остальных следов от вращения и отпечатков примесей (растительных, волоса) по нескольким признакам: форме, размерам, особенностям ложа, стенок и очертаниям краев.

Следы от кругового вращения после обжига оказались на торце ножки одного предмета с глубоким конусным отверстием. В результате такого вращения все следы, возникшие на торце во время формовки, стерлись совершенно. Поверхность торца стала ровной, притертой, причем образовавшееся кольцо имеет общий наклон внутрь (рис. 2, *4*).

На стенках других конусных отверстий, имеющих царапины и еще сохранивших следы, возникшие при формовке, последние резко изменили свои первоначальные очертания. Особенно заметно это на примере концентрических штрихов: ложе их осталось овальным, вогнутым, но они стали в несколько раз мельче, а стенки между ними приобрели форму очень низких трапеций, что свидетельствует о сработанности штрихов (особенно в верхней части отверстий). Выяснить эти детали помогли некоторые особенности самих отверстий. Дело в том, что стенки их не абсолютно ровные, а волнообразные. По диаметру они немного разбиты. При осмотре под микроскопом участков этих «волн» и была замечена разница в форме стенок штрихов: они сработаны на вершинах волн более всего, здесь их меньше, а на низких участках — больше, причем по диаметру они только частично сохранили первоначальную форму в виде треугольников с более или менее острой вершиной — на отдельных участках стенки оказались сработанными, как и на вершинах волн, и приобрели форму низких трапеций.

Помимо стертых штрихов и царапин, на стенках конусных отверстий четырех обломков (двух с глубоким и двух с мелким отверстием) обнаружены песчинки со стертыми отшлифованными поверхностями. Как известно, в обычном состоянии песчинки имеют округлые очертания, сильно окатаны. На стенках конусных отверстий они оказались стертыми. В не-

скольких случаях на них под микроскопом удалось наблюдать даже царапины. Как и царапины, возникшие на поверхности глины, они направлены по окружности. Это обстоятельство указывает на длительность процесса следообразования.

Об этом же свидетельствуют и особенности поверхностей донной части углублений двух обломков с мелкими конусовидными отверстиями в торце ножек. При осмотре этих поверхностей было замечено, что они сильно притерты, в результате чего глиняные частицы здесь оказались очень уплотненными, а сама поверхность приобрела матово-черный цвет. Образовавшаяся в процессе длительного трения поверхностная пленка черного цвета в нескольких местах имеет мельчайшие трещинки, что указывает на высыхание этой пленки после гибели предмета. Это обстоятельство позволило предположить, что черная поверхностная пленка образовалась в результате введения в отверстие какого-то смазочного вещества и последовавшего затем длительного контакта смазанной поверхности отверстия с предметом, изготовленным из менее твердого и более пластичного материала, чем обожженная глина.

В связи с этим обращает на себя внимание следующая любопытная деталь, выявленная в процессе изучения керамических коллекций из Сувара. Среди обломков один оказался с нерасчищенным отверстием. Оно было заполнено каким-то сильно затвердевшим составом, размягчить который удалось водой. Верхняя его часть, бесструктурная, имела черный цвет, ниже ножка была заполнена слоем с крупчатой структурой, который окрашивался в коричнево-бурый цвет. Микроскопическое исследование стенок отверстия и состава слоя, попавшего в него, позволило установить, что этот слой состоит из супеси с включениями очень мелкой керамической крошки кирпичного цвета и каких-то черных кристалликов различных форм и размеров. Черные вкрапления обнаружены и на поверхностях. Пытаясь выяснить свойства этих кристалликов, часть заполнения ссыпали в стакан с чистой водой. При этом оказалось, что одни черные кристаллики быстро опустились на дно вместе с песчинками, другие опускались очень медленно, третьи вообще остались на поверхности, а через несколько часов на ней появилась тонкая маслянистая пленка.

Этот несложный опыт был повторен несколько раз, и неизменно на поверхности воды появлялась тонкая маслянистая пленка, хорошо различимая в косом свете. Однако этот же опыт, проделанный с культурным слоем, оставшимся на поверхности нескольких обломков керамики, дал другие результаты — наблюдать маслянистую пленку не удалось. По-видимому, какие-то включения, входящие в заполнение, обладали маслянистыми свойствами. Наиболее вероятными носителями этих свойств являются некоторые черные кристаллики, в которых можно усматривать битумную крошку, образовавшуюся после высыхания масел.

На поверхностях отверстия столика из Западной Сибири также обнаружены царапины, направленные по окружности, как и на обломках из Сувара. Наиболее густо расположены они у верхнего окончания отверстия. Здесь же обнаружены небольшие участки поверхности, покрытые пленкой черного цвета, как и донная часть углублений двух обломков из Сувара. Микроскопическое изучение пленки позволило заключить, что она состоит из твердого бесструктурного вещества черного цвета, в котором имеются многочисленные включения мельчайших пылинок. В сухом состоянии пленка имеет матово-черный цвет. Толщина ее — около 0,08 *мм*. На внутренней стороне пленки, соприкасавшейся с поверхностью отверстия, оказались бороздчатые отпечатки. Это обстоятельство, как и трещинки, возникшие на донной части двух обломков из Сувара, свидетельствует о том, что составляющее пленку вещество черного цвета было когда-то в размягченном состоянии. По своим внешним признакам пленка напоминает битумную породу.

По нашей просьбе черные кристаллики и пленки были изучены экспертами-химиками Центральной научно-исследовательской криминалистической лаборатории Всесоюзного института юридических наук МЮ РСФСР. Ниже приводится данное ими заключение [8].

«При микроскопическом исследовании заполнения отверстий обнаружено два вида черных частичек размерами от 1 до 0,3—0,2 *мм*. Одни из них представляли собой частицы древесного угля, другие имели ячеистое строение и были покрыты тончайшей матовой пленкой серо-черного цвета. На поверхности отверстия целого предмета оказались тонкие бесструктурные пленки черного цвета. Ячеистые частицы и частицы черной пленки были подвергнуты дальнейшему исследованию.

а) При нагревании этих частиц до температуры 250—300°С (наблюдение под микроскопом, увеличение 180 крат) матовая серо-черная пленка на ячеистых частицах чернела и приобрела блеск. При дальнейшем нагревании до 450—600°С пленка исчезла. То же самое происходило и с частицами черной пленки. Такая картина характерна для веществ, плавящихся от высокой температуры, и в частности для многих органических, включая смолы и минеральные масла.

б) При действии различных органических растворителей на анализируемые частицы (наблюдение под микроскопом, увеличение 54 крат) было обнаружено, что четыреххлористый углерод и серный эфир, свободные от следов жирных веществ, смачивают частицы, размягчая и частично растворяя имеющуюся на них пленку. После нанесения капли эфирной вытяжки из исследуемых частиц на фильтровальную бумагу, импрегнированную никельдиметилглиоксимом, и обработки этой бумаги раствором азотной кислоты, в месте нанесения эфира наблюдалось красное пятно, тогда как вся бумага обесцвечивалась.

Исследование показало, что пленка, имеющаяся на анализируемых частицах с ячеистым строением и бесструктурная черная пленка, частично растворимы в органических растворителях, не растворимы в воде и обладают защитными свойствами. Такая картина характерна для многих органических веществ, включая смолы, жиры, минеральные масла.

в) При микроперегонке исследуемых частиц на игольчатом пламени в запаянном капилляре (наблюдение под микроскопом при увеличении в 120—180 крат) было обнаружено, что на стенках капилляра в охлаждаемых местах появились мельчайшие маслянистые капельки желтобурого цвета, растворимые в петролейном эфире. Способность перегоняться при нагревании характерна для многих органических веществ, некоторых продуктов распада биологического материала, сланцев, асфальтовых пород и т. д., включая минеральные масла. Проанализировать перегнанное вещество не представлялось возможным в виду его чрезвычайно малого количества.

г) Применить другие методы исследования, а также определить качественный и количественный элементарный состав анализируемых пленок не представилось возможным в виду чрезвычайно малого количества вещества.

Результаты химического анализа показали, что исследованные ячеистые частицы и бесструктурные пленки черного цвета, обладая рядом свойств, характерных для минеральных масел, битума, не исключают возможность их толкования как остатков высохших маслянистых веществ».

К сожалению, следы масел на предметах, найденных при археологических раскопках, специально никогда не изучались и методика их исследования не разработана. Все это не позволило сделать более конкретного вывода, чем тот, какой был приведен выше.

---

[8] Пользуясь случаем, выражаю самую глубокую признательность эксперту Ю. И. Паршикову, выполнившему исследование черных частиц, обнаруженных на древнебулгарской керамике.

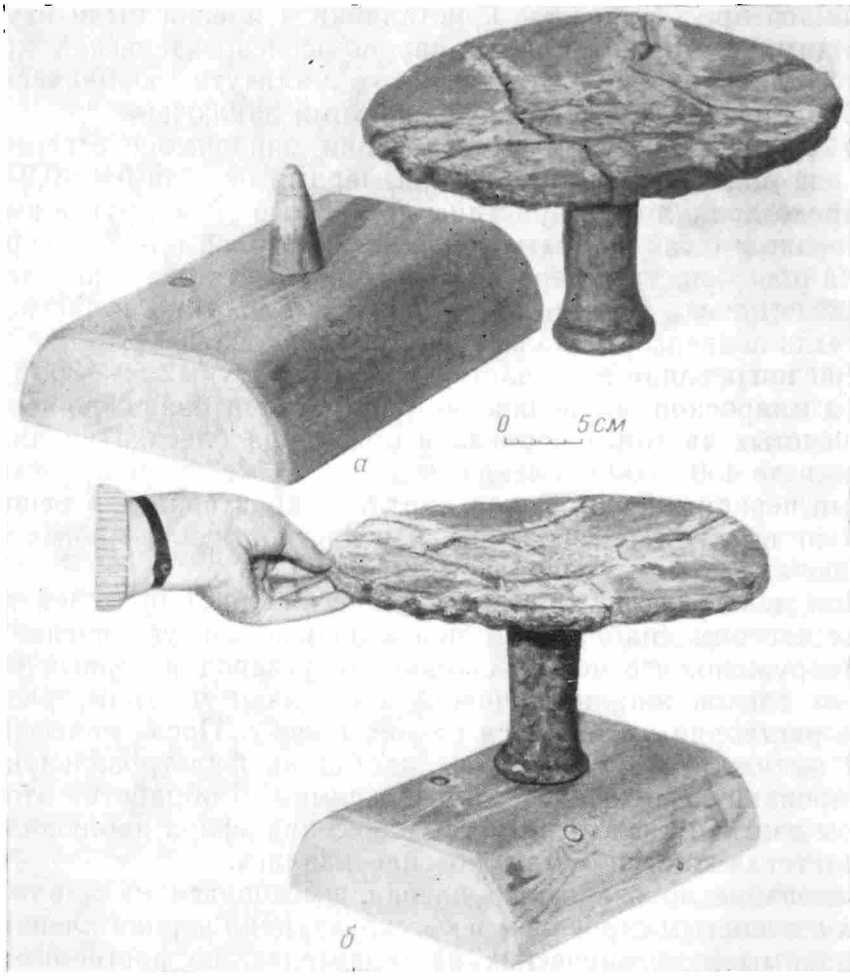


Рис. 3. Реконструкция столика из Западной Сибири

Однако результаты исследования следов позволяют, как нам кажется, с большей долей уверенности предполагать использование смазочных веществ, следы которых, по-видимому, дошли до нас в виде ячеистых кристалликов и матовых черных пленок.

По нашей просьбе следы на обломках глиняных предметов дополнительно были изучены группой экспертов-трассологов Центральной научно-исследовательской криминалистической лаборатории [9].

Эксперты подтвердили, что признаки продолжительного следообразования на стенках отверстий после обжига предметов действительно имеются на некоторых обломках. Наиболее убедительно свидетельствуют об этом притертые поверхности донных участков углублений и стертые песчинки, обнаруженные на поверхностях отверстий.

В результате сравнительного микроскопического анализа следов, полученных в лаборатории экспериментальным путем, и следов, имеющихся на поверхностях отверстий, было установлено, что сходные следы возникают в процессе длительного вращения предмета на конусовидном деревянном стержне.

---

[9] В лабораторных исследованиях, помимо автора, принимали участие эксперты А. Н. Василевский, В. В. Филиппов и др. Руководил работой научный сотрудник группы экспертов-трассологов лаборатории Ю. Г. Корухов. Фотографирование производилось нами совместно с экспертом группы В. В. Филипповым. Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность Ю. Г. Корухову и другим экспертам группы, принявшим живейшее участие в исследовании следов на обломках древнебулгарской керамики.

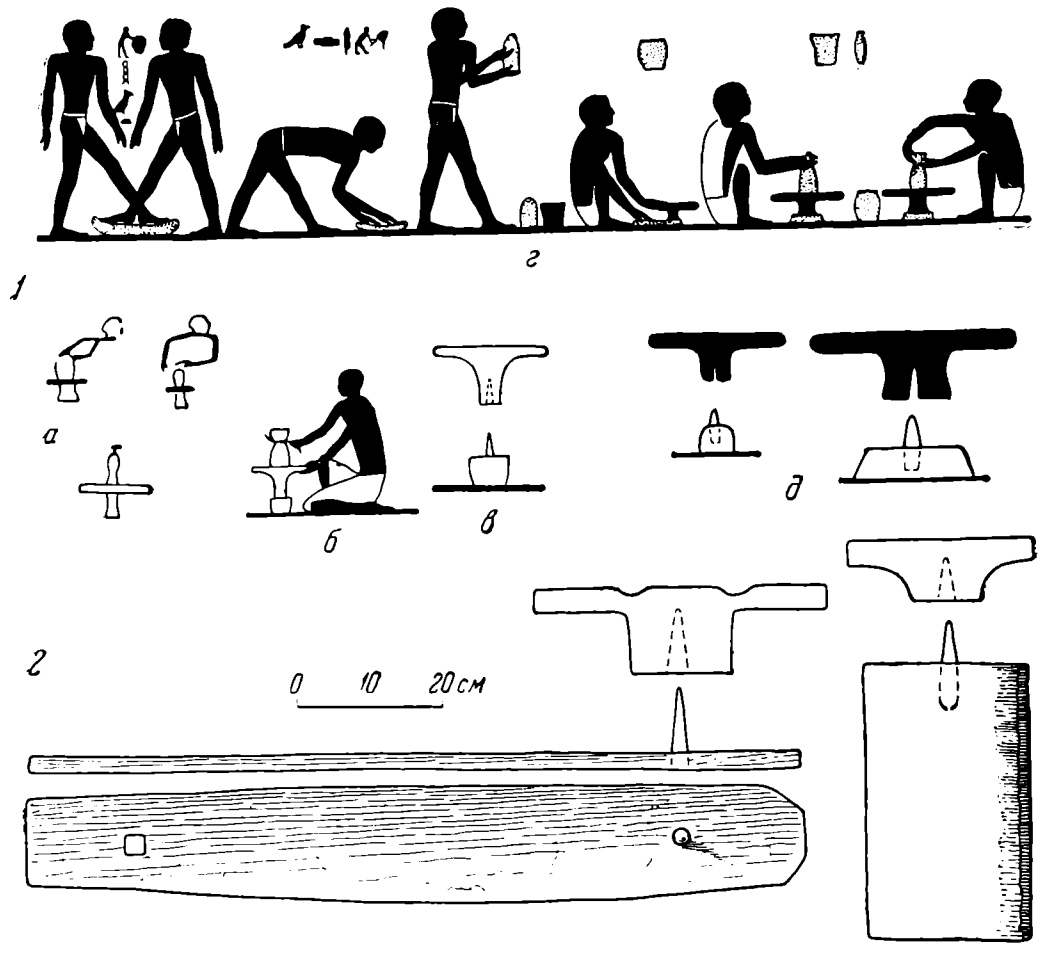


Рис. 4.

1 — изображения древнеегипетских гончаров, работающих на ручных кругах *а* — рисунки в текстах пирамид V—VI династии (2700—2400 гг. до н. э.); *б* — рисунок эпохи Среднего царства (примерно 1800 г. до н. э.); *в* — реконструкция того же круга (по В. Голубовичу); *г* — рисунок эпохи Среднего царства; *д* — реконструкция гончарных кругов, предложенная В. Голубовичем

2 — ручные гончарные круги, применявшиеся в конце 1930-х годов на территории Западной Белоруссии (по В. Голубовичу)

Причем следует заметить, что в лабораторных условиях наиболее сходные следы удалось получить именно тогда, когда стержень, да и сами стенки отверстия были покрыты густой смазкой (тавотом).

Таким образом, результаты изучения следов приводят к выводу, что исследованные нами обломки, известные в литературе под именем «ручек от крышек» в действительности представляют собой части разбившихся предметов, которые выполняли функции вращающихся столиков.

Целый экземпляр столика из Западной Сибири дает достаточно полное представление о форме, какую имели, судя по обломкам, многие аналогичные предметы, найденные на городище Сувар. На рис. 3, *а* реконструирована недостающая деталь — конусная деревянная ось, которая, очевидно, глухо крепилась в плите-основании.

Подобные вращающиеся столики — одна из древнейших конструкций ручного гончарного круга. Первые сведения о таких кругах относятся примерно к 2600 г. до н. э. [10]. На них работали древнеегипетские гончары, а позднее — и древнегреческие (рис. 4, *1, а, б, в, г, д*). Принцип устройства круга — диск с утолщением в виде ножки, в торце которой

---

[10] V. Gordon Childe. Rotary Motion. A History of Technology, ed. by Charles Singer, E. T. Holmyard and R. Hall, t. I. Oxford, 1954, стр. 199.

имеется конусное углубление,— сохранился до наших дней. В 1937—1939 гг. такую конструкцию гончарного круга, но деревянного, еще применяли некоторые гончары в западных районах Белоруссии (рис. 4, *2*) [11]. До недавнего времени он был хорошо известен и на территории русских областей, например, северо-западных (Псковская, Новгородская) [12].

Ручной гончарный круг в виде деревянного диска с утолщением в центральной части нижней плоскости, где проделывалось небольшое конусное углубление для оси, вполне сходный с этнографически изучен-

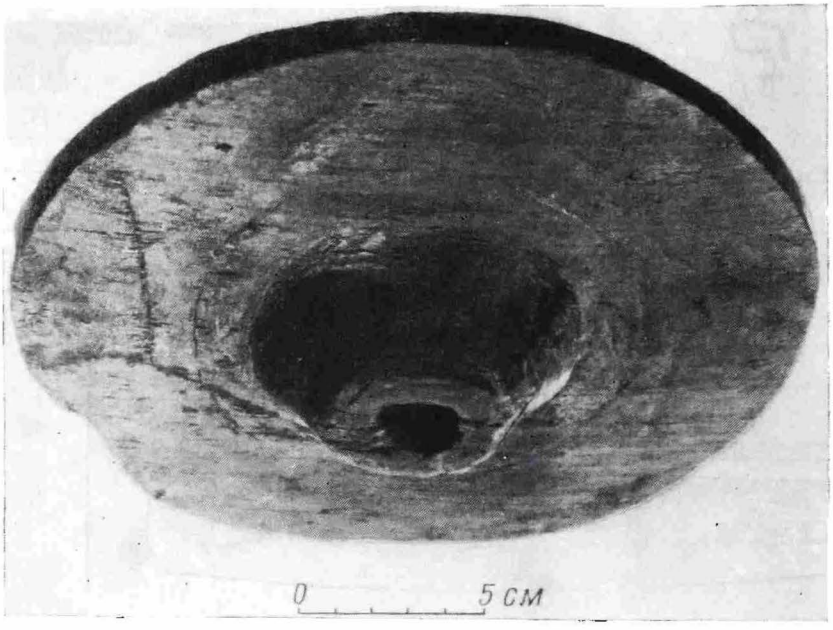


Рис. 5. Диск ручного гончарного круга XI—XII вв. (Новгород)

ными кругами, был хорошо известен и в древней Руси. Несколько таких кругов найдены при раскопках в Новгороде (рис. 5). По стратиграфическим данным они датируются XI—XII вв. [13].

Общие элементы в конструкции древнебулгарских и древнерусских гончарных кругов нельзя, однако, рассматривать в качестве признака родства технической культуры гончарства у населения древнебулгарского и древнерусского государства X—XII вв. Как низкие, так и высокие утолщения-ножки в конструкции кругов одинаково древние, существуют параллельно. Но, судя по археологическим материалам, более архаичной формой является круг с низкой ножкой-утолщением для оси. В этом смысле древнебулгарский круг с высокой ножкой можно рассматривать как результат развития из этой более архаичной формы гончарного круга. Очевидно, так же следует понимать и те элементы большей общности

---

[11] W. Holubowicz. Garncarstwo wiejskie zachodnich terenòw Bialorusi. Toruń, 1950, стр. 98, рис. 27.

[12] К настоящему времени нами зафиксировано 16 сельских населенных пунктов в различных районах северо-западных областей РСФСР, где в последние 50—80 лет гончары применяли ручные гончарные круги легкого типа, имевшие аналогичную конструкцию диска.

В 1926 г. Д. К. Зеленин описал аналогичную конструкцию ручного круга у русских переселенцев в с. Зеренда, Кокчетавского у., Акмолинской обл. См. Д. К. Зеленин. Примитивная техника гончарства «налепом» (au. colombin) в Восточной Европе. Этнография, 1927, № 1, стр. 90.

[13] О первой находке в Новгороде гончарного диска аналогичной конструкции мы упоминали ранее. См. А. А. Бобринский, Гончары-пидьбляне. СА, 1959, № 1, стр. 240.

в конструкции, какие мы наблюдаем, сравнивая древнебулгарский круг с кругом современных ремесленников Белоруссии. Здесь та же общая тенденция в развитии — от низкой ножки древнерусского круга к более высокой у современных гончаров.

Выше мы уже отмечали, что среди ножек с глубоким конусным отверстием одна имела сильно притертый торец, немного наклоненный во внутрь, на поверхностях которого обнаружены многочисленные круговые царапины. На стенках конусного отверстия этого обломка явных следов

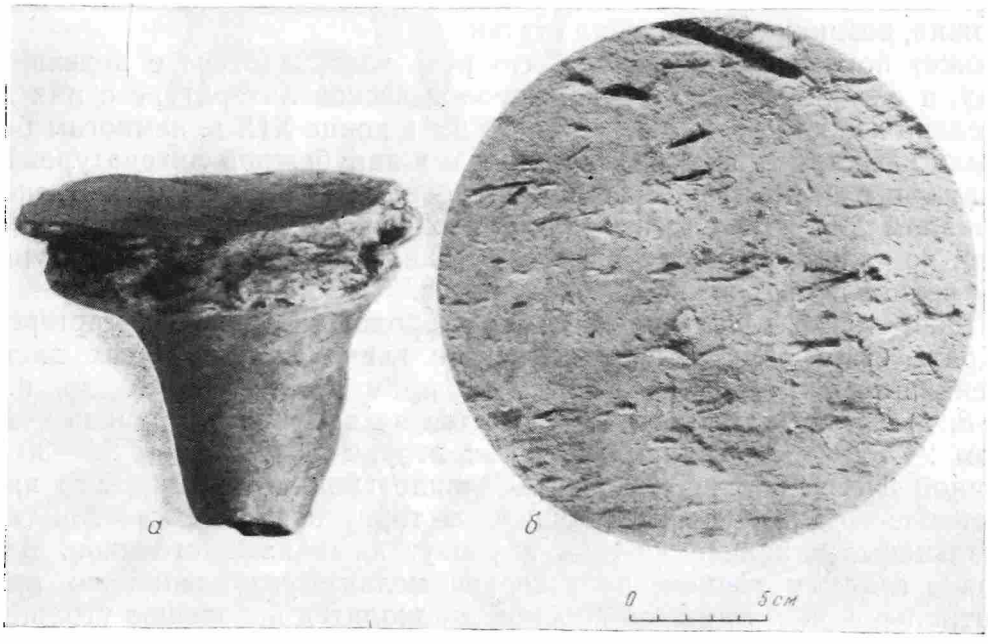


Рис. 6. Следы трения на обломке ножки из Сувара

такого же происхождения, как и на торце, не оказалось. Однако наклон торца во внутрь и круговые царапины на его поверхности приводят к мысли, что в конструкции этого столика было какое-то центрирующее устройство, позволявшее ему вращаться практически в одной плоскости. Некоторую ясность в этот вопрос внесли результаты осмотра поверхностей ножек и дисков. На нескольких ножках (у самого диска и частично на нем) концентрические следы от пальцев, возникшие во время формовки, оказались стертыми, а на их месте возникли новые следы — многочисленные короткие царапины, направленные все по окружности (рис. 6). В свете этого кажется возможным предположение о схеме конструкции столиков с мелким конусным отверстием и столика с кольцевым торцом, данное на рис. 7, *1*.

Среди описываемых находок отдельную группу составляют предметы с конусовидной цилиндрической ножкой, которая, утоньшаясь книзу, имеет на конце шаровидное окончание. Длина этих ножек намного превышает известные нам размеры из коллекции ГИМ. Известны, например, ножки длиной 36 *см*. Предлагая рассматривать эти предметы в качестве крышек, Ю. Иванов, как мы уже упоминали выше, ссылался на сообщение Б. Ф. Адлера, видевшего «сосуды со вполне аналогичными ручками», происходившие из Средней Азии, в коллекциях Эрмитажа. Изучая керамические коллекции музеев Ташкента, Самарканда, Бухары, мы не встретили ни одного предмета описываемого типа. Неизвестны они и местным ремесленникам-гончарам. Не удалось найти сообщения о подобных находках в Средней Азии и в литературных источниках. И хотя нет оснований отрицать возможность подобных находок на территории Средней

Азии (может быть, ее восточных районов), нам кажется неубедительной аргументация в пользу толкования этих предметов как «крышек», данная Ю. Ивановым. Практическая нецелесообразность таких длинных ручек у крышек кажется очевидной.

В керамических коллекциях ГИМ ручки с шаровидным окончанием нами не встречены. Однако результаты изучения сходных предметов из раскопок в Суваре позволяют предположить, что они выполняли такие же функции, как и рассмотренные выше. На рис. 7, *2* предлагается реконструкция этих столиков, которая кажется нам наиболее вероятной.

В заключение хотелось бы остановиться на одном вопросе, который, возможно, возникнет при чтении статьи.

Может показаться странным, что речь здесь идет не о деревянных кругах, а о глиняных. В нашей археологической литературе о них действительно известно еще очень мало. Еще в конце XIX в. немногим больше было известно о их существовании и в зарубежной литературе. Господствующим было представление, что основным и почти единственным материалом для изготовления гончарных кругов в древности являлось дерево; но уже в первые десятилетия XX в. это мнение было разрушено рядом великолепных открытий археологов.

В 1900—1920-х годах при раскопках городов и дворцовых мастерских на Крите было обнаружено множество глиняных гончарных дисков, применявшихся местными гончарами примерно с 2000 г. до н. э. (рис. 8, *1*) [14]. По размерам диски делятся на две группы: первая — диаметром 24—25 *см,* толщиной 2—3 *см;* вторая — диаметром 29—30 *см,* толщиной 5 *см.* Верхняя плоскость в виде гладкого рельефного круга чуть меньшего диаметра, чем общий; по торцу некоторых дисков такие же пальцевые вдавливания, как и у изученных нами столиков. Часть дисков с гладким торцом, но с серией мелких углублений по краю. В центральной части нижней плоскости находится небольшое утолщение в виде рельефного кружка, а в нем, точно по центру,— углубление для конца стержня диаметром 3—5 *см* и глубиной от 1 до 3 *см* в зависимости от общих размеров диска [15].

Такие же диски нашли и на территории материковой Греции. Приблизительная дата их появления здесь — 1800 г. до н. э. [16].

В 1929—1930 гг. при раскопках Ура археологи натолкнулись на большое скопление гончарных печей. Около одной из них была найдена часть глиняного гончарного диска. Его дата 3250±250 л. до н. э. [17]. К сожалению, нам не известно пока изображение или подробное описание этого диска. Л. Вулли в сообщении о результатах раскопок охарактеризовал свою находку как часть «толстого глиняного диска с отверстием для стержня, вымазанным дегтем и с серией мелких углублений по окружности» [18].

При раскопках в Эрехе (Шумер) в одной из могил оказался глиняный диск гончарного круга (рис. 8, *2*). Время захоронения — около 2000 г. до н. э. Диаметр диска — 90 *см,* толщина — 8 *см.* Верхняя сторона — в виде трех рельефных концентрических кругов различных диаметров, которые как бы наложены друг на друга, причем на верхнем кружке (самом маленьком) имеется «заплата из асфальта», по-видимому, применявшаяся для крепления подставки (?) на диске. В центре нижней плоскости — углубление для стержня [19].

---

[14] V. Gordon Childe. Ук. соч., стр. 203.

[15] S. Xanthudides. Some Minoan Potter's-wheel Discs, Essays in Aegean Archaeology Presented to Sir Arthur Evans (ed. by S. Casson). Oxford, 1927, стр. 111—128.

[16] V. Gordon Childe. Ук. соч., стр. 203.

[17] Там же.

[18] S. (Ch.) L. Wolley. Excavations at Ur, 1929—30. The Antiquaries Journal, т. X, № 4, октябрь, 1930, стр. 332.

[19] V. Gordon Childe. Ук. соч., стр. 199.

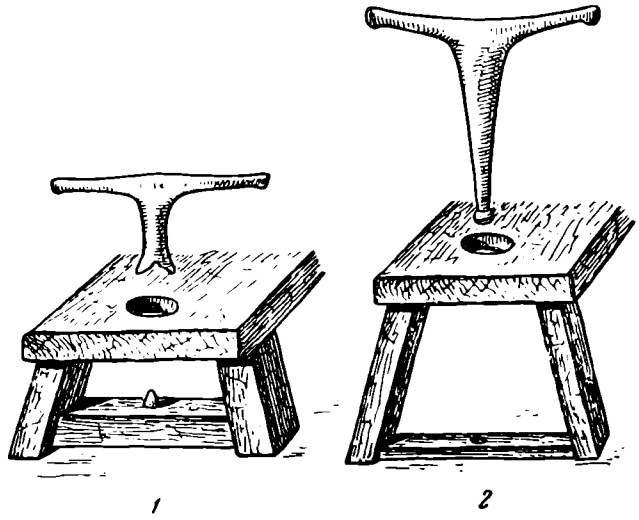


Рис. 7.

1 — реконструкция столиков с мелким конусовидным отверстием из Сувара; *2* — реконструкция глиняного столика с длинной конической ножкой

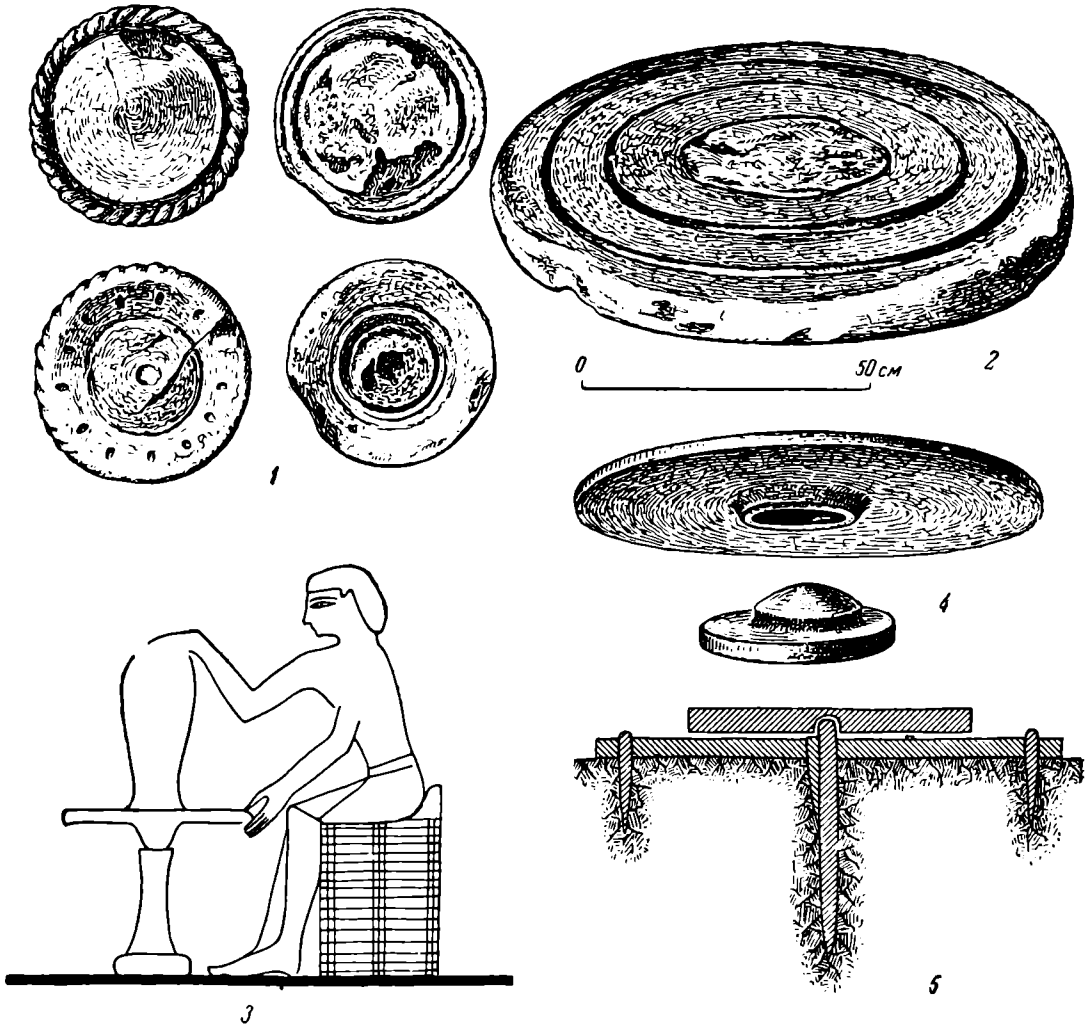


Рис. 8. Глиняные гончарные круги

1 — диски гончарных кругов, найденные на Крите (примерно 2000 г. до н. э.); *2* — гончарный диск из Эреха; *3* — изображение гончарного круга с глиняным диском в одной из египетских гробниц эпохи Среднего царства; *4* — современный деревянный круг гончаров Сомали (Африка); *5* — глиняный гончарный круг негритянских племен Нижнего Конго, XIX в. (по Франшету)

Гончарный круг с глиняным диском, судя по изображению около 1800 г. до н. э., встреченному в одной из гробниц, был известен и египетским гончарам (рис. 8, *3*) [20].

По мнению Ксантудидиса, посвятившего минойским дискам специальное исследование [21], на Крите ими пользовались как подставками [22]. Причем диски небольших размеров он рассматривал как подставки на ножных кругах, а большие — в качестве подставок, употреблявшихся при работе на ручных кругах. Свое предположение Ксантудидис подкреплял ссылками на этнографические параллели: на островах Средиземноморья современные гончары именно так используют глиняные диски, примазывая их глиной к деревянному кругу. Правда, диски современных гончаров не имеют отверстия в центре нижней плоскости (она совершенно гладкая) и серии мелких углублений по окружности, как на древних минойских, но все эти отверстия, по его мнению, делались для того, чтобы диски лучше прилипали к поверхности деревянного диска круга.

Но такое объяснение, пожалуй, ошибочно. Этнографические данные нельзя рассматривать как копии явлений, происходивших в глубокой древности, а именно так пытался использовать их Ксантудидис. Не имея возможности изучить минойские диски в натуре, мы не склонны настаивать и на своем предположении о том, что гончары Крита примерно с 2000 г. до н. э. стали применять ручные поворотные столики, одевавшиеся на короткий стержень, неподвижно укрепленный в плите-основании. По внешнему виду эти древние гончарные круги с глиняными дисками напоминали ручной круг той же конструкции и тоже глиняный, который этнографы нашли у африканских племен Нижнего Конго (рис. 8, *5*) [23]. Более точным кажется и объяснение серии мелких углублений по окружности диска, данное другими исследователями, рассматривавшими их в качестве зарубок, использовавшихся для придания вращательного движения диску. Этот традиционный способ вращения круга еще сегодня прочно удерживается в Японии, Китае, Индии и других странах Востока, хотя сами круги уже почти целиком деревянные [24].

Как видим, роль глины при изготовлении гончарных кругов в древности была значительно большей, чем представлялось еще недавно. В свете этого находки глиняных гончарных кругов на территории Волжской Булгарии и Западной Сибири нельзя рассматривать как явление исключительное.

Интересно, что в Индии, Ираке, Палестине, Сирии, на островах Средиземноморья и т. д., словом, там, где археологи обнаружили древние гончарные диски, изготовленные из глины, до настоящего времени местные гончары используют в качестве подставок именно глиняные, а не деревянные диски, хотя сами круги делаются деревянными или комбинированными (с толстым кольцом из слегка обожженной глины для придания большей силы инерционного вращения кругу).

Использование кругов с глиняными дисками или подставками известно и на территории СССР. В наши дни гончары Средней Азии почти всюду применяют плоские диски — подставки [25]. Изучая технику гончарства древнего Хорезма, некоторые археологи пришли к выводу, что в VI—VIII и XII вв. местные гончары также использовали глиняные диски [26].

---

[20] V. Gordon Childe. Ук. соч., стр. 200.

[21] S. Xanthudides. Ук. соч., стр. 120—128.

[22] Подставки-диски, в данном случае глиняные, которые укреплялись обычно сырой глиной в центре плоскости круга. На них производилась формовка сосудов.

[23] L. Franchet. Ceramique primitif. Paris, 1916, стр. 55.

[24] V. Gordon Childe. Ук. соч., стр. 197—200.

[25] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 30, 34, 47, 142, 152, 158, 171—172, 194, 214.

[26] А. И. Тереножкин. О древнем гончарстве в Хорезме. Изв. УзФАН СССР, 1940, № 6, стр. 63; Керамика Хорезма. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV, М., 1959, стр. 173, 272.

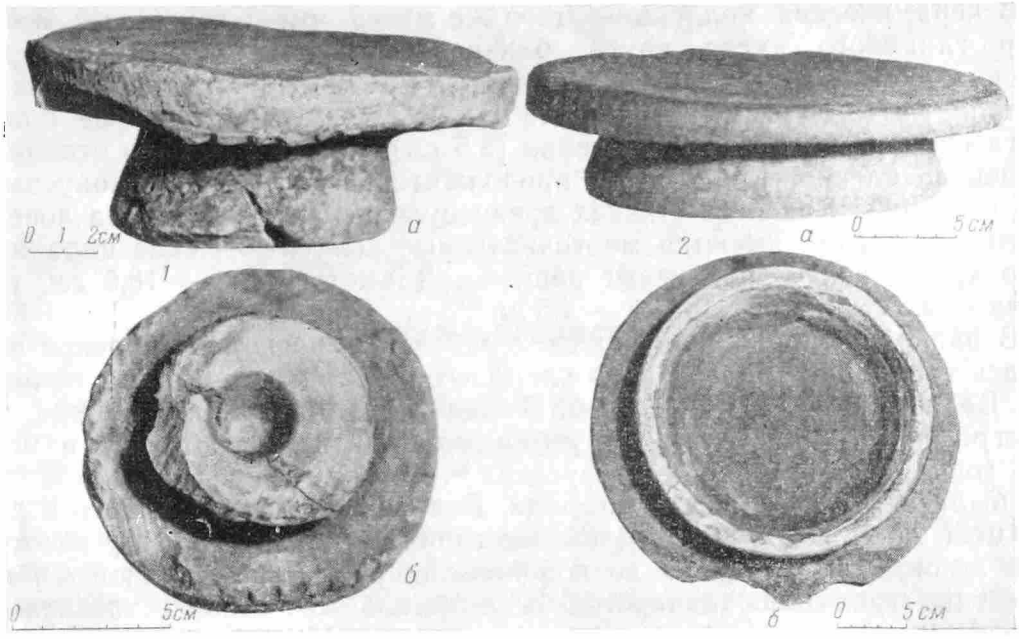


Рис. 9. Глиняные гончарные диски с территории Средней Азии

1 — диск гончарного круга, найденный в одном из тепе на территории Катта-Курганского р-на УзССР (раскопки И. А. Сухарева, 1940 г.); *2*—гончарный диск с городища Курган-Тепе Катта-Курганского р-на УзССР (раскопки И. А. Сухарева, 1940 г.)

На территории Узбекской ССР известны и более древние плоские гончарные диски. В коллекциях Самаркандского музея хранится, например, глиняный диск диаметром 18,5 *см* и толщиной 2,5 *см*, найденный в 1938 г. на городище Каунчи-Тепе (близ г. Янги-Юля) [27], которое датируется Г. В. Григорьевым (автором раскопок) серединой I тысячелетия (точнее V—III вв. до н. э.) [28].

Древние гончары на территории Средней Азии использовали и глиняные диски с поддоном (рис. 9, *2*). Диаметры дисков от 9 до 35 *см*. Среди осмотренных нами трех целых экземпляров, хранящихся в музее г. Самарканда, один оказался с клеймом. Найден он в 1940 г. на городище Курган-Тепе Катта-Курганского района (раскопки И. А. Сухарева и А. Н. Богданова) [29]. Два других происходят: один — с территории г. Самарканда (так называемый Панафутинский участок) [30], другой — с городища Каунчи-Тепе [31].

[27] Коллекционная опись «К-III», № 1710. При осмотре диска на его поверхностях были обнаружены многочисленные разнонаправленные царапины, аналогичные тем, какие мы наблюдали на дисках современных гончаров гг. Ташкента, Самарканда, Бухары, Гиждувана.

[28] Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935; его же. Каунчи-Тепе (раскопки 1935 г.) Ташкент, 1940; его же. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940.

По мнению других исследователей, Каунчи-Тепе, как и другие городища такого типа, относится к первым векам нашей эры См., например, А. И. Тереножкин. О датировке культурных наслоений Каунчи-Тепе (рецензия). Изв. УзФАН СССР, 1940, № 8, стр. 84—87; его же. Холм Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Тр. Института истории и археологии. Материалы по археологии Узбекистана, т. I, Ташкент, 1948, стр. 71.

[29] Коллекционная опись «А-206», № 23. По описи он числится как предмет неизвестного назначения. Заключение о принадлежности его к гончарным дискам сделано на основании анализа следов, возникших на поверхности предмета после обжига.

[30] Коллекционная опись «А-52», № 10. Найден М. В. Столяровым в 1934 г. и определен им как крышка от широкогорлого сосуда. Обстоятельства находки и ее дата неизвестны. Заключение о принадлежности к гончарным дискам сделано на основании анализа следов, возникших на поверхностях предмета после его обжига.

[31] Коллекционная опись «К-III», № 1644. По описи значится как сосуд мелкий со следами краски. Заключение о принадлежности к гончарным дискам сделано на основании анализа следов, возникших на поверхности после обжига предмета.

В керамических коллекциях того же музея имеется и целый экземпляр глиняного диска круга, близкий по своей конструкции минойским дискам (рис. 9, *1*). Он был найден в 1940 г. при раскопках одного из тепе Катта-Курганского района И. А. Сухаревым. В торце ножки круга сделано конусное углубление (3,5 *см*), стенки которого отполировались до блеска в результате продолжительного трения о конусовидный стержень. Как и на стенках древнебулгарских столиков, на поверхности углубления имеются многочисленные концентрические царапины, а по краю диска — пальцевые защипы. Диаметр диска — 18,5 *см*, толщина — 2,5 *см*, высота ножки — 4,5 *см* [32].

В нашем распоряжении нет сведений о том, насколько прочной оказалась традиция использования глиняных гончарных кругов на территории Волжской Булгарии и бывш. Тобольской губернии. Возможно, что этнографически проследить это уже нельзя, так как в конце XIX в. местные гончары происходили из русских [33]. Например, в Тобольской губ. это были переселенцы из Новгорода, Вологды, Устюга Великого и других мест России [34], где использование глиняных дисков ни разу не отмечено этнографами. Однако до колонизации русскими Западной Сибири в местных традициях гончарства было немало черт технической культуры юго-восточного и южного происхождения. Об этом свидетельствует сам факт находки глиняного круга. По мнению К. Г. Голодникова, составившего в 80-х годах по опросным данным первое описание, правда довольно общее, местных ремесел, появление их в «районе, занимаемом ныне Тобольской губ., совпадает с появлением в пределах ее первых переселенцев с востока и запада». Причем под «востоком» он понимал Среднюю Азию («Бухарию») [35], где, как уже отмечалось, до настоящего времени гончары применяют глиняные диски.

При раскопках в Армении глиняные гончарные диски были найдены в Кармир-Блуре [36] как на поселении, так и в цитадели [37], и в Двине [38]. Диски, подобные двинскому, до сих пор применяются гончарами, работающими близ Еревана.

Устойчивость в традиции использования глиняных гончарных дисков в южных районах СССР и обнаруженные здесь находки, склоняют к мысли, что в этих районах гончарные круги с глиняными дисками были наиболее распространены. Их проникновение в лесостепную и лесную зоны, по-видимому, связано с продвижениями этнических групп, имевших связи с древнейшими культурными традициями гончарства стран Востока.

---

[32] Коллекционная опись «А-209», № 17. В описи назван предметом неизвестного назначения. Дата находки неизвестна.

Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность М. Ф. Каллуновой (хранительнице фондов Самаркандского музея), содействовавшей быстрейшему завершению работы над керамическими коллекциями музея в течение нашего краткого пребывания в городе.

[33] Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). Казань, 1930, стр. 90.

[34] К. Г. Г[олодников]. Обзор кустарной промышленности в Тобольской губ., Тобольские губернские Ведомости, № 51, 1884.

[35] Там же.

[36] В. С. Сорокин. Раскопки древнего поселения. Археологические раскопки в Армении, № 2. Кармир-Блур, II. Ереван, 1952, стр. 85, рис. 46.

[37] Пользуясь случаем, выражаю признательность Б. Б. Пиотровскому, сообщившему мне эти сведения.

[38] К. Кафадарьян. Город Двин и его раскопки с 1937 по 1950 г. (на армянском яз.). Ереван, 1952.

К. В. САЛЬНИКОВ

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ КЕРАМИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Культурный слой древних поселений северной лесостепи Зауралья зачастую состоит, как в лесной полосе, из отложений различных эпох, не разделяющихся стратиграфически. Нередко хронологическую шкалу типов керамики, сменявших друг друга на одном и том же памятнике, приходится конструировать статистическим методом, предполагая, что древнейшими являются те типы посуды, которые преобладают в нижних горизонтах культурного слоя. Этот метод может быть принят с некоторыми оговорками лишь в том случае, когда отложение культурного слоя происходило спокойно. Но так как никогда нельзя исключать перекапывание поверхности в разные эпохи, уверенности в последовательности отложений быть не может; лишь в редких случаях стратиграфические наблюдения на многослойных поселениях позволяют расчленить находки по этапам.

Такого рода наблюдения удалось провести на дюнной стоянке Боборыкино II на р. Исети, близ г. Шадринска. В 1957 и 1958 гг. Южно-Уральской археологической экспедицией Уральского университета [1] на этом памятнике была вскрыта площадь, равная 745 $м^2$.

Стоянка расположена на невысокой дюне, и у ее основания (рис. 1). Были заложены пять раскопов и траншея [2]. Раскоп I и II охватили в центральной части дюны две хорошо заметные на поверхности впадины, на месте которых были вскрыты соответственно две землянки.

В раскопе I, кроме того, вскрыты еще одна плохо сохранившаяся землянка и яма неясного назначения.

Раскопы III и IV были разбиты к западу от первых двух и частично захватили западный и южный склоны дюн. В них были вписаны также по одной, но менее заметной впадине. Жилищ здесь обнаружено не было. Раскопом V исследованы участки стоянки у основания дюны, за ее пределами к югу, в сторону реки. На этой площади обнаружено три жилища, следы которых на современной поверхности не были заметны. Траншея прорезала западный склон дюны и вышла далеко за ее пределы. Слабые признаки культурного слоя в траншее оказались только на склоне дюны.

Керамические находки разделяются на несколько хронологических групп: неолит, поздний неолит, боборыкинская культура, андроновская и каменогорская культуры, сарматское время, бакальская культура (рис. 2—5).

Неолитические сосуды имеют характерную для лесного Зауралья

---

[1] В 1958 г. экспедиция проводилась совместно с Курганским краеведческим музеем.

[2] Руководители раскопов: I — В. Д. Викторова, II—III — В. С. Стоколос, IV — В. И. Фомина, V — Л. З. Ильина.

и Прикамья форму, напоминающую яйцо в $^3/_4$: острое дно, наклон края внутрь, карнизик или налеп изнутри по краю сосуда. Орнаментация покрывает всю внешнюю поверхность сосуда и карнизик. Расположенный зонально орнамент наносился путем нарезки (рис. 2, *1, 6, 8, 9;* рис. 4, *3),* методом отступающей палочки (рис. 2, *4, 5, 7;* 4, *2*), оттисками гребенчатого штампа (рис. 2, *2, 3, 6;* рис. 4, *1*). Элементы орнамента просты: горизонтальные линии, волны и зигзаги, елочка, взаимопроникающие заштрихованные треугольники; реже вертикальные или наклонные волны и шагающая гребенка. Орнамент в большинстве случаев наносился одним инструментом, но встречаются сосуды, на которых сочетаются оттиски гребенки с отступающей палочкой или резной волной; пояса из рядов волнистых линий обычно разделяются один от другого двумя горизонтальными линиями, нанесенными отступающей палочкой. Карнизик, как правило, орнаментирован волнистой полоской, независимо от характера орнамента на лицевой стороне сосуда.

Среди сосудов, орнаментированных отступающей палочкой и особенно шагающей гребенкой, встречаются экземпляры с менее выраженными карнизиками внутреннего края. Только единичные экземпляры сосудов сделаны из глины с большой примесью талька. Подавляющее большинство сосудов примеси не имеют.

Вторую группу составляют поздненеолитические прямостенные полуяйцевидные сосуды с острым дном (рис. 4, *4, 5, 6*). Вдоль внутреннего края карнизик отсутствует. Его заменил скос, приостряющий край (рис. 4, *5*). Иногда край немного отогнут наружу (рис. 4, *6*). Орнаментация этой группы очень стойкая. Она также зональная, нанесена всегда гребенчатым штампом и состоит из рядов елочки, вертикальных и наклонных оттисков, зигзагов, редко ромбической сетки (рис. 2, *10—14*; рис. 4, *4, 5, 6*). Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность, но не всегда. Встречаются сосуды, у которых нижняя часть лишена орнамента. На скошенном внутреннем краю обычно располагается узенькая орнаментальная полоска из наклонных оттисков гребенки. На некоторых сосудах вдоль края один-два ряда ямок, иногда нанесенных поверх оттисков гребенчатого штампа. На одном сосуде помещены схематические изображения человеческих фигур и, видимо, чумов (рис. 4, *5*). Сосуды этой группы сделаны из глины, лишенной примесей, имеют тонкие стенки с характерными вмятинами как бы от кончиков пальцев. На внутренней поверхности некоторых экземпляров видны штрихи от заглаживания, но большинство сосудов, наоборот, отличается гладкой, ровной как внешней, так и внутренней поверхностью.

Описанный тип керамики, явно развившийся из неолитического, можно назвать поздненеолитическим.

Хронологическая последовательность описанных двух типов керамики хорошо подтверждается стратиграфическими наблюдениями на первых четырех раскопах, где на описанные типы посуды падает большинство находок. Они, несомненно, неодновременны. В раскопе III 64% найденной керамики составляют обломки неолитических сосудов и не встречено ни одного поздненеолитического фрагмента. В верхних горизонтах раскопов, I, III и IV залегали совместно обломки сосудов тех и других типов, за исключением участков, занятых жилищными впадинами. На заплыве землянок тот или другой тип встречены в небольшом количестве. Зато заполнение жилищ ближе ко дну дало почти исключительно поздненеолитическую посуду с гребенчатым орнаментом. Следовательно, наиболее ранний неолитический слой был прорезан землянками в эпоху позднего неолита (рис. 6).

Большое скопление неолитической керамики было встречено только в одном пункте. Яма в юго-восточной части раскопа I оказалась заполненной однородной неолитической керамикой с орнаментом, состоящим преимущественно из волнистых линий, нанесенных резьбой и методом

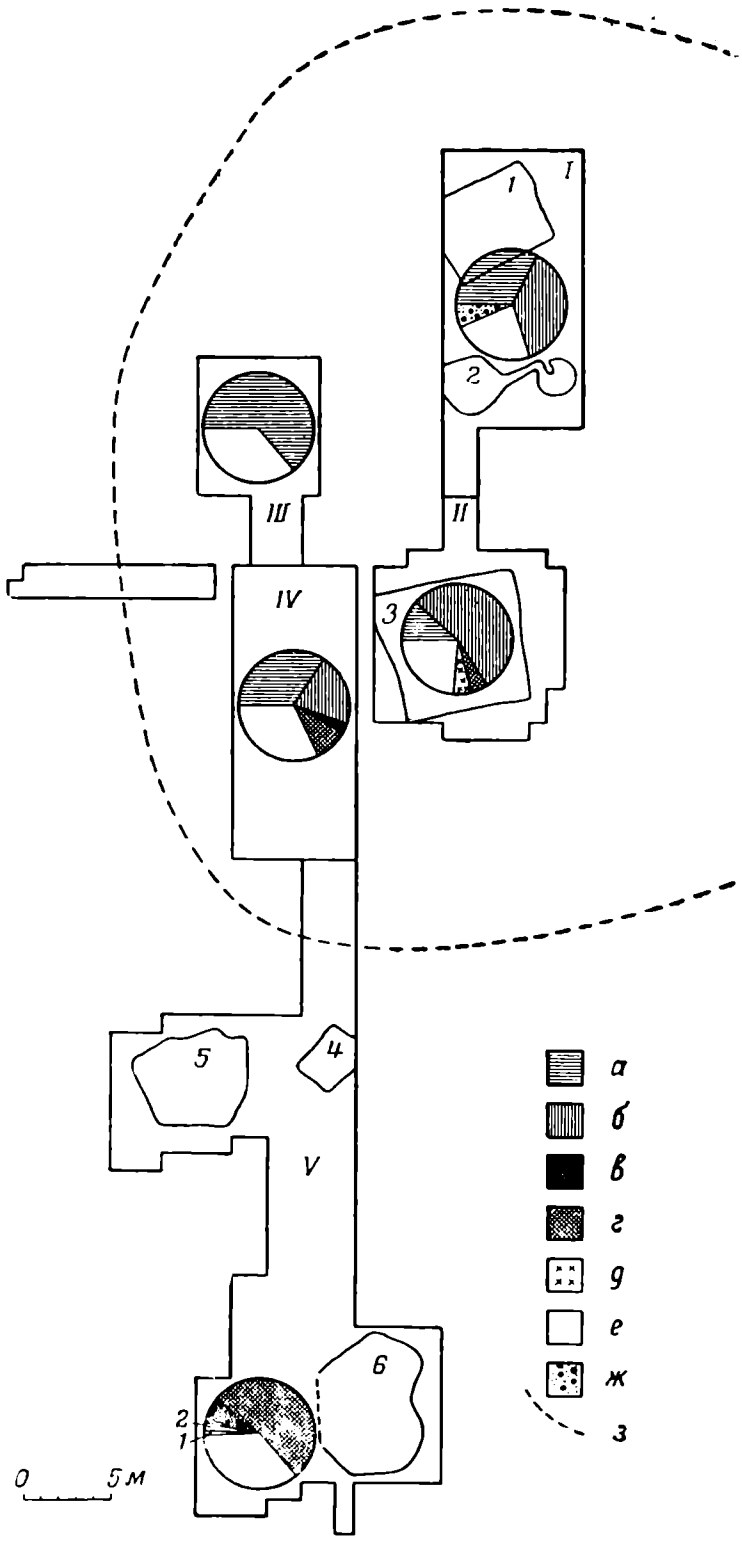


Рис. 1. Распределение типов керамики по площади поселения Боборыкино II

а — неолитическая; *б* — поздненеолитическая; *в* — боборыкинская; *г* — андроновская; *д* — каменогорская; *е* — сарматского времени; *ж* — бакальская; *з* — подошва дюны *1—6* №№ жилищ

отступающей палочки. Эта яма, возможно, является следом жилища или какого-то другого сооружения эпохи неолита.

Обращает на себя внимание, что неолитические сосуды редко орнаментировались гребенкой, а сосуды второй группы, наоборот, покрыты почти исключительно оттисками гребенчатого штампа.

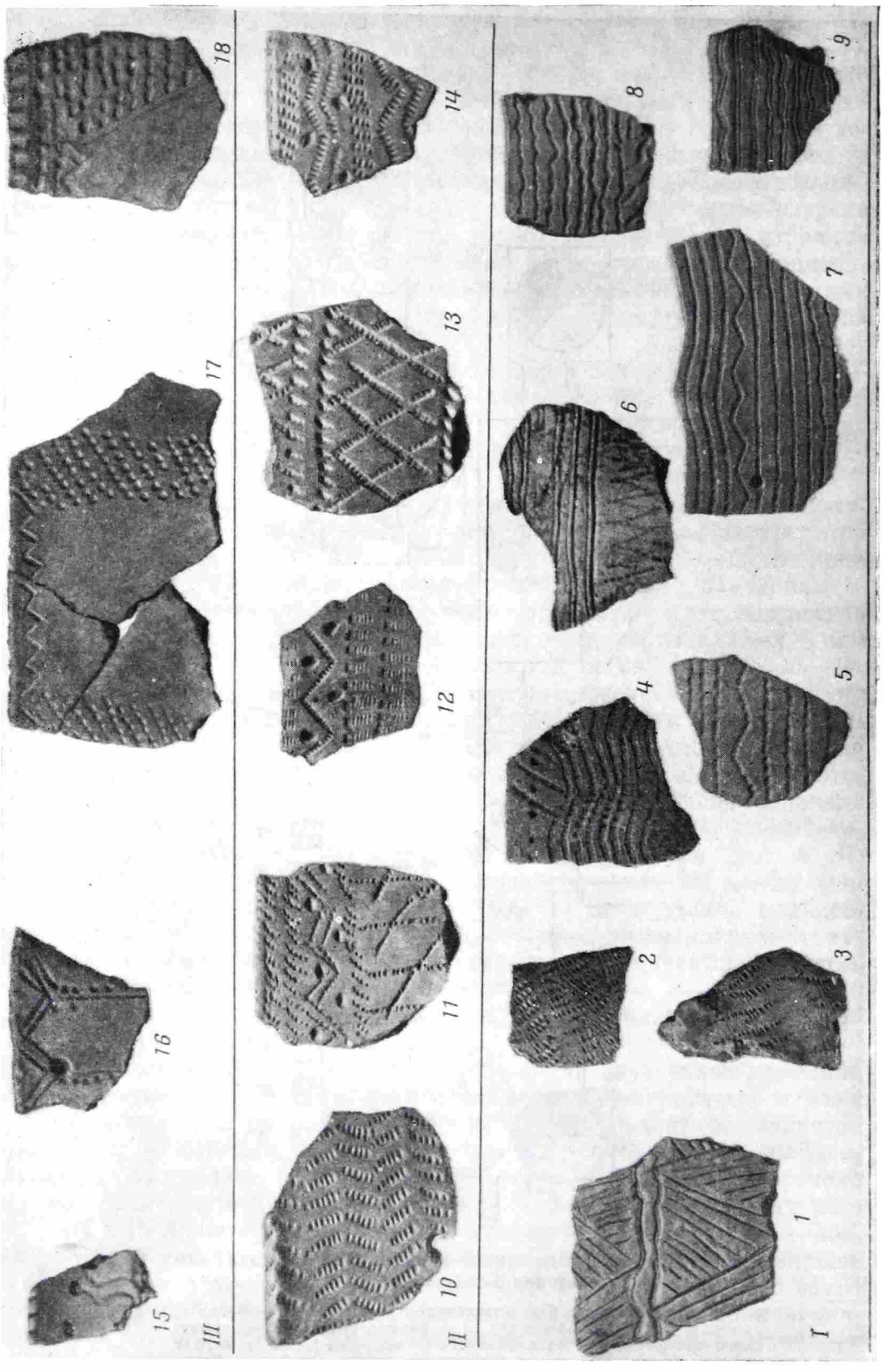


Рис. 2. Типы керамики
I — неолитическая; *II* — позднеолитическая; *III* — боборыкинская

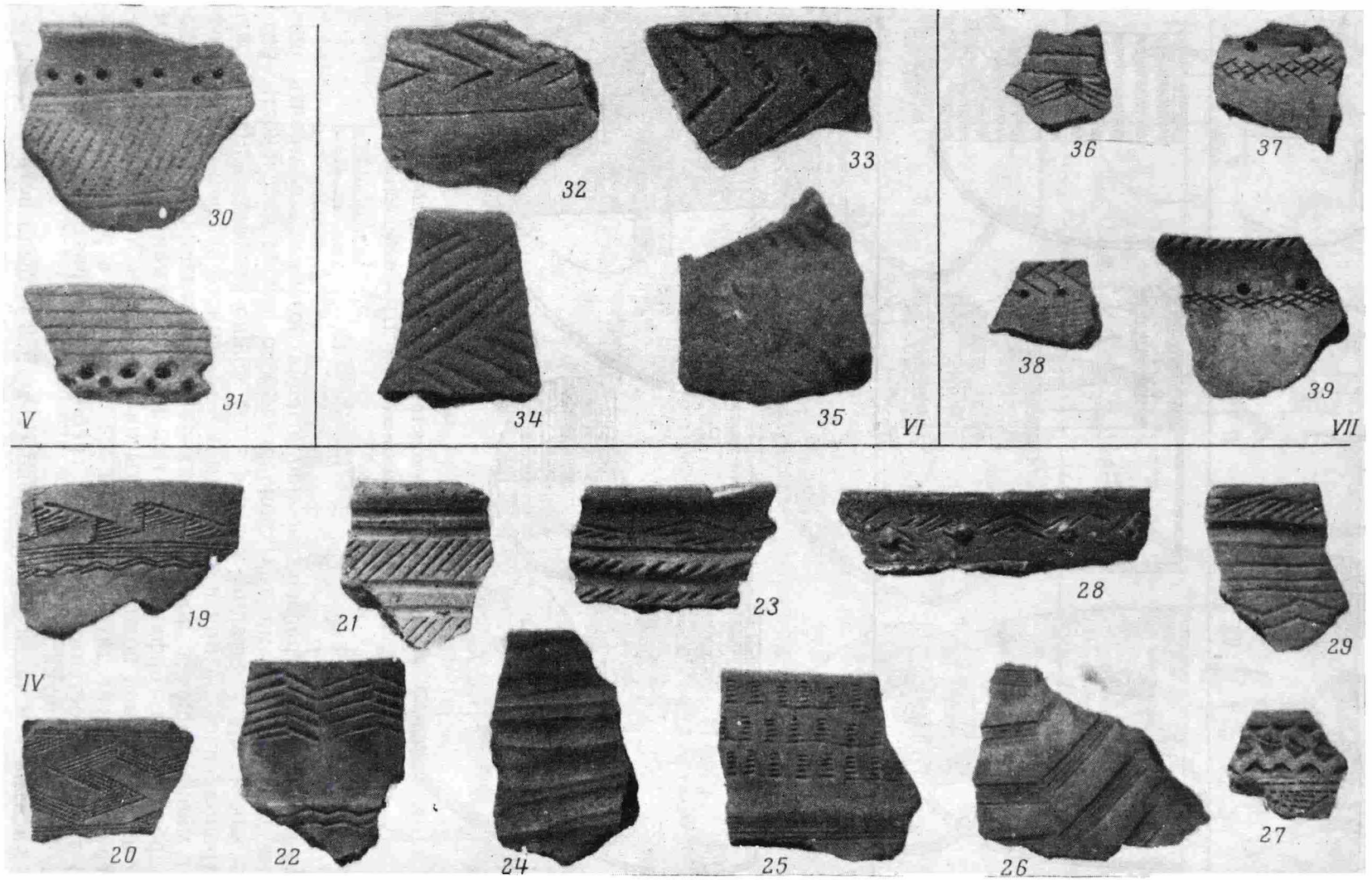


Рис. 3. Типы керамики

IV — андроновская; *V* — каменогорская; *VI* — сарматского времени; *VII* — бакальская

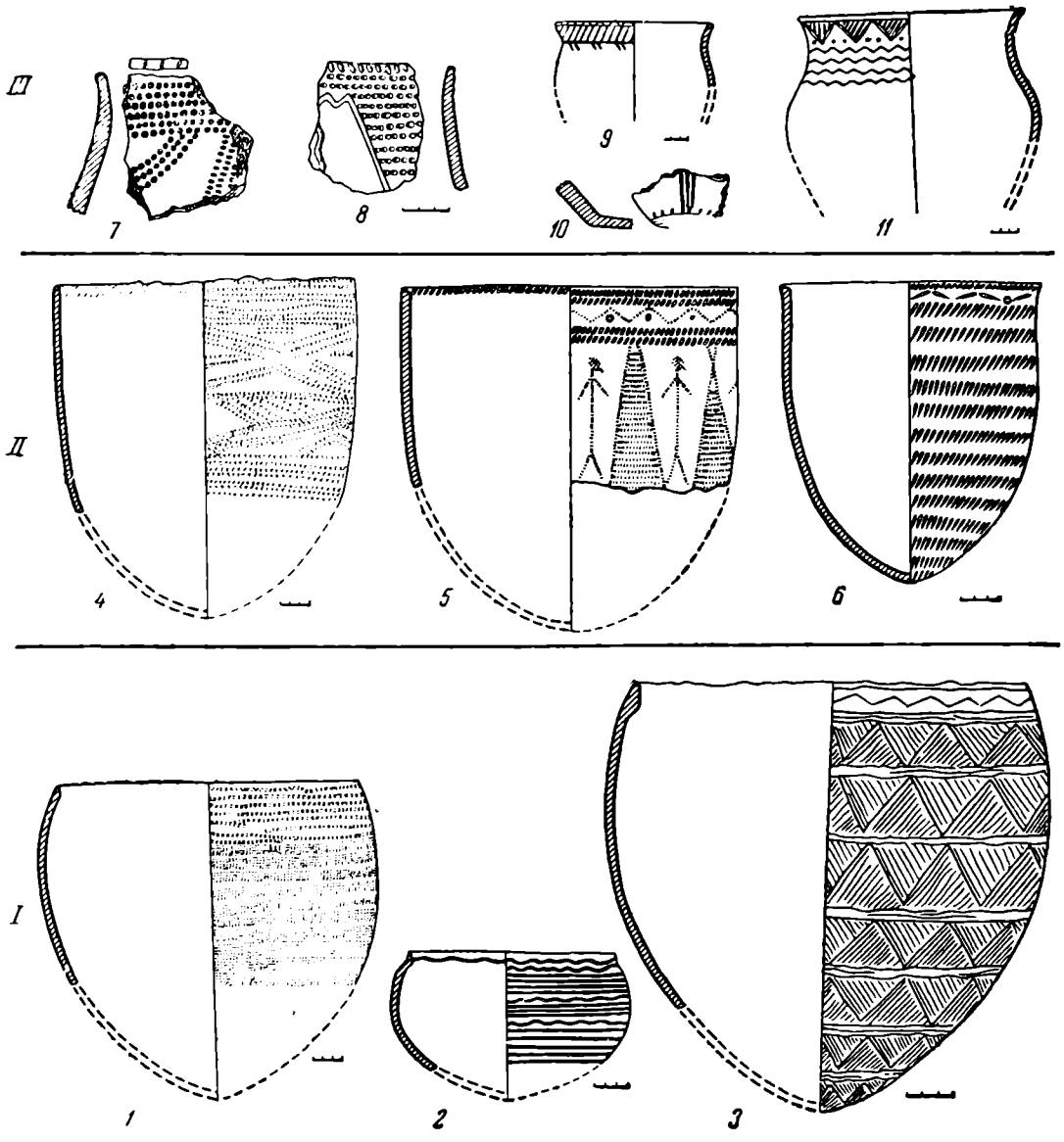


Рис. 4. Типы керамики (реконструкция формы сосудов)
I — неолитическая; *II* — поздненеолитическая; *III* — боборыкинская

Поскольку стратиграфические наблюдения позволяют поставить описанные два типа керамики в хронологическую последовательность, различие как их орнаментации, так и формы можно рассматривать так же, как хронологический признак. Керамика с волнисто-резным орнаментом имеет много общего с посудой таких ранних памятников, как Стрелка на Горбуновском торфянике, убедительно датируемая А. Я. Брюсовым концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э.[3]. Керамику первой группы следует датировать тем же временем, а развивающиеся из этого типа прямостенные сосуды с гребенчатым орнаментом отнести к концу III тысячелетия до н. э.

В раскопе V и частично в раскопе IV в 1958 г. была встречена керамика неизвестного ранее типа, названного нами «боборыкинским». Он представлен несколькими видами плоскодонных сосудов из глины, лишенной примесей. Наиболее распространенными являются сосуды со

[3] А. Я. Брюсов. Уральская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 74.

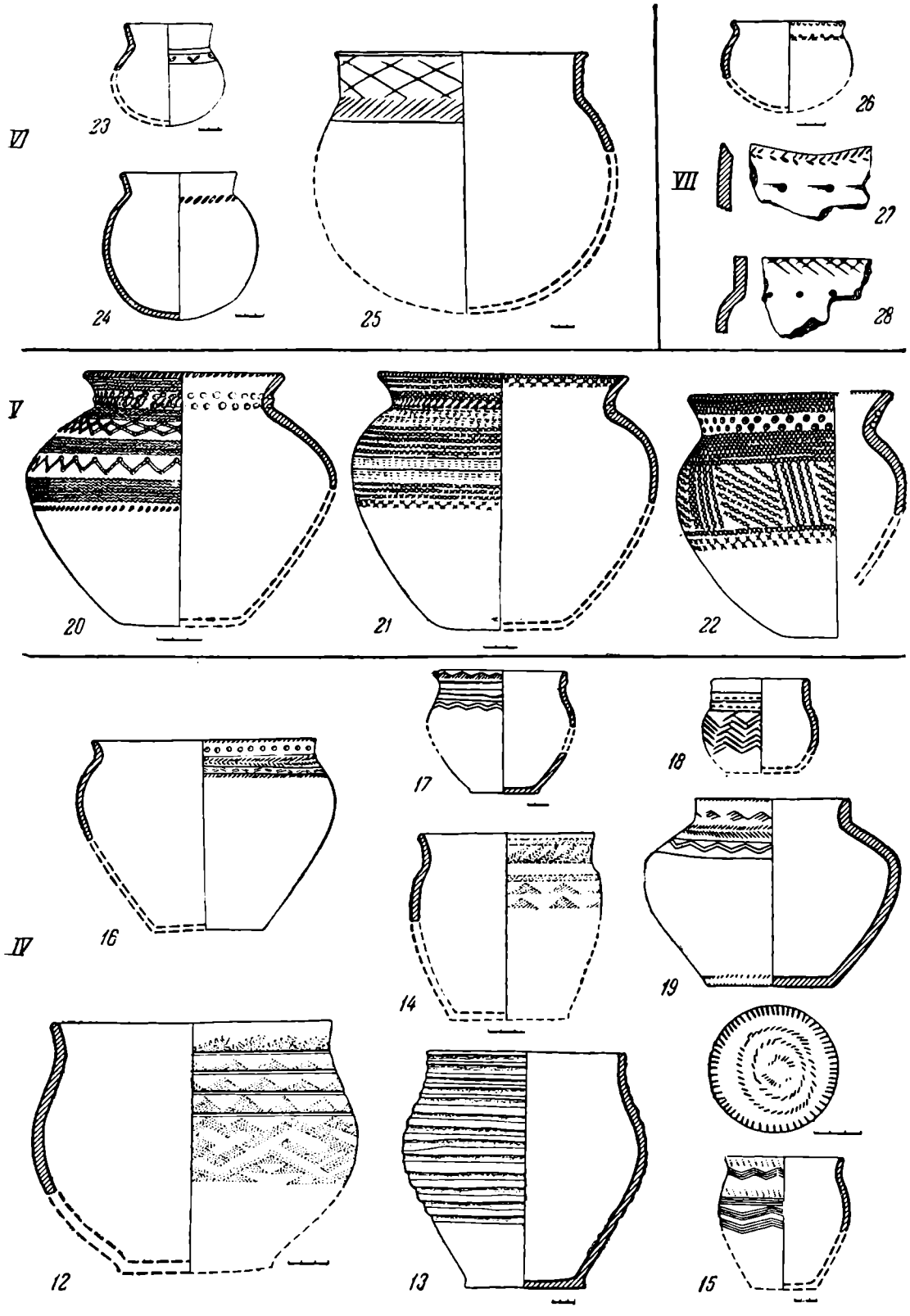


Рис. 5. Типы керамики (реконструкция формы сосудов)

IV — андроновская; V — каменогорская; VI — сарматского времени; VII — бакальская

слегка отогнутым венчиком и слабо выпуклыми плечиками (рис. 4, *7*, *8*), менее часты сосуды более профилированные (рис. 4, *9*, *11*). Найдено также несколько мелких чашечек. Объединяющим все виды сосудов элементом служат насечки по краю горла и дна. Эта черта резко выделяет боборыкинские сосуды из среды других.

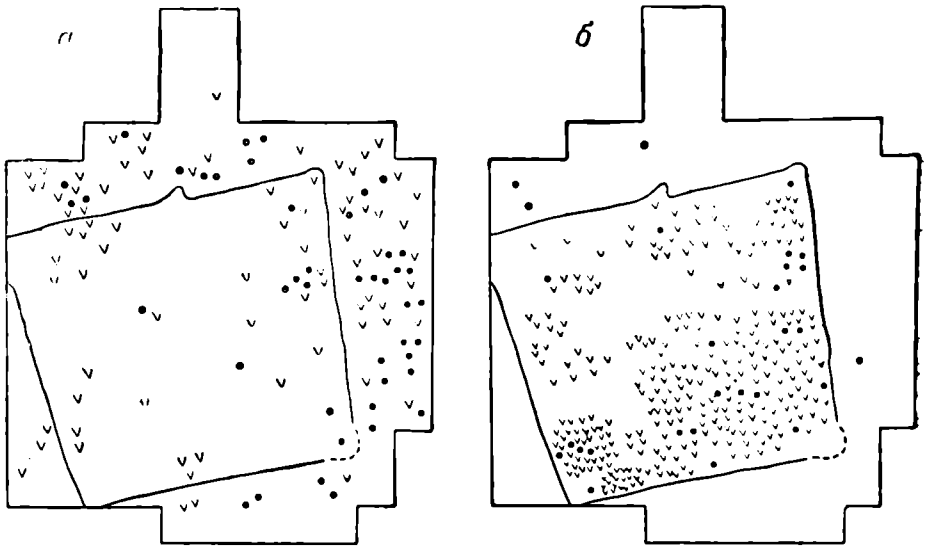


Рис. 6. Распределение неолитической и поздненеолитической керамики по горизонтам культурного слоя раскопа II

а — на глубине до 0,6 м (уровень древней поверхности); *б* — на глубине 1,5—1,8 *м* (у пола землянки); ○ — неолитическая керамика; ∨ — поздненеолитическая;

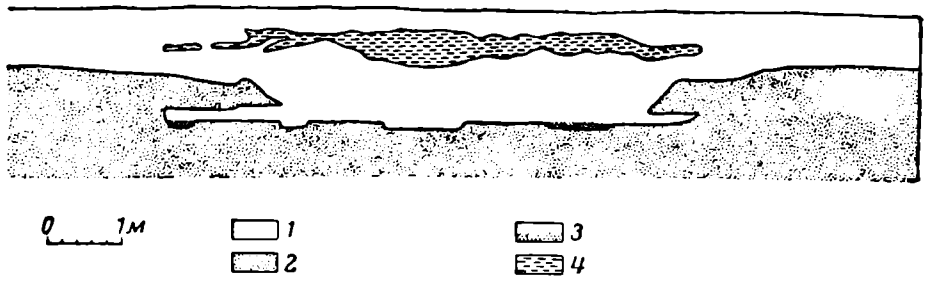


Рис. 7. Разрез землянки № 6

1 — чернозем; *2* — грунтовой песок; *3* — темно-серый песок; *4* — зола

Орнамент покрывает только узкую, не больше одной четверти высоты сосуда, полоску. Иногда имеется также ряд зигзагов у дна. Бросается в глаза полное отсутствие гребенчатого орнамента. Рисунок наносится острием и состоит из резных линий, образующих вертикальные или горизонтальные зигзаги (рис. 2, *15—18*; рис. 4, *8, 11*), вертикальные или наклонные ряды отрезков линий (рис. 2, *16;* рис. 4, *9, 10*), горизонтальные ряды насечек или ямок (рис. 2, *18*; рис. 4, *7, 8*), заштрихованные треугольники (рис. 4, *11*), треугольные и прямоугольные лопасти. Треугольники и лопасти в большинстве случаев заполнены ямками (рис. 2, *17, 18*; рис. 4, *8*). Иногда зигзаги выполнены методом отступающей палочки. Ямчатые вдавления часто нанесены острием, поставленным наклонно по ходу движения инструмента, в чем нельзя не усмотреть также сходство с методом отступающей палочки эпохи неолита. 60% боборыкинской керамики обнаружено в землянках №№ 5 и 6, причем в землянке № 5 она составила половину находок, а в землянке № 6 — еще бóльшую долю. Землянка № 6 перекрывалась зольником мощностью до 0,55 *м* с андроновской керамикой. Зольник отделен от пола землянки толщью заплыва в 0,8—1 *м* (рис. 7). Следовательно, со времени гибели боборыкинского жилища до появления андроновского поселения протекло немало времени. Боборыкинский слой следует датировать временем не ближе грани III и II тысячелетий до н. э. Этой дате не противоречит и состав керамики в землянке № 5, где наравне с боборыкинскими оказались обломки поздненеолитических сосудов с гребенчатой орнаментацией. При

сохранении (по сравнению с гребенчатой поздненеолитической керамикой) архаичных приемов орнаментации в виде метода отступающей палочки, боборыкинские сосуды имеют более позднюю форму. Сопровождающий боборыкинскую керамику кремень дает ряд своеобразных форм, также не известных на Урале: пластинки со скошенным концом, пластинки с выемками, острия из пластинок со скошенным притупляющей ретушью краем. Аналогии этим орудиям можно найти лишь на юге, в памятниках кельтеминарской культуры, и на синхронных с последней стоянках Нижнего Поволжья и Западного Казахстана. Туда же тяготеют некоторые элементы орнамента боборыкинской керамики. Вертикальные боборыкинские зигзаги (рис. 2, *15*) находят себе полную аналогию в Хорезме [4].

Боборыкинская культура, по-видимому, сложилась в более южных районах, но на базе, родственной зауральскому неолиту.

Андроновская керамика представлена в основном двумя типами — федоровским и алакульским; в очень небольшом количестве собрана керамика замараевского и других поздних типов.

К федоровскому этапу относятся горшки с выпуклыми боками, со слегка отогнутой шейкой. В отличие от других районов (Северный Казахстан, Челябинские степи), для местной федоровской керамики характерен перерыв орнамента в нижней части шейки. Орнамент обычно нанесен мелкогребенчатым штампом в виде различных сочетаний геометрических фигур и меандра (рис. 3, *19, 20*; рис. 5, *12, 14*). Интересен орнамент из тупоугольных треугольников, окруженных бахромкой из небольших ямок.

Большое место в орнаменте федоровской керамики занимают желобки (рис. 3, *24*; 5, *13*). На одних сосудах они сплошь покрывают верхнюю часть стенок и зоны у дна, на других — сочетаются с меандровым узором, выполненным гребенчатым штампом.

Резной орнамент очень редок; он состоит главным образом также из геометрических фигур. Еще более редок орнамент из ямок, насечек, уголков гладкого штампа (рис. 3, *27*).

Примеси талька или слюды в тесте федоровской керамики нет.

Алакульская керамика составляет более многочисленную группу. Для нее характерен уступчик, резко отделяющий шейку от тулова (рис. 3, *22*; рис. 5, *14*), но встречаются и округлые плечики (рис, 5, *15*). Наиболее распространен орнамент в виде «протащенной гребенки», образующей горизонтальные линии или зигзаги (рис. 3, *26*; рис. 5, *15*). Тем же гребенчатым штампом выполнены пояски из вдавлений штампа, поставленного под углом к поверхности сосуда (рис. 3, *25*). Широко распространена и резьба: зигзаги (рис. 3, *22*), вертикальная и горизонтальная елочка, упрощенный меандр, в единичных случаях — заштрихованные треугольники и ромбы. Чаще, чем на федоровской керамике, встречается орнамент из всякого рода ямок, вдавлений. Для алакульских сосудов характерна примесь талька, изредка — толченой раковины.

К керамике федоровского и алакульского типа примешивается небольшое число (12—13%) разнообразных сосудов, которые носят более поздние черты. Среди них единицы имеют замараевский облик: андроновские элементы орнамента у них выполнены грубо, они снабжены валиками или воротничками с резной елочкой, косыми насечками (рис. 3, *23, 29*; рис. 5, *17*) или наклонными оттисками гребенчатого штампа.

Другую группу керамики позднебронзового времени составляют обломки сосудов с сильно выпуклыми плечиками и отогнутым утонченным краем с «жемчужинами» на горле или на переходе к плечикам (реже — на средней части стенок), орнаментированные исключительно резными

---

[4] А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, № 1, рис. 6, *1*.

зигзагами, елочками, насечками (рис. 3, *28*; рис. 5, *16*). Иногда «жемчужины» не дополняются никаким орнаментом.

В ряде случаев место жемчужин занимают «флажки» (рис. 5, *19*). Последние (по аналогии с керамикой культуры Курман-Тау в Башкирии) позволяют датировать «жемчужные» сосуды самым концом эпохи бронзы — началом I тысячелетия до н. э.

Единичны также обломки сосудов эпохи бронзы с глубокими, круглыми ямками вдоль края, что абсолютно несвойственно андроновской посуде.

Стратиграфически эти поздние типы керамики не удается на данном памятнике отделить от типично андроновских фрагментов.

Следующую небольшую группу керамических находок составляют обломки оригинальных плоскодонных сосудов со слегка отогнутым венчиком и крутыми плечиками, покрытых нарядным густым орнаментом из оттисков гребенчатого, змейкового и крестового штампов (рис. 3, *30, 31*; рис. 5, *20—22*). В нижней части их горла в два ряда в шахматном порядке помещены круглые глубокие ямки. Такая керамика впервые в Зауралье в большом количестве была найдена в начале XX в. В. Я. Толмачевым на Каменогорском городище (р. Синара на севере Челябинской области) [5]. В 1956 г. на этом городище были произведены значительные раскопки Н. П. Кипарисовой (рис. 5, *20—22*). Керамика каменогорского типа в лесостепной полосе Зауралья найдена на ряде памятников, главным образом на городищах по рр. Синаре, Караболке, Багаряку, среднему течению Исети в районе Шадринска. Немало ее находок и в лесном Зауралье. Наиболее северный пункт, где обнаружена керамика каменогорского типа, находится на р. Сосьве, у с. Махтали, Гаринского района, Свердловской области (разведка В. С. Стоколоса, 1957 г.), наиболее восточный — у г. Тюмени, наиболее южные находки — в районе Чебаркуля и Златоуста. Единичные фрагменты каменогорской керамики встречены на раннеананьинских (Галкинское городище) и позднебронзовых (Ерзовская стоянка) памятниках Прикамья, где их следует рассматривать как завезенные из Зауралья. П. А. Дмитриев датировал керамику каменогорского типа началом I тысячелетия до н. э. Обычность находок ее на городищах лесостепного Зауралья не позволяет удревнять эту дату. Преобладание этого типа керамики на ряде памятников — Каменогорское городище на р. Синаре, Боевское городище на р. Багаряк и на других — позволяет выделить в Зауралье особую каменогорскую культуру. Представлена она хотя и небольшим, но компактным слоем на поселении Боборыкино II.

Следующую группу составляют сосуды сарматского времени бомбовидной формы, с высокими прямыми горлами (рис. 5, *23—25*). Чрезвычайно бедный орнамент на них ограничивается елочкой, рядами наклонных линий на горле и на плечиках (рис. 3, *32—35*). На горле иногда встречается ромбовидная сетка из перекрещивающихся линий (рис. 5, *25*). Нанесен орнамент или резьбой, или оттисками гладкого штампа. Изредка встречаются и оттиски грубого крупного гребенчатого штампа. В эту группу нами отнесены не только фрагменты, которые по орнаменту или по форме характерны для лесостепных памятников Зауралья сарматского времени, но и неорнаментированные обломки сосудов с большой примесью талька или слюды, хотя бы форма их и не была ясна. Такая примесь на данном памятнике типична только для посуды сарматского времени. Сотни подобных черепков встречены по всей площади всех раскопов: они перекрывали и заполнение жилищ. В ряде мест эта керамика найдена в виде крупных фрагментов и скоплений черепков, из которых составляются почти полные сосуды. Такие скопления встре-

---

[5] Коллекция Свердловского музея. См. А. А. Спицын. Зауральские древние городища. ЗОРСА, т. VIII, вып. 1, 1906, рис. 25, стр. 223.

чены и над заполнением жилищ, где они могли оказаться, лишь будучи раздавленными на месте. Следовательно обитатели стоянки в сарматское время поселились здесь тогда, когда на месте землянок оставались лишь неглубокие впадины. Может быть, впадины даже использовались для защиты костров от ветра. На эту мысль наводит находка раздавленного крупного сосуда сарматского типа в самом центре впадины первой землянки. Форма, орнамент и состав глины описанной керамики идентичен с посудой городища «Чудаки», которое датируется второй половиной I тысячелетия до н. э. [6]

Самые поздние отложения на поселении Боборыкино II представлены несколькими десятками орнаментированных фрагментов сосудов бакальской культуры (рис. 3, *36—39*; рис. 5, *26—28*). Сосуды в виде чашек и горшков со слабо выпуклыми плечиками имели, видимо, круглое дно (ни одного днища не встречено). Скудный орнамент покрывает только горло, очень редко спускаясь на плечики, и состоит из резных насечек, елочки, ромбической сетки, оттисков веревочки; нередко эти мотивы дополняются рядами круглых ямок. Примеси талька или слюды в глине нет.

Бакальская культура была выделена в 1940 г. на материалах ряда городищ в районе г. Шадринска и прежде всего Большого Бакальского городища. Ближайшие аналогии бакальской керамике усматриваются в ломоватовской культуре [7]. После опубликования В. Н. Чернецовым материалов Перейминского могильника [8], где среди керамики имеются сосуды, очень близкие бакальским, дату бакальской культуры можно ограничить IV—V вв. н. э.

Отложения каждой эпохи на стоянке выделяются не только типологически, но и (что важнее) стратиграфически и топографически. Стратиграфические наблюдения были облегчены наличием на памятнике нескольких разновременных жилищ. Вытянутая в меридиональном направлении конфигурация вскрытой раскопками площади, включение в эту площадь как поверхности дюны, так и участков за ее пределами позволили наметить границы обитаемой в каждую эпоху территории (рис. 1). Последними по времени обитателями стоянки были представители бакальской культуры. Бакальская керамика найдена была только в верхних горизонтах раскопа I, и то в небольшом количестве, составляя 5,9% общего числа керамики из этого раскопа. Широко представлена на стоянке посуда сарматского времени, обнаруженная во всех раскопах в количестве от 20,5 до 36,9%. Она, как и бакальская, залегала в верхних горизонтах культурного слоя, перекрывая и заполнения землянок. Ни одно жилище не может быть связано ни с бакальским, ни с сарматским временем. Наоборот, уверенно можно говорить, что с момента прекращения жизни в землянках протекло значительное время, прежде чем здесь появились новые обитатели, культурные остатки которых перекрыли мощные, почти стерильные заполнения ям на месте жилищ. На заре железного века на небольшом участке дюны недолгое время находился поселок каменогорской культуры. Незначительные остатки керамики каменогорского типа обнаружены в северо-восточной части раскопа II, отчасти поверх заполнения землянки.

Многочисленная андроновская керамика найдена уже за пределами дюны, в раскопе V, где она является количественно преобладающей, и в южной части раскопа IV, т. е. на склоне дюны, примыкающем к раскопу V. К андроновскому времени относятся в раскопе V одна из землянок (№ 4) и две ямы-погреба.

---

[6] К. В. Сальников. Городище Чудаки. СА, IX, 1947, стр. 225, рис. 5.

[7] К. В. Сальников. Исетские древние поселения. СА, XXV, 1956, стр. 213.

[8] В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. МИА, № 58. 1957, стр. 173, табл. XV, *1, 2*.

Боборыкинская керамика вся оказалась также только в раскопе V, будучи связана с двумя землянками. Одна из этих землянок была перекрыта мощным зольником с андроновской керамикой.

В отличие от обитателей бронзового века (андроновского и боборыкинского времени), неолитические и поздненеолитические племена жили исключительно на дюне. Вне ее, в раскопе V ранняя керамика составляла всего 3,4% находок, но на дюне во всех раскопах она была преобладающей (рис. 1), причем в раскопе III оказалась только неолитическая посуда, в раскопе IV ее также было больше, в то время как в раскопах I и II при наличии неолитической преобладала количественно поздненеолитическая, залегавшая и в землянках последних двух раскопов.

Из изложенного видно, что границы поселений на описываемом памятнике в разные эпохи не совпадали. Можно ли установить причины этого? Мне думается, что можно. Причины кроются, с одной стороны, в климатических условиях, господствовавших в ту или иную эпоху, и с другой — в характере хозяйства и быта племен. Дюна расположена в 100 *м* к северу от берега рукава Исети. Во время весеннего разлива вода сейчас подходит к ее основанию с юга, востока и запада. Такое же положение, по-видимому, было и в эпоху каменного века, что заставляло неолитические и поздненеолитические племена сооружать свои жилища на дюнном всхолмлении, где они были в безопасности от весенних разливов. В эпоху бронзы климат, несомненно, был суше современного. Вода, очевидно, не выходила за пределы коренных берегов. Это позволило племенам боборыкинской и андроновской культур поселиться на более удобной, ровной площадке, за пределами дюны, и ближе к реке. Бóльшая сухость климата в андроновское время по сравнению с современным доказывается, в частности, и тем, что пол андроновской землянки и ям-погребов в раскопе V уходил ниже современного уровня грунтовых вод. Существование в Зауралье ксеротермического климата подтверждается нашими наблюдениями на соседнем андроновском поселении Боборыкино VI, отстоящем от стоянки Боборыкино II на 200 *м*. Поселение Боборыкино VI расположено непосредственно на берегу р. Исети. Андроновский культурный слой здесь был перекрыт песчаными наносами реки мощностью до 1 *м*. Рискованно на основании небольших следов пребывания на дюне поселения каменогорской культуры делать вывод, что к этому времени уже снова устанавливается более влажный климат, но, может быть, это было именно так. Относительно сарматского времени это можно утверждать уверенно. Широкое распространение керамики сарматского времени по всей вскрытой площади памятника объясняется полукочевым бытом обитателей дюны во второй половине 1 тысячелетия до н. э. Постоянные жилища этого времени известны в многочисленных городищах по берегам р. Исети. На дюнах же, очевидно, жили в летних легких жилищах, которые без труда переносились в зависимости от сезона: весной ставились на дюне, а по спаду воды — ближе к берегу на ровной площадке. В бакальское время климат, несомненно, был такой же, как в наши дни, чем и объясняется расположение следов обитания племен бакальской культуры на дальнем от реки краю дюны.

Двадцать лет назад в 1940 г. в результате обследования памятников среднего течения р. Исети удалось наметить в древнейшей истории населения лесостепного Зауралья четыре хронологических эпохи: неолит, андроновскую, сарматскую и бакальскую [9]. После исследованного многослойного поселения Боборыкино II можно уверенно говорить о семи хронологических группах керамики и соответственно о семи эпохах, пережитых населением лесостепного Зауралья. Размеры статьи не позволяют остановиться на сложном вопросе генетической связи между одними и отсутствия таковой между другими парами соседних во времени культур.

[9] К. Б. Сальников. Исетские древние поселения, стр. 214.

Л. С. КЛЕЙН

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ЯМНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ КАТАКОМБНОГО ТИПА

(К вопросу о происхождении донецкой катакомбной культуры)

Одной из крупнейших заслуг В. А. Городцова перед наукой справедливо считается выделение основных культур эпохи бронзы в степях Восточной Европы. Выделение это явилось результатом мастерского применения методов вариационной статистики к материалам, добытым в процессе широко развернутых раскопок курганов в бассейне Северского Донца в 1901 и 1903 гг.[1]

В составленных В. А. Городцовым сводных таблицах наметилась стройная система: с распределением погребений по группам в зависимости от формы могилы (грунтовая яма, катакомба, сруб и т. д.) совпала и группировка всех прочих элементов погребального комплекса (положение покойника на правом или левом боку, ориентировка, погребальный инвентарь). Так, например, в ямных погребениях покойники, как правило, лежат на спине с подогнутыми ногами или на правом боку, головой на восток и северо-восток, и сопровождаются круглодонными сосудиками с бедным врезным или веревочным орнаментом. В катакомбах покойники лежат, как правило, на правом боку, головой на юг или запад, лицом к выходу из катакомбы и сопровождаются богато орнаментированными плоскодонными сосудами, костями овцы и коровы, нередко бронзовыми украшениями и т. п.

Стратиграфические наблюдения позволили В. А. Городцову установить, что катакомбная культура в бассейне Северского Донца в относительной хронологии следует непосредственно за ямной и предшествует срубной, а впоследствии В. А. Городцов определил также и абсолютную датировку донецкой катакомбной культуры, фиксируя ее существование в пределах первой половины II тысячелетия до н. э.[2]

Резкие различия между комплексами ямной, катакомбной и срубной культур в бассейне Северского Донца побудили В. А. Городцова трактовать смену этих культур в исследованном им районе как свидетельство некогда происходившей в этих местах неоднократной смены населения: носители ямной культуры были сменены здесь пришедшими извне

---

[1] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии 1901 года. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 174—225; его же. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии. Там же, стр. 226—340, табл. I—XVIII; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года. Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 211—297; его же. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губ. 1903 года. Там же, стр. 288—365, табл. XIII.

[2] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Исторического музея за 1914 г. М., 1916, стр. 176, 223.

носителями катакомбной культуры, пребывание которых на Донце было нарушено новой миграцией — приходом «срубных» племен [3].

Стройность рисовавшейся В. А. Городцову картины несколько нарушалась наличием в исследованных им курганах небольшой группы погребений, выпадающих из наметившейся схемы. Это были погребения, совершенные в простых ямах, но по всем остальным признакам совпадающие с катакомбными погребениями. В Изюмском уезде таких погребений было обнаружено семь [4], в Бахмутском — четыре [5]. Анализируя материалы своих раскопок 1901 г. в Изюмском уезде, В. А. Городцов охарактеризовал эти погребения как «случайные» и «сомнительные» [6]. В анализе материалов из раскопок 1903 г. в Бахмутском уезде они названы «ямными погребениями катакомбного типа» [7]. Под этим названием они и вошли в археологическую литературу.

В 1928 г. П. Рау, говоря об аналогичных погребениях из старых раскопок Ф. Брауна в Северном Приазовье, предположил, что этот промежуточный (между ямным и катакомбным) тип погребения и по датировке располагается между ними [8].

Именно «ямные погребения катакомбного типа» послужили А. П. Круглову и Г. В. Подгаецкому основной опорой для попытки опрокинуть созданную В. А. Городцовым схему неоднократной смены населения в донецких степях, отвести его заключения о миграциях, неприемлемых с точки зрения концепции Н. Я. Марра. Увлекшись этой концепцией, А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий в 1935 г. предложили соответствующую ей трактовку смены археологических культур в степях Восточной Европы в духе стадиальных перевоплощений в последовательном автохтонном развитии одного и того же населения [9]. «Ямные погребения катакомбного типа» рассматривались как связующие звенья между этими стадиями, как «стадиальные переходы».

Для упрочения этих «стадиальных переходов» А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий постарались расширить круг «переходных» погребений и отыскали еще несколько «ямных погребений катакомбного типа» в старых археологических материалах — три погребения из раскопок С. А. Локтюшова в бассейне Северского Донца [10] и два погребения из раскопок

---

[3] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 208—209; его же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 247—248; его же. Культуры бронзовой эпохи в Средней России, стр. 171—172.

[4] Кург. 3 у слоб. Николаевка, погр. 4; кург. 1 у слоб. Черногоровка, погр. 4; кург. 3 у хут. Ковалевка, погр. 1 и 2; кург. 7, там же, погр. 2; кург. 3 у с. Великая Камышеваха, погр. 6; кург. 1 у слоб. Мечебелова, погр. 7 (см. В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца..., стр. 229—230, 242, 298—299, 303, 330, 333).

[5] Кург. 4 у хут. Каменка, погр. 1 и 2; кург. 5, там же, погр. 1; кург. 4 у хут. Ступки, погр. 3 (см. В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 289, 318—319, 328—330).

[6] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., стр. 179—180.

[7] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 278.

[8] P. Rau. Hockergräber der Wolgasteppe. Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Soz, Räte — Republik der Wolgadeutschen. 3. Jahrg., 1928, тетр. 1, Pokrowsk, 1928, стр. 16—17.

[9] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства. ИГАИМК, вып. 119, М.—Л., 1935, стр. 33—44.

[10] 2-й Гартманский кург. близ. б. Луганска, погр. 2; кург. 2 близ Гусиновского кладбища, там же, погр. 6; кург. 2 на юго-восточной окраине Луганска, погр. 4 (см. С. А. Локтюшов. Среднедонецкие курганные погребения бронзовой эпохи с оригинальной бытовой индустрией Северо-Кавказского и Средиземноморского влияний. (По данным археологических раскопок на Луганщине с 1919—1927 гг.). Збірник № 1, матеріялів вивчення басейну Донця. Тр. Наукового т-ва Донеччини, т. I, Луганьск, 1928, стр. 2—4; Архив ИИМК, 1926 г., дело № 187 (по старой описи — № 127). О раскопках и разведках С. А. Локтюшова по Донцу. Отчет... за 1926 г., стр. 9.

Н. Е. Бранденбурга в Северном Приазовье [11], а кроме того, включили в этот круг еще три погребения из раскопок самого В. А. Городцова в Изюмском уезде: два погребения, отнесенных В. А. Городцовым к ямной культуре [12] и одно катакомбное погребение с круглодонным сосудом (кург. 2 у «Гострой Могилы» близ с. Великая Камышеваха, погр. 3).

В 1938 г. О. А. Кривцова-Гракова с иных теоретических позиций, чем А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, также определила ямные погребения катакомбного типа как памятники переходного типа, как посредствующие звенья, связывающие ямную культуру с культурой катакомбной в единую генетическую цепь [13].

По О. А. Кривцово-Граковой, широко распространившаяся в степях Восточной Европы ямная культура в процессе естественного развития переходит в западной своей части в катакомбную культуру, а в восточной — в срубную, и дальнейшие передвижения степных племен трактуются в плане взаимодействия этих двух родственных культур на территории культуры, их породившей; в ходе этого взаимодействия «срубные» племена теснят на запад племена катакомбной культуры и ассимилируют их, занимая их территорию. Стало быть, в этой концепции также нет места миграциям, сколько-нибудь значительным вторжениям издалека в степи Восточной Европы.

Утверждение о том, что «катакомбная культура произошла из ямной путем постепенного развития последней» [14], аргументировано у О. А. Кривцовой-Граковой еще более широко, чем у А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого. К материалам, использованным в их книге, О. А. Кривцова-Гракова присоединяет несколько ямных погребений с катакомбными вещами из раскопок А. Н. Веселовского в Крыму и одно погребение из раскопок Н. Е. Бранденбурга в низовьях Донца, а также ямные погребения с катакомбными вещами и катакомбные погребения с традициями ямной культуры в инвентаре или обряде из раскопок Ф. А. Брауна в Северном Приазовье [15]. Кроме того, О. А. Кривцова-Гракова выделила в катакомбной керамике отдельные сосуды, которые по форме и технике изготовления очень близко напоминают горшки ямной культуры и отличаются от последних только плоским дном. Она также наметила в составе орнаментации катакомбной керамики элементы, имеющиеся в орнаментах ямной керамики.

Впоследствии О. А. Кривцова-Гракова добавила к этому указание на подбойные погребения Никопольщины как промежуточные звенья между ямными и катакомбными погребениями в единой генетической цепи [16].

В книге Т. Б. Поповой [17] собрана наиболее полная сводка материалов этого рода. Т. Б. Попова привлекла для доказательства генетической

---

[11] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок. СПб., 1908, стр. 180, 188—190. (Кург. 287, погр. 5, у А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого ошибочно указанное под номером 4; кург. 294, погр. 6).

[12] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца..., стр. 286—287, 290, 327—328. (Кург. 2 в имении Г. И. Хаджопуло близ Изюмского тракта, погр. 3, кург. 4, там же, погр. 1).

[13] О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 33—38.

[14] Там же, стр. 36.

[15] ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 6—11 (раскопки А. Н. Веселовского); ОАК за 1891 г., СПб., 1893, стр. 80—81 (раскопки Н. Е. Бранденбурга); Ф. А. Браун. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 83—88.

[16] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 111; см. также: П. Д. Либеров. Курганы у с. Константиновки, КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 140, 142—143.

[17] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955, стр. 16—18, 30—33, 50—67, 141—143; ее же. Катакомбная культура. Автореферат диссертации. М., 1953, стр. 6—8; ее же. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры. СА, XXII, 1955, стр. 27—28.

связи катакомбной культуры с ямной, кроме упомянутых выше материалов, еще несколько ямных погребений с вещами, которые Т. Б. Попова считает «катакомбными», из раскопок А. А. Бобринского, Д. Я. Самоквасова и др. в Нижнем Приднепровье и из раскопок Б. Н. Гракова в Северном Приазовье, а также небольшую группу погребений в катакомбах, но с элементами традиции ямной культуры в инвентаре и обряде, из тех же раскопок Б. Н. Гракова и из раскопок А. И. Тереножкина в Северном Приазовье [18]. Наконец, Т. Б. Попова ввела в этот круг доказательств и материалы с двух поселений на Нижнем Днепре (Стрильча Скеля и Дурна Скеля), исследованных А. В. Добровольским и другими археологами [19]. На этих поселениях в одном и том же горизонте, стратиграфически не разделенные, залегали комплексы керамики, по формам аналогичные: один — керамике ямной культуры (круглодонные сосуды), другой — керамике катакомбной культуры (плоскодонные сосуды), а с ними — керамика промежуточных форм (с уплощенным дном); все они почти не различаются по орнаменту. Т. Б. Попова трактует эти поселения как памятники переходного типа, как одно из доказательств происхождения катакомбной культуры из ямной [20].

По заключению Т. Б. Поповой, «переход от ямной культуры к катакомбной совершается не везде одновременно» [21]. Памятники переходного этапа, по ее мнению, в большом количестве имеются в Северном Приазовье и на Днепре. Т. Б. Попова предполагает, что «именно из Северного Приазовья обряд погребения в катакомбах и распространился на другие области» [22].

В бассейне Северского Донца, т. е. на территории классической катакомбной культуры, таких памятников переходного этапа Т. Б. Попова не находит; здесь, как она констатирует, нет ни погребений с ямным инвентарем в катакомбах, ни признаков ямной традиции в обряде, ни керамики переходных форм.

«Единственное указание на связь катакомбной культуры с древнеямной могут дать погребения в ямах, но по обряду захоронения и инвентарю типичные для катакомбной культуры» [23]. Так как керамика этих погребений, по предложенной в работе Т. Б. Поповой классификации, относится не к ранней, а к развитой катакомбной культуре, то Т. Б. Попова и трактует эти погребения не как памятники переходного этапа, а как «пережиточное явление», т. е. все-таки как доказательство, хотя и менее веское, родства с ямной культурой. (Еще раньше так же трактовал эти погребения В. Г. Чайлд [24].)

Более важное значение приобретают эти памятники по другим мотивам.

---

[18] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II, СПб., 1894, стр. 25, 41, 53; Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 15—17; Б. Н. Граков. Никопольская археологическая экспедиция. Отчет о работе летом 1945 г. (рукопись). Архив ИА АН СССР, Москва, дело № 843; О. А. Гракова. Погребения эпохи бронзы в Нижнем Приднепровье. Рукопись, там же, дело № 844; О. І. Тереножкін. Кургани в долині р. Молочної. АП, т. VIII, 1960, стр. 3—21.

[19] Е. Н. Мельник. Каталог коллекции древностей А. Н. Поля в Екатеринославской губернии, вып. 1, Киев, 1893, стр. 13; е е ж е. Стоянка и мастерская каменного века у днепровских порогов. Тр. VIII АС, т. IV, М., 1897, стр. 193; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. ИАК, вып. 43, 1911, стр. 106—108 (Материалы раскопок А. В. Добровольского в 1928 г. и раскопок А. В. Добровольского и В. Н. Даниленко в 1946 г. не изданы).

[20] Позже Б. А. Латынин высказался за аналогичную трактовку третьего (верхнего) слоя Михайловского поселения. См. Б. А. Латынин. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 7.

[21] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 31.

[22] Там же.

[23] Там же, стр. 31, 32, 52—53.

[24] V. G. Childe. Prehistory in the USSR. II. The Copper Age in South Russia. «Man», т. XLII, № 74, 1942, стр. 130.

Еще в 1950 г. М. И. Артамонов высказал (правда, без развернутой аргументации) убеждение в том, что катакомбная культура не связана генетически с ямной культурой и что памятники так называемого промежуточного или «переходного» типа представляют собой результат смешения этих культур. М. И. Артамонов указывал, что большинство памятников промежуточного типа относится к западной окраине ареала катакомбной культуры, где она выступает в значительно менее выраженном виде, чем в центральных районах [25].

В рецензии на книгу Т. Б. Поповой С. С. Березанская и О. Г. Шапошникова указали, что материалы, приведенные Т. Б. Поповой в качестве доказательства происхождения катакомбной культуры из ямной, могут с равным успехом толковаться и как свидетельства смешения, скрещивания обеих культур [26]. Так, например, ими отмечено, что наличие одинакового инвентаря в катакомбных и подбойных могилах как раз и говорит о том, что эти памятники одновременны, а не отражают разные этапы развития и что, следовательно, подбои суть просто подражания катакомбам [27].

В самом деле, основные памятники с различного рода сочетаниями признаков обеих культур — ямной и катакомбной — расположены на окраинах ареала катакомбной культуры, где и естественно было бы ожидать появления смешанных форм культуры, и лишь городцовские «ямные погребения катакомбного типа» находятся в самом центре ее ареала.

Донецкий вариант катакомбной культуры выступает в степях Восточной Европы как та первоначальная, так сказать, чистая, классическая культура, которая и могла послужить исходным материалом для смешения с ямной и другими культурами на окраинах, как первичный очаг воздействий катакомбной культуры на соседние культуры. Только «ямные погребения катакомбного типа» нарушают чистоту донецкого варианта.

Правда, поскольку ямная культура существовала и здесь до катакомбной, некоторое количество ее носителей могло быть ассимилировано пришельцами и, таким образом, могло внести свои традиции в катакомбную культуру, но все же наличие «ямных погребений катакомбного типа» дает повод для сомнения в том, что когда-либо существовал первоначальный очаг катакомбных влияний на ямную культуру.

Наконец, если считать, как это делает Т. Б. Попова, что в Северном Приазовье на базе ямной культуры развилась катакомбная культура раньше, чем в других областях, и что, следовательно, там уже существовала катакомбная культура, когда в других областях, например, на Северском Донце, еще продолжалось существование ямной культуры, то естественно было бы ожидать, что мы встретим в памятниках ямной культуры этих областей, в том числе и в памятниках ямной культуры бассейна Северского Донца, какие-то следы соседства с ранней катакомбной культурой. Но таких ямных погребений в бассейне Северского Донца нет — и лишь «ямные погребения катакомбного типа» можно было бы счесть памятниками поздней ямной культуры, отразившими влияние катакомбной культуры на ямную.

Вот почему анализ «ямных погребений катакомбного типа» с Донца по-прежнему остается существенной и необходимой частью исследования вопроса об истоках катакомбной культуры.

---

[25] М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2, стр. 42.

[26] С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова. Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. СА, 1957, № 2, стр. 273.

[27] Там же, стр. 273.

Сам первооткрыватель этих погребений, чье мнение имеет в данном случае особый вес, считал их «случайными» и «сомнительными». Последние объясняют недостатком материалов, которыми располагал В. А. Городцов [28]. Но 11 погребений (на 65 чисто катакомбных погребений в 49 катакомбах), которыми он мог оперировать, не такой уж незначительный материал.

Если В. А. Городцов считал эти погребения «случайными» и «сомнительными», то можно предположить, что сами материалы раскопок не оставляли у исследователя уверенности в том, что эти погребения определены и описаны правильно. Иными словами, следует проверить, не обязана ли эта категория памятников своим существованием несовершенству техники полевых исследований, не представляют ли собой эти ямы попросту нижние части катакомб, не выявленных в процессе раскопок.

Такую возможность, правда, в отношении другого исследователя, отмечает и сам В. А. Городцов, анализируя одно из погребений, открытых П. М. Еременко в 1897 г. в Новосильском уезде Орловской губ. «В этом погребении,— пишет В. А. Городцов,— все: и ориентировка, и положение, и окраска костяка, и, наконец, инвентарь оказались схожими с самыми типичными донецкими катакомбными погребениями. Но покойник лежал как будто не в катакомбе, а в яме» [29]. В. А. Городцов усомнился в достоверности этого факта и предположил, что «орловское погребение заключалось в катакомбе со ступенькой во входной яме», которые исследователь вследствие своей неопытности не заметил.

Но то, что В. А. Городцов допускал в отношении П. М. Еременко, приходится допустить и в отношении самого В. А. Городцова, несмотря на всю опытность последнего.

Каждый, кому приходилось раскапывать степные курганы, знает, как трудно выявить в насыпи контуры могильной ямы или шахты катакомбного погребения: заполнение их чаще всего сливается с общим фоном «рушенной» земли, из которой состоит насыпь. Контуры могильных ям и входных шахт катакомбных погребений обнаруживались, как правило, только по достижении уровня погребенного чернозема («горизонт») или даже материковой подпочвы. Редчайшие случаи, когда контуры ямы или шахты удавалось уловить еще в насыпи, специально отмечены в отчетах В. А. Городцова [30].

Между тем, как правильно отмечает Т. Б. Попова, «не всегда катакомба, впущенная в уже готовый курган, роется в материке. Иногда она устраивается в насыпи кургана. Сводчатый потолок таких катакомб быстро обваливается, и его трудно исследовать» [31].

Легко понять, что катакомба, впущенная в материк лишь нижней своей частью, имеет все шансы остаться невыявленной и быть принятой за простое ямное погребение.

К тому же следует учесть, что до раскопок в Изюмском и Бахмутском уездах у В. А. Городцова не было ясного представления о катакомбной культуре и ее типичных признаках. Это представление только складывалось в процессе раскопок и анализа добытого материала.

Далее, надо учесть конкретную обстановку раскопок. В. А. Городцов, как явствует из его отчетов, располагал крайне узким кругом помощников. (В 1901 г. это были один студент и несколько сотрудников — добровольцев.)

---

[28] О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры..., стр. 33; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 52.

[29] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России..., стр. 178—179.

[30] См., например, описание погр. 6 в кург. 1 у дер. Переездная (В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 308).

[31] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, стр. 141.

С небольшим и непостоянным коллективом он раскопал за четыре месяца 1901 г. 88 курганов с 268 погребениями и обследовал пять неолитических стоянок и два городища. В 1903 г. он всего с двумя сотрудниками за четыре месяца раскопал 80 курганов с 212 погребениями и обследовал две неолитические стоянки.

После всего сказанного не ясно ли, что какой-то процент невыявленных катакомб был просто неизбежен?

Обратимся к материалам раскопок. К 17 погребениям этого типа в бассейне Северского Донца, упомянутым выше, следует присоединить еще два погребения из раскопок В. А. Городцова, основываясь на особенностях погребального инвентаря или самой могилы: в Изюмском уезде — погр. 4 в кург. 3 у «Гострой Могилы» близ слоб. Великая Камышеваха; в Бахмутском уезде — погр. 4 в кург. 2 у пос. Лагери [32]. Таким образом, в границах донецкого варианта катакомбной культуры намечается, казалось бы, внушительная группа, состоящая из 19 «ямных погребений катакомбного типа».

Рассмотрим эти погребения, сопоставляя каждое с описанием всего кургана, в котором оно находилось.

* * *

1. Имение Г. И. Хаджопуло, близ Изюмского тракта, кург. 2, погр. 3 (б. Изюмский уезд) [33]. А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий исключили это погребение из числа погребений ямной культуры, уловив не только в чертах ритуала, но и в устройстве дна могилы сходство с катакомбным погребением. Они, однако, не заметили здесь наличия шахты, а между тем в отчете В. А. Городцова зафиксированы детали, которые о ней говорят.

Курган, в котором это погребение было найдено, имел высоту 1,8 *м* при диаметре 29 *м*. Он раскапывался колодцем 5,7×5,7 *м*. В центре колодца по достижении горизонта открылась яма глубиной 1,4 *м*, длиной 3,5 *м* и шириной 2,2 *м*. Яма была вытянута с севера на юг и делилась по дну небольшим порожком, так что дно северной половины немного превышало дно южной половины ямы. «Над северной половиной ее,— пишет В. А. Городцов — с самого верха насыпи кургана шел красный суглинок, иногда переходящий в сланцевую породу, напоминающую твердостью и цветом кирпич... Красный суглинок заполнял и всю северную половину ямы, тогда как южная половина ее была заполнена черноземом, одинаковым с черноземом всей насыпи» [34].

Совершенно очевидно, что красный суглинок представлял собой забивку шахты, дном которой и являлась северная половина ямы, а южная потому и была заполнена «черноземом, одинаковым с черноземом всей насыпи», что представляла днище катакомбы, свод которой обрушился. Вероятно, угроза обвала свода, отрытого в насыпи, возникла уже в процессе сооружения катакомбы, судя по тому, что В. А. Городцов установил в этой части погребения остатки деревянного перекрытия из обугленных плах на четырех толстых столбах (очевидно, строители старались таким путем укрепить непрочный земляной свод катакомбы). Впрочем, возможно, что эта деревянная конструкция имела не практическое назначение, а ритуальное, связанное с верой в очистительную силу огня. Облицовка свода и стен катакомбы деревом, деревянные подпорки свода

---

[32] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца..., стр. 329—330; его же. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 327.

[33] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца..., стр. 285—287.

[34] Здесь и везде ниже разрядка моя — *Л. К.*

были встречены и в бесспорных катакомбах: в Купянском уезде Харьковской губернии, в курганах, раскопанных Е. Н. Мельник (Воронцовка, кург. 5, погр. 3—6; Купянск, кург. 4) [35].

В. А. Городцов установил также наличие деревянной перегородки между северной и южной половинами «ямы» — это было, конечно, закрытие устья катакомбы.

Трактовка южной половины «ямы» как дна катакомбы подтверждается и тем, что именно в этой половине обнаружен скорченный костяк,

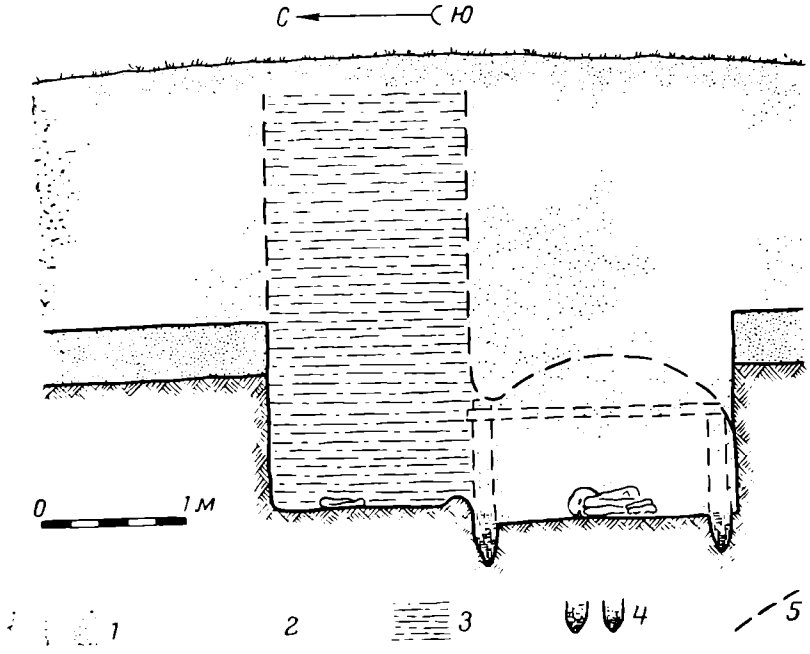


Рис. 1. Схема устройства могилы погр. 2 в кург. 3 в имении Г. И. Хаджопуло близ Изюмского тракта (реконструировано по описанию В. А. Городцова):

1 — насыпной чернозем; *2* — поверхностный и погребенный чернозем; *3* — красный суглинок; *4* — остатки древесины *5* — контур катакомбной могилы (реконструкция)

лежавший на правом боку, головой на восток, лицом, следовательно, к шахте— как и полагается по катакомбному ритуалу. В северной же половине, т. е. на дне шахты, лежали кости ног овцы. На рис. 1 представлена реконструкция этой могилы (этот и следующие чертежи выполнены мною в точном соответствии с описаниями В. А. Городцова).

2. Имение Г. И. Хаджопуло, близ Изюмского тракта, кург. 4, погр. 1 (б. Изюмский уезд) [36].

Это погребение, отнесенное В. А. Городцовым к ямной культуре, обнаружено в кургане высотой в 3,1 *м* и диаметром в 46 *м*. Раскопки велись колодцем 6,4×6,4 *м*. Ниже уровня горизонта, на глубине около 3,6 *м*, была выявлена яма с закругленными углами глубиной в 1,8 *м*, вытянутая с запада на восток (длина — 3,55 *м*, ширина — 1,65 *м*). В восточной стенке ямы, по словам В. А. Городцова, «сделаны четыре ступени для спуска вниз». Западная часть ямы «почти до самых ступенек была покрыта тонкими досками» и отгораживалась от ступенек «стеною, от которой сохранились части столбов. Вероятно, в стене имелась дверь, отворяющаяся наружу, для свободного движения которой и потребовалось сделать вход не под прямым углом к боковым стенкам, а под тупым, направив сту-

---

[35] Е. Мельник. Раскопки курганов Харьковской губернии 1900—1901 г. Дневник раскопок. Тр. XII АС, т. I, 1905, стр. 720—721, 724—725.

[36] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца..., стр. 290—291.

пеньки по линии, касательной к дуге, описываемой дверью». На дне ямы у западной стены найдены кости ног человека. Других остатков в могиле не оказалось, так как она была ограблена.

В. А. Городцовым были определены два хода, названных им грабительскими. Один имел сверху вид широкой воронки. С вершины кургана он прошел через всю насыпь и подошел к могиле «широким круглым колодцем, ударившим в северную часть могилы... Через этот ход были извлечены кости покойника и кости коня». Другой ход «шел почти вертикально и прямо на ступеньки ямы. Этот ход, несомненно, древнейший, мог быть сделан лишь участником погребения, которым, по-видимому, были похищены лишь вещи, сопровождавшие покойника, кости же оставлены в яме».

Однако никаких предметов в этом ходе не было обнаружено. Кроме того, какая была бы надобность грабителям, проникшим через воронкообразный ход, вытаскивать наверх останки покойника, если на этих останках уже не было вещей?

Вполне очевидно, что именно через воронковидный ход и было произведено ограбление могилы, а вертикальный «древнейший» ход представляет собой на самом деле шахту катакомбного погребения, камера которого напоминает описанную выше. Все детали согласуются с таким толкованием: в камере был помещен покойник, от шахты ее отделяло деревянное заграждение устья, шахта прошла через насыпь, т. е. погребение было впускным. В результате разрушения свода катакомбы, которое было следствием естественных причин или действия грабителей, создалась та неопределенность верхних частей погребения, которая не позволила выявить катакомбу на уровне горизонта. На рис. 2 представлена реконструкция этой могилы.

3. Гусиновское кладбище, кург. 2, погр. 6 (близ б. г. Луганска, ныне— Ворошиловграда). Это погребение было обнаружено на глубине 2,8 *м* в глинистом грунте и, по словам С. А. Локтюшова, заключалось «в двух больших, рядом находившихся ямах, расположенных с севера на юг, овальных и суживающихся книзу. Ямы эти соединялись небольшим проходом»[37]. Глубина южной ямы — 0,7 *м*, северной — 0,8 *м*. В южной яме оказался только небольшой плоскодонный горшочек с восемью ушками на плечиках, орнаментированный крученой веревочкой, а также немного угля. В северной же яме, более глубокой, покоились на меловой подсыпке два скелета — взрослого человека и ребенка, а при них — типичный катакомбный инвентарь. Оба лежали в скорченном состоянии, на правом боку, головой на запад, следовательно, лицом к «проходу». «Проход» этот, конечно, есть не что иное, как устье катакомбы, в ней и покоятся скелеты, а южная яма, менее глубокая,— это нижняя часть шахты.

4 и 5. Хут. Каменка, кург. 4, погр. 1 и 2 (б. Бахмутский уезд) [38]. В насыпи кургана высотой около 1,4 *м* чередовались камни и прослойки земли. На глубине 0,5 *м* встречены обломки человеческих костей. На уровне горизонта открыты две ямы, расположенные параллельно одна другой и ориентированные длинными осями по линии северо-запад — юго-восток; расстояние между ямами — 45 *см*, причем поверхность этой перемычки ниже горизонта всего на 9 *см*. На перемычке обнаружен глиняный горшочек, сплошь покрытый орнаментом катакомбного типа, и каменная терка.

Глубина одной из ям (к сожалению, из отчета неясно которой) — 0,5 *м*, в ней расчищен плохо сохранившийся скелет, скорченный, на правом боку, ориентированный головой на юго-восток (погр. 1). Вторая яма

---

[37] С. А. Локтюшов. Среднедонецкие курганные погребения бронзовой эпохи..., стр. 2—4.

[38] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 289.

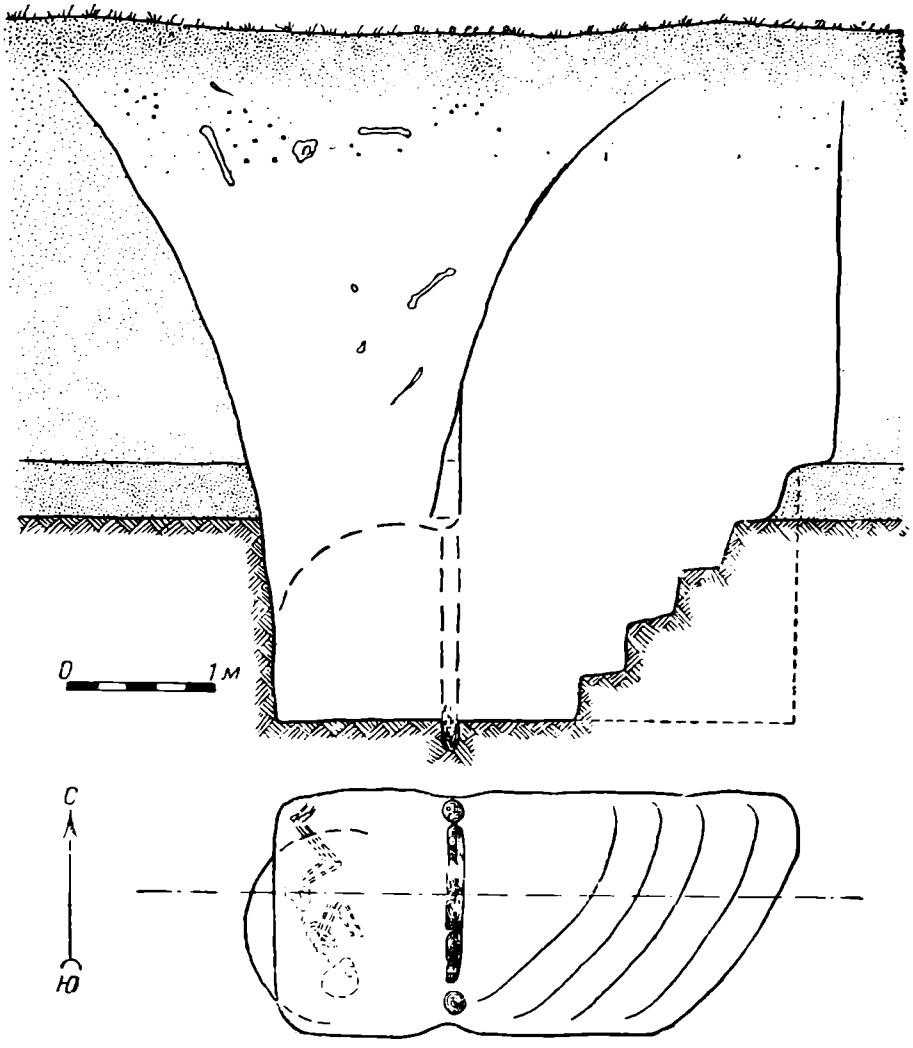


Рис. 2. Схема устройства могилы погр. 1 в кург. 4 в имении Г. И. Хаджопуло близ Изюмского тракта (реконструировано по описанию В. А. Городцова) (Условные обозначения те же, что и на рис. 1)

поглубже — 0,9 *м*. Скелет в ней оказался настолько ветхим, что не удалось даже определить его положение, известно только, что он тоже лежал головой к юго-востоку (погр. 2).

В. А. Городцов предположил, что люди катакомбной культуры погребли здесь своих покойников в ямах вследствие трудности рытья катакомб в каменистом грунте. Однако погр. 1 легко восстанавливается как катакомба с провалившимся сводом. Перемычка, на которой помещались горшочек и терка,— это прикатакомбная часть дна шахты; в остальной части дно шахты пришлось над погр. 2 и не было выявлено в его заполнении. Камни, обнаруженные в насыпи, возможно, заполняли шахту погр. 1, а человеческие кости могут происходить из погр. 2, носившего, очевидно, ямный характер и поврежденного шахтой могилы № 1.

Что же касается самого погр. 2, то отнесение его к катакомбной культуре недостоверно. Но, если предметы катакомбной культуры, найденные на перемычке, связывать, как это делал В. А. Городцов, с этим погребением, то яму приходится трактовать как нижнюю часть невыявленной катакомбы.

В таком случае разница в уровнях между дном катакомбы и дном шахты получилась бы весьма значительной (более 0,8 *м*). Если считать погр. 2 катакомбным, то пришлось бы полагать, что и дно шахты однотипного, но выше расположенного катакомбного погр. 1 также залегало намного выше дна катакомбы, т. е. проходило выше горизонта.

Так или иначе, а достоверность «ямного погребения катакомбного типа» при ближайшем рассмотрении не подтверждается.

6 и 7. Хут. Ковалевка, кург. 3, погр. 1 и 2 (б. Изюмский уезд) [39]. В. А. Городцов определил здесь два отдельных «ямных погребения катакомного типа». При такой трактовке, по признанию В. А. Городцова, существенные детали устройства кургана остаются «непонятными».

Курган, высотой более 3,5 *м*, раскапывался колодцем 5,7×6,4 *м*. На глубине 0,7 *м* в насыпи появились зола, угли, и куски известнякового камня. На глубине 2 *м* выявлены в значительном количестве бревна; у В. А. Городцова сложилось впечатление, что вся первоначальная насыпь кургана была обложена ими.

На глубине 3,5 *м* были обнаружены два богатых погребения катакомбного типа, расположенные почти параллельно друг другу, восточное (№ 1) — на горизонте, западное (№ 2) — в неглубокой (0,35 *м*) грунтовой яме. На горизонте был положен ребенок, в яме — взрослый человек. Обоим покойникам были приданы бронзовые и другие предметы, у каждого в головах — по два глиняных сосуда, у того и другого в ногах — череп и кости ног овцы. Оба покойника лежали на правом боку, лицом друг к другу и к тому, что находилось между ними.

Между ними же «на горизонте открылась большая груда камней, занимавшая овальную площадь около 4 аршин (2,8 *м* — *Л. К.*) в диаметре. Три больших камня, имевших форму плит, достигавших $1^1/_2$ аршина (1,1 *м.* — *Л. К.*) длины и почти такой же ширины, стояли рядом, на ребре, несколько наклонившись в сторону ямы погребения № 2. Прочие камни являлись как бы приложенными к плитам, только верхние лежали плоско или без видимого порядка» [40]. На одном из верхних камней помещалось отбитое плоское днище большого глиняного сосуда, среди же камней изредка попадались зола и угли. «Назначение груды камней непонятно,— отмечает В. А. Городцов,— возможно, что это был жертвенник».

Ясно, что погребения эти однотипны и связаны между собой; следовательно, их нельзя рассматривать изолированно. Расположение их на уровне горизонта или чуть ниже при данной высоте насыпи вполне позволяет видеть в них нижние части невыявленных катакомб. По законам катакомбного ритуала лицо покойника должно быть обращено к шахте. Следовательно, для каждого из погребенных здесь дно шахты должно совпадать с овальной в плане грудой камней между обоими погребениями. Перед нами — двойное погребение с размещением покойников в отдельных катакомбах, выведенных из одной шахты в противоположные стороны. При таком предположении все сразу становится на свои места, и не остается ничего непонятного.

Три каменных плиты, которые стояли на ребре в ряд, наклонившись в сторону погр. 2, несомненно, закрывали устье катакомбы этого погребения. Приваленные к ним в беспорядке камни, очевидно, потому и образовывали овальную в плане груду, что следовали очертаниям овальной в плане шахты, заполнением которой они являлись. Днище глиняного сосуда, стоявшее сверху на камнях,— это «жаровня», обычная для катакомбных погребений. Бревна, встреченные высоко над камнями, возможно, служили перекрытием шахты.

Остается привести аналогии. Коллективные погребения эпохи бронзы в двухкамерных катакомбных могилах известны как на территории донецкого варианта катакомбной культуры, так и за его пределами. Тако-

---

[39] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца..., стр. 289—299.

[40] Там же, стр. 298—299.

во, например, двухкамерное погребение 5—6 в кург. 1, близ хут. Черногоровка (Изюмский уезд) [41]. Двухкамерное катакомбное погребение довелось раскапывать автору этих строк в 1951 г. у с. Троицкого (Мелитопольский район) — погр. 9 в кург. 3 [42]. Более близкую аналогию погребальному комплексу из Ковалевки представляет двухкамерное погребение 3—4 в кург. 2 у «Гострой Могилы», близ слоб. Великая Камышеваха (Изюмский уезд) [43], где и катакомбы-то выведены из противоположных концов шахты, как в Ковалевке, и расположены они на разных уровнях: западное — выше, восточное — ниже. В двухкамерном погребении 3—6 из кург. 5 у с. Воронцовка (Купянский уезд), раскопанного Е. Н. Мельник [44], катакомбы также выведены из противоположных концов шахты, но примерно на одном уровне, покойники же положены лицами к устьям катакомб. Список аналогий можно было бы и увеличить, но и без того предложенное здесь объяснение погребального комплекса из Ковалевки представляется наиболее вероятным.

Реконструкция погребального комплекса из Ковалевки дана на рис. 3.

8. Пос. Лагери, кург. 2, погр. 4 (б. Бахмутский уезд) [45]. Это погребение в число «ямных погребений катакомбного типа» никогда не включалось, у В. А. Городцова оно числится ямным. Скорченный скелет, лежавший на правом боку, был ориентирован головою на северо-северо-запад, а при нем были найдены обломки глиняного сосуда с лепным орнаментом. Форма ямы овальная, глубина — всего 0,27 *м*. В насыпи (высота ее — 2,1 *м*) на 1,25 *м* выше уровня горизонта был обнаружен «ряд каменных плит, поставленных на ребро в виде стены», возле погр. 3, вдоль правого бока покойника, лежавшего на спине, головой на запад. Как и в предыдущем случае, естественно предположить, что эти плиты закрывали устье катакомбы.

Правда, при этом оказывается, что дно ямы находилось намного выше дна катакомбы. Но, во-первых, замеры глубины каменных плит, скорее всего, произведены сразу же при их обнаружении, т. е. по их верхним точкам а, во-вторых, в том же кургане было обнаружено катакомбное погр. 5, о котором прямо сказано, что вход в катакомбу был сделан «глубоким уступом», что можно тоже предположить и относительно погр. 4.

К сожалению, в отчете ничего не сказано о взаимном расположении по горизонтали погр. 4 и определяющего положение камней погр. 3.

9. Хут. Каменка, кург. 5, погр. 1 (б. Бахмутск. уезд) [46]. В. А. Городцов колебался в определении этого погребения, внеся его в перечень «ямных погребений катакомбного типа» под знаком вопроса [47].

Курганная насыпь, под которой находилось это погребение, ко времени раскопок уже не существовала: она была снята при планировке сада. Раскопки велись круглым в плане колодцем диаметром около 2,8 *м*. В грунте была обнаружена яма «неопределенной формы», глубиной около 0,35 *м*, и в яме — скелет, скорченный, на правом боку, головой на юго-восток. Вещей при нем не оказалось. Что побудило В. А. Городцова связать его с катакомбной культурой, хотя бы и под вопросом? Вероятно, ориентировка. Но, во-первых, этого недостаточно, а, во-вторых, если даже и связывать погребение с катакомбной культурой, то нельзя

---

[41] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца..., стр. 242—243.

[42] Л. С. Клейн. Кургани біля с. Троїцького. АП, т. VIII, стр. 151—152 и рис. 112.

[43] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца..., стр. 327—328.

[44] Е. Мельник. Раскопки курганов..., стр. 724—725.

[45] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 326—327.

[46] Там же, стр. 290.

[47] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 278.

быть уверенным в том, что здесь была действительно яма, а не нижняя часть катакомбы: входная шахта могла остаться невыявленной — как вследствие того, что дно ее должно было прийтись выше уровня материка, т. е. в насыпи, так и вследствие крайне незначительных размеров раскопа. Возможно, что какая-то часть шахты все же врезалась в мате-

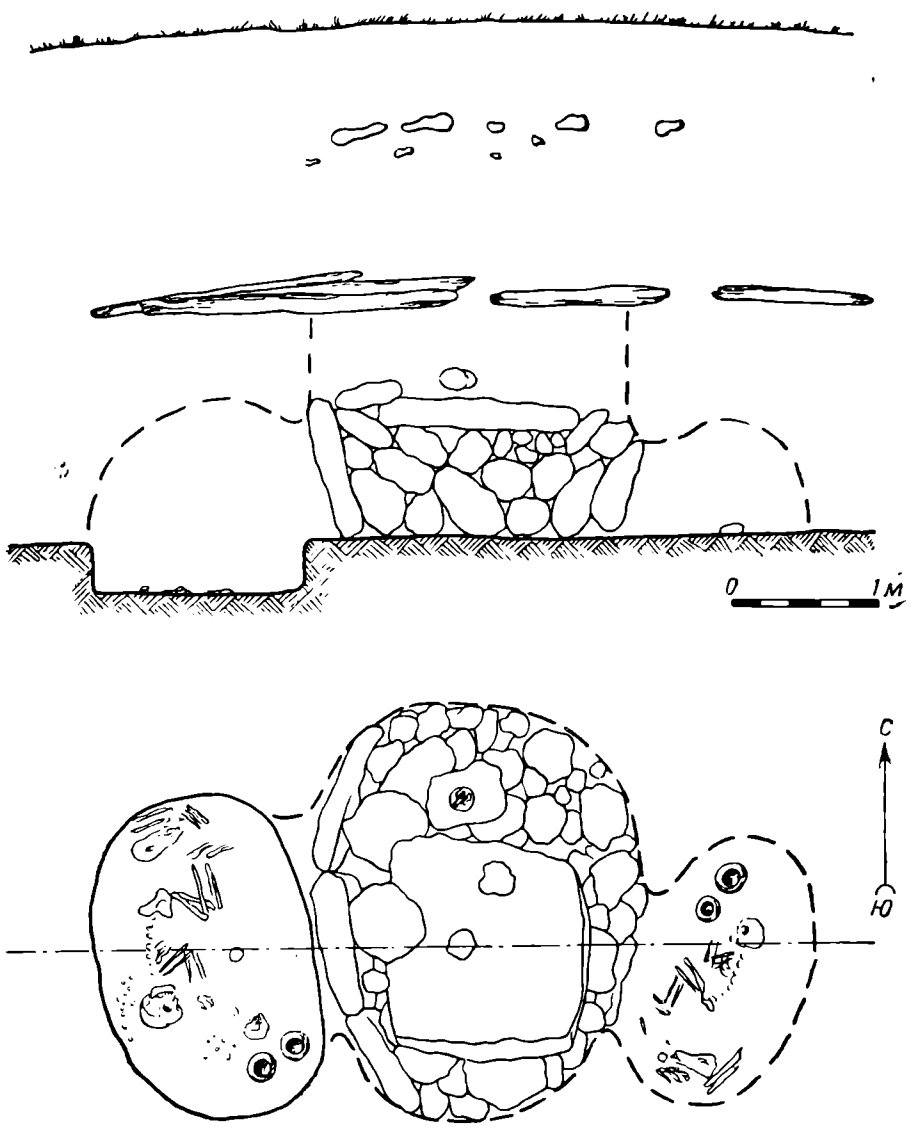


Рис. 3. Схема устройства могилы погр. 1 и 2 в кург. 3 близ хут. Ковалевка (реконструкция по описанию В. А. Городцова)
(Условные обозначения те же, что и на рис. 1)

рик, что и явилось причиной «неопределенной формы» ямы: погребения ямной культуры на Северском Донце обычно сделаны в ямах строгих очертаний.

10 и 11. Великая Камышеваха, кург. 3 у «Гострой Могилы», погр. 4 и 6 (б. Изюмский уезд) [48]. В тексте отчета оба эти погребения значатся как ямные, но в сводной таблице погр. 6 относится уже к «ямным погребениям катакомбного типа».

Курган высотой в 1,1 *м* и диаметром в 32 *м* раскапывался колодцем 4,3×4,3 *м*. Всего выявлено семь погребений, из них четыре — в материке.

---

[48] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца..., стр. 328—330.

в центре — ямное (№ 1) и в 1 *м* к югу от него — «ямное» № 4, к северу от № 1 — катакомбное № 2 и, наконец, погр. № 6. Оно представляло собой яму длиной 1,4 *м*, шириной 0,75 *м* и глубиной 0,35 *м*, перекрытую бревенчатым накатником. У южного конца ямы стоял глиняный горшок катакомбного типа и рядом — днище глиняного горшка, наполненного золою и углем. Костяка не оказалось. Судя по размерам ямы, В. А. Городцов заключает, что костяк принадлежал ребенку «и, вероятнее всего, истлел без остатка». На дне ямы замечены куски красной краски и известь.

Над этими погребениями расположено три погребения в насыпи: одно (№ 3) — над погр. 4, другое (№ 5) — над погр. 6, третье (№ 7) — в западной поле кургана.

Общая протяженность материковых погр. 1, 2 и 4 с севера на юг составляла не менее 4,1 *м* и с востока на запад — минимум 1,2—2,2 *м* (длина погребений). А так как каждая сторона раскопа равнялась только 4,3 *м* и в западной поле находилось погр. 7, под которым материковых погребений не было, то ясно, что система погр. 1, 2 и 4 занимала всю восточную половину раскопа, вероятно, даже и центр раскопа.

Из этого вытекает, что погр. 6 и расположенное над ним погр. 5 находились где-то возле стенки раскопа, скорее всего — в северо-восточном или в юго-восточном углу раскопа. Это позволяет объяснить отсутствие костяка в погр. 6 тем, что перед нами — дно шахты, а катакомба, выведенная из нее, осталась за пределами раскопа и не была обнаружена.

Можно также считать яму погр. 6 нижней частью невыявленной катакомбы, если только деревянные остатки, трактованные В. А. Городцовым как перекрытие ямы, могли бы быть сочтены за детали подпорок свода катакомбы.

Наконец, отсутствие костяка позволяет классифицировать погр. 6 как кенотаф, а это сразу выделяет его из общего ряда погребений и может хорошо мотивировать его несоответствие обычным нормам и правилам катакомбного ритуала без какой бы то ни было увязки с ямной культурой.

Что же касается погр. 4, которое никем и никогда в список «ямных погребений катакомбного типа» не включалось, то и его вряд ли можно оставлять в числе ямных погребений: в отчете указано, что эта яма (глубиной 0,35 *м*) соединяется к северу с ямой погр. 1 (глубиной 0,5 *м*) «особым проходом» (в длину и ширину по 1 *м*). Погребенный, лежавший на правом боку головой на восток, был обращен лицом к этому проходу, который, очевидно, и есть не что иное, как прикатакомбная часть шахты. Свод катакомбы не был выявлен, так как находился в насыпи и к тому же, вероятно, обрушился.

12. Ст. Константиновская, кург. «Баба», погр. 5 (низовья Донца) [49].

Курган раскопан, вероятно, на снос — так всегда копал Н. Е. Бранденбург. Высота насыпи составляла около 3,5 *м*.

Предпоследнее (или пятое по счету) погребение было открыто под восточной полой кургана и заключалось в яме глубиной 0,7 *м* (длина ее — 1,4 *м*, ширина — 1,1 *м*). На побеленном дне ямы лежал на правом боку головой на юг скелет в скорченном положении. На его груди — ожерелье из медных бус и 12 медных подвесок, на руке — колечко. В головах лежали крупные куски красной краски.

Последнее же (или шестое по счету) погребение было открыто в северной части кургана. Яма, глубиной в 2,1 *м* и в других протяжениях примерно такая же, служила входной шахтой в катакомбу. Вход имел 1,4 *м* протяжения (в длину или ширину — из отчета неясно). Катакомба (1,8×1,4×0,7 *м*) рыта на 0,7 *м* глубже дна ямы, а по ряду особенностей погребение аналогично только что рассмотренному: дно катакомбы по-

[49] ОАК за 1891 г., СПб., 1893, стр. 80—82. Погребения не нумерованы; данное в отчете идет пятым.

белено, скелет лежал головой на юг, у головы — куски красной краски, на груди — ожерелье из медных бус и четыре медных подвески (а также и другие медные и костяные предметы).

Однотипность инвентаря и ритуала позволяет предположить такую же однотипность устройства могилы. Если так, то и в погр. 5 дно шахты должно было располагаться примерно на 0,7 *м* выше катакомбы, т. е. уже над уровнем горизонта, отчего шахта и осталась невыявленной.

13. Хут. Ступки, кург. 4, погр. 3 (б. Бахмутский уезд) [50]. Обнаруженная здесь в материке яма с погребением «катакомбного типа» — неглубокая, дно ее едва касается желтоватого суглинка, подстилающего чернозем. Высота же насыпи — 2,1 *м*. Совершенно очевидно, что в ней вполне могла уместиться шахта и верхняя часть катакомбы, которые не удалось обнаружить. Весьма примечательна зафиксированная В. А. Городцовым прогнутость прослоек в насыпи — результат опускания в подземные пустоты. Эти пустоты В. А. Городцов отнес за счет работы сурков. Вероятнее, это был результат провала потолка катакомбы.

14. Слоб. Николаевка, кург. 3, погр. 4 (б. Изюмский уезд). В. А. Городцов колебался при отнесении этого погребального комплекса к ямным и, определив его все же как ямный, поставил в скобках знак вопроса. Действительно, из текста отчета видно, что здесь была катакомба, правда, не ярко выраженная.

Круглая в плане яма, диаметром в 1,6 *м*, уходила в материк на глубину 2,8 *м*. «Сверху яма шла прямо вниз,— пишет В. А. Городцов,— но на глубине около 2 аршин (1,4 *м*. — *Л. К.*) уклонилась вбок и получила вид пещеры или катакомбы» [51]. На округлом дне ее, диаметром в 1,8 *м*, лежал скелет человека, погребенного по типичному катакомбному ритуалу и снабженного катакомбным инвентарем.

Очевидно, одна стенка ямы, менее наклонная, образовала покатое дно входной шахты, плавно переходящее в скругленный уступ ко дну катакомбы, а противоположная, нависающая стенка ямы, с более значительным углом наклона,— потолок катакомбы. Вход в катакомбу, таким образом, получился не сбоку, из стенки ямы, а сверху, через дно ямы.

Погребения с таким устройством входа встречаются в материалах В. А. Городцова. Таково, например, погр. 3 в кург. 5 во владениях Новороссийского общества в Бахмутском уезде [52], погр. 7 в кург. 5 на Анновском поле, близ слоб. Стратилатовка (Каменка) Изюмского уезда [53]; еще более близкую аналогию дает погр. 5 в кург. 5 у слоб. Малая Камышеваха того же уезда [54]. Здесь даже яма такая же круглая в плане.

15—19. Юго-восточная окраина б. г. Луганска, кург. 2, погр. 4; Черногоровка, кург. 1, погр. 4 (Изюмск. у.); Ковалевка, кург. 7, погр. 2 (Изюмск. у.); Мечебелова, кург. 1, погр. 7 (Изюмск. у.) [55].

Нет нужды подробно анализировать оставшиеся четыре погребения. Достаточно отметить, что в одном из них (под Луганском) почти квадратная форма ямы, слишком просторной для одного покойника, заставляет подозревать искусственное соединение нижней части шахты с раз-

---

[50] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 318—319.

[51] В. Г. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца..., стр. 228—230.

[52] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде..., стр. 329—330

[53] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца..., стр. 276—277.

[54] Там же, стр. 295—296.

[55] Архив ИА АН СССР, 1926 г., дело № 187 (по старой описи — 127). О раскопках и разведках С. А. Локтюшова по Донцу. Отчет об археологических работах... за 1926 г. стр. 7—13, табл. IV; В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца..., стр. 241—243, 302—303, 332—334.

рушенной катакомбой; в двух других (близ Черногоровки и близ Ковалевки) — очертания очень неглубоких могил, судя по формулировкам отчета, вообще не были прослежены; о последнем погребении (Мечебелова) в отчете прямо сказано, что яма, не сразу замеченная, «шла вглубь несколько подкопом», особенно ясно выраженным в головах и ногах, «где он принимал вид пещерок», очевидно, очертаний могильного пятна потому и не выявили на уровне горизонта, что здесь был провалившийся свод катакомбы.

* * *

Вот и все «ямные погребения катакомбного типа» из бассейна Северского Донца. Ни одно из них не может быть увязано с ямной культурой.

В каждом из подробно анализированных погребений обнаружились специфические черты, делающие восстановление катакомбного устройства особенно вероятным и прямо препятствующие увязке с ямной культурой.

Так, в первых десяти случаях сохранились детали, позволяющие проследить рядом с погребениями остатки входных шахт; далее, в одном случае погребение не может дать основы для увязки катакомбной культуры с ямной в силу своей исключительности (кенотаф?); затем следует несколько погребений, в которых сохранились детали, облегчающие восстановление самих катакомб, подземных камер, и, наконец, в последних из рассмотренного ряда случаев имеются конкретные признаки недостаточно внимательного и полного выявления всего погребального комплекса при раскопках.

Быть может, не все из предложенных выше реконструкций катакомбных могил покажутся вполне и безусловно убедительными, но для отрицания генетической связи между ямной и катакомбной культурами на Донце в этом и нет нужды: достаточно показать, что такие реконструкции возможны, т. е. что на Северском Донце нет достоверных «ямных погребений катакомбного типа».

Только выявление в катакомбной культуре и, в частности, на Северском Донце целой системы явлений, унаследованной от ямной культуры, могло бы послужить основой для генетической увязки обеих этих культур. Отдельные же близкие к ямной культуре элементы, встреченные в катакомбных погребениях на Донце,— круглодонный сосуд (с. Великая Камышеваха, кург. 2 у «Гострой Могилы», погр. 3) [56], вытянутое положение покойника на спине (дер. Переездная, кург. 1, погр. 6) [57], технические приемы (расчесы штампом), равно как и формы некоторых образцов керамики, и даже отдельные ямные могильные сооружения (если бы они имелись) — все это может свидетельствовать лишь о взаимодействии (и при том незначительном) с соседними племенами ямной культуры [58].

Таким образом, отказ от представлений о существовании на Северском Донце целой системы «ямных погребений катакомбного типа» приводит к заключению, что в ямных погребениях бассейна Северского Донца нет признаков сосуществования с катакомбной культурой, зато в катакомбной культуре этого района есть некоторые признаки соседства с ямной культурой. Иными словами, когда на Северском Донце уже обитали племена катакомбной культуры, на соседних территориях еще жили племена ямной культуры, причем не исключена также возможность ас-

---

[56] В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца..., стр. 327—328.

[57] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде.., стр. 308.

[58] Некоторые из этих элементов (круглодонность сосудов, вытянутое положение на спине) можно связывать не только с ямной культурой; они существовали в то время и в других культурах.

симиляции некоторой части племен ямной культуры катакомбными племенами на Северском Донце.

Взаимодействие этих двух культур было не равноценным: в катакомбной культуре Северского Донца очень немного элементов, которые можно было бы считать заимствованными из ямной культуры, тогда как в ямной культуре окружающих областей отмечаются сильнейшие влияния катакомбной культуры, вплоть до возникновения ряда культур смешанного ямно-катакомбного облика. Это так называемый североприазовский вариант катакомбной культуры с примыкающими к нему памятниками Нижнего Днепра, далее — редкая сеть памятников с катакомбными чертами (?) в Среднем Поднепровье, затем — харьковско-воронежская группа памятников, полтавкинская культура и, наконец, волго-манычский вариант катакомбной культуры, или предкавказская культура (относительно многих из перечисленных групп памятников до сих пор продолжается спор — самостоятельные ли это культуры или локальные варианты катакомбной культуры).

Изложенные соображения заставляют считать продуктами смешения, а не переходными звеньями также и те более многочисленные и тщательно исследованные, т. е. более достоверные, ямные погребения катакомбного типа, которые обнаружены в Нижнем Поднепровье и Северном Приазовье и которые послужили названным выше исследователям главной основой для выведения катакомбной культуры из ямной.

Приходится заключить, что донецкая катакомбная культура не развилась на месте из ямной культуры, а была принесена в бассейн Донца откуда-то издалека. Откуда именно — это вопрос, который должен служить предметом специального исследования и в рамках настоящей статьи не может быть освещен.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ, И. Б. БЕНТОВИЧ

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ШЕЛКОТКАЧЕСТВА

(К идентификации ткани [«занданечи»)

«Идентифицировано ли „занданечи“»? Под таким названием недавно опубликована статья Д. Шеперд и В. Хеннинга в сборнике, посвященном известному искусствоведу Э. Кюнелю [1].

Конкретно речь идет о давно известной ткани, хранящейся в соборе г. Юи, в Бельгии, уже несколько раз опубликованной [2] (рис. 1). При осмотре обратной стороны ткани Д. Шеперд обнаружила надпись тушью (рис. 2). Сначала предполагалось, что надпись сделана по-арабски, но дальнейшее изучение ее иранистом В. Хеннингом показало, что она написана на согдийском языке. Результаты дешифровки и анализа этой краткой надписи, изложенные в приложении к статье Д. Шеперд, представляют исключительный интерес. Надпись состоит из двух строк. Несмотря на трудность дешифровки, отмеченной Б. Хеннингом, чтение надписи едва ли вызывает сомнение. В переводе надпись означает: «Длина 61 пядей занданечи...». Правда, следующее за «занданечи» слово осталось непереведенным, но, как полагает В. Хеннинг, оно означает «материя», «ткань» или «одежда» [3].

Важной параллелью к тексту надписи является неизданный отрывок, приведенный В. Хеннингом из хорезмийского юридического сочинения, написанного накануне монгольского завоевания: «(Некто) купил куски занданечи, (рассчитывая), что в каждом куске должно быть 16 локтей (в длину). А занданечи бухарская и хорезмийская — два разных сорта».

Как полагает В. Хеннинг, приведенные на ткани и в откpывке рукописи меры приблизительно равны.

В заключение В. Хеннинг отмечает (и это особенно для нас важно), что шрифт надписи сходен со шрифтом документов с горы Муг, относящимся к началу VIII в., и что он может быть несколько более ранним, но не более поздним. Небольшое отличие от согдийского-самаркандского наблюдается в написании цифровых знаков.

---

[1] D. Shepherd and W. B. Henning. Zandaniji identified? Sonderdruck «Aus der Welt der Islamischen Kunst». Festschrift für Ernst Kühnel.

Указанием на эту статью мы обязаны В. А. Лившицу, за что и приносим ему глубокую благодарность.

[2] Otto v. Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1921, стр. 17, рис. 106.

[3] Предположение В. Хеннинга кажется нам бесспорным. Ниже приводится сообщение, говорящее о том, что в раннесредневековых арабских и персидских источниках в качестве единицы измерения тканей употребляются слова, обозначающие «платье», «одежда». Среди таджикского населения Средней Азии до настоящего времени в кустарном ткацком производстве употребляется слово «либос» (платье, одежда) в значении куска ткани определенных размеров, необходимого для изготовления комплекта одежды.

Что касается назначения надписи, то, как полагает Д. Шеперд, это таможенная или торговая пометка. Такие пометки на тканях известны исследователям. Содержание надписи этому предположению вполне соответствует. Следовательно, благодаря дешифровке надписи, мы узнаем, что в VII в. н. э. на согдийском языке существовало название «занданечи», несомненно означающее название ткани. Если учесть, что это название было известно по источникам только с X в., то факт существования этого названия уже в VII в. представляет незаурядный интерес. Но, естественно, что главное значение дешифровки в другом, а именно в том, что надпись сделана на определенной ткани. Едва ли приходится сомневаться, что данная шелковая ткань из г. Юи, на обратной стороне которой сделана надпись, и носила название «занданечи».

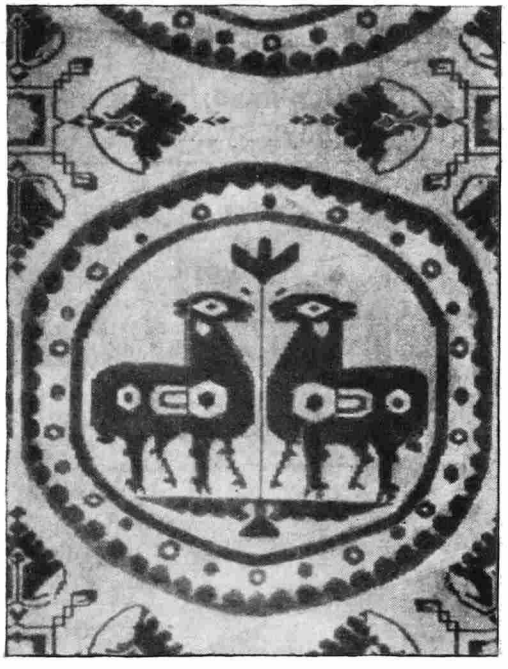


Рис. 1. Ткань из г. Юи. Деталь

Но и этим не ограничивается общее значение этого уникального в истории изучения древних восточных тканей открытия. Дело в том, что в музеях и других хранилищах, главным образом церковных реликвариях Европы, хранится еще целый ряд кусков шелковых тканей, по технике, характеру и стилю узора очень близких к ткани из г. Юи. Еще в начале текущего столетия О. Фальке объединил их в одну группу, установив их общее происхождение («Восточный Иран»), и датировал VIII—X вв.

Д. Шеперд в связи с дешифровкой надписи на ткани из г. Юи включила в эту группу два фрагмента ткани, найденных А. Стейном, П. Пельо в Чен-фо-туне, вблизи Дунь-Хуана. Все эти ткани Д. Шеперд делит на

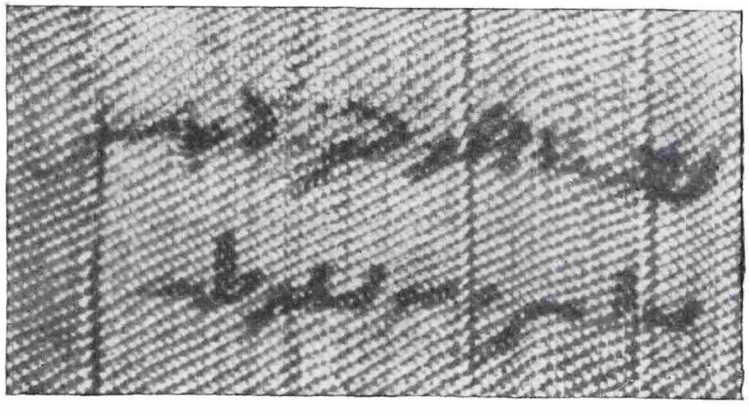


Рис. 2. Согдийская надпись на обратной стороне ткани из г. Юи

две подгруппы, хотя и относящиеся, по ее мнению, к одному времени и одному месту производства, но несколько отличающиеся по технике производства. Она их обозначила, как «занданечи I» и «занданечи II». Второй подгруппы Д. Шеперд в рассматриваемой публикации не касается. Ниже дается перечень 11 кусков тканей, относящихся к группе занданечи I.

1. Шелк со львами. Хранится в музее г. Нанси. Перенесен, как предполагается, вместе с другими реликвиями в собор г. Туля (вблизи Нанси) в 820 г. (рис. 3).

2. Шелк со львами. Хранится с 823 г. в сокровищнице собора г. Санс. Состоит из двух кусков.

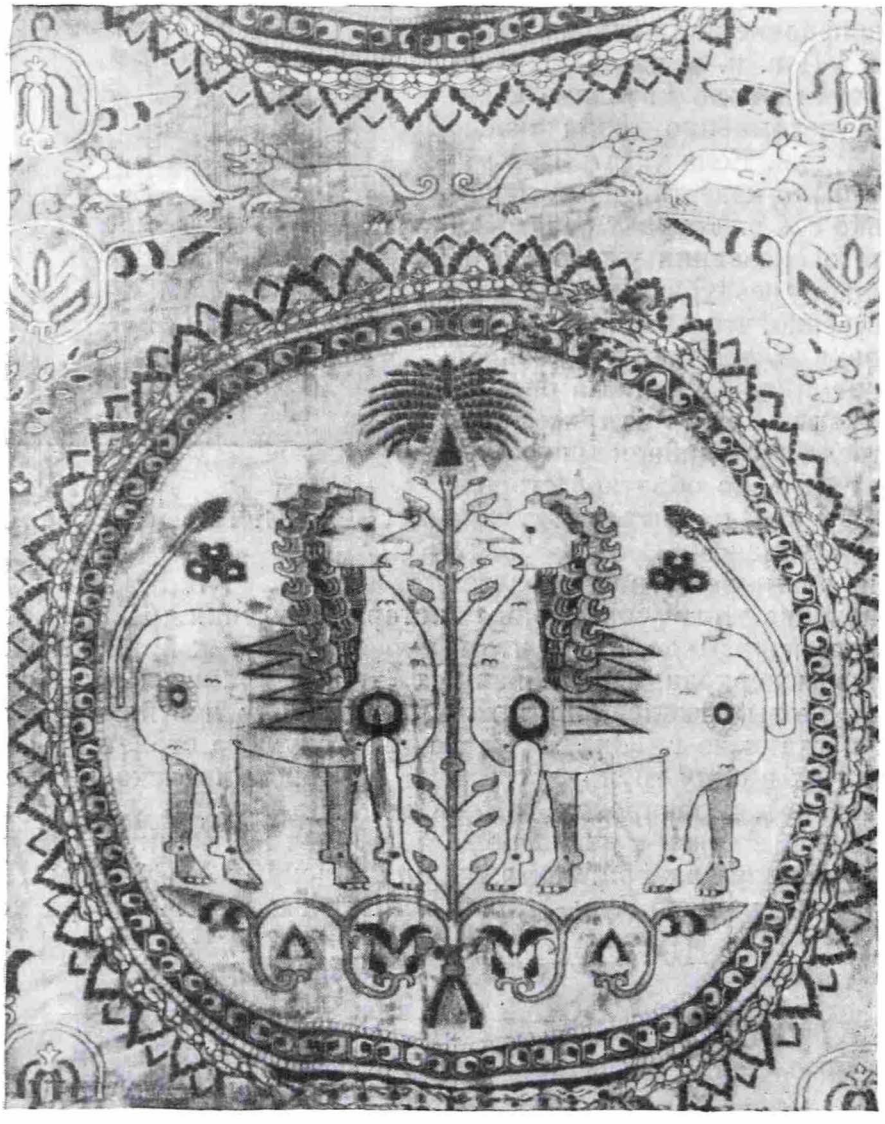


Рис. 3. Ткань из г. Нанси. Деталь

3. Шелк со львами. Один кусок находится в музее Виктории и Альберта (рис. 4). Два других куска того же шелка находятся в музеях в Нью-Йорке и во Флоренции.

4. Шелк со львами. Хранится в Берлинском музее. Кусок составлен из нескольких вертикально нарезанных фрагментов, соединенных вместе. Имеются и другие, неопубликованные фрагменты этой же ткани.

5. Шелк со львами из музея Виктории и Альберта. Нарезан вертикальными полосами, как и предыдущий. Очень близок ему по рисунку. Возможно, что оба куска одного происхождения.

6. Шелк со львами из Брюсселя. Состоит из двух фрагментов, происходящих из гробниц VII—IX вв.

7. Шелк со львами из собора в г. Туль. Предполагается, что он одновременен с шелком из г. Нанси.

8. Шелк с баранами из собора Богоматери в г. Юи.

9. Шелк с розетками в музее г. Льежа (рис. 5).

10. Шелк со львами из Чен-фотуна. Находится в Британском музее и в музее Гиме в Париже.

11. Шелк с баранами из Чен-фотуна. Также хранится в Британском музее и в музее Гиме, в Париже.

Изучение перечисленных образцов тканей позволило Д. Шеперд сделать ряд весьма интересных наблюдений.

В современном состоянии ткани группы «занданечи I» имеют характерные блеклые цвета: рыжевато-коричневый, тускло-желтый и темно-синий. Автору статьи удалось восстановить оригинальные цвета ткани по шелку со львами из Чен-фо-туна. Дело в том, что когда ткань была расправлена, то в местах, скрытых швами и складками, открылись первоначальные яркие цвета: темно-зеленый, серо-голубой, ярко-розовый, оранжевый и белый. Сравнение других тканей этой группы с шелком со львами из Чен-фо-туна убеждает в том, что и они имели подобную или близкую расцветку. Д. Шеперд приходит к выводу, что все краски, за исключением синей, сильно блекнут. Эта блеклость особенно обращает на себя внимание, если сравнить эти ткани с китайскими, находившимися в аналогичных условиях, но сохранившими первоначальную яркость красок. Автор объясняет это тем, что среднеазиатские ткачи не знали для красок соответствующей протравы. Отмечая, что краски тканей занданечи близки к окраске китайских тканей (серо-синий, оранжевый и розовый), автор делает вывод, что согдийские ткачи получали у китайцев не только шелк, но и краски. Очевидно, китайцы скрывали свои секреты закрепления красок, поэтому на китайских тканях они сохраняются свежими и яркими.

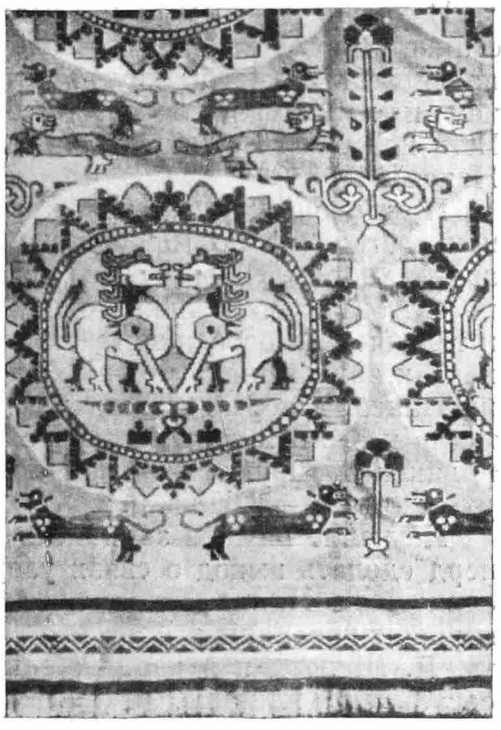


Рис. 4. Ткань из музея Виктории и Альберта. Деталь

Рис. 5. Ткань из г. Льежа. Деталь

Не останавливаясь на разобранной Д. Шеперд технике тканья в целом, характерной именно для группы «занданечи I», отметим лишь, что все ткани исполнены киперным переплетением.

Три куска — шелк из Санса, Юи и Льежа (№ 2, 8, 9) — представляют собой цельные или штучные изделия, что является весьма необычным для тканей раннего средневековья. Кусок, имеющий кромки, позволяет установить ширину ткацкого станка. Шелк из Санса имеет размеры — 1,16 × × 2,415 *м*, шелк из Юи — 1,22 × 1,95 *м* и шелк из Льежа — 1,18 × 1,9 *м*.

Изучение орнамента указывает, что исполнение узоров на ткацком станке было еще далеко не совершенным. Например, на шелке из Санса варьируют диаметры кругов (от 28,7 до 24,3 *м*); в вертикальном, верхнем и нижнем раппорте этого же шелка также имеются различия. Есть неточности раппорта и на каймах (в шелках из Юи, Льежа и Нанси).

По имеющимся цельным кускам шелка мы узнаем, что полный рисунок состоял из повторяющихся несколько раз рядов орнаментальных кругов, обрамленных со всех сторон узорным бордюром. Бордюр обычно состоит из нескольких орнаментальных полос. Анализ деталей узора и технических особенностей тканей группы «занданечи I» привел Д. Шеперд к заключению, что наиболее ранней тканью следует считать шелк из Нанси, который можно датировать VI в. Остальные же, включая и ткань из Юи, в соответствии с установленным В. Хеннингом временем надписи датируются эпохой арабского завоевания Средней Азии, т. е. рубежом VII—VIII вв. н. э.

Изучение шелков занданечи с точки зрения стиля позволило Д. Шеперд сделать вывод о связи узоров на шелках занданечи с узорами сасанидского Ирана. Правда, она считает рисунок на тканях несколько варваризированным. Взяв для сравнения ткани на росписях Пенджикента, Д. Шеперд и в изображении рисунка тканей также видит сильное сасанидское влияние.

Значение открытия Д. Шеперд и В. Хеннинга, конечно, трудно переоценить, и оно не исчерпывается наблюдениями, о которых только что говорилось. Идентификация ткани занданечи возбудит еще ряд дополнительных проблем общего характера, а также частных вопросов, касающихся художественного ткачества в домусульманское время.

Остановимся на нескольких вопросах, связанных с археологическими открытиями последнего времени в Средней Азии.

Тот факт, что целая группа шелковых тканей является произведением среднеазиатского ремесла, заставляет поставить вопрос о местном шелкоткачестве и о связи его с родиной шелкового производства — Китаем. То, что было известно до сих пор в этом отношении, восходило часто к неясным по своему значению отрывочным сообщениям письменных источников. В частности, это относится к сведениям китайских источников. Трудность установления происхождения и точного значения технических терминов и названий реалий, приводимых в древних китайских сочинениях, является главным препятствием. Однако первые попытки выяснить значение этих терминов, сделанные известным исследователем этого вопроса Д. Лауфером, говорят о том, что шелковые ткани среднеазиатского производства были хорошо известны в Китае и, очевидно, ценились там достаточно высоко. Так, хроника Суй-шу (VII в.) называет изготовлявшуюся в княжестве Кан (Самарканд, Согд) ткань kin sin po-tie.

Это название, означающее золототканное po-tie, как показал анализ этого слова, восходит к согдийскому термину (bak-dib).

Тан-шу сообщает, что в 713 г. из Самарканда была привезена ткань «уе-по». Термин этот означает парчу. В другом сообщении, датируемом 718—719 гг., говорится о присылке из Маймурага (район Самарканда) и Бухары ткани tso-pi [4].

Следует полагать, что общий отзыв этой же китайской официальной хроники о высоком уровне ремесленного производства в Согде относится и к ткачеству, в частности к шелковому [5].

---

[4] D. Laufer. Sino-Iranica. Chicago, 1923, стр. 490.

[5] См. Иакинф [Бичурин]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. II, стр. 310.

Немногочисленные сведения по этому вопросу имеются и в арабских источниках, восходящих ко времени арабского завоевания, т. е. синхронных вышеприведенным сообщениям китайских хроник. Сообщения, которые известны по литературе, говорят главным образом о привозе китайских тканей в Среднюю Азию.

Так, у историка Табари в рассказе, датируемом 751 г., об убийстве дехкана Кеша (ныне Шахрисябз) сообщается о разграблении его имущества, причем упоминаются и «ткани (мата') китайские все сорта дибаджа...» [6].

О. И. Смирнова в несколько неточной передаче сообщения Табари об одном из эпизодов, имевшем место при взятии в 706 г. арабами г. Пайкенда, пишет: «...Арабы при взятии Пайкенда... получили... пять тысяч кусков китайского шелка, цена которого тысяча тысяч дирхемов» [7].

Весь смысл рассказа Табари заключается в том, что арабский военачальник Кутейба отказался взять якобы предложенный ему в виде выкупа за пленного старика шелк стоимостью в миллион дирхемов и казнил его [8]. Характер рассказа делает несколько сомнительной точность сообщения о количестве этих шелковых тканей и их цене.

Для нас, однако, представляет больший интерес ряд других сообщений Табари, относящихся также ко времени арабского завоевания. В них ничего не говорится о происхождении шелковых тканей, которые, однако, можно считать изделиями местного производства. В данном случае исключительно важен сохранившийся текст договора, заключенного в 713 г. между Кутейбой и правителем Согда Гуреком. Этот договор в сокращенном изложении персидского переводчика Табари — Бал'ами, недавно впервые опубликованный О. И. Смирновой, содержит в перечне условий контрибуции, которую обязался выплатить Гурек, поставку разных товаров натурой с указанием их цен. Среди этих товаров упоминается и шелковая ткань «диба», о которой говорится «...А каждый кусок (ткани) диба — большой,— за сто дирхемов...» [9].

В настоящее время благодаря открытию в Турции рукописи исторического сочинения раннего арабского автора Ибн А'сама ал-Куфи мы имеем полный текст договора на арабском языке. В нем интересующий нас пункт изложен следующим образом: «Что касается больших одежд, то каждая (будет оценена) в сто дирхемов, а малая в шестьдесят дирхемов, каждый кусок шелка — (пойдет) за 28 дирхемов» [10].

Ниже мы вернемся к этим интересным деталям договора. Здесь отметим, что и в сообщении о договоре Кутейбы с Хорезмским правителем также предусматривалась поставка тканей мата [11], к сожалению, без указания подробностей.

Помимо приведенных данных, Табари сохранил еще два сообщения, имеющих для нас также большое значение. Так, под 121 г. х. (=737 г. н. э.) в рассказе о совместных действиях против арабов среднеазиатских правителей и их союзника, кагана тюргешей известного Курсуля, Табари, между прочим, сообщает, что Курсуль выдавал в виде жалованья каждому воину «кусок шелка, а каждый (кусок) стоил 25 дирхемов» [12]. Второе сообщение, для нас не менее интересное, касается одежды самого Курсуля, о которой Табари пишет: «На нем были штаны из дибаджа,

---

[6] Ат-Табари. Annales..., Лейден, 1879, сер. III, стр. 79.

[7] О. И. Смирнова. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии. СВ, 1957, № 2, стр. 131.

[8] Ат-Табари. Ук. соч., сер. II., стр. 1188.

[9] О. И. Смирнова. Ук. соч., стр. 122.

[10] A. N. Kurat. Kuteybe bin Muslim Huvarizm ve Semerkandi Zabti... Ankara Universitesi dil ve Tarih Cografya Fakultesi Dergisi, Ankara, 1948, VI/5, стр. 419.

[11] О. И. Смирнова. Ук. соч., стр. 123.

[12] Ат-Табари. Ук. соч., сер. II, стр. 1688.

украшенные кругами, и плащ (каба) из атласа (фиринда), обшитого каймой из дибаджа...» [13].

Насколько нам известно, эти сообщения до сих пор не привлекли к себе внимания специалистов. Важность их очевидна, и мы позволим себе остановиться на них подробнее. Здесь очень интересны приводимые данные относительно цен на шелковые ткани и связанные с ними термины.

При анализе персидского текста договора Кутейбы с Гуреком О. И. Смирнова, приводя сомнительные, как указывалось, сообщения Табари о пайкендском эпизоде, согласно которым 5000 кусков стоили один миллион дирхемов, замечает: «...Откуда следует, что в 706 г. (за шесть лет до взятия Самарканда) в Бухарских владениях кусок китайского шелка стоил 200 дирхемов, т. е. в два раза дороже куска ткани диба» [14].

В полном арабском тексте договора, аудентичность которого не вызывает сомнения, термина «диба» нет совсем и, таким образом, с выводом О. И. Смирновой о ценах куска диба и китайского шелка едва ли можно согласиться. Но особенно интересно сопоставление цены на кусок шелка в договоре и в сообщении Табари об оплате воинов Курсулем. В сообщении говорится о его стоимости в 25 дирхемов, а в договоре он оценивается в 28. Это незначительное несовпадение, может быть, наиболее ярко свидетельствует о точности этих данных.

Примечательны приводимые термины для обозначения единиц измерения шелковых тканей. В персидском тексте приводится нумеративный термин «джома», обозначающий не столько кусок, как перевела О. И. Смирнова, сколько «одежда». То же и в арабском тексте, в котором отмечается «большая одежда» и «малая одежда». Очевидно, мы имеем дело с кусками разных размеров, предназначенных для шитья различных комплектов одежды.

Приведенные сообщения в совокупности, как нам представляется, дают дополнительный материал для вывода о том, что в Средней Азии в доарабское время наряду с импортом китайского шелка существовало и развитое местное его производство [15].

Шелковые ткани, которыми расплачивался Гурек по договору с арабами, едва ли были китайскими. Курсуль для оплаты своих воинов, как мы можем это предположить, получал их у своих союзников — среднеазиатских владетелей. Поставку тканей, учитывая беспокойное время, когда это происходило, могли обеспечить, конечно, лишь местные ткачи, а не купеческие караваны, шедшие из Китая. Наконец, мы не можем пройти и мимо тех внешних деталей, которые приведены Табари и при описании одежды Курсуля. Именно эти детали являются как бы связующим звеном между данными письменных источников и образцами занданечи, с одной стороны, и археологическими материалами, с другой. Отмеченная в арабском сочинении особенность узора (круг), а также и наличие каймы как нельзя лучше совпадают с тем, что мы сейчас знаем об орнаменте ткани и покрое одежды.

Рассмотрим подробнее археологические материалы.

Особый интерес представляют, прежде всего, ткани, найденные на горе Муг. Большинство их, правда, хлопчатобумажные, полотняного переплетения, однако имеется и несколько шелковых. В связи с идентификацией тканей занданечи особенно интересным становится для нас фрагмент шелковой ткани, исполненный киперным переплетением с харак-

---

[13] Ат-Табари. Ук. соч., сер. II, стр. 1690.

[14] О. И. Смирнова. Ук. соч., стр. 131.

[15] Данные о шелководстве в Средней Азии приведены в книге И. П. Петрушевского. См. И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960, стр. 166.

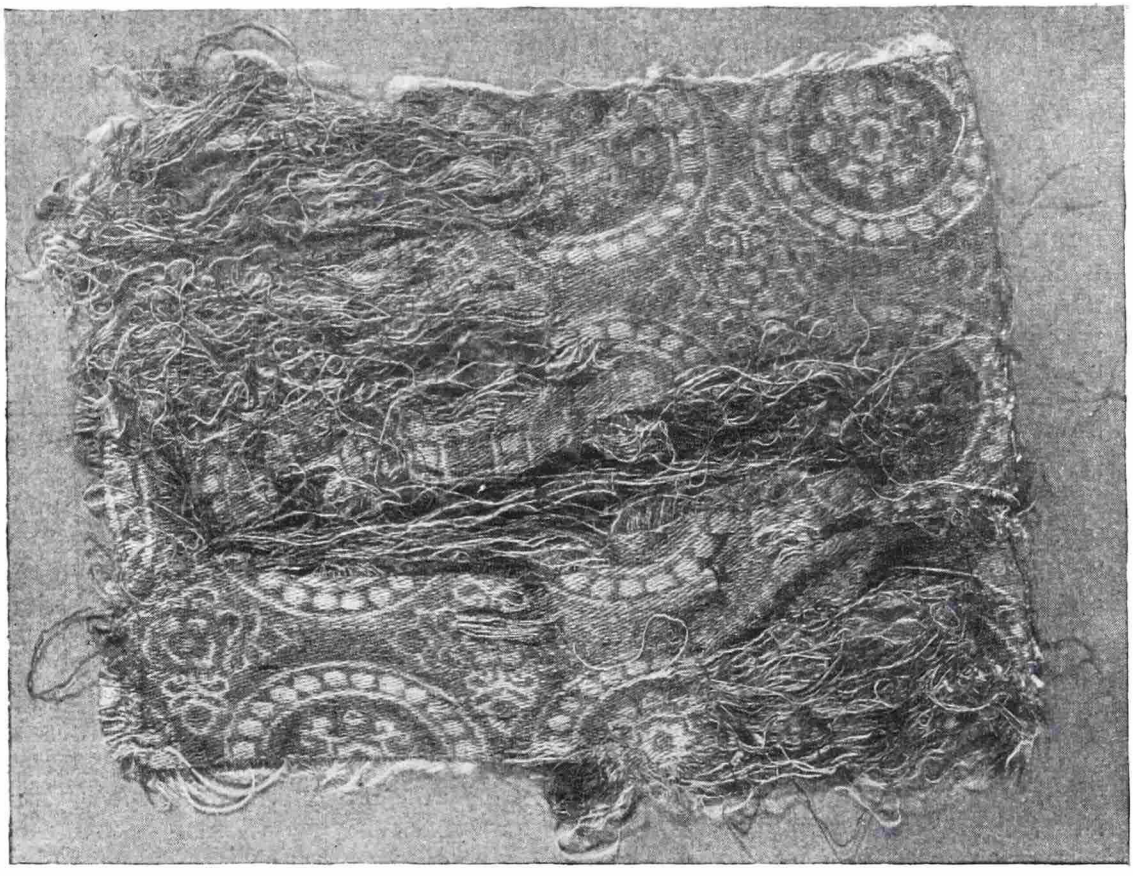


Рис. 6. Ткань с горы Муг

терным орнаментом: на зеленом поле круглая розетка желтоватого цвета, обрамленная кругом перлов. Промежуток между кругами заполнен цветочным мотивом (рис. 6).

М. П. Винокурова на основании сравнения этого фрагмента ткани с тканью, найденной В. В. Радловым при раскопках курганов в Сибири, и на основании определения ее В. Клейном считает, что она китайского происхождения [16]. Сходство мугского шелка с шелками группы занданечи (с шелком из Льежа) несомненно, особенно в построении орнамента — ряды обрамленных перлами розеток и четырехугольный цветочный мотив, заполняющий промежутки между ними. Поэтому мы сочли бы возможным ткань с горы Муг отнести к местному среднеазиатскому производству.

Нам представляется, что опубликованный Н. В. Дьяконовой фрагмент китайской набойки на шелке по характеру орнамента — стоящие перед деревом два оленя в круге, а в промежутках между кругами — сложные розетки — следует признать изготовленным под влиянием согдийских образцов. Особенно это становится очевидным при сравнении орнамента набойки с орнаментом ткани занданечи из Чен-фо-туна [17]. К этому же типу орнаментальных мотивов мы должны отнести и орнамент на изображении ткани на раскрашенной скульптуре из Дунь-Хуана [18].

Для орнамента тканей занданечи много параллелей в деталях и общем характере орнамента мы находим в известных среднеазиатских па-

---

[16] М. П. Винокурова. Ткани из замка на горе Муг. Известия отд. обществ. наук АН ТаджССР, вып. 14, 1957, стр. 28.

[17] Н. В. Дьяконова. Китайская шелковая набойка из Дуньхуана. Сообщения ГЭ, вып. VI, Л., 1954, стр. 28.

[18] B. Gray. Buddhist Cave Paintings at Tun-huang. London, 1959, рис. 33 в.

мятниках живописи раннего средневековья. Частично это отмечено и Д. Шеперд. В первую очередь это относится к живописи Пенджикента. В изображении некоторых тканей, ковров и покрывал мы имеем элементы, очень близкие орнаменту на тканях занданечи.

Так, сходны узоры на ткани в виде кругов перлов и особенно каймы ковров в виде полукружий с перлами [19]. Для тканей занданечи, как мы уже видели по образцам, приведенным Д. Шеперд, очень характерно изображение внутри круга животных. В пенджикентской росписи мы имеем несколько случаев изображения животных на ткани. В двух случаях это изображения животных — льва и слона, единичные, в неповторяющемся узоре. В другом случае перед нами непосредственная параллель — птица в обрамлении перлов [20]. Очень интересные параллели дают изображения тканей на росписях Балалык-Тепе. Мы видим здесь близкий орнамент в виде кругов перлов, в которые вписано изображение, в одном случае — мужской головы с бородой, в другом — головы кабана [21].

Аналогии к тканям занданечи мы находим в стенной росписи Варахши. Таковы одежды на сидящих фигурах и особенно покрывало на троне в «восточном зале»: в кругах изображены птицы, а в промежутках между кругами — растительный мотив [22].

Таким образом, среднеазиатские памятники дают достаточно большое количество аналогий тканям занданечи.

Далее остановимся еще на одном образце древних тканей, близость которого к тканям занданечи кажется несомненной, хотя с уверенностью сказать, что она также называлась занданечи, мы не можем. Имеется в виду так называемая ткань со слонами Бухтегина, хранящаяся в Лувре (рис. 7). Сравнительно давно известная в науке ткань эта благодаря имеющейся на ней арабской надписи с именем владельца — известного военачальника Саманидов — Бухтегина точно датируется серединой X в. [23].

Ткань сохранилась не полностью, в двух фрагментах, но реконструкция ее вполне возможна. Исполнена ткань киперным переплетением, так же как и ткани занданечи. Особенно интересна для нас эта ткань по сюжету рисунка и деталям орнамента.

Центральное поле ткани занимает изображение двух слонов, стоящих друг против друга. Особенно примечательны под каждым слоном изображения фантастических животных, типа крылатых грифонов. Кайма ткани состоит из нескольких орнаментальных поясов. Между двумя такими поясами — идущие верблюды. По углам — изображения птиц.

Даже самое поверхностное наблюдение над орнаментом приводит нас к тому, что мы можем установить непосредственную близость и сходство его с многочисленными образцами орнамента древнего Согда и, в частности, Пенджикента и Варахши.

Возьмем некоторые конкретные мотивы. Так, орнаментальная лента под ногами слонов в виде «сердечек» находит полную аналогию на росписи Пенджикента [24]. Несколько раз повторяющаяся узкая полоса в виде бегущей лозы имеет близкие параллели в живописи и резном дереве Согда [25]. Не случайно и большое сходство этого орнамента с бордюром

---

[19] Живопись древнего Пенджикента. М., 1954, табл. X, XXVII.

[20] Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1959, табл. XIV, XVIII; Живопись древнего Пенджикента, табл. XXIV.

[21] Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, рис. 109, 116, 120.

[22] В. А. Шишкин. Варахша (О раскопках городища в Средней Азии в 1949—1953 гг.). СА, XXIII, 1955, стр. 110—111.

[23] SPA, т. VI, табл. 981; ср. текст SPA, т. III, стр. 2002.

[24] Живопись древнего Пенджикента, табл. XXXIX.

[25] В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. Скульптура и живопись древнего Пенджикента, стр. 118, рис. 17, 19; стр. 127, рис. 26, *б*.

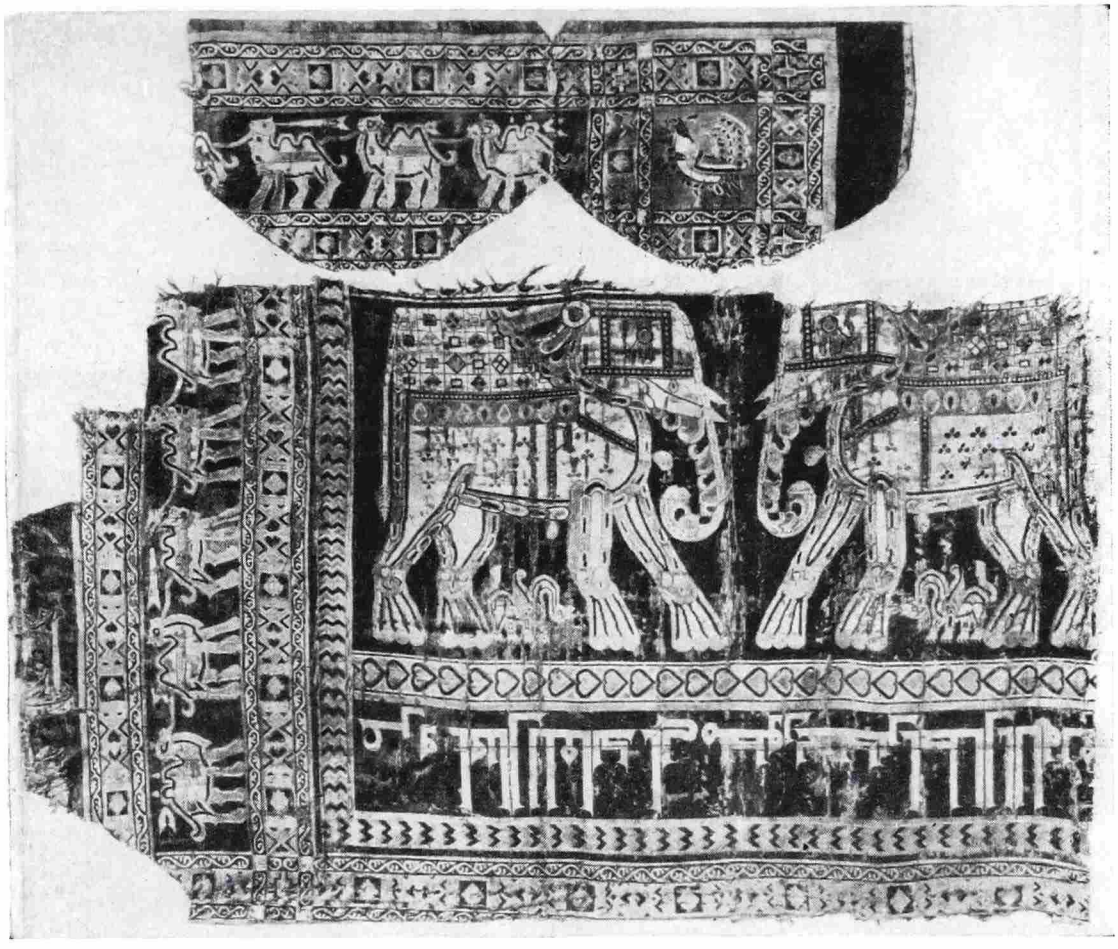


Рис. 7. Ткань Бухтегина из Лувра

на известной серебряной чаше из сел. Слудки [26]. Но особенно близок он к орнаменту костяной рукоятки ножа, найденной в Пенджикенте в 1959 г.

Σ-образный мотив в третьей орнаментальной полосе широко представлен в штампованных орнаментах на глиняных ассуариях. Имеется он и в архитектурном орнаменте, изображенном на стенной росписи [27]. Кстати отметим, что знак в виде m мы видим на туловище львов на шелке из Нанси.

Приведенные детали орнамента говорят о том, что в X в. сохранилась традиция, восходящая к домусульманскому искусству Средней Азии. Однако наиболее наглядно это можно видеть на сюжете центрального поля ткани, который непосредственно связывается с мотивами росписи Варахши VII в. В варахшинской росписи красного зала мы видим двух грифонов, бросающихся на слонов (рис. 8).

Сопоставляя варахшинскую роспись с тканью Бухтегина, мы убеждаемся в бесспорной связи основных элементов их сюжетов, несмотря на различие в теме. На варахшинской росписи мы имеем живую сцену борьбы грифонов, нападающих на слона, в то время как на ткани Бухтегина те же животные изображены в статичном положении. Грифон, очень маленького размера, помещен под брюхом слона как бы только для того, чтобы заполнить гладкое поле фона. Но при этом нельзя не обратить внимание на тождество в трактовке этого фантастического зверя в Варахше и на ткани Бухтегина.

---

[26] Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XLV.
[27] Живопись древнего Пенджикента, табл. XX.

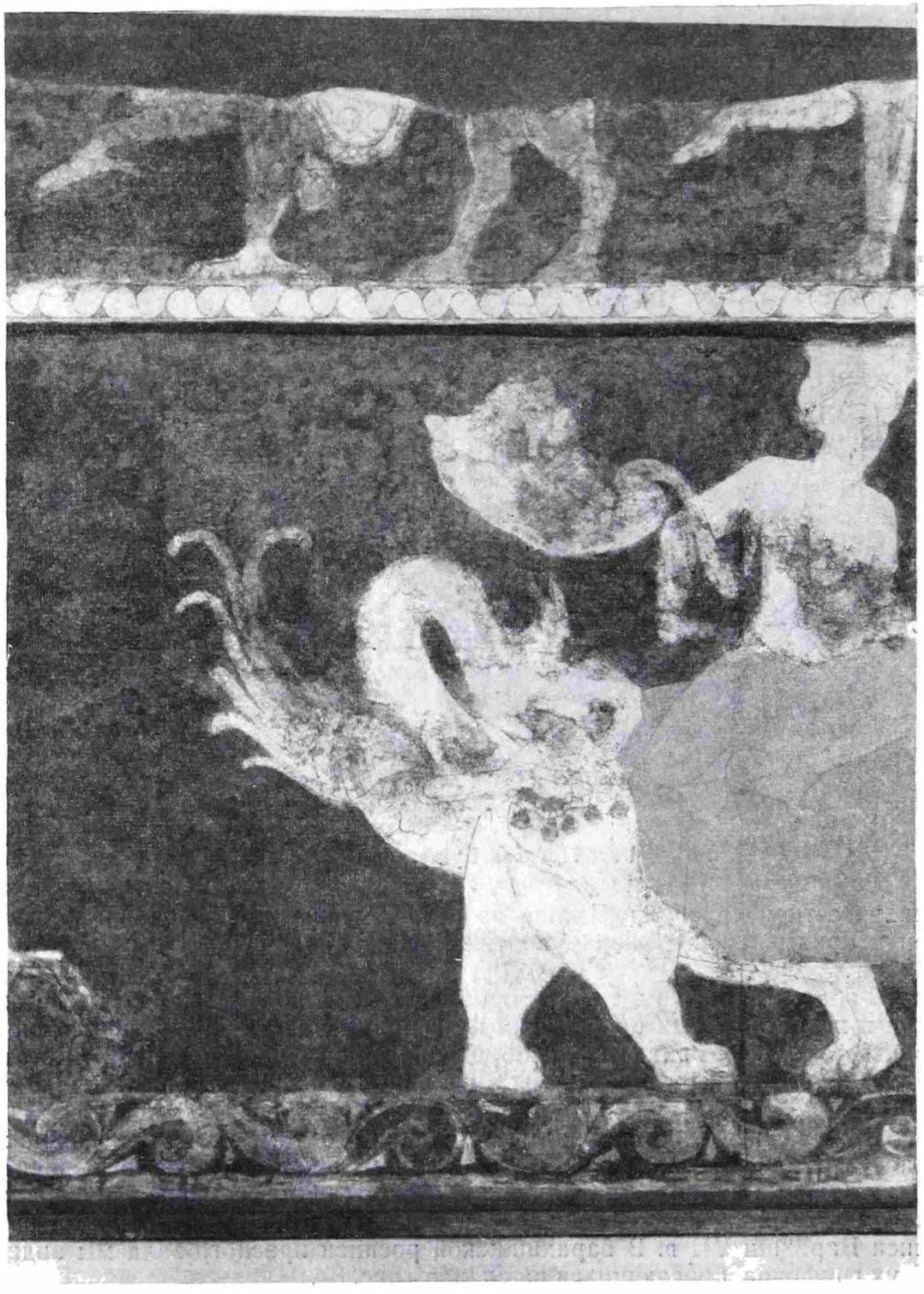


Рис. 8. Варахша. Стенная живопись

Здесь мы наглядно видим замечательный случай эволюции сюжета: на варахшинской росписи изображения грифонов очень динамичны и сюжетно оправданы, а на ткани мы видим изображение тех же животных, но вне всякой сюжетной связи.

В заключение остановимся на дальнейшей судьбе ткани занданечи. Насколько известно, до открытия согдийской надписи на ткани из Юи ткань под этим названием впервые упоминалась у историка Бухары Нершахи, писавшего в конце X в. На это сообщение обратил внимание

еще в 1901 г. К. А. Иностранцев, ограничившийся, впрочем, лишь частичной его передачей и приведением некоторых других более поздних источников [28].

Позволим себе привести эти данные письменных источников в несколько более полном виде, чем это сделал К. А. Иностранцев. Нершахи в перечне селений, окружавших Бухару, называет и селение Зандана, о котором он пишет: «Вывозятся отсюда так называемые «занданечи», т. е. бумажные материи, названные так потому, что выделываются в этом селении. Материя хороша и в то же время выделывается в большом количестве. Во многих селениях Бухары ткут такую же материю и называют ее «занданечи», потому что раньше всех начали выделывать эту материю жители этого селения. Бумажные материи оттуда вывозят во все области: в Ирак, Фарс, Кирман, Индустан и другие. Все вельможи и цари шьют из нее себе одежды и покупают ее по той же цене, как парчу. Да сохранит Бог это селение цветущим» [29]. Этот же автор пишет о другом Бухарском селении — Вардана, что из него вывозилась тоже ткань «занданечи», хорошо сделанная [30].

Третий раз он упоминает эту ткань в связи с рассказом о тиразе — ткацкой мастерской Бухары, в которой изготовлялись особо ценные ткани. О занданечи в этом месте Нершахи говорит, что «теперь занданечи более известна во всех областях, чем эти ткани» (изделия тиразной мастерской) [31]. К. А. Иностранцев приводит также упоминание занданечи в Сиясет-наме Низам-аль Мулька (XI в.). «Еще во времена Саманидов выполнялось такое правило: гулямам увеличивали чин постепенно, по размеру службы, заслуг, достоинств; вот покупали гуляма, приказывали ему один год службы пехотинца и он ходил в свите, одетый в каба из зинданиджи» [32].

Эта ткань упоминается еще у ряда авторов, но мы ограничимся лишь сообщениями Рашид-ад-Дина, относящимися к 1218 г., т. е. к самому канону монгольского завоевания.

«...Трое купцов из Бухары направились в те области с различными родами товаров, состоящих из тканей зарбафт (букв. золототканная.— *А. Б.* и *И. Б.*) зенданачи, карбас и других сортов, которые ими считались подходящими и годными для этого народа» [33]. И далее: «Их слова понравились Чингиз-хану, и он приказал дать за каждую штуку зарбафта один балыш золота, а за карбас и зенданачи по балышу серебра» [34].

Как это очевидно вытекает из приведенных сообщений, по крайней мере начиная с конца X в.— ткань занданечи уже была тканью хлопчатобумажной. Но вместе с тем в приведенных сообщениях говорится о том, что она очень высоко ценилась. К сожалению, в известных нам источниках мы не находим ни причины смены материала, ни указания на время, когда это могло произойти. Нам представляется, что в результате арабского завоевания поступление шелка-сырца из Китая, если совсем не прекратилось, то, безусловно, значительно уменьшилось. Вполне вероятно, что этим и объясняется перевод массового ткачества на хлопчатую бумагу.

Но как бы то ни было и в дальнейшем, т. е. после монгольского завоевания, ткань занданечи, как можно полагать, оставалась в основном хлопчатобумажной.

---

[28] К. А. Иностранцев. Из истории старинных тканей. ЗВОРАО, т. XIII, СПб., 1901, стр. 085.
[29] Нершахи. История Бухары. Перев. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 23.
[30] Там же, стр. 24.
[31] Нершахи. Ук. соч., стр. 29.
[32] Низам-ал-Мульк. Сиасет-Наме, М.— Л., 1949, стр. 110.
[33] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.— Л., 1958, стр. 187—188.
[34] Там же, стр. 188.

Любопытно отметить, что в послемонгольское время сведения о ткани занданечи мы получаем главным образом из русских источников.

Так, рубежом XIV и XV вв. датируется Новгородская берестяная грамота, в которой говорится: «Поклон от Марины к сыну моему, к Григорию. Купи мне зендянцу хорошую...» [35]. Издатель рукописи справедливо отмечает, что в грамоте речь идет о бухарской хлопчатой ткани, которая позже в Московской Руси известна под укороченным названием «зендень».

В XVI—XVII вв. эта ткань под названием «зендень» ввозилась из Средней Азии в большом количестве, о чем говорят многие документы, относящиеся к торговле между русским государством и Средней Азией [36].

В. Савваитов полагал, что зендень была тканью шелковой [37], но В. Клейн, специально исследовавший эти ткани, приходит к выводу, что ткань не шелковая, а чисто бумажная и что «в XVII в. зендень расценивалась очень дешево» [38].

Для последующих веков сведений о производстве этой ткани в литературе не имеется.

Таким образом, благодаря идентификации «занданечи» для тканей VII в. мы получили возможность проследить историю этой ткани на протяжении почти целого тысячелетия — факт, исключительное значение которого для истории древнего текстиля Средней Азии неоспоримо.

---

[35] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, стр. 59

[36] М. В. Фехнер. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. Тр. ГИМ, вып. XXI, М., 1952, стр. 91.

[37] П. Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896.

[38] В. Клейн. Иноземные ткани, бытовавшие в России в XVIII в. и их терминология. М., 1925, стр. 62.

В. А. КУЗНЕЦОВ и В. К. ПУДОВИН

АЛАНЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ЭПОХУ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ»

1

К числу важнейших проблем отечественной истории относятся проблемы, связанные с так называемым «великим переселением народов». Бурные события этой эпохи, начавшиеся в IV в. движением гуннов из Центральной Азии на Запад, вовлекли в свою сферу многие племена и народы, часть которых генетически связана с современными народами Советского Союза.

В Юго-Восточной Европе накануне гуннского нашествия существовало два крупных племенных союза — остроготский и сармато-аланский. Оба они в 70-х годах IV в. были разгромлены гуннами, сдвинуты со своих первоначальных мест и вовлечены в гуннское движение. Не рассматривая здесь вопрос о некоренном населении Северного Причерноморья — готах, мы обратим внимание на судьбу той части сармато-аланского племенного союза, которая вместе с гуннами ушла в Западную Европу.

По историческим и археологическим источникам известно, что союзы позднесарматских племен, в состав которых входили и аланы, в III—IV вв. занимали Северо-Западное Приаралье и Прикаспий, нижнее течение Волги и Дона, степную часть Северного Кавказа и восточную часть Северного Причерноморья, включая Крым. В рассматриваемое время эти союзы играли большую роль на юго-востоке Европы; связанные с городами Северного Причерноморья, сармато-аланские племена создали своеобразную материальную культуру, представленную в сотнях исследованных ныне археологических памятников. В III—IV вв. эти родственные ираноязычные племена были известны в письменных источниках под общим именем аланы, что отражено в «Истории» Аммиана Марцеллина [1]. Говоря далее об аланах, мы имеем в виду позднесарматские племена, объединенные этим собирательным термином.

Нашествие гуннов нанесло тяжелый урон сармато-аланской культуре в Восточной Европе. Под давлением гуннов часть сармато-аланских племен к концу IV в. передвинулась в предгорье и горы Северного Кавказа, где начиная с V в. появляются их катакомбные могильники. Отныне центральная часть Северного Кавказа становится основной территорией, на которой продолжается исторический процесс, связанный с аланами.

Другая часть алан, по-видимому достаточно значительная, была подчинена гуннами, включена в состав их орды и вместе с ними направилась в Западную Европу. Таким образом, значительная группа коренного древнего населения нашей страны оказалась втянутой в водоворот

---

[1] Аммиан Марцеллин. История, XXXI, 2, 13; 2, 17; 2, 21; ВДИ, 1949, № 3, стр. 303—305.

событий, которые сыграли большую роль в истории народов Центральной и Западной Европы. Поэтому всякие факты, которые могут быть связаны с пребыванием алан в Западной Европе, представляют большой интерес для советского историка и археолога.

Нельзя не заметить, что вопрос о пребывании алан в Западной Европе до сих пор почти не разработан в нашей историографии, несмотря на то, что в европейской литературе, посвященной эпохе «великого переселения народов», ему уделено относительно большое внимание. В дореволюционное время рассматриваемый вопрос наиболее полно был освещен Ю. А. Кулаковским [2], использовавшим исключительно римские и византийские письменные источники. В советское время вышел целый ряд обобщающих очерков по истории алан. Таковы работы Ю. В. Готье [3], Б. Е. Деген-Ковалевского [4], В. Б. Деопик [5], Л. П. Семенова и Б. В. Скитского [6] и З. Н. Ванеева [7]. Но в них мы находим крайне мало сведений об аланах в Западной Европе.

В европейской археологической и исторической литературе с аланами и их пребыванием в Западной Европе связаны не всегда определенные, а иногда и недостоверные представления.

На западе археологические находки вещей восточного и причерноморского происхождения второй половины IV и первой половины V в. принято обычно связывать с готами или гуннами. Таковы многочисленные клады и отдельные погребения в Трансильвании, Венгрии и Австрии, отдельные находки на Среднем Рейне и в Северной Франции, Испании и Северной Африке. Так, например, шовинистически настроенный шведский археолог Б. Салин все эти материалы связывал с передвижениями готов в последней четверти IV—V в. По мнению Б. Салина [8], вещи северопричерноморского происхождения были занесены в Западную Европу готами. Для того чтобы обосновать наличие подобных вещей в Северной Франции, где, как известно, готы исторически не засвидетельствованы, Б. Салин создал теорию о мнимых готских переселенцах из южных областей. К изложенным взглядам Б. Салина полностью присоединился Н. Оберг [9].

В связи с повышенным интересом, проявляемым в европейских странах к гуннской проблеме, в последнее время предпринят ряд попыток выделить гуннские комплексы на территории Восточной и Западной Европы. Так, А. Альфёльди характерной особенностью погребального обряда гуннов считал трупосожжение, а в могильном инвентаре выделял золотые пластинки с чешуеобразным узором, луки и стрелы, предметы конской сбруи и металлические котлы [10]. Остальные вещи этого периода отнесены им к гуннскому времени и не связаны с каким-либо определенным народом.

Н. Феттих, разделяя взгляды А. Альфёльди, склонен относить к так называемой «гуннской цивилизации» ряд других типов вещей северопричерноморского происхождения: поясные пряжки с инкрустацией, золотые диадемы, мелкие золотые бляшки и т. д. Признавая при этом роль алан в период гуннского нашествия, Н. Феттих указывает, что «среди

---

[2] Ю. А. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 24—41.

[3] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 84—87.

[4] История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. III—IV, М.—Л., 1939 (на правах рукописи).

[5] Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1959, стр. 616—632.

[6] История Северо-Осетинской АССР, т. 1, М., 1959, стр. 37—87.

[7] З. Н. Ванеев. Средневековая Алания. Сталинир, 1959.

[8] B. Salin. Die Altgermanische Tierornamentik. Stockholm, 1937, стр. 140—142.

[9] N. Aberg. Die Franken und Westgoten in der Völkerwanderungszeit. Uppsala, 1922, стр. 57.

[10] A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Archaeologia Hungarica, т. IX, Budapest, 1932.

археологических памятников мы должны искать следы алан в таких местах, где можно отметить знаки интенсивного персидского влияния» [11]. Однако попытки выделения конкретно аланских вещей автор не предпринял.

Такую попытку мы находим в книге Э. Бенингера «Вестготско-аланский путь через Центральную Европу» [12]. Автор связывает с аланами отдельные находки керамики в Северной Богемии и погребение в Зиммеринге (Австрия). Однако поддерживая старые концепции Б. Салина и Н. Оберга, Э. Бенингер по-прежнему уделяет основное внимание роли готов. По мнению Э. Бенингера, аланы оказали незначительное влияние на вестготскую среду [13].

Одна из последних европейских работ, посвященных памятникам гуннской империи Аттилы, принадлежит И. Вернеру [14]. Им собран большой археологический материал с территории Восточной и Западной Европы, относящийся к концу IV—V в. Автор выделяет на территории Европы категории вещей, имеющих, по его мнению, восточное происхождение. Картографирование этих категорий вещей, данное И. Вернером, на наш взгляд, вполне соответствует историческому пути гуннов в Западной Европе. Также удачно археологические данные сопоставлены с территорией империи Аттилы. Вместе с тем И. Вернер рассматривает весь собранный им по Западной Европе материал в общем виде, не связывая его конкретно с народами, входившими в империю Аттилы. По мнению И. Вернера, «опыты этнического определения мало перспективны» [15].

В последней работе, посвященной гуннской эпохе в Венгрии, венгерский археолог М. Пардуц рассматривает большой археологический материал, главное место в котором занимает открытый в 1950 г. могильник у г. Чонград. Автор выделяет группу погребений, совершенных в положении сидя и на корточках. Этот погребальный обряд М. Пардуц считает кавказским по происхождению и на этом основании усматривает этническое единство части населения Чонграда и Северного Кавказа. Вместе с тем автор опирается на наличие в Чонграде ориентировки запад—восток и отчасти на могильный инвентарь. Отсюда М. Пардуц делает вывод о переселении группы коренного кавказского населения и сармато-аланских племен в 375—380 гг. под натиском гуннов в Венгрию [16].

Трудно согласиться со всеми выводами М. Пардуца. Во-первых, обряд погребения в положении сидя для Северного Кавказа в раннем средневековье не характерен. Сидячие погребения в Таркинском и Карабудахкентском могильниках, на которые ссылается М. Пардуц, относятся в основном к I—II вв. н. э. и составляют очень незначительный процент [17]. Во-вторых, движение гуннов через Северо-Восточный Кавказ пока ничем не доказано. Ориентировка запад—восток, часто встречающаяся в Чонграде, не дает еще оснований говорить об этнических связях с Северным Кавказом. Что же касается сарматской керамики из Чонграда, то она находит себе полные аналогии в Нижнем Прикубанье и в Крыму в рассматриваемое нами время. Можно полагать, что сарматские элементы Чонградского могильника связаны прежде всего с населением Крыма и Прикубанья.

---

[11] N. Fettich. La trouvaille de tombe princiere Hunnique à Szeged-Nagyszéksos. Archaelogia Hungarica, XXXII, Budapest, 1953, стр. 186.

[12] E. Beninger. Die Westgotisch-alanische Zug nach Mitteleuropa. Leipzig, 1931.

[13] Там же, стр. 120—125.

[14] J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reich. A — Text, B — Tafeln. München, 1956.

[15] Там же, стр. 1.

[16] M. Párducz. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. Acta Archaeologica, т. XI, вып. 1—4, Budapest, 1959, стр. 385 сл.

[17] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, 1951, стр. 258, табл. 3; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 г. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 89—91.

В 1930 г. во Франции Л. Франше была сделана попытка отождествить с аланами некоторые бронзовые предметы (в основном пряжки), происходящие из долины Луары [18]. Однако эта попытка Л. Франше вызвала возражения со стороны Г. Цейсса [19], указавшего на хронологическое несоответствие находок времени пребывания алан во Франции. Г. Цейсс датировал эти вещи VII в. Позже работа Л. Франше была разобрана Э. Саленом, доказавшим не только хронологическое несоответствие, но и местное происхождение этих вещей [20]. Таким образом, вопрос об аланской принадлежности находок, приведенных Л. Франше, отпадает.

Находки гуннского времени из Северной Франции получили новую интерпретацию в работах Э. Салена [21]. Говоря о вещах северопричерноморского и паннонского происхождения, Э. Сален связывает их с движением алан в начале V в. из Паннонии через Северную Францию в Испанию и Северную Африку. Э. Сален, вслед за Г. Цейссом [22], отвергает концепцию Б. Салина и Н. Оберга, связывающую эти вещи с готским проникновением в Северную Францию. Кроме того, автор широко привлекает письменные источники, свидетельствующие о пребывании групп алан в Северной Франции в первой половине V в. На основании археологических, исторических и топонимических данных Э. Сален убедительно доказывает факт пребывания алан во Франции в V в.

Долгое время наличие немногочисленных северопричерноморских вещей в Испании связывалось с готами [23]. В 1934 г. появилась монография Г. Цейсса о вестготах в Испании, в которой он, не отрицая роли готов в распространении подобных изделий, указывал на возможность их распространения и аланами [24]. Как известно, в первой четверти V в. аланы исторически засвидетельствованы в Испании во время их движения с вандалами в Северную Африку.

О роли сармато-алан в распространении восточных и северопричерноморских вещей в Западной Европе неоднократно писал М. И. Ростовцев. В одной из своих работ он указывал, что «стиль этих вещей в Европу внесли не готы, а в основном эллинизованные сарматы и сарматизованные греки» [25]. В более ранней работе М. И. Ростовцев отмечал, что «это вовсе не готский стиль: он иранский, если хотите сарматский. Это были не готы, а сарматы, которые ввели его в Центральной и Южной Европе» [26]. Взгляды М. И. Ростовцева разделял и Л. А. Мацулевич [27].

Вопрос об аланах в Западной Европе нашел отражение и в работах западноевропейских историков гуннской эпохи. Г. Вернадский и Е. Томпсон, например, изображают алан как «примитивную расу кочевников», как «дикие орды», как вассалов гуннов, по культурному уровню стоящих не выше последних [28]. Мы до сих пор не знаем культуру гуннов, но после

---

[18] L. Franchet. Une colonie Scytho-Alaine en Orleanais, au Vsiècle. Les Bronzes Caucasiens du Vendomois. Revue scientifique, №№ 3—4, 1930.

[19] H. Zeiss. Die Germanischen Grabfunde des frühen Mittelalters zwischen mitteler Seine und Loire-Mündung. Berlin, 1942, стр. 147—148.

[20] É. Salin. La civilisation mérovingienne d'après les sépultures, les textes et le laboratoire, т. 1, Paris, 1949, стр. 312—318.

[21] Там же, стр. 295 сл.; его же. Le Haute-Moyen-Age en Lorraine. Paris, 1939, стр. 77—78.

[22] H. Zeiss. Der ethnischen Deutung frühmittelalterlicher Funde. Germania, т. XIV, 1930, стр. 12.

[23] См., например, N. Åberg. Ук. соч., стр. 206—208.

[24] H. Zeiss. Die Grabfunde aus dem Spanischen Westgotenreich. Berlin und Leipzig, 1934, стр. 111.

[25] M. Rostovtzeff. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch. Paris, 1923, стр. 51.

[26] Его же. Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922, стр. 14.

[27] Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, П., 1926, стр. 51—52.

[28] См., например, G. Vernadsky. Ancient Russia, Vale, 1944, стр. 131—137; E. A Thompson. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948, стр. 61.

многолетних исследований высокий уровень аланской культуры не вызывает сомнения.

Одна из последних работ по гуннской проблеме принадлежит западногерманскому историку Ф. Альтхейму[29], пытавшемуся воскресить пангерманистские взгляды о принадлежности алан (а вместе с ними и осетин) к германским племенам. Эти взгляды основаны исключительно на некоторых лексических совпадениях современного осетинского языка с немецким, объясняющихся общностью индоевропейского происхождения обоих языков. Концепция германского происхождения алан (и осетин), существующая с середины XIX в., уже была разоблачена в советской историографии[30]. Абсурдность и несостоятельность этой концепции совершенно очевидна.

2

В настоящей статье мы не стремимся разрешить все вопросы, связанные с движением алан и пребыванием их в Западной Европе. При современном состоянии научных знаний это и невозможно. Тем не менее накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет выдвинуть ряд соображений по данной проблеме, почти не освещенной в отечественной литературе.

Из письменных источников известно, что аланы были первым европейским народом, с которым столкнулись гунны около середины IV в.[31]. Разгромив сармато-аланский племенной союз, гунны вместе с частью алан в 371 г. напали на остроготов в Северном Причерноморье. После распада царства Германариха значительная часть остроготов ушла на запад. Туда же устремились гунны и аланы (рис. 1).

В 70-х годах IV в. аланы появляются на Среднем Дунае и входят в соприкосновение с вандалами, жившими в Паннонии. Вместе с везиготами в 375 г., очевидно, переходит Дунай и небольшая группа алан, которая принимает участие в битве при Адрианополе в 378 г. на стороне готов. Аланы встречают благожелательный прием и в империи. При императоре Грациане существовал аланский полк телохранителей. Дважды в начале V в. (в 402 и 405 гг.) аланы и гунны помогали Стилихону отражать нападения германских племен.

По-видимому, уже в начале V в. большая группа аланских племен освободилась от власти гуннов и вскоре окончательно отделилась от них. 31 декабря 406 г. вандалы, аланы и свевы по льду перешли Рейн, опрокинули ринуарских франков и вторглись в Галлию. Начался повальный грабеж богатой римской провинции. «Это является таким событием,— пишет французский историк Ф. Ло,— за которым следует дезорганизация, обескровливание, окончательная гибель Западной империи»[32].

Еще на Рейне аланы разделились. Одна часть, под предводительством Гоара, перешла на службу к империи, другая, под командованием Респендиала, ушла вместе с вандалами и свевами в Испанию. Судьба алан, осевших в Галлии, прослеживается затем с перерывами на протяжении четырех десятилетий.

Известно, что в 411 г. аланы находились среди войск Иовина, который угрожал армии императора Константина III у Арля (Южная Фран-

---

[29] F. Altheim. Attila und die Hunnen. Baden-Baden, 1951, стр. 65.

[30] Г. Кокиев. Об одной фашистской фальсификации истории осетин. Исторический журнал, кн. 2—3, 1944, стр. 43—47.

[31] При написании данного раздела, кроме указанных выше, использованы следующие работы: E. Perrou. Le moyen age. L'éxpansion de l'Orient et la naissance de la civilisation occidentale. Paris, 1935; F. Lot. Histoire du Moyen Age. Paris, 1928; его же. Les invasions germaniques. Paris, 1935; R. Grousset. L'empire des Steppes. Paris, 1948; О. Вайнштейн. Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха. Историк-марксист, кн. 6, 1938.

[32] F. Lot. Les invasions germaniques, стр. 71.

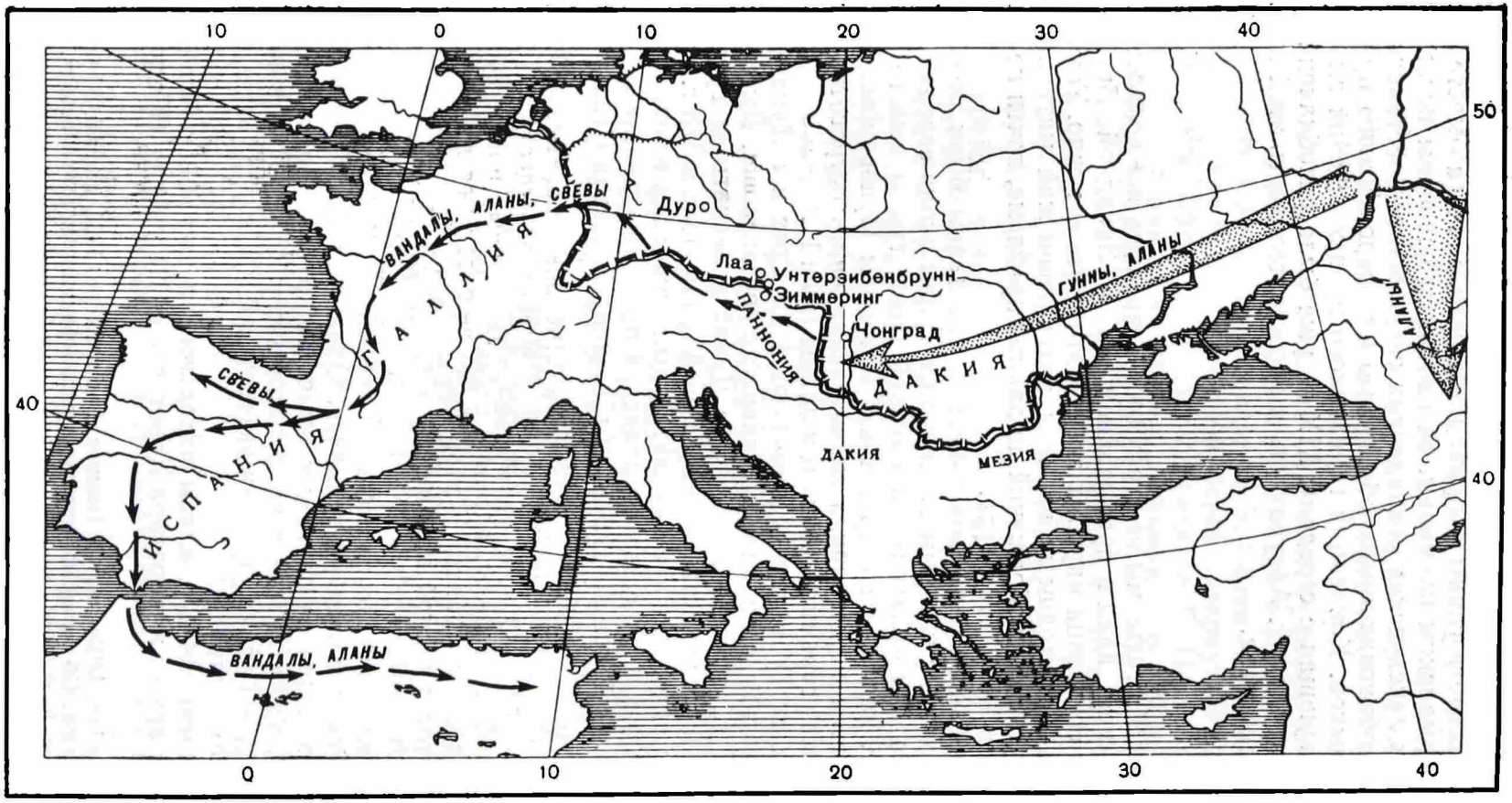


Рис. 1. Путь алан через Европу

ция). В 414 г. аланы появились в Аквитании, куда они пришли вместе с римлянами для защиты Бордо от везиготов. В 441 г. аланы во главе с Самбидой получают для поселений пустынную область Валентинуа и тогда же оседают в области Орлеана. В Каталаунской битве 451 г. аланы, выступавшие на стороне римлян и их союзников, вели двойственную игру. Их вождь Сангибан вступил в переговоры с Аттилой.

Столкновение с франками в Галлии послужило причиной ухода вандалов, свевов и алан Респендиала в 409 г. в Испанию. Завоевав в 411 г. Испанию, союзники разделили ее между собой. Аланам достались провинции Лузитания и Картахена.

В 416 г. в Испанию вторглись везиготы и оттеснили соединенные силы вандалов и алан на юг Пиренейского полуострова. В 429 г. везиготы окончательно разгромили их. После этого в Африку переправилось около 80 тысяч человек вандалов и алан, считая женщин, детей и рабов. Воинов среди них насчитывалось 12—15 тысяч человек [33]. С этой маленькой армией Гензерих, король вандалов и алан, ушел на завоевание Северной Африки. Конец вандальскому господству в Африке был положен Остинианом I в 534 г.

Пребывание алан в Испании и Африке очень плохо освещено источниками. Французский историк Р. Груссэ считает, что часть алан в Испании составила с везиготами смешанный элемент, который, может быть, и дал свое имя области «Гото-Алания», или Каталония [34].

В середине V в. мы встречаем группу алан в Северной Италии; в 60-х годах V в. она была уничтожена.

Исторические сведения об аланах в Западной Европе относятся в основном к последним десятилетиям IV в.— первой половине V в. Можно выделить области, в которых аланы пребывали в течение сравнительно долгого времени. Ими будут, прежде всего, Дакия и Восточная Паннония, затем Северная Франция и долина Луары, наконец, Испания и Северная Африка. В этих местах мы и должны искать археологические следы алан.

3

С конца IV в. и в первой половине V в. от Казахстана до Нормандии (Франция) широко распространяются отдельные богатые «княжеские» погребения (мужские и женские), неправильно отождествляемые с кладами и связанные, очевидно, с движениями кочевых племен. Г. Ф. Корзухина отмечает, что «кочевники никогда не зарывают вещи в виде кладов. Все комплексы, с виду имеющие сходство с кладами, найденные в степях Причерноморья и Средней Азии, при ближайшем рассмотрении оказываются одинокими богатыми кочевническими погребениями... Очевидно, кочевникам по самому образу их жизни не свойственно зарывать клады» [35].

Сюда входит и большая группа так называемых «речных погребений», которые К. Ф. Смирнов по характеру погребального обряда и инвентарю склонен приписывать поздним сарматам (а следовательно, и аланам, в расширенном понимании этого термина.— *В. П., В. К.*), оставленным «в пору борьбы и союзнических отношений их с гуннами... Благодаря гуннам вещи сарматского типа, подобные вещам «речных погребений», распространяются по широкой территории: от Западного Казахстана на востоке до Венгрии на западе и до Северного Кавказа на юге» [36].

И. Вернер в своей сводке материалов гуннского времени приводит довольно большой список «княжеских» погребений в Западной Европе,

[33] F. Lot. Ук. соч., стр. 88.
[34] R. Grousset. Ук. соч., стр. 118.
[35] Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья. СА, XXII, 1945, стр. 68.
[36] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1953, стр. 216.

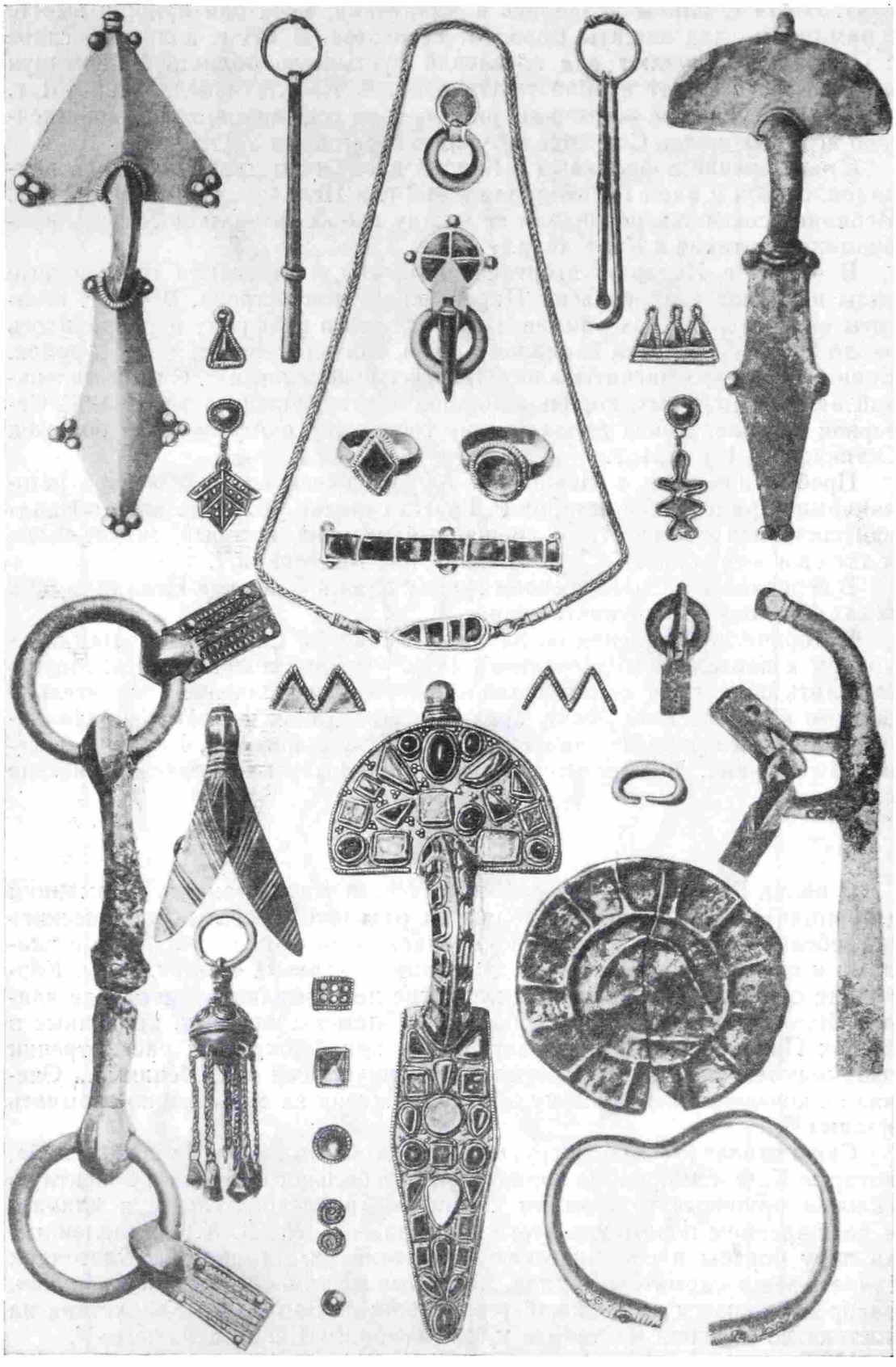


Рис. 2. Вещи из погребения в Унтерзибенбрунне (Австрия)

содержащих в погребальном инвентаре вещи северопричерноморских и восточных типов [37]. В их числе есть находки (зеркала с ушком, украшенные геометрическим орнаментом, серьги калачиковидные и серьги с многогранником), являющиеся на нашей территории одной из характерных особенностей аланских погребений.

Очень характерным для позднесарматских (аланских) памятников является также ритуальный обычай разбивания зеркал, который встречен во многих погребениях Центральной Европы. Пестрота населения Центральной Европы в эпоху гуннского владычества и связанное с этим копирование и перенимание обычаев и украшений затрудняет этническое определение «княжеских» погребений. Тем не менее уже предприняты попытки выделить гуннские погребения (таково, по Н. Феттиху, богатое захоронение в Сегед-Надьсекшош в Венгрии) [38].

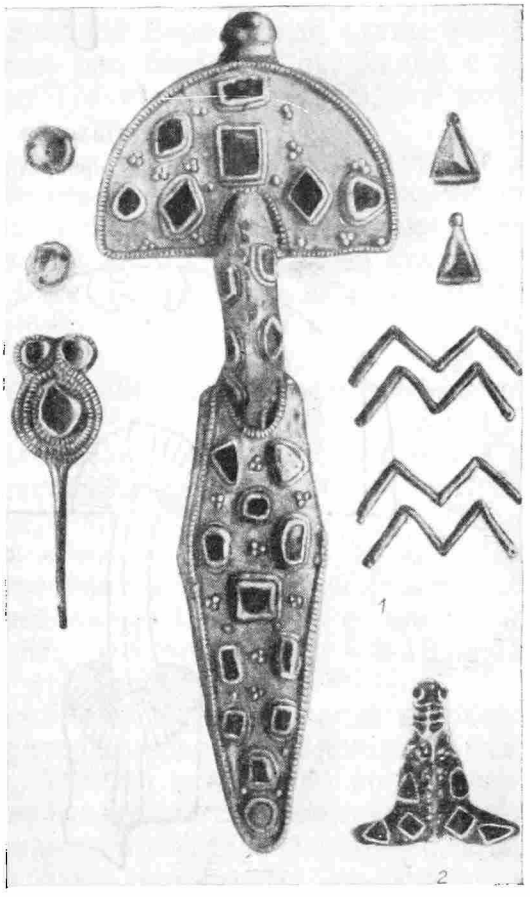


Рис. 3. Вещи из погребений Франции
1 — Эран; *2* — Берепер

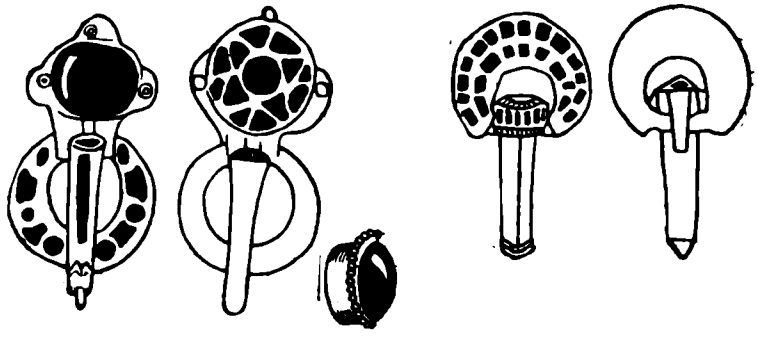
Наличие значительного количества алан на Среднем Дунае (по крайней мере, с конца 70-х годов IV в. и до ухода их в Галлию) несомненно. Может быть, с этими аланами и надо связывать инвентарь погребения в Левице-Лева (Чехия) [39].

К разряду «княжеских» надо отнести погребения в Унтерзибенбрунне (рис. 2) около Вены (женское и детское) [40], с богатым набором роскошных вещей, многие из которых (фибулы-«мухи», зеркала, туалетные наборы, пластинчатые фибулы, узда, пряжки) имеют аналогии в Северном Причерноморье и на Кубани. Любопытна находка разбитого зеркала в женском погребении, что можно сопоставить с характерным сармато-аланским обычаем в Восточной Европе [41]. В этой связи М. И. Ростовцев писал: «Я не вижу ни одной причины, которая бы мешала отнесению погребений Зибенбрунна сарматским женщине и ребенку» [42].

Из Эрана (Нормандия) известно богатое женское погребение с вещами понтийского типа (рис. 3). Эти вещи, как совершенно правильно предполагает Э. Сален, попали в Нормандию во время похода алан, ванда-

---

[37] J. Werner. Ук. соч.
[38] N. Fettich. Ук. соч.
[39] E. Beininger. Die Germanische Bodenfunde in der Slowakei. Reichenberg und Leipzig, 1937, стр. 55; J. Werner. Ук. соч., табл. 49, *3, 4, 5;* его же. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts. Slovenska Archeologia, т. VII, вып. 2, Bratislava, 1959, стр. 429, рис. 6. Инвентарь погребения состоит из двух пластинчатых фибул, фибулы в форме мухи, калачиковидной серьги, металлического зеркала с ушком, бус и других вещей.
[40] W. Kubitschek. Grabfunde in Untersiebenbrunnen. Jahrbuch für Altertumskunde, V, Wien, 1911, стр. 32—66.
[41] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 207.
[42] M. Rostovtzeff. Une trouvaille, стр. 53. Правда, находку в Зибенбрунне М. И. Ростовцев сравнивает с доготскими находками III в. из Керчи.



1 *2*

Рис. 4. Находки из Португалии и Испании
1 — из Бейя (пров. Алемтейо); 2 — из пров. Галисия

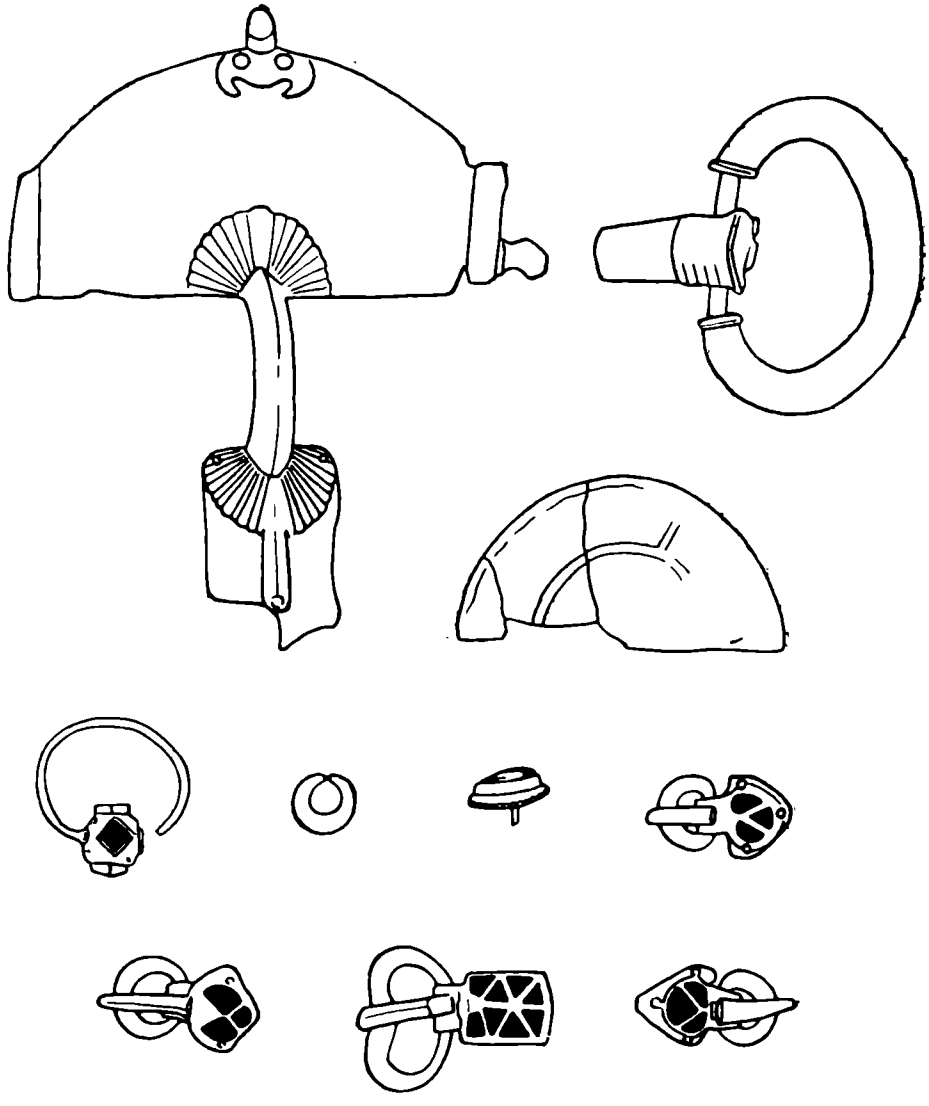


Рис. 5. Вещи из погребения в Лаа (Австрия)

лов и свевов 407 г., а само погребение принадлежит жене аланского вождя [43].

Богатые одиночные погребения с характерными северопричерноморскими вещами есть и на Пиренейском полуострове. Прежде всего, это

[43] É. Salin et O. Franco-Lanord. La trésor d'Airan en Colvados. Monument Piot, 43, Paris; É. Salin. La Haute Moyen Age en Lorraine, стр. 78; его же. La civilization mérovingienne, т. I, стр. 295—304.

погребение из Бейя (пров. Алемтейо) в Португалии с двумя золотыми пряжками, инкрустированными гранатами (рис. 4, *1*) и железным мечом с гранатовым набалдашником, и погребение из пров. Галисия в Северо-Западной Испании (ближе не известно) с пряжкой, украшенной гранатами (рис. 4, *2*) [44]. Обычно испанские находки причерноморских вещей связывают только с везиготами. Но эти находки могут свидетельствовать и об аланах, живших несколько лет в Испании. Аналогичные пряжки хорошо известны в позднесарматских и аланских погребениях Крыма и Северного Кавказа.

Таким образом, в тех областях Западной Европы, где аланы исторически засвидетельствованы, выделяется ряд богатых погребений с элементами позднесарматской культуры. По нашему мнению, их можно связать с аланами.

Конечно, нельзя в этих отдельных погребениях Центральной и Западной Европы искать полное соответствие с хорошо известными нам сармато-аланскими памятниками Восточной Европы. В сложившейся к началу V в. пестрой и необыкновенно сложной этнической и культурной среде Центральной Европы трудно было бы ожидать открытия чисто аланских (сарматских) комплексов. Местная культура германских племен, несомненно, также наложила на них свой отпечаток. Поэтому неудивительно, что аланские вещи мы сплошь и рядом встречаем вместе с вещами местного происхождения. В памятниках конца IV — начала V в. северопричерноморские и аланские элементы более ощутимы, чем в памятниках последующего времени. Вместе с тем мы наблюдаем постепенное убывание этих же элементов по мере продвижения на запад Европы.

Из многочисленных погребальных комплексов V в. Среднего Подунавья, кроме указанных богатых погребений в Унтерзибенбрунне и Левицах, можно выделить еще два погребальных комплекса с явными элементами позднесарматской культуры: это погребения I и II из Лаа (рис. 5) [45] и погребение I из Мархегг (Нижняя Австрия) [46].

Большинство находок из этих комплексов имеет аналогии в археологическом материале из Северного Причерноморья и Северного Кавказа.

И. Вернер отрицает употребление фибул в одежде кочевников [47], однако по отношению к сармато-аланам это не соответствует действительности. Поэтому фибулы, найденные в Унтерзибенбрунне, Левицах, Лаа, могли употребляться не только германцами, но и аланами. Это тем более вероятно, что двупластинчатые фибулы Центральной Европы имеют много общего с подобными фибулами Северного Причерноморья.

Вместе с металлическими вещами в упомянутых погребениях были найдены глиняные кувшины с туловом яйцевидной формы, узким горлом и сильно отогнутым венчиком. Аналогичные сосуды найдены также в погребении из Зиммеринга (Вена). Э. Бенингер сопоставляет эту керамику с кувшинами такого же типа из позднесарматских погребений Нижнего Поволжья, но считает, что в данном случае сказалось лишь аланское влияние на везиготскую керамику. По мнению Э. Бенингера, в Зимме-

---

[44] N. Aberg. Ук. соч., стр. 206—207.

[45] E. Beninger. Germanenzeit in Niederösterreich. Wien, 1934, стр. 44; J. Werner. Beiträge..., A, табл. 9—10. В погребениях Лаа мы находим две серебряные пластинчатые фибулы, серебряные браслеты с утолщенными концами, золотые височные кольца (серьги) с инкрустированным многогранником на конце, овальные пряжки с утолщенной серединой, разбитое металлическое зеркало, поясные пряжки с инкрустацией и калачиковидную серьгу.

[46] J. Werner. Beiträge..., B, табл. 12 в. В погребении из Мархегга в числе вещей были металлическое зеркало, калачиковидные серьги, овальная бронзовая пряжка. Заслуживают также внимания комплексы из О-Кер (E. Beninger; Die Westgotisch-alanische Zug nach Mitteleuropa..., рис. 10) и Тиссалёк (И. Коврига. Находки в сс. Тиссалек и Мад. Archaeologiai Ertesitö, т. 78, вып. 2 Budapest, 1951).

[47] J. Werner. Ук. соч., A, стр. 83.

ринге был погребен аланский воин, в могилу которого поставили везиготские сосуды [48].

В 1878 г. в Дуре (Чехия) было открыто погребение с железным мечом без перекрестья, двумя длинными наконечниками копий и девятью глиняными сосудами, один из которых А. Альфёльди считал аланским [49]. К мнению А. Альфёльди присоединился Э. Бенингер [50].

Действительно, один из сосудов Дура (рис. 6) [51] близок некоторым формам керамики из позднесарматских памятников. Аналогичные сосуды известны в Нижнем Поволжье [52]. Сосуды из Зиммеринга, Лаа и других пунктов Центральной Европы аланскими считать нельзя; очевидно, это местные формы.

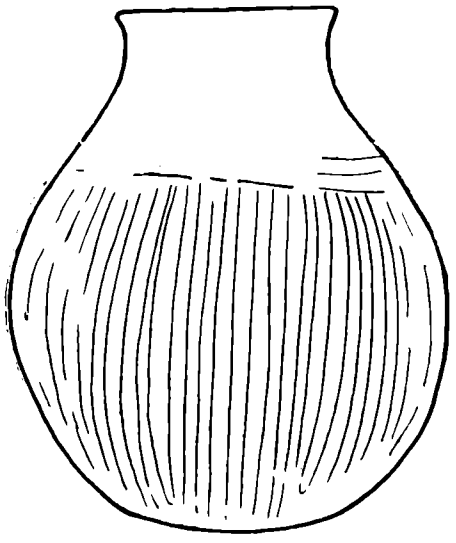


Рис. 6. Сосуд из Дур (Чехия)

Весьма интересный керамический материал происходит из могильника у г. Чонград. Как отмечалось выше, многие сосуды, опубликованные М. Пардуцем [53], имеют аналогии в Крыму и в Прикубанье, что правильно отмечает сам автор. Хотя аналогии, приведенные М. Пардуцем, относятся к более раннему времени (II—III вв. н. э.), формы некоторых сосудов из Чонграда существуют и позже. По-видимому, эти сосуды были занесены в Венгрию в период движения гуннов в конце IV в. группой населения, связанного с Крымом или Нижним Прикубаньем.

Мы кратко остановились на инвентаре некоторых комплексов Центральной Европы. Следует отметить, что описанные выше погребения были совершены в грунтовых могилах. Как известно, на территории Восточной Европы аланский погребальный обряд связан не только с грунтовыми могилами, но с катакомбами и подбоями. В Венгрии около г. Кестхей известны две подбойные могилы [54]. К. Шаги полагает, что погребение в подбое, открытое в 1954 г., принадлежит германцам, находившимся на службе у гуннов. Ближе к действительности, на наш взгляд, стоит М. Пардуц, считающий погребение в Кестхей не германским, а аланским [55]. По-видимому, вместе с гуннами в Центральную Европу попали те сармато-аланские племена, для которых был характерен обряд погребения как в простых грунтовых ямах, так и в подбоях. Несомненный интерес для нашей темы представляет картографирование некоторых находок V в. в Центральной и Восточной Европе, проделанное И. Вернером. Карта распространения искусственно деформированных черепов, датированных V в. (рис. 7), показывает [56], что они

---

[48] E. Beninger. Westgotisch-alanische Zug, стр. 76, рис. 33—38.

[49] Там же, стр. 69—70. Письмо А. Альфёльди к Э. Бенингеру.

[50] Там же.

[51] Там же, рис. 31.

[52] P. Rau. Ук. соч., рис. 4*c*, 17*a*, 32.

[53] M. Párducz. Ук. соч., рис. 8.

[54] K. Sági. Hunkori sir Kesthelyen. Archaeologiai Ertesitö, 82, вып. 2, Budapest, 1955, стр. 185—189; см. также J. Harmatta. Problèm de la determination et de l'appréciation historique du matérial archéologique hunnique. В сб. «Conférence archéologique de l'Académie Hongroise des sciences». Budapest, 1955, стр. 234, 237.

[55] W. Párducz. Ук. соч., стр. 390.

[56] Ряд находок деформированных черепов, калачиковидных серег и зеркал с территории Северного Кавказа остался неизвестен И. Вернеру и не попал на его карты. В то же время некоторые находки зеркал могут относиться к более позднему времени, чем V в. (Кобань, Камунта и т. д.). Поэтому мы оставляем карты И. Вернера без изменений.

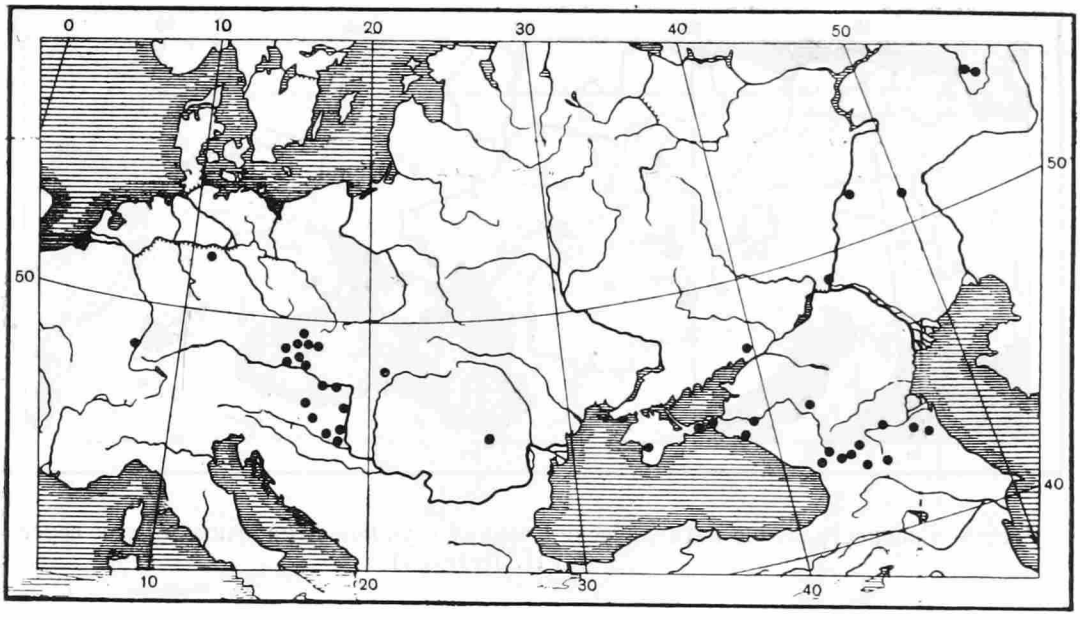


Рис. 7. Распространение деформированных черепов V в. (по И. Вернеру)

сосредоточены главным образом в двух областях — в Восточном Крыму и на Северном Кавказе и в Среднем Подунавье [57]. Деформированные черепа хорошо известны в аланских погребениях Северного Кавказа (Байтал-Чапкан, Гиляч, Мукулан, Куркужан и т. д.). Мы не можем утверждать, что все деформированные черепа V в. из Среднего Подунавья аланские, но большая их часть может быть связана с аланами.

Аналогичную картину можно наблюдать и на примере распространения калачиковидных серег V в. и металлических зеркал с ушком (рис. 8). Как указывает И. Вернер, металлические зеркала в Западной Европе до 400 г. неизвестны [58]. Появление их в Западной Европе в V в. следует в первую очередь поставить в связь с аланским движением на запад. И. Ковриг в 1951 г. отмечала наличие разбитых зеркал в некоторых погребениях V в. на Среднем Дунае; эти зеркала она справедливо сопоставляет с северокавказскими [59].

Совпадение ареалов распространения деформированных черепов, металлических зеркал и калачиковидных серег на Северном Кавказе и в Восточном Крыму, с одной стороны, и на Среднем Дунае, с другой, вряд ли случайно. Можно полагать, что значительную часть этих находок следует связывать с аланами, продвинувшимися в Центральную Европу.

Распространение металлических вещей причерноморского типа с инкрустацией и без нее (поясные пряжки, фибулы в форме мухи, нашивные бляшки от одежды и т. д.) трудно связывать именно с аланами, но нельзя отрицать тот факт, что аланы могли быть их активными распространителями в Западной Европе.

Мы уже отмечали, что по мере продвижения на запад количество сармато-аланских элементов материальной культуры постепенно убывает. Во Франции круг вещей, сопоставимых с аланами, значительно сокращен.

Нами упоминалось интересное погребение в Эране (Нормандия), в котором содержатся две фибулы полихромного стиля. Со второй половины IV в. в Западной Европе, от Венгрии до Северной Франции, появ-

---

[57] J. Werner. Ук. соч., B, табл. 73.
[58] Там же, стр. 24.
[59] И. Ковриг. Ук. соч., стр. 119.

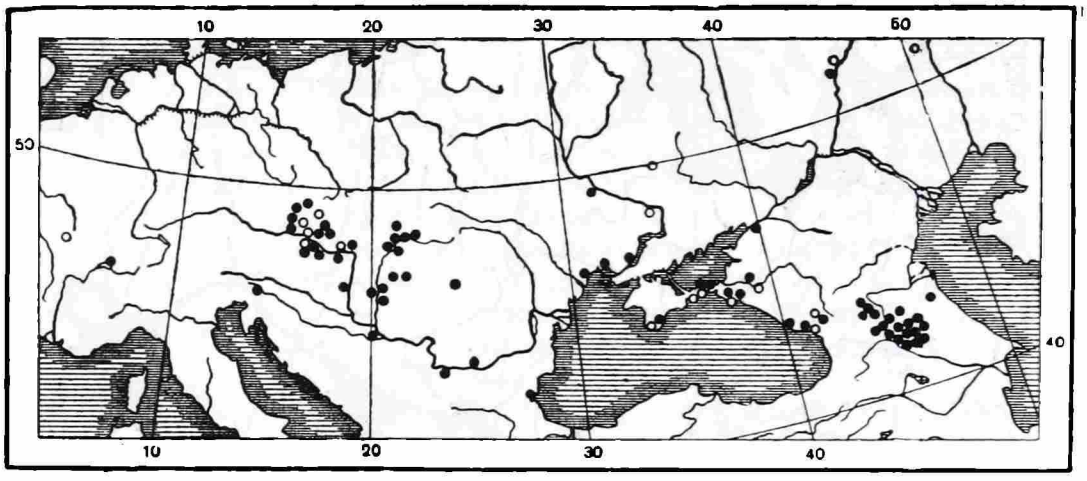


Рис. 8. Распространение металлических зеркал с ушком и калачиковидных серег (по И. Вернеру)

ляется ряд новых типов фибул, среди которых наиболее известны фибулы полихромные и пластинчатые (клепаные). Основная масса полихромных фибул сосредоточена в области Среднего Дуная. Две фибулы из погребения в Эране находят полные аналогии в этой области [60].

Довольно многочисленную группу пластинчатых (клепаных) фибул Северной Франции, наряду с понтийскими вещами, обычно связывали с готскими переселенцами (рис. 9). Однако, как известно, готы не были в Северной Франции. Исходя из этого, Г. Цейсс, И. Ковриг и Т. Лидс [61] не без основания сомневаются в готской принадлежности этих фибул, как и всех двулопастных в целом.

Пластинчатые фибулы Северной Франции находят себе аналогии, прежде всего, в древностях Паннонии. Их время определяется в основном концом IV — первой половиной V в., хотя в Крыму и Испании они встречаются и позже [62]. Не касаясь в данном случае сложного вопроса этнического определения этих фибул, остановимся на возможном пути их проникновения из Паннонии в Северную Францию. Т. Лидс считает все двупластинчатые фибулы вандальскими и появление их во Франции связывает с походом вандалов, алан и свевов в 406 г. [63]. Но известно, что вандалы во Франции были очень недолго, тогда как аланы оставались здесь в течение довольно продолжительного времени. Это дает нам возможность предполагать, что пластинчатые фибулы в Северную Францию были занесены скорее всего аланами, а не вандалами, во время похода 406 г.

---

[60] Э. Сален сравнивает их с фибулами из Силадь-Шомлио (N. Fettich. Der zweite Schatz von Szilagy-Somlyo. Archaeologia Hungarica, т. VIII, Budapest, 1932, табл. XVII, *1*; XVIII, *1*, *2*; XIX, *1*, *2*). Но это не совсем верно. На фибулах из Силадь-Шомлио мы находим в обилии пиленые камни, филигранные узоры из спиралей, завитков, волнистых линий и пальметки по бокам дужки. Все это отсутствует на фибулах из Эрана. Не отрицая общего сходства их с Силадь-Шомлио, укажем наиболее близкие аналогии нормандским фибулам: это фибулы из Рабапордань (Венгрия) (см. A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit..., табл. X) и Унтерзибенбруннa (W. Kubitschek. Ук. соч., табл. I, *1*, *2*).

[61] H. Zeiss. Zur ethnischen Deutung frühmittelalterlicher Funde. Germania, т. XIV, 1930, стр. 12; И. Ковриг. Ук. соч., стр. 118—120; T. Leeds. Visigoth or Vandal? Archeologia, т. XCIV, Oxford, 1951.

[62] И. Вернер в последней своей работе о погребениях V в. в Словакии (см. J. Werner. Studium zu Grabfunden des V Jahrhunderts...) датирует дунайские погребения с пластинчатыми фибулами (в том числе и Левицы-Лева) второй половиной V в. Убедительного доказательства своей датировки И. Вернер, на наш взгляд, не привел; в данном случае мы придерживаемся более распространенной датировки пластинчатых фибул (первая половина V в).

[63] T. Leeds. Ук. соч.

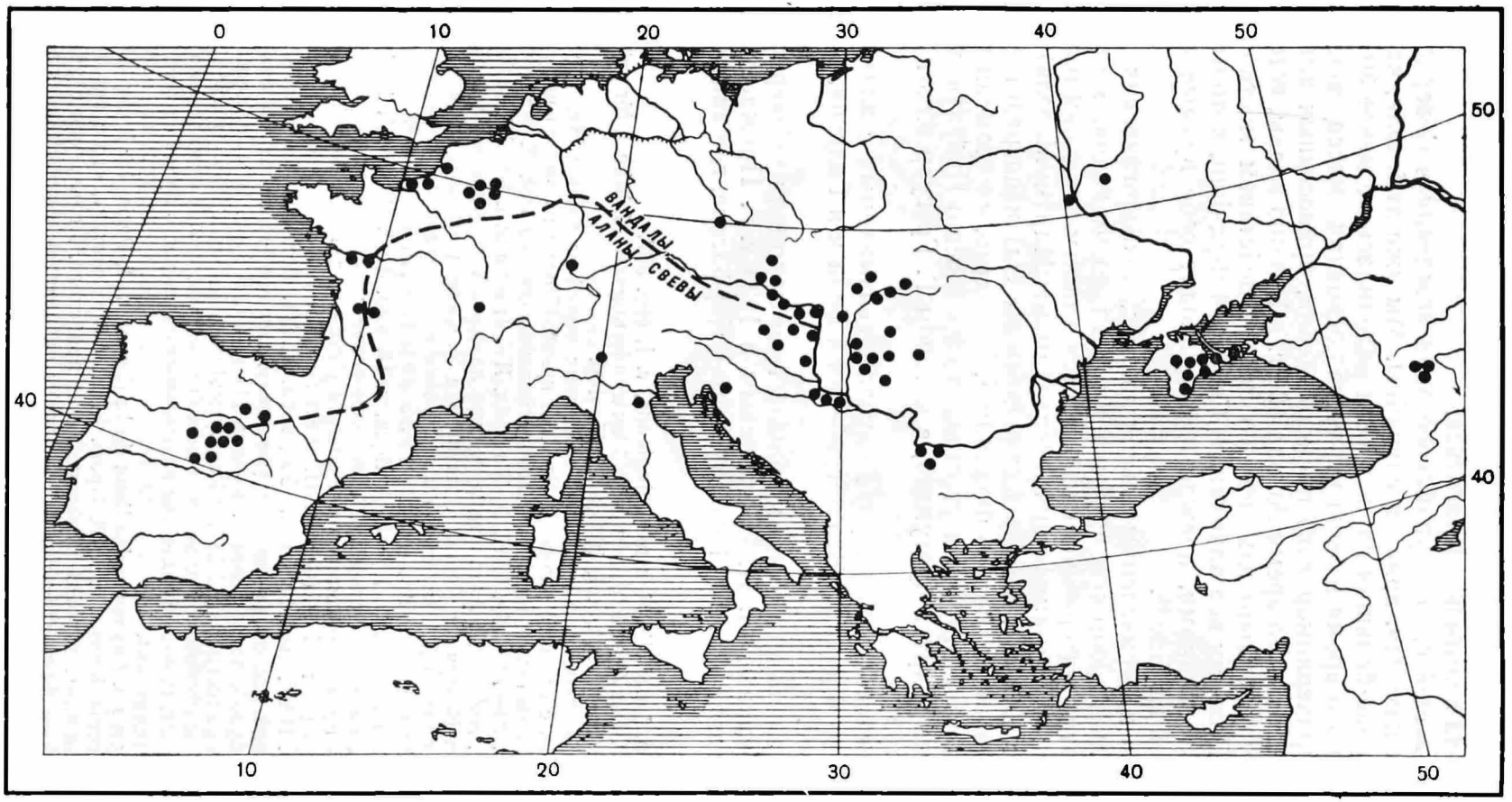


Рис. 9. Распространение пластинчатых неинкрустированных фибул (по Обергу, Бенингеру и Лидсу)

Интересная находка фибулы в форме мухи была сделана в Бёреперe (бассейн Роны) (рис. 3, *2*). Э. Сален датирует ее первой половиной V в. и связывает с аланами[64]. Как известно, большая часть мухообразных фибул V в. происходит из Южной России и Венгрии[65]. Поэтому с мнением Э. Салена нельзя не согласиться.

Находки вещей среднедунайского происхождения в Северной Франции, как нам кажется, вряд ли случайны. Мы уже отмечали, что в Центральной Европе большая группа алан находилась не менее 30 лет. По-видимому, за это время и была утрачена основная масса вещей сарматского и причерноморского происхождения, принесенных аланами из Восточной Европы. Во время похода 406 г. в Галлию аланы, естественно, имели культуру, сильно измененную под воздействием местной дунайской среды. Поэтому все находки из Северной Франции, которые можно сопоставлять с аланами, прежде всего находят себе прямые аналогии в Центральной Европе[66].

Как видно из приведенных выше данных, археологических материалов, свидетельствующих о пребывании алан во Франции, мало. Недостаточность этих материалов восполняется данными топонимики. Названия деревень: Allain-aux-boeufs (департамент Март-и-Мозель), Allaine (департамент Сомма), Allagnes (департамент Од) непосредственно связаны с пребыванием алан во Франции[67]. Вероятно, ко времени пребывания алан на Рейне относится упоминание в «Эпосе о Нибелунгах» Кагана — союзника и друга бургундов, в котором Г. Грегуар видит аланского вождя Гоара[68].

На Пиренейском полуострове находок, связываемых с аланами, еще меньше, чем во Франции. Это погребения в Бейа и в Галисии, о которых речь шла выше.

Исключительно интересны малоизвестные находки из Северной Африки, опубликованные М. И. Ростовцевым в 1923 г.[69]. Прежде всего, это погребение в саркофаге из Кудьят-Затер в Карфагене, где найдены золо-

---

[64] É. S a l i n. La civilisation mérovingienne, т. I, стр. 307.

[65] H. K ü h n. Die Zickadenfibeln der Völkerwanderungszeit. Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. т. I, 1935, стр. 85—106.

[66] Э. Сален опубликовал несколько бронзовых вещей из района Нанси, которые он пытается связать с сармато-аланами. Это две пряжки (одна из них со щитком), удлиненная поясная пластинка, подвеска-маска и подвеска-птичка (см. É. S a l i n. Le Haute Moyen Age, стр. 73—78, табл. VIII, *1—5* и табл. XV, *1*; е г о ж е. La civilisation mérovingienne, т. I, стр. 308—309). Автор датирует эти находки V в. и сравнивает их с некоторыми вещами из Венгрии и Кавказа. Датировка Э. Салена вызывает сомнения. По новейшему исследованию Д. Чалланя, такие пряжки с бородками на щитках появляются не ранее второй половины VI в. (см. Д. Ч а л л а н ь. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства, I, Acta Antiqua, т. II, вып. 3—4, Budapest, 1954, стр. 318). Другая пряжка, имеющая четырехугольное основание с вырезом, может быть сопоставлена с одной из пряжек крымского могильника Суук-Су, датирующегося временем также не ранее середины VI в. (См. Н. И. Р е п н и к о в. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, СПб., 1906, табл. X, *21*). Подвеску-маску Э. Сален сравнивает с подобной маской из Кестхей (Венгрия). Однако эта находка была сделана в комплексе с фибулой, датируемой Г. Кюном VII в. (H. K ü h n. Die Germanische Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprowinz, т. I, Bonn, 1940, стр. 348). По поводу подвески-птички и поясной пластинки можно отметить, что их принадлежность к V в. также сомнительна. Поэтому связь так называемых сарматских бронз из Нанси с аланами весьма проблематична.

[67] A. L o ń g n o n. Les noms des lieux de la France, т. I, Paris, 1920, стр. 113; F. L o t. Les invasions germaniques..., стр. 88. Проф. В. И. Абаев считает, что с лингвистической стороны эти топонимы хорошо объясняются из иранского. Пользуемся случаем, чтобы принести глубокую благодарность В. И. Абаеву за ценную консультацию по данному вопросу.

[68] H. G r e g o i r e. Où en est la question des Nibelungen? Byzantion, т. X, Bruxelles, 1935, стр. 227—229. Как известно, некоторые имена аланских вождей V в. в Галлии хорошо объясняются из иранского (аланского) языка, например: Беоргор — «божий дар», Эохар — «просоед». См. В. И. А б а е в. Осетинский язык и фольклор, т. I, М.— Л., 1949, стр. 42.

[69] M. R o s t o v t z e f f. Une trouvaille..., стр. 54—57, рис. 23, 24.

тое колье с медальоном, две кольцеобразные сережки, две полихромные пластинчатые золотые фибулы, фибула с подвязной ножкой, три перстня, золотая инкрустированная пряжка и 169 золотых бляшек от одежды. М. И. Ростовцев датировал эти вещи концом IV—V в., сравнивал их с находками из Эрана и Керчи, и выдвигал гипотезу о сармато-аланской принадлежности погребения в Карфагене [70].

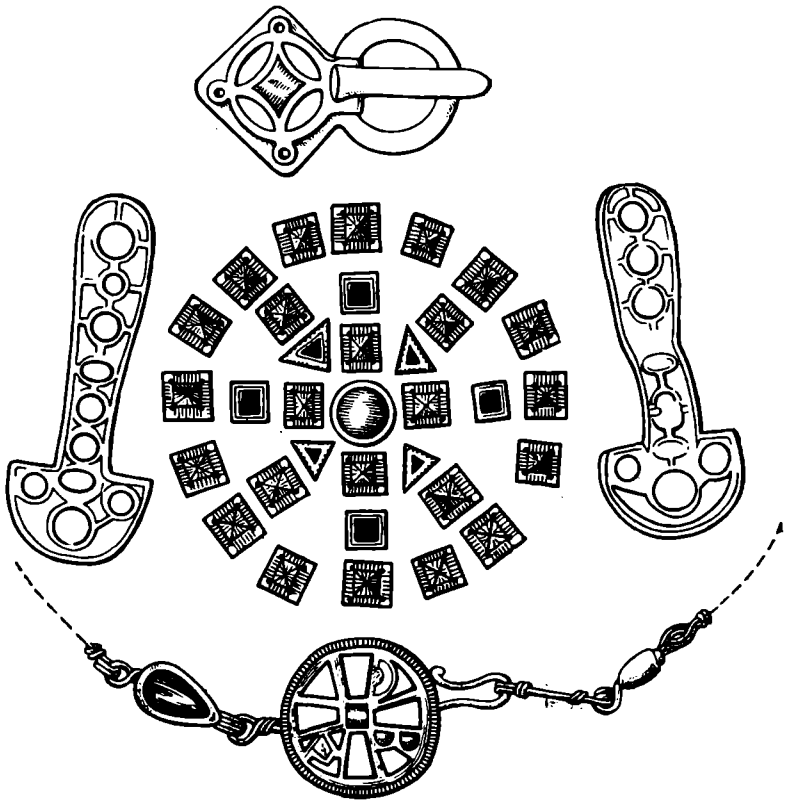


Рис. 10. Находка из Тубурбо-Майюс (Карфаген)

Две другие находки того же времени сделаны в бывшем языческом храме в Тубурбо-Майюс (рис. 10). В числе вещей обеих находок были золотые городки, пряжки с гранатами, фибулы и др., имеющие близкие аналогии в Южной России [71]. Есть все основания полагать, что описанные изделия попали в Северную Африку в связи с переселением туда вандалов и алан из Испании в 429 г.

* * *

На этом мы заканчиваем обзор некоторых археологических памятников Западной Европы. Из приведенного выше сопоставления письменных источников и известных нам данных топонимики с конкретным археологическим материалом можно сделать вывод о том, что этот последний на известном основании связывается с аланами. Дальнейшее накопление и изучение материала позволит в будущем более определенно решить вопрос об археологических следах алан в Западной Европе и их вкладе в раннесредневековую европейскую культуру. Не претендуя на решение этой сложной проблемы, мы предлагаем новую интерпретацию некоторых археологических памятников Западной Европы эпохи «великого переселения народов».

[70] Там же, стр. 56—57.
[71] Там же.

С. Н. ГЕОРГИЕВА-КАЗАНДЖИЕВА

К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН И ПРАБОЛГАР НА НИЖНЕМ ДУНАЕ

Развернутые в большом масштабе археологические раскопки в Болгарии в годы народно-демократической власти поставили перед болгарской археологической наукой ряд проблем, для решения которых раньше не было необходимых предварительных исследований. Сотрудничество болгарских археологов с археологами братских социалистических стран дало возможность разрешать эти проблемы на более широкой основе, имея в виду не только местные материалы, но и материалы других стран. Еще недавно болгарские археологи работали на небольшом числе объектов, оторванно от достижений археологических исследований в соседних странах и прежде всего от достижений советской науки. Это привело к известной ограниченности в выводах о характере ранней материальной культуры славян и праболгар. Особенно большую пользу для болгарских археологов принес прекрасный почин совместных советско-болгарских экспедиций (к сожалению, не имевших продолжения). Так, во время советско-болгаро-румынской экспедиции, производившей на территории Болгарии в 1954 г. раскопки городища у с. Попина в Добрудже, руководителем экспедиции М. И. Артамоновым было обращено особое внимание на горшки серой или красной глины, украшенные линейно-волнистым орнаментом, которые встречаются во всех средневековых поселениях Северной Болгарии с VIII до XI в. и которые до сих пор назывались «славянской керамикой» и приписывались славянам [1].

М. И. Артамонов выяснил, что эта керамика распространена на обширной территории в южной, степной половине СССР, на Северном Кавказе и в Крыму, где во время ее употребления славян не было [2]. Он отнес ее к так называемой «салтовской культуре», которая, по его мнению, сложилась в северопричерноморских степях к началу VIII в. [3]. Наличие этой керамики на городище у с. Попина и на других средневековых памятниках Болгарии вместе с керамикой иного типа, украшенной лощением, которая встречается на той же территории СССР и тоже приписывается «салтовской культуре», дало основание М. И. Артамонову утверждать, что эти два типа керамики принесли с собой на Нижний Дунай праболгары [4]. В отношении первого типа керамики, т. е. керамики, состоящей из горшков без ручек, с выпуклым венчиком и с линейно-волнистым орнаментом, М. И. Артамонов считает, что неправильно называть

---

[1] Кр. Миятев. Славянска керамика в България и нейното значение за славянската археология на Балкана. София, 1948; С. Р. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры. СА, XXVII, 1957, стр. 122.

[2] М. И. Артамонов. К вопросу об археологических памятниках славян и праболгар на Нижнем Дунае. В кн. Ж. Въжарова. Славяно-българското селище край село Попина, Силистренско. София, 1956, стр. 7.

[3] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 7.

[4] Там же, стр. 7.

ее славянской [5], хотя она «существенно не отличается от так называемой «городищенской» керамики, распространенной по всей обширной области расселения славян» [6]. Советский археолог И. И. Ляпушкин тоже приписывает этот тип керамики «салтово-маяцкой культуре», однако и он отмечает, что она напоминает древнерусские горшки X—XIII вв. так называемого курганного типа. Он заключает, что «это сходство только кажущееся, потому, что в деталях (профилировка венчика, размещение орнаментации и т. п.) сосуды существенно различаются друг от друга. Самое же главное различие, что салтово-маяцкие сосуды этого типа хронологически предшествуют древнерусским» [7].

Нужно подчеркнуть, что это большое сходство раньше давало основание М. И. Артамонову и И. И. Ляпушкину утверждать, что вся юго-восточная область, в границах которой обнаруживается этот тип керамики, была занята славянскими поселениями [8]. Ст. Станчев в своем последнем исследовании некрополя у г. Нови-Пазар уже принимает тезис М. И. Артамонова и тоже причисляет этот тип керамики к «салтово-маяцкой культуре», которую принесли с собой праболгары [9].

В последнее время этот вопрос занимает все больше и больше ученых — советских [10], болгарских [11] и румынских [12]. Бо́льшая часть исследователей принимает «салтово-маяцкую культуру» как обособленную культуру, которая сложилась и развивалась в VIII—IX вв. в обширных степных областях юго-восточной части СССР. На территорию Болгарии и Румынии, по их мнению, ее принесли праболгары. Другие ученые, однако, оспаривают этот тезис. В. П. Бабенчиков, изучая керамику средневекового поселения на Тепсене в Крыму, приходит к выводу, что «керамику, обнаруженную на Тепсене, пора перестать называть «салтовской», «салтово-маяцкой» или «крымским вариантом» салтово-маяцкой керамики. Гораздо правильнее керамику тепсеньского типа рассматривать как вариант местной северопричерноморской керамики раннего средневековья, являющейся прямым следствием развития культуры гончарного производства местных северопричерноморских племен и народностей» [13]. Ст. Михайлов считает, что керамика из некрополя у г. Нови-Пазар принадлежит местному фрако-сарматскому населению IV—V вв. [14].

Если согласиться с тезисом, что существует обособленная салтово-маяцкая культура, которую праболгары принесли с собой на Нижний

---

[5] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 8.

[6] Там же, стр. 4.

[7] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62, 1958, стр. 108.

[8] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры, стр. 108; его же. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, № 6, 1941, стр. 201 сл.; М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, 1935, стр. 57 сл.

[9] Ст. Станчев и Ст. Иванов. Некрополът до Нови-Пазар. София, 1958, стр. 62.

[10] М. И. Артамонов. К вопросу об археологических памятниках славян и праболгар на Нижнем Дону; И. И Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона; Н. Я. Мерперт. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957; В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень. История и археология средневекового Крыма. М., 1958, стр. 144 сл.

[11] Ст. Михайлов. Един старинен некрополът при Нови-Пазар. ИАИ, XX, 1955, стр. 326 сл.; Ст. Станчев, Ст. Иванов. Некрополът до Нови-Пазар.

[12] М. Кишваси-Комша. Некоторые исторические выводы в связи с несколькими археологическими памятниками VI—XII веков н. э. на территории РНР. Dacia I. n. s. 1957, стр. 316; Maria Chişvasi-Komşa, Stamen Mihailov. Découverte d-une nécropole antique près de Novi-Pazar. Investia-Inst. Bulg., XX, 1955, стр. 293—336. Dacia I. n. s., 1958, стр. 369 сл.

[13] В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень, стр. 145.

[14] Ст. Михайлов. Един старинен некрополът при Нови-Пазар, стр. 326.

Дунай, то целый ряд вопросов останется невыясненным. Во-первых, это вопрос хронологии. Салтово-маяцкую культуру в южнорусских степях датируют с VIII века [15]. Поэтому М. И. Артамонов предлагает, чтобы начальный период праболгарской культуры на Дунае датировался, как и салтовский, не IX, а VIII в. «В противном случае,— пишет он,— близкое сходство обеих этих культур окажется совершенно необъяснимым. Нельзя же думать, что сходные с салтовскими формы керамики заимствованы праболгарами у носителей салтовской культуры в IX в., а не принесены ими из своей, общей с салтовцами прародины (подразумевается в VIII в.— *С. Н. Г.*) [16]. Однако начальный период праболгарской культуры на Дунае датируется не VIII, а VII в., потому что болгарское государство сложилось при участии славян и праболгар еще в 680 году [17]. Таким образом, если салтово-маяцкую культуру в южнорусских степях датируют VIII—IX веками, то действительно остается необъяснимым, как праболгары принесли ее с собой на Дунай еще в VII в. Необъяснимым остается и другое обстоятельство — как эти два типа керамики, совершенно разные по своим основным признакам (серые или красные горшки с линейно-волнистым орнаментом и темно-серые сосуды с лощением), могут принадлежать одной и той же культуре и иметь общее происхождение, когда между столь похожими славянскими и так называемыми «салтово-маяцкими» горшками не имеется никакой генетической связи. Это касается прежде всего болгарской территории, где славяне и праболгары в эту эпоху жили совместно.

Производившиеся в последние годы раскопки средневековых памятников в Болгарии дают нам возможность осветить до некоторой степени вопрос о материальной культуре славян и праболгар на юг от Дуная. Особенно плодотворны в этом отношении оказались результаты раскопок городища у г. Разграда в Северовосточной Болгарии, производившиеся Археологическим институтом Болгарской Академии наук. При раскопках были обнаружены два культурных пласта — античный, толщиной 1,2 *м*, и средневековый, толщиной 0,5 *м*. Античный пласт состоял из строительного материала — обожженных и разрушенных построек. В процессе раскопок выяснилось, что расцвет города падает на II—IV вв. Здесь была обнаружена надпись, из которой видно, что на этом месте был римский город Абритус, локализировавшийся раньше у с. Аптаат в Добрудже [18].

Средневековый культурный пласт находился непосредственно над античным слоем. В нем были обнаружены следы глинобитных домов с очагами. Создается впечатление, что вскоре после разрушения города здесь возникло средневековое поселение. Это произошло в конце VI или в начале VII в., так как Абритус все еще существовал в середине VI в. [19]. Основной материал в средневековом слое состоял из того же типа керамики, который встречается во всех средневековых объектах Северной Болгарии [20]. Это, прежде всего, горшки, украшенные линейно-волнистым орнаментом, и темно-серые сосуды с лощением. Наблюдается большое разнообразие форм горшков и орнамента на них. Здесь представлены

---

[15] М. И. Артамонов. К вопросу об археологических памятниках славян и праболгар на Нижнем Дунае, стр. 7; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона, стр. 116.

[16] М. И. Артамонов. К вопросу об археологических памятниках славян и праболгар на Нижнем Дунае, стр. 7.

[17] История на България I. София, 1954, стр. 66.

[18] Т. Иванов. Два надписа от античния град при Разград. 2. Към въпроса за локализирането на античния град Абрит. ИАИ, XIX, 1955, стр. 175; Т. Иванов. Новооткритият античен град Абрит при Разград. ИПр, XII, 1956, стр. 79 сл.

[19] Procopii de aedificiis, IV, 11; Hieroclis Synecdemos, 636, 8.

[20] Вплоть до города Видина, самой западной точки Болгарии. Средневековая керамика Южной Болгарии слабо исследована.

большие урны и маленькие сосудики, а также сосуды с ручками. Основные элементы орнаментации — прямая и волнистая линии, ямки, сделанные ногтем или каким-либо острием, и точковидные углубления, выполненные разными способами, что дало нам возможность установить известные переходные моменты между этими элементами украшения. Например, иногда точковидные углубления удлинены так, что напоминают ямки, в другом случае ямки так удлинены, что похожи на украшение из косых линий. Этот переход отдельных элементов украшения свидетельствует о том, что во всей системе орнаментации этой керамики существует какое-то единство, общая основа происхождения. Поэтому трудно согласиться с предположением, что имеющиеся несущественные различия в форме и украшении данной керамики означают различное происхождение и различную этническую принадлежность [21].

Основной формой сосудов второго типа в поселении у г. Разграда — темно-серые сосуды с лощением — были опять горшки со слегка выпуклым венчиком, без ручек или с двумя маленькими кольцевидными ручками. Они сделаны из совершенно чистой глины. Характер украшения сосудов этого типа — лощение отдельными линиями или же всей поверхности сосуда.

Найдены еще фрагменты сосудов с зеленой поливой и расписной керамики. Самым существенным является находка нескольких фрагментов раннеславянской керамики, сделанной от руки, с примесью кварца. Один из них не имел орнамента, другие были украшены отдельными прочерченными прямыми горизонтальными линиями или группами волнистых линий. Эти фрагменты показывают, что после разрушения античного города здесь поселились славяне, которые в это время проникают на весь Балканский полуостров. Возможно, что именно они сожгли и разрушили город, так как они тогда были одним из самых опасных врагов Византийской империи. Славяне образовали сельское поселение с глинобитными жилищами.

Несмотря на огромное разрушение производительных сил в конце античной эпохи, поселившиеся здесь славяне очень быстро освоили некоторые новые для них элементы хозяйства и культуры. Это прежде всего был гончарный круг, который ряд столетий применялся на территории Балканского полуострова. Небольшое количество обнаруженных здесь фрагментов раннеславянской керамики, сделанной от руки, объясняется внедрением гончарного круга. Этим обстоятельством мы можем объяснить и тот факт, что в Болгарии в общем мало памятников с раннеславянской керамикой [22]. По нашему мнению, данный факт объясняется не только недостаточным знанием и исследованием раннеславянской культуры на территории Болгарии, но и ее быстрой трансформацией под влиянием местной позднеантичной культуры. Последней можно объяснить еще целый ряд явлений, которым до сих пор придавалось мало значения. Очевидно, не случайно отсутствие сведений об языческих верованиях и обрядах южных славян; нет здесь и следов ранних языческих храмов и святилищ. До сих пор все еще очень немного вполне установленных славянских курганных погребений и погребений с трупосожжением, которые изобилуют у восточных и западных славян. Существенную роль в этом сыграли как античная культура, так и христианство, которое

---

[21] См., например, М. И. Артамонов. К вопросу об археологических памятниках славян и праболгар на Нижнем Дунае, стр. 7. Однако автор в этой же работе заявляет, что «в составе керамики из Попинского городища имеется значительное количество фрагментов, которые невозможно отличить от славянской керамики или у которых праболгарские признаки слабо выражены». Как мы отмечали выше, М. И. Артамонов и И. И. Ляпушкин раньше сами считали этот тип керамики славянским.

[22] Такой памятник исследован только в местности «Джеджови лоза» у с. Попина, Силистренского округа. (См. Ж. Въжарова. Славянската керамика от с. Попина. Изследования в чест на акад. Д. Дечев. София, 1958, стр. 583—594). Известны еще несколько памятников с раннеславянской керамикой, но они пока не исследованы.

быстро воспринималось славянами, поселившимися на Балканском полуострове [23]. Под влиянием местных античных традиций и раннеславянская керамика, с которой славяне пришли на Балканский полуостров, быстро изменила свой облик. Естественно, славяне сразу не смогли достигнуть совершенства античной техники изготовления глиняных сосудов, однако гончарный круг приняли рано. Это привело к тому, что формы сосудов стали более разнообразными. Гончарный круг давал возможность заменить отдельные прямые и волнистые линии более разнообразными сочетаниями орнаментов. Очень часто стало употребляться украшение из прямых параллельных горизонтальных линий, покрывающих почти всю поверхность сосуда. Это объясняется влиянием орнамента одного типа позднеантичной керамики, которая очень часто встречается в Болгарии в памятниках V—VI вв. [24]. Сложившись, таким образом, на Нижнем Дунае, этот тип посуды еще с начала VIII в. стал распространяться в Румынии, в Венгрии, в Северном Причерноморье [25] и к северу до Саркела [26] и Волжской Болгарии [27]. На этой огромной территории данный тип керамики уже не был признаком одной этнической группы. Тождество его объясняется одинаковой ступенью общественно-экономического развития и известной общностью культуры.

Румынский археолог Р. Флореску, исследуя этот тип керамики из Капидавы, которая совершенно идентична керамике из средневекового поселения у г. Разграда, подчеркивает сильные местные традиции. Он заявляет, что неправильно керамику этой группы называть «славянской керамикой», так как она распространена не только в славянских, но и в других неславянских странах, как, например, в Румынии и в Венгрии, где при археологических раскопках не обнаружено никакой другой керамики той же эпохи (IX—X вв.). Литературные источники позволяют считать, что народы Румынии и Венгрии были в это время уже обособлены от славянских народов, несмотря на вклад последних в процесс их этногенеза [28]. Мы не согласны только с утверждением автора, что более ранний этап развития керамики этого типа из Капидавы представляет сугубо местное, автохтонное явление, без всякого влияния славянской керамики. По нашему мнению, тип горшков с линейно-волнистым орнаментом, который в последнее время называют «салтово-маяцким», сложился на сравнительно обширной территории Нижнего Дуная при участии двух компонентов — раннеславянской керамики и местной античной традиции. При распространении этого типа керамики на север некоторые особенности его больше проявлялись в одних районах, другие — в других, в зависимости от местных условий и традиций. Гораздо медленнее этот тип керамики проникал на территорию западных и восточных славян, которые, находясь далеко от античных культурных центров, восприняли позже гончарный круг. Туда в сущности проник не этот тип керамики,

---

[23] В. Иванова. Стари църкви и манастири в Българските земи. ГНМ, V, 1922—1925, стр. 430; Цухлев Димитър. Християнството между славяните и българите на Балканския полуостров до князя Бориса-Михаила. Видин, 1910; Георгиев Емил. Покръстването на славяните и българите и началото на славянската писменост според вести в «сказанието» на Черноризец Храбър. ИПр, IV, 1947—1948, стр. 91—94.

[24] С. Георгиев. Разкопки на обект S в «Горно градище» при с. Кадъкьой. В. Материали от късно-античната епоха. ИАИ, XVIII, 1952, стр. 274.

[25] В. П. Бабенчиков. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень, стр. 88 сл.

[26] М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, № 62, 1958, стр. 31, обр. 32.

[27] В отношении культуры Волжской Болгарии интересна констатация советских археологов Л. И. Каштанова и А. П. Смирнова того, что существуют тесные связи между праболгарами и славянами. Это они утверждают на основании материалов из последних раскопок г. Болгар. Л. И. Каштанов, А. П. Смирнов. Из истории металлургии Среднего Поволжья и Урала. КСИИМК, вып. 72, 1958, стр. 6.

[28] R. Florescu. Obiectele de ceramica. Gr. Florescu, R. Florescu, P. Diaconu. Capidava. Monografie archeologică I, 1958, стр. 227, 253.

а сам гончарный круг, под влиянием которого раннеславянская керамика здесь стала более разнообразной по форме и орнаменту, но в большей степени сохранила свой облик.

Вопрос о втором типе керамики, украшенной лощением, более сложен и более труден. Однако материалы из раскопок городища у г. Разграда проливают некоторый свет и на него. В античном культурном пласте рядом с красной римской посудой встречались фрагменты светло-серой звонкой керамики с очень разнообразными формами, украшенной лощением. Такие фрагменты находились и в западной части городища, где не было средневекового культурного пласта. Здесь найдены фрагменты больших урн светло-серой глины, без ручек, с выпуклым венчиком, украшенные лощением. Они сделаны из чистой глины, хорошо обожженной. По своей форме и характеру орнамента эти урны похожи на сосуды второго типа керамики из средневекового культурного слоя. Ст. Станчев, который обстоятельно исследовал этот тип керамики из некрополя у г. Нови-Пазар, утверждает, что в Болгарии его можно проследить в развитии с VI—V до X—XI вв.[29]. Он отмечает, что насколько сосуды древнее, настолько они ближе к формам позднеримской керамики[30]. Автор приводит в качестве примера керамику из раскопок фракийского святилища у с. Лиляче, римского города у с. Никюпа и римской крепости в местности «Момина крепость», недалеко от Тырнова и отдельные образцы из других памятников[31]. Говоря об этих памятниках, нужно отметить, что в них не обнаружено средневекового культурного слоя, т. е., что все они античные памятники. Следовательно, ранние образцы этого типа керамики в Болгарии относятся к позднеримской провинциальной культуре. Тот же более ранний тип серой керамики с лощением обнаруживается и в памятниках Венгрии[32] и Румынии[33], датируемых IV—V вв. Серая керамика с лощением известна и в Польше со времени так называемого «римского периода» — IV—V вв.

Серая керамика с лощением — характерный признак и для так называемой черняховской культуры, чье родство с салтовской культурой и, в частности, с керамикой второго типа отмечают М. И. Артамонов и Ст. Станчев[34]. С другой стороны, почти все исследователи этой культуры, хотя и приписывают ее различным этническим группам, единодушно подчеркивают в ней сильные провинциально-римские элементы.

Приведенные выше данные, свидетельствующие о наличии более раннего этапа в развитии второго типа так называемой салтово-маяцкой керамики в землях, где была распространена провинциально-римская культура, дают нам основание утверждать, что и этот тип керамики сложился на Нижнем Дунае под влиянием провинциально-римской серой керамики с лощением, которая была распространена на очень обширной территории вдоль Дуная, в Южной Украине вплоть до Польши[35]. Она перешла в средневековье, вероятно, прежде всего на Нижнем Дунае, где

---

[29] Ст. Станчев, Ст. Иванов. Некрополът до Нови-Пазар, стр. 79—80.

[30] Там же, стр. 80.

[31] Ст. Станчев, Ст. Иванов. Некрополът до Нови-Пазар, стр. 77—79.

[32] Там же, стр. 81—83.

[33] Там же, стр. 84—85.

[34] М. И. Артамонов. К вопросу об археологических памятниках славян и праболгар на Нижнем Дунае, стр. 8; Ст. Станчев, Ст. Иванов. Некрополът до Нови-Пазар, стр. 84—85.

[35] Вопрос о происхождении и характере светло-серой керамики с лощением все еще спорный. Одни приписывают ее готам, другие — сарматам и аланам, третьи — антам. Мне кажется, что и для разрешения этого вопроса нужно обратиться к местной фракийской керамике, где лощение встречается как элемент украшения и где известна так называемая «серая фракийская керамика». См. Цв. Дремсизова. Надгробни могили при село Янково. ИАИ, XIX, 1955, стр. 81, обр. 13—17; С. Георгиева. Разкопки на обект S в «Горно гарадище» при с. Кадъкьой. Б. Материали от латенската епоха. ИАИ, XVIII, стр. 271, рис. 256 а.

не отмечено никакого хиатуса между античной и раннесредневековой культурой. На Нижнем Дунае, в пределах Византийской империи, античная культура продолжала свое существование вплоть до конца VI в., когда славяне уже прочно обосновались на Балканском полуострове. С VII в. они уже дают новый, средневековый облик культуре. Этот переход от античной культуры к средневековой хорошо прослеживается по материалам городища у г. Разграда и многих других памятников. Однако и на эту группу керамики оказал влияние общий упадок экономики и культуры. Техника стала более грубой, формы — более однообразными и более упрощенными. Сохранились цвет глины, способ украшения лощением и некоторые элементы формы. Сделанные из совершенно чистой глины, при примитивном способе обжига, сосуды второго типа неустойчивы к высокой температуре. Поэтому, вероятно, их не употребляли на огне.

Сосуды второго типа использовались для хранения пищи и т. п. Поэтому И. И. Ляпушкин с основанием называет их «столовой посудой» [36]. Это именно и обусловило известное разнообразие их форм. Первый тип сосудов использовался для приготовления пищи на огне. Может быть, поэтому у них формы более вытянутые, чтобы огонь лучше мог обхватывать всю поверхность сосуда.

После того как эти два основных типа сосудов сложились на Нижнем Дунае, а может быть, и на более обширной территории, они одновременно распространились на северо-восток, сохраняя свои основные специфические черты и свои основные функции. Это, конечно, происходило в связи с распространением гончарного круга и ряда других культурных явлений. Более логично допустить, что так называемая салтово-маяцкая керамика сложилась в областях, где еще с античности прослеживаются предшествующие этапы ее развития, чем искать первоисточник в Салтовском могильнике или же в Маяцком городище, которые датируются VIII в., или же в хазарском Саркеле, который основан в 834 г. [37]. Иначе необъяснимым остается, как праболгары принесли с собой на Нижний Дунай эту керамику в VII в. с тех мест, где такая культура появляется только в VIII в. [38].

Праболгары, как и славяне, пришли в VII в. на Балканский полуостров с примитивной номадской культурой, которая быстро была ассимилирована более высокой античной культурой. Поэтому при нынешнем состоянии исследований все еще остается открытым вопрос о культуре праболгар и их вкладе в образование средневековой болгарской культуры.

---

[36] И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. стр. 115.

[37] М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа, стр. 7.

[38] Ср. Ю. В. Кухаренко. Широкопластинчатые фибулы. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 145.

В. В. СЕДОВ

СЛЕДЫ ВОСТОЧНОБАЛТИЙСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В КУРГАНАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Различная ориентировка погребенных у разных племен и народов не может быть объяснена случайными мотивами, ибо она тесно связана с их мифологическими или религиозными представлениями. Общепризнано, что в конце I — начале II тысячелетий н. э. у всех славянских племен был распространен обряд положения в могилу тела умершего головой на запад, так чтобы лицо было обращено к восходящему солнцу, ногами на восток [1]. Свыше 95% всех древнерусских курганных захоронений имеют общеславянскую (западную) ориентировку. Курганные трупоположения с северо-южной ориентировкой сравнительно немногочисленны и встречены главным образом в тех областях Восточной Европы, где восточнославянские племена соприкасались с угро-финским населением — весью, водью, мерей, муромой, мордвой. Еще Л. Нидерле отметил, что «обычай хоронить тело головой на север и ногами на юг славянам присущ не был и указывает на неславянский, в России в большинстве случаев финский, характер погребения» [2]. Ограниченность ареалов распространения древнерусских курганов с северной (реже — с южной) ориентировкой, отсутствие в этих курганах типично славянских украшений, некоторые палеоантропологические материалы, вместе с господством такой ориентировки в грунтовых могильниках финских племен лесной полосы Восточной Европы позволяют уверенно связывать обряд положения тела в могилу головой на север с финскими мифологическими представлениями [3].

Прежде чем перейти к подробной характеристике и анализу древнерусских курганов с восточной ориентировкой трупоположений, необходимо подчеркнуть еще одну сторону в истории погребального обряда славянских племен. Как известно, господствовавший в I тысячелетии н. э. у всех славянских племен обряд трупосожжения в конце I или в самом начале II тысячелетия н. э. сменился обрядом погребения несожженных трупов. На рубеже I и II тысячелетий н. э. славянами было принято христианство, в связи с чем возник вопрос о связи изменения погребального обряда у славян с христианской религией. Вопрос о том, являлось ли трупосожжение вплоть до конца языческой эпохи единственным погребальным обрядом всех славянских племен, уже давно привлекал внимание исследователей и вызвал много споров. Многие исследователи, в том

---

[1] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 220.

[2] Там же.

[3] Курганы с северо-южной ориентировкой погребенных изредка встречаются и в южных областях древней Руси (на территории расселения северян и полян). В ряде случаев эти курганы могли быть оставлены финскими переселенцами с севера, ибо такие случаи зафиксированы древнерусскими летописями. Подобные же курганные погребения последних столетий I тысячелетия н. э., по всей вероятности, не связаны с финскими племенами, а оставлены другими неславянскими племенами, обитавшими в степной части Восточной Европы.

числе и Л. Нидерле, склонялись к мысли о том, что смена погребальных обрядов у славян связана с распространением христианской религии. Вместе с тем Л. Нидерле не отрицал, что обряд трупоположения в ряде областей славянской территории появился еще в языческий период, объясняя в этом случае смену погребального обряда внешними влияниями [4].

Вопрос о причинах, вызвавших у славян смену обряда сожжения умерших на их ингумацию, до сих пор не поддается разрешению. Однако, в настоящее время археология располагает достаточными фактами, позволяющими отрицать непосредственную связь между изменением погребальной обрядности и принятием христианства. В древней Руси христианская религия была принята лишь в самом конце X в. Никаких данных о более раннем и широком распространении христианства на Руси не имеется. А для серьезного изменения погребальной обрядности необходимо, конечно, признание христианского мировоззрения широкими слоями населения или, по крайней мере, издание государственных запретов сожжения, вроде капитуляриев Карла Великого. Более того, имеются все основания полагать, что христианство и в начале II тысячелетия н. э. в древнерусской деревне распространялось весьма медленно, о чем, наряду со свидетельствами древнерусской письменности, говорит и археологический материал.

Обряд трупоположения получил широкое распространение в Южной Руси уже в IX—X вв., т. е. на одно-два столетия раньше «крещения» Руси. Заподозрить раннюю христианизацию древлян вряд ли возможно, между тем в X в. у них господствовал обряд трупоположения [5] с западной ориентировкой. Анализ погребального инвентаря Киевского некрополя IX—X вв. приводит к отрицанию христианского характера его погребений. «Все основные черты погребального обряда,— подчеркивает исследователь некрополя М. К. Каргер,— как рядовых, так и в захоронениях знати, характеризуют киевский некрополь этого времени как языческий» [6]. Среди рядовых погребений Киевского некрополя основная часть (свыше 90%) имела западную ориентировку. Несколько сот курганов, раскопанных В. В. Хвойко на территории Киева в усадьбе Зарембских, дали исключительно западную ориентировку погребенных. Некоторое разнообразие в положении умерших наблюдается в киевских дружинных захоронениях IX—X вв. [7], где нередки погребения с северной или южной ориентировкой, а один умерший был положен головой на восток (погребение № 106). Разнообразие в ориентировке погребенных в данном случае понятно, так как киевская дружина в IX—X вв. была разноплеменной по своему составу. Если же допустить, что обряд ингумации и западной ориентировки захоронений связан с христианством, то дружинные погребения должны бы дать значительное преобладание западной ориентировки, так как новая религия в первую очередь должна бы распространиться среди верхних слоев городского населения. В действительности же наблюдается обратная картина — трупоположения с западной ориентировкой господствуют среди деревенских захоронений и погребений рядовых горожан.

Обращение к археологическим материалам западнославянских племен выявляет такую же картину. Обряд трупоположения с западной ориентировкой распространяется здесь в VIII—IX—X вв., т. е. задолго до христианизации [8].

---

[4] Л. Нидерле. Ук. соч., стр. 205—207.

[5] И. П. Русанова. Территория древлян по археологическим данным. СА, 1960, № 1, стр. 67—69.

[6] М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, М.— Л., 1958, стр. 203.

[7] Там же, стр. 167—168.

[8] См., напр., H. Busse. Altslawische Skelettreste im Potsdamer Havelland. Zeitschrift für Ethnologie, т. 66, Berlin, 1934, стр. 114; H. Rempel. Die mittelslawische Zeit im Süden des DDR. Ausgrabungen und Funde, Berlin, 1958, т. 4/5, стр. 287—293; V. Budinský-Krička. Slovanské mohyly v Skalici Bratislava, 1959, стр. 109—110.

Имеются некоторые основания полагать, что славянский обычай положения умерших головой на запад уходит в глубокую древность, в эпоху, когда у славян еще господствовал обряд трупосожжения. Так, исследователь черниговского кургана «Черная могила» Д. Я. Самоквасов отметил, что остатки черепов находились в западной части погребального кострища [9]. В связи с этим реконструкция Б. А. Рыбаковым погребального кострища «Черной могилы» с западной ориентировкой умерших, положенных на него перед сожжением, представляется бесспорной [10]. Двое погребенных в кургане в «Березках», согласно реконструкции Б. А. Рыбакова, также были положены на погребальный костер головами на запад [11]. В 1912 г. Е. Н. Клетнова раскопала несколько насыпей в большом курганном могильнике, расположенном в устье р. Русятки (приток р. Вязьмы) на Смоленщине [12]. В двух курганах были открыты остатки обгоревших скелетов головами на запад. В большей части славянских курганов с сожжением определить положение умершего на погребальном костре не представляется возможным. Только в некоторых случаях, исходя из положения вещей на погребальном кострище, с большей или меньшей вероятностью можно говорить об ориентировке умершего [13]. Во всех таких случаях она оказывается общеславянской (западной). Можно заключить, что обычай положения покойника головой на запад (навстречу лучам восходящего солнца) не только восходит к языческой поре, но, по-видимому, унаследован славянами от обряда трупосожжения [14].

Составляющие предмет рассмотрения настоящей статьи древнерусские курганы с трупоположениями, обращенными головой на восток, имеют строго ограниченный ареал распространения. Таких курганов не встречено до сих пор в районе Припятского Полесья, почти нет их в Среднем Поднепровье. Отсутствуют они и в Приильменье и в Ростово-Суздальском крае. Рассматриваемые курганы сосредоточены главным образом в бассейне р. Угры (Верхнее Поднепровье), на Верхней Волге и в западных, пограничных с латгалами, районах Полоцкой и Псковской земель (рис. 1). Абсолютное большинство курганных захоронений с восточной ориентировкой являются мужскими. Только в единичных курганных могильниках открыты и женские погребения, ориентированные головой на восток. Курганы с восточной ориентировкой погребенных, как правило, не составляют основной массы мужских захоронений. Чаще всего даже в одном могильнике, наряду с мужскими захоронениями, обращенными головой на восток, встречаются мужские трупоположения с западной ориентировкой. Исключением является лишь пограничная территория кривичей с латгалами, где все мужские курганные захоронения имеют восточную ориентировку. Датируются курганные трупоположения, обращенные головой на восток, XI—XII вв., а отдельные курганы, по-видимому, могут быть отнесены даже к началу XIII в.

На первый взгляд ближайшими аналогиями рассматриваемым курганным захоронениям древней Руси являются одновременные с ними погребения польских славян. Так же как в Поднепровье и на Верхней Волге, в ряде могильников, главным образом в северо-восточных и цент-

---

[9] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М. 1917, стр. 30—31 и 35.

[10] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 48 и рис. 5.

[11] Там же.

[12] Архив ИА АН СССР. Дело АК 1912/192, стр. 101—105.

[13] Например, в кургане № 47, раскопанном Д. А. Авдусиным (см. Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов. Материалы по изучению Смоленской области, вып. 2, Смоленск, 1957, стр. 120—125), куски металлических и стеклянных сплавов, бусы ожерелий, куски нагрудной цепочки, обломки шейной гривны с привесками были собраны в западном секторе погребального кострища; поясные принадлежности, перстни и браслеты находились восточнее головных и шейных украшений.

[14] Не следует, конечно, думать, что подобная ориентировка была характерна исключительно для славянских племен.

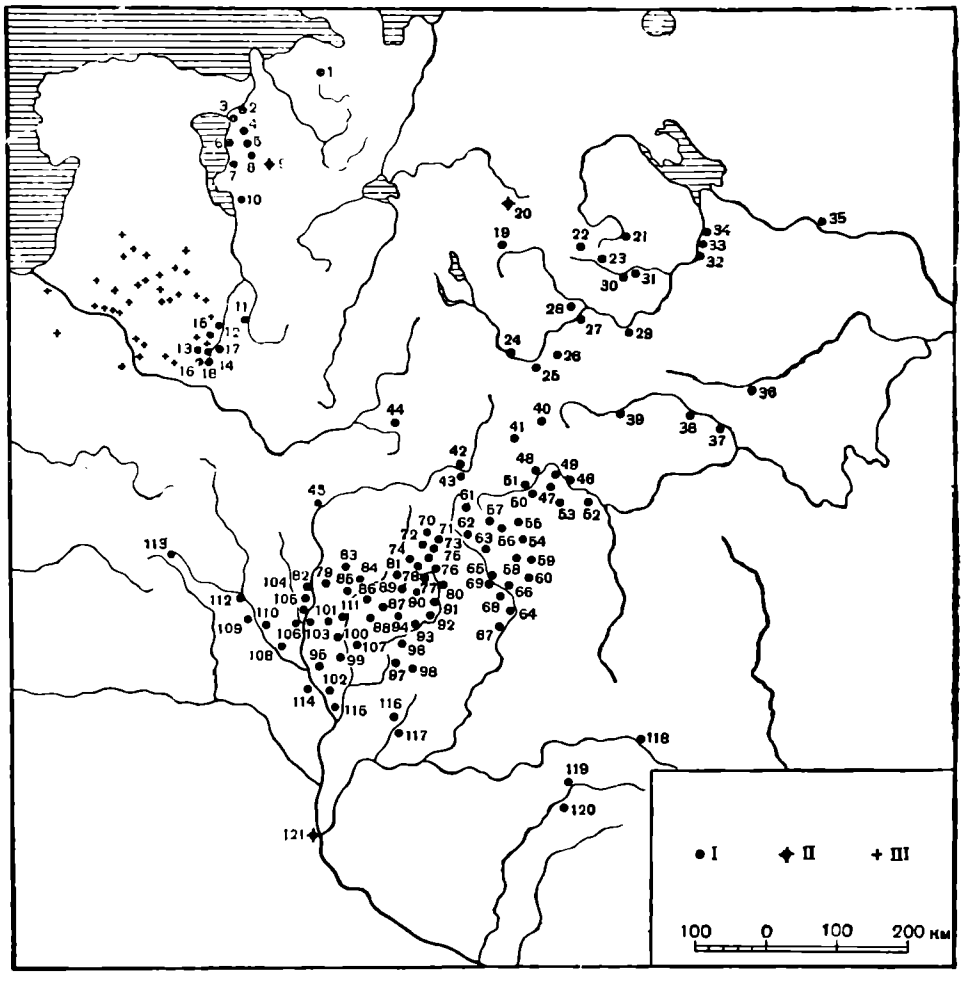


Рис. 1. Карта распространения курганных могильников с восточной ориентировкой погребенных

I — курганные могильники; II — жальники и бескурганные могильники; III — грунтовые могильники латгалов.

1 — Рабитицы; *2* — Олгинь крест; *3* — Скарятина гора; *4* — Куклина гора; *5* — Куричек; *6* — Калихновщина; *7* — Залахтовье; *8* — Полицы; *9* — Битино, Дворец и Замошье; *10* — Адамово; *11* — Щурупово; *12* — Цибла; *13* — Макшанский лес; *14* — Батари; *15* — Штирняны; *16* — Удры; *17* — Чилипино; *18* — Рыкополь; *19* — Столбово; *20* — Федово; *21* — Бежецы-III; *22* — Воронцово; *23* — Селище-III; *24* — Степановское; *25* — Городище; *26* — Могилицы; *27* — Дуденево; *28* — Новоселицы; *29* — Загорье; *30* — Воробьево; *31* — Сутоки; *32* — Кирьяново; *33* — Нестерово; *34* — Челганово; *35* — Васильевское; *36* — Осеево; *37* — Колоколово; *38* — Черумушки; *39* — Дятлово; *40* — Паново; *41* — Относово; *42* — Трухоново; *43* — Шагирка; *44* — Слобода; *45* — Дубки; *46* — Бочарово; *47* — Ступеньки; *48* — Шатуны; *49* — Ивановское; *50* — Желанье; *51* — Гречихина; *52* — Богоявленье; *53* — Леоново; *54* — Погост; *55* — Синьгово; *56* — Суборово; *57* — Трашковичи; *58* — Колчино; *59* — Войлово; *60* — Курганье; *61* — Высокое; *62* — Милеево; *63* — Шуи; *64* — Петуховка; *65* — Немиричи; *66* — Ивановичи; *67* — Волосовичи; *68* — Загородье; *69* — Алешня; *70* — Деребуж; *71* — Кубарки; *72* — Калпеницы; *73* — Воронки. *74* — Кузьмичи; *75* — Слобода; *76* — Пильня; *77* — Христовая; *78* — Сукромля; *79* — Грязивец; *80* — Хотимск; *81* — Хотовиж; *82* — Н. Быхов; *83* — Пеклино; *84* — Кулешовка; *85* — Чаусы; *86* — Казаричи; *87* — Елизаветино; *88* — Кострицкая слобода; *89* — Столбники; *90* — Ходынь; *91* — Курганье; *92* — Батуровка; *93* — Влазовичи; *94* — Поповка; *95* — Вирково; *96* — Ляличи; *97* — Смяличи; *98* — Чертовичи; *99* — Клясин; *100* — Хизово; *101* — Обидовичи; *102* — Заужелье; *103* — Мадора; *104* — Рудня; *105* — Задручье; *106* — Колосы; *107* — Селище; *108* — Пацева слобода; *109* — Горожа; *110* — Любоничи; *111* — Корма; *112* — Устиж; *113* — Заславль; *114* — Курганье; *115* — Закурье; *116* — Боровичи; *117* — Большие Щербиничи; *118* — Александровка; *119* — Белогорье; *120* — Мирополье; *121* — Киевский некрополь

ральных районах Польши, мужские погребения имеют восточную ориентировку, женские — западную [15]. Однако сравнительное изучение вещевого инвентаря из польских могильников первых столетий II тысячелетия н. э. и материалов рассматриваемых курганов Восточной Европы не устанавливает какой-либо связи между ними. Анализ инвентаря и дру-

[15] Как у всех восточнославянских племен, у польских славян был распространен общеславянский обряд положения умерших головой на запад (см. J. Kostrzewski.

тих особенностей погребального обряда могильников польских славян, с одной стороны, и верхнеднепровских и верхневолжских курганов, с другой, не обнаруживает общих (кроме общеславянских) черт, а, наоборот, выявляет значительные различия между этими памятниками. В связи с этим нужно полагать, что восточная ориентировка мужских погребений польских славян и восточная ориентировка отдельных курганных погребений древней Руси независимы по происхождению.

Зато вполне определенные связи намечаются между древнерусскими курганными захоронениями с восточной ориентировкой и погребениями латгалов. В латгальских могильниках, начиная с третьей четверти I тысячелетия н. э. (т. е. с того времени, когда обряд трупосожжения у древних латгальских племен сменился обрядом трупоположения в грунтовых могильниках) вплоть до распространения христианства, строго соблюдается закономерность в ориентировке погребенных — всех мужчин клали в могилу головой на восток, женщин погребали в обратном направлении [16].

Особенно заметное сходство курганных древностей с латгальскими обнаруживается в западных районах Полоцкой и в юго-западной части Псковской земли. По своему внешнему облику и внутреннему строению эти курганы ничем не отличаются от обычных древнерусских. Однако раскопки выявили значительное отличие их могильного инвентаря от инвентаря славянских курганов той территории Восточной Европы, где восточная ориентировка трупоположений не известна.

Так, в курганах, раскопанных П. С. Рыковым в западной части Витебской губ. [17], вещевой материал оказался однородным с инвентарем латгальских грунтовых могильников. В женских подкурганных захоронениях были найдены типичные для латгалов спиральные и жгутовые головные венчики, цепочки, булавки, шейные гривны так называемого люцинского типа. В мужских погребениях обычны топоры, копья, браслеты и перстни. Обычай класть в мужские могилы оружие и украшения для славянских племен не был характерен [18], у латгальских же племен этот обычай имел повсеместное распространение. П. С. Рыков отметил, что даже в христианское время латгалы клали в мужские могилы топоры и этот обычай сопровождался приговариванием: «Отплати злым людям за причиненные страдания тем же» [19].

Курганы подобного типа раскапывались в этих районах и другими исследователями [20].

В этих курганах, таким образом, обнаруживается сочетание славянского (курганного) погребального обряда с некоторыми чертами латгальской погребальной обрядности, инвентарь же курганных погребений чисто латгальский. В связи с этим нужно полагать, что рассматриваемые курганы были оставлены или славянизирующимися балтами, или

Pradzieje Polski. Poznań, 1949, стр. 277—278). Погребения, ориентированные головой на восток, на территории Польши встречаются не повсюду и не во всех могильниках, а если и обнаруживаются, то часто одновременно с мужскими погребениями с западной ориентировкой. Впрочем, есть и могильники, где все мужские погребения имели восточную ориентировку.

[16] Н. Моога. Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedriba Latvijas PSR teritoriā Rīgā, 1952, стр. 105—110 и 148—155; Нукшинский могильник. МИА ЛатвССР, т. I, Рига, 1957, стр. 20.

[17] П. С. Рыков. Древности Летгалии, вып. 1, Режица, 1917.

[18] Оружие и украшения в мужских погребениях славян встречаются лишь в тех районах Восточной Европы, где славянские племена соприкасались и смешивались с финским и балтийским населением. В чисто славянских землях мужские погребения XI—XIII вв. обычно не сопровождаются оружием и украшениями. Исключением являются древнерусские курганы, в которых погребены воины, но такие курганы весьма немногочисленны.

[19] П. С. Рыков. Ук. соч., стр. 10.

[20] А. А. Спицын. Литовские древности. Tauta ir žodis. Humanitarinių Moksly Fakulteto leidinys, Knygos III, Kaunes, 1925, стр. 153—154; ИАН Латвийской ССР, 1957, № 4, стр. 170—171.

кривичами, подвергшимися сильному влиянию со стороны латгальской культуры. Более реальным представляется первое предположение.

К этой же группе памятников принадлежат и курганы с восточной ориентировкой погребенных на побережье Чудского озера. Наиболее интересными среди них являются курганы, исследованные А. А. Спицыным, К. Кудряшовым и К. Д. Трофимовым [21] близ дер. Залахтовье, давшие почти сплошь трупоположения, ориентированные головой на восток. В отличие от латгальских могильников и курганов Витебской губ., описанных выше, здесь восточную ориентировку наряду с мужскими имели и женские погребения. Подобная особенность наблюдается и в некоторых других курганных могильниках начала II тысячелетия н. э., далеко удаленных от балтийской территории, и будет объяснена ниже. Вещевой материал курганного могильника близ дер. Залахтовье ярко подчеркивает его неславянский характер. По соседству с этим могильником на восточном побережье Чудского озера известно большое количество курганных могильников. Во всех этих курганах скелеты имеют славянскую (западную) ориентировку и содержат типично славянский инвентарь — ромбощитковые, браслетообразные, трехбусинные или перстнеобразные височные кольца, бусы, перстни и браслеты характерных славянских типов. Ничего подобного нет в курганах Залахтовья. Основную часть женских украшений этого могильника составляют украшения, типичные для латгальских грунтовых могильников. Таковы браслеты, перстни, шейные гривны. Нагрудные булавки имеют аналогии в эсто-ливских древностях. Но, пожалуй, самой интересной для нас находкой в женских погребениях Залахтовья являются остатки виллайне. Как известно, виллайне является обязательной составной частью латгальского женского костюма. Ношение виллайне сохранилось у латышей до XIX в. включительно. Славянским племенам виллайне неизвестно вовсе. Согласно латгальским обычаям, виллайне или накидывали на плечи умершей и закалывали на груди фибулой, или же этим платком покрывали тело умершей [22].

Исследователи курганов Залахтовья отметили во многих женских погребениях находки остатков тканей и связанных с ними металлических колец и спиралек. Расположение остатков тканей, колечек и спиралек на костяках залахтовьевских курганов не только позволяет утверждать, что они являются остатками виллайне, но и понять, как именно последнее было положено. Так, в курганах №№ 17 и 18, раскопанных К. Кудряшовым, остатки «кольчужной ткани» [23] и спирали прослеживались по всему костяку; следовательно, накидка покрывала умершую полностью. В кургане № 16 остатки ткани, орнаментированной металлическими кольцами, были прослежены лишь на плечах, на руках и на поясе. В этих случаях виллайне, нужно полагать, было накинуто на плечи умершей.

При мужских скелетах курганов Залахтовья обычны топоры, копья, перстни и браслеты, чем эти погребения сближаются с мужскими погребениями латгальских грунтовых могильников. Следует, однако, отметить, что в северо-западных районах Новгородской земли топоры и украшения нередко встречаются и в мужских курганных погребениях с западной ориентировкой. Вероятно, это в значительной степени объясняется тем,

---

[21] К. Д. Трофимов. Раскопки курганов при д. Залахтовье-Кувшиново С.-Петербургской губернии Гдовского у. М., 1909; К. Кудряшов. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губ. ЗОРСА, т. IX, СПб., 1913, стр. 241—264; ОАК за 1911 г. Птрг., 1914, стр. 66—68.

[22] Нукшинский могильник. МИА ЛатвССР, т. I, стр. 31—33; А. Э. Зариня. Одежда латгалов по материалам археологических раскопок последних лет. Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики», М., 1959, стр. 511—517.

[23] Ткань, орнаментированную металлическими кольцами, К. Кудряшов в отчете называет «кольчужной тканью».

что славяне здесь смешались или же жили в тесном контакте с финским и балтийским населением.

Вещевой материал и ориентировка погребенных позволяют рассматривать курганы близ дер. Залахтовья как памятники латгальского населения (или близкого к латгалам другого восточнобалтийского племени). Трудно сказать, когда эти балты переселились на побережье Чудского озера; скорей всего это было где-то на рубеже I и II тысячелетий н. э. В XI—XIII вв., когда насыпались залахтовьевские курганы, население, их оставившее, жило еще самостоятельными, отдельными от славянских, поселениями. Затерянные среди славянских поселений балты переняли у славян курганный погребальный обряд, но еще сохранили свои этнографические особенности.

Это был не единственный участок северо-запада Новгородской земли, где жили балты. Погребения с восточной ориентировкой встречены и в некоторых других курганных могильниках б. Гдовского у.[24]. Однако в этих курганных группах погребения, ориентированные головой на восток, единичны и теряются среди основной массы погребений с западной ориентировкой. Вероятно, эти могильники оставлены жителями славянских поселений, в которых в результате брачных или иных связей оказались балтийские выходцы. Они подверглись, по-видимому, сильной славянизации, так как в большинстве случаев переняли у славян и весь набор украшений.

Области сравнительно густого распространения древнерусских курганов с трупоположениями головой на восток в Верхнем Поднепровье и на Верхней Волге отделены от западных областей и от латгальской территории широкой полосой, заселенной полочанами и смоленскими кривичами, в курганах которых господствует западная ориентировка погребенных. Лишь кое-где на этой территории отмечены единичные случаи курганных захоронений, ориентированных головой на восток. Удаленность верхнеднепровских и верхневолжских областей от основной балтийской территории конца I и первых столетий II тысячелетия н. э., несомненно, наложила отпечаток на рассматриваемые погребения[25]. Как в Верхнем Поднепровье, так и на Верхней Волге курганы с восточной ориентировкой погребенных, в отличие от западных районов их распространения, обычно составляют небольшой процент мужских захоронений. Основная же масса мужских погребений здесь имеет западную ориентировку. Иными словами, население, оставившее курганные погребения с западной и восточной ориентировкой в Верхнем Поволжье и в Верхнем Поднепровье, в курганный период жило уже общими поселениями, что в значительной степени стерло их этнографические различия.

Сложность этнической атрибуции древнерусских курганных захоронений с восточной ориентировкой в восточных районах их распростране-

---

[24] А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, СПб., 1903, стр. 12.

[25] Единственная попытка объяснить различие в ориентировке древнерусских курганных захоронений принадлежит В. И. Сизову. В 80-х годах XIX в. в южной части Смоленской земли среди многочисленных курганных могильников с западной ориентировкой трупоположений он открыл на р. Ипути три группы курганов с погребениями, обращенными головой на восток. Различную ориентировку трупоположений В. И. Сизов объяснял этнографическим различием населения, оставившего эти курганы. Курганные погребения с западной ориентировкой он считал славянскими, с восточной — инородческими (финскими). (См. «Отчет о состоянии и деятельности Московского археологического общества с 30 апреля 1885 г. по 14 марта 1886 г.». «Древности», т. XII, вып. 1, М., 1888, стр. 9). Б. А. Рыбаков, подчеркивая, что положение мужских скелетов головой на восток в некоторых радимических курганах не является случайностью, не делал попытки объяснить это явление. (См. Б. А. Рыбакоў. Радзімічы. Працы сэкцыі археолёгіі Беларускай Акадэміі навук, т. III, Менск, 1932, стр. 85). Г. Ф. Соловьева ограничилась картографированием древнерусских курганов с восточной ориентировкой трупоположений, встречающихся на территории Верхнего Поднепровья. (См. Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. СА, XXV, 1956, стр. 152—153).

ния заключается также и в том, что эти погребения обычно мужские, а как у латгалов, так и у славян в составе погребального инвентаря мужских захоронений нет этнически определяющих предметов.

Удается выделить только два второстепенных признака, отличающих мужские захоронения латгалов от славянских мужских погребений. Как известно, у всех славянских племен был распространен обычай ставить в могилу глиняные сосуды. При раскопках восточнославянских курганов XI—XII вв. глиняные горшки являются самой обычной находкой и встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Латгалы этого обычая не знали вовсе. Ни в одном из 218 погребений Нукшинского могильника не найдено ни одного глиняного сосуда [26]. Нет глиняных горшков и в Люцинском могильнике [27], отсутствуют они в других латгальских могильниках. Глиняные сосуды не обнаружены и при раскопках описанных выше курганов с восточной ориентировкой погребенных в пограничной кривичско-латгальской области Подвинья. Конечно, наличие или отсутствие глиняного горшка в том или ином кургане не составляет само по себе этнического признака, но отсутствие глиняных сосудов в основной части курганных захоронений, обращенных головой на восток, весьма показательно.

Так, в двух курганных могильниках с восточной ориентировкой погребенных близ дер. Воробьево (Верхняя Волга), исследованных Н. Е. Макаренко, не оказалось ни одного глиняного сосуда (в обеих группах раскопано 16 насыпей) [28]. В женских погребениях этих могильников украшений славянских типов не оказалось. Зато в третьей курганной группе, расположенной в том же районе, глиняные сосуды были найдены, но все трупоположения этого могильника имели западную ориентировку, а в одном женском погребении были найдены ромбощитковое и трехбусинное височные кольца [29]. Не встречены глиняные сосуды в курганах с восточной ориентировкой погребенных в сс. Сутоки, Степановском, Городище, Бежицы (3-я группа) и многих других. На отсутствие глиняных сосудов в некоторых курганных могильниках Верхнего Поволжья впервые обратила внимание Т. Н. Никольская [30]. Отмечая, что глиняная посуда являлась постоянным атрибутом погребений всех типов верхневолжских курганов, она подчеркивала, что в отдельных местах Верхнего Поволжья обычай ставить в могилу глиняные горшки не был известен. Объяснить причину этого Т. Н. Никольской не удалось.

В тех курганных могильниках, где раскопками обнаружены захоронения как с западной, так и с восточной ориентировкой, в первых горшки обычны, во вторых они, как правило, отсутствуют [31]. Так, ни одного горшка не встречено во всех 19 курганах с трупоположениями, обращенными головами на восток, при с. Колчино (бассейн р. Угры) [32]. Нет горшков в подобных курганах Смоленщины при деревнях Курганье [33], Войлово [34],

---

[26] Нукшинский могильник. МИА ЛатвССР, т. I.

[27] Люцинский могильник. МАР, № 14, СПб., 1893.

[28] Н. Е. Макаренко. Отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. в Ярославской и Тверской губ. ИАК, вып. 6. СПб., 1903, стр. 26—27.

[29] В. А. Чагин. Протокол раскопок курганов в Тверской губ. в 1879 г. Изв. ОЛЕАЭ, т. XXXV, М., 1879, стр. 378—379.

[30] Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. КСИИМК, вып. XXX, 1949, стр. 35.

[31] Исключением является верхневолжский курганный могильник при дер. Сельменево, где скелеты имели западную ориентировку, но не сопровождались глиняными сосудами. (См. С. А. Гатцук. Отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губ. ИАК, вып. 6, СПб., 1903, стр. 34).

[32] Н. И. Булычов. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги 1903 года. М., 1903, стр. 18—39. В курганах с западной ориентировкой скелетов горшки есть.

[33] Там же, стр. 49—57.

[34] Там же, стр. 59—66.

Леоново [35], Суборовка [36], Ивановское [37], Кузьмичи [38], Христово [39], Дубки [40] и др.

Случаи нахождения глиняных сосудов в верхневолжских курганах с восточной ориентировкой скелетов единичны. В земле радимичей, по подсчетам Б. А. Рыбакова [41], горшки встречены только в трех курганных погребениях, ориентированных головами на восток. Нужно заметить, что на радимической земле раскопано свыше сотни курганов со скелетами, имеющими восточную ориентировку, а это значит, что в 97—98% таких погребений глиняных сосудов не было. Немногочисленны находки горшков в курганах с захоронениями головой на восток и в области расселения смоленских кривичей: свыше 95% таких трупоположений не сопровождались глиняными сосудами.

Вторым признаком, отличающим латгальские мужские захоронения от славянских, является присутствие в первых предметов украшения, топоров и иногда оружия. Выше этот признак уже подчеркивался. Для славянских мужских погребений украшения не типичны: их почти нет в курганах вятичей, древлян, полян, северян, в словенских курганах Приильменья. Мужские курганные погребения с предметами украшения получили распространение как более или менее массовое явление в трех крупных районах Восточной Европы. Одним из них являются северо-западные области Новгородской земли, что уже было отмечено выше. Два других района связаны с территорией распространения курганов с восточной ориентировкой трупоположений. Это — Верхнее Поволжье и часть Верхнего Поднепровья.

Отмечая, что наличие предметов украшений в мужских погребениях является довольно редким явлением у восточных славян, Т. Н. Никольская подчеркивает, что верхневолжские курганы составляют в этом отношении исключение, так же как радимичские курганы [42]. Т. Н. Никольская высказала предположение, что наличие предметов украшений в мужских захоронениях следует объяснить имущественным или социальным положением погребенных. Это объяснение заманчиво, но в таком случае необъяснимо почти полное отсутствие мужских захоронений с украшениями в других областях древней Руси, например, в Приильменье или в окрестностях Смоленска, Полоцка и других древнерусских городов, где имущественная и социальная дифференциация населения, казалось бы, должна быть более ощутимой, чем в глухих районах Верхнего Поволжья или радимичской земли.

Так как области распространения курганов с восточной ориентировкой погребенных и области распространения мужских подкурганных захоронений с украшениями в общих чертах при наложении совпадают, то предположение о взаимозависимости этих погребений представляется очень вероятным.

Некоторое своеобразие курганных захоронений рассматриваемых районов Верхнего Поднепровья и Верхнего Поволжья выявляется и при анализе вещевого материала женских погребений. Покурганный анализ в данном случае не пригоден, так как почти все женские трупоположения в рассматриваемых районах имеют западную ориентировку.

---

[35] Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 1—3.

[36] Там же, стр. 47—48.

[37] Н. И. Булычов. Раскопки по среднему течению р. Угры. Зап. Московского археологического института, т. XXXI, М., 1913, стр. 34.

[38] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. Працы сэкцыі археалёгіі, т. III, Менск, 1932, стр. 23—24.

[39] Там же, стр. 15—17 (вторая группа).

[40] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы у Аршанскай акрузе. Працы археолёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930, стр. 31—45.

[41] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стр. 86.

[42] Т. Н. Никольская. Ук. соч., стр. 35—36.

Еще Б. А. Рыбаков в работе, посвященной радимичам, обратил внимание на наличие в радимичских курганах некоторых типов женских украшений, не свойственных другим славянским племенам [43]. Таковыми являются змееголовые браслеты, пластинчатые гривны с концами в виде розеток и с многогранными концами, некоторые типы нагрудных привесок. Все эти украшения имеют широкое распространение в Прибалтике и, в частности, в могильниках латгалов. Произведенное Б. А. Рыбаковым картографирование этих украшений показало, что они были распространены не по всей радимичской территории, а лишь в северной ее части, где имеется большое число гидронимов балтийского происхождения. В связи с этим Б. А. Рыбаков пришел к заключению, что в северной половине радимичской земли имело место скрещение радимичей с одним из островков литовско-латышского населения.

Вывод этот представляется еще более убедительным, если карту распространения украшений балтийского типа сопоставить с картой распространения курганов с восточной ориентировкой трупоположений. Основная часть курганных погребений с восточной ориентировкой в земле радимичей как раз приходится на ее северную половину.

Наконец, еще один характерный признак. Шейные гривны в славянских курганах обычно встречаются по одному экземпляру. На той же территории Восточной Европы, где получила распространение восточная ориентировка курганных трупоположений, как в Верхнем Поднепровье [44], так и на Верхней Волге, имеется немало случаев нахождения в женских погребениях по две и даже по три гривны. Это также сближает названные области с прибалтийскими. В латгальских могильниках женские погребения XI—XII вв. очень часто сопровождаются тремя-четырьмя шейными гривнами [45].

Курганы с восточной ориентировкой погребенных, как уже неоднократно подчеркивалось, рассеяны среди массы курганов с западной ориентировкой, поэтому неудивительно, что в первых встречаются иногда типично славянские предметы женских украшений. Однако характерно, что не менее $^2/_3$ курганных могильников, где встречаются скелеты, обращенные головой на восток, оказалось без славянских височных колец. В радимичской земле это сравнение выглядит еще показательнее — курганных могильников с наличием отдельных захоронений, с восточной ориентировкой известно около полусотни, но только в четырех из них найдены семилучевые височные кольца.

В рассматриваемых районах Восточной Европы, наряду с мужскими захоронениями, обращенными головой на восток, как редкое исключение встречаются и женские. Только в единичных могильниках Верхнего Поволжья и восточных районов Смоленщины отмечены массовые случаи погребения умерших женщин головой на восток. Как правило, женские погребения с восточной ориентировкой не содержат украшений, типичных для восточнославянских племен. Но есть и исключения: вятических височных колец в таких курганах не встречено вовсе, радимичское кольцо найдено всего один раз, сравнительно чаще попадаются браслетообразные височные кольца.

Очень серьезным аргументом в пользу разноэтничного происхождения курганных погребений с восточной и западной ориентировками являются палеоантропологические материалы. К сожалению, краниологический материал, пригодный для рассматриваемого вопроса, оказался весьма малочисленным, так как бо́льшая часть серий курганных черепов Верхнего Поднепровья и Поволжья происходит из могильников со смешанной

---

[43] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, стр. 137—138.

[44] П. М. Еременко, А. А. Спицын. Радимические курганы. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, СПб., 1896, стр. 97.

[45] В. В. Седов. Рец. «Нукшинский могильник». СА, 1959, № 1, стр. 324, табл. 3.

ориентировкой погребенных или же из тех групп курганов, ориентировка скелетов в которых не была отмечена авторами раскопок. Для наших целей не могут быть использованы и краниологические материалы древнерусских курганов, расположенных на той части Верхнего Поднепровья, где в эпоху раннего железного века имели распространение городища со штрихованной керамикой. Как будет показано ниже, эти поселения оставлены другой группой балтийских племен, среди которых, по-видимому, господствовал одинаковый со славянами обряд положения умерших головой на запад. Сходство курганных черепов этой территории Верхнего Поднепровья с черепами из могильников балтийских племен конца I и начала II тысячелетий н. э. уже отмечено исследователями [46].

Серии черепов с территории распространения курганов с восточной ориентировкой, погребных в зависимости от положения скелетов, распределены на две группы (табл. 1). Первую группу составили серии черепов из курганов с западной ориентировкой трупоположений. Во вторую группу вошли черепа из курганных могильников, в которых все мужские скелеты были обращены головами к востоку. Для сравнений здесь же приведены данные по сериям черепов из латгальских могильников. В результате сравнительного изучения выявляются заметные и вполне закономерные различия между сериями черепов первой и второй группы.

Черепа из курганов с западной ориентировкой скелетов принадлежат к европеоидному долихокранному узколицему типу, широко распространенному у славянских племен Восточной Европы [47]. В отличие от них, черепа из курганов с мужскими захоронениями, обращенными головами на восток, как на территории Верхнего Поднепровья, так и в пограничных кривическо латгальских районах Подвинья принадлежат к одному европеоидному долихокранному широколицему типу, хотя и несколько отличаются друг от друга по величине. К этому же типу принадлежат черепа из латгальских грунтовых могильников, средневековые черепа жемайтов Северной Литвы [48], а также славянские курганные черепа той части Белоруссии, где прежде были распространены поселения со штрихованной керамикой и где славянизация края, по-видимому, в значительной степени происходила за счет ассимиляции балтийского населения.

Таким образом, и археологические материалы, и палеоантропология выделяют древнерусские курганные погребения, обращенные головами на восток, среди основной массы восточнославянских трупоположений и находят им аналогии в памятниках балтийских племен. Чтобы разобраться в происхождении рассматриваемых курганных погребений, необходимо обратиться к материалам дославянского периода истории Верхнего Поднепровья и соседних с ним областей.

Исследователи верхнеднепровской гидронимики единодушны в том, что под славянским слоем здесь лежит более древний слой балтийского происхождения. Большое число названий рек балтийского происхождения на территории Белоруссии отмечалось еще русскими исследователями конца XIX — начала XX в. [49]. А. Л. Погодин впервые указал на нали-

---

[46] В. В. Седов. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья. СЭ, 1954, № 3, стр. 12—18; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология восточной Прибалтики. М., 1959, стр. 198—202.

[47] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.— Л., 1948, стр. 259—261; Т. А. Трофимова. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. СЭ, 1946, № 1, стр. 95—118.

[48] М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Ук. соч., стр. 198—202.

[49] И. П. Филевич. История древней Руси, т. I, Варшава, 1896; А. А. Кочубинский. Территория доисторической Литвы. ЖМНП, 1897, № 1, стр. 60—94; А. Л. Погодин. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901, стр. 91—93; Е. Ф. Карский. Белорусы. Вильна, 1904, стр. 60—63.

Таблица 1

Сводка средних размеров мужских черепов из древнерусских курганов Верхнего Поднепровья и Подвинья и из латгальских могильников

Признаки	Верхнее Поднепровье Области, прежде занятые восточно-балтийскими племенами		Пограничье кривичей и латгалов	Латгалия		
	Из курганов с западной ориентировкой скелетов	Из курганов с восточной ориентировкой погребенных	Из курганов с восточной ориентировкой погребенных	Из латгальских грунтовых могильников		
	Бердыш, Славены, Городец, Песчанка, Грозивец и курганы б. Дорогобужского у. *	Курганье **	Рыкополь, Цибла, Удры **	Люцинский, Цибла, Дьярви, Иснауда ***	Люцинский **	Нукшинский ****
1. Продольный диаметр	187,8 (14)	192,6 (8)	183,5 (6)	185,2 (8)	189,8 (24)	189,1 (6)
8. Поперечный диаметр	135,8 (14)	138,8 (8)	137,6 (5)	137,0 (7)	135,7 (23)	139,5 (6)
17. Высотный диаметр базион-брегма	136,6 (11)	136,9 (8)	133,2 (4)	138,2 (5)	139,4 (17)	139,5 (6)
5. Длина основания черепа	104,0 (12)	104,9 (8)	101,5 (4)	104,4 (6)	107,5 (16)	103,1 (6)
9. Наименьшая ширина лба	94,4 (8)	97,1 (7)	98,5 (6)	100,4 (8)	96,6 (24)	100,8 (6)
40. Длина основания лица	97,7 (7)	102,5 (6)	94,3 (3)	99,0 (3)	100,0 (10)	97,3 (6)
45. Скуловой диаметр	130,7 (7)	137,0 (3)	137 (1)	140,0 (3)	133,0 (9)	135,5 (6)
48. Верхняя высота лица	69,5 (10)	70,7 (7)	65,5 (2)	68,8 (5)	68,5 (11)	74,8 (6)
55. Высота носа	51,3 (10)	50,6 (7)	49,3 (3)	49,7 (6)	49,8 (9)	54,0 (6)
54. Ширина носа	24,7 (9)	27,8 (6)	25,3 (3)	26,2 (5)	26,0 (8)	25,3 (6)
51. Ширина орбиты от mf.			40,3 (3)	42,1 (7)	43,0 (12)	43,6 (6)
51a. Ширина орбиты от d.	39,4 (8)	40,4 (7)	—	—	39,4 (10)	41,2 (6)
52. Высота орбиты	30,8 (8)	31,9 (7)	33,7 (3)	31,5 (6)	32,2 (10)	33,8 (6)
32. Угол лба	83,2 (8)	80,3 (7)	80,7 (3)	81,2 (4)	82,7 (11)	82,5 (6)
72. Общий угол лица	86,9 (9)	84,0 (6)	84,0 (2)	83,6 (4)	84,4 (9)	82,8 (6)
75 (1). Угол носовых костей	28,5 (6)	34,5 (2)	38,0 (2)	33,8 (4)	29,2 (6)	32,8 (6)
— Надбровье	2,5 (15)	3,2 (8)	—	—	3,6 (24)	4,6 (6)
— Fossa canina	2,5 (12)	2,0 (7)	—	—	2,9 (9)	—
— Нижний край грушевидного отверстия (процент антропинных форм)	90,9 (11)	71,4 (7)	—	—	67,0 (6)	66,6 (6)
8 : 1. Черепной указатель	72,3 (14)	72,0 (8)	74,7 (5)	74,0 (7)	71,7 (23)	73,7 (6)
17 : 0,5 (1+8). Смешанный высотный указатель	84,4 (11)	82,5 (8)	82,9 (4)	85,8 (5)	85,6 (17)	84,9 (6)
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	71,2 (12)	69,5 (6)	72,0 (5)	71,9 (7)	71,3 (23)	72,3 (6)
40 : 5. Указатель выступания лица	93,9 (7)	97,0 (6)	92,9 (3)	94,7 (3)	93,2 (10)	94,3 (6)
8 : 45. Лицевой указатель	53,2 (7)	52,5 (3)	47,4 (1)	49,4 (3)	52,9 (7)	55,4 (6)
4 : 55. Носовой указатель	48,1 (9)	55,1 (6)	51,8 (3)	52,4 (5)	51,8 (8)	46,3 (6)
2 : 51a. Орбитный указатель	78,2 (8)	78,7 (7)	—	—	81,7 (10)	81,3 (6)

* По данным Г. Ф. Дебеца (см. Г. Ф. Дэбец. Чарапы Люцынскага магільніку і старажытных славян Беларусі і месца апошніх у палеантрополёгіі Усходняй Эўропы. Працы сэкцыі археолёгіі, т. III, Менск, 1932) и Т.А. Трофимовой (см. Т. А. Трофимова. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. СЭ, 1946, № 1, табл. 5).

** По материалам Г. Ф. Дебеца (Ук. соч.).

*** По материалам Г.Кнорре (см.G.Кпогге.Kraniologische Untersuchungen an Schädeln aus Skelettgräbern Lettgallens. Zeitschrift für Morphologie und Antropologie, т. 28, H. 3, Stuttgart, 1930, стр. 256-312.

**** Измерения И. В. Дайги (см. Нукшинский могильник. МИА ЛатвССР, Рига, 1957, стр. 47-54).

чие балтийских гидронимов в верховьях р. Оки, а Е. Ф. Карский отметил, что древний слой балтийской гидронимики прослеживается не только по всей территории Белоруссии, но и в верховьях Волги.

Позднее топонимике Верхнего Поднепровья и соседних с ним областей Восточной Европы посвятили специальные исследования литовский языковед К. Буга [50] и немецкий лингвист М. Фасмер [51]. На основе изучения лингвистических материалов и топонимики первый исследователь пришел к заключению, что Верхнее Поднепровье и Среднее Подвинье были родиной предков балтийских племен. К. Буга полагал, что уже в первой половине I тысячелетия н. э. балтийские племена Верхнего Поднепровья и Подвинья разделялись на две большие группы, одну из которых составляли предки литовцев, обитавшие еще в середине I тысячелетия в бассейнах Верхнего Днепра, Березины, Сожа и в части Верхнего Подвинья. Вторую группу составляли предки латышей, жившие севернее и главным образом северо-западнее древних литовских племен [52].

М. Фасмер уделил особое внимание северным и, главным образом, восточным районам древней балтийской территории. Его исследования показали, что древняя балтийская территория, помимо Верхнего Поднепровья и Среднего и Верхнего Подвинья, охватывала верхние части бассейнов рек Великой, Ловати, Волги и Оки (рис. 2). Так же, как и К. Буга, этот исследователь выделил две группы балтийских племен. Одна группа — центрально-балтийские племена (по М. Фасмеру — balten) — занимала правобережную часть Днепровского бассейна (между реками Припятью и Западной Двиной) и часть левобережья в верховьях р. Сожа. Это, по-видимому, были восточнолитовские и родственные с ними племена. Северные и северо-восточные области древней балтийской территории (Смоленское Поднепровье, средние и верхние части западнодвинского бассейна, верховья рек Волги и Оки) были заняты восточнобалтийскими племенами (ostbalten).

Топонимические исследования М. Фасмера представляют особый интерес, так как они находят подтверждение в археологических материалах. В той части Верхнего Поднепровья, где М. Фасмер поместил группу центральнобалтийских племен, по данным археологии в I тысячелетии до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э. жили племена, оставившие городища и поселения со штрихованной керамикой (рис. 2). Архео-

---

[50] Разработке балтийской топонимики К. Буга посвятил несколько статей. Итоговой работой является статья К. Буга. См. K. Buga. Die Vorgeschichte der Aistischen (Baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung. Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924, стр. 22—35.

[51] M. Vasmer. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas: 1. Die Ostgrenze der baltischen Stämme. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, Berlin, 1932, стр. 637—666; 2. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, Berlin, 1934, стр. 351—440 и карта.

Позднее вопросы гидронимики Восточной Европы были затронуты в работах Т. Лер-Сплавинского (см. T. Lehr-Splawiński. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946, стр. 65—67) и В. Полака (V. Polák. Slovanská pravlast s hlediska jasykového Vznik a počatky slovanů, т. I, Praha, 1956, стр. 13—27 и карта). Новейшие исследования в области балтийской топонимики (см., напр., В. Н. Топоров. Две заметки из области балтийской топонимики. Rakstu krajums veltijums akademikim professoram Dr. Jānim Endzelīnam vina 85 dzivas un 65 darba gadu atcerei, Rīgā, 1959, стр. 251—266) показали, что на территории Белоруссии и соседних областей имеется большое число еще не выявленной географической номенклатуры балтийского происхождения. В связи с этим нужно полагать, что дальнейшие топонимические исследования пойдут путем выявления новых балтийских гидронимов, а не по пути сокращения их, хотя это не исключает спорность и, может быть, даже ошибочность некоторых из балтийских топонимов К. Буги и М. Фасмера.

[52] Современная лингвистика считает, что правобережная часть Днепровского бассейна была родиной не всех литовцев, как полагал К. Буга. Здесь жили восточнолитовские и родственные им племена. Западнолитовские же племена имели иное происхождение (с чем согласны и археологи).

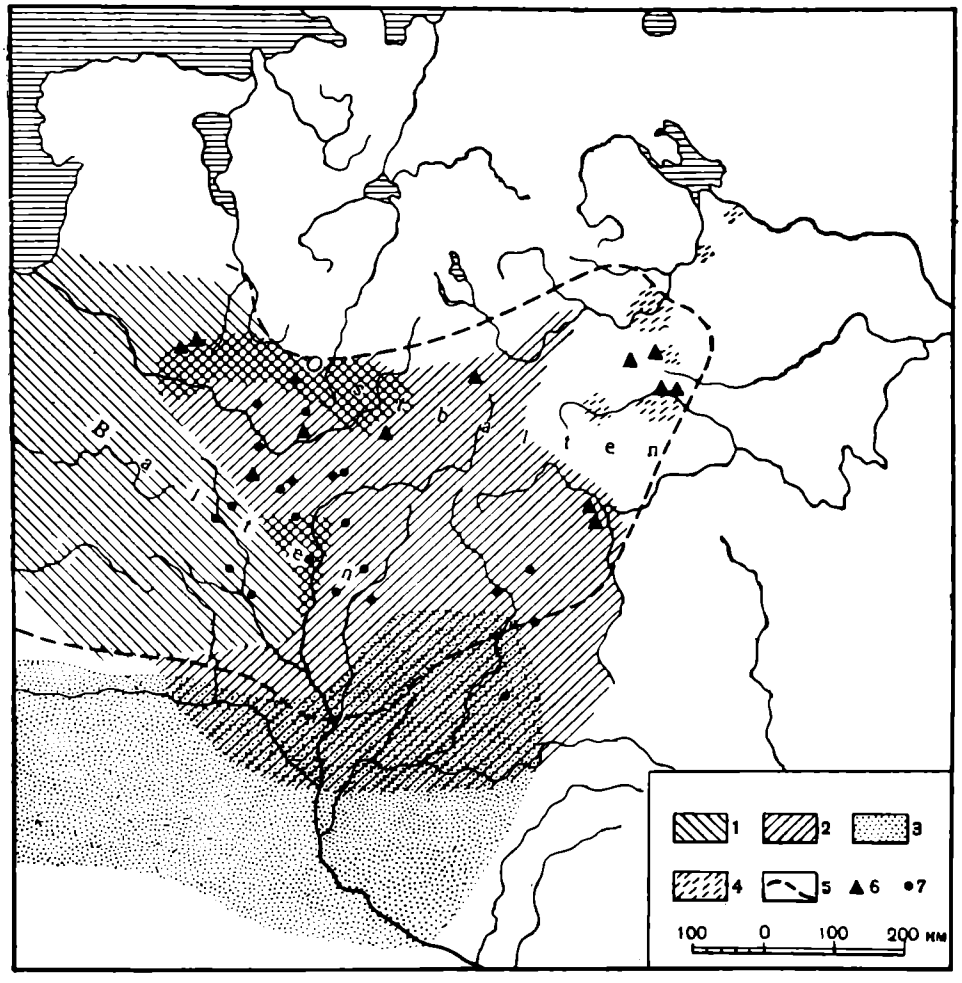


Рис. 2. Этническая карта центральной части Восточной Европы первой половины I тысячелетия н. э.

1 — территория распространения городищ со штрихованной керамикой; *2* — территория распространения городищ с гладкостенной керамикой (по Х. А. Моора); *3* — зарубинецкая культура (по Ю. В. Кухаренко); *4* — верхневолжские и москворецкие городища; *5* — граница древней балтийской территории по данным топонимики (К. Буга и М. Фасмер) (надписи «Ostbalten» и «Balten» сняты с карты М. Фасмера); *6* — топонимы «Голядь» и близкие к ним; *7* — топонимы «Голынь», «Голынка» и «Голыни»

логи уже давно считали культуру городищ со штрихованной керамикой балтийской [53], а последние исследования балтийских археологов позволили определенно связывать эту культуру с древностями Литвы второй половины I тысячелетия н. э., восточнолитовская принадлежность которых уже не вызывает никаких сомнений [54].

Севернее и восточнее территории расселения обитателей городищ со штрихованной керамикой — в бассейне среднего течения р. Западной Двины, на Смоленщине и в левобережной части Верхнего Поднепровья к этому времени относятся городища с так называемой гладкостенной керамикой. Обширная территория, занятая этими городищами, подразделяется на несколько локальных групп — собственно верхнеднепровскую (включающую, кроме Смоленщины, часть Западно-Двинского бассейна и верхнеокские городища; иногда последние городища выделяются в отдельную группу), милоградскую и юхновскую. На археологических картах эти однородные культуры обычно объединяются в одну общую куль-

[53] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 92.

[54] А. З Таутавичюс. Восточнолитовские курганы. Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959, стр. 142—144.

турную область. Белорусские археологи, в 20—30-х годах XX в. проделавшие большую работу по выявлению памятников раннего железа на территории Белоруссии и Смоленщины, не без оснований рассматривали верхнеднепровские городища с гладкостенной керамикой как поселения восточных балтов [55]. Х. А. Моора видит в этих городищах «памятники многочисленного восточнобалтийского населения», а в отдельных группах этих городищ племенные группы [56]. Археологические исследования последних лет на Смоленщине и в других областях Верхнего Поднепровья заставили П. Н. Третьякова отказаться от прежних взглядов на эти городища как на памятники восточнославянских племен. В своих последних работах П. Н. Третьяков пришел к выводу, что вплоть до последней четверти I тысячелетия н. э. Смоленщина была занята восточнобалтийскими племенами и, следовательно, верхнеднепровские городища с гладкостенной керамикой были оставлены этим населением [57].

В отличие от западных областей Верхнего Поднепровья (территория распространения городищ со штрихованной керамикой), где вплоть до прихода славян этнические границы в целом, по-видимому, оставались стабильными, границы территории распространения городищ с гладкостенной керамикой на рубеже нашей эры и в течение I тысячелетия н. э. претерпели серьезные изменения. Этническая история I тысячелетия н. э. рассматриваемой части Верхнего Поднепровья еще не изучена во всех деталях, но два крупных события в этой истории выявляются сравнительно хорошо.

Первое событие связано с вторжением в области расселения юхновских и милоградских племен зарубинецких племен. В результате этого часть населения юхновских и милоградских городищ в первой половине I тысячелетия н. э. оказалась ассимилированной носителями зарубинецкой культуры [58]. В северных районах распространения зарубинецкой культуры, где ее влияние заметно ослабевает, а затем исчезают и самые следы, по-видимому, происходил обратный процесс — победителями в процессе смешения балтийских племен с носителями зарубинецкой культуры оказались местные племена. Таким образом, результатом движения зарубинецких племен в Верхнее Поднепровье было сокращение древней балтийской территории на левобережной части Днепра. Где проходила южная граница территории расселения восточнобалтийских племен в середине I тысячелетия н. э., определить пока невозможно. Вероятно, она пролегала где-то в районе северной границы распространения зарубинецкой культуры на левобережье Днепра, а скорей всего несколько южнее ее (рис. 2).

Верхнее Поволжье и поречье верхнего течения р. Москвы в I тысячелетии до н. э. входило в область распространения городищ дьяковской культуры. Большинство исследователей полагает, что городища дьякова типа оставлены финно-угорским населением Восточной Европы. Вместе с тем оказалось, что культура верхневолжских и москворецких городищ I тысячелетия н. э. существенно отлична от культуры позднедьяковских

---

[55] А. Н. Ляўданскі. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрні. Працы археолёгічнай камісіі, т. II, Менск, 1930, стр. 335—337.

[56] Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, № 2, стр. 24—26.

[57] П. Н. Третьяков. Городища-святилища Левобережной Смоленщины. СА, 1958, № 4, стр. 170—186; его же. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, 1960, № 1, стр. 36—46. П. Н. Третьяков относит к восточным балтам верхнеднепровскую группу городищ с гладкостенной керамикой. Юхновские и милоградские городища, по мнению этого исследователя, могли быть оставлены или славянами, или балто-славянами.

[58] П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ...; Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, № 1, стр. 289—300.

городищ и поселений восточных районов Волго-Окского междуречья, связываемых с историческими племенами — мерей и муромой [59]. Подчеркивая различия между западными и восточными районами Волго-Окского междуречья, П. Н. Третьяков указал на ряд характерных признаков, сближающих культуру верхневолжских и москворецких городищ I тысячелетия н. э. с культурой верхнеднепровских городищ. Исследования Троицкого городища в верховьях р. Москвы (раскопки А. Ф. Дубынина) выявили аналогичность керамического материала позднедьяковского слоя этого памятника и керамики смоленских городищ первой половины I тысячелетия н. э. П. Н. Третьяков полагал, что все эти памятники оставлены восточнославянскими племенами. Теперь же, когда оказалось, что вплоть до последней четверти I тысячелетия н. э. Смоленское Поднепровье было занято балтийскими племенами, никаких аргументов для того, чтобы отстаивать славянскую принадлежность так называемых позднедьяковских городищ Верхней Волги и верхнего Москворечья, не осталось. Общие черты, наблюдаемые в культуре этих городищ и в культуре балтийского населения Верхнего Поднепровья, по всей вероятности, являются свидетельством продвижения на Верхнюю Волгу и в верховья р. Москвы балтийского населения. Многие металлические украшения, найденные на позднедьяковских городищах западной части Волго-Окского междуречья, имеют аналогии как в памятниках Верхнего Поднепровья, так и в древностях Прибалтики, т. е. принадлежат к балтийским, а не финским типам. Вместе с тем материалы верхневолжских и москворецких городищ обнаруживают заметные черты, унаследованные от дьяковской культуры I тысячелетия до н. э. и поэтому общие с культурой поселений восточных областей Волго-Окского междуречья (например, в формах глиняной посуды). В связи с этим верхневолжские и москворецкие городища следует рассматривать как памятники населения, образовавшегося в результате смешения балтийских и финских племен, в результате ассимиляции финских племен пришлыми балтийскими племенами. В пользу такого решения вопроса свидетельствует и гидронимика территории распространения верхневолжских и москворецких городищ I тысячелетия н. э. Слой финно-угорского происхождения здесь незначителен. Эта территория входит в ареал распространения балтийской топонимики, а это означает, что так же, как на Смоленщине, славяне застали в западных районах Волго-Окского междуречья балтийское население и какое-то время смешивались с ним, заимствовав у него многие географические названия.

Области распространения городищ с гладкостенной керамикой первой половины I тысячелетия н. э. (включая верхневолжские и москворецкие городища) соответствует область расселения восточнобалтийских племен по данным М. Фасмера. Сравнение с топонимической картой М. Фасмера позволяет считать, что городища с гладкостенной керамикой оставлены группой восточнобалтийских племен, в отличие от городищ со штрихованной керамикой, где, судя по исследованиям К. Буги и М. Фасмера, до прихода славян обитала другая группа балтийских племен.

Если карту распространения древнерусских курганов с восточной ориентировкой трупоположений сопоставить теперь с этнической картой Восточной Европы середины I тысячелетия н. э., составленной по данным археологии и топонимики, то выявляется, что почти все эти курганы расположены на той территории Восточной Европы, где до прихода славян жили восточнобалтийские племена (рис. 3) [60]. На территории распространения городищ со штрихованной керамикой (в области расселения

---

[59] П. Н. Третьяков. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. СА, 1957, № 2, стр. 64—77.

[60] Исключением являются курганы восточного побережья Чудского озера, куда отдельные группы восточнобалтийских племен подвинулись позднее.

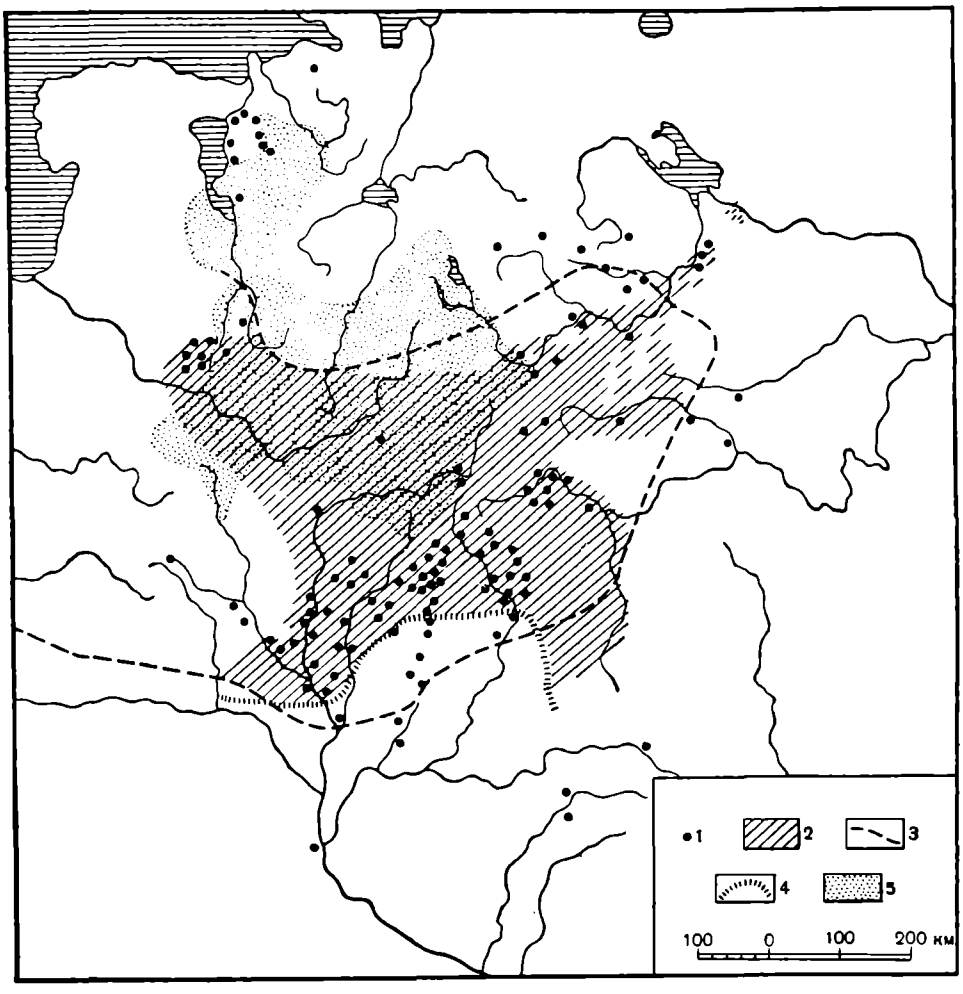


Рис. 3. Курганные могильники с восточной ориентировкой погребенных и древняя территория расселения восточнобалтийских племен

1 — курганные могильники с восточной ориентировкой погребенных; *2* — территория расселения восточнобалтийских племен в первой половине I тысячелетия н.э. (по данным археологии); *3* — древняя балтийская территория по данным топонимики *4* — северная граница зарубинецкой культуры; *5* — территория кривичей к IX в. (область распространения длинных курганов)

центральнобалтийских племен) курганных погребений с восточной ориентировкой почти нет. Такие курганы известны лишь в северных и восточных пограничных районах распространения поселений со штрихованной керамикой, т. е. в тех местах Верхнего Поднепровья, где городища со штрихованной керамикой соприкасаются и территориально перемешаны с верхнеднепровскими городищами с гладкостенной керамикой. В отличие от латгалов, принадлежащих к восточной группе балтийских племен, у литовских племен, судя по курганным погребениям конца I и начала II тысячелетия н. э., был распространен обычай положения умерших головой на запад [61].

Таким образом, общие черты, обнаруживаемые в ориентировке трупоположений и в инвентаре древнерусских курганов с восточной ориентировкой скелетов в латгальских грунтовых могильниках конца I и начала II тысячелетий н. э., и принадлежность погребенных в этих памятниках к одному антропологическому типу объясняются тем, что все эти памятники имеют общую основу, все они расположены на территории расселения восточнобалтийских племен. Очевидно, обряд погребения

[61] A. Tautavičius. Kapitoniškių pilkapiai. Тр. АН Литовской ССР, серия А, т. I, 1957, стр. 95—109; А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы..., стр. 131.

мужчин головой на восток получил распространение у всех восточнобалтийских племен. Поскольку у основной их части в течение всего I тысячелетия н. э. господствовало трупосожжение[62], нужно полагать, что обряд ориентировки умерших мужчин головой на восток, женщин — в обратном направлении соблюдался и в положении покойных на погребальный костер.

Восточную ориентировку погребенных в древнерусских курганах, следовательно, нужно рассматривать как наследие того погребального ритуала, который имел распространение в областях Верхнего Поднепровья, в Подвинье, на Верхней Волге, в бассейне р. Угры и в верховьях р. Москвы, когда эта территория была занята восточнобалтийскими племенами, родственными латгалам.

Возникает в таком случае вопрос, почему древнерусские курганы с трупоположениями, ориентированными головой на восток, получили распространение не на всей территории расселения восточных балтов. Почему такие курганы отсутствуют в центральных районах Смоленщины и Полоцкого Подвинья, заселенных в дославянский период восточнобалтийскими племенами? Объясняется это обстоятельство тем, что эти районы Верхнего Поднепровья и Подвинья являются районами ранней славянской колонизации. Длинные курганы кривичей появились здесь не позднее VII в.[63]. В отличие от псковской группы длинных курганов, расположенных вне древней балтийской территории, длинные курганы Смоленщины и Полотчины несут в себе явные следы славянобалтского контакта. Среди инвентаря смоленских и полоцких длинных курганов имеются предметы украшений восточнобалтийских (латгальских) типов, что является свидетельством начавшегося процесса славянизации этих областей Поднепровья и Подвинья. А к началу XI в., когда обряд трупосожжения сменился у кривичей обрядом погребения несожженных трупов, центральные районы Смоленской и Полоцкой земель оказались почти полностью славянизированными. Поэтому курганы XI—XIII вв. с восточной ориентировкой умерших отсутствуют на территории распространения длинных курганов. Курганы с трупоположениями, ориентированными головой на восток, известны только в тех областях Верхнего Поднепровья и Верхнего Поволжья, где славяне появились позднее, повидимому, только в IX—X вв. Поэтому славянизация балтийского населения затянулась в этих районах до XI—XII вв. Древнерусские курганы с восточной ориентировкой трупоположений и являются памятниками славянизированных балтов. Население, оставившее эти курганы, было смешано со славянами как территориально, так и в результате брачных связей. Поскольку в основной своей массе это население в XI—XII вв. жило в одних и тех же поселениях со славянами, оно, очевидно, говорило уже на славянском языке. Восприняв у славян язык, курганный погребальный обряд, это население сохранило еще отдельные восточнобалтийские элементы обрядности и некоторые типы украшений. Лишь кое-где, в тех местах, где все мужские захоронения строго выдерживают ориентировку на восток (например, Залахтовье и отдельные могильники Верхнего Поволжья), возможно, сохранилась балтийская речь.

Наличие в восточных областях древней балтийской территории немногочисленных женских курганных погребений, ориентированных головой на восток, по всей вероятности, является признаком того, что древние мифологические представления, связанные с противоположностью ориентировки мужских и женских захоронений, в XI—XII вв. стали забывать-

---

[62] Погребальные памятники восточнобалтийского населения Верхнего Поднепровья и соседних с ним областей пока не изучены. Единственный могильник третьей четверти I тысячелетия н. э. открыт Е. А. Шмидтом на Смоленщине, близ дер. Акатово. О распространенности обряда трупосожжения у балтийских племен Поднепровья, кроме того, свидетельствует наличие следов сожжения в единичных курганах XI в.

[63] В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1, стр. 59—61.

ся. Женские подкурганные погребения с восточной ориентировкой, очевидно, принадлежат тем же ассимилированным славянами балтам. В некоторых случаях такие погребения, возможно, принадлежат славянам, переселившимся в результате брачных связей в поселения славянизирующихся балтов. Об этом могут свидетельствовать единичные находки славянских височных украшений. Впрочем, не исключено, что эти украшения были заимствованы и неславянским (по происхождению) населением.

Курганы с восточной ориентировкой погребенных выявляют те области Восточной Европы, где в XI—XII вв. завершалась славянизация восточнобалтийского населения. Вместе с тем, безусловно, в XI—XII вв. еще имелись большие островки восточнобалтийского населения, не тронутого славянизацией. Памятником одного из таких балтийских островков, вероятно, является могильник люцинского типа, открытый на оз. Виделибья в б. Осташковском у. [64]. Наиболее крупный массив восточнобалтийского населения находился в восточной части Смоленской земли, в верховьях р. Протвы. Древнерусские летописи помещают здесь голядь [65]. Исследователи давно считают голядь балтийским племенем, хотя в вопросе о происхождении этого племени взгляды расходятся. В районе верхнего течения р. Протвы курганных могильников почти нет; по-видимому, в XI—XII вв. голядь еще сохраняла бескурганный обряд погребения. Картографирование топонимов, производных от названия этого племени, показывает, что почти все они расположены на территории расселения древних восточнобалтийских племен (рис. 3). Это, конечно, не значит, что голяди некогда принадлежала вся эта территория. Собственно голядь, по-видимому, занимала только восточные районы этой территории, остальные же области были заняты родственными восточнобалтийскими племенами, названия которых, так же как и летописные «летгола» и «зимегола», может быть, были связаны с этим термином [66].

---

[64] А. А. Спицын. Литовские древности. Tauta ir žodis. Humanitariniu Moksly Fakulteto leidinys, стр. 148.

[65] «Повесть временных лет», т. I, М.—Л., 1950, стр. 109 (под 1058 г.); Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 240 (под 1147 г.); ПСРЛ., т. IX, под 1147 г.

[66] Восточная ориентировка погребений известна также в ряде поволжско-финских могильников. Для финских племен она чужда. Связана ли эта ориентировка покойников в Поволжье с восточнобалтийским погребальным обрядом или же ее появление в среде финских племен Поволжья обусловлено иными факторами — это вопрос специального исследования.

Н. П. ЖУРЖАЛИНА

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРИВЕСКИ-АМУЛЕТЫ И ИХ ДАТИРОВКА

Важное значение славяно-русских курганных древностей X—XIII вв. для изучения социально-экономических отношений, культуры и быта русской деревни потребовало от исследователей тщательного источниковедческого анализа курганного материала, и в первую очередь уточнения его хронологии. Датировка курганных древностей ввиду отсутствия в большинстве погребений монет представляла значительные трудности Советскими археологами была разработана специальная методика датировки курганных древностей по совместной встречаемости отдельных типов вещей. Ориентиром при этом служат монеты или вещи, дата которых уже известна. Исследование деревенских курганов отдельных восточнославянских племен позволило установить даты целого ряда типов женских украшений: браслетов, височных колец, перстней, бус и т. п.[1]. Однако далеко не все категории украшений в равной степени подверглись хронологическому определению. Почти не изучалась с этой точки зрения одна из наиболее многочисленных категорий — так называемые привески, дающие особенно интересный материал для уточнения различных сторон жизни древнерусской деревни.

К категории привесок относятся разнообразные по форме металлические украшения, которые носили в составе ожерелья или на длинных шнурках и цепочках, прикрепленных к платью на груди или к поясу. Большинство привесок было не только украшениями, а имело определенное символическое значение и играло роль амулетов, оберегов, смысл которых поддается объяснению с помощью этнографических и фольклорных данных. По внешним очертаниям привески можно подразделить на разряды, объединяющие украшения, близкие по контурам: лунницы, монетообразные (гладкие и орнаментированные), круглые прорезные, круглые выпуклые, зооморфные (плоские и полые), привески, изображающие миниатюрные предметы быта (ножи, ложки, ключи, гребни, топорики и т. п.); бубенчики, кресты, образки, шумящие привески, игольники, трефовидные, ромбовидные решетчатые, криновидные, копьевидные, биэллиптические, петлистые, язычковые, когти и зубы животных, раковины Каури и др. Материалом для их изготовления служили серебро, бронза, медь, биллон и др. По технике исполнения они подразделяются на литые, штампованные и штампованно-филигранные. В пределах указанных выше разрядов намечается около 200 различных типов привесок, выделенных на основании признаков, особых для каждого разряда. Так, например, круглые прорезные подразделяются на типы по характеру прорези; монетообразные — на основании орнамента, лунницы — в зависимости от отношения длины средней горизонтальной линии лунницы к расстоянию между рожками и т. д.

Богатство форм, разнообразие орнамента, технических приемов изготовления и широкое распространение привесок-амулетов давно привлек-

[1] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930; Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы сэкцыі археолёгіі Інстытута гісторыі Беларускай Акад. навук, т. III, Менск, 1932, стр. 81—151; П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931.

ли внимание исследователей. Наряду с другими металлическими украшениями привески являются важным источником по истории древнерусского прикладного искусства и народной идеологии [2]. Они также широко использовались для изучения деревенского ремесла и торговли [3].

Интересный материал дают привески для определения этнографических особенностей одежды отдельных групп восточного славянства. Большинство исследователей, изучавших восточнославянские племена по археологическим данным, в качестве отличительных признаков племенных групп называют височные кольца, бусы, браслеты, перстни, гривны. В меньшей степени для этой цели использовались привески. Однако их картографирование позволяет выявить как типы, общие для всех восточных славян, так и типы, характерные для определенного племени, а также проследить взаимные связи восточных славян между собой и с соседями.

Картографирование отдельных типов привесок показывает, что одни из них имеют замкнутые области распространения и в погребениях сопровождаются характерными для того или иного племени типами украшений. Они, как правило, не встречаются у других племен и бытуют в течение нескольких столетий, свидетельствуя об устойчивости этнографических особенностей женского убора. Так, для вятичей характерны монетообразные гладкие привески; для новгородских славян — косо- и пряморешетчатые круглые привески, круглые бубенчики с проволочным поясом, плоские прорезные коньки и трапециевидные пластинчатые привески; для владимирских кривичей — ложнопроволочные зооморфные привески; плоские сплошные изображения петушков и курочек с шумящими подвесками-лапками характерны для костромских кривичей; племенными признаками радимичей являются, по Б. А. Рыбакову, биэллиптические, гроздевые, язычковые и петлистые привески; для северян характерны маленькие двустворчатые бубенчики и т. п.

Другие типы привесок имеют очень широкую область распространения. Они не считаются с племенными границами и широко разбросаны по территории Восточной Европы, встречаясь и у соседей восточных славян. Это прежде всего лунницы — типичное украшение русских славянок, а также кресты и другие подвески, связанные с языческим культом древних славян [4]. Затем следует назвать также имеющую отношение к религиозным представлениям и известную почти всем восточным славянам привеску — так называемый обычный конек. К общим для восточных славян типам следует отнести и наборы амулетов, представляющих миниатюрные изображения предметов быта. Любимым украшением были бубенчики.

Картографирование привесок позволяет проследить взаимные связи восточнославянских племенных групп. Наличие или отсутствие шумящих украшений делит русских славян на две большие группы. В первую входят новгородские славяне, тверские, владимирские и костромские кривичи. Во вторую — смоленские кривичи, вятичи, радимичи, северяне. Шумящие привески, находимые в курганах новгородских словен, твер-

[2] Б. А. Рыбаков. Искусство древних славян. История русского искусства. Под ред. И. Э. Грабаря, т. I, М., 1953, стр. 39—94; его же. Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI веков и южнорусских княжеств XII—XIII веков. Там же, стр. 233—297; его же. Прикладное искусство Владимиро-Суздальской Руси. Там же, стр. 505—522; его же. Прикладное искусство и скульптура. История культуры древней Руси, т. II, гл. X, М.—Л., 1951; его же. Древние элементы в русском народном творчестве (женское божество и всадник). СЭ, 1948, № 1; Д. П. Анучин. О культуре костромских курганов и особенно находимых в них украшениях и религиозных символах. МАВГ, т. III, М., 1899, стр. 237—259; А. Савельев. Заметка о символических вещах, находимых в древних могилах. СПб., 1880; А. С. Уваров. Поясные украшения в курганах мерян. Сборник мелких трудов А. С. Уварова, т. 2. М., 1910, стр. 89—93.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948; его же. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XII вв. Уч. зап. МГУ, вып. 93, М., 1946, стр. 68—112.

[4] В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси. СА. 1960, № 4, стр. 57.

Таблица 1

Нумерация в соответствии с рис. 1	Наименование привесок	Кол-во погребений и кладов	Кол-во экземпляров	В погребениях и кладах с монетами			В трупосожжении	В погребениях с вещами					Дата по А. А. Спицыну и др.	Дата автора
				X в.	XI в.	XV в.		X—XI вв.	XI—XII вв.	XII в.	XIII в.	XIII—XIV вв.		
	Лунницы широкорогие													
1	штампованно-филигранные	12 (?)	45	2	1		+*							X—XI вв.
13	литые с псевдозернью	40	60	1	1				+	+				XI—нач. XII в.
	Монетообразные													
20	гладкие	32	164							8	7	1		XII—XIV вв.
4	с человеком между драконами	3	3	1			1							X в. (?)
3	с птицей перед веткой	3	14	1									После X в. (по Т. Арне)	X—XI в. (?)
	Круглые прорезные													
2	«гнездовского» типа	8	13 (?)		2		2							X—XI вв.
6	луннично-прорезные	8	19				1		2					X—XII вв.
28	луннично-включенные		6									2		XIII—XIV вв.
19	луннично-включенные с крестиком	6	28						1	1				XII в. (?)
21	косорешетчатые	31	75							4	3	7	XII—XIII вв.	XII—XIV вв.
27	пряморешетчатые	3	7									3	XIII—XIVвв.	XIII—XIV вв.
24	трехволютовые	2	2								1			XIII в.
	Зооморфные													
8	конек «обычный»	41	52	2	5				15			1	XI в. (?)	XI—перв. пол. XII в.
18	конек прорезной с разинутой пастью	10	12							6			XI—XII вв.	XII в.
17	конек прорезной с закрытой пастью	4								1			XII в. (?)	XII в.
16	водоплавающие птицы прорезные	20			2				+	+	1		XII в.	XI—XII вв.

Таблица 1 (продолжение)

Нумерация в соответствии с рис. 1	Наименование привесок	Кол-во погребений и кладов	Кол-во экземпляров	В погребениях и кладах с монетами			В трупосожжении	В погребениях с вещами					Дата по А. А. Спицыну и др.	Дата автора
				X в.	XI в.	XV в.		X—XI вв.	XI—XII вв.	XII в.	XIII в.	XIII—XIV вв.		
26	плоские сплошные с шумящими подвесками	+											XIII в. (по П. Н. Третьякову)	XIII в.
29	полые с шумящими подвесками	43	54								1	21	XI—XII, XIII вв.	XIII—XIV вв.
9	Наборы амулетов	50		4	4				12					XI—нач.XII в.
	Бубенчики													
7	грушевидные с нарезкой	50		10	12			+	20	7		1	XI—XII вв.	конец X—нач.XII в.
30	грушевидные без нарезки	20					1					3	XIII—XV вв.	XIII—XIV вв.
22	шарообразные с нарезкой	87	200							17	12	9	XIII—перв. пол.XIV в.	XII—XIV вв.
31	шарообразные с проволочным пояском	28				1							XIV в.	XIII—XIV вв.
25	двустворчатые	13 (?)						+						X—XI вв.
	Крестики													
10	«скандинавские»	20	40		2		1		7	1			XI—XII вв.	X—нач.XII в.
11	трехлопастноконечные	8											XI—XIII вв.	X—XII вв. (?)
12	овальноконечные	4		1	1								XI—XIII вв.(по Б. А. Рыбакову)	
	Шумящие													
14	трапециевидные пластинчатые	35		1	6				7	4		1	XI—XII вв.	X—XII вв.
15	ложнопроволочные треугольные	16	42		3					14			Втор. пол. XII в. (по П. Н. Третьякову)	X—XII вв.
	Разные													
23	трефовидные	4	10							1	1			XII—XIV вв.
27	ромбовидные решетчатые	2	6									1		XIII в.

* Примечание. Знаком + отмечены привески, количество которых подсчитать не удалось.

ских, владимирских и костромских кривичей, сближают эти племена между собой и с пограничными угро-финскими племенами. Различные типы шумящих привесок имеют различные географические ареалы и намечают взаимосвязи племенных групп. Так, треугольные шумящие привески, характерные для костромских и владимирских кривичей и встречающиеся у тверских, ни разу не найдены у словен. Полые зооморфные, с шумящими подвесками, обычные для костромских кривичей и словен, представляют собой исключение у владимирских кривичей.

Отсутствие шумящих подвесок у смоленских кривичей, вятичей, северян, радимичей свидетельствует о культурной разобщенности их с угро-финскими племенами и о большей чистоте их состава по сравнению с северными и северо-восточными славянскими племенами. Вятичей, северян и радимичей сближает также и отсутствие у тех и других зооморфных подвесок (кроме обычных коньков), меньшее, чем у кривичей и новгородцев, разнообразие прочих привесок. Одинаковые формы привесок, в том числе косорешетчатые круглые, плоские прорезные коньки и утки, обилие полых зооморфных, вертикальных игольников и др., сближают новгородских словен и костромских кривичей. Общие типы привесок указывают на связи смоленских и владимирских кривичей — во владимирских курганах найдены характерные для смоленщины круглые прорезные привески так называемого «гнездовского типа», круглые луннично-прорезные, монетообразные с трехлистником, филигранные монетообразные с волютовым орнаментом.

Находки в деревенских курганах привесок, известных по богатым княжеским кладам, и многочисленных имитаций городских привесок свидетельствуют об усиливающемся разложении сельской общины.

Широкие возможности использования указанной категории украшений в качестве исторического источника, естественно, требуют уточнения ее хронологии. Даты ряда привесок были в свое время намечены А. А. Спицыным [5]. Однако отсутствие аргументации в датировках А. А. Спицына вызывает необходимость их проверки и обоснования. В настоящей статье мы попытались установить даты отдельных типов привесок путем анализа погребальных комплексов, в которых они встречаются. Этот анализ в ряде случаев подтверждает выводы А. А. Спицына или уточняет их. Далеко не все известные нам привески поддаются датировке. Некоторые из них редко встречаются, другие найдены в погребениях, даты которых установить не удалось.

Прежде чем приступить к анализу погребальных комплексов, мы классифицировали привески.

Чтобы определить время распространения того или иного типа привесок, мы проследили, с какими вещами в погребениях они встречаются (см. табл. 1) [6]. Выяснилось, что ряд типов встречается с монетами X—XI вв. и сопровождается в погребениях ранними вещами. С монетами X—XI вв. встречаются: бубенчики грушевидной формы, обычный плоский конек, привеска-заяц, миниатюрные изображения предметов быта, «скандинавские» крестики, трехлопастноконечные и овальноконечные крестики с эмалью, штампованно-филигранные серебряные и литые ложнозерненные широкорогие лунницы, трапециевидные привески, штампованные монетообразные привески с крестом, биэллиптические привески, монетообразные с изображением одноглавой птицы перед веткой, монетообразные с филигранным веточно-спиральным орнаментом, круглые прорезные привески так называемого «гнездовского типа», шумящие треугольные привески и плоские прорезные фигурки водоплавающих птиц.

[5] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, СПб., 1896; его же. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, СПб., 1903.

[6] Места находок даются в настоящей статье по дореволюционному административному делению.

Особенно часто (22 раза) с монетами X—XI вв. встречаются бубенчики, которые А. А. Спицын называет херсонесскими (рис. 1, 7). Это бубенчики грушевидной формы с коническим верхом и заостренной, украшенной нарезкой нижней частью и крестовидной прорезью. Бубенчики грушевидной формы известны нам более чем из 50 погребений различных районов России. В 6 из 24 погребений Петербургской губ. они сопровождаются монетами [7]. С монетами X в. они найдены также в кург. № 4 у дер. Дуденева, Тверского у. [8]; в кург. №№ 24 (1) и 29 (6) пог. Сарагожа, Весьегонского у. [9]; в кург. №№ 18, 28, 30 у дер. Паново, Гжатского у., Смоленской губ. [10]; в кург. № 7 у дер. Славены, Полоцкой обл. [11]. С монетами XI в.— в кург. № 3 у с. Воздвиженье [12] и в с. Владимирское, Ярославской губ.; в кург. № 4 у дер. Избережье, Тверского у.; в кург. № 15 у дер. Загорье, Корчевского у., и кург. № 6, 11 у дер. Федово, Вышневолоцкого у., Тверской губ. [13]; в кург. № 5 у дер. Нестерово, Углицкого у., Ярославской губ. [14]; в кург. № 2 у дер. Вахрушевой и в кург. № 2 около сел. Щуковщина в Южном Приладожье [15]. Итак, бубенчики грушевидной формы найдены с монетами X в. десять раз и с монетами XI в.— 12 раз. Необходимо заметить, что монеты X в. в большинстве своем относятся ко второй половине и концу X в. и часто употреблялись уже в качестве привесок. Почти всегда эти бубенчики сопровождаются другими ранними вещами: стеклянными позолоченными и посеребренными бочкообразными бусами, которые особенно часто встречаются с монетами XI в. и бытуют в продолжении XI и в начале XII в. В одном из погребений Южного Приладожья два бубенчика грушевидной формы были прикреплены на длинных кольчатых цепочках к трехлопастной фибуле, датируемой Т. Арне XI в. [16]. Узкие массивные браслеты с сильно выпуклой внешней частью, сопровождающие наши бубенчики в курганах Петербургской губ., встречаются с монетами X—XI вв. [17]. Вместе с бубенчиками находят ранние пластинчатые и витые браслеты с завязанными концами, пластинчатые тупоконечные браслеты. В вятических и пограничных с ними кривических курганах бубенчики грушевидной формы встречаются очень редко, только в погребениях I стадии (по А. В. Арциховскому), и с вещами, которые у других племен обнаружены с монетами X—XI вв. [18]. В курганах Верхней Волги бубенчики грушевидной формы най-

---

[7] В дер. Мыза Верхоляны, кург. № 379 (15) и погост Ольгин Крест, кург. № 12 (7)— с монетами-подвесками X в.; с монетами XI в. — в дер. Калихновщина, кург. № 321 (53), 338 (?), в дер Патреева Гора, кург. № 100, в дер. Куклина Гора, кург. № 89(1). См. А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., стр. 23, табл. XI, *11*; его же. Гдовские курганы, табл. XX, 4, *10*, табл. XXI, *3, 6, 7, 10;* табл. XXIII, *18*.

[8] А. А. Спицын. Раскопки близ. дер. Дуденевой Тверского уезда, ИАК, вып. 6, СПб., 1904, стр. 6—11.

[9] Отчет о раскопках Н. И. Репникова в Бежецком, Весьегонском и Демянском у. в 1902 г. ИАК, вып. 6, СПб., 1904, стр. 16—17.

[10] А. А. Спицын. Отчет о раскопках С. А. Гатцука 1904 г. в Смоленской, Московской и Тульской губ. ЗОРСА, т. VII, вып. 1, СПб., 1905, стр. 107—138.

[11] І. А. Сербаў. Археолёгічныя помнікі Умацкага раёну, Полацкае акруге. Працы.... т. II, Менск, 1930, стр. 205—206, табл. II, *11*.

[12] Сб. «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 80, табл. XII, *18*.

[13] Т. Н. Никольская. Курганы верхней Волги X—XIII вв. Приложение, стр. 169—192, б. м./г. (Рукопись хранится в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина под № 96247-48.)

[14] Отчет Н. Е. Макаренко о раскопках, произведенных в 1902 г. в Ярославской и Тверской губерниях. ИАК, вып. 6, СПб., 1904, стр. 23.

[15] Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895. Приложение № CXVII, 2 и LIV, 2, стр. 111, 130, табл. I, *4, 1*.

[16] T. Arne. La Suède et L'Orient. Uppsalla, 1914, стр. 30, рис. 10.

[17] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ..., табл. IV, *17*.

[18] Кург. № 27, дер. Войлово; кург. № 56, дер. Колчино, Жиздринского у.; кург. № 1 с Никольское. Московского у.; кург. №№ 11, 12, дер. Савино, кург. № 10, дер. Шишиморово, Рузского у.; кург. № 9, дер. Трашковичи Мосальского у. (см. А. В. Арциховский. Ук. соч. Приложение, стр. 165—197).

Рис. 1. Древнерусские привески

X-XI вв.: *1* — лунница широкорогая штампованно-филигранная; *2* — привеска «гнездовского» типа; *3* — монетообразная, с птицей перед веткой; *4* — монетообразная, с халифом Алнассиром между драконами; *5* — двустворчатый бубенчик; *6* — луннично-прорезная;
конец X — начало XII в.: *7* — бубенчик грушевидный с нарезкой; *10* — «скандинавский» крестик; *11* — трехлопастноконечный крестик; *12* — овальноконечный крестик;
XI — первая половина XII в.: *8* — «обычный» конек; *9* — наборы амулетов;
XI—XII вв.: *13* — лунница литая широкорогая; *14* — трапециевидные; *15* — треугольные ложнопроволочные с шумящими подвесками; *16* — водоплавающие птицы прорезные;
XII в.: *17, 18* — плоские прорезные коньки; *19* — круглая луннично-включенная с крестиком;
XII—XIV вв.: *20* — монетообразная гладкая; *21* —круглая косорешетчатая; *22* — бубенчик шарообразный с нарезкой; *23* — трефовидная;
XIII в.: *24* — круглая трехволютовая; *25* — ромбовидная решетчатая; *26* — зооморфная сплошная с шумящими подвесками;
XIII—XIV вв.: *27* — круглая пряморешетчатая; *28* — круглая луннично-включенная; *29* — полые зооморфные; *30* — бубенчик грушевидный без нарезки; *31* — бубенчик с проволочным пояском.

дены исключительно в погребениях I стадии, датируемой Т. Н. Никольской X — началом XII в. [19]. Два экземпляра бубенчиков этого типа, известные из костромских курганов, происходят из одного раннего погребения. Грушевидные бубенчики с крестообразной прорезью, найденные на Неревском конце в Новгороде, датируются X—XI вв. [20].

Лишь один раз, в погребении № 55(23) у дер. Большие поля, Гдовского у. [21], эти бубенчики найдены с витыми тройными и четверными браслетами.

Бубенчики грушевидной формы с крестовидной прорезью и насечкой по нижней части являются самыми ранними из известных нам бубенчиков русских славян. Они появляются в конце X в., но наиболее характерны для XI в. В XII в. они уже редки, А. А. Спицын датировал их XI—XII вв.

Восемь раз с монетами X—XI вв. найден так называемый обычный конек (рис. 1, *8*) [22]. Всякому занимающемуся восточнославянскими древностями хорошо знакома эта небольшая привеска всегда одной и той же стандартной формы, встречающаяся в погребениях почти всех племен. Эту привеску называли иногда собачкой или барсом, что, однако, не соответствует ее облику. Тело конька украшено кружками с точкой. На голове — стилизованные уши или реже — колечко. Иногда на концах ног имеются отверстия, в которые продевались подвески в виде бубенчика или когтя животного. Чаще всего конек встречался в составе набора, состоящего из бубенчиков грушевидной формы с нарезкой, ложечки, ключа и гребня. Привески, входившие в набор, как и конек, настолько стандартны в различных районах России, что предполагают существование единого центра их изготовления — в Смоленске или поблизости от него [23]. Мне известно свыше 50 экз. привесок этого типа из 41 погребения различных районов России [24]. 1 экз. такого конька хранится в музее г. Риги,

[19] Кург. №№ 5, 7, дер. Вороново, кург. №№ 6, 14, 37, дер. Жуково, кург. № 9, дер. Кирьяново, Углицкого у.; кург. №№ 3 и 27, дер. Елизарово, Волоколамского у.; кург. №№ 7 и 32, дер. Загорье, Корчевского у.; кург. № 3, дер. Избережье, Тверского у.; кург. № 4, дер. Кузнецовка, кург. № 2, дер. Федово, Вышневолоцкого у., и др. (см. Т. Н. Никольская. Ук. соч. Приложение, стр. 169—192).

[20] Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 92—111.

[21] А. А. Спицын. Гдовские курганы..., стр. 17.

[22] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. XIV, *18*.

[23] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 458.

[24] А. Ляўданскі. Археалёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. Працы..., т. III, Менск, 1932, стр. 5—67, табл. VI, *3*; XVII, *10*; XIX, *5*; Н. І. Савін. Раскопкі курганоў у Дарагобускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ. Працы..., т. II, Менск, 1930, стр. 219—252, табл. IV, *1*, *12*; Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XXVIII, *9*; XXXII, *14*; его же. Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913, табл. VI, *5*; В. М. Чебышев. Раскопки курганов Смоленской губ. Дорогобужского у. летом 1879 г. Антропологическая выставка Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. IV, ч. 1, М., 1886, стр. 67—70; ОАК за 1892 г., СПб., 1894, стр. 48; Отчет о раскопках Н. И. Репникова в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г., стр. 12—20.

1 — в Тарту. Аналогичный конек имеется в Государственном музее Стокгольма из находок в Швеции [25].

Анализ погребальных комплексов с коньками показывает, что в двух случаях они найдены с монетами X в. и в пяти случаях — с монетами XI в. Этот конек везде сопровождается ранними вещами: стеклянными бочкообразными позолоченными и посеребренными бусами, пластинчатыми тупоконечными браслетами, узкими массивными браслетами с выпуклой внешней частью, бубенчиками грушевидной формы.

Все названные вещи встречаются с монетами XI в. чаще, чем с монетами X в. В Рославльском у. Смоленской губ. коньки известны из курганов, датируемых А. Лявданским XI — началом XII в. Три конька из курганов Южной Белоруссии найдены в погребениях конца X — середины XII в. [26]. Один экземпляр обычного конька из Новгорода происходит из слоя начала XI в. [27]. Лишь один конек из 52 известных нам найден в погребении, датируемом витым четверным браслетом XIII—XIV вв. [28]. Но этот единичный факт не меняет общей картины, позволяющей датировать конек XI — первой половиной XII в. Не случайно этот конек совершенно отсутствует в более поздних костромских курганах, первую группу которых П. Н. Третьяков относит ко второй половине XII в.

К раннему времени относятся также привески, изображающие миниатюрные предметы быта: ложки, ковшики, ключи, ножички, гребни, топорики (рис. 1, *9*). Ложечки бывают круглой и продолговатой формы. Круглые ложечки с прямой или фигурной ручкой известны большинству русских славян. В наборе их бывает от 1 до 3 экз. Они известны из 30 пунктов различных областей России [29] (кроме костромских курганов).

табл. III, *23*; А. А. Спицын. Отчет о раскопках С. А. Гатцука 1904 г..., стр. 107—138 (в кург. № 28, дер. Паново, Гжатского у., Смоленской губ., конек найден с монетой X в.); его же. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. XIV, *18*; его же. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 84—172, рис. 260; Т. Н. Никольская. Ук. соч. Приложение, стр. 191 (в кург. № 5, дер. Федово, Вышневолоцкого у., Тверской губ.; с монетой X в.); коллекции кабинета археологии Истфака МГУ (раскопки А. В. Арциховского в 1946 г. в с. Беседы, Московской обл.); И. Г. Данилов. Раскопки курганов в Гдовском у., Новгородской губ. Сборник Археологического института. СПб., 1880, кн. 3, стр. 20—41, табл. 1, *18*; Н. К. Рерих. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежицкого конца. СПб., 1899, стр. 18 (с монетой-привеской XI в.; в кург. № 47, дер. Каменка, Порховского у.); Сб. «Археологические исследования...», стр. 14, 80, табл. XII, *15* (кург. № 5 у с. Челмужи, Карельской АССР, кург. № 3 у с. Воздвиженье, Ярославской обл.— с монетами XI в.); А. А. Спицын. Гдовские курганы..., стр. 103 (с монетами XI в.— в кург. № 338 (70), дер. Калихновщина); Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., рис. 14 (с монетами XI в.— в с. Щуковщина; см. Приложение, стр. 111, № LIV, 2); Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, табл. VI, *10*; Древности северо-западного края. Люцинский могильник. МАР, № 14, СПб., 1893, табл. I, *4*; Я. В. Станкевич. Курганы юго-восточного Приладожья и Карело-Финской ССР. Археологический сборник научно-исследовательского института Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1947, рис. 9; J. R. Aspelin. Antiquités du nord Finno-Ougrien, вып. I—V, Helsingfors. 1877—1880. рис. 642.

[25] E. Manker. Lapparnas heliga ställen. Uppsala, 1957, рис. 14.

[26] А. В. Успенская. Курганы Южной Белоруссии. Археологический сборник. Тр. ГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 122 (курганы Устюж 70, Вирков 104, 107).

[27] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. Тр. Новгородской археологической экспедиции, т. II, МИА, № 65, 1959, стр. 223—261, рис. 2, *8*.

[28] Дер. Савиновщина, кург. 112/15. См. А. А. Спицын. Гдовские курганы..., стр. 79.

[29] А. А. Спицын. Отчет о раскопках С. А. Гатцука 1904 г., стр. 117, рис. 69; его же. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. XV, *14*; его же. Владимирские курганы..., рис. 400; А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 142; Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, табл. VI, *32*; сб. «Археологические исследования...», стр. 15, табл. IV, *6*, стр. 79, табл. XII, *17*; В. Н. Глазов. Отчет о раскопках, произведенных в Псковской губернии в 1899, 1901 и 1902 гг. СПб., 1903, табл. XXI, *11*; Н. И. Булычов. Раскопки по среднему течению р. Угры, табл. V, *16*; его же. Журнал раскопок..., табл. XXVI, *2*, XXX, *13*; С. К. Богоявленский и Ю. В. Готье. Отчет о раскопках Елизаровского могильника Волоколамского у., Московской губ., 1900 г. Древности, т. XIX, вып. II, М., 1901, стр. 60; А. Колмогоров. Тихвинские курганы. М., 1913, стр. 17; В. А. Падин. Материалы из раскопок Кветунских курганов X—XIII в. СА, 1958, № 2, стр. 218—226, рис. 3, *1*.

Продолговатые ложечки известны из двух погребений — Псковской и Петербургской губ.[30]. Ковшиков известно 3 экз.[31]. Ножички древнего типа также найдены трижды. Гребни известны из семи пунктов[32]. Ключики бывают двух форм — в виде обычного дверного ключа и в виде гаечного. Миниатюрные топорики-привески встречаются в различных областях России. Топорик-привеска найден М. И. Артамоновым на территории Ростовской области, близ ст. Цимлянской на Дону, в могильнике, датируемом XI—XII вв. Подобные топорики известны также в древностях Швеции и Дании[33], изредка встречаются в Финляндии[34].

Привески, изображающие миниатюрные предметы быта, носили на длинных цепочках или на привеске арочной формы. Иногда к ним бывают присоединены также амулеты из когтей и зубов животных.

Привески в виде миниатюрных предметов быта четыре раза найдены с монетами-подвесками X в.[35] и четыре раза — с монетами XI в.[36]. Ковшики и ложечки найдены в курганах, датируемых А. В. Арциховским I вятической стадией[37]. Думаю более правильно датировать привески этого типа концом X — началом XII в., судя по совместным находкам с бубенчиками херсонесского типа и сердоликовыми призматическими бусами, которые, по наблюдениям А. В. Арциховского, дважды найдены с монетами X в. и один раз — с монетами XI в. Привесок этого типа нет в костромских курганах. В древнем Новгороде привески-амулеты найдены в слое XII в.[38].

В X в. в древнерусских курганах появляются крестики так называемого скандинавского типа. Они плоские, равносторонние (рис. 1, *10*); концы перекладин украшены тремя дискообразными выпуклостями, средокрестие — рельефно отлитыми концентрическими кругами. Крестики аналогичной формы, но меньшего размера имеют в средокрестии украшение в виде ромба, углы которого вытянуты длинными петлями вдоль перекладин креста и снабжены перехватами. Иногда по ободку креста идет кайма из крупных кружков. Кресты этого типа были названы А. А. Спицыным скандинавскими на основании частых находок их в Швеции и исключительно редких находок в киевских древностях. Анализ курганных инвентарей опровергает мнение А. А. Спицына. Крестики так называемого скандинавского типа были широко известны в России[39].

---

[30] В. Н. Глазов. Ук. соч., табл. XXI, *11*; А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. VII, *15*.

[31] Отчет о раскопках Н. И. Репникова в Бежецком, Весьегонском и Демянском у. в 1901 г., табл. III, *9*, стр. 16.

[32] Н. И. Булычов. Раскопки по среднему течению р. Угры..., табл. V, *10*; VI, *9*; его же. Журнал раскопок..., табл. XXIV, *11*; Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, табл. VI, *11*, *12*; Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском у. СПб. губ. К. Кудряшова. ЗОРСА, т. IX, СПб., 1913, стр. 241—264, рис. 27, *4*.

[33] T. Arne. Ук. соч., рис. 362.

[34] E. Kivikoski. Die Eisenzeit im Aurajlussgebiet, Helsinkfors, 1939, рис. 26.

[35] Кург. № 24, погост Сарагожа, Тверской губ. (см. Отчет о раскопках Н. И. Репникова..., стр. 16), кург. №№ 2, 18, дер. Паново, Гжатского у. (см. А. А. Спицын. Отчет о раскопках С. А. Гатцука в 1904 г...); кург. № 17, дер. Залахтовье (см. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском у. СПб. губ. К. Кудряшова..., стр. 257—258).

[36] Кург. № 47, дер. Каменка, Порховского у. (см. Н. К. Рерих. Ук. соч., стр. 18); кург. № 5 у д. Челмужи (см. Г. П. Гроздилов. Курганы у деревни Челмужи. Археологический сборник Научно-исслед. института Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1947, стр. 111—114); кург. № 3 у с. Воздвиженье, Ярославской обл. (см. сб. «Археологические исследования...», стр. 80); кург. № 1, дер. Заозерье (см. W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und Ladogagebiet. Stockholm, 1930, стр. 40—42, рис. 22, 24).

[37] Дер. Бочарово, кург. № 5, 9; дер. Шишморово, кург. № 10 (см. А. В. Арциховский. Ук. соч. Приложение, стр. 168, 195).

[38] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 229, рис. 2, *11*, *12*.

[39] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. V, *7*, *12*; А. Ляўданскі. Ук. соч., табл. VII, *8*, *9*, *11—13*; Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, табл. VI, *18*; А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 210, 211; П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 20; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. 1—2,

Так, небольшие крестики этого типа были наиболее распространены у радимичей. Особенно многочисленны они в курганах Рославльского у. Смоленской губ., где найдено 26 экз. [40]. Подобные крестики известны в древностях Камской Чуди [41], в Латвии, Карелии [42] и Швеции [43]. О восточном происхождении крестиков «скандинавского» типа, основываясь на их широком распространении в России и находке сходного экземпляра в Боснии, писала Е. Кивикоски [44]. Появившись в X в. (во Владимирской губ. они известны в курганах с сожжением X в.) [45], «скандинавские» крестики идут и дальше — в XI—XII вв. В кург. № 100 у дер. Патреева гора, Петербургской губ. [46], подобный крестик найден с монетой XI в. С монетой второй половины XI в. крестик этого типа найден в могиле № 1 около дер. Алеховщина [47]. У радимичей они известны из погребений, датируемых Б. А. Рыбаковым XI—XII вв. Они встречены в сопровождении плетеных и витых завязанных браслетов и стеклянных позолоченных бус. Е. Кивикоски датировала их XI—XIII вв., А. А. Спицын — XI—XII вв.

Любимейшим видом крестиков с эмалью в России А. А. Спицын называет трехлопастноконечный бронзовый крестик, украшенный выемчатой желтой эмалью (рис. 1, *11*) [48]. В дер. Новая, в Южном Приладожье, этот крестик найден с монетами XI в. [49]. Помимо курганов, трехлопастноконечные крестики известны с городища Старой Рязани [50] и сельских поселений Смоленской обл. [51]. Аналогичные крестики имеются в древностях Камской Чуди [52]. А. А. Спицын датировал эти крестики XI—XIII вв.

Из других типов крестиков с эмалью, относящихся к раннему времени, назовем овальноконечные крестики с желтой эмалью (рис. 1, *12*). Золотой крестик этого типа найден в одном радимическом кургане с монетой первой половины X в. [53]. Другие крестики этого типа — бронзовые. Мне известны подобные крестики из с. Песочня (№ 131) Осташевского у., Тверской губ., из Костромской губ. и Киева. По совокупности вещей, сопровождающих крестик этого типа, Б. А. Рыбаков датирует его XI—XII вв. [54].

Рано появляются в славянских древностях лунницы. Наряду с височными кольцами, гривнами и витыми браслетами, лунницы являются общеславянским украшением [55]. Кроме России, они известны в Чехии, Югославии и других странах. Особенно типичны лунницы для восточных

Киев, 1899—1900, табл. II, *43*; П. Е. Еременко. Радимические курганы, ЗОРСА, т. VIII, вып. 1—2, стр. 62—102, табл. III, *6*, *13*.

[40] А. Ляўданскі. Ук. соч. (курганные группы №№ 24, 27, 28).

[41] А. А. Спицын. Древности Камской Чуди. МАР, № 26, СПб., 1902, табл. VIII, *8*.

[42] E. Kivikoski. Ук. соч., стр. 166—167, табл. XXXIII, *2*, *5*.

[43] J. Baye. La Necropole d'Habblingö (Gotland). Bruxelles, 1890, рис. 5; Т. Арне. Ук. соч., стр. 208, рис. 348.

[44] E. Kivikoski. Ук. соч., стр. 167.

[45] А. А. Спицын. Владимирские курганы..., стр. 117, рис. 212.

[46] А. А. Спицын. Гдовские курганы..., стр. 76—77.

[47] W. J. Raudonikas. Ук. соч., рис. 61.

[48] А. А. Спицын. Гдовские курганы..., табл. XXIV, *4*; его же. Владимирские курганы..., рис. 206; Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губ. МАВГ, т. III, табл. 6, *3*; Н. І. Савін. Ук. соч., табл. II, *16*; А. А. Бобринский. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губ. в 1909 г. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 57, рис. 24; Б. И. и В. Н. Ханенко. Ук. соч., табл. XII, *137*; Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 104, табл. VII, *4*.

[49] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч. Приложение, стр. 104, № XXIX, 2.

[50] Коллекции ГИМ (раскопки В. А. Городцова, 1926 г.).

[51] В. В. Седов. Археологические разведки древнерусской деревни в Смоленской обл. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 104—116, рис. 41, *3*.

[52] А. А. Спицын. Древности Камской Чуди, табл VIII, *11*.

[53] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы, табл. VI, *20*; П. Е. Еременко. Ук. соч., табл. III, *18*.

[54] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 459.

[55] А. В. Арциховский. Культурное единство славян в средние века. СЭ, 1946, № 1, стр. 88.

славян. Именно от них они попали в Волжскую Болгарию, откуда, как пишет А. П. Смирнов, они широко распространились по Прикамью и Поволжью [56]. Лунницы — наиболее обычная составная часть ожерелья, но, как исключение, они служили и подвесками к серьгам. В ожерелье их бывает от 1 до 13 экз. Основные формы лунниц, по классификации В. В. Гольмстен,— широкорогие и круторогие, различных размеров. По технике исполнения лунницы бывают штампованно-филигранные и литые. Самыми ранними в славянских древностях являются серебряные широкорогие штампованно-филигранные лунницы (рис. 1, *1*). Эти дорогие городские украшения, известные главным образом по богатым княжеским кладам, лишь изредка встречаются в деревенских курганах, преимущественно около больших городов. Они различаются по размеру (большие, малые и средние) и подробностям узора лицевой стороны. Мне известно 45 экз. лунниц этого типа [57]. Штампованно-филигранные лунницы известны из ранних курганов с трупосожжением IX—X вв. В Гнездовском кладе 1868 г. они найдены вместе с восемью саманидскими диргемами X в. [58]. В Гнездовском кладе 1885 г. подобные лунницы найдены с диргемами X—XI вв. [59]. В кург. № 43 (7) дер. Бор, Крестовского у., Новгородской губ. серебряная широкорогая лунница, покрытая зернью, найдена с шестью саманидскими брактеатами X в. [60]. В древнем Новгороде широкорогие лунницы обнаружены в слое X в. Аналогичные серебряные филигранные лунницы из Швеции датируются монетами первой половины XI в. [61]. Такие же лунницы найдены в Венгрии и Югославии (Белый Брод) в могилах XI в. [62]. Эти лунницы типичны для кладов серебряных вещей Восточной Германии, Галиции и Венгрии [63].

Для деревенских курганов, как сказано выше, наиболее характерны литые лунницы — круторогие и широкорогие. Литые лунницы, орнамент которых воспроизводит в литье зернь и скань, как правило, широкорогие (рис. 1, *12*). Орнамент круторогих лунниц своеобразен и аналогий среди штампованно-филигранных не имеет. Среди лунниц, подражающих филигранным, имеются типы, отчетливо воспроизводящие зернь (три крупных шарика посредине и по одному на концах поля) [64]. Наиболее часты лунницы с псевдозернью, поле которых покрыто рельефными линиями, превратившимися при литье в гладкие углы и полоски. Встречаются также широкорогие лунницы, имитирующие зерненные треугольники по краю. Широкорогие литые лунницы, особенно лунницы, поле которых покрыто гладкими рельефными углами и линиями, широко известны в смоленских, могилевских, калужских, курских, черниговских, витебских, владимирских, тверских, новгородских и других курганах [65]. Нам из-

---

[56] А. П. Смирнов. Волжские Булгары. М., 1951, стр. 160.

[57] В. В. Гольмстен. Лунницы Российского Исторического музея. М., 1914; А. С. Белогостицкий клад б. м/г, рис. 113; А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси. М.—Л., 1936, табл. IV, *3—5, 8—13*; Д. И. Прозоровский. Описание смоленского клада. СПб., 1870, табл. IV; Т. Арне. Ук. соч., рис. 87—89; А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 6—70, рис. 15; В. М. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, СПб., 1902, табл. IV, *6, 7*.

[58] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V, СПб., 1897, стр. 61—62, рис. 54, 56—58.

[59] Там же, стр. 64.

[60] Отчет В. Н. Глазова о поездке 1903 г. в Крестецкий у. Новгородской губ. ИАК, вып. 6, СПб., 1904, стр. 58.

[61] Т. Арне. Ук. соч., стр. 108—109.

[62] J. Hampel. Altertümer des frühen Mittellalters in Ungarn. Braunschweig, 1905, т. III, табл. 520, *2*.

[63] Т. Арне. Ук. соч., стр. 109; L. Niederle. Slovanské starožitnosti (Život starych slovanů) V. Praze, 1921, стр. 255—256.

[64] Н. І. Славін. Ук. соч., табл. II, *3*; ОАК за 1892 г. СПб., 1894, стр. 56—59.

[65] А. Ляўданскі. Ук. соч., табл. V, *6, 16, 19*; ОАК за 1892 г., стр. 58; А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 159; Н. И. Булычов. Журнал раскопок..., табл. XXI, *7*; его же. Раскопки по среднему течению р. Угры..., табл. II, *4*;

вестно более 60 экз. лунниц этого типа из 40 погребений. Два раза они найдены с монетами X и XI в. [66]. В погребениях кривичей и радимичей они сопровождаются бубенчиками грушевидной формы, позолоченными стеклянными бусами и плетеными браслетами с завязанными концами. В Петербургской губ. в трех из шести погребений они найдены вместе с витыми браслетами с обрубленными концами (XII в.). Литые широкорогие лунницы следует датировать XI — началом XII в., так как широко известные из ранних курганов радимичей, они редки у вятичей и совершенно отсутствуют в костромских курганах.

К ранним типам привесок относятся и так называемые трапециевидные пластинчатые привески, служившие украшением браслетообразных и ромбощитковых височных колец на северо-западной окраине новгородской земли (рис. 1, *14*) [67]. К височным кольцам трапециевидные привески привешивались на колечках в несколько рядов, образуя шумящие украшения. Трапециевидные привески бывают как гладкие, так и орнаментированные. Эти привески появляются еще в середине I тысячелетия н. э. в длинных курганах и на ранних городищах Смоленщины и Белоруссии. В отличие от более поздних трапециевидных привесок, образующих шумящее украшение, они носились по одной или нанизанными на округлую бляшку, но не подвешивались одна к другой. Трапециевидные привески известны из 35 погребений Петербургской губ., причем семь раз они встречаются с монетами X—XI вв. [68] (монет X в. две, обе относились ко второй половине века и служили привесками). Трапециевидные привески встречены в погребениях с бубенчиками херсонесского типа, браслетами пластинчатыми с завязанными концами; известно лишь четыре случая их находок с вещами XII в. и более позднего времени. Следует полагать, что трапециевидные привески появились в курганах Петербургской губ. в XI в. и продолжали бытовать в XII—XIII вв.

Три раза с монетами X—XI вв. найдены шумящие ложнопроволочные треугольные привески с подвесками-лапками (рис. 1, *15*). Их носили на груди. Иногда они бывают в погребении по две, по одной у каждого плеча. Обе привески соединялись длинной цепочкой. Они известны в древностях Владимирской, Тверской, Костромской и Ярославской губ. В с. Посад, Корчевского у., Тверской губ., треугольные ложнопроволочные привески найдены с монетами X — начала XI в. [69]. Этим временем датируется и курганная группа около пос. Плавь, Рыбинского района, Ярославской обл., с аналогичными привесками [70]. В. И. Равдоникас подобную привеску нашел в кургане № 3 у Видлиц с монетами XI в. [71]. В кургане 1507 во Владимирской губ. привеска-треугольник найдена при остатках сожжения среди вещей XI в. [72]. 38 экз. шумящих ложнопрово-

---

Н. І. Савін. Ук. соч., табл. II, *3*; А. А. Спицын. Радимические курганы. ЗРАО, т. VIII, вып. 1, 2, СПб., 1896, стр. 98; Б. А. Рыбакоў. Радзімічы..., табл. VI, *13*, *14*; Извлеченные из отчета проф. Л. Ю. Лазаревича-Шепиловича об исследованиях и раскопках, произведенных в 1901 г. в Витебской губ. ИАК, вып. 6, СПб., 1904, табл. II, *8*, *9*; В. В. Гольмстен. Ук. соч., стр. 8, 10, рис. 9, 10, 14, 15.

[66] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы..., стр. 103; А. А. Ляўданскі. Ук. соч., стр. 52.

[67] А. А. Спицын. Курганы в С.-Петербургской губернии..., табл. I, *14*; его же. Гдовские курганы..., табл. XX, *6*, *8*, *10*; И. Г. Данилов. Ук. соч., табл. I, *17*.

[68] Кург. № 379, мыза Верхоляны — с диргемами-подвесками X в.; кург. № 220 (2), дер. Павлов Погост — с монетами-подвесками конца X — начала XI в.; кург. № 330 (52), дер. Калихновщина и кург. № 100, дер. Патреева Гора — с монетами XI в. (см. А. А. Спицын. Гдовские курганы..., стр. 76, 90, 101, 108); кург. № 17, дер. Межно — с монетой X—XI вв. (см. А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ..., стр. 108); кург. № 47, дер. Каменка и кург. у дер. Поддубье — с монетами XI в. (см. Н. К. Рерих. Ук. соч., стр. 18).

[69] Т. Н. Никольская. Ук. соч., Приложение, стр. 169—192.

[70] Д. Эдинг. Сарское городище. Ростов. 1928, табл. III, *15*.

[71] В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье. М.— Л., 1934, стр. 14—15, табл. V, *12*.

[72] А. А. Спицын Владимирские курганы, стр. 103.

лочных треугольных привесок из костромских курганов П. Н. Третьяков относит к числу характерных предметов первой группы (вторая половина XII в.) [73].

А. А. Спицын относит эти и прочие ложнопроволочные шумящие привески, в том числе и зооморфные, характерные для Владимирских кривичей, к XI—XII вв.

X—XI вв. можно датировать круглые прорезные привески так называемого гнездовского типа и монетообразные с изображениями птицы перед веткой и человека между двумя птицами, которого Т. Арне [74] называет халифом Алнассиром между двумя драконами (рис. 1, *2—4*).

Привеска так называемого гнездовского типа представляет собой круглый прорезной медальон со стилизованным изображением зверя (дракона), опутанного плетением (рис. 1, *2*). Они входят в состав Гнездовского клада 1868 г. [75], имеются в инвентаре Гнездовских и других курганов Смоленщины [76], а также в курганах Владимирской [77] и Курской губ., 2 экз. подобных привесок опубликованы Н. И. Булычовым [78], 1 экз. известен из курганов Южного Приладожья [79]. Привески, найденные в курганах, отличаются от привесок Гнездовского клада меньшей тщательностью отделки и, кроме того, на некоторых экземплярах морда зверя повернута влево, тогда как на прототипе — вправо. Привески гнездовского типа известны в Финляндии, Швеции и Норвегии [80]. Основанием для их датировки служит наличие их в погребениях с трупосожжением X в. (в Смоленской и Владимирской губ.) и совместные находки с монетами X—XI вв. (Гнездовский клад и курганы Южного Приладожья). Экземпляры из Финляндии Е. Кивикоски датирует X в.

Монетообразная привеска с изображением птицы перед веткой (рис. 1, *3*) также найдена с монетами второй половины X в. [81]. 12 аналогичных привесок из белого металла известны из курганов Дорогобужского у., Смоленской губ., и 4 экз. с о. Бьорко [82].

Монетообразные привески с изображением халифа Алнассира известны из 1-й Седловской группы курганов около г. Чернигова и из Гнездовского клада 1868 г. [83]. Бронзовые привески с тем же орнаментом имеются во Владимирских курганах с сожжением X в. Т. Арне указывает две аналогичные привески из Швеции, подтверждающие дату [84].

С монетами XI в. встречаются биэллиптические привески, характерные для радимических курганов [85], и монетообразные штампованные привески с орнаментом в виде креста, нанесенного зубчатым штампом (кург. № 320, дер. Калихновщина, Петербургской губ.).

Дважды с монетами XI в. найдены пластинчатые прорезные привески в виде сильно стилизованных изображений водоплавающих птиц — гусей и уток (рис. 1, *16*). В деталях фигурки очень разнообразны. Их насчитывается не менее пяти типов. Все они имеют две ноги, сильно выпуклую

---

[73] П. Н. Третьяков. Ук. соч., рис. 19, 20.

[74] Т. Арне, доказывая восточное происхождение изображения, указывает на барельеф начала XIII в., украшающий «Врата талисмана» в Багдаде и представляющий халифа Алнассира между двумя драконами (см. Т. Арне. Ук. соч., стр. 165).

[75] Гнездовский клад 1868 г. б.м/г, табл. III, *12*; А. С. Гущин. Ук. соч., стр. 31, табл. III, *12*; И. Толстой и Н. Кондаков. Ук. соч., рис. 1.

[76] В. И. Сизов. Ук. соч., табл. IV, *2*; Н. І. Савін. Ук. соч., табл. II, *9*.

[77] А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 7, *13*.

[78] Н. И. Булычов. Раскопки по среднему течению р. Угры..., табл. I, *8*.

[79] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., рис. 13, табл. VII, *5*.

[80] E. Kivikoski. Ук. соч., табл. XXVIII, *5*, *6*.

[81] А. И. Черепнин. Коростовский клад. Рязань, 1895, стр. 51.

[82] ОАК за 1892 г., стр. 56—59, рис. 34; Т. Арне. Ук. соч., стр. 158.

[83] А. С. Гущин. Ук. соч., стр. 33—34, рис. 5, табл. III, *13*.

[84] Т. Арне. Ук. соч., стр. 165, рис. 302—305.

[85] С монетой XI в. они найдены в погребении у хут. Горки, Могилевской губ. См. А. Н. Ляўданскі. Ук. соч., стр. 52.

грудь, короткий широкий хвост, широкий, иногда загнутый кверху клюв. Иногда фигурка имеет обозначенное крыло, а на голове хохолок. Есть уточки с головкой конька. Некоторые птицы изображены в движении, другие — в спокойной позе. Особенно разнообразны типы водоплавающих птиц в костромских курганах. П. Н. Третьяков считал, что эти фигурки северо-западного происхождения. Однако они известны из сарматских курганов в раскопках Веселовского. Привески-уточки имеются в курганах различных районов России [86]. Курганы Юго-Восточного Приладожья с названными привесками отнесены Я. В. Станкевич к концу X — началу XI в. [87]. В курганах Петербургской губ. они встречаются вместе с литыми ложнозерненными лунницами и витыми браслетами с обрубленными концами. Подобные фигурки из Финляндии датируются X—XII вв. [88].

В Новгороде Великом эти привески встречаются в слоях конца X в. и рубежа XI—XII вв. [89]. Привески-уточки носились как самостоятельные привески, но иногда они входят в состав набора амулетов (рис. 1, *2*). XII в. они датируются П. Н. Третьяковым в костромских курганах [90]. Б. А. Рыбаков указывает на близкие нашим привескам изображения птиц на Дмитриевском соборе и на серебряных изделиях XII в. [91]. Таким образом, прорезные привески-уточки у соседей славян в Южном Приладожье появились в X в., а в наших курганах — в XI и особенно XII в.

К раннему времени (X—XI вв.) следует отнести еще ряд привесок, хотя и не встречающихся с монетами, но сопровождаемых в погребениях ранними вещами. Это, прежде всего, двустворчатые бубенчики (рис. 1, *5*) [92], характерные для северян и известные у радимичей, круглые луннично-прорезные привески (рис. 1, *6*). Последних известно 19 экз. из Могилевской (Туровичи), Брянской (Казаричи 48 и Влазовичи), Смоленской и Владимирской губ. [93]. В Казаричах они сопровождаются витыми и плетеными браслетами с завязанными концами, во Влазовичах — ранними типами лунниц, имитирующими в литье зернь. Во Владимирской губ. они найдены в курганах с трупосожжением.

К раннему времени относятся и костяные полые уточки. Они известны с VI—VIII вв. по длинным курганам Верхнего Днепра [94] и заходят в XI—XII вв.

В XII в. появляется новый тип привесок — плоские прорезные фигурки коньков (рис. 1, *17, 18*). Их два типа. Первый представляет собой фигурку на четырех ногах, с разинутой пастью и закрученным на спину хвостом. С головы конька спускается уздечка, передние ноги подогнуты,

---

[86] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ., табл. VII, *16, 17*; XI, *20*; Н. К. Рерих. Ук. соч., стр. 12; А. В. Арциховский. Раскопки 1929 г. в Новгородском округе. Материалы и исследования Новгородского музея, вып. I, Новгород, 1930, стр. 20—30, рис. 7; Ф. Д. Нефедов. Ук. соч., табл. IV, *7—9*, *13—15*; П. Н. Третьяков. Ук. соч., табл. II, *17, 18*; Н. И. Булычов. Журнал раскопок..., табл. XXX, *3*; его же. Раскопки по среднему течению р. Угры, табл. VII, *16*; И. Толстой и Н. Кондаков. Ук. соч., вып. V, стр. 93, рис. 118 (в погребении у с. Посад, Корчевского у.— с монетами XI в.); Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 110, рис. 14 (с монетами XI в. привески найдены в кург. № 2 у с. Щуковщина); В. И. Равдоникас. Ук. соч., табл. IX, *2*; XII, *11*; Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. КСИИМК, вып. XXX, 1949, стр. 38.

[87] Я. В. Станкевич. Ук. соч., стр. 106, рис. 8.

[88] E. Kivikoski. Ук. соч., табл. XXV, *2*; Inga Serning. Lapska offerplatsfund från järnålder och Medeltid i de svenska Lappmarkena. Stockholm, 1956, табл. 18, *3—7*.

[89] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 228, рис. 2, *6*.

[90] П. Н. Третьяков. Костромские курганы..., рис. 17, 18.

[91] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство Владимиро-Суздальской Руси, стр. 508.

[92] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916, рис. 85, *3588*. Коллекции ГИМ. (Раскопки П. М. Еременко в Брянской губ. и раскопки В. И. Сизова в Могилевской губ.)

[93] А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 203, *7*.

[94] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 42, рис. 14, *22*.

туловище орнаментировано зубцами. 10 экз. коньков этого типа известно из курганов Петербургской губ. [95]. 1 экз. подобного конька из Рузского у. Московский губ. имеется в коллекциях ГИМ. 6 экз. из 10 известных в Петербургской губ. найдено в погребениях вместе с витыми браслетами с обрубленными концами. Есть основания полагать, что конек относится к XII в. А. А. Спицын датировал конек XI—XII вв. Второй тип конька близок к предыдущему. От первого он отличается отсутствием уздечки и закрытой пастью. Коньки этого типа известны из костромских курганов [96], из курганов Петербургской и Псковской губ. [97]. Их, по-видимому, можно датировать тоже XII веком.

XII веком можно, вероятно, датировать круглые привески с включенной лунницей и прорезным крестиком между рожками (рис. 1, *19*). Подобных привесок известно 28 экз. [98]. Погребение № 4 в дер. Бочарово, Юхновского у., где найдена подобная привеска, датируется А. В. Арциховским XII в. [99].

К следующей по времени группе следует отнести привески, появившиеся в XII в., но бытующие и позже, в XIII и XIV вв. Это, как правило, привески, имеющие замкнутые области распространения и сопровождаемые в погребениях характерными для определенного племени украшениями. В течение нескольких столетий бытовали вятические монетообразные гладкие привески (рис. 1, *20*). Известные мне 164 экз. гладких монетообразных привесок из 32 погребений найдены исключительно на территории вятичей или на границе вятичей и кривичей, в курганах как с типичным вятическим инвентарем, так и со смешанными вятическими и кривическими признаками. По-видимому, 18 экз. гладких монетообразных привесок найдено в Эстонии [100]. Гладкие монетообразные привески не названы А. В. Арциховским в числе вещей, типичных для вятичей, однако все данные позволяют считать их характерным вятическим украшением. Наиболее часто монетообразные гладкие привески встречаются в вятических погребениях XII в. (53 экз.); 32 экз. происходят из курганов, датируемых XIII в., и 4 экз.— из погребения, относимого по браслетам 2 × 3, 2 × 4 к XIII—XIV вв.; остальные привески происходят из 16 курганов, время которых определить не удалось [101].

К XII—XIV вв. относятся круглые косорешетчатые привески (рис. 1, *27*). Наиболее распространены эти подвески в курганах новгородских славян, где они встречаются с ромбощитковыми височными кольцами и лишь изредка — с браслетообразными. Известно более 70 экз. таких привесок из 23 погребений [102]. Некоторое количество косорешетчатых привесок найдено в пяти погребениях Костромской губернии [103].

В других районах находки косорешетчатых круглых привесок единичны [104]. 15 экземпляров таких привесок найдены в Эстонии вместе с ви-

---

[95] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. VI, *20*; VII, *21*; К. Д. Трофимов. Раскопки курганов при дер. Залахтовье-Кувшиново..., стр. 9, рис. к кург. № 2.

[96] Ф. Д. Нефедов. Ук. соч., табл IV, *11, 12*.

[97] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ..., табл. VII, *18*.

[98] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. Приложение, стр. 168; А. Л. Монгайт. Салтыковские курганы. МИА, № 7, 1947, стр. 82—87, рис. 1, *1*; Отчет Н. Е. Макаренко о раскопках, произведенных в 1902 г., стр. 21—31.

[99] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. Приложение, стр. 165—197.

[100] Н. Моога. Wotische Altertümer aus Estland. ESA, IV, 1929, стр. 277, рис. 2, *8*.

[101] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. Приложение, стр. 165—197.

[102] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. V, *24*; VI, *10*; А. В. Арциховский. Раскопки 1929 г. в Новгородском округе, стр. 10—30.

[103] П. Н. Третьяков. Костромские курганы, табл. III, *6*; Ф. Д. Нефедов. Ук. соч., табл. VI, *20, 23, 24*.

[104] Коллекции ГИМ, 1 экз.— из с. Кривец, Ярославской губ. (раскопки Ушакова в 1887 г.), 1 экз.— из Киевской губ. (коллекция Ханенко), 1 экз.— из кург. № 1, дер. Сосонник, Смоленской губ. (раскопки Н. И. Булычова), 1 экз.— из коллекции Теплоухова.

тыми четверными браслетами, однако, как замечает Х. Моора, они для этой территории необычны [105].

В курганах Петербургской губ. названные привески сопровождаются вещами XII—XIV вв., в частности витыми с обрубленными концами, тройными и четверными витыми браслетами [106]. Косорешетчатые привески П. Н. Третьяков называет в числе вещей, характерных для 2-й группы костромских курганов, датируемой XIII в., но они встречаются и в погребениях 3-й группы (конец XIII—XIV в.). А. А. Спицын датировал косорешетчатые привески XII—XIII вв.

XII—XIV вв. следует датировать шарообразные с простой прорезью и тремя-четырьмя концентрическими нарезками по средней части бубенчики (рис. 1, *22*) [107]. Их известно более 200 экз. из 98 погребений. Они бытуют в одно и то же время у новгородских словен, вятичей и кривичей и отсутствуют у северян и радимичей. А. А. Спицын датировал эти бубенчики XIII—XIV вв. Однако 77 погребений с этими бубенчиками датируются XII в., 12 — XIII в., 3 — XIII—XIV вв. и 6 — XIV в. В курганах XII в. они сопровождаются ранними типами браслетов, трехбусенными узловатыми височными кольцами, призматическими сердоликовыми бусами. В курганах XIII—XIV вв.— поздними браслетами (витыми тройными, четверными, 2 × 3 и 3 × 3), пятилопастными подзорчатыми височными кольцами и семилопастными сростно-зубцовыми. В Новгороде шарообразные бубенчики встречаются в слоях конца XI — середины XIII в. [108].

К XII в. и к более позднему времени относятся так называемые трефовидные привески — литые из биллона украшения, имеющие с внешней стороны вид трех плоских спиральных бляшек, витых из проволоки (рис. 1, *23*). Кроме земли вятичей, эти привески нигде не встречаются, но и на территории вятичей места находок сосредоточены только в пределах Моск. губернии. Нам известно 10 экз. привесок этого типа: 7 — из Московского у. (с. Спас-Тушино и дер. Чертаново, кург. № 3) и 3 экз. из Звенигородского у. (с. Верхогрязье и дер. Волково, кург. № 31) [109]. Погребение № 3 у дер. Чертаново датируется А. В. Арциховским по биллоновым полусферическим бусам 1-й стадией. В дер. Волково, Звенигородского района, трефовидная привеска найдена в кургане с витым поздним браслетом.

Данных для датировки круглых прорезных трехволютовых и ромбовидных решетчатых привесок (рис. 1, *24, 25*) очень мало.

Отмечу лишь, что оба типа этих подвесок, известных в незначительном числе экземпляров, датируются по совместным находкам с витыми тройными браслетами XIII в. (погр. № 24 у дер. Бочарово, Юхновского у., и погр. № 9, у дер. Ступенки) [110].

К XIII в. относятся и плоские сплошные зооморфные фигурки с шу-

---

[105] Н. Моога. Ук. соч., стр. 272—283, рис. 2, *3*.

[106] С вещами XII в. они найдены в кург. № 38, дер. Доложское, кург. № 6, дер. Вопша, кург. № 8, дер. Сяглицы (см. А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ..., Приложение, стр. 57—113, №№ LXI, CI, CXII) и в кург. № 392 (3), с. Крапивна (см. А. А. Спицын. Гдовские курганы..., стр. 110); с витыми тройными браслетами — в кург. № 17 (17), *10*, дер. Погост Ольгин Крест и в кург. № 226 (4), дер. М. Каменка; с четверными браслетами — в кург. № 257 (27), дер. М. Каменка и кург. № 401 (12), с. Крапивна (см. А. А. Спицын. Гдовские курганы..., стр. 62, 92, 95, 112).

[107] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. VIII, *21*; А. В. Арциховский. Курганы вятичей. Приложение; Отчет о раскопках С. А. Гатцука 1904 г.; Отчет о раскопках С. А. Гатцука, произведенных в 1902 г. в Тверской губ. ИАК, вып. 6, 1904, стр. 32—49.

[108] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 110.

[109] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. Приложение, № 212. Коллекции кабинета археологии Истфака МГУ (раскопки А. В. Арциховского 1940 г.); коллекции ГИМ (раскопки А. Черткова 1838 г.).

[110] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. Приложение, стр. 165—197.

мящими подвесками (рис. 1, *26*) [111]. Они характерны для II-й группы костромских курганов, которую П. Н. Третьяков относит к XIII в. [112].

Наиболее поздние привески датируются XIII—XIV вв. К ним прежде всего следует отнести круглые пряморешетчатые привески, изготовленные в той же технике, что и косорешетчатые круглые привески (рис. 1, *27*). Они известны из трех погребений Петербургской губ. [113] в количестве 7 экз., датируемых витыми тройными и четверными браслетами.

XIII—XIV вв. датируются круглые луннично-включенные привески, известные из Волоколамского и Подольского уездов Московской губ. (рис. 1, *28*). В кург. № 70, дер. Ядрово, Волоколамского у., круглая луннично-включенная привеска найдена в погребении с витым тройным браслетом, в Подольском у.— с витым четверным браслетом [114].

К XIII —XIV вв. относятся также полые зооморфные фигурки с шумящими подвесками (рис. 1, *29*). Их обычно связывают с чудскими племенами. В славянских древностях они представлены рядом вариантов. Это литые изображения коньков, барашков, уточек и петушков. Фигурки бывают с одной головкой и парные. Носили их на ремешках или цепочках, прикрепленных к поясу или на груди. В качестве подвесок использовались бубенчики или лапки. Бока фигурок украшались рельефно отлитыми жгутовыми или гладкими полосами, зигзагами, полукругами, двойными спиралями или прорезными треугольниками. Различные типы полых зооморфных привесок имеют разные ареалы распространения [115]. Особенно многочисленны и разнообразны полые зооморфные привески в костромских курганах.

А. А. Спицын, датировавший полые зооморфные привески сначала XI—XII вв., позже пришел к выводу, что они появились лишь в XIII в. По наблюдению П. Н. Третьякова, эти привески характерны для костромских курганов III группы (XII — начало XIV в.). Из 13 курганов Костромской губ., имеющих полые коньки, 11 датируются концом XIII—XIV в., один — XIII в. В курганах Петербургской губ. они обычно встречаются в погребениях с тройными, четверными, 2 × 3 витыми браслетами, бубенчиками поздних типов (круглые с простой прорезью и проволочным пояском) [116]. Птицеобразная привеска из Тверской губ. (кол. ГИМ) найдена в погребении с витыми четверными браслетами XIII—XIV вв. Конек из Звенигородского у. Московской губ. происходит из погребения, датируемого витым браслетом 2 × 3 — XIV веком. Следовательно, позднейший вывод А. А. Спицына и исследования П. Н. Третья-

---

[111] П. Н. Третьяков. Костромские курганы, рис. 12—13; Ф. Д. Нефедов. Ук. соч., табл. 4, *2—6;* С. В. Киселев. Кузнецовские курганы. СА, I, 1936, стр. 247—253; Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., табл. III, *1*; Н. Г. Первухин. Опыт археологического исследования Глазовского у. Вятской губ. МАВГ, т. II, М., 1896, табл. XIV, *10, 11*; J. R. Aspelin. Ук. соч., рис. 676; A. M. Tallgren. Collection Zaoussailov. Helsingfors, 1918, табл. II, *23, 25*.

[112] П. Н. Третьяков. Костромские курганы, стр. 24.

[113] Дер. Большие Поля, кург. № 40 (7), дер. Малые Поля, кург. № 81 (9), дер. Малая Каменка кург. № 226 (4). См. А. А. Спицын. Гдовские курганы..., табл. XXIV, *10*.

[114] Коллекции ГИМ (раскопки М. В. Городцова в Волоколамском у. и И. К. Линдемана в Подольском у.).

[115] Ф. Д. Нефедов. Ук. соч., табл. IV, *2—6*, III, *1, 2, 5, 7, 9, 11, 12, 14—18*; П. Н. Третьяков. Костромские курганы, табл. III, *20*; Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., рис. 15; А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ..., табл. VIII, *18, 19*; А. А. Спицын. Гдовские курганы..., табл. XXIV, *21, 23*; Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья..., вып. V, рис. 380; М. В. Городцов. Вятические погребения близ дер. Мякининой Московской губернии и уезда. Тр. СА РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 542—558; J. R. Aspelin. Ук. соч., рис. 700; Н. Moora. Ук. соч., рис. 2, *2*.

[116] Дер. Малая Каменка, кург. № 232 (1), 256; дер. Погост Ольгин Крест, кург. №№ 10, 17; Мыза Куричок, кург. № 150 (1); дер. Калихновщина, кург. № 304 (36); дер. Тресковицы, дер. Ново-Сиверская, кург. № 124 и др. См. А. А. Спицын. Гдовские курганы...

кова подтверждаются материалами из Московской и Тверской губ. Основная масса полых коньков-привесок, найденных в Новгороде, происходит из слоя XIII—XIV вв. Полые зооморфные привески следует датировать XIII—XIV вв.

XIII—XIV вв. датируются гладкие грушевидной формы бубенчики с крестовидной прорезью (рис. 1, *30*) [117]. По форме эти бубенчики аналогичны бубенчикам так называемого херсонесского типа, но, в отличие от последних, не имеют нарезки. Они известны из петербургских и смоленских курганов. 5 экз. бубенчиков этого типа найдены в Виленской губ. В курганах Петербургской губ. они постоянно встречаются с поздними браслетами — витыми тройными и четверными. Такие бубенчики известны и в XV в. В это время они уменьшаются в размере.

К XIII—XIV вв. относятся бубенчики почти круглой формы с простой прорезью и проволочным пояском (рис. 1, *31*). Такие бубенчики известны лишь из курганов Петербургской губ. Их сопровождают поздние вещи — витые тройные и четверные браслеты. Иногда бубенчики этого типа служили подвесками к полым конькам. Они заходили и в XV в. В погребении № 62 у дер. Большие Поля эти бубенчики найдены с деньгой XV в. [118].

Анализ распространения отдельных типов привесок-амулетов дает возможность восстановить состав привесок, характерных для костюма древнерусской крестьянки в определенный период. Наиболее многочисленны и разнообразны типы привесок в более ранних курганах. С течением времени количество их сокращается, типы становятся менее разнообразными. Иногда в поздних курганах продолжают бытовать ранние типы. Это касается привесок, характерных для определенного племени.

Для X—XI вв. и отчасти XII в. можно наметить следующий состав привесок: бубенчики грушевидной формы с нарезками и двустворчатые; серебряные штампованно-филигранные лунницы; монетообразные привески с различным зерненым орнаментом; монетообразные привески с изображением птицы перед веткой; монетообразные привески с изображением халифа Алнассира между двумя драконами; круглые прорезные привески «гнездовского» типа; круглые луннично-прорезные привески; крестики «скандинавского» типа. Некоторые из этих привесок, как указано выше, известны почти всем этническим группам восточных славян, другие — имеют более ограниченные области распространения.

Для XI — начала XII в. наиболее характерны привески-амулеты, называемые обычным коньком, и миниатюрные изображения бытовых предметов (ложечки, ключи, топорики, чашки и т. п.).

В XI—XII вв. широкое распространение имели лунницы, имитирующие в литье зернь, и пластинчатые прорезные привески-птицы. На более ограниченной территории в это время известны трапециевидные, биэллиптические, шумящие треугольные привески, штампованные монетообразные, а также костяные уточки.

Характерными привесками XII в. являются плоские прорезные изображения коньков. В XII в. появляются круглые с простой прорезью бубенчики, украшенные нарезкой, особенно характерные для XIII в.

В течение XII—XIV вв. бытовали монетообразные гладкие привески, характерные для вятичей, и круглые прорезные косорешетчатые, наиболее известные по курганам Петербургской губ.

В XIII—XIV вв. для новгородских славян характерны круглые прорезные привески с прямой решеткой. Для северных и северо-восточных областей в это время наиболее типичны полые зооморфные привески с шумящими подвесками. У новгородских словен встречаются шарообразные бубенчики с прорезью, украшенные проволочным пояском.

---

[117] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ..., табл. VIII, *16*.
[118] Там же, табл. VIII, *20*.

Б. А. РЫБАКОВ

ЧТО НОВОГО ВНОСИТ В НАУКУ СТАТЬЯ А. В. АРЦИХОВСКОГО «О НОВГОРОДСКОЙ ХРОНОЛОГИИ»?

Читателям «Советской археологии» известно, что на страницах нашего журнала началась дискуссия о принципах и методах установления датировок новгородского археологического материала [1].

Сохранность органических веществ, обилие находок, открытие берестяных грамот, наличие непрерывных слоев за 600 лет ставят новгородские коллекции в исключительное положение в нашей науке и требуют о б щ е г о в н и м а н и я к методам их изучения и к результатам анализа.

Опубликованная и положенная в основу всех работ по Новгороду хронологическая шкала А. В. Арциховского и Б. А. Колчина носит п р е д в а р и т е л ь н ы й характер. Одно время возникла опасность, что этот ч е р н о в о й в а р и а н т хронологической шкалы может преждевременно окостенеть и подменить собою настоящую, серьезно обоснованную шкалу, так как сами авторы ее выражали полное удовлетворение результатами своей работы и А. В. Арциховский заявлял, что эта шкала «дальнейшему уточнению не подлежит». Теперь, после начала дискуссии, тот же автор вынужден признать, что я в своей критической статье «верно указал на чрезмерную удовлетворенность хронологией, которая царила в Новгородской экспедиции» [2].

Следовательно, моя статья достигла главной своей цели — произвести известный перелом в сознании авторов хронологии и начать более широкое обсуждение ее принципов.

А. В. Арциховский признает теперь, что его и Б. А. Колчина заявления по поводу завершенности шкалы «действительно неудачны».

Следует сказать, что категорический тон всех прежних публикаций действительно вводил в заблуждение. Мне самому новгородская хронология Арциховского — Колчина казалась одно время вполне убедительной.

Поводом к ее пересмотру послужило следующее: при написании раздела «Просвещение на Руси в XIII—XV вв.» (в «Истории русской культуры») я обратился к известным грамотам мальчика Онфима — тетрадям древнерусского ученика [3]. С удивлением обнаружил я, что цифровая запись на грамоте № 206, объявленная А. В. Арциховским бессмысленным набором цифр, на самом деле может быть прочтена как точная дата: «Иже въ 6771...», т. е. 1263 г. С моим чтением согласилась Л. П. Жуковская, знаток берестяной палеографии, автор единственного палеографического обзора берестяных грамот.

А. В. Арциховский категорически возражал против этой расшифровки, так как новая дата резко расходилась с его хронологической шкалой, по

---

[1] Б. А. Р ы б а к о в. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. СА, 1959, № 4, стр. 82—106. А. В. А р ц и х о в с к и й. О новгородской хронологии. Там же, стр. 107—127.

[2] А. В. А р ц и х о в с к и й. Ук. соч., стр. 127.

[3] А. В. А р ц и х о в с к и й. Берестяные грамоты мальчика Онфима. СА, 1957, № 3

которой 15-й ярус (в нем найден весь комплект грамот Онфима) был отнесен к 80-м годам XII в. и первым годам XIII в., что расходилось с написанной датой на 60—80 лет.

К сожалению, А. В. Арциховский при публикации грамот Онфима совершенно исключил какой бы то ни было палеографический анализ и основанную на нем датировку. Поэтому свои разыскания я направил прежде всего на палеографическую датировку как комплекса Онфима (десять грамот в одном ярусе), так и других грамот 15-го яруса и соседних ярусов. Результат оказался таков: берестяные грамоты 15-го яруса относятся ко второй половине XIII в., находя наибольшее число аналогий в точно датированных рукописных книгах и пергаменных грамотах 1260—1280-х годов [4]. Консультации с М. В. Щепкиной подтвердили датировку грамот Онфима второй половиной XIII в., что совпадает и с датой — 1263 г.

К большому сожалению, спорная грамота № 206 не сохранила своего первоначального вида. Я в своем чтении опирался на фотографию С. Бочарова, сделанную в 1956 г. сразу после извлечения грамоты из земли. Когда же после начала дискуссии в 1959 г. я обратился к подлиннику, то оказалось, что на самом спорном месте уже возникла глубокая трещина, превратившая букву «пси» в букву «червь» и сделавшая запись Онфима теперь действительно бессмысленным набором цифр.

Но все же оставался конфликт между палеографической датой всех грамот 15-го яруса — вторая половина XIII в. и стратиграфической датой — «15-й ярус — 80-е годы XII в.— самое начало XIII в.» [5].

* * *

Новгородская хронология, которая до 1951 г. не отличалась особой точностью, в 1951 г. получила первое оформление как предварительная шкала для мощного культурного слоя, отложившегося за 600 лет в Неревском конце. В 1956 г. появилась необыкновенно детальная шкала, усиленно пропагандируемая руководством Новгородской экспедиции.

Оказывается, что А. В. Арциховскому и Б. А. Колчину удалось точно датировать все 28 ярусов мостовых настилов Великой улицы, точно связать с ними все вещевые находки внутри усадеб и определить дату каждой смены бревен мостовой с завидной точностью не только до одного года, но даже и до месяца и дня [6].

Эта шкала рекомендовалась как единственно возможная и неподлежащая уточнению.

«28 ярус — середина X века
27 ярус — 70—80-е годы X в.
26 ярус — последние десятилетия X в.
25 ярус — 1-я четверть XI в.
24 ярус — 2-я четверть XI в.
23 ярус — середина XI в.
22 ярус — 60—70-е годы XI в.
21 ярус — 70—80-е годы XI в.
20 ярус — конец XI в.— 10-е годы XII в.
19 ярус — 10—20-е годы XII в.
18 ярус — 30—40-е годы XII в.
17 ярус — 50—60-е годы XII в.
16-й ярус — 70—80-е годы XII в.

---

[4] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 100.

[5] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, стр. 137.

[6] Там же, стр. 137.

15-й ярус — 80-е годы XII в.— самое начало XIII в.
14 ярус — самое начало XIII в.—20-е годы XIII в.
13 ярус — 20—40-е годы XIII в.
12 ярус — 40-е годы XIII в.— 23 мая 1267 г.
11 ярус — 23 мая 1267 г.—80-е годы XIII в.
10 ярус — 80-е годы XIII в.—28 июня 1311 г.
9 ярус — 28 июня 1311 г.—1342 г.
8 ярус — 1342 г.—1368 г.
7 ярус — 1368 г.—1394 г.
6 ярус — 1394 г.—1414 г.
5 ярус — 1414 г.—40-е годы XV в.
4 ярус — 40-е годы XV в.—1471 г.
3 ярус — 1471 г.— начало XVI в.
2 ярус — 10—30-е годы XVI в.
I ярус — середина XVI в.
0-й ярус — вторая половина XVI в.
00-й ярус — конец XVI в. и рубеж XVI и XVII вв.»[7]

Каковы конкретные представления А. В. Арциховского о своей хронологической шкале теперь, после возникшей дискуссии, неясно, так как в главном вопросе — о связи следов пожарищ в раскопках с летописными записями о пожарах — А. В. Арциховский круто изменил свою точку зрения и резко отмежевался от Б. А. Колчина, заявив, что тот «подобрал несколько летописных пожаров, но увлекся»[8].

Для того чтобы иметь возможность продолжать серьезное рассмотрение новгородской хронологии, необходимо четко и ясно оговорить границы спорного и бесспорного и определить наши точки зрения после первого обмена статьями.

1. Условность новгородской «ярусологии». Мои расхождения с авторами новгородской шкалы по вопросам установления относительной хронологии сводятся к следующему: А. В. Арциховский и Б. А. Колчин полагают, что бревенчатые настилы уличных мостовых — «ярусы» — могут определять хронологию культурного слоя не только на улице близ самой мостовой, но повсеместно, и во дворах усадеб, и на задворках и внутри сооружений. С 1951 по 1956 г. в Новгородской экспедиции произошло существенное изменение терминологии — первоначально применялись слова «строительный ярус» и вещи определялись как найденные между двумя соседними строительными ярусами[9]. Никого из археологов не смутило бы такое определение местоположения вещей между двумя строительными ярусами.

Однако в дальнейшем исчезло слово «строительный» и остался просто «ярус», определяемый «толщиной плах и лаг».

Напрасно в своей ответной статье А. В. Арциховский берет на себя труд утверждать, что будто бы «строительный ярус» и «просто ярус» — это одно и то же, что будто бы он только в целях экономии печатных знаков употребляет сокращенный термин.

Каждому археологу ясно глубокое различие по существу между «строительными ярусами» (понятиями историческими) и теми загадочными горизонтальными пластами-ярусами, количество которых удивительным и необъяснимым образом совпадает с количеством мостовых.

Б. А. Колчин изобразил в своей статье на рисунке № 51 соотношение толщины культурного слоя, пластов, ярусов и столетий. Оказалось, что ярусы, как правило, равны пластам, проведенным по нивелиру, т. е. толще слоя в 20 *см*[10].

---

[7] Тр. НАЭ, т. II, МИА, № 65, 1959, стр. 5—6.
[8] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 110.
[9] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953, стр. 54 и 60—61.
[10] Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 131, рис. 51.

Мои возражения основываются на двух положениях: во-первых, «ярус» представляется мне механическим делением культурного слоя, пригодным только для участков непосредственно вблизи самого настила мостовой.

Во-вторых, я сомневаюсь в том, что А. В. Арциховскому и Б. А. Колчину всегда удавалось в процессе раскопок достоверно связать находки внутри усадеб с горизонтом мостовой, так как ряд раскопочных участков отстоит на 30—50 *м* (!) от уличной мостовой и трудно даже предположить, что жизнь внутри дворов и домов подчинялась замене старых бревен на улице новыми.

А самое главное, что ни Б. А. Колчин, ни А. В. Арциховский (ни в основных публикациях, ни в ответной статье) не привели ни одного доказательства возможности такой привязки. Доказательством могут быть только графические профили стенок раскопов или специально оставляемых для стратиграфического анализа перемычек («бровок») внутри раскопов.

Каково может быть в таких условиях отношение археологов к «ярусу»? Конечно, только как к величине у с л о в н о й.

Насколько продвинул А. В. Арциховский изучение ярусов и доказательства их действительного существования в своей ответной статье? Признавая теперь важность публикации профилей, А. В. Арциховский не смог все же привести ни одного убедительного доказательства своих «ярусов» и так и не опубликовал ни одного профиля.

Необходим графический документ, подтверждающий правильность этой привязки. До тех пор, пока НАЭ не опубликует комплекта профилей, говорить о «ярусах» бесполезно, и читатели статей А. В. Арциховского и Б. А. Колчина должны руководствоваться рисунком № 51 [11].

Если Б. А. Колчину можно было заменить серию профилей схемой № 51, то А. В. Арциховскому это сделать труднее, так как он теперь признал, наконец, что «в разных местах толщина яруса разная» [12].

Даже одних этих соображений о недоказанности «яруса» было бы достаточно для того, чтобы признать его понятием условным. В моей статье было высказано, кроме того, еще два соображения. 1. Более органическим членением культурного слоя могли бы являться строительные периоды, прослеженные в последнее время П. И. Засурцевым и ощутимые по колчинским схемам [13]. А. В. Арциховский, как я покажу ниже, даже не понял моей таблицы с изображением строительных периодов. 2. Предполагаемую Б. А. Колчиным и А. В. Арциховским хронологическую чистоту каждого яруса неизбежно запутывали потолочные засыпки.

Как широко известно этнографам, бревенчатые потолки изб засыпали для сохранения тепла слоем земли. С этим связано летописное выражение: «п р о к о п а истобку», примененное к Ольбегу Ратиборичу, стрелявшему в Итларя сквозь потолок избы. Археологически такие прослойки потолочных засыпок известны во Вщиже и Любече. В своей статье о Вщиже в 1951 г. я показываю, как влияют потолочные засыпки на стратиграфию: земля для потолка бралась с поверхности и старые вещи, уже брошенные в землю, оказывались наверху и после разрушения дома прикрывали собою вещи более поздние, создавая, так сказать, обратную стратиграфическую хронологию [14].

Это важное явление совершенно не учитывалось в Новгороде при раскопках и само наличие таких засыпок подвергалось неосновательным сомнениям.

Теперь А. В. Арциховский допускает: «возможно, что в древнем Новгороде потолки засыпали» [15].

---

[11] Б. А. К о л ч и н. Ук. соч., стр. 131, рис. 51.

[12] А. В. А р ц и х о в с к и й. О новгородской хронологии, стр. 107.

[13] Б. А. Р ы б а к о в. Ук. соч., рис. 2; П. И. З а с у р ц е в. Постройки древнего Новгорода. МИА, № 65, стр. 291—294.

[14] Б. А. Р ы б а к о в. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 г. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 38—39.

[15] А. В. А р ц и х о в с к и й. О новгородской хронологии, стр. 113.

Никакие рассуждения А. В. Арциховского о времени накопления яруса, о возможности или невозможности образования слоя в 20 *см.* толщиной в промежуток между двумя пожарами (1340 и 1342 гг.) не могут быть серьезно приняты во внимание до тех пор, пока он не покажет действительных стратиграфических рубежей «ярусов». Пока этого нет, все его схемы повисают в воздухе.

А. В. Арциховскому кажется, что он убедительно возразил мне на мой тезис: «четкость ярусов в известной мере является фикцией».

Как же А. В. Арциховский доказывает то, что в процессе раскопок он и его помощники безошибочно определили, что бусы и браслеты, находимые на дворах, точно соответствуют по времени определенному замощению улицы, т. е. «ярусу»? Он приводит четыре цифровые таблицы и четыре графические схемы, из которых ясно только одно: а) стеклянные браслеты встречаются в 14 ярусах на протяжении 300 лет по хронологии А. В. Арциховского; б) золоченые бусы — в 11 ярусах на протяжении 250 лет; в) лимоновидные бусы — в 7 ярусах (около 150 лет); г) амфоры — в 19 ярусах (400 лет); д) шиферные пряслица — в 24 ярусах на протяжении почти 500 лет [16].

А. В. Арциховский почему-то думает, что приведенные справки имеют какое-то отношение к технике выявления яруса!

В другом месте А. В. Арциховский еще раз возвращается к вопросу о том, что «ярус» выделяется безошибочно и доказывает это не менее своеобразно: «Более ранние (по форме букв) грамоты всегда залегают в ранних ярусах, более поздние — в поздних. Это, наряду с типологией археологических находок, лучше всего доказывает (?), что наш ярус не „фикция"...» [17].

Ведь каждому, даже не археологу, ясно, что как бы ни копать землю, в каких бы единиц ни выражать глубину — в аршинах, в метрах, в лопатах, в пластах или в «толщине плах и толщине лаг»,— ясно, что древние вещи окажутся ниже поздних (если нет искусственного перемещения).

Подведу итоги по разделу относительной хронологии.

1. Понятие «яруса» условно само по себе, так как введение его вызвано стремлением расчленить сложный культурный слой 5 000 $м^2$ на 28 хронологических разделов по числу настилов плах и лаг на улицах города.

2. Никаких доказательств правильности этого расчленения нет.

3. Все выводы, основанные на вере в хронологическую и стратиграфическую чистоту «яруса», лишены доказательной силы.

4. Перекопы и потолочные засыпки перемещали до 10—15% вещей на несколько ярусов вверх, что неизбежно затрудняет создание четкой и достоверной шкалы.

5. Приведенные А. В. Арциховским таблицы длительности бытования некоторых вещей по своей природе не могут доказывать правильности раскопочной методики выделения ярусов и помещены им ошибочно.

Эти таблицы доказывают еще раз условность понятия «яруса».

6. Делением на условные ярусы можно пользоваться почти на тех же основаниях, что и делением на пласты.

Условность понятия «ярус» делает крайне условными и статистические подсчеты, которые могут дать лишь общие контуры распределения вещей в слоях и прослойках.

7. А. В. Арциховский в своей ответной статье не внес ничего нового в науку по разделу относительной хронологии.

2. Условность датировок массового археологического материала. А. В. Арциховский и Б. А. Колчин постоянно утверждают, что их хронологическая шкала основана на анализе массового археологического материала, встречаемого как в Новгороде, так и вне его в курганах и городских слоях всей Руси.

[16] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 116—120, рис. 3—6.
[17] Там же, стр. 125.

Что это означает? Во-первых то, что в 1951 г. А. В. Арциховский, впервые приступая к расчленению мощного слоя Неревского конца, добросовестно и со знанием дела использовал некоторые категории общерусских вещей для получения самых общих хронологических выводов. Во-вторых, это означает, что расплывчатые и зачастую плохо обоснованные даты русского археологического материала XI—XVI вв. «хорошо уложились» в точную и детальную схему Б. А. Колчина, созданную где-то за пределами этого массового материала [18].

Как пишет об этом сам Б. А. Колчин, «хронологические рамки тех или иных новгородских древностей почти всегда укладываются в более широкие и расплывчатые даты этих предметов, найденных на других древнерусских археологических объектах» [19].

Я не вижу здесь участия общерусского материала в разработке новгородской шкалы; обе группы существуют самостоятельно [20].

Для показа того, что общерусский материал сам по себе, при существующей в настоящее время плохой разработанности его дат, не может быть основой новгородской шкалы, я составил в своей статье график, вызвавший резкие нападки А. В. Арциховского [21]. Мой оппонент пытается изобразить дело так, что будто бы график составлен мною для установления точных дат, и он тратит 7 страниц своего текста на «опровержения», заполняя их рассуждениями о фальсификации, о подлогах и всяких других неблаговидных действиях [22].

Неверно! В том-то и дело, что график составлен для проверки того — может ли массовый археологический материал при данном состоянии его изученности служить основой для точной шкалы новгородских древностей. И вывод получен мною отрицательный: «нетрудно заметить,— пишу я в статье,— что четких рубежей между столетиями здесь нет: вещи XI в. сосуществуют с вещами X в. на протяжении 6-ти ярусов; вещи XII в. сосуществуют с вещами XI в. тоже на протяжении 6 ярусов (и т. д.)...».

«На основании массовых археологических находок,— продолжаю я,— мы можем датировать ярусы Неревского конца (принимая формулу А. В. Арциховского, средняя длительность яруса $= \frac{0 \text{ та м}}{28 \text{ ярусам}} \approx$ $\approx$ 20 годам) с допустимой погрешностью до одного столетия...» [23].

Вот это и есть мой главный вывод, выделенный в тексте разрядкой.

Иначе не могло и быть, так как одной из составных частей графика являются «мнения археологов, занимавшихся ранее датировкой этих вещей по другим, не новгородским комплексам» [24]. А это, разумеется, величина условная, зависящая от субъективных оценок.

Те незначительные поправки, которые вводит А. В. Арциховский [25], только усилят мой основной вывод об условности и ненадежности массового материала (в том виде, в каком он был изучен прежними исследователями) для уточнения новгородской хронологии.

---

[18] Б. А. Колчин. Топография..., стр. 125.

[19] Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 94.

[20] Там же, стр. 94.

[21] Б. А. Рыбаков. К вопросу..., стр. 90, рис. 3.

[22] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 114—120.

[23] Б. А. Рыбаков. К вопросу..., стр. 89.

[24] Там же, стр. 89.

[25] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 114—115. Датировка новгородских калачевидных кресал взята мною у Б. А. Колчина, который ссылается на А. А. Спицына: «...Калачевидные кресала (огнива) встречаются исключительно в курганах XI—XII вв.» (Б. А. Колчин. Топография..., стр. 126). Гнездовские курганы X в., не учтенные мною, при этом ничего существенного не изменят, а только сдвинут на графике «примерный рубеж столетий», сделав его еще более условным.

Б. А. Колчин опирался на 14 видов массового археологического материала (табл. I—XIV). Хронологический диапазон этого материала (по данным Б. А. Колчина) таков:

1 вид вещей (золотоордынская керамика) — 100 лет
2 вида » — по 150 лет
4 вида » — по 200 лет
6 видов » — по 300 лет
1 вид » — 400 лет

Никакие диаграммы, никакие статистические подсчеты не могут доказать, что количество тех или иных вещей в том или ином ярусе может помочь уточнению датировки данного яруса — ведь узкий хронологический промежуток одного яруса (около 20 лет) укладывается в диапазоне массового археологического материала в исключительных случаях 5—7 раз, а в большинстве случаев (11 из 14-ти) — 10—15 раз!

В будущем, когда новгородская шкала станет более точной, количество (или процент) вещей в том или ином ярусе будет служить отправной точкой для датировки подобных вещей вне Новгорода, но при составлении новгородской шкалы статистические подсчеты не могли сами по себе служить основой для уточнения новгородских дат.

По поводу всего того раздела абсолютной хронологии, который у руководителей НАЭ будто бы основан на массовом материале, я могу только повторить свой прежний вывод: «Итак, массовый археологический материал, привлеченный Б. А. Колчиным, не может сам по себе служить основой его детальной хронологической шкалы»[26].

3. Прокрустово ложе средних цифр. В каждой хронологической шкале самым трудным звеном является перевод относительной хронологии в абсолютную. В работах Б. А. Колчина этот трудный этап искусно замаскирован; точная шкала возникает перед читателем внезапно и без доказательств. Я не буду повторять здесь тот раздел своей статьи, в котором я шаг за шагом прослеживаю ход рассуждений Б. А. Колчина и выясняю, что все привлекаемые им материалы укладываются им в заранее заготовленную форму, в ровный график, составленный по нивелиру и простейшим формулам[27].

Понимая всю недопустимость подобной методики для окончательного, «не подлежащего уточнению» варианта шкалы, А. В. Арциховский, естественно, сильно раздражен против меня за то, что я обнародовал «мнимое злодейство Б. А. Колчина».

На основе каких «наслоений» создана новгородская хронология? На основе условно выделяемого «яруса», который «фигуры не имеет» и на профиле изображен быть не может? Или на основе пожарных прослоек, значение которых отрицает теперь А. В. Арциховский.

На основе каких «находок» сложилась шкала новгородских древностей? Не тех ли амфор, бус и пряслиц, которые везде бытуют несколько веков, а в Новгороде встречены во многих ярусах? Не тех ли печатей и монет, время попадания которых в культурный слой всегда остается археологам неизвестным, не тех ли берестяных грамот XIII—XIV вв., в которых издатель отыскивает порою признаки архаичной болгарской графики X в.?[28].

Нет, хронология Б. А. Колчина создавалась только при самом общем, приблизительном сопоставлении с этими материалами, но не на их основе.

---

[26] Б. А. Рыбаков. К вопросу..., стр. 90.
[27] Б. А. Рыбаков. К вопросу..., стр. 88—92 и рис. 6.
[28] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г., М., 1958, стр. 26.

Мне трудно понять, как может А. В. Арциховский отрицать теперь то, что в их предварительных хронологических расчетах участвовали формулы и графики.

Во-первых, для предварительной ориентировки формула А. В. Арциховского (1 ярус $= \frac{600 \text{ годам}}{28 \text{ ярусам}} \approx 20$ годам жизни Новгорода) совершенно необходима, и никто не может упрекнуть авторов в пользовании ею.

Во-вторых, эта формула существует в опубликованном виде, отрицать ее наличие не представляется удобным, и колчинский график (основанный на этой формуле) тоже существует [29]. А. В. Арциховский приписал открытие этой формулы мне и делал вид, что он ее не знает!

Но, может быть, не существует формулы: «15 : 3 = 5», т. е. 15 ярусов охватывают 3 столетия и, следовательно, на 1 столетие приходится 5 ярусов, а 1 ярус будет равняться 20 годам? Нет, и она существует.

Я еще раз попрошу читателей взглянуть на единственный стратиграфический документ в огромной статье Б. А. Колчина, на тот злополучный для него рисунок № 51, который я перепечатал в своей статье, учитывая важность его для целей анализа [30].

Теперь по поводу этого рисунка А. В. Арциховский пишет: «Рисунок 51 не служил заменой профилей, но и вообще он оказался неудачным, что Б. А. Колчин теперь признал» [31]. Признавая его неудачным, Арциховский признает неудачной всю свою хронологию.

Сущность этого «неудачного» рисунка очень интересна: это не просто случайный рисунок, без которого можно было бы обойтись — этим графиком Б. А. Колчин подводит итоги всему исследованию о хронологии, а исторической расшифровке этого графика он посвящает четыре столбца своих окончательных выводов о хронологии 28 ярусов [32].

На графике представлены четыре формы членения культурного слоя Неревского конца: 1) глубина в метрах; 2) пласт; 3) ярус; 4) век.

Для трех столетий (кстати сказать, наиболее спорных) — XI, XII, XIII — отведено $15\frac{1}{2}$ ярусов — от 25-го до середины 10-го яруса — и столько же пластов (от 30-го до 15-го).

Все эти ярусы равны по толщине пластам.

Любые пять ярусов-пластов образуют точно один метр слоя.

Любые пять ярусов-пластов образуют почти точно одно столетие. 1 ярус = 1 пласту = 20 годам.

Рубежи веков проведены по этой же пятиричной системе:

Рубеж X и XI вв.—25-й ярус
Рубеж XI и XII вв.— 20-й ярус
Рубеж XII и XIII вв.—15-й ярус
Рубеж XII и XIII вв.— 15-й ярус

Все это могло получиться только потому, что 15 ярусов-пластов Б. А. Колчин разделил на 3 столетия и получил 5 ярусов по 20 лет (и по 20 сантиметров каждый).

Вот где действует эта, якобы неизвестная А. В. Арциховскому, формула $15\frac{1}{2} : 3 = 5$. Она изображена собственной рукой Колчина на рисунке № 51, она составляет его основу.

Да, действительно неудачный рисунок! Ведь если бы его не было, то все эти формулы и графики можно было бы и впредь отрицать или объявлять их изобретением Б. А. Рыбакова. Можно было бы продолжать настаивать на том, что «никто никогда не делал никаких научных выводов на основе этого непритязательного деления», как делает это А. В. Арци-

[29] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, стр. 17; Б. А. Колчин. Топография..., стр. 131, рис. 51.
[30] Б. А. Рыбаков. К вопросу..., рис. 1.
[31] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 109.
[32] Б. А. Колчин. Топография..., стр. 131—133.

ховский [33]. Что касается «непритязательности деления», то я не смею спорить с его автором, оно действительно пригодно только для самых предварительных расчетов.

Но вспомним первооснову этого деления — «формулу Арциховского» — ярус $= \frac{600 \text{ годам}}{28 \text{ ярусам}} \approx 20$. Ведь эта непритязательная (хотя и необходимая на первых порах) формула и лежит в основе равномерного колчинского графика, по крайней мере для самых интересных трех столетий — XI, XII, XIII.

Прежде чем писать о том, что никто, никогда не делал никаких научных выводов на этом основании, А. В. Арциховскому следовало бы учесть, что читатели его статьи могут раскрыть I том «Трудов Новгородской экспедиции» и прочесть там: «Границу XI и XII вв. мы проводим через 20-й ярус условно. Рубеж XII и XIII вв. проходит через 15-й ярус. Это опять наиболее целесообразное решение, так как при данной хронологии хорошо укладываются по ярусам стеклянные браслеты и шиферные пряслица, не нарушая стратиграфии печатей и других находок» [34].

Где здесь выводы из анализа материала и прослоек? Б. А. Колчин прямо пишет об условности границы веков, а потом радуется, что в его сетку «хорошо уложились» — браслеты и пряслица (из них первые встречаются в 14 ярусах, а вторые, как мы уже видели, в 24).

Итогом всего обширного исследования Б. А. Колчина о стратиграфии и хронологии являются: «неудачный» рисунок № 51 и две таблицы, посвященные вещам и сооружениям (№ 52 и 53). Они дают читателю в готовом виде соотношение ярусов и столетий, как его понимает Б. А. Колчин, не раскрывая самой механики установления этого соотношения.

Для того чтобы подвергнуть анализу метод составления таблицы № 51, я перестроил ее по осям координат, показав ярусы горизонтальными строчками, а столетия и десятилетия — вертикальными графами [35]. Хронологическая кривая, соединяющая одно столетие с другим, должна начинаться в левом нижнем углу и подниматься в правый верхний угол.

Я нанес на этот график и колчинский, и свой варианты хронологии. Мой вариант дал зигзагообразную кривую; один подъем этой линии начался в XII в. и завершился в начале XIII в., а другой начался в XIV в. Колчинский вариант дал идеальную прямую линию! Эта прямая, начинаясь от клада 972 г., до грамот Онцифора (1350—54 гг.) равномерно пересекает рубежи веков в точно положенных Б. А. Колчиным местах: 25-й, 20-й, 15-й, 10-й ярусы [36]. Вот и вся механика.

Прямолинейность графиков всегда является результатом применения средних цифр. Прямолинейность хронологии Арциховского — Колчина явилась тоже результатом излишнего доверия к средним цифрам.

Вся пресловутая «сверхточность» и непогрешимость новгородской хронологической шкалы является всего-навсего результатом механического распределения 300 лет между 15-ю условными пластами культурного слоя, называемых «ярусами».

Чтобы достигнуть предельной ясности моей позиции, я повторю, что не вижу никакого «злодейства» в создании подобных примерных расчетов, графиков со средними величинами, простеньких формул на раннем этапе работы над хронологией.

Но в таком случае и публиковать эту хронологию нужно с оговоркой, как приблизительную. В своем ответе А. В. Арциховский касался любых мелочей, спорил по поводу ничего не значащих деталей, но этот главный вопрос о прямолинейности хронологического графика он обошел молчанием, не возразив ничего.

---

[33] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 110.
[34] Б. А. Колчин. Топография..., стр. 133.
[35] Б. А. Рыбаков. К вопросу..., стр. 89, рис. 6.
[36] Там же.

* * *

Однако график Б. А. Колчина (его рис. № 51) не остался для него только примерной ориентировочной схемой; он был руководством к действию. Массовый археологический материал с его широкими хронологическими рамками безболезненно «укладывался» в сетку ярусов. Печати и монеты оказались уже сильно сжатыми этой сеткой — сетка колчинских ярусов до предела сокращает время бытования их.

Еще хуже обстояло дело с пожарами: на прямой линии, проведенной мною на графике по данным Б. А. Колчина [37], два пожара (1299 и 1311 гг.) пришлись на один 10-й ярус, а два других пожара (1340 и 1342 гг.) тоже пришлись по этому прямолинейному графику на один 9-й ярус. И именно эти четыре пожара и явились камнем преткновения для Б. А. Колчина. Нет лучшего доказательства того, что Б. А. Колчин пользовался подобным графиком!

Как быть создателю сверхточной шкалы, как распределить два реальных археологических пожарища 10-го и 9-го ярусов между четырьмя красочными и подробными летописными записями о четырех разных пожарах в Неревском конце? Вот здесь-то и вступает в дело прокрустово ложе средних цифр, здесь-то Б. А. Колчин и начинает, по выражению А. В. Арциховского, «подбирать» пожары. Два первых летописных пожара он разместил без всяких доказательств на одном пожарище, разделив его на южную группу и на северную, но по недосмотру некоторые здания южной группы оказались в самой северной части раскопа, а это лишает доказательной силы всю механику топографического расчленения.

Со второй парой пожаров Б. А. Колчин расправился по иному — он просто исключил «великий пожар» 1340 г. и связал пожарище только с пожаром 1342 г.

Хорошо, что А. В. Арциховский признал теперь, что «Б. А. Колчин неверно использовал пожары, а я напрасно с ним здесь согласился. Попытки прямо датировать пожарища по историческим пожарам всегда заманчивы, но всегда обманчивы. Это опасное упрощение хронологической методики» [38].

Нет, упрощение состоит не в том, что историк и археолог совместно распутывают свиту пожарищ и летописных рассказов, а в том, что в готовую схему, построенную на средних цифрах, укладываются летописные записи. Горе тем фактам, которые вышли за линию прямолинейного графика, они будут исключены из хронологической шкалы.

Так случилось с пожарами 1299 и 1340 г., так случилось с точной датой грамоты Онфима — они не уложились в прокрустово ложе непогрешимой прямой линии.

4. Палеография и А. В. Арциховский. В условиях Новгорода, когда находки надписей исчисляются сотнями, палеографическая датировка приобретает особую важность. Это прежде всего относится к таким редким случаям, когда несколько грамот одного лица, написанные в одно время, найдены в одном ярусе, как это наблюдалось с комплексом грамот мальчика Онфима. Независимо от того, читается или не читается на грамоте № 206 точная дата — 1263 г., сама палеографическая дата комплекса (по форме букв) представляет собой огромную важность для датировки всего 15-го яруса, в толще которого разбросано свыше десятка абсолютно одновременных грамот.

К сожалению, с палеографией берестяных грамот дело обстоит в Новгородской экспедиции не блестяще.

Л. П. Жуковская, давшая очень интересный анализ 24 грамот из находок 1951—1952 гг., не продолжила своей важной работы. Л. В. Черепнин, взявший на себя труд составления сводной азбуки берестяных грамот XI—

[37] Б. А. Рыбаков. К вопросу..., рис. 6.
[38] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 112.

XII и XIII—XV вв., опирался в распределении грамот по векам на стратиграфические датировки А. В. Арциховского [39]. Сам издатель грамот, А. В. Арциховский, до сих пор не дал ни сводной азбуки, ни анализа специфики начертаний на бересте, ни обзора общей эволюции берестяного письма.

В ряде случаев А. В. Арциховский обнаруживает некоторую неосведомленность в отношении элементарных палеографических форм. Так, например, ему в свое время было неизвестно начертание і десятиричного в виде крестика (грамоты № 1, № 69 ✝ ѣ, на то было указано Л. П. Жуковской и другими [40]). А. В. Арциховский почему-то считал эту букву «разделительным знаком» [41]. Публикуя грамоту № 108, А. В. Арциховский встал в тупик перед «непонятным условным знаком», который на самом деле представлял собой обычное для той эпохи У, перечеркнутое небольшой черточкой ✝. А. В. Арциховский вынужден был отказаться от прочтения этой интересной грамоты и дать по этому поводу такое объяснение: «Прочтению грамоты препятствует употребление непонятного условного знака У. Нет оснований видеть здесь У. Эта буква так не писалась, да она и не дает здесь смысла. Вероятно, перед нами условное сокращение...» [42].

Во-первых, буква У так писалась; достаточно указать на новгородскую Кормчую 1282 г. [43]. Кроме того, среди самих берестяных грамот есть такое начертание У (грамоты №№ 61, 115, 121).

Во-вторых, что касается смысла грамоты, то мне уже приходилось указывать А. В. Арциховскому (когда я редактировал его книгу), что смысл здесь вполне ясен — это завещание, в котором упоминаются пашни (а не пшено, как почему-то думает А. В. Арциховский) стоимостью в 9 гривен, клетище ценою в гривну и сума с двумя гривнами мелких денег (мордок) для погребальных целей [44].

Такое же пренебрежение к палеографии А. В. Арциховский проявил и при публикации грамот Онфима, заслуживающих большого внимания. В процессе дискуссии я указал А. В. Арциховскому на то, что в комплексе ученических черновиков из 15-го яруса есть не только грамоты мальчика Онфима. Грамота № 201, описанная издателем как принадлежащая Онфиму [45], приписана ему совершенно ошибочно, что А. В. Арциховский вынужден был признать на заседании [46].

Грамота № 201 — тоже ученическая азбука со складами, но написана совершенно иной рукой. Можно думать, что учителя Онфима и второго мальчика были разными.

Перечислю отличия:

1. Резко отличается буква А с законченной каплеобразной петлей, подвешенной к верхней перекладинке ѧѧ.

2. Буква В образована двумя полукружиями, а не угловатая, как у Онфима ѣ.

---

[39] Л. П. Жуковская. Палеография. Сб. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., 1955, стр. 13—78; Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 162—164, 251—256.

[40] Л. П. Жуковская. Ук. соч., стр. 37, 146, 190, 204.

[41] А. В. Арциховский. Раскопки 1952 г. в Новгороде. ВАН, 1952, № 12, стр. 54.

[42] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953—1954 года. М., 1958, стр. 38.

[43] Я. И. Трусевич. Свод 260 азбук и образцов кириллицы. СПб., 1905.

[44] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953—1954 года, стр. 38, примечание редактора (Б. А. Рыбакова).

[45] А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. СА, 1957, № 3, стр. 220. «Грамота № 201 содержит опять полный алфавит. 36 букв нанесены в полном порядке». Ни слова не сказано о большом своеобразии почерка этой азбуки и складов. Ни фотографии, ни прориси этой грамоты в статье нет.

[46] 8 апреля 1959 г. на заседании секции славяно-русской археологии Пленума ИИМК АН СССР.

3. Совершенно по-другому пишется Ж с очень высоко поднятым верхом ⰖⰆ

4. Буква И отличается пересечением горизонтальной черты, чего Онфим не делал Ⰹⰻⰵ.

5. Буква К отлична от соответственного начертания Онфима как и Ж ⰊⰆ.

Общей стилевой чертой второго мальчика являются двоеточия между буквами, односторонние угловые подчеркивания основных линий, иногда направленные не вниз, а вверх и в бок. Эти особенности встречаются иногда и у Онфима (например, грамота № 200), но здесь они последовательно проведены во всех буквах.

Азбука второго мальчика представляет особый интерес, так как она, в отличие от обычных деловых писем, упрощающих начертания, дает то, что В. Н. Щепкин назвал «стильным почерком», складывающимся во второй половине XIII в. и получившим полное развитие в XIV в. [47].

Главным признаком этого почерка второй половины XIII в. является, как известно, сокращение верхов букв, общий подъем так называемой «сигнальной линии» [48].

Методическая ошибка А. В. Арциховского как палеографа заключается в том, что он не принял во внимание ни в своей работе над грамотами вообще, ни при обдумывании ответа мне, предостережений М. В. Щепкиной и Л. П. Жуковской, установивших з а п а з д ы в а н и е берестяной графики по сравнению с пергаменно-бумажной. Это запаздывание, этот мнимый архаизм обусловлены спецификой бересты как материала и деловым характером письма. «...Письмо здесь (на бересте — *Б. Р.*) более самостоятельное, типы его несколько запаздывают... Писцы продолжают употреблять а р х а и ч н ы е типы букв... Эта вынужденная архаичность типов создает четкое, но обезличенное, бесстильное письмо и при отсутствии других показателей древности затрудняет временами определение века» [49].

Л. П. Жуковская, занимавшаяся специально палеографией берестяных грамот, неоднократно пишет о запаздывании типов начертаний букв на бересте [50].

Сопоставление бересты с обычными рукописями вполне правомерно, как показала там же Л. П. Жуковская, но совершенно необходимо при датировках основываться н е н а н а л и ч и и а р х а и ч е с к и х признаков (не определяющих в этих условиях времени почерка), а на появлении новых, необычных начертаний, которые или проникают на бересту из книжной графики, или же возникают в берестяном письме самостоятельно. А. В. Арциховский же, как я уже указывал в своей статье, иногда изобретает мнимые архаизмы [51].

Были случаи, когда недоучет запаздывания берестяной графики приводил А. В. Арциховского в противоречие не только с лингвистами, но и с самим собой: так, грамоту № 69, найденную в 12-м ярусе (по новгородской шкале — 1267 г.), А. В. Арциховский датирует палеографически XII в., но лингвисты твердо относят ее к XIII в., отмечая, что некоторые фонети-

[47] В. Н. Щ е п к и н. Учебник русской палеографии. М., 1918—1920, стр. 104.

[48] Там же, стр. 104.

[49] М. В. Щ е п к и н а. Рецензия на книгу А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова «Новгородские грамоты на бересте. М., 1953». ВИ, 1954, № 4, стр. 159—160.

[50] Л. П. Ж у к о в с к а я. Ук. соч., стр. 17, 25, 36, 70, 77.

[51] Публикуя грамоту № 147, А. В. Арциховский, ссылаясь на Е. Ф. Карского, утверждает, что такое начертание архаично и «на Руси встречается лишь в XI в.» (стр. 26). Это неверно; Л. В. Черепнин привел примеры перевернутого Ю и для XII, и для XIII вв. И на бересте эта форма живет до 11-го яруса (грамота № 191), который по А. В. Арциховскому датируется 80-ми годами XIII в. Буква Щ, умещенная в строке, тоже не имеет никакого отношения в данном случае ни к гнездовской надписи X в., ни к надписи царя Самуила 993 г. Это начертание Л. В. Черепнин указывает для XIII в. (стр. 155), а на бересте оно доживает до 9-го яруса — первая половина XIV в. (грамота № 92). Таким образом, эти архаизмы — мнимые.

ческие явления, характерные для нее, вообще относятся к более позднему времени, к XIV в. [52].

Второй пример — грамота № 144 из 10 яруса. «Нет ни одного признака, указывающего на время позже XII в.», пишет о палеографии А. В. Арциховский, хотя и делает некоторые оговорки [53]. Б. И. Борковский, не вступая в полемику по палеографии, возражает даже против стратиграфической датировки (1280—1311) и пишет «По-видимому, грамоту следует отнести самое раннее к XIV в.» [54].

Все эти примеры показывают как неразработанность берестяной палеографии, так и опасность доверчивого отношения к архаизмам.

* * *

Защищая свои палеографические позиции, А. В. Арциховский заботится прежде всего о том, чтобы получить в глазах читателя словесное преимущество.

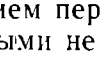
Он вспоминает о заседании 3 марта 1959 г., где он «опровергал палеографические аргументы»: «Я показал тогда, что все указанные им (Б. А. Рыбаковым — *Б. Р.*) аналогии неверны» [55]. «Мое выступление было полезным прежде всего для Б. А. Рыбакова, поскольку теперь он убрал свои палеографические аргументы» [56].

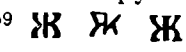
Говоря о грамотах Онфима, А. В. Арциховский (снова забыв о «вынужденном архаизме» бересты) пишет: «Ранняя дата подтверждена тем, что ни Б. А. Рыбаков, ни М. В. Щепкина не смогли указать у Онфима ни одного признака XIII в. М. В. Щепкина не назвала в своем выступлении ни одной буквы. Она только сослалась голословно на некоторые (немногие) рукописи... Несмотря на полное отсутствие палеографических аргументов, Б. А. Рыбаков позволил себе поместить палеографию комплекса грамот Онфима в число фактов, якобы подтверждающих его хронологию» [57].

В первом варианте своей статьи, сданной мною в «Советскую археологию» и хорошо известной А. В. Арциховскому, я писал следующее: «Палеографические признаки онфимовой графики этой новой датировке (1263 г.), как мне кажется, не противоречат:

1. Ряд букв дает широкую дату XII—XIII вв.

2. Написание і в виде крестика встречается в книгах 1282, 1284 гг. [58]. На бересте такое написание есть на грамоте № 102 из 9-го яруса, но не встречается в более раннее время.

3. Своеобразное усложненное написание букв К и Ж  могло появиться только под влиянием пергаменного рисунка этих букв с утолщениями на концах, сделанными не путем нажима, а посредством дополнительного росчерка.

Такие начертания мы видим на книгах 1260, 1264, 1270, 1282, 1283 гг. и на новгородских пергаменных документах: договорная грамота Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1264 г. и рукописанье Климяты (середина или вторая половина XIII в.) [59]  .

---

[52] Р. И. Аванесов. Фонетика. О написании предлога «С» без Ъ. Сб. «Палеографический и лингвистический анализ...», стр. 82.

[53] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г. М., 1958. стр. 23.

[54] Там же, стр. 112. По моей датировке, 10-й ярус будет середина XIV в.

[55] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124.

[56] Там же.

[57] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124 и 125.

[58] Я. И. Трусевич. Ук. соч., см. таблицы XII—XIII вв.

[59] М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 7, 26, 27.

4. Буква пси грамоты № 206 (не встречающаяся в других грамотах Онфима) близка по начертаниям к буквам Трефология 1260 г. и Новгородской Кормчей 1282 г.

5. Начертание в виде игрека встречено в книгах 1260, 1264, 1273 гг. [60].

Совокупность палеографических данных не позволяет выносить дату грамот Онфима за пределы второй половины XIII века, так как все перечисленные признаки появляются только лишь с середины этого столетия».

М. В. Щепкина, выступавшая на заседании сектора славяно-русской археологии ИИМК 5 марта 1959 г., коснулась в своем 40-минутном выступлении ряда вопросов, иллюстрируя выступление рисунками на доске. Позволю себе привести пересказ протокола заседания (председатель Н. Н. Воронин, секретари И. П. Русанова и Л. В. Алексеев). М. В. Щепкина считает, что:

1. Онфим — мальчик 10—12 лет, обладающий опытом письма на пергаменте.

2. Буква А, набухшие и поднятые петли других букв, энергичное подчеркивание пьедесталов и капителей мачт — все это характерно для устава XIII в.

3. Рукописи с начертаниями букв, аналогичными онфимовским, относятся к XIII в.: Апостол 1220-х годов, Новгородская летопись середины XIII в., духовная Климента около 1263 г. и Новгородская Кормчая 1281 г.

4. Написанная Онфимом на грамоте № 206 дата обозначает 6791 год = = 1283 г.

Цифру сотен М. В. Щепкина понимает как округлое «пси», а не как «червь».

Цифру десятков она считает «коппой».

В ответ на реплику Б. А. Колчина М. В. Щепкина определенно заявила, что палеографическая дата почерка Онфима — «не ранее второй половины XIII в., но и не XIV век».

Каковы же те неотразимые аргументы А. В. Арциховского, которые будто бы заставили меня отказаться от своих наблюдений?

1. Перечеркнутое і десятиричное в виде крестика. Мы видели уже как неудачно знакомился с этой буквой А. В. Арциховский, согласившийся одно время считать ее «разделительным знаком». Теперь А. В. Арциховскому уже известно, что первое единичное появление этой формы на пергаменте можно относить к концу XI века (приписка к книге 1096 г.). Однако не считает ли он, что имеют доказательную силу его слова: «нет никаких оснований думать, что на бересте ее стали применять позже», чем на пергаменте? [61].

На бересте «і» в виде крестика встречено в грамотах XIII—XV вв. (№№ 61, 69, 102, 1) по датировке А. В. Арциховского.

Типичным явлением и для берестяной, и для пергаменной палеографии становится употребление ⸗ = і десятиричного только в XIII—XIV вв. Так Л. В. Черепнин указывает XIII в. [62]. Я. И. Трусевич указывает рукописи 1282, 1284, 1305, 1344 гг.

2. Палеографический разбор букв Онфима (точнее — 11 грамот, которые А. В. Арциховский приписывает Онфиму, включая № 201) Артемий Владимирович начинает с букв Б, Ъ, Ь, у которых, по его мнению, «петли еще сохраняют геометрическую форму и еще не набухли; это признак XI—XII вв». [63].

М. В. Щепкина, как мы видим, держится противоположного мнения и именно набухшие петли считает признаком второй половины XIII в. Каковы же они на самом деле? Сохранили они геометрическую форму или нет?

---

[60] Я. Трусевич. Ук. соч., те же таблицы.
[61] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124.
[62] Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 154.
[63] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124.

Возьмем первую из грамот Онфима — № 199.

В азбуке Б и Ь — с набухшими петлями; Б в слоге «бе» — [64]

В грамоте № 201, принадлежащей не Онфиму, но относящейся к этому же комплексу, как в азбуке, так и в складах у Б и В петли утратили всякую геометричность (хотя у Ъ и Ь еще сохранили ее).

В грамоте № 200 петли у Б и В округлы и о них никак нельзя сказать, что они «сохраняют геометрическую форму», достаточно взглянуть на рис. 4.

3. Третий аргумент изложен так: «Верхние черты «в», «к», «ж» еще не сокращены, это говорит о тех же веках» (т. е. об. XI—XII вв.—*Б. Р.*) [65].

Мне крайне неудобно отвечать А. В. Арциховскому на это его утверждение, так как я вынужден указать на его отклонение от истины.

Грамота № 199 (рис. 1) склады «ЖЕ» и «ЖИ» — перелом левой половины буквы выше середины средней мачты

Грамота № 201. И в азбуке, и в складах буква Ж, написана с очень сильно приподнятым перехватом, приходящимся почти на уровне верхней линии строки (не менее $^4/_5$ от низа мачты) · . Подобные пропорции буквы Ж относятся к концу XIII или к XIV в. [66].

Грамота № 202 (рис. 5) в слове «доложзивъ» буква «Ж» точно так же имеет очень высоко приподнятую сигнальную часть, что ранее XIII в. не встречается .Полную аналогию этому начертанию «Ж»дает рукопись 1288 г. [67] .

Что касается буквы К, то в грамоте № 199 (обор. рис. 2) в предлоге «КО» буква К имеет сильно поднятый верх . Такой же сильно поднятый верх (на $^3/_4$ от низа мачты) имеет К и в азбуке грамоты № 201 .

Следует сказать, что наряду с указанными выше формами букв Ж и К существует иное начертание, дата которого тоже, как я постараюсь показать, не опускается древнее середины XIII в.

Для буквы В можно наметить только тенденцию к повышению средней линии (грамоты №№ 200, 201, 202).

4. «Середина омеги еще высока, что является признаком скорее даже XI века, а для XII в. лишь пережитком» [68].

Л. В. Черепнин указывает высокую омегу в числе типов XIV в. и ряд начертаний для XV в. [69].

5. «Характерно и «Ч», оно еще имеет вид бокальчика, а не палочки с расщепом; такие бокальчики типичны для XI—XII вв. [70]». Л. В. Черепнин из 9 примеров «Ч» XIII в. указывает три в форме бокальчика [71]. У Я. И. Трусевича бокаловидное «Ч» приведено по данным рукописей 1262, 1283 гг.

---

[64] А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима, рис. 1.

[65] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124.

[66] В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 99, рис. 39, строка 5, знак 5 и след. и строка 6. См. также стр. 102, 105 и рис. 40 на стр. 103; Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 188, рис. (без номера) буквы №№ 4, 5, 6; Л. В. Черепнин. Ук. соч., XIII в., буква № 3; XIV в., буква № 5; Я. И. Трусевич. Ук. соч., лист VI — 1263 г., 1284 г., лист VII — 1284 г., 1296 г., лист VIII — 1302 г., 1305 г. и др.

[67] Я. И. Трусевич. Ук. соч., лист. VII.

[68] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124.

[69] Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 245; См. Я. И. Трусевич. Ук. соч. Лист. IX. Апостол новгородский 1309 г.— высокая середина у омеги. В XIV веке омега с высокой серединой обычна.

[70] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124.

[71] Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 155.

6. Последний палеографический аргумент А. В. Арциховского — буква Р в виде тросточки — «она попадается только в ранних слоях». «Вопрос о хронологии новгородских слоев не имеет тут значения, поскольку все другие грамоты с таким «Р» старше, чем грамоты Онфима» [72].

Раз это не имеет значения, то зачем же такой «аргумент» приводить? Самое большое, что можно сказать, это то, что на эпохе 15-го яруса закончилось применение этой своеобразной формы, но ведь это не имеет никакого отношения к нашему спору [73].

Если бы я хотел подражать А. В. Арциховскому, то уже на основании разбора этих шести его пунктов мог бы написать: «Несмотря на полное отсутствие палеографических аргументов, А. В. Арциховский позволил себе утверждать, что грамоты Онфима якобы относятся к XII веку». Но я не хотел бы ограничиться только разбором примеров, которые отобраны А. В. Арциховским. Продолжу рассмотрение некоторых хронологических примет грамот Онфима.

Буква «В» (грамота № 204), у которой верхний треугольник главенствует, а нижний приписан к нему, начинаясь не от мачты, а от верхней наклонной линии [74] . Л. В. Черепнин указывает близкое В только для XIII—XV вв. [75]. Буква У в виде игрека появляется только в XIII в. [76].

Наибольший интерес представляют своеобразные начертания букв Ж и К. Онфим часто пишет букву Ж в три приема: по сторонам вертикальной мачты он симметрично располагает две кривые линии, близкие по начертанию к цифре 3; справа от мачты она написана как 3, а слева — перевернута (как наше заглавное письменное Е) — . По этому же принципу пишется и К, но только нижний завиток «цифры 3» здесь иногда менее закруглен и опускается вниз — .

Думаю, что на этой своеобразной форме сказалось то, что Онфим, как установлено М. В. Щепкиной, писал и на пергаменте. На пергаменных рукописях именно во второй половине XIII в. появляется большое количество начертаний Ж, в которых эта буква изображается подобным образом: вертикаль и два симметричных зигзага. В. Н. Щепкин относит такую форму (равно как и У — игрек и подъем сигнальной линии) к новообразованиям XIII в., т. е. после 1237 г. [77]. Л. В. Черепнин датирует XIII в. (стр. 154). В своде Трусевича подобная форма «Ж» впервые указана в рукописях 1260-х годов, но более явственно она изображена на книгах 1271, 1282, 1283 гг. [78] Ж Ж Ж Ж Ж.

Итоги палеографического разбора. 1. Палеографические аргументы А. В. Арциховского не соответствуют действительной форме букв в грамотах Онфима и особенно в неопубликованной грамоте № 201.

2. В пользу второй половины XIII в. говорит следующее: подъем «сигнальной линии» — сокращение верхов букв Ж и К до $^1/_4$ или $^1/_5$; наличие новых начертаний, появляющихся только во второй половине XIII в. (У, В, Ж, К и некоторые другие); общий стиль почерка — широкий, квадратный, утяжеленный, с утрированным подчеркиванием оснований.

3. Появление новых элементов, известных нам главным образом по рукописям 1260—1280-х годов, определяет датировку. Отмеченное исследователями запаздывание берестяной графики видно на ряде букв,

---

[72] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124—125.

[73] А. В. Арциховский указывает 8 аналогий букве Р в грамотах 19—16 ярусов. Но из них в грамотах №№ 155, 160, 163 эта буква иного типа. А две грамоты В. И. Борковский передатирует: грамоту № 113 — не ранее конца XIII в., а грамоту № 168 — серединой XIII в. Остаются три грамоты 17—16 ярусов.

[74] Я. И. Трусевич. Ук. соч., листы VI—IX. Рукописи — 1263, 1264, 1270, 1283, 1284, 1302, 1304, 1309—1312.

[75] Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 154—244.

[76] Там же, стр. 155; Я. И. Трусевич. Рукописи — 1215, 1264, 1273 гг.

[77] В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 102, рис. 39, строка 5, знаки 4, 6, 7, 8.

[78] Я. И. Трусевич. Ук. соч., листы VI, VII, VIII.

что и смутило, очевидно, А. В. Арциховского, не принимающего во внимание этого запаздывания и искусственной архаизации берестяных букв.

К счастью, палеография — наука объективная, и хронология грамот Онфима и его друга (№ 201) может быть проверена всеми. Что касается чтения даты на грамоте № 206, то сейчас существует три точки зрения:

1. А. В. Арциховский видит здесь бессмысленный набор цифр.

2. Б. А. Рыбаков и Л. П. Жуковская читают ѕѱ ҁ ѧ = 6771 = = 1263 г.[79].

3. М. В. Щепкина считает третий знак коппой и дату читает = 1283 г.

Два последних взгляда находят полную поддержку в палеографии грамот Онфима и его соученика (вторая половина XIII в.).

Я продолжаю утверждать, что ученик Онфим, знавший и коммерческую корреспонденцию, и молитвы, расставил цифровые знаки в четырехзначном числе именно так, как его этому учили: 1) знак тысяч — S = 6000; 2) знак сотен — Ѱ «пси» (см. фото 1956 г.) = 700; 3) знак десятков — О = 70. Некоторое сходство этой буквы с буквой С (знак сотен) объясняется дефектами бересты. 4) Знак единиц — А = 1.

Все четырехзначное число читается так: ѕѱ ҁ ѧ 6771 = 1263 год.

5. Полемические приемы А. В. Арциховского. Уклонившись от всех главных методических вопросов, не продвинув ни на шаг систему доказательств своей старой хронологии и даже не сказав того, как же быть с «точными» колчинскими датами (до дня и часа) теперь, после отречения от пожаров, А. В. Арциховский стремится увести читателя в сторону мелких несущественных деталей.

Главным полемическим приемом А. В. Арциховского является сгущение красок для наиболее контрастного изображения своих и моих положений.

О себе он говорит в таком тоне:

«Находки 1953 г. явились не основанием, а подтверждением хронологии, подобно тысячам позднейших находок...».

«Можно было бы занять еще десятки страниц новыми примерами (моих ошибок. — *Б. Р.*)».

«Мои напечатанные хронологические аргументы по данному вопросу уже исчисляются сотнями»[80].

О моей статье А. В. Арциховский может говорить только так: Б. А. Рыбаков опирается на «фиктивные цифры» (стр. 109), «ложные постулаты», «произвольность выводов» (стр. 111), «грубые ошибки» (в вопросе о пожарах — стр. 112), «стремление Б. А. Рыбакова ввести в хронологию все полюбившиеся ему пожары привело к чудовищным и необъяснимым скачкам» (стр. 113), «всех его натяжек здесь не хватает» (стр. 115), линии на чертеже «он проводит произвольно, но надо сказать совсем не бесцельно» (стр. 115). «Хронология Б. А. Рыбакова ведет к грубому искажению их общепринятых дат» (стр. 119), «Б. А. Рыбаков дает для них (для стеклянных браслетов) фантастическую дату».

Расчет обороняющегося от критики А. В. Арциховского очень прост — повторение одних и тех же слов может создать у его читателей видимость решительного и смелого отпора критику.

Но я предпочитаю говорить сейчас не о форме ответа А. В. Арциховского мне (в конце концов, каждый волен защищаться так, как он умеет), а о том, сумел ли А. В. Арциховский научно обосновать свое право на такой обличительный тон и соответствуют ли его красочные выражения действительности.

Рассмотрим некоторые примеры отношения А. В. Арциховского к своему критику.

---

[79] Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, стр. 26.

[80] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 110, 120, 125.

1. Что означает «произвольность выводов» и «грубые ошибки» в сопоставлении пожарищ с летописью.

А. В. Арциховский умалчивает о всех моих хронологических аргументах и настойчиво повторяет читателю: «На чем же Б. А. Рыбаков основывает свои даты? Только на пожарах. А ведь это совсем не основание» (стр. 110). «Б. А. Рыбаков на пожарах основал все». «Хронология Б. А. Рыбакова покоится только на пожарищах» (стр. 112).

Я предпочел бы только торопливостью объяснить конечный итог, к которому пришел А. В. Арциховский при чтении моей статьи. Ему показалось (или он так хотел представить дело читателям), что в этой статье, посвященной критике его раскопочных приемов, методов фиксации и публикации, критике его окончательной исторической обработки всех датировок, «все сводится,— как пишет А. В. Арциховский,— к выписыванию летописных дат пожаров и к безнадежным усилиям связать эти даты с пожарищами»[81].

Читая это крайне оригинальное заключение, невольно начинаешь думать — а не перепутал ли автор-редактор меня, Б. А. Рыбакова, с моим тезкой Б. А. Колчиным? Ведь не я, а Б. А. Колчин и сам А. В. Арциховский ввели датировку по сопоставлению археологических пожарищ с летописными записями в своей публикации 1956 г. и повторили ее в 1959 г.

2. «Полюбившиеся пожары». Что касается «полюбившихся» мне пожаров, то А. В. Арциховский не дал ни одной фактической поправки ни к списку пожарищ (взятому мною у Б. А. Колчина), ни к списку летописных записей о пожарах, составленному мною не по Б. А. Колчину, а по летописям.

Единственное его возражение касается того самого пожара 1340 г., который был «забыт» Б. А. Колчиным в его хронологической шкале. А. В. Арциховский встает на защиту «прокрустова ложа» и пытается тоже доказать, что будто бы этот пожар, бушевавший во всем Неревском конце, пощадил то самое место, где шесть веков спустя стали вестись раскопки. Как же это доказывается?

Доказывается это путем цитирования и истолкования только той части летописного текста, которая, по мысли А. В. Арциховского, не противоречит его толкованию.

Поэтому я вынужден вторично привести текст новгородской летописи и показать, как его обрубил и как понял этот отрывок А. В. Арциховский.

«В лето 6848... Того же лета, месяца июня в 7..., загореся на Розважи улици в поли, за святым Федором, и погоре Неревьскыи конець даже и до святого Якова, а семо и до Чюдинцеве улици, и церкви вси и дворове, оттоле вержеся в город, и погоре двор владычен, церкви святыя Софея и что дворов в городе и церквии, и Людин конець и до святого Алексия, тако же и церкве и домове, а семо и до Пруской улице. Тако бяше велик и лют пожар, с бурею и с вихром, яко мнети уже концина, по воде огнь горя хожаше и много людии истопи на Волхове. И перевержеся огнь чрес Волхово на ону сторону, и тамо въскоре до вечернии погоре вся сторона от Федорова ручья в Славно и до поля, и церкви каменыи и древяныи и домове. Изо многих церквий не успеша выносити ни икон, ни книг, такоже ни из домов; а хотя кто что вынесл или на поле, или на огороды, или в греблю, или в лодьи, или в учаны, то все пламенемь взялос; а иное что хотя кто вынесл, злии человеци разграбиша...»[82].

Что выбрал из этого текста А. В. Арциховский?

«...Загореся на Розважи улици в поли, за святым Федором, и погоре Неревьскыи конець даже и до святого Якова...»[83].

---

[81] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 127.
[82] Новгородская первая летопись... М.— Л., 1950, стр. 351.
[83] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 112.

После этого он начинает уверять читателей, что «пожар, остановившийся у Якова, едва ли дошел до раскопок».

Это не пожар остановился у Якова, а наш автор решил поставить здесь точку посреди фразы.

Ведь выражение «...даже и до святого Якова, а семо и до Чюдинцеве улици и церкви вси и дворове...» имеет только один смысл, что п о г о р е л о в с е п р о с т р а н с т в о «до святого Якова там, а здесь — до Чюдинцевой улицы: в с е ц е р к в и и в с е д в о р ы» [84]. Перевести эту фразу иначе совершенно невозможно, так же как невозможно и разрубать ее по своему усмотрению.

Летописец очень точно говорит о страшном пожаре, уничтожившем почти весь Неревский конец; границы катастрофы на Софийской стороне он очень добросовестно перечислил: на западе — ц. Федора, на востоке — Волхов.

Направление север — юг летописец обозначил крайними точками — церковью Якова на севере и Чудинцевой улицей на юге.

Обороняя от пожара 1340 г. район своих раскопок, А. В. Арциховский не ограничился неправильным цитированием и неправильным переводом — он скрыл от читателей, что огонь бушевал в н е п о с р е д с т в е н н о й б л и з о с т и о т п л о щ а д и Н е р е в с к о г о р а с к о п а: ведь церковь Якова расположена в 100 саженях к северу от раскопа, а в 100 саженях к югу от раскопа находилась церковь «сорока мучеников», сгоревшая в этот пожар:

«...В церкви святых 40 мученик, иже бе устроена и украшена иконами и писменем и кованием и крутою, запершись в церкви товар весь, чии бы ни был, то все разграбиша, а икон и книг не даша носити; да якоже сами избигоша из церкви, в с е п л а м е н е м в з я л о с я и сторожа два убиши» [85].

Район раскопок находился как раз посередине между двумя ориентирными точками, указанными летописцем. Как в таких условиях, среди моря огня, когда «много людей погоре в домех: вборзе бо огнь заял», когда свирепствовала «буря с вихром» — как могли бы полностью уцелеть все 19 деревянных построек Неревского раскопа (10-й ярус), расположенные в самой сердцевине Неревского конца — известно только А. В. Арциховскому. Ни из текста летописи, ни из топографии Новгорода такого вывода сделать нельзя.

Меня удивляет другое — зачем понадобилось серьезному знатоку Новгорода и новгородских летописей А. В. Арциховскому прибегать в полемике к таким приемам, которые, во-первых, не делают чести ему, а во-вторых, легко могут быть обнаружены каждым, кто сопоставит мою статью и его ответ и после этого обратится к первоисточнику — к летописи?

А. В. Арциховскому не понравилось то, как я провел стрелки на своем плане, обозначающие пожар 1340 г. Он даже готов навести читателя на мысль о какой-то моей преднамеренности: Б. А. Рыбаков «провел между ними (церквями Федора и Якова) не прямую линию, а сложно-изломанную, ровно вдвое длиннее. И н а ч е э т а л и н и я н е п р о х о д и л а у н е г о через место раскопок» [86].

Так вот, пусть читатели знают, что злополучная стрелка от улицы Розважи на север к ц. Якова идет о т ц е р к в и с о р о к а м у ч е н и к о в, упомянутой летописцем и не упомянутой А. В. Арциховским. Линии со стрелками на моем плане показывают н е н а п р а в л е н и е движения огня, а конечные точки пожаров. Это достаточно ясно из плана. Торопясь во что бы то ни стало упрекнуть меня в «ошибке», А. В. Арциховский не дал себе труда заглянуть в конец этой летописной статьи о пожаре 1340 г.

---

[84] Летописец писал, очевидно, в Кремле, так как близкая к Кремлю Чудинцева улица для него — «семо».

[85] Новгородская первая летопись..., стр. 352. При вычислении расстояний я пользовался планом Новгорода конца XVIII в.

[86] А. В. А р ц и х о в с к и й. О новгородской хронологии стр. 112.

Иначе он не писал бы о том, что «за Волхов он (огонь — *Б. Р.*) перекинулся по мосту, тем более, что там погорел тогда не Плотницкий конец, а Славенский (против Неревского конца лежит Плотницкий) [87].

Все это написано для того, чтобы любыми средствами преуменьшить масштабы пожара 1340 г. и спасти Б. А. Колчина, в прямолинейный график которого «не укладывался» этот пожар. Но ведь говорит же летописец о пожаре в Плотницком конце, напротив Дослани улицы, т. е. много севернее места раскопок:

«А в святой Пятници сторожь сыном сгоре; потом же пожару и церковь та падеся, другая святою мученику Бориса и Глеба на Подоле; Много и людий погоре...» [88].

Подол, в котором находилась сгоревшая церковь Бориса и Глеба, составлял северную часть Плотницкого конца Новгорода; огонь мог туда перебросить только через Волхов («по воде огнь горя хожаше») и именно из Неревского конца, так как Славенский конец до Федорова ручья был запален огнем «города» — Кремля.

Опубликовав дважды (в 1956 и 1959 гг.) свою хронологию, основанную на неверном, субъективном подборе полюбившихся Б. А. Колчину пожаров, А. В. Арциховский вдруг вспомнил о том, что им не доказана самая допустимость сопоставлений пожарищ с летописными пожарами, и он обвинил в этом ни кого-либо иного, а опять меня: «Б. А. Рыбаков должен был бы доказать самую допустимость сопоставлений пожарищ с летописными пожарами. Но он этого вопроса даже не касается. Можно ли нагляднее выставить произвольность выводов?» — патетически восклицает А. В. Арциховский, отвечая на упрек, который он по существу направил самому себе.

Произвольность выводов Б. А. Колчина в отношении пожаров теперь уже признана А. В. Арциховским (ранее одобрявшим их), а теперь появилась «пожаробоязнь».

3. «Фантастические даты». По поводу стеклянных браслетов А. В. Арциховский пишет: «Б. А. Рыбаков в своем графике дает для них фантастическую дату с конца X до конца XIV в.» [89]. Отвечу очень просто: ни А. В. Арциховский, ни Б. А. Колчин, ни я не отделяли византийских (или корсунско-тмутараканских) браслетов от собственно русских. Это стало возможно лишь недавно, только после специальных химических анализов проф. М. А. Безбородова, продолженных затем Ю. Л. Щаповой. Речь всегда шла о стеклянных браслетах вообще [90]. Что касается «фантастической» даты, то укажу, во-первых, что, вопреки А. В. Арциховскому, в Черной Могиле стеклянный браслет есть не только в насыпи (как пишет он), но и в самом женском погребении, а это 60-е годы X в. [91]. В. В. Кропоткин со ссылкой на Б. А. Колчина пишет: «Новгородские горожанки начали носить стеклянные браслеты еще в X в.» [92].

Верхняя дата дана по А. В. Арциховскому, отнесшему курганы в Мякинине и в Филях к III стадии, т. е. к XIV веку [93].

---

[87] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 112.

[88] Новгородская первая летопись..., стр. 352.

[89] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 116.

[90] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953, стр. 55; Б. А. Колчин. Топография..., стр. 120—123, табл. I, рис. 50; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 397—398.

[91] Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 398; его же. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 44, рис. 16.

[92] В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 42.

[93] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 183, № 131; стр. 193, № 203. О том, что автор датирует свою III стадию всем XIV в., а не только его началом, см. стр. 149—150.

То, что А. В. Арциховский попал в столь неудобное положение, назвав фантастическими свои собственные датировки, еще раз показывает условность тех существующих в литературе датировок массового материала, на которых будто бы основаны точные рубежи колчинской шкалы.

4. «Грубое искажение общепринятых дат». Этот грозный тезис А. В. Арциховский иллюстрирует тремя долженствующими уничтожить меня примерами.

Пример первый. Автор упрекает меня в том, что лимонные бусы X в. по моему варианту хронологической шкалы оказываются в ярусах, относимых мною к началу XII в. Да, мое преступление очень велико: 5 лимонных бусин 23-го яруса и 1 бусина 22-го яруса действительно заходят по моей хронологии в первую треть XII в.

Только той поспешностью и раздражением, с которыми писалась ответная статья А. В. Арциховского, могу я объяснить его непонятный упрек по поводу этих же лимонных бус: «Б. А. Рыбаков ввел в свой график их правильную дату: до начала XI в. включительно. Однако фактически по его хронологии, как показано на прилагаемой диаграмме (рис. 6), эти украшения захватывают весь XI в. и даже начало XII в., что совершенно невозможно».

Очевидно, А. В. Арциховский плохо читал редактированный им I том «Трудов НАЭ». Там (на основе его, а не моей хронологии) Ю. Л. Щаповой сказано: «на XI в. падает 30 экземпляров, на XII в.— 5» [94].

Значит это не «совершенно невозможно»!

Приходится разъяснять редактору «Трудов НАЭ» то, что вполне ясно автору статьи, Ю. Л. Щаповой, что «находки в слоях XII в. нужно объяснить, вероятно, также случайным сохранением бус в быту» [95].

Где же здесь «грубое искажение»?

Пример второй. Арбалетные стрелы по хронологии Арциховского — Колчина встречены в ярусах середины XII в., а по моей — на рубеже XII и XIII вв. «Все это исторически невероятно» — восклицает защитник новгородской хронологии.

Однако автор специального исследования об оружии А. Ф. Медведев пишет, что «широкое распространение самострелов относится к XIII—XV вв.», делая вывод, с точки зрения А. В. Арциховского, еще более невероятный [96]. Редактору этого тома «Трудов Новгородской экспедиции» не мешало бы заглянуть в него, прежде чем категорически заявлять, что это «исторически невероятно».

Пример третий. Весомым аргументом против моей схемы А. В. Арциховский считает хронологию шпор и приводит крайне обобщенные даты их типов (диапазон 200—300 лет) и пишет, что «хронология Б. А. Рыбакова уничтожила бы эти соответствия». На самом деле расхождения были бы в пределах 3-х ярусов — т. е. около 60 лет, что при расплывчатости дат самих типов в 200—300 лет существенной роли не играет и никаких соответствий не уничтожает, тем более что нужно еще доказать полную синхронность изменения типов шпор у европейских королей и у жителей Неревского конца.

Свои филиппики по поводу пяти бусин, королевских шпор и ненайденных арбалетных стрел А. В. Арциховский завершает такой угрозой: «Можно было бы занять еще десятки страниц новыми примерами». Стоит ли?

5. «Оперирование фиктивными цифрами». Стремясь опорочить мои рассуждения о строительных периодах и об эпохах подъема и упадка новгородской жизни, А. В. Арциховский применил своеобразный полемиче-

---

[94] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. Тр. НАЭ, т. I, МИА, № 55, стр. 174.

[95] Там же, стр. 174.

[96] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. Тр. НАЭ, т. II, МИА, № 65, стр. 149; А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 120.

ский прием: «Весьма любопытным кажется оперирование цифрами в рассуждении Б. А. Рыбакова о строительных периодах... Если бы Б. А. Рыбаков привел эти цифры к одному знаменателю, ему пришлось бы отметить, что во время, отнесенное им к упадку (14—15 ярусы), было построено 35 срубов...» [97].

Только поспешностью ответа можно объяснить то, что А. В. Арциховский проглядел эти самые 35 срубов, изображенные на моей таблице (рис. 2 в СА № 4, 1959 г.) А если говорить о приведении к одному знаменателю, то и это у меня сделано: к общему знаменателю приведены все постройки всех ярусов с учетом длительности жизни каждого яруса; на этом и основана указанная таблица. Проглядев то, что ясно изображено на моей таблице и не менее ясно изложено в тексте (§ 7), А. В. Арциховский осмеливается писать о «фиктивных цифрах» (стр. 109).

Но самым интересным является то, что он тут же пытается показать читателю свои подсчеты, свои «достоверные цифры» количества новопостроенных срубов.

Сопоставим их:

«Подлинные цифры» (подсчеты А. В. Арциховского, стр. 109)		Подсчеты Б. А. Рыбакова (стр. 104, рис. 10), объявленные А. В. Арциховским «фиктивными цифрами»	
15 ярус	23 сруба	15 ярус	23 сруба
14 ярус	12 срубов	14 ярус	12 срубов
13 ярус	21 сруб	13 и 12 ярусы	28 срубов (21+7)
12 ярус	7 срубов		

и так далее...

Значит, в полемическом пылу наш автор просто проглядел цифры в моей диаграмме и слишком поторопился перейти в наступление.

* * *

Внимательное ознакомление с ответной статьей А. В. Арциховского еще раз убеждает нас в том, что методическая сторона работы Новгородской экспедиции страдала рядом существенных недостатков.

Для самой важной и интересной археологам эпохи — от Владимира Святого до Ивана Калиты — для трех столетий истории Новгорода, исследователи удовольствовались простейшей формулой, «непритязательным делением»: 300 лет = 15 пластам = 15 ярусам, на которой они основали свою шкалу.

Не сумев ее доказать, они тем не менее много раз ее опубликовали, снабжая уверениями в небывалой точности и непогрешимости.

К распределению вещей по «ярусам» мы должны относиться с осторожностью. Конечно, ранние вещи залегают в нижних ярусах, а поздние — в верхних, но доверять безусловной принадлежности той или иной вещи к определенному и (при том точно датированному) «ярусу» мы не имеем права — нет никаких доказательств ни для членения культурного слоя повсеместно на 28 ярусов, ни для залегания вещей в ярусах. Слабость позиции А. В. Арциховского видна и из способов его защиты. Нагромождение голословных обвинений, выраженных в безапелляционной и резкой форме, свидетельствует о крайней растерянности критикуемого автора, который все же хочет произвести на читателя впечатление не обороняющегося, а нападающего.

Чего стоят, например, попытки А. В. Арциховского заявить о своей непричастности к среднеарифметическому методу определения рубежей веков (ярусы 25-й, 20-й, 15-й, 10-й) или попытка объявить меня ответственным за неудачный колчинский «спектр пожаров»?

[97] А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 108. Подчеркнуто мною.— *Б. Р.*

Чего стоит маневрирование с летописным текстом о пожаре 1340 г., где он допустил по крайней мере три ошибки, а обвинить в искажении смысла пытался опять меня?

Чего стоят, наконец, нагромождения самых резких выражений по поводу «грубого искажения дат» мною, когда на проверку получилось, что часть «фантастических» дат взята мною у самого А. В. Арциховского, а часть — у его учеников, писавших под его редакцией?

Какова цена палеографическим выводам А. В. Арциховского, если они основаны только на части материалов и если другая их часть (например, грамота № 201) не была опубликована, хотя именно в этой неопубликованной части и содержатся черты второй половины XIII в.— черты, так отрицаемые А. В. Арциховским для спорного комплекса ученических черновиков 15-го яруса?

Дискуссия заставила А. В. Арциховского признать возможность поправок к «непогрешимой» шкале, заставила Новгородскую экспедицию заняться слоями близ точно датированных церквей и дендрохронологическим анализом бревен из раскопок.

Однако каковы бы ни были результаты будущих анализов, к какому бы варианту шкалы ни были они близки, статья А. В. Арциховского никак не может рассматриваться как новое слово в науке. Новым в ней является только тон. Тон статьи А. В. Арциховского и те полемические приемы, при помощи которых он защищает «честь мундира» Новгородской экспедиции, достаточно ясны всем, и я не хотел бы вдаваться в их оценку.

Дальнейшая работа над новгородской хронологией и ее уточнением (особенно для XI—XIII вв.) — важное дело археологов-медиевистов, и все этапы этой работы должны обсуждаться широко и по-деловому.

ПУБЛИКАЦИИ

В. М. РАУШЕНБАХ

МАСТЕРСКАЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ НА ГОЛОМ КАМНЕ ПОД НИЖНИМ ТАГИЛОМ

В 1954 г. на южном склоне горы Голый Камень ученик одной из школ г. Нижнего Тагила Игорь Рикерт нашел несколько отщепов камня со следами обработки. После этого на месте находок мною был заложен небольшой раскоп. Стационарные археологические исследования на этом памятнике проводились в 1954 и 1955 гг.

Местонахождение «Голый Камень I» обнаружено после проведения через эту гору дороги, в стенках кюветов которой и были обнаружены обломки камней со следами обработки.

Гора «Голый Камень» расположена у западной окраины г. Нижнего Тагила. Восточный склон горы пологий и ограничен Гальянским торфяником, западный и юго-западный — более крутой и омывается р. Лебой. На вершине горы имеется так называемый «шихан» — останец выветривания, представляющий собой скалу 15—18 *м* высотой.

На южном склоне горы, ближе к вершине, наблюдаются выходы кремнистых сланцев зеленовато-серого и бурого цвета. Ближе к подошве горы, на дневной поверхности, часто встречаются крупные глыбы кремового и бурого цвета туфового кремня. Отдельные глыбы имеют размеры до 1 × 1,5 × 1 *м*.

Камни со следами обработки были найдены также и на восточном склоне горы Голый Камень. Местонахождения камней со следами обработки на восточном склоне названы нами — Голый Камень, II, III, IV и V.

Некоторые из камней, найденные на восточном склоне горы, очень сильно патинизированы, обработаны очень грубыми сколами и по форме несколько напоминают рубила нижнего палеолита (рис. 1, *2*). В пункте Голый Камень IV найден массивный плоский камень со следами ретуши по краю, своей формой напоминающий массивные палеолитические скребла (рис. 1, *1*). Камни со следами обработки, найденные на восточном склоне Голого Камня в пунктах II—IV, изготовлены из коричневатого порфирового туфа, с вкраплениями, резко отличного по цвету от находок из пункта Голый Камень I.

На большинстве камней, найденных в пунктах Голый Камень II—V, следы обработки настолько нечетки, что вызывают сомнение, подвергались ли они какой-либо обработке или форма их является чисто случайной.

При обследовании восточного склона горы Голый Камень нами были заложены несколько шурфов, но культурного слоя обнаружить не удалось. Можно предполагать, что культурный слой на склоне горы, видимо, был очень тонким и слабо насыщенным и с течением времени мог быть

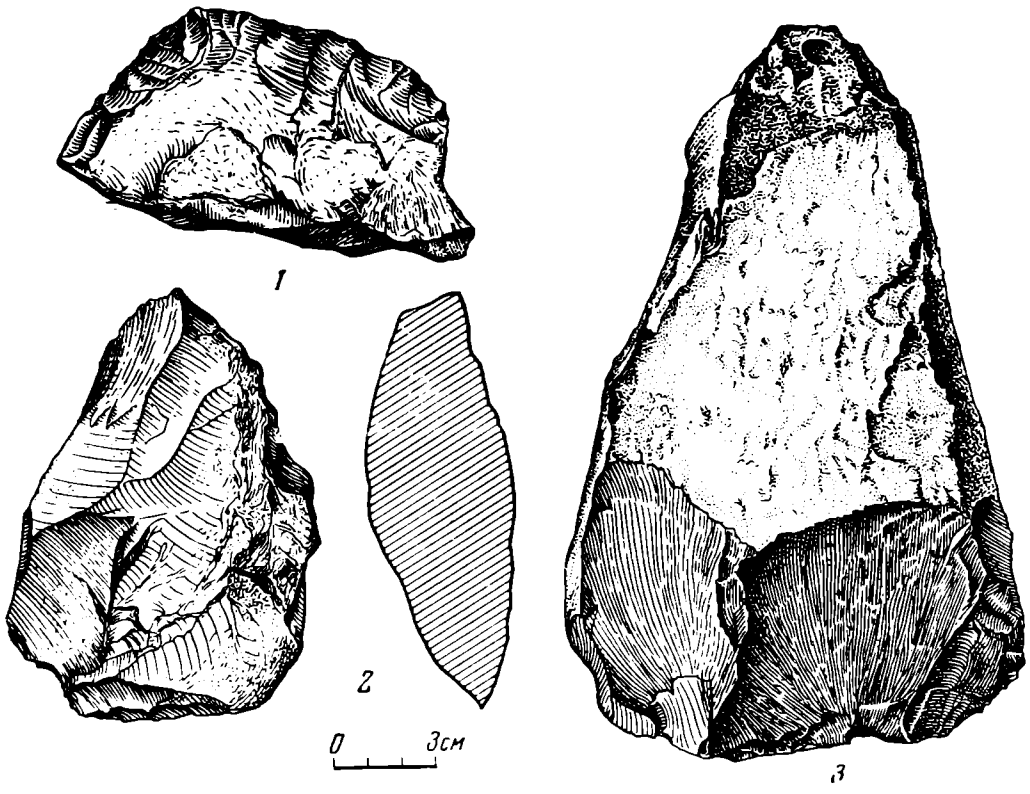


Рис. 1.

1 — орудие, близкое по форме палеолитическим скреблам, *2* — орудие, напоминающее по форме палеолитические рубила; *3* — клин для раскалывания камня

размыт и разрушен вспашкой. В связи с этим основное внимание во время раскопок нами было уделено местонахождению Голый Камень I, занимающему площадь около 7000 *м*^{2}.

На местонахождении Голый Камень I, на площади, максимально насыщенной находками, был заложен раскоп, в 56 *м*^{2}, обнаруживший остатки древней мастерской каменных орудий. После снятия дерна (5—6 *см*) и зачистки слоя открылась сплошная масса битого камня. В раскопе наблюдалась следующая стратиграфия: сверху — от 5 до 6 *см* дерновый слой, ниже суглинок с включениями сплошного битого камня, залегающий до глубины 50—60 *см*, иногда мощность слоя увеличивалась до 80 *см;* еще ниже — слой глины без находок. Мощность слоя увеличивалась с юга на север. Здесь же, в слое, найдены крупные глыбы камня, от которых откалывались куски для изделий, но ни одного изделия из кости, ни одного обломка костей животных и, наконец, никаких следов керамики здесь обнаружено не было.

Несмотря на то, что вскрытая площадь очень невелика, собранный материал позволяет уже сейчас высказать ряд соображений о его характере. Все изделия из камня, а также отщепы изготовлены из одной породы камня — кремнистого туфа [1] серого цвета.

Материал — Голый Камень I можно разделить на ряд четких и определенных категорий. Здесь найдены: нуклеусы, скребла, скребки, заготовки рубящих уплощенных орудий, так называемые блок-скребки [2], ретушеры и отбойники.

---

[1] По определению минерологов Горного техникума г. Нижнего Тагила.

[2] Термин «блок-скребки» заимствован нами у К. А. Альтина (см. C. A. Altin. The Chronology af the Stone Age Settlement of Scania Sweden. I, The Mesolithic Settlements. Acta archaeologica lundensia I, Lund, 1954.

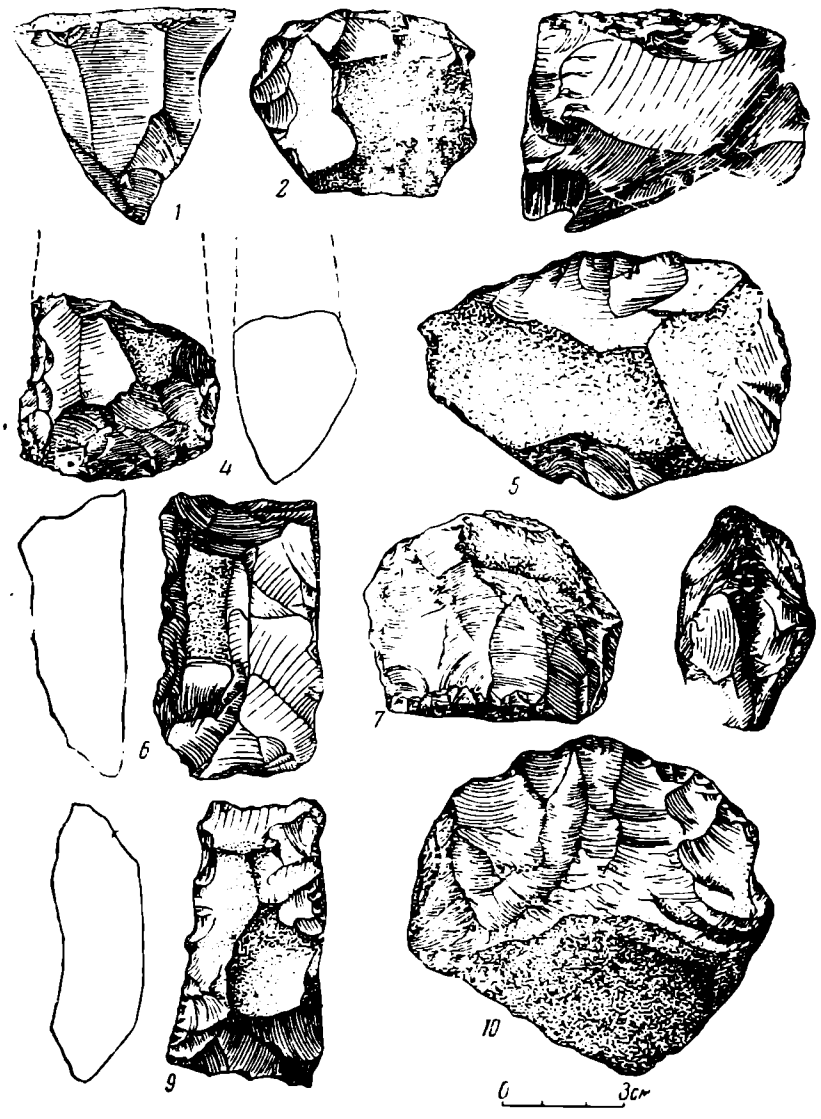


Рис. 2.

1, 10 — нуклеусы; *2* — скребок; *3, 6, 9* — заготовки рубящих орудий; *7* — блок-скребок; *8* — отжимник

Нуклеусы здесь преобладают крупных размеров, но есть и небольшие. Крупные нуклеусы (рис. 2, *10*) имеют весьма аморфную форму, это чаще всего большие куски камня, оббитые со всех сторон и с одной или двух сторон имеющие характерные для нуклеуса грани. Нуклеусы четких призматических форм здесь не найдены; если некоторые нуклеусы и близки к призматической форме, то конец, противоположный к ударной площадке, часто бывает закруглен и поверхность его имеет характерную смятость от работы этой плоскостью орудия как отбойником. Имеются нуклеусы несколько конусообразной формы, но так называемые карандашевидные нуклеусы здесь не обнаружены (рис. 2, *1*). Последнее, по-видимому, объясняется тем, что для изготовления орудий мастеру в основном были нужны крупные пластины. В связи с этим среди колоссального количества находок нет ни одного орудия, изготовленного из ножевидных пластин; здесь, правда, имеется одна ножевидная пластина, но она не имеет никаких следов подправки ретушью.

В собранной нами коллекции имеется несколько скребков, изготовленных из широких и довольно массивных пластин (рис. 2, *2*); их рабочий

край обработан отжимной ретушью, в отдельных случаях он имеет следы сработанности.

К этой же группе изделий следует отнести и скребла. Одно скребло (рис. 2, *10*) изготовлено из массивной пластины с несколько выпуклым брюшком. Его рабочий край оформлен ретушью по широкому лезвию. По своей форме это орудие несколько напоминает мустьерские скребла. Второе скребло (рис. 2, *3*) изготовлено тоже из широкой крупной пластины. Рабочий край отретуширован, а остальная поверхность обработана сколами. Остальные скребла в значительной степени отличаются от обычных неолитических скребков. Прежде всего, здесь полностью отсутствуют характерные для эпохи неолита концевые скребки; по своим размерам скребки из этой мастерской значительно крупнее неолитических; и наконец, лезвие их оформлено лишь по одному краю орудия, а не по двум или трем, как это наблюдается на неолитических скребках.

Найденные при раскопках заготовки уплощенных рубящих орудий обычно изготовлены из куска камня, которому грубыми сколами придана форма уплощенного топора или тесла. Иногда орудия сделаны из естественной плитки камня; в этих случаях сколами обработаны только боковые грани орудия, а на спинке и брюшке сохраняется естественная корка. Таких изделий в нашей коллекции всего несколько экземпляров. Если бы эти изделия были найдены в типично неолитическом комплексе с керамикой, то тогда их можно было бы рассматривать как заготовки рубящих орудий, подготовленные для последующей обработки шлифовкой. Однако в расположенных поблизости неолитических поселениях (стоянка Стрелка и Береговые стоянки Горбуновского торфяника, отстоящие от мастерской на 4 *км*) таких заготовок не найдено. Более того, шлифованные орудия этих стоянок изготовлены из более мягкой породы камня — типа мягких кремнистых сланцев. По своей форме заготовки этих орудий из мастерской на Голом Камне отличаются от неолитических орудий этого же района излишней уплощенностью. С другой стороны, эти изделия как по своей форме, так и по грубым приемам обработки весьма напоминают подобные же уплощенные заготовки рубящих орудий, обнаруженные Альтином на мезолитических поселениях Швеции (рис. 2, *4*).

Одно орудие этой коллекции отличается от прочих. По своей форме оно напоминает также заготовку крупного рубящего орудия. Для его изготовления мастер использовал обломок камня клиновидной формы. Обушок орудия несколько уже рабочего края. Размеры его весьма значительны: длина — 23 *см*, ширина обушка — 6 *см*, ширина лезвия — 14 *см*, толщина обушка — 8 *см*. На большей части поверхности орудия сохранилась естественная корка. Сколами обработан лишь уплощенный рабочий конец, лезвие подработано ретушью. От долгого употребления рабочий край орудия сильно сработан и даже забит. Не исключено, что это орудие выполняло функции не столько рубящего орудия, сколько могло быть использовано для откалывания крупных кусков камня.

Насколько нам известно, ни в одном из поселений эпохи неолита и бронзы, ни в одной мастерской того же времени такие предметы не найдены. Возможно, что это орудие являлось своеобразным клином для первичного раскалывания камня (рис. 1, *3*).

Отбойники составляют наиболее многочисленную часть изделий в этой мастерской. Они очень разнообразны как по форме, так и по размерам. В большинстве случаев они представляют собой массивные камни подпризматической или округлой формы. Одна, а иногда и две противоположные площадки этих изделий имеют на своей поверхности сильную смятость и оббитость, которая обычно образуется при длительном употреблении какой-либо одной части камня в качестве отбойника. Часто

испорченное или сломанное изделие (нуклеус или блок-скребок) вторично использовалось в качестве отбойника (рис. 2, *7*).

Возможно, что к этой же категории изделий следует отнести несколько экземпляров ретушеров. В отличие от отбойников, ретушеры изготовлялись из небольших, довольно толстых отщепов с изогнутым лезвием. Это лезвие в дальнейшем оформляется как отжимник, имеющий характерную смятость рабочего края. По своей форме некоторые ретушеры несколько напоминают скребки высокой формы, но в отличие от последних их рабочий край сильно притуплен и смят при нанесении ретуши на рабочий край орудия (рис. 2, *8*).

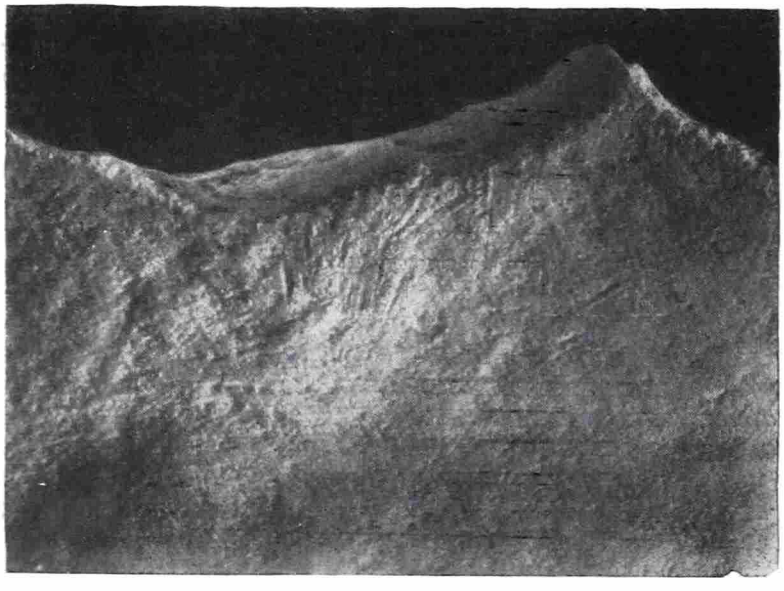


Рис. 3. Микроснимок следов сработанности рабочего края ретушера

Два из этих орудий имеют форму обычных скребков из широких отщепов. При поверхностном осмотре их рабочий край производит впечатление сильно сработанного рабочего края скребка. Однако специальными исследованиями, с помощью микрофотографии и изучения следов сработанности, С. А. Семеновым было установлено, что эти орудия употреблялись как ретушеры (рис. 3) [3].

Наиболее интересной категорией орудий из мастерской следует считать так называемые блоковые скребки (рис. 4, *1*, *2*, *3*, *4*) довольно разнообразной формы. Что следует понимать под термином «блок-скребки»? При беглом осмотре коллекции часть предметов, относимых нами в настоящее время к этой категории изделий, можно было бы считать в одном случае нуклеусами, в другом — заготовками топориков. Что касается первой группы вещей (рис. 2, *7*), то они отличаются от обычных нуклеусов характерной подработкой ретушью края ударной площадки. Этот край орудия оформлен как обычный рабочий край скребков. У некоторых из этих орудий край, противоположный ударной площадке, подправлен сколами и несколько уплощен, что делает его удобным для держания в руке (рис. 4, *1*). Вторая группа изделий этой категории по своей форме напоминает заготовки рубящих орудий, но характерной подработки рубящего края здесь нет, а наблюдается подработка ретушью одной или двух боковых граней, которые могли использоваться и использовались,

[3] Пользуюсь случаем выразить свою признательность С. А. Семенову за большую работу, проведенную по изучению функционального назначения этих изделий.

судя по сработанности, как скребки. Эти орудия по своей форме и специфике обработки находят в себе наиболее близкие аналогии в материале мезолитических стоянок в Швеции [4].

В связи с тем, что другие аналогии нам пока неизвестны, нам представляется не лишним привести эти примеры. На рис. 4, *1, 2, 3* изображены орудия из мастерской на Голом Камне, на рис. 4, *6, 7* — из Швеции, где они названы Альтином блок-скребками [5].

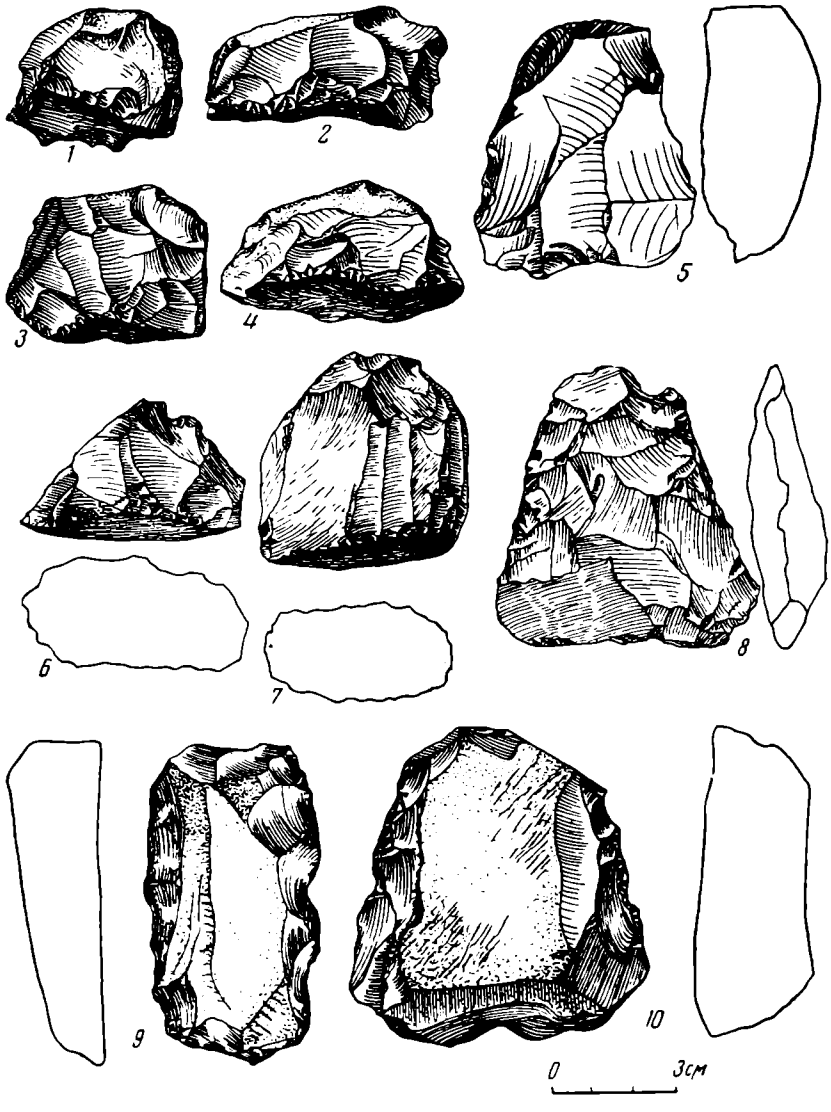


Рис. 4.

1—4 — блок-скребки; *5, 9, 10* — заготовки рубящих орудий; *6, 7* — блок-скребки из стоянок в Scania, в Швеции; *8* — заготовка рубящего орудия из стоянок в Scania, в Швеции

Ввиду того что эта категория изделий не находит себе аналогий ни в одном из известных в настоящее время памятников на территории СССР, с одной стороны, и, с другой стороны, совершенно аналогична соответствующим орудиям Швеции, нам кажется возможным вслед за Альтином называть эту категорию изделий блок-скребками. Следует заметить, что не только блок-скребки находят себе аналогии в материа-

[4] C. A. Althin. Ук. соч., стр. 237, 247.
[5] C. A. Althin. Ук. соч., стр. 279.

ле мезолитических стоянок Швеции. Заготовки рубящих орудий Голого Камня весьма близки подобным орудиям из тех же памятников. Заготовки орудий (рис. 4, *5, 10*) Голого Камня изготовлены из широкого массивного отщепа, где ретушью подработаны боковые грани; на рис. 5, *8* изображено подобное же орудие из Швеции [6]. Здесь близость наблюдается как в общности формы, так и в подработке ретушью боковых граней. Точно так же заготовки рубящих орудий (рис. 2, *4*) и ряд других (рис. 2, *6, 9,* рис. 4, *9*) почти буквально повторяют формы соответствующих заготовок из Швеции; и в том, и в другом случае это грубые первичные заготовки, где при помощи сколов орудию придана лишь общая форма.

На стоянке Голый Камень I собрано более 6000 отщепов и обломков камня со следами обработки. Если бы в этой коллекции не было готовых орудий, то по архаичности форм заготовок и технике обработки камня можно было бы этот памятник считать мастерской для первичного раскалывания камня. Такие мастерские для первичного раскалывания, типа палеолитической мастерской Новоклиновки в Приазовье [7], дают материал, резко отличный от материала, собранного на Голом Камне I. В Новоклиновке найдены нуклеусы, пластины и отщепы, но готовых орудий здесь найдено не было. Совершенно иная картина наблюдается в материале Голый Камень I. Как указывалось, здесь, кроме нуклеусов и отбойников, имеются законченные орудия в виде скребков, блок-скребков и ретушеров. Более крупные орудия — рубящие, найдены в виде заготовок. Поэтому считать местонахождение Голый Камень I мастерской только для первичной обработки камня у нас нет достаточных оснований.

При сравнении материала из пункта Голый Камень I с материалами из мастерских Верхней Волги [8] обращает на себя внимание прежде всего то обстоятельство, что все эти памятники содержат в своем инвентаре топоры, стрелы и скребки четких неолитических форм, причем топоры обработаны не только оббивкой и отжимной ретушью, но и шлифовкой.

Материал верхневолжских мастерских, известный из раскопок Б. Ф. Землякова под г. Ржевом и из сборов Горской в окрестностях г. Твери весьма однороден. Формы орудий чрезвычайно разнообразны. Здесь найдены были и крупные, слегка оббитые желваки кремня, и тонкие ножевидные пластинки. Техника их обработки резко отлична от техники обработки орудий Голого Камня I. В верхневолжских мастерских доминируют призматические нуклеусы самых различных размеров, от крупных до очень мелких. На некоторых нуклеусах оббиты края ударной площадки, но это не следует принимать за преднамеренную ретушь. На некоторых нуклеусах оббитый край ударной площадки затуплен и заглажен, что производит впечатление, что эта грань использовалась в качестве отжимника или посредника. Часто эта оббитость наблюдается на удлиненных призматических нуклеусах. В этих мастерских найдены скребки, ножи, рубящие орудия и наконечники стрел. В ряде этих памятников встречены отдельные обломки глиняной посуды, безусловно, неолитического времени.

Иными словами, ни одна из верхневолжских мастерских не содержит в своем инвентаре изделий, близких орудиям или заготовкам Голого Камня I.

Таким образом, материал мастерской Голый Камень I имеет наиболее близкие аналогии в материалах мезолитических поселений Швеции. Да-

---

[6] C. A. Althin. Ук. соч., стр. 279.

[7] К. В. Павлова: Раскопки кремневой мастерской у хутора Новоклиновки в Приазовье. КСИИМК, вып. XLVIII, 1951, стр. 51—55.

[8] Городищенская гора из раскопок Б. Ф. Землякова; Молоково, Холохольня и ряд других из сборов Горской и, наконец, мастерская на Юрюзани, раскопанная Л. Я. Крижевской. Материалы хранятся в МАЭ, в Ленинграде.

тировать мастерскую Голый Камень I сейчас очень трудно. Однако близость с материалом из Швеции, который датируется К. А. Альтином мезолитом, очевидна. Возможно, что камень из местонахождения Голый Камень I использовался населением Среднего Зауралья уже в эпоху мезолита. Отсутствие ножевидных пластин и микролитических форм орудий, возможно, объясняется не характером материала, а традицией изготовления орудий из крупных пластин. Неолит и эпоха бронзы Среднего Урала носят уже микролитический характер и крупными орудиями в них являются только полированные топоры. Так например, несмотря на то, что Урал беден кремнем хорошего качества, на поселении Калмацкий Брод неоднократно найдены были миниатюрные призматические нуклеусы и даже карандашевидные, изготовленные не только из кремня, но и камня, близкого по структуре к кремнистым сланцам.

Следовательно, и породы камня в виде кремнистого сланца и кремнистого туфа, который является, безусловно, более прочным материалом, чем сланец, могли использоваться древним человеком для изготовления тонких мелких орудий. Однако подобной техники в мастерской Голый Камень I не прослежено. Да и сильная патинизация изделий указывает на сравнительную древность памятника. В настоящее время можно лишь указать, что ни в одной мастерской эпохи неолита на территории СССР и ни в одном неолитическом поселении Урала материала, аналогичного найденному на Голом Камне I, открыто не было. Ориентировочно мастерскую Голый Камень I можно отнести к эпохе мезолита.

И. К. ЦВЕТКОВА

СТОЯНКА ПОДБОРИЦА-ЩЕРБИНИНСКАЯ

Долгое время единственным известным в археологической литературе памятником неолитической эпохи, расположенным в Павловском районе Горьковской области, являлась стоянка Плеханов Бор, раскопанная еще в конце XIX в. А. С. Уваровым [1].

В 1939 г. А. В. Давидовичем [2] на левом берегу Оки, близ деревень Панино и Ново-Щербинино, были открыты три замечательных памятника: неолитическое поселение Подборица-Западная, относящееся к раннему этапу развития балахнинской культуры, поселение Подборица-Щербининская, относящееся к позднему этапу развития волосовской культуры, и поселение эпохи поздней бронзы на оз. Сокорка (поздняковская культура). На всех этих памятниках А. В. Давидовичем был обнаружен культурный слой и собран подъемный материал, хранящийся в настоящее время в Горьковском областном музее.

В 1956 г. Государственным Историческим музеем была организована археологическая экспедиция, целью которой являлось исследование памятников, открытых А. В. Давидовичем.

Близ деревень Панино и Ново-Щербинино, вдоль р. Оки, на расстоянии около 2 *км* от нее, протекает проток под названием «Подборица», который является старицей Оки. Проток образует целый ряд озерных расширений: таковы, например, озера Сокорка, Круглое и др. На левом берегу протока гряда незадернованных и местами развеянных песчаных дюн тянется на 3 *км* в направлении с запада на восток; ширина дюн к северу — около 1,5 *км*. В настоящее время деревни Панино и Ново-Щербинино стоят на развеянном песке. Совершенно иной была картина, зафиксированная А. В. Давидовичем в 1939 г.: в то время здесь рос могучий сосновый бор, подступавший к самым деревням.

От оз. Сокорка на западе до оз. Круглого на востоке, на всем протяжении дюнной гряды, вдоль берега протока, на развеянном песке встречаются обломки древней глиняной посуды и кремневые орудия. В некоторых местах на песке видны темные пятна — остатки культурного слоя.

В западной части дюнной гряды А. В. Давидовичем были заложены разведочные шурфы, в которых был найден материал, относящийся к раннему этапу развития балахнинской культуры. Это поселение было названо А. В. Давидовичем «стоянка Подборица-Западная». В настоящее время культурный слой на ней целиком разрушен.

---

[1] А. С. Уваров. Археология России. Каменный период. М., 1881. В дальнейшем эта стоянка раскапывалась Ф. Я. Селезневым. См. Ф. Я. Селезнев. Древнейшие Приокские поселения. Тр. Владимирского областного музея, вып. III, Владимир, 1926. Наконец, в 1939 г. стоянка раскапывалась В. А. Тихомировой.

[2] А. В. Давидович — студент-археолог, погиб в 1940 г. в боях во время финской войны.

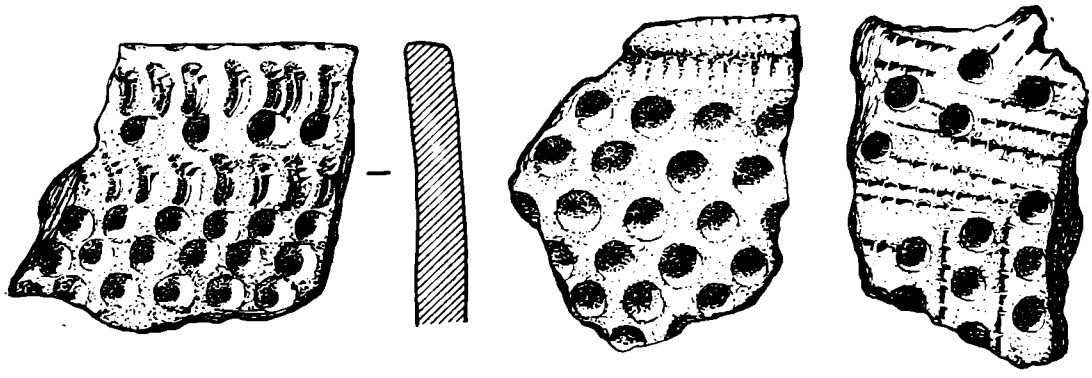


Рис. 1. Стоянка Подборица-Западная. Обломки глиняных сосудов

В 1956 г. были произведены раскопки сохранившейся части поселения Подборица-Щербининская. Кроме того, на всей площади развеянных дюн был собран подъемный материал [3].

Керамика, собранная на этом поселении, однотипна. Это круглодонные сосуды из глины с примесью дресвы. Внешняя и внутренняя поверхности сглажены до блеска. Орнамент, покрывающий всю внешнюю поверхность сосудов, строго зональный, ямочно-зубчатый. Основным элементом орнамента является округлая ямка, чаще глубокая с коническим дном, иногда неглубокая с округлым дном. Кроме того, встречаются оттиски зубчатых штампов и ямчатые полулунные вдавления (рис. 1). Эта керамика типична для поселений раннего этапа развития балахнинской культуры. Аналогии ей можно найти на ранненеолитических поселениях в районе муромского течения Оки (ср., например, керамику со стоянки Сонино, керамику нижнего горизонта культурного слоя стоянки на месте Младшего Волосовского могильника, керамику нижнего горизонта культурного слоя Панфиловской стоянки и стоянки Садовый Бор и т. п.), а также на самом раннем из известных в настоящее время поселений балахнинской культуры в районе низовьев Оки — на стоянке Гавриловка II. Кремневый инвентарь, собранный на стоянке Подборица-Западная, обычен для поселений балахнинской культуры: скребки, ножи, острия и проколки из удлиненных пластинчатых отщепов, наконечники стрел, полированные долота и тесла и т. д. Исключительный интерес представляют два диоритовых шлифованных топора. Оба они были найдены на так называемом «останце», в сохранившемся культурном слое, на глубине 0,37 *м*. Один из них имеет в длину 17,8 *см* (рис. 2, *1*). Симметрично скошенное с обеих сторон рабочее лезвие частично обломано. Топор долгое время был в работе: его обушковая часть сильно сработана; следы сработанности в виде поперечных бороздок прослеживаются и по лезвию. Второй топор имеет в длину 12,8 *см*. Рабочее лезвие симметрично скошено с обеих сторон и сильно оббито; сработана также и обушковая часть топора (рис. 2, *2*).

Эти топоры не местного происхождения. Они проникли на Оку из западных областей, где топоры такого типа имели широкое распространение в конце III тысячелетия до н. э. Эта дата не противоречит датировке ямочно-зубчатой керамики раннебалахнинского типа, найденной на разрушенном поселении Подборица-Западная.

Территория распространения ранненеолитического поселения, вероятно, была значительно больше той его части, которая была названа

---

[3] В настоящей работе вместе с материалами, собранными нами в 1956 г., использован тщательно паспортированный материал А. В. Давидовича. Этот материал особенно важен потому, что в 1939 г. на дюнах еще сохранялись остатки ранненеолитического культурного слоя.

А. В. Давидовичем «стоянка Подборица-Западная». Ямочно-зубчатая керамика встречается на всей дюнной гряде от оз. Сокорка до оз. Круглого. Возможно, что на этой территории существовало даже не одно такое поселение. Однако в настоящее время культурный слой на них полностью разрушен.

Дюны, на которых находилось поселение Подборица-Щербининская, расположены напротив дер. Панино. Они носят у местного населения название «Цыганские Бугры». Эти дюны тянутся по берегу протока на расстояние около 1 *км*. Все они развеяны, за исключением последней к

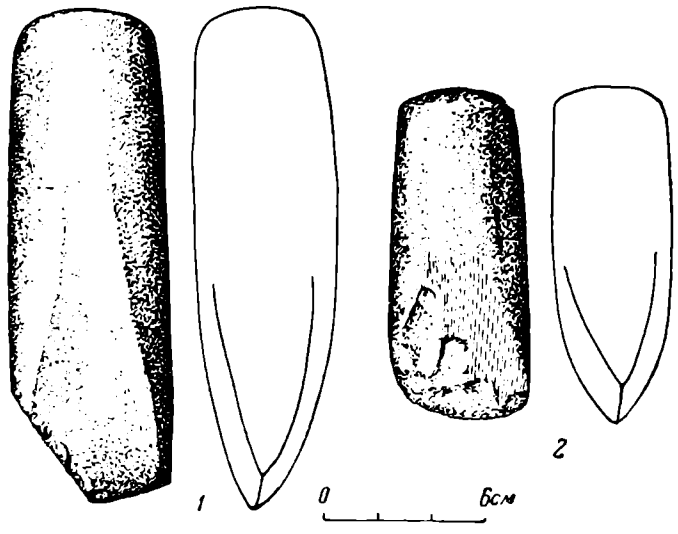


Рис. 2. Стоянка Подборица-Западная. Каменные валикообразные топоры

западу и самой высокой дюны (высота ее над уровнем воды — около 14 *м*). Зачистка обрыва показала, что культурный слой на поселении Подборица-Щербининская сохранился лишь в восточной части дюны, где он достигает 80 *см* толщины. Протяженность его к северу не превышает 30 *м*. По-видимому, следует предполагать, что основная часть поселения находилась в юго-восточной части дюны и в настоящее время целиком разрушена.

Раскопками 1956 г. на стоянке Подборица-Щербининская было открыто большое жилище (рис. 3) [4]. Форма жилища подпрямоугольная, размер 8 × 7,5 *м* (т. е. около 60 $м^2$); стенки несколько покаты. Со стороны реки в жилище вел входной коридор, шириной около 2 *м*; длина коридора неизвестна, так как часть его разрушена обрывом. Пол жилища, углубленный в землю на 40—50 *см*, представлял собой твердый спрессованный песок, насыщенный органическими остатками (толщина этого слоя — 15—20 *см*). В средней части жилища имелось кострище в виде округлой ямы в 20—30 *см* глубиной, заполненной угольками и золой. Вокруг кострища были большие кучи раковин (съедобные моллюски Unio) и лежало четыре раздавленных глиняных сосуда.

Раскопанное жилище является наземной, довольно сложной постройкой, у которой крыша и стены, несомненно, должны были быть деревянными [5], такие же большие полуподземные жилища, нередко соединенные

[4] Раскопки жилища велись путем одновременного вскрытия траншей, разделенных на участки по 4 *м* каждый. Такой метод позволял производить точную фиксацию контуров жилища как в плане, так и в профиле.

[5] Реконструкцию совершенно аналогичных жилищ, раскопанных мною на стоянке Володары, см. И. К. Цветкова. Неолитические жилища стоянки Володары. СА, 1958, № 2.

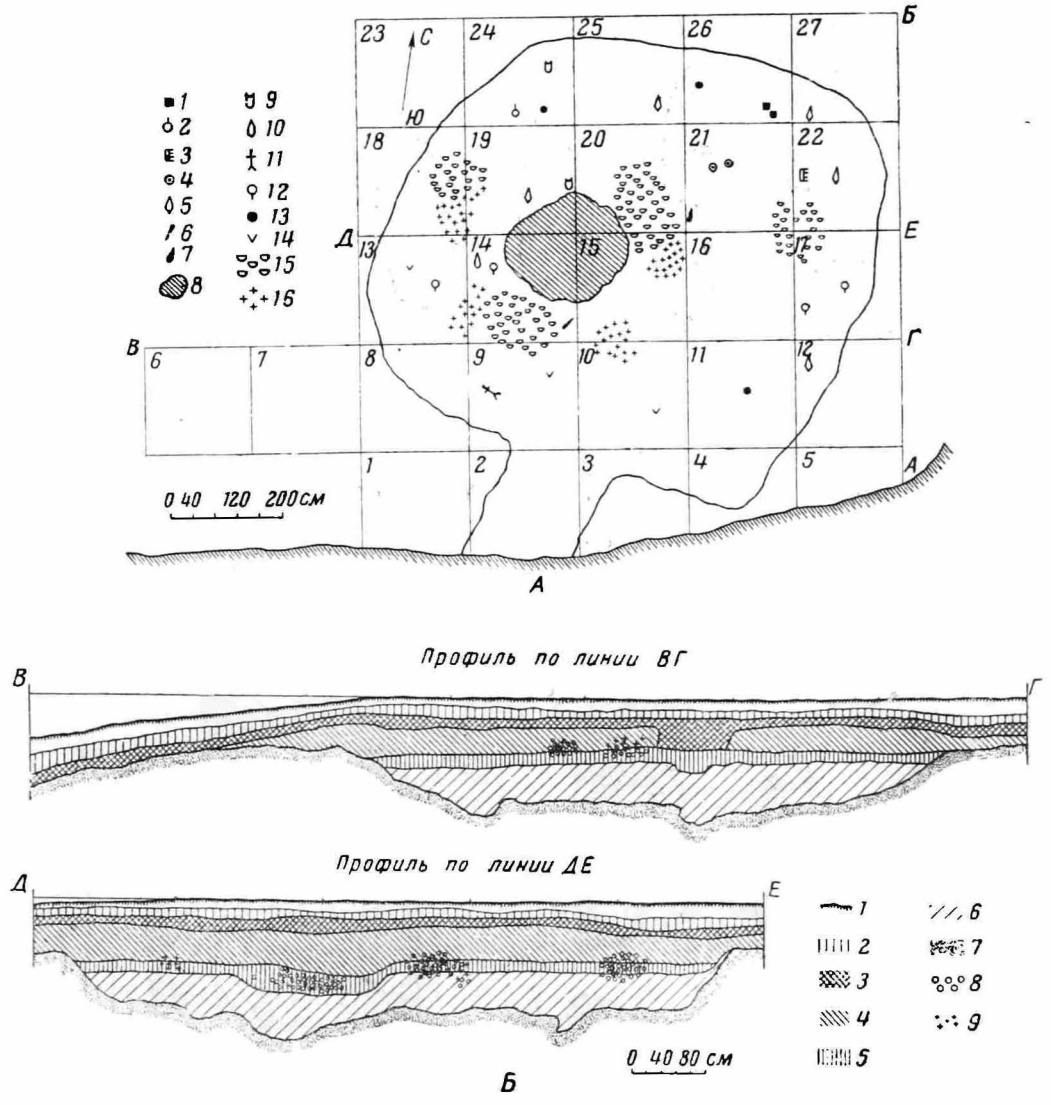


Рис. 3. Стоянка Подборица-Щербининская

А — план жилища: *1* — обломок полировальной плиты; *2* — резчик; *3* — штамп; *4* — привеска; *5* — наконечник стрелы; *6* — костяное шило; *7* — костяной штамп; *8* — кострище; *9* — нож; *10* — тесло; *11* — фигурный кремень; *12* — шило кремневое; *13* — скребок; *14* — обломок орудия; *15* — кучи раковин; *16* — скопление керамики. *Б* — профили жилища: *1* — дерн; *2* — подзол без находок; *3* — желто-бурый песок с находками; *4* — темно-серый песок с находками; *5* — черная углистая прослойка с находками: *6* — серый песок с находками; *7* — белый песок; *8* — раковины; *9* — керамика

друг с другом переходами, известны и на других поселениях волосовской культуры. Таковы, например, жилища Панфиловской [6], Волосовской [7] стоянок, стоянок Садовый Бор [8] и Гавриловка I [9].

Материал, добытый на стоянке Подборица-Щербининская во время раскопок 1956 г., а также материал, собранный А. В. Давидовичем, довольно многочислен и разнообразен [10].

---

[6] В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Тр. Владимирского областного музея, вып. II, Владимир, 1926.

[7] Его же. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. Древности, т. XXIV, М. 1914.

[8] Ф. Я. Селезнев. Приокские древнейшие поселения. Тр. Владимирского областного музея, вып. III. (См. также материалы раскопок автора, хранящиеся в ГИМ.)

[9] Раскопки автора, 1950 г. Материал хранится в ГИМ.

[10] По коллекционной описи ГИМ насчитывается 1976 предметов, не считая осколков кремня и костного материала. В Горьковском музее хранится около 400 предметов

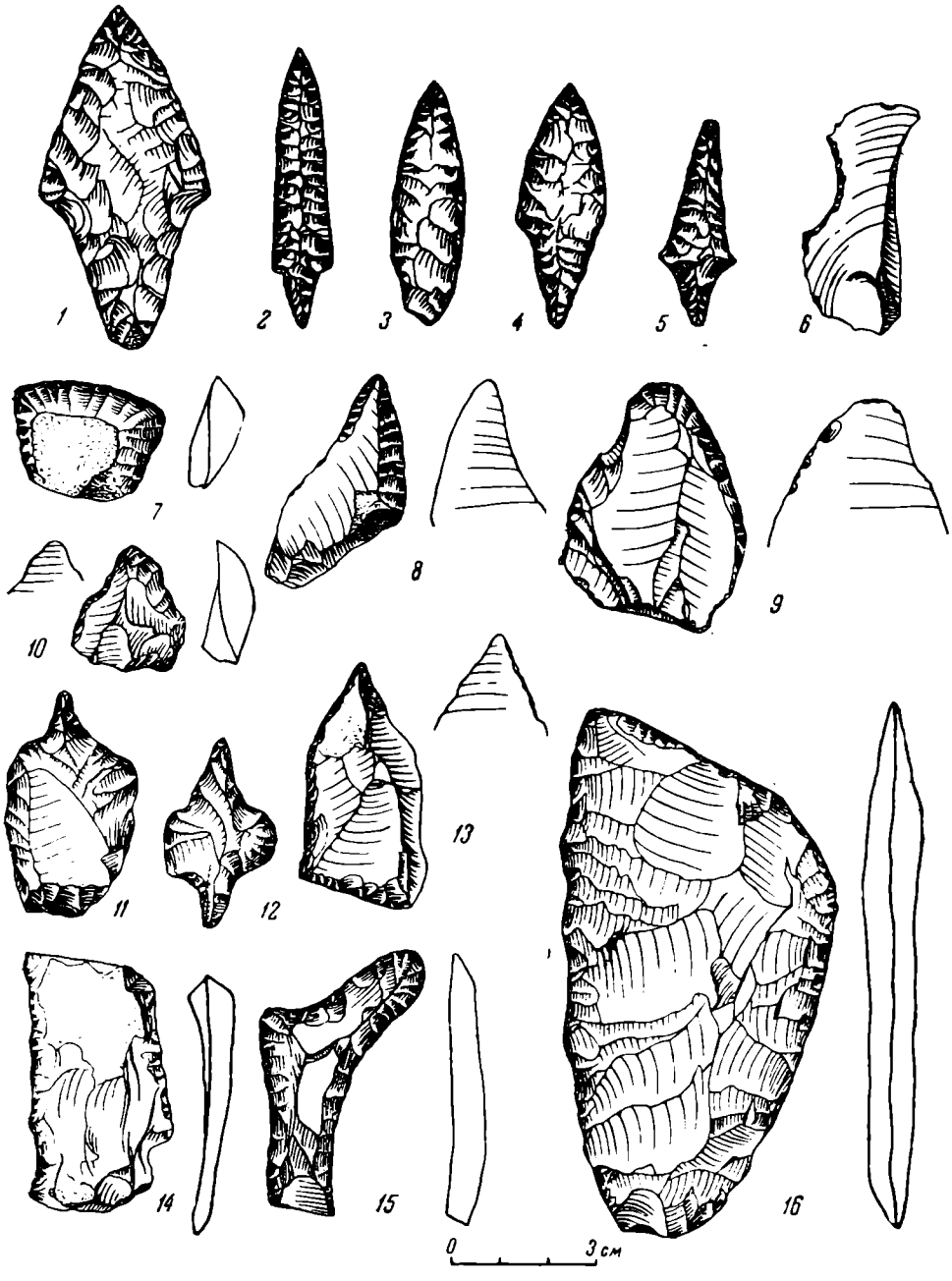


Рис. 4. Стоянка Подборица-Щербининская. Кремневые орудия

Кремневые орудия. Кремневый инвентарь стоянки Подборица-Щербининская характеризуется прежде всего большим разнообразием форм и высокой техникой обработки орудий. Все орудия изготовлены из высококачественного разноцветного кремня, ближайшие месторождения которого известны в районе нижнего течения Клязьмы.

Наконечники стрел представлены двумя типами: листовидные (рис. 4, *3*) и треугольно-черешковые (рис. 4, *2, 4, 5*). Большинство из них изготовлено из отщепов с овальным или ромбическим поперечным сечением и имеют плоскую двухстороннюю ретушь по всей поверхности.

Наконечники дротиков изготовлены из отщепов и имеют ромбическое поперечное сечение. Форма наконечников треугольная с овальным черешком. Обе поверхности наконечников покрыты тщательной плоской ретушью (рис. 4, *1*).

Скребки в большинстве случаев изготовлены из коротких массивных отщепов с тщательно обработанным ретушью рабочим лезвием и с затупляющей боковой ретушью (рис. 4, *7*); встречаются также скребки из удлиненных отщепов.

Особую группу представляют орудия, близкие по своему назначению к скребкам. Они изготовлены из отщепов и имеют округлое, довольно узкое рабочее лезвие, обработанное ретушью со стороны спинки. Эти орудия, как и скребки, имеют изогнутый, так называемый «скребковидный» профиль и, вероятно, употреблялись для выскабливания, выполняя функцию позднейшего ложкаря (рис. 4, *8, 9*). Такие орудия очень типичны для волосовской культуры.

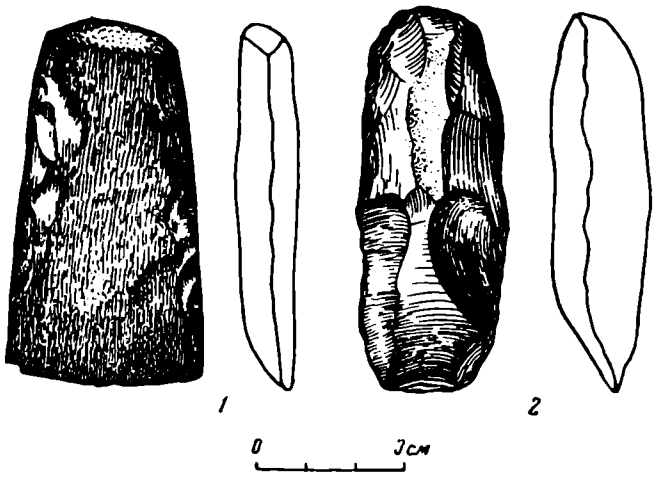


Рис. 5. Стоянка Подборица-Щербининская

1 — кремневое полированное долото; *2* — заготовка кремневого желобчатого долота

Орудиями, также близкими по своему функциональному назначению к скребкам, являются скобели, изготовленные из аморфных пластинчатых отщепов с округлым рабочим лезвием (рис. 4, *6*).

Ножи изготовлены из пластинчатых отщепов. Два из них имеют подчетырехугольную форму и ретушь со стороны спинки по одной из длинных сторон. В нижней части одного такого ножа имеется выемка (рис. 4, *14*). Интересен нож из крупного массивного пластинчатого отщепа сегментовидной формы. Обе поверхности ножа обработаны крупной плоской ретушью с вторичной подправкой по краям (рис. 4, *16*). Имеются также ножи с вогнутым рабочим лезвием (рис. 4, *15*).

Среди орудий, найденных на стоянке Подборица-Щербининская, имеется несколько типичных для волосовской культуры резчиков (рис. 4, *10, 13*), изготовленных из отщепов с выступающими, обработанными со стороны спинки ретушью рабочими лезвиями; нижние и боковые грани орудий обработаны затупляющей ретушью.

Шилья изготовлены из отщепов с выступающими рабочими лезвиями, обработанными со всех сторон ретушью (рис. 4, *11*); есть одно шило с двумя рабочими лезвиями (рис. 4, *12*).

Из кремневых полированных орудий на стоянке Подборица-Щербининская было найдено тщательно обработанное тесло. Форма его подпрямоугольная, с расширяющимися к рабочему лезвию сторонами, со срезанным обушком и слегка закругленным, скошенным с одной стороны рабочим лезвием (рис. 5, *1*). Рабочее лезвие тесла с обеих сторон тщательно заполировано; на скошенной стороне заметна зеркальная полировка. Остальная поверхность тесла обработана плоской ретушью и заполирована лишь частично.

Кроме того, на стоянке был найден обломок полированного желобчатого долота и заготовка такого же долота. Заготовка имеет правильную овальную форму (рис. 5, *2*), его тыльная часть несколько сужается, спинка высокая, брюшко плоско срезано. По всей поверхности заготовка обработана крупными сколами и крупной крутой ретушью, со вторичной подправкой боковых граней и закругленного рабочего лезвия. В нижней

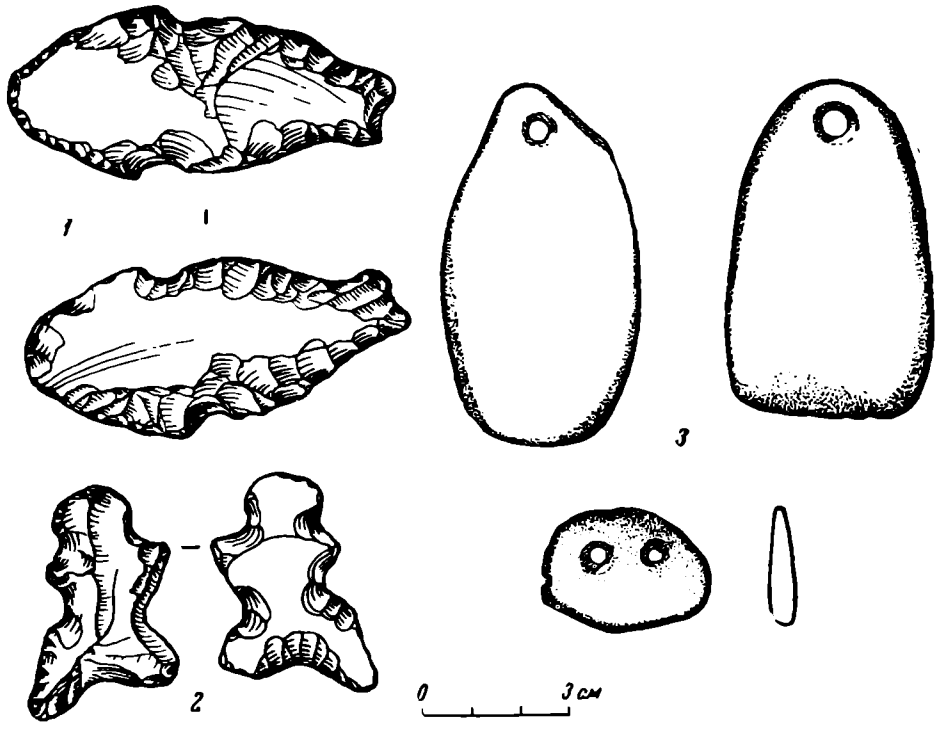


Рис. 6. Стоянка Подборица-Щербининская

1, 2 — кремневые скульптурные изображения; *3* — сланцевые привески

части орудия посредством сколов, нанесенных со стороны брюшка, намечен желобок. Со стороны брюшка начата полировка будущего орудия, в процессе которой оно должно было получить свою законченную форму. Эта заготовка является абсолютной копией заготовок кремневых желобчатых долот из Волосовского клада, найденного в культурном слое Волосовской стоянки [11].

Особую группу вещей на стоянке Подборица-Щербининская составляют украшения и амулеты. На полу жилища был найден так называемый «фигурный кремень», представляющий собой схематическое изображение человека. Это отщеп, на котором можно различить округлую голову, два верхних и два нижних выступа, изображающих руки и ноги. По боковым граням нанесена двухсторонняя плоская ретушь (рис. 6, *2*). Кроме того, среди подъемного материала, собранного А. В. Давидовичем, имеется еще один «фигурный кремень», представляющий собой схематическое изображение рыбы (рис. 6, *1*). Это массивный отщеп листовидной формы. Узкий конец при помощи небольшой выемки имитирует раздвоенный хвост рыбы, на широком конце две боковые выемки выделяют массивную голову рыбы. По боковым граням нанесена плоская двухсторонняя ретушь. Подобные фигурки, как известно, встречаются на

[11] И. К. Цветкова. Волосовский клад. Тр. ГИМ, вып. XXIII, 1957.

неолитических поселениях Севера и Центральной части Европейской территории СССР; в частности, они имеются на Волосовской стоянке [12].

Кроме скульптурных изображений, на стоянке Подборица-Щербининская были найдены четыре плоские привески с округлыми просверленными отверстиями (рис. 6, *3*). Две овальные привески сделаны из сланца, две другие, округлой формы, найденные на развеянной поверхности дюны, окрашены красной охрой. Одна из них изготовлена из зеленоватого камня; у подвески в верхней части имеются два округлых просверленных отверстия. Окрашенность привесок, вероятно, не является преднамеренной. Это могло произойти в результате долгого соприкосновения привесок с охрой, которая нередко попадается в культурном слое стоянки.

Из костяных орудий на стоянке Подборица-Щербининская был найден обломок листовидного наконечника стрелы и штамп для нанесения орнамента на глиняные сосуды (описание штампа дано ниже).

Керамика стоянки Подборица-Щербининская однотипна, за исключением единичных фрагментов (см. ниже). Сосуды отличаются большой толщиной стенок (от 9 *мм* до 2 *см*). Ко дну толщина стенок всегда заметно увеличивается. Все имеющиеся в коллекции днища принадлежат плоскодонным сосудам (рис. 7, *4*). По характеру профиля края сосуды можно разделить на три типа: сильно скошенные внутрь (рис. 7, *1*), плоские Г-образные (рис. 7, *3*) и плоские Т-образные (рис. 7, *2*). Сосуды изготовлялись различной величины: крупные, с диаметром шейки до 35 *см*, и небольшие, с диаметром шейки в 8—10 *см*. При реконструкции для установления внутреннего диаметра отверстия и плоского дна сосудов была взята математическая формула, где R — радиус отверстия, l — длина хорды и h — высота сегмента:

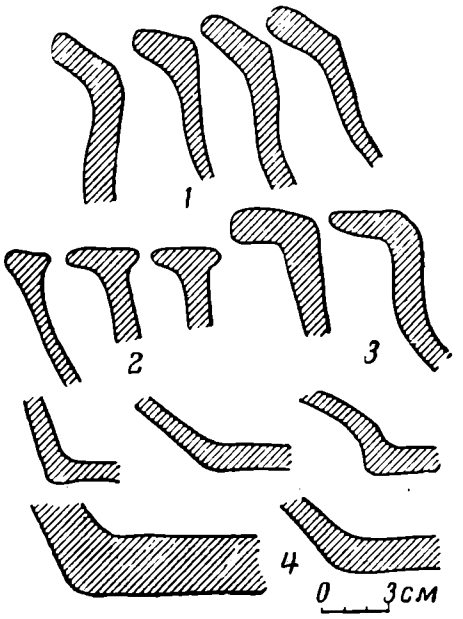


Рис. 7. Стоянка Подборица-Щербининская

1—3 — венчики сосудов; *4* — днища сосудов

$$R = \frac{\frac{l^2}{4} + h^2}{2h}.$$

При восстановлении формы сосудов использовались только крупные фрагменты, дающие представление о профиле и характере дна. По форме сосуды стоянки Подборица-Щербининская можно разделить на три типа: невысокие чашеобразные сосуды с округлыми боками (рис. 8, *1, 4*), низкие, приземистые, мискообразные сосуды (рис. 8, *3*) и горшки с выпуклыми боками (рис. 8, *2*). Все без исключения сосуды широко раскрыты кверху.

Большинство сосудов изготовлено из глины с растительной примесью. Только на полу жилища было найдено несколько обломков сосудов из глины с примесью толченых раковин. Внутренняя и внешняя поверхность

[12] С. Н. Замятнин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы. СА, X, 1948.

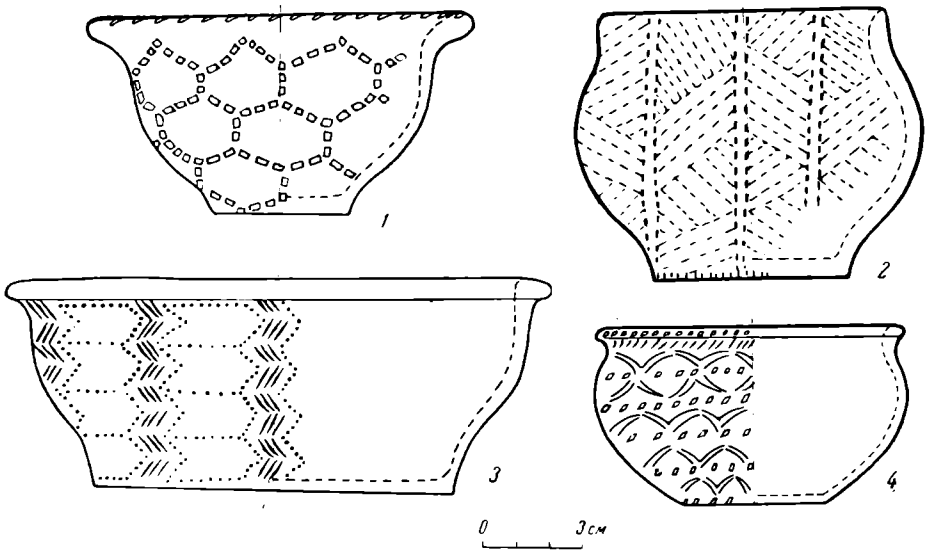


Рис. 8. Стоянка Подборица-Щербининская. Реконструкции глиняных сосудов

сосудов, несмотря на заглаживание, неровная, покрыта тонкими выщерблинами, образовавшимися в результате сгорания при обжиге сосудов частиц растительной примеси.

Часть сосудов неорнаментирована, подавляющее же большинство их покрыто очень своеобразным орнаментом (не всегда геометрически правильным), отличительной чертой которого является его вертикальное расположение на поверхности сосудов. В большинстве случаев орнаментом покрывалась вся внешняя поверхность сосуда; иногда узор переходил на дно или на внутреннюю поверхность. Так, например, на одном обломке сосуда (рис. 9, *2*) на внутренней поверхности нанесен орнамент, имитирующий отпечатки сети; подобный орнамент, нанесенный, вероятно, концом щепки, имеется на другом обломке сосуда (рис. 9, *1*).

Наиболее распространенным можно считать зубчатый орнамент, нанесенный разнообразными штампами. Интересно отметить, что на полу жилища было найдено два зубчатых штампа. Один из них представляет собой плоский осколок сланца подчетырехугольной формы (рис. 10, *2*), его длинная грань покрыта поверхностными косыми насечками. При надавливании этой гранью на пластилин получаются длинные узкие зубчатые оттиски. По короткой грани осколка нанесены более глубокие надпилы, образующие зубчики подчетырехугольной формы; при надавливании на пластилин получаются овальные зубчатые оттиски. Второй штамп костяной. Он имеет правильную листовидную форму со срезанным в

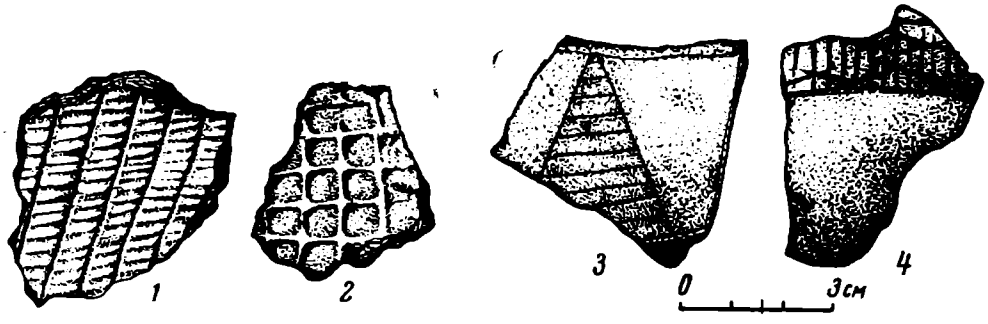


Рис. 9. Стоянка Подборица-Щербининская

1, 2 — обломки глиняных сосудов; *3,4* — керамика фатьяновского типа

основании черешком, на котором имеется две выемки (рис. 10, *1*). По боковым граням орудия нанесены неглубокие насечки; при надавливании на пластилин получаются длинные узкие зубчатые отпечатки.

На керамике со стоянки Подборица-Щербининская встречается большое количество разнообразных зубчатых элементов орнамента. Наиболее распространенными являются длинные оттиски разнообразных зубчатых штампов, начиная от широкого с крупными подчетырехугольными зубцами (рис. 11, *7*) и кончая оттисками очень узкого штампа с мелкими зубчиками (рис. 11, *10*); более редки короткие, овальные оттиски зубчатого штампа и округлые ямчатые вдавления с зубчиками внутри (рис. 11, *9*). Иногда встречаются оттиски так называемого рамчатого штампа (рис. 11, *3*). Другим распространенным элементом орнамента является нарезка — длинные узкие или широкие нарезные полосы (рис. 11, *2*) и короткие нарезки (рис. 11, *6*). Третьим также широко распространенным элементом орнамента являются оттиски веревочки, намотанной на палочку (рис. 11, *5*). Есть также ямчатые вдавления (рис. 11, *8*). Орнаментальные рисунки разнообразны и нередко сложны. Следует отметить не-

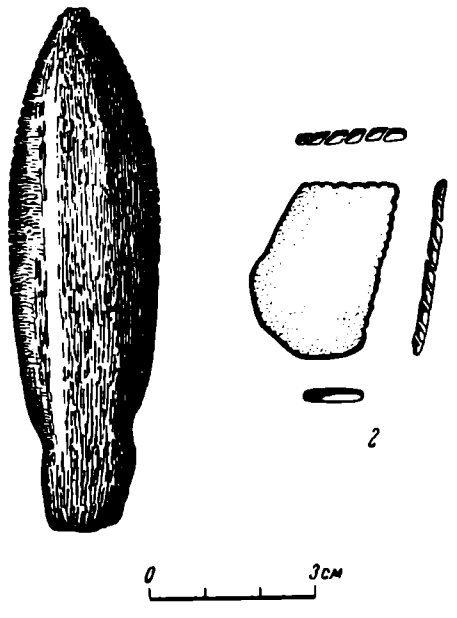


Рис. 10. Стоянка Подборица-Щербининская. Штампы для нанесения орнамента на глиняные сосуды

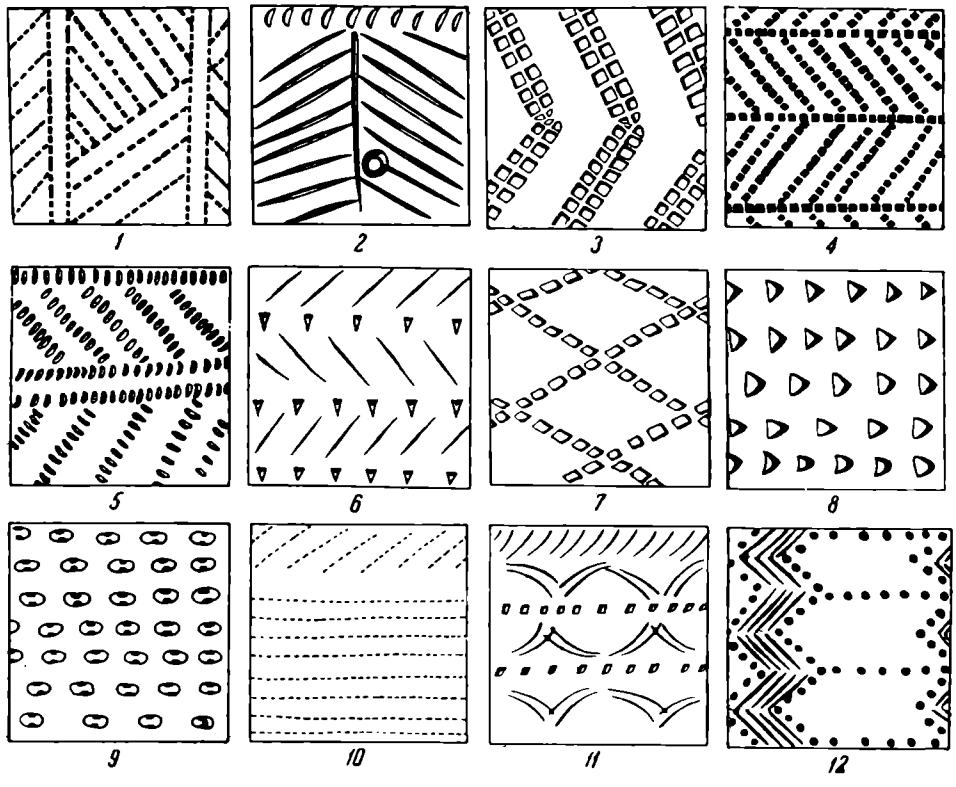


Рис. 11. Стоянка Подборица-Щербининская. Типы орнаментальных рисунков на керамике

которую небрежность в нанесении орнамента. Нередко он бывает частично стерт при заглаживании поверхности сосуда, которое производилось после нанесения орнамента. Элементы орнамента часто бывают нанесены без соблюдения одинаковых интервалов между оттисками и т. д. Чаще сосуд орнаментировался каким-нибудь одним элементом орнамента, реже встречаются сочетания двух элементов.

Широко распространенным орнаментальным узором является вертикальный елочный узор (рис. 11, *1, 2*); иногда этот узор наносился в горизонтальном направлении (рис. 11, *4, 5*). Распространен также широкий вертикальный зигзаг (рис. 11, *3*). Нередко такой зигзаг перерезался горизонтальными поясками (рис. 11, *6*). Встречается сетка, образованная пересечением длинных оттисков зубчатого штампа (рис. 11, *7*) или нарезкой, или просто горизонтальные пояски (рис. 11, *10*). Иногда нарезкой и зубчатым штампом наносилась штриховка, образующая зоны, заштрихованные в разных направлениях.

Следует отметить очень своеобразный орнамент в виде округлых арочек, выполненных нарезкой. Внутри арочек и между ними нанесены горизонтальные пояски из оттисков зубчатого штампа (рис. 11, *11*). Интересен также орнамент, состоящий из вертикальных зигзагов, выполненных нарезкой и округлыми ямочными вдавлениями, соединенными горизонтальными поясками из тех же ямочных вдавлений (рис. 11, *12*).

Как уже отмечалось выше, на полу жилища было найдено небольшое количество обломков сосудов, изготовленных из глины с примесью толченых раковин. По всем другим признакам — по форме, толщине стенок и по орнаменту — эта посуда не отличается от вышеописанной.

Охарактеризованная выше керамика обладает всеми чертами, типичными для керамики волосовской культуры на позднем этапе ее развития. Наиболее близкой для нее аналогией является керамика стоянки Холомониха [13], которая расположена в низовьях р. Клязьмы, близ г. Вязники, т. е. приблизительно на расстоянии около 50 *км* от поселения Подборица-Щербининская. Для керамики со стоянок Холомониха и Подборица-Щербининская широко распространенным и наиболее характерным является елочный узор.

Другие, описанные выше орнаментальные рисунки можно найти на посуде того или иного поселения, относящегося к волосовской культуре. Так, например, широкий вертикальный зигзаг широко распространен на сосудах стоянки Володары; подобный же зигзаг, перерезанный горизонтальными поясками, является одним из характерных орнаментальных узоров сосудов Панфиловской стоянки и т. д.

Кроме основного керамического комплекса, на стоянке Подборица-Щербининская найдено восемь обломков тонкостенной лощеной посуды. Два из них происходят из сборов А. В. Давидовича. По своему орнаменту эти обломки очень близки фатьяновским. На одном из них изображен заштрихованный треугольник, выполненный мелкозубчатым штампом (рис. 9, *3*), на другом — типичные для фатьяновской культуры небольшие заштрихованные ромбы, также выполненные мелкозубчатым штампом (рис. 9, *4*).

Наличие керамики фатьяновского типа на поселении, относящемся к позднему этапу развития волосовской культуры, является фактом, заслуживающим внимания. Как известно, племена фатьяновской культуры расселились на территории Волго-Окского междуречья еще в конце III тысячелетия до н. э. Несмотря на территориальную близость фатьяновских племен с местными окскими неолитическими племенами, в первой половине II тысячелетия до н. э. между ними, по-видимому, не было

---

[13] О. Н. Бадер. К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла. ВДИ, 1939, № 3.

никаких связей. Об этом свидетельствует полное отсутствие предметов, характерных для неолитических культур, среди материала фатьяновских могильников. Находки каменных боевых фатьяновских топоров на территории распространения окских племен, возможно, свидетельствуют о враждебных столкновениях фатьяновских племен с окскими племенами. Межплеменные связи окских неолитических племен с племенами фатьяновской культуры, вероятно, начинают развиваться лишь во второй половине II тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствуют находки фать-

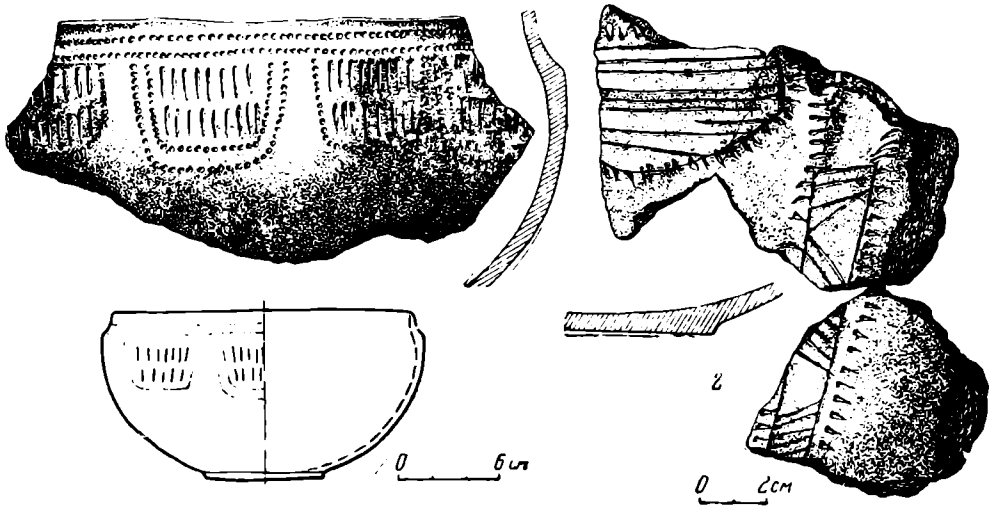


Рис. 12. Стоянка Подборица-Щербининская. Керамика абашевского типа

яновской керамики на некоторых окских позднеолитических поселениях. Так, например, несколько обломков фатьяновских сосудов были найдены: на поселении Николо-Перевоз [14], верхний горизонт культурного слоя которого относится к позднему этапу развития волосовской культуры; на стоянке Станок [15], нижний горизонт культурного слоя которой также относится к позднему этапу развития волосовской культуры; на поселении Черная Гора [16], относящемся к позднему этапу развития рязанской культуры; в культурном слое на Сейминских дюнах [17], относящемся к позднему этапу развития балахнинской культуры, и, наконец, на поселении Подборица-Щербининская. Эти факты пока еще немногочисленны и не позволяют, конечно, сделать каких-либо определенных выводов. Предположение о том, что во второй половине II тысячелетия до н. э. начинают развиваться межплеменные связи окских племен с фатьяновскими племенами, является пока гипотезой, требующей дальнейшего подтверждения.

Кроме обломков посуды фатьяновского типа, на стоянке Подборица-Щербининская найдено шесть обломков тонкостенных сосудов, также совершенно чуждых основному керамическому комплексу поселения. Четыре из них принадлежат одному сосуду чашеобразной формы с короткой, но хорошо выраженной шейкой и плоским дном. Орнамент нанесен только в верхней части сосуда. Он состоит из двух горизонтальных поясков, выполненных мелкозубчатым штампом, и зубчатых широких округлых арочек, внутри которых нанесены горизонтальные ряды коротких насечек (рис. 12, *1*). Два обломка — также от одного сосуда, покрытого очень своеобразным орнаментом, состоящим из заштрихованных округ-

---

[14] Раскопки В. М. Раушенбах, 1950 г. Материал хранится в ГИМ.
[15] Раскопки В. С. Смирнова. Материал хранится в Костромском музее.
[16] Раскопки автора, 1950 г. Материал хранится в ГИМ.
[17] Раскопки Б. С. Жукова. Материал хранится в Горьковском музее.

лых арочек, окаймленных бахромой из коротких нарезок, и неширокой вертикальной заштрихованной полосы, также окаймленной бахромой. На одном из этих фрагментов имеется налеп (рис. 12, *2*).

По тонкостенности и лощеной поверхности эти сосуды также напоминают фатьяновские. Однако форма их необычна. Все фатьяновские сосуды имеют округлое, слегка уплощенное дно, в то время как наш сосуд — плоскодонный. Несколько необычен также и орнамент. Вертикальный нарезной рисунок на сосуде с налепом напоминает орнаментацию, характерную для абашевской культуры (ср., например, орнамент сосуда из кургана № 9 Абашевского могильника [18]). Некоторое сходство с абашевскими сосудами можно проследить и в формах отдельных сосудов со стоянки Подборица-Щербининская. Таковы, например, небольшие чашеобразные сосуды того же типа, что сосуды, изображенные на рис. 8, *4*.

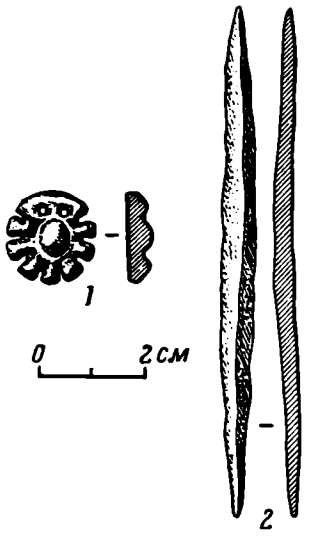


Рис. 13. Стоянка Подборица-Щербининская. Бронзовые предметы

Такое наблюдение подкрепляется исключительно интересными находками, сделанными на поселении Подборица-Щербининская А. В. Давидовичем. К этим находкам относятся: бронзовая литая звездчатая розетка округлой формы, с семью сужающимися к центру лепестками — на верхней ее части имеются два круглых отверстия, которые служили, вероятно, для прикрепления к одежде (рис. 13, *1*); трехгранные литые шилья (одно целое и один обломок) (рис. 13, *2*); небольшой круглый слиток бронзы и мелкие обломки каких-то бронзовых предметов. Наибольший интерес представляет звездчатая розетка. Точно такие розетки известны из погребений, относящихся к абашевской культуре времени не ранее второй половины II тысячелетия до н. э. [19].

Предметов, характерных для абашевской культуры, до сих пор никогда не было найдено ни на одном из окских неолитических памятников. Как известно, наибольшее количество памятников абашевской культуры расположено на юге Чувашской республики. В 1957 г. А. Х. Халиковым раскопаны абашевские могильники на территории Марийской республики. Обе эти республики граничат с Горьковской областью. Во второй половине II тысячелетия до н. э. межплеменные связи повсюду значительно расширяются и становятся все более и более интенсивными. В это время, по-видимому, возникают связи между абашевскими и позднеолитическими окскими племенами, жившими на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга.

Находки бронзовых предметов на поселении Подборица-Щербининская интересны еще и в другом отношении. М. Е. Фосс была составлена карта находок бронзовых и медных предметов на территории распространения неолитических культур на севере и в центральной части Европейской территории СССР [20]. Бо́льшая часть этих находок относится ко второй половине II тысячелетия до н. э. На территории окских неолитических культур бронзовые предметы были найдены главным образом на стоянках волосовской культуры: Волосовской, Панфиловской, Холомонихе и Владычинской. К ним теперь присоединяется стоянка Подборица-

[18] О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 94, рис. 38.

[19] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч.

[20] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 11.

Щербинская. Все найденные единичные медные и бронзовые предметы не местного изготовления. Они проникли на Оку в результате межплеменных связей с племенами, уже освоившими металлургию. Разнообразные кремневые орудия, находимые на окских поселениях в огромном количестве, свидетельствуют о высоко развитой технике обработки камня. Отжимная техника, техника сверления, пиления и полирования камня достигли здесь своего наивысшего развития. Наблюдается строгая дифференциация орудий по различным отраслям производства: имеются целые серии кремневых орудий для обработки того или иного материала — дерева, кости, камня, кожи и т. д., наконец, кремневые и костяные орудия охоты и рыболовства. Как известно, основными отраслями хозяйства окских племен III и II тысячелетий до н. э. являлись охота и рыболовство. В то же время на большей части территории Европы жили племена, уже знакомые в значительной степени с металлургией. Основным занятием этих племен являлось скотоводство, а в некоторых местах и земледелие, что характерно для эпохи бронзы.

Вопрос о так называемом «лесном» или «пережиточном» неолите на Севере и в центральной части Европейской территории СССР не раз обсуждался в советской археологической литературе. Однако этот вопрос не разрешен до настоящего времени[21]. Так, например, некоторые исследователи предлагают всю волосовскую культуру относить к эпохе бронзы. Опираясь на перечисленные выше факты и следуя точке зрения упомянутых авторов, я отношу волосовскую культуру к культурам эпохи позднего неолита, которые были синхронны культурам развитой бронзы в более южных районах.

Итак, поселение Подборица-Щербининская относится к памятникам волосовской культуры на позднем этапе ее развития. Этот этап по целому ряду признаков датируется временем второй половины II тысячелетия до н. э.[22]. Точнее стоянку Подборица-Щербининская, вероятно, следует отнести к третьей четверти II тысячелетия до н. э. Этой дате не противоречит упомянутая выше звездчатая бронзовая привеска абашевского типа.

Подборицкие дюны чрезвычайно интересны в археологическом отношении. По имеющимся на них трем памятникам можно проследить последовательность смены археологических культур на протяжении длительного промежутка времени. Так, в конце III тысячелетия до н. э. здесь существовало большое поселение, относящееся к раннему этапу развития балахнинской культуры (стоянка Подборица-Западная). В это время племена балахнинской культуры занимали довольно большую территорию — от района г. Мурома до низовьев Оки. В середине II тысячелетия до н. э., когда расселившиеся в районе течения Оки племена волосовской культуры начали постепенно продвигаться вниз по Оке, на Подборицких дюнах образовалось большое долговременное поселение Подборица-Щербининская. В конце II тысячелетия до н. э. в районе рязанского и муромского течения Оки расселяются племена так называемой поздняковской культуры. Эти племена, осваивая все новые и новые территории, продвигаются в низовья Оки. На южном конце Подборицких дюн, на берегу оз. Сокорка, появляется большое поселение, относящееся к поздняковской культуре. В настоящее время еще нет достаточного количества данных для того, чтобы выяснить взаимоотношения окских неолитических племен с племенами поздняковской культуры. Возможно, что часть окских племен расселилась на новые территории, часть их могла быть ассимилирована племенами поздняковской культуры.

---

[21] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. М., 1940; М. Е. Фосс. О терминах «неолит», «бронза», «культура». КСИИМК, вып. XXIX, 1949; ее же. Древнейшая история...

[22] И. К. Цветкова. Волосовские неолитические племена. Тр. ГИМ, вып. XXII, 1953.

Т. Г. МОВША

О СВЯЗЯХ ПЛЕМЕН ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СО СТЕПНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ МЕДНОГО ВЕКА

Кухонная глиняная посуда с примесью измельченных раковин представляет собой довольно значительную группу находок, обычных для поселений среднего и позднего этапа развития трипольской культуры.

Подробная характеристика кухонной керамики трипольских поселений Поднестровья, Побужья и Поднепровья изложена в монографии Т. С. Пассек [1]. Специально этой теме посвящена работа Т. Д. Белановской, в которой детально исследованы масса, форма и орнаментация кухонной керамики на всех этапах развития Триполья, в том числе и керамики с примесью измельченных раковин [2].

В настоящей статье нами публикуются новые материалы, позволяющие по-иному осветить некоторые вопросы, связанные с одной из групп кухонной керамики, известной под названием керамики с примесью измельченных раковин или керамики с полосчатым сглаживанием поверхностей.

Эти новые материалы были обнаружены при раскопках замечательного памятника среднего этапа развития трипольской культуры — поселения у с. Солончены (Солончены II), Резинского района, Молдавской ССР. Здесь я имею в виду кухонную керамику с примесью измельченных раковин, подобную найденной на известных трипольских поселениях Украины и Молдавии. Анализ этой керамики в свете новых данных раскрывает исторические связи трипольских племен с соседними, неродственными степными племенами [3].

Во время раскопок 1955 г. на поселении Солончены II при разборке глинобитного трипольского жилища № 2, в одном комплексе с характерной для среднего этапа трипольской культуры керамикой с трехцветной и двухцветной росписью (рис. 1, *1, 2*), одновременной керамике из Кадиевец, Кудринец, найдена несколько необычная для Триполья посуда, вылепленная из глины с примесью измельченных раковин. Эта посуда по форме, приемам орнаментации и орнаментальным мотивам заметно отличается от распространенной в трипольской культуре кухонной посуды с примесью измельченных раковин.

Все обнаруженные в Солончена сосуды представлены в обломках, однако по ним нетрудно восстановить формы и размеры. Преобладают плоскодонные горшки. Меньше сосудов с округлыми и уплощенными дни-

---

[1] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949.

[2] Т. Д. Белановская. Об особенностях некоторых групп трипольской керамики в связи с классификацией памятников Триполья. Тезисы кандидатской диссертации. Изд. ЛГУ, 1948.

[3] Основные положения относительно этой керамики были высказаны автором этой статьи в докладе «Археологические раскопки на трипольском поселении Солончены II в 1955 г.» на заседании секции неолита и бронзы Пленума ИИМК АН СССР, 5 апреля 1956 г. в Ленинграде.

щами. Венчики (рис. 2, *7*) высокие, прямые, слегка отогнутые наружу. Края венчиков или срезаны прямо, или закруглены. Высоко расположенные плечики сильно расширены. Сосуды желтого или желтовато-коричневого, реже серовато-желтого цвета изготовлены из глиняной массы с примесью измельченных раковин. Черепок часто пористый, обжиг не всегда равномерный. Наружные поверхности заглажены и только изредка имеют следы полосчатого сглаживания. Орнамент покрывает верхние части сосудов — венчики, плечики, заходит на край венчика и состоит из рядов прямых или дуговидных оттисков зубчатых штампов (рис. 2, *1*), углубленных узких линий, образующих вертикальные ленты. Встречается мелкий ногтевой орнамент, наколы треугольной формы в сочетании с узкими прочерченными линиями и оттисками зубчатого штампа. В одном случае ногтевые углубления заполнены белой пастой. Верхние части венчиков и их прямо срезанные края в большинстве случаев украшены оттисками зубчатого штампа или прямого, состоящего из четырех зубчиков, или полуовального с большим количеством зубчиков. Основание плечиков подчеркнуто мелким ногтевым орнаментом, горизонтальным пояском зубчатого штампа, иногда расположенного в два ряда. Плечики украшены вертикальными лентами из узких прочерченных линий, окаймленных рядом оттисков зубчатого штампа (рис. 3, *2*). Иногда ленты из узких прочерченных линий располагаются на плечиках наискось (рис. 3, *3*), горизонтально, или в виде полуовалов, образуя треугольные и полуовальные фестоны, окаймленные одним или двумя рядами коротких треугольных или прямоугольных наколов. Имеются также полуовальные фестоны из оттисков зубчатого штампа. В одном случае край венчика украшен «жемчужинами».

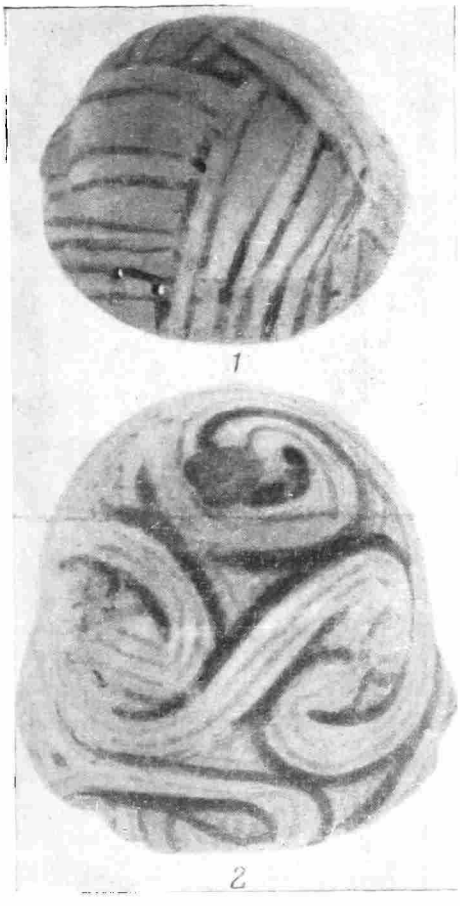


Рис. 1. Крышки с трехцветной росписью с трипольского поселения Солончены II

Большой интерес представляют находки круглодонных сосудов и сосудов переходных форм от круглодонных к плоскодонным.

Так, в культурном слое жилища № 2 на поселении Солончены II вместе с трехцветной керамикой обнаружено круглое донышко сосуда [4], изготовленного из пористой глиняной массы с примесью измельченных раковин. Черепок серовато-черного цвета, тонкий, утолщающийся к основанию, обожжен неравномерно (рис. 4, *1*). В этом же жилище найдены части сосудов с маленькими плоскими донышками диаметром 5,2 *см*, 6,5 *см*. Ширина тулова второго сосуда на высоте 2,5 *см* от дна достигает 12 *см*. Подобный диаметр нижней части тулова сосуда указывает на его значительный размер, явно не соответствующий диаметру дна. По-видимому, эти сосуды являются одной из переходных форм от круглодонного сосуда к плоскодонному (рис. 4, *3*).

---

[4] Инв. № 1087.

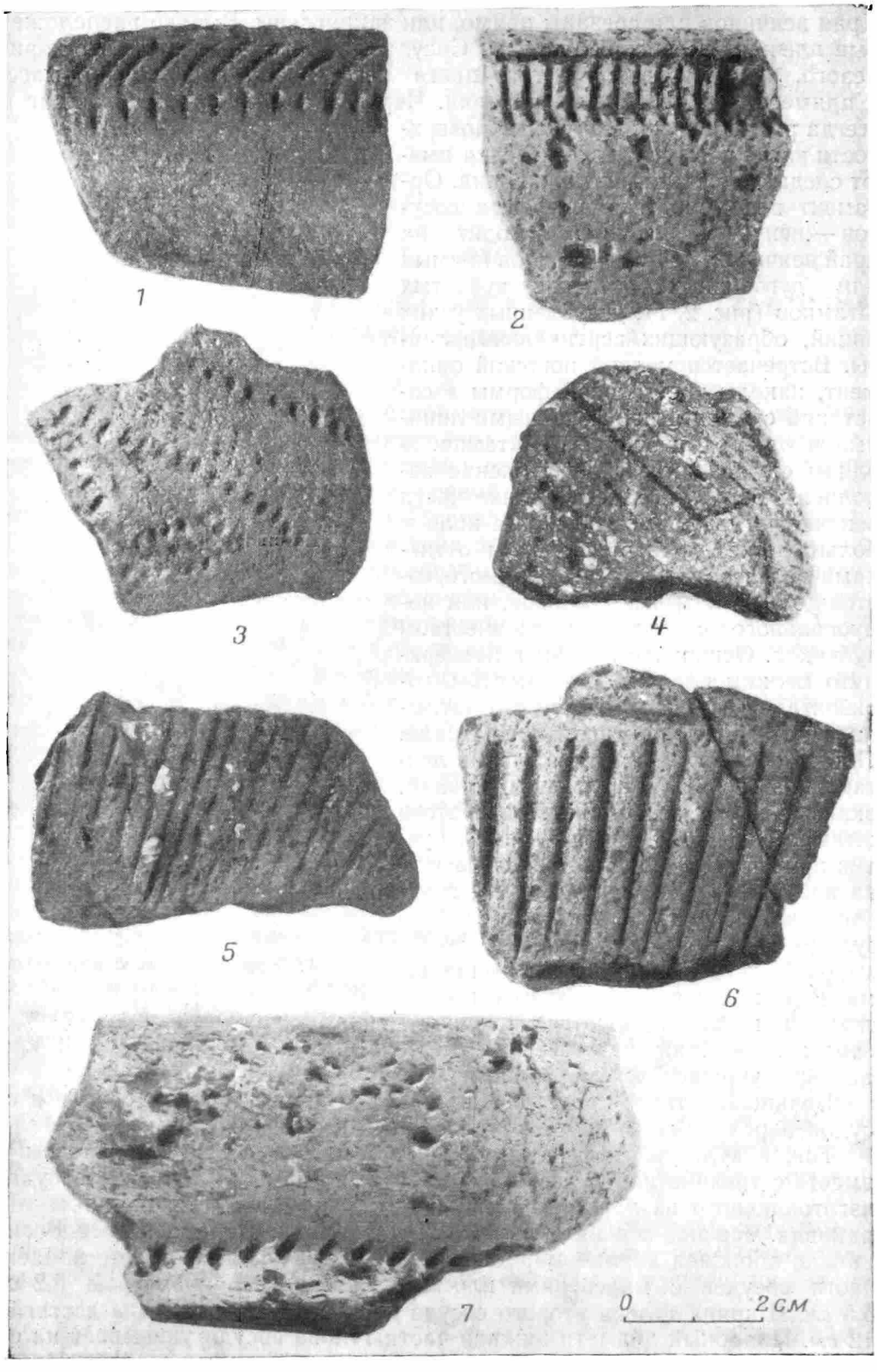


Рис. 2. Керамика с примесью измельченных раковин

1, 3, 5, 7 — с трипольского поселения Солончены II; *2, 4, 6* — со степного поселения Кичкас

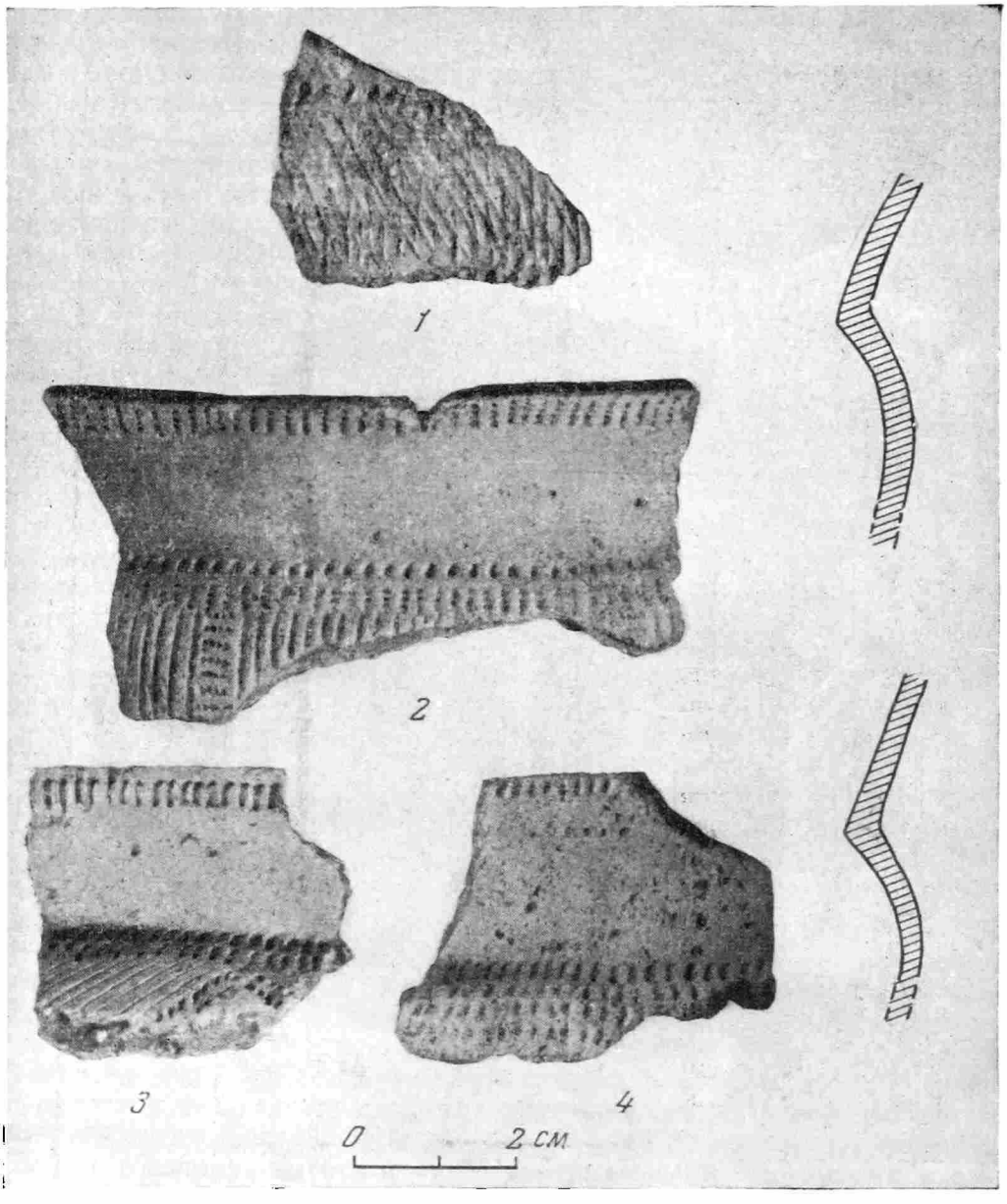


Рис. 3. Кухонная керамика с поселения Солончены II

Впервые подобная кухонная керамика была обнаружена Т. С. Пассек в 1952 г. среди подъемного материала с поселения Солончены II (рис. 3, *3*). В землянке № 1 (раскоп 1), вскрытой в том же году над обрывом берега Днестра, в керамическом комплексе этапа B/I (с трехцветными сосудами и сосудами с углубленным орнаментом и покраской), также были найдены обломки кухонной керамики отмеченного типа (рис. 3, *1, 2, 4*). Форма сосуда — широкогорлый горшок с округлыми плечиками, высоким венчиком с прямо срезанным краем. Верх края уплощен, покрыт, как и плечики, углубленным или штамповым орнаментом. Иногда углубленный орнамент располагается на плечиках в виде косой сетки (рис. 3, *1*). Обломки днищ указывают на едва заметную уплощенность форм[5] (рис. 4, *3*) или слабо выраженную округлость[6]

[5] Инв. № 477.
[6] Инв. № 145.

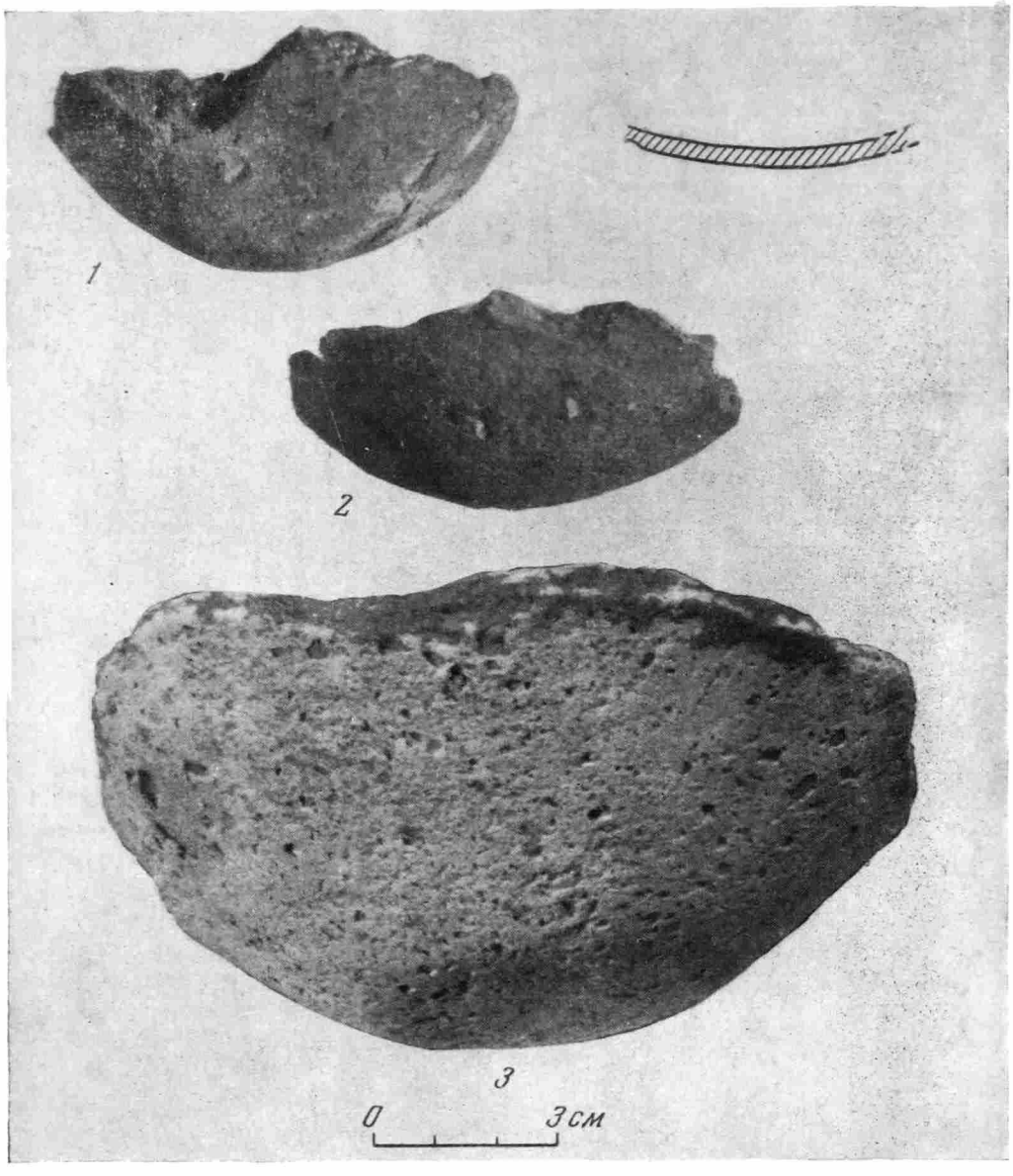


Рис. 4. Трипольское поселение Солончены II

1,2 — круглые донышки кухонных сосудов с примесью измельченных раковин; *3* — уплощенное донышко

(рис. 4, *1, 2*). Такая же кухонная керамика с примесью измельченных раковин была найдена на поселении Солончены II и при раскопках (1952 г.) глинобитного жилища «на поле И. Чеботаря».

Описанная круглодонная кухонная посуда из раскопок поселения Солончены II до сих пор в Триполье не была известна. Подобная кухонная посуда, изготовленная из массы с примесью измельченных раковин, с характерной формой венчика и орнаментацией, но плоскодонная обнаружена в Кадиевцах, Кудринцах, Дарабани и других поселениях этапа В/I (согласно периодизации Т. С. Пассек). Наиболее близкая керамика происходит из разведочных раскопок В. И. Маркевича на поселении у с. Флорешты Заготзерно (Молд. ССР). Здесь вместе с трехцветной керамикой, аналогичной керамике с поселения Солончены II, обнаружены обломки кухонных сосудов из глиняной массы с примесью из-

мельченных раковин, с высокими венчиками, прямосрезанными краями, высокими и широкими плечиками, орнаментированными опоясывающими рядами оттисков мелкого зубчатого штампа. Ближайшие аналогии этой керамике мы находим в степных памятниках медного века Днепровского Левобережья. Первый из них — Средний Стог II, давший название группе аналогичных памятников, распространенных на значительной территории, стал известен с 1927 г. после раскопок А. В. Добровольского, датировавшего эту стоянку поздним периодом развитого неолита[7]. Подобная же керамика обнаружена в ряде пунктов Днепровского Надпорожья, в частности, на Виноградном острове, Вовнигах Левобережных, Балке Квитяной[8], Стрильчей Скеле (средний слой), Дурной Скеле (нижний слой) и т. д.

В послевоенные годы В. Н. Даниленко определил эти памятники и в других местах, заселенных родственными степными племенами на территории от Дона до Днепра. Им намечены памятники, как хронологически предшествовавшие Среднему Стогу II, так и последовавшие за ним. Все они, по мнению В. Н. Даниленко[9], относятся к медному веку и представляют собой ранние звенья в развитии степных восточноевропейских культур шнуровой керамики.

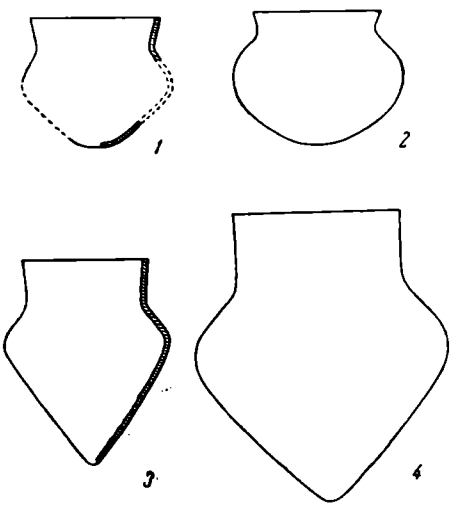


Рис. 5. Реконструкция глиняных сосудов

1, 2 — сосуды с поселения Солончены II; *3, 4* — сосуды типа Среднего Стога II (*3* — Сунки; *4* — Веселый Кут)

В нашей статье привлекается керамика Среднего Стога II, Кичкаса, Балки Квитяной и других, в том числе и лесостепных (Сунки, Веселый, Кут, близких Среднему Стогу II) памятников. Особый интерес вызывают материалы Среднего Стога II и Стрильчей Скели, где обнаружены обломки трехцветной трипольской керамики. Находки последней указывают на синхронность этих степных пунктов порожистой части Поднепровья с Трипольем этапа В/I (согласно периодизации Т. С. Пассек).

Все сосуды из Среднего Стога II и других аналогичных ему поселений имеют исключительно яйцевидную (рис. 5, *3, 4*) или округлую форму с высокими (около $^1/_4$ высоты сосуда) вертикальными, отогнутыми наружу венчиками. Основания венчиков с перехватом, плечики и бока выпуклые; днища утолщенные яйцевидные или округлые[10] (рис. 6, *3*). Края венчиков срезаны наклонно во внутрь, ровные, а иногда закруглены. Сосуды изготовлены из серовато-желтой глины с искусственной примесью большого количества измельченных раковин. Поверхности сосудов серовато, серовато-желтого и реже желтоватого или красноватого цве-

---

[7] А. В. Добровольский. Звіт за археологічні досліди на території Дніпрельстану року 1927. Збірник Дніпропетровського крайового Історично-археологічного музею, т. I, Дніпропетровськ, 1929; его же, Матеріали до археологічної карти Дніпропетровського Надпоріжжя в межах Запорізької області. Археологія, т. VII, Київ, 1952.

[8] А. В. Бодянский. Древнейшее ямное погребение в Южном Приднепровье. КСИА, вып. III, 1954, стр. 95—98, рис. 3—4.

[9] В. Н. Даниленко. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики, КСИА, вып. 4, 1955, стр. 126—128.

[10] Таблиці та рисунки до Збірника Дніпропетровського крайового Історично-археологічного музею, т. I, Дніпропетровськ. 1929, рис. 2, *83*, 2, *86*.

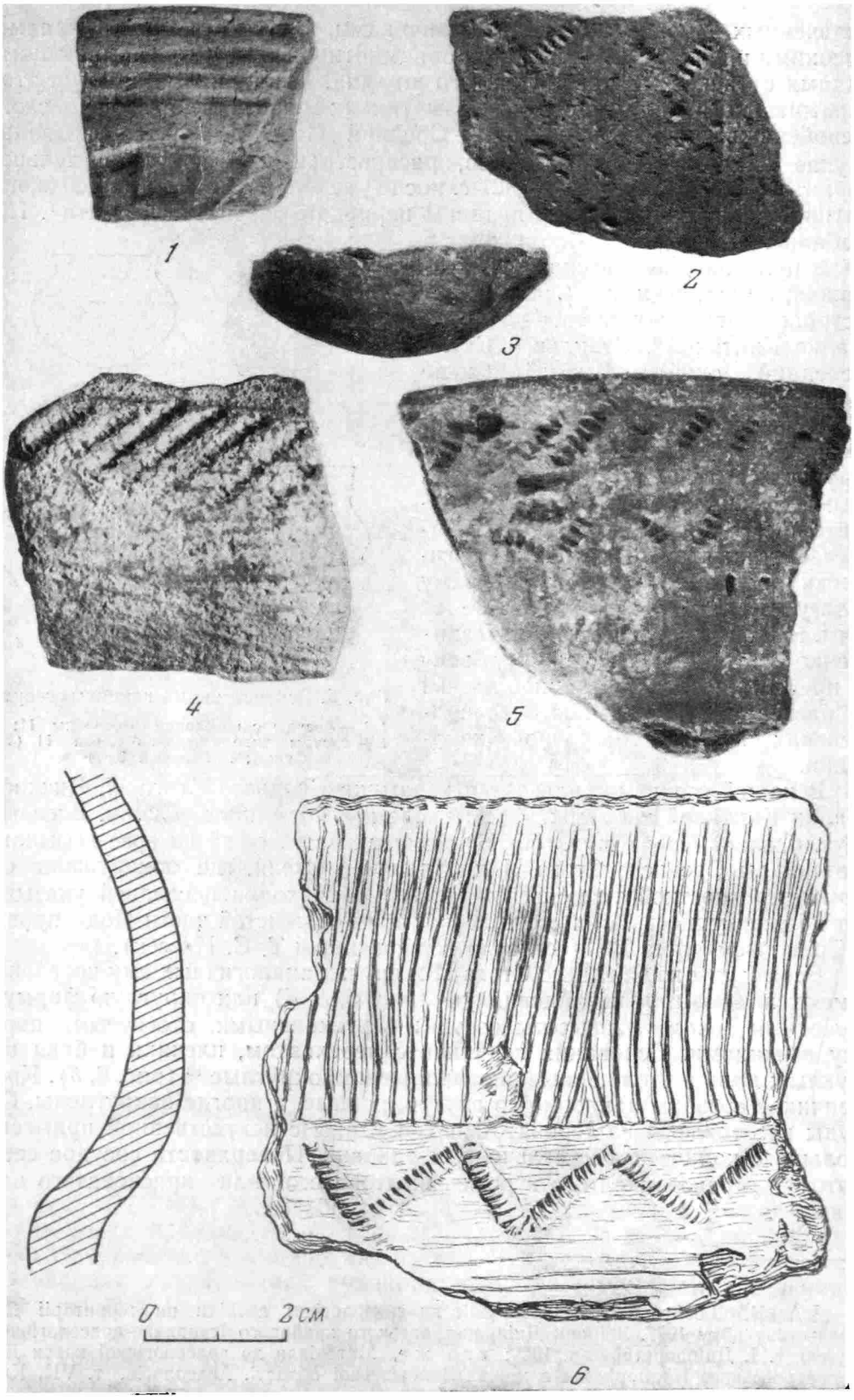


Рис. 6. Керамика с примесью измельченных раковин

1—3 — Средний Стог II; *4* — трипольское поселение Кадиевцы; *5* — Кичкас II; *6* — трипольское поселение Кудринцы

та. Наружные поверхности обычно слегка заглажены и только некоторые — заполированы. На внутренних поверхностях имеются следы полосчатого сглаживания. Сосуды среднего размера.

Орнамент так же, как и на рассмотренной выше посуде с трипольского поселения Солончены II, расположен только в верхней части: на венчике, покрывая иногда и его внутреннюю сторону, и на плечиках. В основном украшены или срезанные края венчиков, или их верхние части и плечики. Сосуды орнаментированы оттисками зубчатого штампа, бороздками (рис. 7, *5*), ямочками. В орнаментации применялся также гусеничный штамп (навитый на палочку шнур). Зубчатый орнамент наносился специальным штампом. На стоянке Средний Стог II найден такой штамп с 21 зубчиком, вырезанным на краю створки раковины. В орнаментальных мотивах преобладают опоясывающие ряды, обведенные снизу или сверху незамкнутыми треугольниками. Зубчатый орнамент сочетается также с дуговидными, глубокими и узкими прочерченными линиями. Имеются сосуды, украшенные рядами узких бороздок, образующих косую сетку [11]. Керамика с гусеничным орнаментом, иногда в сочетании с зубчатым, на Среднем Стоге II обнаружена в меньшем количестве (рис. 6, *2*).

Керамика, аналогичная описанной из Среднего Стога II, представлена в значительном количестве на поселении у Кичкаса. Имеются обломки тонкостенных сосудов сероватых, черных, желтоватых и коричневатых тонов. В орнаментации встречаются опоясывающие ряды дуговидных углублений, разделенных горизонтальными полосами, незамкнутые треугольники, нанесенные мелким зубчатым штампом (рис. 7, *4, 6, 8*), т. е. мотивы и приемы орнаментации посуды, очень близкие поселению Солончены II. На сосудах из Кичкаса II, так же как и в Среднем Стоге II, встречаются пояски из незамкнутых треугольников, из оттисков «гусенички» (рис. 6, *5*). Наружные и внутренние стороны некоторых сосудов носят следы полосчатого сглаживания.

Из описания видна значительная общность посуды трипольских поселений Солончены II, Флорешты-Заготзерно, с памятниками типа Средний Стог II. Эта общность наблюдается не только в глиняном тесте с характерной примесью измельченных раковин, но и в форме и орнаментации сосудов. Часто керамика из Кичкаса II близка керамике из Солончены II и цветом черепка. Близость форм округлых днищ, найденных на трипольском поселении Солончены II и на памятниках типа Средний Стог II не вызывает сомнений. То же самое можно сказать, сопоставив другие образцы керамики, например стенки сосудов, украшенные углубленными линиями в виде косой сетки (рис. 2, *5* и рис. 3, *1*), или обломки сосудов из Кудринец, Кичкаса II и Среднего Стога II, украшенных на плечиках гусеничным орнаментом (рис. 6, *2, 5, 6*), расположенным незамкнутыми треугольниками. На Среднем Стоге II подобный орнаментальный мотив часто нанесен зубчатым штампом. Сходятся и многие другие детали: формы многих венчиков, расположение орнамента по краю срезанного венчика, на венчике и плечиках. Сопоставление орнаментации на венчике сосуда из Флорешты-Заготзерно (рис. 7, *9*) с орнаментацией на сосудах из Кичкаса II (рис. 7, *7, 8*) указывает на большое сходство, хронологическую близость или даже возможную одновременность обоих памятников.

Однако комплекс кухонной посуды с примесью измельченных раковин с поселения Солончены II имеет свои особенности, отличающие его от посуды типа Средний Стог II. Обнаружены плоские днища, обломки сосудов, украшенных ногтевым и жемчужным орнаментом.

Следовательно, в одной части кухонной керамики с примесью измельченных раковин с поселения Солончены II ярко выражены признаки, ха-

[11] Там же, табл. 10, рис. 6, *198*.

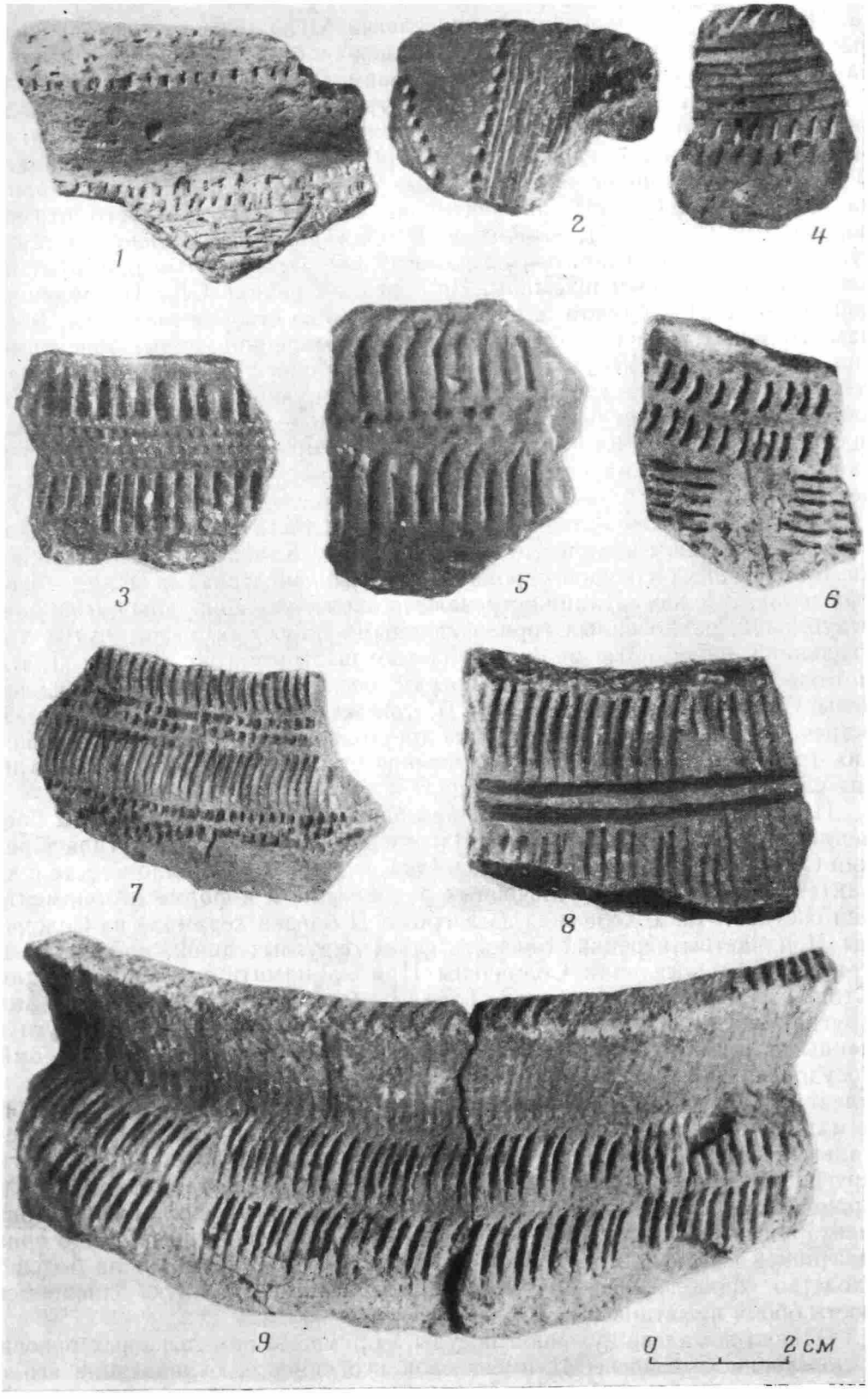


Рис. 7. Керамика с примесью измельченных раковин

С трипольских поселений: *1* — Солончены II; *2, 3* — Кадиевцы; *9* — Флорешты-Заготзерно. Со степных поселений: *4, 6—8* — Кичкас II; *5* — Средний Стог II

рактерные для памятников степной левобережной культуры типа Средний Стог II (рис. 2, *1, 3*). Другая часть посуды этой группы видоизменяется, превращаясь в обычный плоскодонный трипольский горшок с широким горлом.

Для выявления керамики типа Средний Стог II (или характерных ее элементов) нами были пересмотрены коллекции с других трипольских поселений этапа B/I — Кадиевцы (урочище Бавки), Кудринцы, Дарабани, Поливанов Яр (нижний слой).

Комплекс интересующей нас керамики из раскопок М. Я. Рудинского в с. Кадиевцы [12] (Каменец-Подольский район и область) в коллекции Киевского исторического музея представлен значительно большим количеством экземпляров, чем с поселения Солончены II. Если сопоставить площади раскопов, заложенных на двух названных поселениях (в Кадиевцах — 65 $м^2$; в Солончена II только площадь раскопа IV 1955 г. равнялась 245 $м^2$), то станет очевидным, что на некоторых трипольских поселениях этапа B/I кухонная керамика с примесью измельченных раковин получает широкое распространение.

В Кадиевцах есть сосуды только одной формы — плоскодонные горшки. Их черепок более толстый и более грубый, чем в поселении Солончены II. Цвет черепка варьирует от коричневатого до серовато-желтого и серого. На поверхностях сосудов часто имеются следы грубого полосчатого сглаживания, отсутствующего на керамике Среднего Стога II.

Несмотря на то, что в Кадиевцах нет круглодонных и яйцевидных сосудов, в приемах орнаментации и расположении орнамента наблюдается близкое сходство с керамикой Среднего Стога II, Кичкаса и аналогичных им памятников (рис. 7, *2, 3, 5*; рис. 6, *1, 4*).

Исходя из орнаментации, в Кадиевцах можно выделить две подгруппы керамики с примесью измельченных раковин. В первую подгруппу входит керамика, приемы орнаментации и орнаментальные мотивы которой близки к керамике памятников типа Средний Стог II. Сюда, прежде всего, относятся фрагменты сосудов, украшенные зубчатым штампом, отличающимся от подобного орнамента на интересующей нас степной керамике только меньшим размером зубчиков и большей протяженностью оттисков; фрагменты покрыты короткими углубленными линиями (рис. 7, *3*), а также орнаментированы «гусеничкой». Ближайшие аналогии этой керамике, как это видно по рис. 6 и 7, находятся в Кичкасе II.

Для второй группы керамики характерен ногтевой орнамент на краю венчика, не встреченный в памятниках типа Средний Стог II. Иногда на плечиках сосудов имеются округлые парные углубления, имитирующие орнамент так называемых лицевых урн.

В этом отношении интересна аналогичная керамика с трипольского поселения у с. Кудринцы, Тернопольской области [13], где сосуды только плоскодонные, в форме горшка, с полосчатым сглаживанием поверхностей. Тесто, из которого они изготовлены, содержит примесь измельченных раковин. В керамике из Кудринец, наряду с характерной для Триполья кухонной посудой, имеются сосуды с орнаментацией, близкой к керамике типа Средний Стог II; они украшены по краю венчика и плечикам оттисками «гусенички» и зубчатым штампом (рис. 6, *6*).

Заслуживает внимания часть венчика сосуда, орнаментированного «гусеничкой» и украшенного налепным изображением головы быка. «Гусеничка» покрывает край венчика, голову животного и основание плечиков [14]. Таким образом, в орнаментации этого сосуда наблюдается сосу-

---

[12] М. Я. Рудинський. Досліди на Кам'янеччині. Коротке звідомления за 1926 рік. Київ, 1927, стр. 123.

[13] Просмотрена коллекция под инв. № 2631—1326, хранящаяся в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

[14] Т. С. Пассек. Ук. соч., стр. 47, рис. 17.

ществование трипольских элементов, налепное изображение головы быка и элементов степной левобережной культуры, проявившихся в гусеничном орнаменте. Орнамент «гусеничкой» в Кадиевцах и Кудринцах так же, как и на Среднем Стоге II, распространен значительно реже, чем зубчатый, и обнаружен всего лишь на нескольких сосудах. На поселении Солончены II он вовсе отсутствует.

Кухонная керамика с трипольского поселения Дарабани I [15] плоскодонная, но в отличие от подобной ей керамики с трипольских поселений у сс. Кудринцы и Кадиевцы, она почти не имеет следов полосчатого сглаживания. Этот важный, на наш взгляд, признак, характерный и для Среднего Стога II, в свое время был отмечен Т. С. Пассек [16].

Следует указать еще на одну особенность кухонной посуды Дарабани: она изготовлена из глины с примесью измельченных раковин или крупного песка. Последняя примесь не была обнаружена в посуде ни на одном из названных трипольских поселений.

К сожалению, этими памятниками ограничивается наш обзор, так как поселения среднего этапа Триполья (B/I) еще недостаточно изучены. Но рассмотренные нами комплексы кухонной посуды с примесью измельченных раковин с трипольских поселений этапа B/I Среднего Поднестровья (Кадиевцы, Кудринцы) указывают на самую тесную связь их с керамикой поселений Солончены II, Флорешты-Заготзерно и, таким образом, с керамикой стоянок типа Средний Стог II.

В раннетрипольских поселениях кухонная керамика с примесью измельченных раковин отсутствует.

В раннем Триполье (A) постоянно встречается иная кухонная посуда, изготовленная из плохо отмученной, комковатой серой или желтой глины с примесью шамота или песка. Среди сосудов выделяются большие корчаги с толстыми плоскими днищами, толстостенные миски, среднего размера горшки, имеются «друшлаки». Наружная поверхность сосудов шероховатая, часто грубо обработана, со следами пальчатого сглаживания, придающего ей своеобразную орнаментацию; внутренняя поверхность — гладкая. Многие сосуды украшены ямочным или ногтевым орнаментом, опоясывающим в один ряд плечики; ручки-ушки расположены на стенках сосудов. В орнаментации встречаются бугорки-шишечки. В Озаринцах [17], в Луке-Врублевецкой [18], Берново-Луке [19], Сабатиновке II [20], Ленковцах [21] и других довольно многочисленных раннетрипольских поселениях эта керамика составляет значительную группу находок.

Кухонная керамика с грубой шероховатой поверхностью продолжает существовать в трипольской культуре и на этапе B/I (по периодизации Т. С. Пассек) наряду с посудой, украшенной трехцветной росписью и кухонной керамикой с примесью измельченных раковин.

Таким образом, на поселениях среднего этапа (B/I) триполья существуют две группы кухонной посуды: первая — с грубой шероховатой поверхностью, вторая с примесью измельченных раковин. На этапе B/II кухонная посуда с грубой шероховатой поверхностью не встречается и совершенно исчезает в трипольской культуре, уступая полностью место посуде с примесью измельченных раковин.

---

[15] Просмотрена коллекция № 2630, хранящаяся в Музее антропологии и этнографии АН СССР.

[16] T. Passek. La céramique tripolienne, ИГАИМК, вып. 122, Л., 1935.

[17] М. Я. Рудинський. Поповогородський вияв культури мальованої кераміки. Антропологія, т. III, 1930.

[18] С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевецкая, МИА № 38. 1953, стр. 129—130.

[19] Т. С. Пассек. Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре. КСИИМК. вып. 51, 1953, стр. 46—54.

[20] М. Л. Макаревич. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'ток трипільської культури, АП, т. IV, 1952.

[21] Е. К. Черныш. Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы. КСИИМК, вып. XLVII, 1952.

Следовательно, кухонная посуда с примесью измельченных раковин появляется только на начальном этапе среднего Триполья (этап В/I) в поселениях с расписной трехцветной керамикой. Сопоставление этой посуды с поселения Солончены II и других одновременных ему трипольских поселений с посудой степной левобережной, типа Средний Стог II, а также отсутствие ее в раннетрипольских комплексах позволяют сделать следующе выводы.

Кухонная посуда с примесью измельченных раковин не имеет генетических корней в трипольской культуре.

Широко распространенная в трипольской культуре, на среднем и позднем этапах ее развития, подобная кухонная посуда с примесью измельченных раковин иного происхождения, она связана с керамикой степной левобережной культуры типа Средний Стог II.

Генетическая связь рассмотренных выше типов керамики доказывается тождеством состава глиняного теста; наличием на поселении Солончены II круглодонных сосудов и сосудов переходных форм от круглых к плоскодонным; приемами орнаментации и многими орнаментальными мотивами, характерными и для посуды степных памятников типа Средний Стог II и близкой к ней посуды с трипольских поселений среднего этапа (В/I).

Нахождение на трипольском поселении Солончены II кухонной посуды типа степных культур, по-видимому, связано с пребыванием в Среднем Поднестровье отдельных групп степных юго-восточных племен, с которыми трипольские племена на этапах В/I, В/II, по всей вероятности, были в тесных культурных связях. От этих неродственных степных племен население трипольской культуры и могло позаимствовать так называемую кухонную керамику с примесью раковин и прием орнаментации гусеничкой, прослеженный в Кадиевцах и Кудринцах.

О синхронности памятников типа Средний Стог II и трипольских среднего этапа (В/I) свидетельствуют не только находки керамики типа Средний Стог II в трипольских поселениях (Солончены II, Флорешты-Заготзерно), но и трипольская керамика с трехцветной росписью, найденная на степных поселениях — Среднем Стоге II, Стрильчей Скеле [22].

Посуда с примесью толченых раковин с поселения Солончены II в группе трипольских поселений этого времени является наиболее архаичной, в ней наиболее четко выражены черты генетического родства с посудой степных памятников типа Средний Стог II. Это прежде всего чуждые трипольцам яйцевидные и круглодонные формы сосудов, со временем видоизменившиеся и превратившиеся в обычную (с примесью раковин) плоскодонную трипольскую кухонную посуду с широким горлом.

Ограничиваясь в основном характеристикой кухонной посуды с примесью измельченных раковин с трипольских поселений среднего этапа (В/I), кратко проследим ее развитие и изменение в последующее время.

Кухонная посуда с примесью измельченных раковин с трипольских поселений этапов В/II, С/I, хотя и подвергалась некоторым изменениям, генетически связана с аналогичной посудой предшествующего этапа.

Характерные признаки этой посуды — примесь раковин и полосчатое сглаживание — оказались не всегда обязательными для всех памятников трипольской культуры. Так, например, примесь раковин почти отсутствует в кухонной посуде с поселения Сушковка (этап С/I, Южное Побужье). Вместо раковин на этих поселениях в глиняное тесто добавлялся в основном крупнозернистый песок. На поселениях Дарабани I (слой этапа В/I) и Владимировка (этап В/II) найдены кухонные сосуды, изготовленные из глины с примесью измельченных раковин и крупнозернистого песка.

---

[22] А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення. АП, т. IV, 1952, стр. 79.

На позднетрипольском поселении Волынского полесья у с. Городск обнаружена кухонная посуда и с примесью раковин, и с примесью крупнозернистого песка, и с растительными примесями.

На позднетрипольских памятниках Среднего Поднестровья, исследованных Т. С. Пассек,— Поливанов Яр III, Мерешовка, Ломачинцы (урочище «Плита»), Митков, Волчинец, Выхватинцы, Голерканы,— группа кухонной посуды состоит исключительно из сосудов, вылепленных из глины с примесью измельченных раковин [23].

Второй важный признак кухонной посуды — прием украшения в виде полосчатого сглаживания (на основе которого она часто называется «керамикой с полосчатым сглаживанием») для всех этапов и всех районов распространения трипольской культуры, особенно на позднем этапе ее развития, оказался необязательным. Кухонная посуда с примесью раковин на позднетрипольских памятниках Среднего Поднестровья (типа Выхватинцы), Северного Причерноморья (Усатово) имеют хорошо заглаженные наружные поверхности.

В отношении украшения кухонной посуды можно отметить, что наиболее распространенным является зубчатый или гребенчатый орнамент. Он прослеживается на всех этапах Триполья. Причем на сосудах с поселений среднего этапа (Кадиевцы, Поливанов Яр III, Колодистое, Владимировка) зубчатый орнамент, так же как и на сосудах из Среднего Стога II, располагается не только на плечиках, но и по краям срезанных венчиков, заходя иногда на внутренние стороны. В позднетрипольское время на Коломийщине I, в Евминке зубчатый орнамент обычно украшает только основание плечиков сосудов.

Заслуживает внимания жемчужный орнамент, который считается характерным только для позднего этапа трипольской культуры, в частности для памятников усатовского типа. В действительности этот орнамент в трипольской культуре является довольно распространенным еще с этапов В/II. Он обнаружен на кухонной посуде трипольских поселений Поднестровья (Солончены II, Кадиевцы, Поливанов Яр), Южного Побужья (Пьянишково), Поднепровья (Веремье, Коломийщина II). Жемчужины часто встречаются в сочетании с оттисками зубчатого штампа. Зубчатый орнамент покрывает срезанные края венчиков, плечики, а жемчужный — располагается по краям венчиков.

Долгое время в трипольской культуре бытует гусеничный орнамент, появившийся в Триполье на этапе В/I вместе с кухонной посудой. Он обнаружен на кухонной посуде разновременных поселений, расположенных на различных территориях — у сс. Кадиевцы, Кудринцы, Владимировка, Колодистое, Петрены, Колодяжное и др.

Устойчивой оказалась и форма кухонных сосудов с примесью измельченных раковин. Очень долгое время (этапы В/I, В/II, С/I) бытует горшок, хотя наряду с ним изредка встречаются и миски. Несколько таких мисок из раскопок В. В. Хвойко в Среднем Поднепровье (с поселений этапа В/II) хранятся в коллекциях Киевского исторического музея. Только в позднем Триполье формы кухонной посуды становятся значительно разнообразнее. Выделяются чаши с косо срезанными и загнутыми во внутрь краями венчика, орнаментированные оттисками веревочки или углубленными линиями, а также чаши с прямыми стенками. Имеются кувшины, амфоры, широкогорлые горшки со слегка отогнутым краем венчика и округлыми приподнятыми плечиками. На плечиках часто сделаны налепные бугорки — шишечки. Сосуды становятся более тонкостенными.

На позднем этапе Триполья меняется и цвет кухонных сосудов. В позднетрипольских могильниках Среднего Поднестровья (Выхватин-

---

[23] Т. С. Пассек. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре. Изв. Молд. ФАН СССР, № 5/25. Кишинев, 1955, стр. 15—29.

цы) [24] и Северного Причерноморья (Усатово) [25] найдены сосуды серого и почти черного цвета. В могильнике Среднего Поднепровья — Софиевке [26] преобладает керамика желтовато-коричневатого и красно-кирпичного цвета.

Следовательно, на последующих этапах развития трипольской культуры происходит дальнейшее изменение посуды с примесью измельченных раковин. Некоторые степные признаки отмирают, другие, наоборот, появляются и сохраняются на всех этапах развития трипольской культуры.

Из новых степных элементов прежде всего следует назвать своеобразный прием орнаментации посуды полосчатым сглаживанием поверхности — типичный признак керамики степных культур медного века. На венчиках следы полосчатого сглаживания чаще всего располагаются вертикально, на стенках — неправильно горизонтально, весьма небрежно, но почти всегда в том же порядке.

Кроме зубчатого и гусеничного орнаментов, уже на этапе B/I встречается жемчужный орнамент, также характерный для памятников, последующих за Средним Стогом II и генетически с ним связанных. Эти данные свидетельствуют о том, что трипольские племена Среднего Поднестровья тесно соприкасались со степными племенами медного века на среднем этапе развития Триполья.

Однако на кухонную керамику с примесью измельченных раковин переносятся и трипольские орнаментальные традиции. Еще на этапе B/I появляются налепные изображения головок животных, расположенные на венчиках сосудов (Кудринцы). Стилизованные скульптурные головки, особенно быка, на этапах B/II и C/I становятся одним из распространенных сюжетов украшения посуды с примесью измельченных раковин. Показательным в этом отношении является поселение Сушковка.

Ближайшая задача заключается в выявлении керамики типа Средний Стог II на синхронных ему трипольских поселениях, что даст возможность определить границы проникновения степных влияний на западе и севере. Западнее Днестра на трипольских поселениях этапа B/I и фазы Кукутени AB подобной кухонной посуды мы пока не знаем. Видимо, связи трипольцев со степными племенами ограничивались бассейном Днестра.

В свете сказанного, исследования поселений среднего этапа развития трипольской культуры на территории Украины и Молдавии, и прежде всего поселения Солончены II, являются неотложной задачей.

Это даст возможность не только выяснить исключительно важный вопрос о широких культурных связях трипольских племен на среднем этапе со степными племенами медного века, но и уточнить вопрос их синхронизации и, возможно, характер взаимоотношений.

---

[24] Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. КСИИМК, вып. 56, 1954.

[25] О. Ф. Лагодовська. Пам'ятки Усатівського типу. Археология, т. VIII, 1953.

[26] Ю. М. Захарук. Софіівський тілопальний могильник. АП, т. IV, 1952.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ КИЕВСКОЙ РУСИ В С. ЧАПЛИН В ЮЖНОЙ БЕЛОРУССИИ

Городище и могильник в с. Чаплин, Речицкого района, Гомельской области, в результате работ Славянской экспедиции ИИМК АН СССР 1951—1953 гг. стали известны как классический пример памятников зарубинецкого типа на территории Южной Белоруссии [1]. Этот пункт также представляет интерес и для изучения материальной культуры позднейших эпох. Уже в первые годы раскопок Чаплинского городища были сделаны находки роменско-боршевского времени и эпохи Киевской Руси. На территории городища были найдены ямы, относящиеся к началу II тысячелетия н. э. [2] (в одной из них было много крупных костей диких животных). С поздним слоем на городище связаны следующие кости, найденные в яме и вблизи нее (определения произведены В. И. Цалкиным):

Наименование	Число костей	Число особей	Наименование	Число костей	Число особей
Крупный рогатый скот	10	2	Лось	7	2
Лошадь	1	1	Зубр	25	2
Свинья	10	3	Косуля	3	1
Мелкий рогатый скот	2	1	Кабан	32	3
Собака	1	1	Бобр	10	2
Благородный олень	52	5	Медведь	6	2

Среди находок этих лет, кроме обломков глиняной посуды, иногда довольно крупных и разнообразно орнаментированных (рис. 1, *1, 10, 12*), следует отметить: калачевидное кресало (рис. 2, *12*), ножи с прямыми спинками (рис. 2, *15, 16*), обломок железной остроги (рис. 2, *5*) и железные длинные шилья, квадратные в сечении (рис. 2, *13, 14*) [3], бронзовую круглую пряжку со спирально свернутыми концами, украшенную зигзагообразными линиями по обе стороны ее продольного ребра (рис. 2, *3*), пластинчатый перстень с заходящими друг на друга концами, украшенный рядами мелких насечек (рис. 2, *8*), пастовые глазковые бусины позднего типа (рис. 2, *1, 2*), глиняные пряслица (рис. 2, *7*) и обломок пряслица из шифера (рис. 2, *11*), 14 астрагалов и 11 таранных костей крупного рогатого скота, предназначенных для игры. На четырех астрагалах процарапаны перекрещивающиеся линии (рис. 2, *4*). Кроме того, была най-

---

[1] П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 119—153; его же. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 124; его же. Раннеславянские поселения и могильники на территории Белоруссии. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 49; Очерки истории СССР. М., 1956, стр. 525 сл.

[2] См. Отчеты Славянской экспедиции ИИМК АН СССР 1952—1953 гг. Архив ИА АН СССР.

[3] Последние вещи стратиграфически связаны с зарубинецкими находками и нет полной уверенности в том, что они относятся к культуре Киевской Руси (см. В. А. Мальм. Промыслы древнерусских деревень. Тр. ГИМ, вып. 32, 1956, стр. 120).

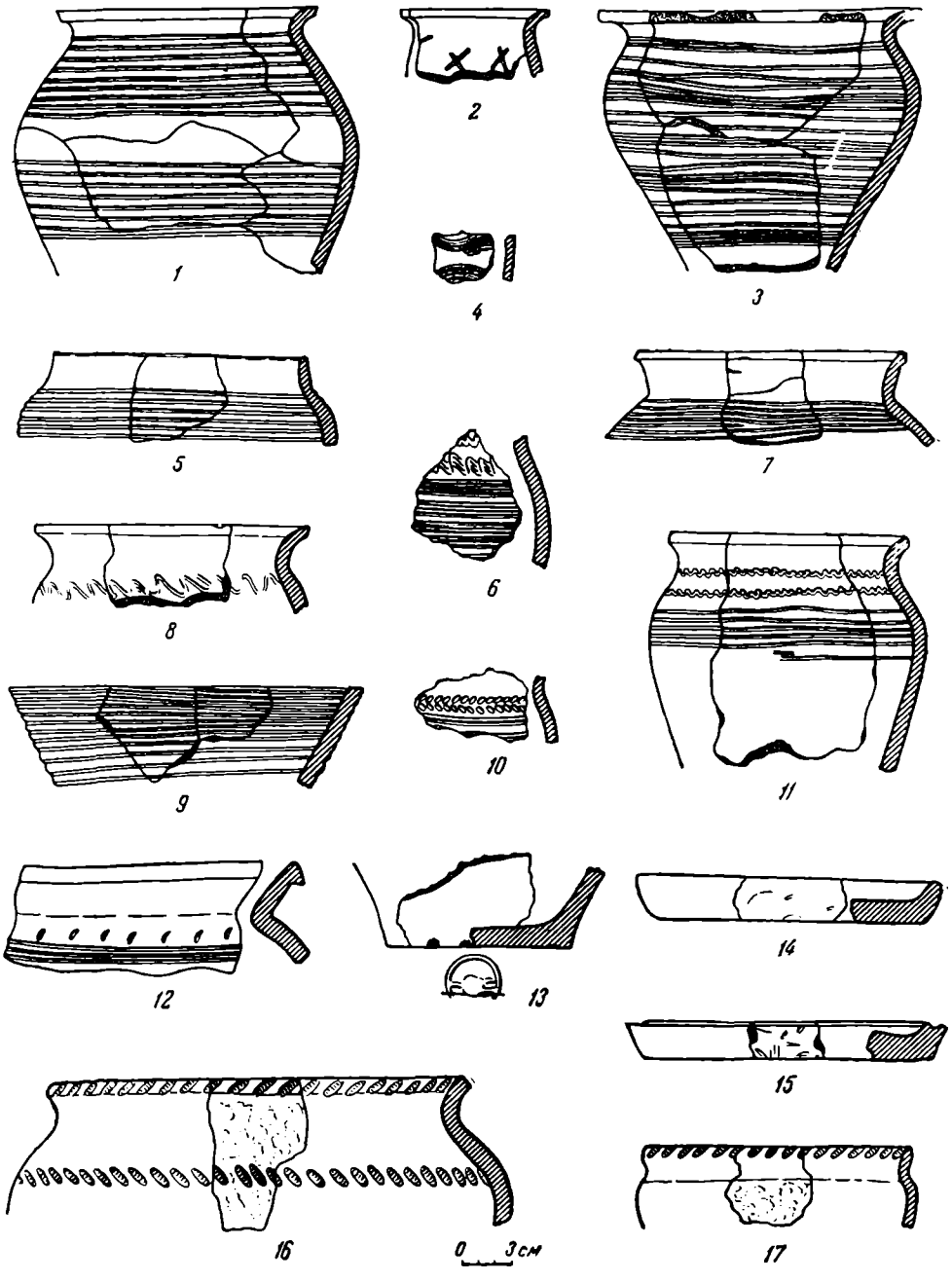


Рис. 1. Керамика с поселения в с. Чаплин

дена важная для датировки поселения монета [4]. За валом городища при исследованиях зарубинецкого могильника была найдена железная шпора эпохи Киевской Руси (рис. 2, *17*) [5].

В Южной Белоруссии и ближайших к ней областях до последнего времени изучались главным образом погребальные памятники [6]. На основа-

---

[4] Поздние материалы из раскопок Чаплинского городища в 1951—1953 гг. были мне любезно предоставлены П. Н. Третьяковым.

[5] Ю. В. Кухаренко. Чаплинский могильник. МИА, № 70, 1959, стр. 163, рис. 2. Рисунок шпоры предоставил мне автор этой статьи.

[6] В. Б. Антонович. Древности Юго-западного края. МАР, № 11, СПб., 1893; П. М. Еременко. Радимичские курганы. Обозрение курганов и городищ Новозыбковского уезда. ЗРАО, новая серия, т. VIII, 1896, вып. 1—2, стр. 65—71;

нии анализа письменных источников, погребального обряда и инвентаря установлено, что описываемая нами территория помещалась между землями славянских племен северян, дреговичей и радимичей [7]. Несравненно хуже в Южной Белоруссии обстоит дело с изучением славянских поселений эпохи Киевской Руси [8].

В этой связи даже сравнительно небольшие раскопки в 1955 г. на славянском поселении в с. Чаплин представляют существенный интерес. В раскопе площадью 152 $м^2$ в 40 *м* за валом городища было вскрыто два углубленных в землю жилища эпохи Киевской Руси и 12 ям разного времени (рис. 3, *1*; рис. 4).

Землянка № 1 (рис. 3, *2*) расположена в юго-восточной части раскопа и имеет правильную квадратную форму. Ее размеры: 3,6 × 3,6 *м*, она углублена в материк на 1—1,05 м, ориентирована северо-восток — юго-запад. Пол земляной и в восточной части глинобитный, со столбовой ямой в центральной части. От центра к стенам пол повышается и переходит, образуя небольшой уступ вдоль северной и западной сторон, в довольно крутые стенки. Она в нижней части обмазаны глиной, которая хранит следы обжига, как и приподнятая часть пола землянки. Вход в жилище находился в западной стене, неподалеку от юго-западного угла. Его обозначал выступ и три ступеньки. На возвышении в противоположном углу помещалась подковообразная печь. Левая сторона печи выложена из некрупных камней, обмазанных глиной. Правая, примыкавшая вплотную к стене землянки, сделана из глины. На глинобитном поду печи найдено много камней и кусков обмазки, по-видимому, от обрушившегося свода печи. Устьем печь обращена к выходу. Обожженный глиняный припечек перед устьем печи покрывал слой золы и углей. Никаких ям от столбов, кроме центрального, по углам жилища, а также у стен за пределами его контуров не прослежено. Это обстоятельство скорее всего указывает на шатровый характер перекрытия землянки. Жерди, поддерживавшие, по-видимому, коническую крышу, наверху сходились вместе, а другим концом упирались в землю. Примеры подобного устройства хорошо известны, например, по украинским этнографическим материалам [9].

В заполнении землянки № 1 найдены разнообразные обломки глиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге, за исключением одного

В. З. Завитневич. Археологические поездки по Черниговской и Минской губ. Древности..., Тр. МАО, т. XV, вып. 2, М., 1894, стр. 121—124, 131; А. Лоначевский. Археологические находки в Гомельском уезде Могилевской губернии; Известия и заметки историч., этнографич. и историко-лит. Киевская старина, март 1885, т. XI, стр. 573—577; А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губ. Тр. Смоленских музеев, т. I, Смоленск, 1924; Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. Древности..., т. XIII, вып. 1, 1889, стр. 129—153; его же. Археологические разведки в Могилевской губернии. Вильна, 1912; Б. А. Рыбакоў. Радзімічы. Працы сэкцыі археолёгіі, т. III. Менск, 1932, стр. 81—147; Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908; его же. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916; А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний в археологическом отношении. Могилевская и Черниговская губернии. ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2, 1896, стр. 115—132; А. В. Успенская. Курганы Южной Белоруссии X—XIII веков. Тр. ГИМ, вып. 22, 1953, стр. 97—124; М. Ф. Фурсов и С. Ю. Чоловский. Дневник курганных раскопок в Могилевской губ. Могилев, 1892; М. В. Фурсов. Курганные раскопки в пяти уездах Могилевской губернии в 1892 году. Тр. АС, IX, т. I, М., 1895, стр. 236—245; И. Ющенко, Археологические раскопки в Гомельщине. «В помощь просвещенцу», № 14, Гомель, 1926, стр. 120—123.

[7] В. З. Завитневич. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье. Чтения в историческом обществе Нестора летописца, т. 6, Киев, 1891, стр. 34; Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда (Могилевск. губ.). Записки сев.-зап. отделения Русского Географич. о-ва, т. 1, 1910, стр. 120; В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 3.

[8] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., Проблемы древней истории Белоруссии. Статья под ред. Н. М. Никольского. ВДИ, 1938, № 1, стр. 169.

[9] Ф. К. Волков. Этнографические особенности украинского народа. Сб. «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, Птрг., 1916, стр. 510.

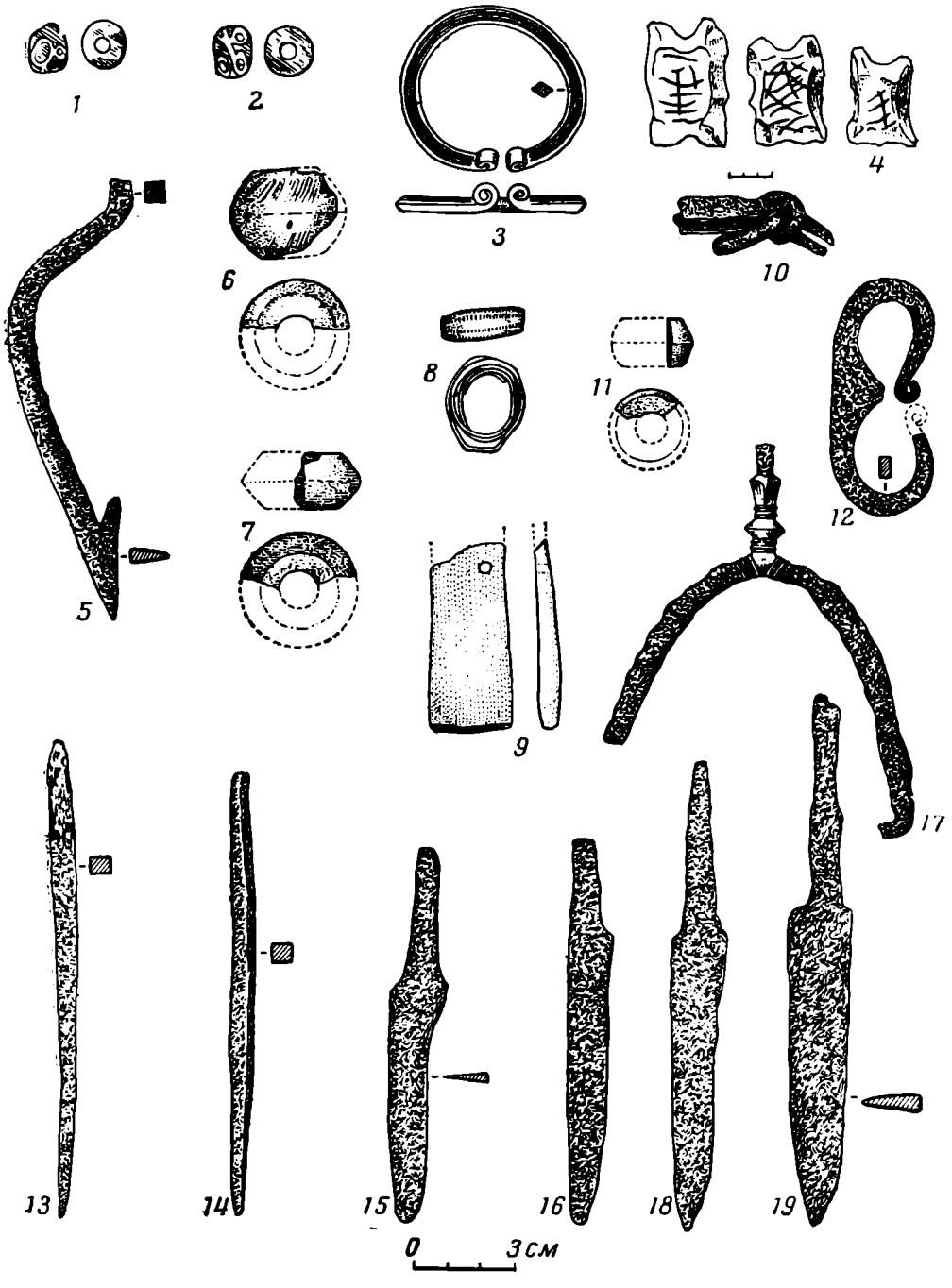


Рис. 2. Находки с поселения в с. Чаплин

обломка от лепной сковороды (рис. 1, *14*) [10]. Сосуды сравнительно толстостенные, сероватого, коричневатого и красноватого цвета. В глиняном тесте большая примесь песка. Стенки сосудов при формовке сглаживались, в то время как на донышке песчинки образуют шероховатую поверхность, вероятно, в результате изготовления сосудов на круге с подсыпкой. Преобладающая форма посуды — горшки, среди которых встречаются орнаментированные врезанными линиями (рис. 1, *2*, *4*, *11*).

[10] Эта находка обращает внимание не только своей исключительностью, но также тем, что на площади раскопа во втором штыке найден обломок сковороды, показывающий, что и эту посуду во времена существования поселения изготовляли на гончарном круге (рис. 1, *15*).

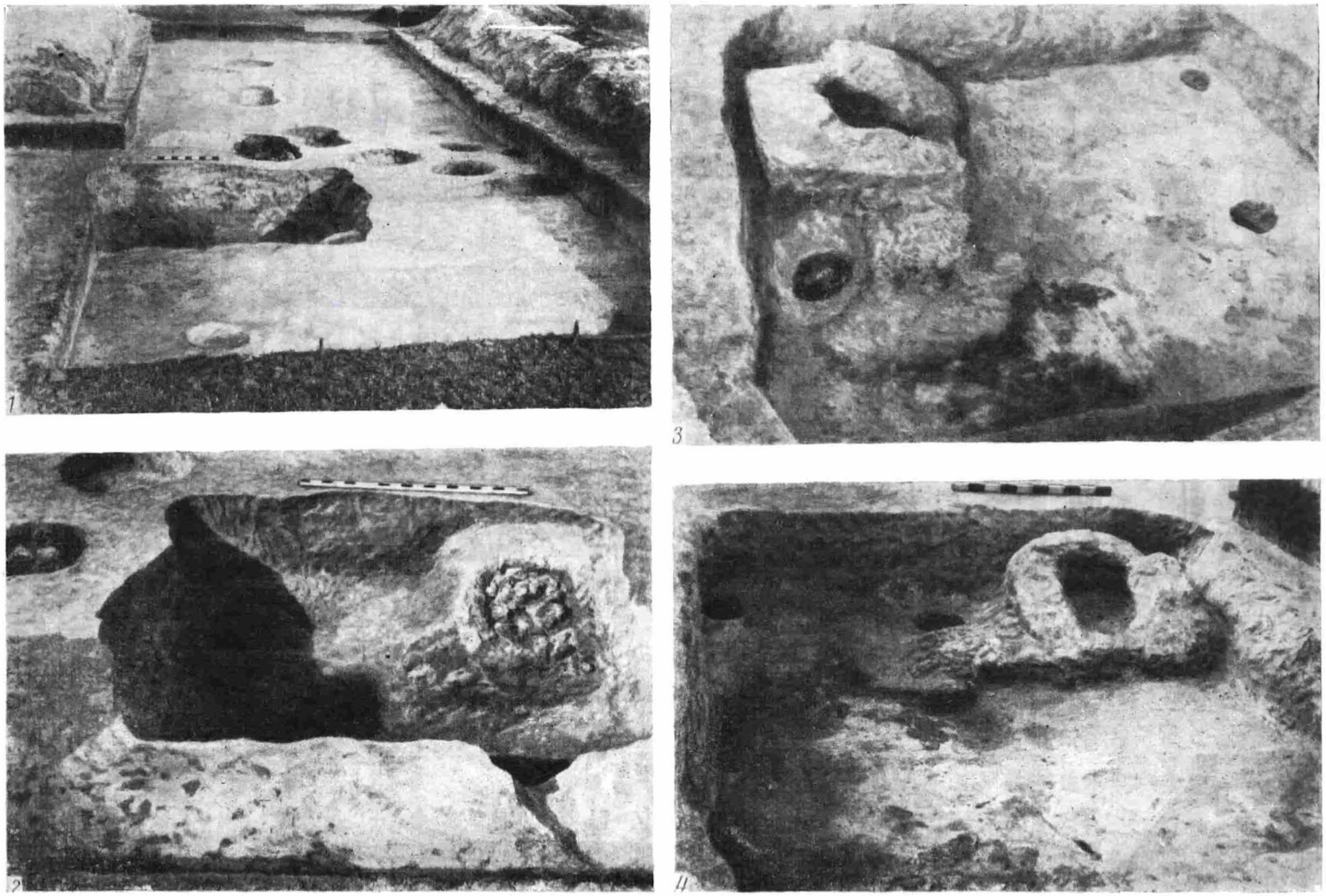


Рис. 3

1 — общий вид раскопа за валом на Чаплинском городище

Кроме посуды, в землянке найдены два железных ножа (рис. 2, *18*, *19*), глиняное пряслице, чуть сплюснутое сферическое (рис. 2, *6*) и большой камень со следами потертости, лежавший неподалеку от центра жилища.

Землянка № 2 (рис. 3, *3*) обнаружена в северо-восточной части раскопа. Она почти правильной квадратной формы, размеры ее 3,15 × × 2,95 *м*, углублена в материк на 0,5—0,55 *м*. Ориентирована она северо-восток — юго-запад, с несколько большим отклонением к востоку, чем предыдущая. Ровный земляной пол переходит без всяких уступов в довольно круто подымающиеся стенки. На полу по углам и посередине северо-западной и юго-восточной стены отчетливо прослежены ямы от столбов. Угловые ямы глубиной около 0,15 *м*. Две ямы посередине у стен — около 0,25 и 0,35 *м*. Вход в землянку был в юго-западной стене, возле западного угла постройки. Здесь был выступ с наклонной поверхностью, ведущей к ступеньке — порогу. Справа от входа, в углу на возвышении, помещалась глинобитная сводчатая печь, верхняя часть которой не сохранилась (рис. 3, *4*). Уцелевшая часть имела подковообразную форму. Устье печи обращено к северо-западу. Под образовывал сильно прокаленный слой глины. Припечек, также из обожженной глины, помещался слева от устья печи на участке, приподнятом над уровнем пола на 0,1—0,12 *м*. Стены жилища были сделаны, по-видимому, из какого-то легкого материала, укрепленного на столбах. Более глубоко врытые столбы посередине стен, вероятно, поддерживали конек двускатной крыши.

Землянка № 2 оказалась беднее находками. Наряду с горшками и обломками миски (рис. 1, *5*, *6*, *8*, *9*) в жилище была найдена одна железная вещь — обойма из двух соединенных колец, неспаянные концы которых у одного кольца расплющены и образуют две прямоугольные пластинки, скрепленные заклепкой, у другого — заостряются (рис 2, *10*).

В обеих землянках, кроме того, найдены куски железного шлака и кости коровы, лошади и лося (?) [11].

Большинство ям, вскрытых на площади раскопа (рис. 4), трудно отнести к определенному времени (№ 3, 4, 5, 6, 10, 13). Все они, как правило, округлые, неглубокие, слегка сужающиеся, с плоским дном, за исключением ямы № 11. Последняя имела прямоугольные очертания и темное углистое заполнение с большим количеством камней. В этой яме найдены выразительные обломки керамики зарубинецкого времени, как например, обломок венчика горшка с насечками на краю и фрагмент лепной, коричневатой, лощеной миски. К милоградско-зарубинецкому времени также представляется возможным отнести ямы №№ 8, 12 и, может быть, № 9. Выразительна по керамическому заполнению относящаяся к эпохе Киевской Руси яма № 1. В ней найдены обломки, позволяющие реконструировать почти полный профиль горшка с резко отогнутым венчиком и сужающейся нижней частью. Орнамент — небрежно нанесенные параллельные врезанные линии (рис. 1, *3*), есть два фрагмента стенок, украшенных волнистыми параллельными, но порознь проведенными линиями. Особенно интересен единственный в наших раскопках обломок дна сосуда с клеймом. Клеймо представляет собой окружность с неровным кругом в центре. От нее радиально отходят, в сохранившейся части клейма, три рельефных валика (рис. 1, *13*). В раскопе прослежен ряд ямок небольшого диаметра, проходящих параллельно берегу реки, которые были отмечены в квадратах 11, 12, 4, 6. Потом как будто ямки поворачивают к берегу. Наиболее вероятно, что в этих ямках стояли столбики, поддерживавшие забор, отделявший усадьбу землянки № 2.

Находки вне землянок и ям мало дополняют вышеописанные комплексы вещей. Вне жилищ насыщенность культурного слоя невелика. За их пределами, может быть, следует отметить только одну находку — об-

[11] По определению В. И. Цалкина.

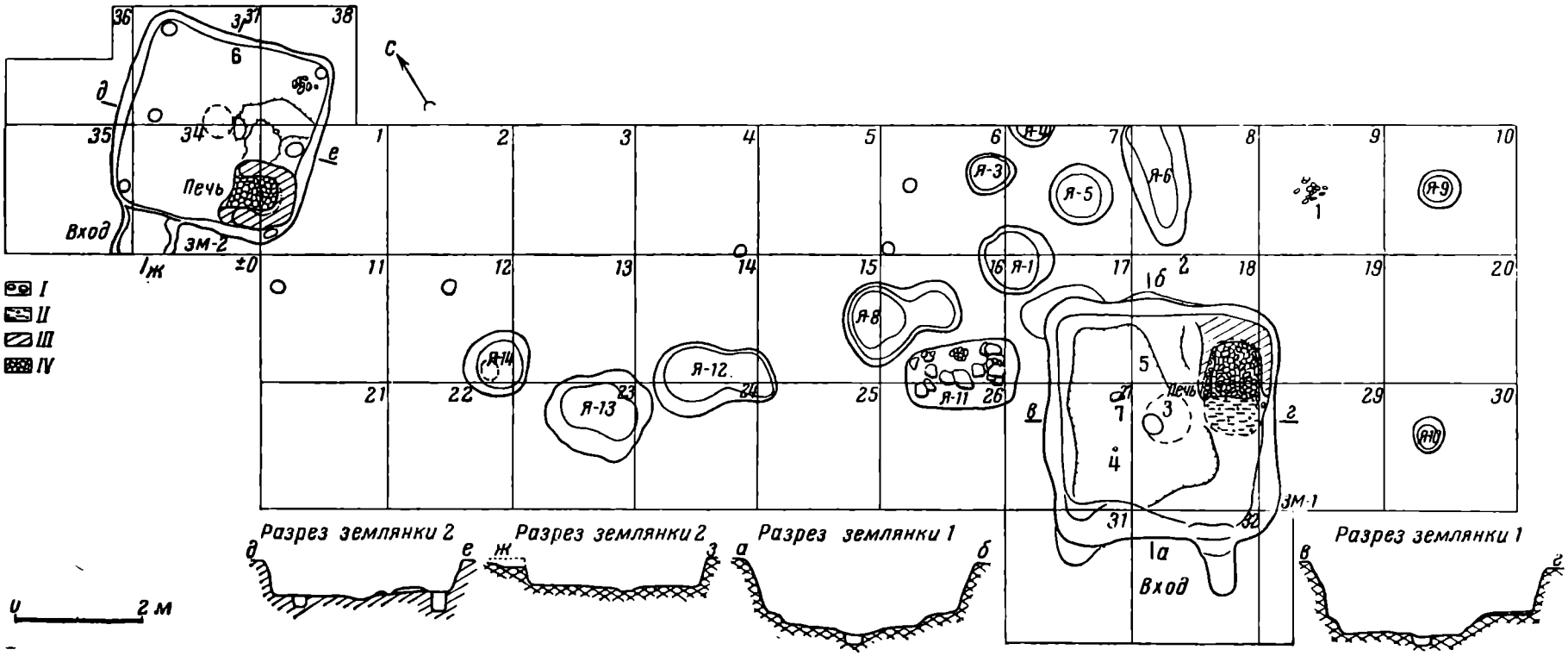


Рис. 4. Общий план раскопа за валом на Чаплинском городище

I — камни; II — зола и уголь; III — обмазка свода печи; IV — обмазка пода печи.

1 — скопление керамики; *2* — точильный брусок; *3,5* — железные ножи; *4* — глиняное пряслице; *6* — железное кольцо с обоймами; *7* — зернотерка, *я* — яма; *зм* — землянка

ломок прямоугольного бруска с просверленным отверстием, изготовленного из мелкозернистого темно-серого песчаника (рис. 2, *9*).

Перечисленные вещи, и в особенности обломок арабского диргема, позволяют установить время памятника. Монета (рис. 5) обнаружена в средней части площадки городища на 2-м штыке, возле ямы с поздней керамикой, в том же месте, где был найден перстень и астрагалы. Монета является абассидским диргемом, чеканенным в г. Шаше при Ал-Мактафибиллах Исмаил бек Ахмеде в 290 г. х. (903 г. н. э.) [12]. Другие металлические вещи помогают установить примерные хронологические пределы существования поселения. Самую многочисленную после керамики группу находок образуют железные ножи. Как показал анализ металла, они изготовлены в технике многослойной сварки. Она хорошо известна во всех славянских памятниках IX—X вв. При изготовлении ножей эта техника перестает применяться в начале XII в.[13]. Хорошо известны в домонгольское время на славянских поселениях остроги для рыболовства, один из обломков которых найден на Чаплинском городище.

Рис. 5. Абассидский диргем 903 г. н. э.

Более частой находкой являются калачевидные кресала. С X в. как у западных, так и у восточных славян начинается их более широкое распространение [14].

Несколько больше возможностей уточнить датировку дают бронзовые украшения, найденные на Чаплинском городище. Например, круглые пряжки со спиральными концами известны в Киевской Руси уже в X в., хотя и продолжают встречаться позднее [15]. Однако такая пряжка, в частности с продольным ребром посередине, из радимичских курганов, раскопанных П. М. Еременко, по мнению А. А. Спицына, связывается с комплексами XI, может быть, отчасти XII в., так же как и аналогичные пряжки из Гдовских курганов [16]. Эту датировку подтверждает находка клада из Васькова, рассматриваемого Г. Ф. Корзухиной в группе кладов, зарытых в XI — начале XII вв. [17]

Перстень с Чаплинского городища относится, по классификации Н. И. Лебедевой, к типу пластинчатых IX—XI вв. [18]. Пластинчатые перст-

---

[12] По определению научного сотрудника Гос. Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина — С. Имрани.

[13] Результаты анализа мне любезно сообщил исследовавший два железных ножа из землянки № 1 Б. А. Колчин. О технике многослойной сварки см. Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 81.

[14] Е. И. Мельник. Раскопки в земле Лучан, произведенные в 1897 и 1898 гг., Тр. X. АС, т. I, 1901, стр. 495; А. Ляуданскіі. Археолёгічныя доследы у Смаленшчынне. Працы сэкцыі археолёгіі, т. III, Менск, 1932, стр. 57, табл. XX, *7*; Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 87; P. Čaplovic. Slovanské pohrebište v Nitre pod Zoborom. Slovenská acheologia. Bratislava, 1954, стр. 30; Z. Váňa. Mad'ari a Slované ve světle archeologickich nálezů X—XII století. Slovenská archeologia..., 1954, стр. 72, 75, табл. VII, *19*, *21*, рус. резюме, стр. 95; М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1951, стр. 85, рис. 60.

[15] Ф. Б. Копилов. Зрубне поховання біля Десятинної церкви. Археологія, т. V, Київ, 1951, стр. 234, стр. 233, рис. 1, *11*; Л. К. Ивановский. Курганы С.-Петербургской губернии. МАР, № 20, СПб., 1896, стр. 44.

[16] П. М. Еременко. Ук. соч., стр. 95, табл. V, *1*.

А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29, 1903, табл. XXII, *3*.

[17] Г. Ф. Корхузина. Русские клады IX—XII вв. М.— Л., 1954, стр. 98; табл. XXIII, *6*, *7*.

[18] Н. И. Лебедева. Перстни рязанских курганов. Рязань, 1928, стр. 7.

ни «с длинными проволочными усиками» из Гдовских курганов А. А. Спицын относит к XI в. [19].

Кроме того, наряду с глиняными пряслицами на Чаплинском городище был найден обломок шиферного пряслица, широкое распространение которых бесспорно относится к XI—XII вв. [20].

Довольно редкой находкой для восточнославянских земель домонгольского времени является шпора. Эта шпора сделана из железа и украшена у шейки шила бронзовой инкрустацией. По своим пропорциям, по крючковато загнутым внутрь концам дуги, по длинному шипу эта шпора относится к группе раннесредневековых (по классификации З. Гильчер [21], а также А. Надольского) [22]. Шпоры, подобные нашей, на основании типологического анализа автор публикации бискупинских средневековых шпор Я. Жак относит к началу IX в. (но не исключает возможности существования их и несколько позже) [23].

На поселении в с. Рипнев, Ново-Милятинского района, Львовской области, неподалеку от жилища IX—X вв., в яме была найдена железная шпора, сходная с вышеописанной [24].

Для определения времени Чаплинского поселения интересны находки керамики роменско-боршевского типа IX—X вв. [25]. Так, например, в кв. 9 на глубине 0,3 *м* было найдено скопление обломков посуды этого времени (рис. 4), принадлежащих лепным горшкам с резко выделяющимися плечиками. Они были изготовлены из грубого теста и плохо обожжены. Края и плечики их в большинстве случаев орнаментированы рядами отпечатков шнурового штампа (рис. 1, *16, 17*). Орнаментация такого типа на некоторых памятниках роменско-боршевского типа покрывает до 80% всех сосудов [26]. Очевидно, что подобные находки появились в Чаплине в период существования жилищ с гончарной керамикой не позднее X в.

О ранней дате памятника можно судить также на основании полного отсутствия на нем стеклянных браслетов, которые на славянских поселениях получают широкое распространение с XI в. [27] и встречаются на славянских памятниках Южной Белоруссии.

Таким образом, в результате всех сопоставлений славянское поселение в с. Чаплин следует отнести к X—XI вв.

В заключение обратим внимание на топографию поселения, разместившегося за валами Чаплинского городища. Оно могло возникнуть и существовать там только в относительно спокойный в политическом отношении период. На древнем городище рыли хозяйственные ямы, но масса населения там не проживала (как известно, большая часть площади городища раскопана). Не исключено, правда, что там стоял дом феодала, так как на площадке найдены богатые находки — застежка, перстень, монета и пр. [28].

На поселении дома, по-видимому, стояли вдоль линии берега. По конструкции они отличались друг от друга. Одни имели возвышающиеся над

---

[19] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 35.

[20] М. Ю. Брайчевський. Про датування шиферных пряслиць. Археологія, т. IV, Київ, 1950, стр. 92.

[21] Z. Hilczerówna. Ostrogi polskiez X—XIII wieku Poznańske T-wo przyjacioł nauk. Prace komisji archeologicznej. T. II, вып. 2, Poznań, 1956, стр. 27, табл. II.

[22] A. Nadolski. Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. Acta archaeologica universitatis lodziensis, № 3, Lódź, 1954, стр. 275, табл. XXXV, *1*.

[23] J. Żak. O chronologii ostróg o zaczepach haczykowato zagiętych do wnętrza z Biskupina pow. Znin. Wiadomości archeologiczne. T. XX, книга 3, 1954, стр. 277—278, табл. XXVI, *j, k*.

[24] Ю. М. Захарук і О. О. Ратич. Слов'янське поселення біля с. Рілнів, Львівської області. АП, т. V, Київ, 1955, стр. 41, табл. 1, *6*, стр. 45.

[25] И. И. Ляпушкин. О датировке городищ роменско-борщевской культуры. СА, IX, 1947, стр. 121 сл.

[26] П. Третьяков. Стародавні слов'янські городища у Верхній течії Ворскла. Археологія, т. I, 1947, стр. 136.

[27] М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 187.

[28] Раскопки П. Н. Третьякова 1951—1953 гг.; коллекции хранятся в ГИМ.

землей стены, укрепленные на столбах (землянка № 2), у других над поверхностью земли была видна только крыша, причем нижняя часть земляных стен и пол у них были обожжены (землянка № 1). Внутри глинобитная печь в одном случае помещалась справа от входа, в другом случае печь из камней и глины находилась против входа. Всякая возможность считать эти жилища разновременными исключается. Возникает вопрос: не отразилось ли на характере домостроительства положение исследованного поселения в древности на стыке владений различных славянских племен, и сейчас находящегося близко к естественной границе, разделяющей Белоруссию и Украину. Основания для этого предположения дают упоминавшиеся выше раскопки в этих районах курганов и анализ разнородного погребального обряда, произведенные В. З. Завитневичем.

Жившее здесь население поддерживало, вероятно, оживленные сношения не только со своими ближайшими соседями. Об этом свидетельствует, например, обломок шиферного пряслица. Так в результате торговли с гораздо более удаленными областями попали сюда, на Верхний Днепр, арабский диргем и шпора типа, широко распространенного у западных славян.

О. Л. ВИЛЬЧЕВСКИЙ

СФЕРОКОНИЧЕСКИЕ СОСУДЫ В ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОМ ТРАКТАТЕ ПО ПРИКЛАДНОЙ ТЕХНОЛОГИИ XII в.

Среди разнообразных предметов ближневосточной средневековой керамики внимание археологов давно привлекали сфероконические сосуды, находимые в больших количествах при раскопках городов X—XIII вв. на всей обширной территории Передней Азии: и в Иране, и в Средней Азии, и в Закавказье, и в Малой Азии, и на Средиземноморском побережье, и в Египте, и на Волге. Посвященная этому вопросу довольно обильная литература [1] в последнее время пополнилась обстоятельной статьей Р. М. Джанполадян [2]. В этих работах достаточно основательно изучены различные варианты форм и размеров сфероконических сосудов, материал и техника их изготовления, вплоть до попыток наметить региональные центры их производства, проанализированы декор и различные знаки и надписи, встречающиеся на их поверхности. и, наконец, внимательно изучены следы содержимого этих сосудов. Одновременно исследователями был предложен ряд любопытных гипотез о возможном назначении этих загадочных предметов. Эти гипотезы, обстоятельную сводку которых сделал А. В. Арциховский [3], при всем их разнообразии и даже противоречивости объединяет одна общая черта: они носят чисто умозрительный характер. Для окончательного решения этого интересного вопроса данные археологического анализа сфероконических сосудов необходимо увязать со свидетельствами о них современников, а таких свидетельств до сих пор обнаружить не удавалось. Литературные источники X—XIII вв. ничего не сообщают ни о бытовании сфероконических сосудов в эту эпоху, ни о том, как эти сосуды назывались.

Недавно иранский ученый Иредж Афшар издал по двум сохранившимся рукописям не известный до сего времени трактат б и я н а с - с а н' а т — «Описание технологий», принадлежащий перу одного из крупных средневековых ученых-энциклопедистов, уроженца Закавказья, прожившего свою жизнь в Конии, Абуль-Фазля Хобейша ибн-Ибрагима Тифлиси [4]. Произведение это, написанное во второй половине XII в., по-видимому, представляет собой один из разделов задуманной автором и частично осу-

---

[1] Основная библиография приводится в статьях Э. Ленца «О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах мусульманского востока» (ЗВОРАО, т. XV, СПб., 1904) и З. Виноградова «Сфероконические сосуды с узким горловым отверстием» (Казанский музейный вестник, 1922, № 2).

[2] Р. М. Джанполадян. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. СА, 1958, № 1 (там же приводится новейшая литература).

[3] А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 160—161.

[4] بيان الصنا عات تاليف ابو الفضل حبيش بن ابراهيم تفليسى (دانشمند قرن ششم) امقدمه در باره زند گانى و نوشته هاى او، بقلم ايرج افشار، مستخر از „فرهنگ ايران زمين"، دفتر عجلد ٥، ١٣٣٦

ществленной широкой энциклопедии, охватывающей все стороны тогдашней науки и техники. И. Афшар перечисляет в списке сочинений нашего автора ряд таких «описаний» — по грамматике, астрономии, медицине и т. д. Вместе с тем «Описание технологий» представляет самостоятельный научный интерес, ибо оно является едва ли не первым по времени научным сочинением по технологии и прикладной химии, в котором наряду с теоретическим обоснованием этой отрасли знания делается интересная попытка описать и систематизировать почти весь комплекс современных автору процессов химико-технологического производства. Трактат Тифлиси любопытен и в том отношении, что многие из сообщаемых им рецептов технологического производства сохраняют закавказскую традицию.

Для нашей темы весьма существенно, что, сообщая многочисленные рецепты современного ему химико-технологического производства, Тифлиси в «Описании технологий» дает попутно также подробное описание применявшейся для этой цели посуды и другого оборудования. Так, в частности, говоря о производстве киновари, Тифлиси пишет:

شنگرف کردن : بستانند شیشهٔ آبلینهٔ سطبر ترنجر ، یعنی که بن وی باریك باشد وسروی تنك چون کوزهٔ غقاع ، وژیوه دروی کنند و چهار یکی گوگرد زرد با وی بیامیزد . واگر شش یکی [بود] بهتر بود . ویاره [ای] مس تنك کرده برس وی بنهد و ازان پس جملهٔ شیشهرا بگل حکمت نیك بیندایند و بآفتاب بنهد تا خشك شود ، پس اگرگل وی بشکافد دیگر باره بیندایند تا محکم گردد ، وزان پس در تنوری بشکل گوسفند نیك بیفروزد واین شیشهرا در میان آتش بنهد وسر تنور را بگل بیندایند ویك شبانروزی در آتش رها کند ، بعد ازان چون بدر آرد سرخ و نیکو گشته باشد ، پس اگر خواهد که سرخ تر گردد بآب انار وی زا بتسوید.

«Приготовление киновари. Пусть возьмет массивную глазурованную склянку[5] т о р а н д ж и (разрядка наша. — *О. В.*), т. е. (такую), чтобы дно у нее было суживающимся, а горлышко узким, как кувшин для фокка[6], и положит в нее ртуть и примешает к ней одну четверть желтой серы, а если одну шестую, то будет лучше. И сверху на нее пусть положит расплющенный кусок меди. А затем всю склянку пусть хорошо обмажет «крепкой глиной»[7] и поставит на солнце, чтобы она высохла. Затем, если глина [на] ней потрескается, пусть снова обмажет, пока не будет прочно. После этого пусть хорошенько разожжет в печи овечий помет и эту склянку поместит в середину огня. Отверстие же в печи пусть замажет глиной

Абдуль-Фазль-Хобейш-ибн-Ибрагим Тифлиси. Биян ас-сана'ат (описание технологий). Издал и снабдил предисловием, посвященным биографии и произведениям этого автора, Иредж Афшар (на персидск. яз.). Тегеран, 1936 г. иранского солнечного летосчисления (1957 г. н. э.), 162 стр.; отдельный оттиск 4-го выпуска V тома «Фарханга Иранзамин»; см мою рецензию в СЭ, № 2 за 1959 г.

[5] Термин ш у ш а — «склянка» у Тифлиси употребляется в широком значении химической посуды безотносительно к материалу, из которого эта посуда изготовлена. В этой связи весьма интересно, что, по словам С. П. Толстова, во время работ Хорезмийской экспедиции были обнаружены стеклянные сфероконические сосуды.

[6] Хмельной напиток вроде пива.

[7] «Крепкой» или «прочной глиной» Тифлиси называет особым образом приготовленную глину, применявшуюся в технологическом производстве как для обмазки сосудов, помещаемых длительное время на огонь, так и для замуровывания отверстий этих со-

и оставит [склянку] на огне на одни сутки. Когда после этого вынет, она [киноварь] будет хорошей и красной. Если же желает, чтбы она была еще краснее, пусть промоет ее гранатовым соком»[8].

Итак, по авторитетному свидетельству Тифлиси, сфероконические сосуды употреблялись в его время в качестве посуды для химического производства. В них, в этих прочных огнеупорных обычно глазурованных сосудах различной емкости средневековый технолог производил те реакции, которые требовали длительного прогревания исходных веществ на огне в герметически закупоренном состоянии. Для этого у этих сосудов было суживающееся книзу дно, придававшее им ту характерную форму померанца — т о р а н д ж, по которому их называли т о р а н д ж и[9]. Для этого же они обладали узким горлышком, плотно закрываемым на время производства химической реакции пробкой из медной пластинки. Так как получавшиеся в этих сосудах различные препараты и снадобья (а Тифлиси приводит в своем трактате ряд рецептов различных веществ, изготовлявшихся в такого рода сосудах) в дальнейшем, видимо, хранились и поступали в продажу в тех же сосудах, служивших для них тарой, то понятно, что в отдельных случаях сфероконические сосуды богато украшались и снабжались различными знаками и надписями. Для предохранения их поверхности от порчи во время помещения на огонь, а также для большей герметичности, сосуды эти, как описывает Тифлиси, на время производства реакции обмазывались «крепкой глиной». Вполне соответствуют словам Тифлиси и те остатки веществ, главным образом ртути и ее препаратов, которые иногда обнаруживаются внутри сфероконических сосудов.

Таким образом, ясное свидетельство современника прекрасно разрешает тянувшийся несколько десятилетий спор.

судов и устья печи. Состав ее следующий:

گل حکمت کردن : بستاند گل تنور گران ، ولختی خظص و نمك نان در وی کند و نیکش بعالد . پس ازان موی رابناخن گیره سخت خرد کند و با وی بیامیزد . دیگر باره نیکش بعالد تا قوی شود و به کار برد

«Приготовление крепкой глины. Пусть возьмет печную глину и примешает к ней немного проскурняка и столовой соли и хорошенько ее разотрет. После этого пусть очень мелко настрижет ножницами волос и с ней смешает. Снова хорошо разотрет и употребляет в дело» (стр. 27).

[8] Т и ф л и с и. Ук. соч., стр. 26.

[9] Не исключена возможность, что для эпохи Тифлиси термином «торандж» обозначался не померанец, а лимон или цитрон. См. И. П. П е т р у ш е в с к и й. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. Л., 1960, стр. 176, 177, 180, 182, 218. Там же в примечаниях приводится и литература вопроса.

А. В. НИКИТИН

БРАТСКИЙ ОСТРОГ

История крепостного зодчества Сибири до настоящего времени слабо изучена, мало выпущено работ, посвященных крепостным памятникам Сибири[1], хотя этот вопрос полон интереса для изучения истории русского военно-инженерного искусства.

Отдаленность Сибири от центров культурной и политической жизни, узкий взгляд правительства на новые земли лишь как на источник пушнины, решение военных и политических проблем на западе и юге России, обострившихся в конце XVI начале XVII в., своеобразно отразились на колонизации и управлении, в частности на крепостном зодчестве Сибири.

При строительстве крепостей на западе и юге правительство организовывало, финансировало, а иногда мелочно опекало все работы. В крепостном зодчестве Сибири почти отсутствует канцелярский надзор и вместе с этим тесная связь с военно-инженерными силами Московских приказов. Многочисленные «добыватели новых землиц» в большинстве случаев действовали самостоятельно. Отряды редко превышали сто человек, так что трудно предположить, чтобы среди них были специалисты — строители крепостей. Отряды формировались чаще всего из выходцев северных областей — жителей лесных районов, хорошо знавших плотничное ремесло, но далеко стоявших хотя бы от книжного знакомства с основными течениями русской и западноевропейской инженерной мысли. Эти знания воинам-строителям заменяла традиция, природная энергия и смекалка, глубокое понимание особенностей тактики противника и местных условий. С этой точки зрения история крепостей представляет свой интерес. Совершенно законно встает вопрос о некоторой примитивности фортификационной техники Сибири. Его можно решать только в связи с конкретно-историческими условиями.

Русские отряды обладали огнестрельным оружием и пушками, были лучше организованы и дисциплинированы, чем противостоявшие им буряты, монголы, тунгусы, вооруженные луками и стрелами, дисциплина и организация которых были далеко не на высоте требований того времени. В условиях заметного военного превосходства крепостное зодчество первых отрядов получает иную оценку. Сравнительно простые крепости получают большое значение при покорении отдельных земель и продвижении отрядов в глубь Сибири. Большинство городов и крупных поселений Сибири выросло из таких крепостей (Красноярск, Иркутск, Енисейск, Киренск и мн. др.). Города-крепости влияли на планировку и характер городского зодчества.

Крепостное строительство Сибири представляет не только местный интерес; оно имеет значение и для суждения о ранних этапах развития

---

[1] Н. В. Султанов. Остатки Якутского острога и некоторых других памятников деревянного зодчества в Сибири. ИАК, вып. 24, СПб., 1907. (Здесь же — библиография крепостного зодчества Сибири).

русского крепостного зодчества, остающегося до сего времени мало изученным.

Крепости типа Братского острога получили широкое распространение в Сибири; у с. Ремезова много раз повторен план крепостей, близкий или совершенно аналогичный Братскому острогу (Андинск, Тюмень, Киренск, Удинск, Бельск и мн. др.) [2]. Эта «типичность» примечательна. Кроме того, башни Братского острога XVII в. принадлежат к немногочисленным уцелевшим памятникам Сибири [3]. В центральных областях нашей страны таких остатков деревянных крепостей нет.

Вопрос о времени возникновения братской крепости и ее первоначальном местоположении является одним из самых сложных. Основным источником здесь является «Сибирская история» И. Фишера [4], составленная почти полностью по материалам известного исследователя Сибири Г. Ф. Миллера [5]. Затем имеются довольно точное описание современной крепости в работе акад. Г. Ф. Гмелина и заметка Спафария, написанная во время проезда с посольством в Китай. Первые два источника относятся к XVIII в., когда Братский острог еще частично существовал, но уже как исторический памятник. Заметка Н. Г. Спафария относится к последней четверти XVII в., но описывает памятник примерно в том виде, каким он сохранился до нашего времени. Историю возникновения острога наиболее подробно излагает И. Фишер. В трех местах он говорит о построении и переносах острога. Первое упоминание о Братском остроге относится к 1631 г.

«...Атаман Максим Перфирьев отправлен был с 30-тью казаками и с двумя малыми пушечками: ему равномерно дано было несколько бурятских пленников и велено построить острог на устье реки Оки, дабы таким образом побудить бурят к скорейшему подданству. Он пришед к Шаманскому порогу, оставив суда со всеми припасами под присмотром 15 человек, а с другою половиною продолжая поход свой сухим путем, отдав пленников в надлежащих местах и получив за то в подарок 15 соболей, которые приняв вместо ясака, возвратился с ними назад, а острога по приказанию не построил. В Енисейск писал он, что имея при себе только 15 человек, не осмелился начать строение, но для произведения сего намерения в действо потребно большее число людей. Для того собраны еще 50 человек, которые в 1631 году под предводительством двух казацких офицеров посланы были для строения назначенного острога, по окончании которого должно им там остаться вместо гарнизона. И так построен был острог и назван Братским по бурятам, в земле которых он лежит» [6].

Вскоре после основания острога начались опять столкновения с бурятами. Попытки «укротить через посылаемые к тамошним старшинам подарки» оказались безуспешными. Братскому гарнизону во главе с Московитиновым пришлось просить помощи. Посланный в 1633 г. из Томска отряд Дмитрия Копылова, не достигнув крепости, вернулся обратно. Только через два года те же жители собрали отряд в 60 человек во главе с Дунаевым, судьба которого была «нещасливее всех своих товарищей». 59 человек вместе с Дунаевым были убиты [7]. В 1637 г. новому отряду в 100 человек под водительством Николая Рудуковского удалось окончательно замирить бурят. Здесь имеется указание, что острог в 1631 г. находился не в устье Оки. После этого сведения о Братском остроге исчезают до 1648 г.

---

[2] С. Ремезов. Чертежная книга Сибири. СПб., 1701, стр. 17—18. В районе Ангары, кроме Братска, есть крепостные башни в Бельске и Илимске.

[3] Ф. А. Кудрявцев. Исторические памятники Иркутской области XIX—XX вв. Иркутск, 1949, стр. 10—15.

[4] И. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774.

[5] См. С. В. Бахрушин. Главные течения в сибирской историографии XVIII в. «Очерки по истории колонизации Сибири». М., 1927, стр. 38—39.

[6] И. Фишер. Уж. соч., стр. 350.

[7] Там же, стр. 351—352

«...Сначала место к положению его назначено было при устье реки Оки, а после оный, неизвестно для какой причины, на половину дня пути далее при большом пороге Падуне заложен» [8].

Автор очерка о Братске А. И. Михайловская полагала, что у Фишера здесь путаница: первоначально он говорит якобы о существовании острога у устья Оки и одновременно — на полдня пути к Падуну [9]. Но, как видно из приведенных источников, в них речь идет об изменении замысла — и только. Намерение строить у Оки было отложено, и крепость построили где-то между порогами и Окой. Неудачный выбор сказался в недовольстве жителей малоплодородными местами. Но острог продолжал существовать на этом месте вплоть до 1648 г. Вероятнее всего, стратегическое положение его было настолько выгодно, что приходилось мириться с экономическими неудобствами. В этом году, по сообщению Фишера, острог был перенесен на восточный берег Ангары, противоположный тому, где находится современный Братск. Вечное тяготение к плодородной земле заставляло население, несомненно, с опасностью для жизни распахивать землю на противоположном берегу. Распахивание земель протекало интенсивно, так как рассчитывать на подвоз хлеба с востока было не всегда возможно.

Вряд ли И. Фишер выдумал рассказ о первоначальном основании Братска. Исходя из материалов Миллера, отличавшегося большим уважением к фактам, он и поместил этот эпизод, хотя А. И. Михайловская отрицает возможность существования крепости на правом берегу только потому, что здесь находилась гора. Однако около горы идет довольно широкая подошва и есть отдельные, хорошо укрытые места, так что если принять во внимание вооружение бурят луками, то хорошее стратегическое место для крепости можно было найти. Из истории фортификации можно привести примеры, когда крепости строили в заведомо неудобных местах, руководствуясь соображениями, не относящимися к стратегии. Так что довод А. И. Михайловской кажется нам не совсем убедительным, как и ссылка на отсутствие остатков этой крепости. Крепость могла быть небольшой, поэтому следы ее легко исчезли. Во всяком случае, в решительное утверждение А. И. Михайловской следует внести значительную долю осторожности.

После новых столкновений с бурятами, привлекших на свою сторону тунгусов, в 1651 г. в Братск был послан снова Перфирьев, который, «быв уже несколько раз управителем в Братском остроге, снискал к себе народную любовь, и у неприятелей как храбростию, так и честностию прославился. Страх, что россиян придет больше, а паче доверенность к Перфирьеву побудили бунтовщиков добровольно возвратиться в свои жилища и просить милости и прощения» [10].

Далее Фишер сообщает предание о том, что какое-то время острог был на одном из островов в устье Оки, и в 1654 г. «воевода Афанасий Пашков послал для того сына боярского Димитрия Фирсова с таким приказанием, чтобы вверх на Ангаре, для большей безопасности, другой острог построить. И так Братский острог в 1654 г. на третье, но не первоозначенное перенесен место..., где оный стоит еще и поныне, а именно, на северный берег нижнего устья реки Оки» [11].

Предание, о котором сообщает Фишер, а затем и Гмелин, может вполне соответствовать действительности, так как у местных жителей существует предание, что в местечке под названием «Коштак» находился Братск до перенесения его на нынешнее место [12]. Проверить существова-

---

[8] И. Фишер. Ук. соч., стр. 536.
[9] А. И. Михайловская. Братский острог. Иркутск, 1928, стр. 6.
[10] И. Фишер. Ук. соч., стр. 537.
[11] Там же, стр. 537—538.
[12] На правом берегу Оки, недалеко от впадения в Ангару. См. также А. И. Михайловская. Ук. соч., стр. 8, 9.

Рис. 1. Чертежи Братской крепости (из «Чертежной книги» С. Ремезова)

ние на «Коштаке» острога можно только путем археологических раскопок (следы ям и каких-то углублений сохранились до настоящего времени).

Факт неоднократного перенесения Братска несомненен. Перенесение крепостей в поисках наиболее выгодного положения было широко распространенным явлением. В это понятие не всегда вкладывался военно-стратегический смысл, так как отсутствие постоянно налаженных связей между окраинами Руси и центром заставляло строителей крепостей думать об обеспечении гарнизона хлебом, о распашке на месте. Приходилось ставить крепости ближе к пашням. В силу отдаленности Сибири экономические соображения в этом случае имели большее значение. Так, очевидно, было и при постройке Братского острога.

Если бы при постройке руководствовались только военно-стратегическим расчетом, то трудно объяснить современное положение Братска. Упоминание о том, что он находится при устье Оки надо понимать весьма условно. На самом деле острог находится почти в 2 *км* от устья Оки. Братск был поставлен на одном из притоков русла Оки, идущего параллельно Ангаре, так что обычной водной преграды с двух сторон нет. Крепость лежит на ровной, открытой со всех сторон местности, на расстоянии 60—80 *м* от берега. Такое положение острога можно, как нам кажется, объяснить только стремлением поставить крепость на месте, удобном для распашки, рассчитывая при этом на преимущество в вооружении. В дальнейшем постараемся показать, что сознание русскими своего военного превосходства приводило к пренебрежению некоторыми существенными правилами военно-инженерной техники того времени.

При неясности вопроса о времени возникновения современного Братского острога будет осторожнее относить его построение к периоду между 1631 и 1654 гг. После 1654 г. нигде не встречается упоминание о новом строительстве или же о переносе острога на другое место [13]. В этом, 1654 г., на пути в Забайкалье, в Братске был заточен протопоп Аввакум, оставивший о нем мрачные воспоминания. «Посем привезли в Брацкой острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филиппова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья! Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил,— и батожки не дадут дурачки!» [14].

В «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова Братский острог изображен трижды с различной степенью точности (чертежи на стр. 16, 18 и

[13] На эту особенность впервые обратила внимание А. И. Михайловская.
[14] «Житие протопопа Аввакума». М.— Л., 1934, стр. 90—91.

23), хотя везде острог помещен на одном и том же месте — на левом берегу Ангары и Оки. При сличении отдельных чертежей выясняется, что С. Ремезов пользовался, по-видимому, разновременными источниками. Это заметно при сравнении чертежей на стр. 16 и 18 (рис. 1). На первом рисунке изображены только две башни со стеной, за которой находится церковь; на втором чертеже острог нанесен в виде квадратной в плане ограды с угловыми башнями и несколькими домами за ее стенами. С. Ремезов уделял мало внимания Братскому острогу того времени, когда он потерял военное значение, но все же различные изображения Братского острога объясняются действительно изменениями, происшедшими к концу XVII в., когда от него остались только две башни

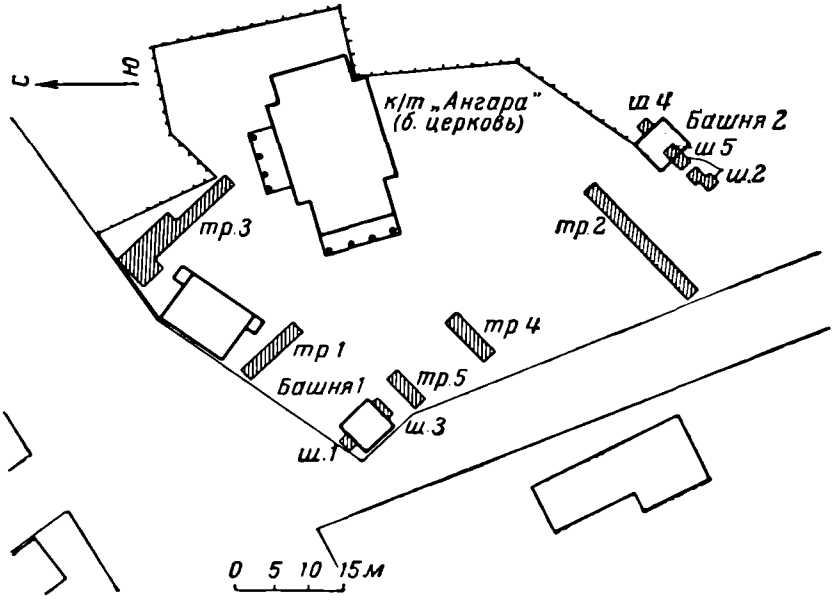


Рис. 2. План расположения шурфов и траншей

и стена. В 1736 г. акад. Гмелин, приезжавший в Братск, говорит о существовании только двух башен [15]. Следовательно, на стр. 18 изображен острог в своем первоначальном виде, хотя это изображение нельзя считать достаточно детальным: внутри нет ни приказных изб, ни жилых домов, а они несомненно были, так как одной из главных задач было предоставление гарнизону надежного убежища. На чертеже виден прямоугольник стен, поставленных «стоячим острогом», и четыре башни с шатровым перекрытием. Видна также дорога из Илимска. Она подходит к стене острога, но на изображении не видно ворот, а тем более проездной башни. Вот и все графические данные, по которым можно судить о внешнем облике острога. Сопоставляя сохранившиеся башни с современной топографией местности и недавними преданиями, можно прийти к заключению, что две другие башни располагались в сторону реки. На основании этих выводов и начались археологические разведки.

Археологические работы, проведенные в 1957 г. братским отрядом Ангарской экспедиции, позволили не только уточнить детали оборонительных сооружений, но и получить новые сведения о Братской крепости [16]. К настоящему времени вся территория крепости была перекопана, так как до начала XX в. здесь были кладбище и церковь. Во всех тран-

[15] G. F. Gmelin. Reise durch Sibirien. 2 Th, 1752, стр. 188—197.

[16] Руководитель экспедиции — А. П. Окладников, начальник отряда — А. В. Никитин. В работе отряда принимали участие: Э. Б. Адалева, Э. В. Ганевская, Л. В. Майорова Н. Н. Маркина, Е. В. Сорокина и др.

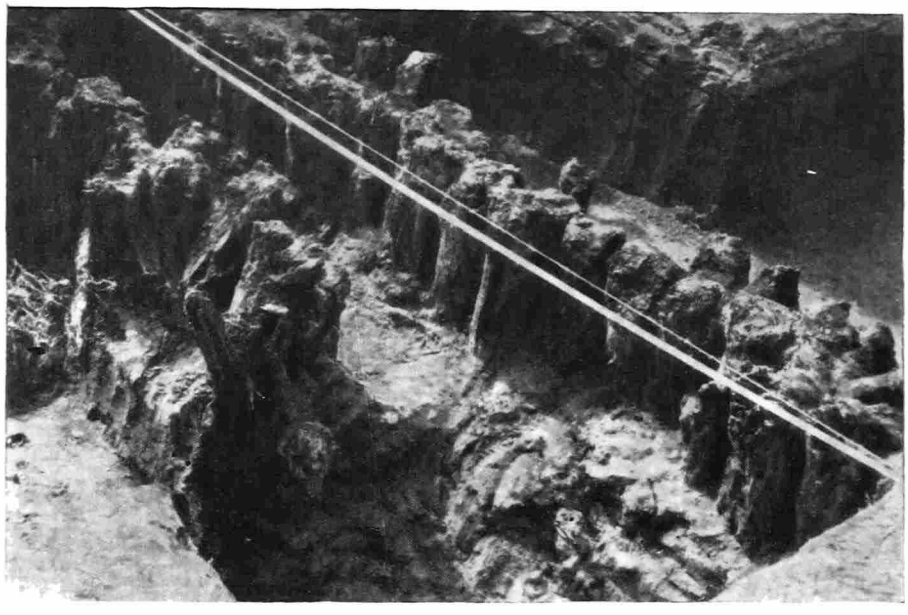


Рис. 3. Остатки острога в траншее № 1

шеях, заложенных на территории крепости, погребения подходили вплотную к остаткам стен Братского острога, располагаясь иногда в два ряда, так что трудно было рассчитывать на нетронутый слой внутри крепости. Поэтому все работы сосредоточились на изучении пространства между башнями и предполагаемой линией стены (в направлении с северо-востока на юго-запад). Были произведены подробные архитектурные замеры башен, а также проведена частичная консервация башни № 1 [17].

На линиях предполагаемых стен закладывались шурфы различных размеров с целью выяснения не только конструкции стен, но и дополнительных сооружений — рвов, валов, надолб и т. д. (рис. 2). Вокруг башен и внутри второй башни были заложены шурфы с целью определения толщины культурного слоя и остатков дополнительных сооружений.

Траншея № 1 была заложена вблизи башни № 1. Были обнаружены бревна, стоявшие в два и три ряда; на некотором расстоянии от них шли остатки второго частокола. Это, несомненно, следы стоячего острога. Стены, вероятней всего, были высотой 4—6 *м* (рис. 3, 4). Чтобы удержать основную стену, необходимы были дополнительные опоры в виде двух рядов бревен спереди и сзади. Передний ряд бревен мог быть заострен наподобие надолб.

Траншея № 2 была заложена недалеко от башни № 2, на линии стены, соединявшей ее с башней № 1. В связи с необходимостью выяснения дополнительных оборонительных сооружений, траншея № 2 выходила далеко за пределы крепости. Под дерновым слоем выявились остатки стоячего острога, местами сильно поврежденного многочисленными погребениями. Острог шел в один и два ряда, крепление отсутствовало. Это можно объяснить или меньшей высотой стены, или твердостью грунта. Дополнительных укреплений не было, хотя Гмелин еще видел остатки частика около острога, так что его отсутствие в траншее — простая случайность.

Траншея № 3 была заложена на линии северо-западной стены (рис. 5). Здесь также найдены остатки двух рядов стоячего острога, расстояние между ними — 0,6—0,8 *м*. Конструкция обычная, никакого специального

[17] Так для краткости в дальнейшем мы будем называть башню к западу от центра крепости. Южную башню будем называть второй.

заполнения между стенами не было, так что в этой части крепости стена была аналогична вскрытым остаткам в первой траншее.

В траншее № 3 были обнаружены следы избы, примыкавшей извне к стене крепости. В южной части избы прослеживались остатки деревянного перекрытия пола, на поверхности которого сохранились беспорядочно разбросанные куски перегнившего дерева. В центре жилища находилась яма неправильных очертаний. Около юго-восточной стены сруба (кв. 8) была вымостка. За пределами жилища вскрыты остатки четырех столбиков, вероятнее всего, от изгороди, проходившей неподалеку от жи-

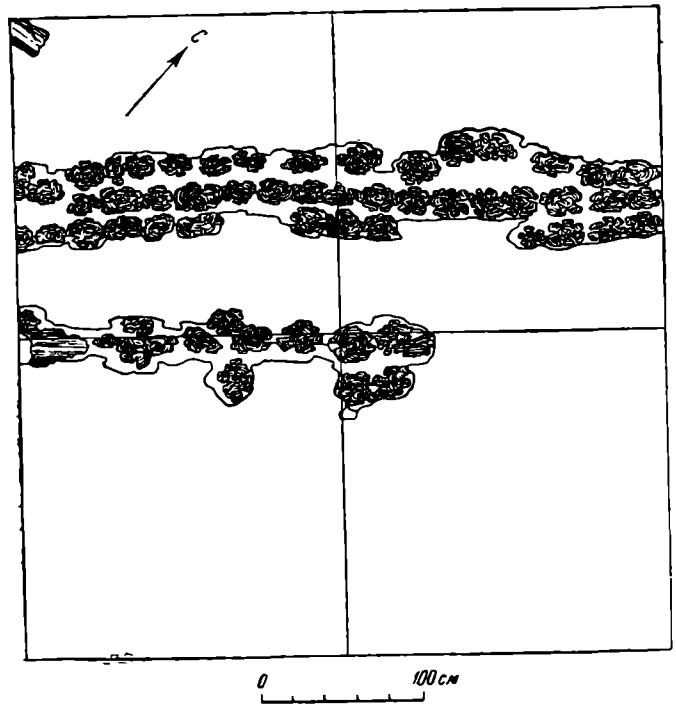


Рис. 4. План расположения острога (траншея № 1)

лища. В районе траншеи № 3 собраны обломки глиняной посуды: грубой, плохо обожженной, с примесью песка. Примечательно, что среди них не было найдено ни одного фрагмента чернолощеной посуды XVI—XVII вв.

Вскрытое жилище весьма обычно по планировке и находкам. Интерес его заключается в другом: оно было построено вскоре после сооружения крепости, так как над жилищем не сохранилось следов нарушения верхних слоев, если не считать многочисленных и хорошо видных поздних захоронений. Следовательно, постройки довольно скоро стали рубить за пределами крепости. Этот факт указывает не только на рост населения и связанного с этим освоения близлежащих пространств, но и говорит о налаживании мирных отношений с «братами», что является небезынтересным явлением. Военные стычки с бурятами были обычны в первый период колонизации бассейна Ангары, но после второй половины XVII в. нет сведений о значительных столкновениях между русскими и бурятами; это обстоятельство и отразилось в строительстве за пределами крепостных стен.

Траншея № 4 располагалась между траншеей № 2 и второй башней (см. чертеж). В процессе работы выяснилась обычная картина: обилие погребений и два ряда «стоячего острога».

Вскрытые в траншеях остатки стен позволяют говорить о едином плане возведения крепостных стен. В связи с этим следует заметить, что

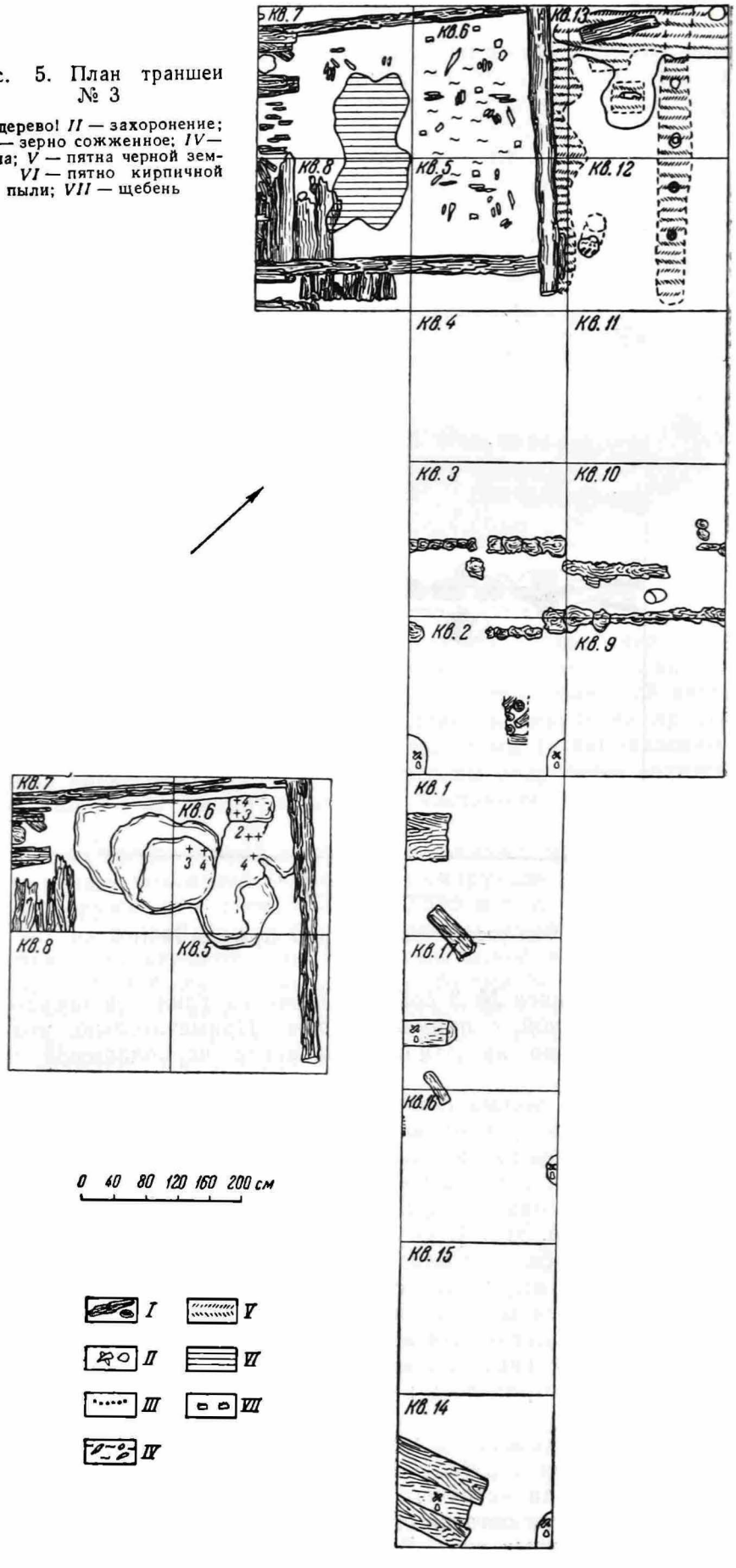


Рис. 5. План траншеи № 3

I — дерево! *II* — захоронение; *III* — зерно сожженное; *IV* — щепа; *V* — пятна черной земли; *VI* — пятно кирпичной пыли; *VII* — щебень

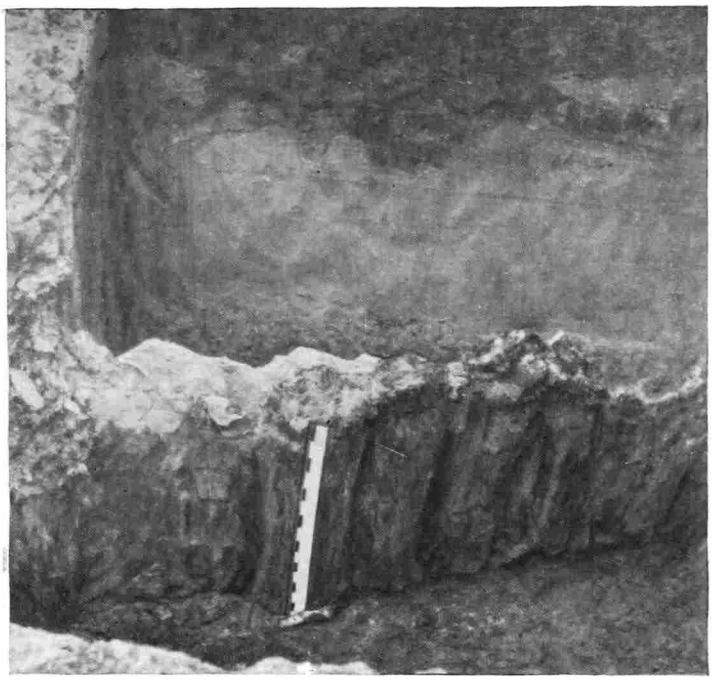


Рис. 6. Остатки раннего острога (шурф № 5)

в крепостном и в особенности деревянном зодчестве не всегда соблюдалось стремление сохранить единый архитектурный облик крепости. В одном и том же сооружении стены могли рубиться рядом со стоячим острогом, который в свою очередь входил в систему земляных насыпей. Такая пестрота строительных приемов объяснялась, с одной стороны, стратегическими соображениями, а с другой — разновременностью воз-

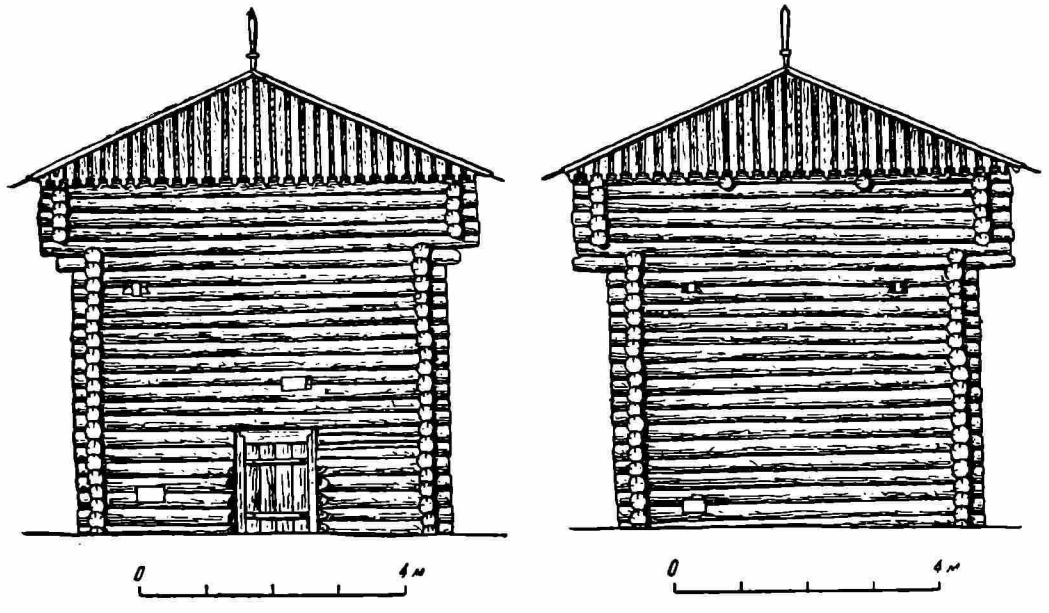


Рис. 7. Северо-восточный и юго-восточный фасады башни № 2

ведения отдельных звеньев. В обоих лучаях соображения архитектурного порядка не всегда принимались во внимание.

Кроме траншей, нами закладывались небольшие шурфы около башен и внутри одной из них. Исключительное применение шурфов объясняется тем, что заложение больших раскопов грозило осадкой стен

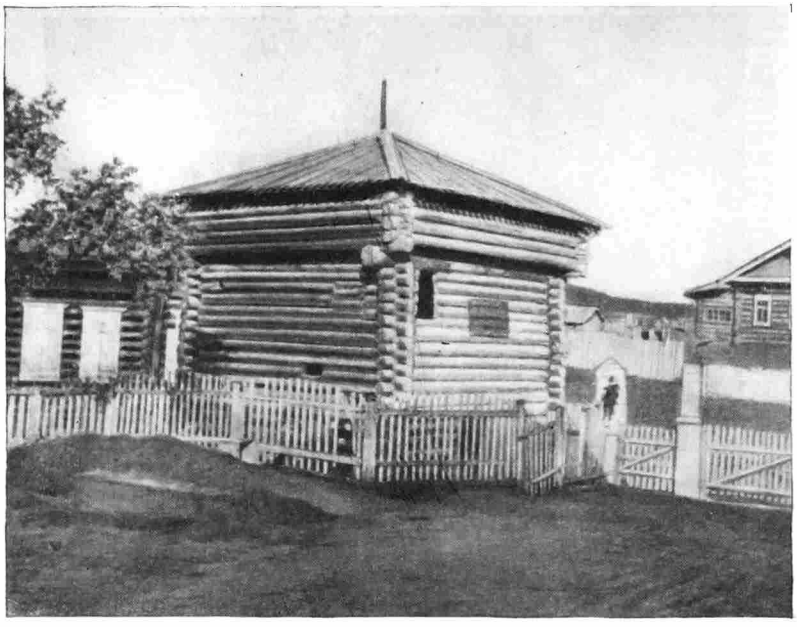


Рис. 8. Башня № 1

башен. Шурфы дали возможность исследовать мощность культурного слоя вокруг башни и уточнить места смыкания крепостных стен с башней.

В шурфах №№ 1 и 3, разбитых на противоположных сторонах первой башни (см. чертеж), по мере расчистки выяснились нижние венцы. В шурфе № 1 прослеживалось два ряда бревен; в шурфе № 3 — три. Венцы были очень плохой сохранности. Таким образом, культурный слой вокруг первой башни небольшой. Первоначальная высота башни немного превышала современную. На глубине 0,6 *м* в шурфе № 1 хорошо прослеживались следы тесаных досок, плотно прилегавших одна к другой и уходивших внутрь башни. Это — остатки пола, заложенного между венцами [18].

Наиболее интересным было открытие в шурфах следов пожара. В первом из них, на глубине 0,2—0,3 *м*, хорошо прослеживались обгоревшие бревна, лежавшие на культурном слое, перемешанном с углем и глиной. Вероятнее всего, это — следы небольшого пожара около башни, возникшего после ее постройки; остатков пожара стен не было обнаружено ни в одной из траншей. Совершенно иные остатки пожарищ прослеживались в шурфе № 3. Здесь, на глубине 0,6—0,8 *м*, в профиле виднелась угольная прослойка, залегавшая на глине с песком, лишенном находок; она уходила под нижний венец башни, поэтому можно с уверенностью говорить о каком-то пожаре, происшедшем до постройки башни. Это обстоятельство довольно интересно, так как до сих пор считалось, что до постройки крепости здесь не было каких-либо сооружений. Угольную прослойку можно было бы считать остатками какого-то небольшого пожара, если бы не следы сгоревшего острога, предшествовавшего Братской крепости, остатки которого хорошо прослеживались в шурфах около башни № 2.

Шурфы около второй башни (рис. 6; №№ 2, 4, 5) были заложены у стен и внутри башни. Шурф № 2 заложили с внешней стороны юго-западной стены для изучения культурного слоя и остатков стен. В нем обнаружились остатки частокола, шедшего под некоторым углом к стене башни и уходившего под ее нижние венцы, так что можно было с уве-

[18] Такой способ укладки пола и потолка встречается до настоящего времени в местных постройках (сараях, амбарах и т. д.).

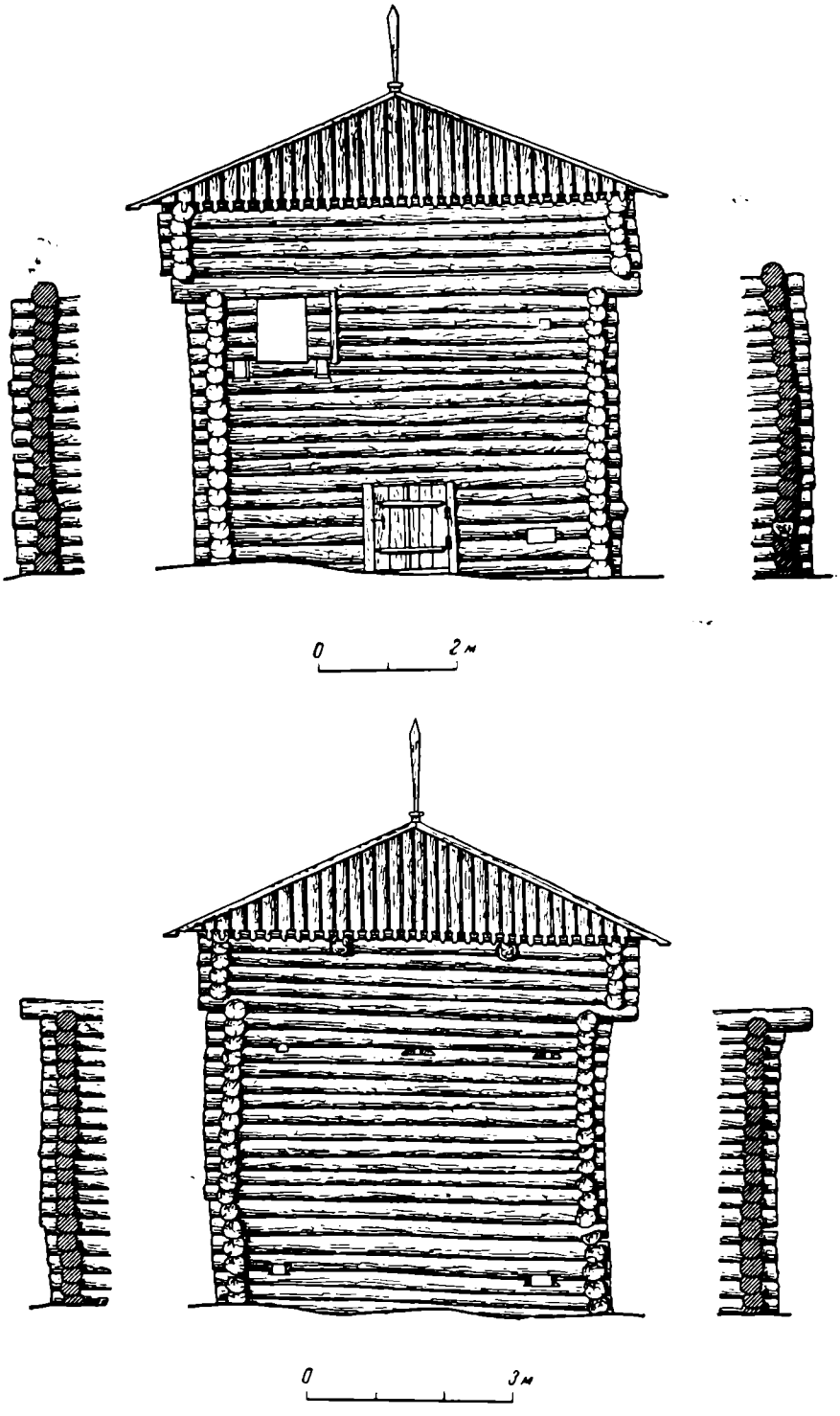


Рис. 9. Северо-восточный и северо-западный фасады башни № 1

ренностью говорить об остатках острога, предшествовавшего Братской крепости. По верху его был хорошо виден слой угля и обгоревшей глины — следы пожара.

Шурф № 4 находился около северо-восточной стены; весь слой оказался перекопанным.

Шурф № 5 заложен около юго-западной стены, с целью изучения остатков перекрытий внутри башни и, по возможности, для выяснения продолжения острога, вскрытого в соседнем шурфе № 2. На глубине 0,3—

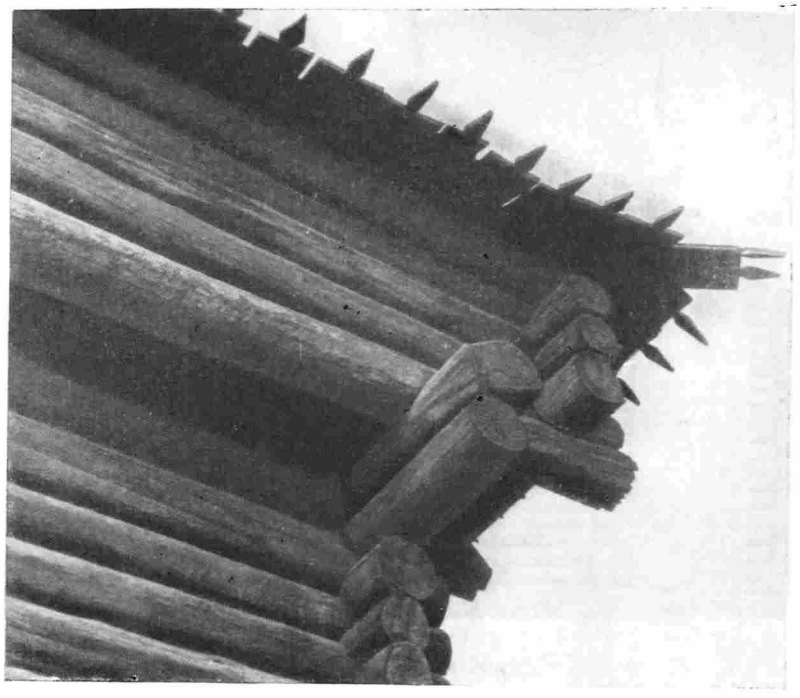


Рис. 10. Верхний бой башни № 2

0,35 и 0,6—0,65 *м* (в западном и восточном углах) выступили остатки перекрытия пола, лежавшего на опорной лаге. Следует отметить, что под половицами во многих местах прослеживались остатки бересты. Употребление бересты в целях предохранения дерева от загнивания хорошо известно в деревянной строительной технике, в данном случае оно свидетельствует и о том, что пол находился близко к влажному грунту. Часть вскрытых половиц обгорела, под одной из них найден топор и навершие от ножа или кинжала с усольской эмалью. Под половицами было расчищено небольшое углубление с остатками кожи, подошв XVII в., мелких кусочков керамики, рыбной чешуи и слюды. Скорее всего, это часть небольшого подполья. В юго-западной части шурфа было вскрыто вертикальное бревно — продолжение частокола. На половицах в отдельных местах встречались пятна золы.

Все эти наблюдения позволяют говорить о наличии вымостки и печи внутри башни, так что башня могла использоваться как жилое или служебное помещение, о чем свидетельствует и яма с находками.

Описание Братского острога не было бы полным, если бы мы вкратце не остановились на некоторых его особенностях. Конструктивно башни настолько близки друг к другу, что это обстоятельство может свидетельствовать об одновременности сооружения башен. При разновременном сооружении башен одна из них должна была бы некоторое время существовать самостоятельно, легко доступная неприятелю. Принимая во внимание условия, в которых создавался острог, вряд ли строители пошли бы на риск длительного существования одинокой башни на открытом месте.

Обе башни почти квадратные в плане, с выступами-обламами, образующими вокруг башни верхний бой (рис. 7). Следов частичного перекрытия верхнего боя нет; он был открыт по всему периметру башни.

В стенах башен сохранились выходы на вторую линию боя острога. В первой и второй башнях хорошо заметны углубления для вертикальных шипов (заменявших петли), на которых вращалась дверь. На первой башне два выхода, один из них заделан бревнами лиственницы той

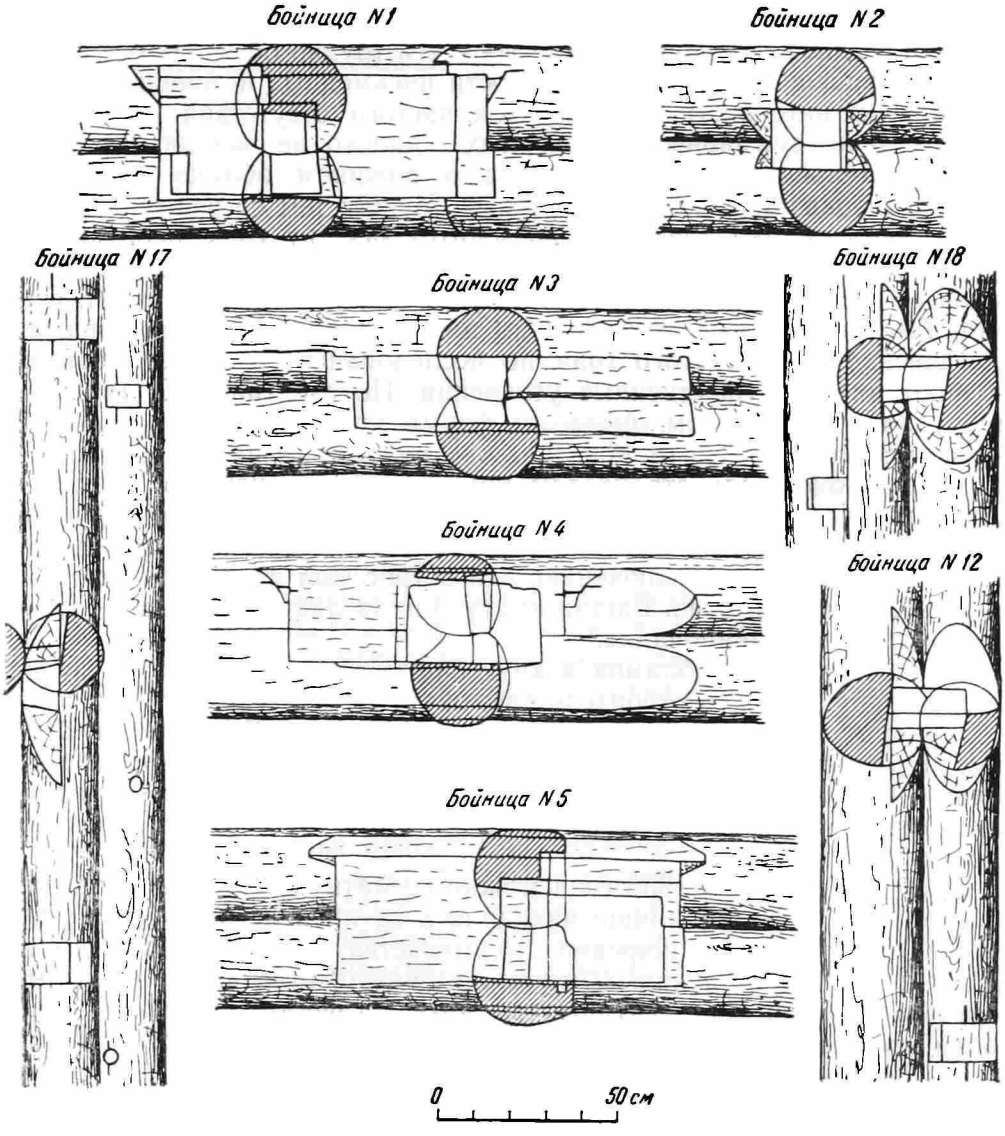


Рис. 11. Бойницы и окна в башне № 1

же сохранности, как и вся башня. Рамы, двери отсутствуют (рис. 8, 9). Аналогичного выхода на второй башне нет. Все это заставляет думать, что вторая дверь не использовалась с момента постройки. В таком случае сквозного сообщения вокруг крепости на второй линии боя не было. С военной точки зрения это представляло упущение. В случае атаки мобильность сил обороняющихся уменьшалась, так как стрелки вынуждены были переходить с одной стены на другую, спускаясь на землю.

Следует обратить внимание на то, что башни только незначительно выступают за линию стены острога не более чем на 1 *м* (рис. 10). Это обстоятельство вызвало вынесение боев близко к внешнему углу крепости. В результате такого смыкания стен с башней огневое фланкирование вдоль стен уменьшалось.

Внутри башен до сего времени прослеживается деление на нижнюю — жилую часть и верхнюю. До недавнего времени они разделялись потолком с насыпью. Сейчас при ремонте сделана галерея. Нижняя часть покрыта копотью. Внутри до 1928 г. были остатки печей. Перекрытие пола одной из башен расчищено во время раскопок 1957 г. Следует полагать, что довольно скоро после постройки башни стали жилыми.

В работе над поздними памятниками нельзя рассчитывать на открытия первостепенной важности. И все же здесь трудно обойтись без археологических раскопок. В силу особенности письменных источников XVI—XVII вв. — их неточности и недомолвок, частого отсутствия рисунков и чертежей, даже суммарных и условных — далеко не всегда возможно удовлетворительно разрешить вопрос о внешнем облике памятника только на основании письменных данных. Между тем от решения вопроса о внешнем облике крепостей во многом зависит трактовка важных вопросов крепостного строительства. Братский острог может являться в какой-то степени иллюстрацией этому. Несмотря на описания Н. Спафария, Гмелина и даже относительно точные чертежи С. Ремезова, археологические работы этого года по исследованию Братского острога позволяют внести существенные уточнения. По сведениям С. Ремезова нам трудно судить о том, была ли форма крепости приспособлена к рельефу местности. Осмотр показал, что положение на открытом ровном участке позволило строителям придать ей правильную форму.

Археологические раскопки позволили также уточнить конструкцию крепостных стен, особенности их смыкания с башнями. В результате этого можно прийти к заключению, что острог был сравнительно высоким, с двумя рядами боев. Башни выступали за линию стен на 1—1,5 *м*, что затрудняло фланкирование.

Наличие открытых обламов вокруг башен свидетельствует о конструктивных упущениях в строительстве, объясняемых тем, что у казаков было сильное преимущество в огневых средствах. В крепости были ружья и пушки, тогда как буряты были вооружены только луком и стрелами. Строителями крепости были рядовые казаки. Только этим обстоятельством можно объяснить недостатки в конструкции Братской крепости.

В результате работы 1958 года можно сделать и другое наблюдение. Вскрытое около стены жилище находилось за пределами крепости, что позволяет говорить о расширении строительства, и косвенно свидетельствует о налаживании жирных отношений между русскими и бурятами. Но самым любопытным результатом археологических раскопок были находки остатков острога, предшествовавшего современной крепости. Эта деталь позволяет по-новому смотреть на историю возникновения современного Братского острога, которому предшествовали какие-то другие укрепления, погибшие от пожара.

Все выясненные особенности постройки и деталей Братской крепости представляют интерес для истории крепостного зодчества, занимающего такое своеобразное место в истории Сибири.

В настоящее время обе башни после консервации в связи с затоплением территории острога перенесены на новые места. Первая башня установлена в Музее деревянного зодчества (с. Коломенское), вторая — на территории Братской ГЭС.

ЗАМЕТКИ

А. А. ЩЕПИНСКИЙ

СОЛЯРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ КРЫМА

В настоящее время в Крыму на археологическом материале выявляется серия разнообразных и разновременных солярных изображений, однако датировка многих из них, в особенности ранних, спорна. Между тем решение этого вопроса немаловажно, так как дает возможность определить время зарождения космических представлений — культа солнца — у первобытного человека в Крыму. Эти изображения в какой-то мере свидетельствуют и о растущей роли земледелия в первобытно-общинном строе, так как, несомненно, в это время культ солнца сочетался с культом плодородия.

В настоящей статье приводится описание нового, хорошо датирующегося солярного знака и на его основе делается попытка уточнить время появления других подобных же изображений, обнаруженных в Крыму.

В 1955 г. в Бахчисарайский историко-археологический музей поступило сообщение о разрушении у с. Долинное (бывш. Топчи-Кой), Бахчисарайского района, трех небольших курганов [1]. В двух из них основные погребения были грунтовые, причем в одном из курганов обнаружено впускное захоронение с золотой сережкой. Под дерновым слоем третьего кургана оказался тонкий слой камней. В северной части этого кургана, в материковой могиле обнаружено впускное погребение раннесредневекового времени, с обломком железного меча и колчана.

С этим же погребением, возможно, связано и основание половецкой «каменной бабы», найденной у вершины кургана. В центре, на древней поверхности, находился большой каменный ящик, сложенный из четырех больших плит и перекрытый такими же плитами. Ящик был разрушен, а плиты разбиты, поэтому его ориентация и размеры не устанавливаются. На внутренней стороне одной из продольных плит ящика (0,12 *м* от угла и 0,35 *м* от его дна) красной охрой нанесено изображение солярного знака. Это — почти правильный круг диаметром 0,18—0,20 *м*, с крестом внутри (рис. 1, *1*). Такое изображение А. А. Миллер в своем исследовании на кавказском материале определяет как простейшую форму солярных знаков [2].

Каменный ящик с солярным знаком хорошо датируется по следующим признакам: скелет в могиле лежал скорченно, на боку, головой на юго-восток, со следами охры на костях; около черепа лежал тонкий бронзовый нож копьеобразной формы (рис. 2, *1*). Ножи этого типа ши-

[1] Пользуюсь случаем выразить признательность заместителю директора Бахчисарайского историко-археологического музея по научной части Н. А. Богдановой, предоставившей возможность по ее записям и хранящемуся в музее материалу из кургана опубликовать этот памятник.

[2] А. А. Миллер. Элементы неба на вещественных памятниках. ИГАИМК, вып. 100, 1933, стр. 125—157.

роко распространены в памятниках катакомбного времени. В Крыму аналогичный нож встречен в кургане, раскопанном в совхозе им. Коминтерна, и в кургане в урочище Абдал [3]. Эти курганы, как и другие крымские курганы эпохи бронзы с аналогичными ножами, датируются первой половиной II тысячелетия до н. э.

Особенно интересно, что однотипные ножи кольеобразной формы неоднократно встречались в крымских курганах с расписными каменными ящиками: в кургане у с. Родниковое (бывш. Скеля) [4], в кургане около Симферополя [5], в кургане у с. Ново-Софиевка, Евпаторийского района [6].

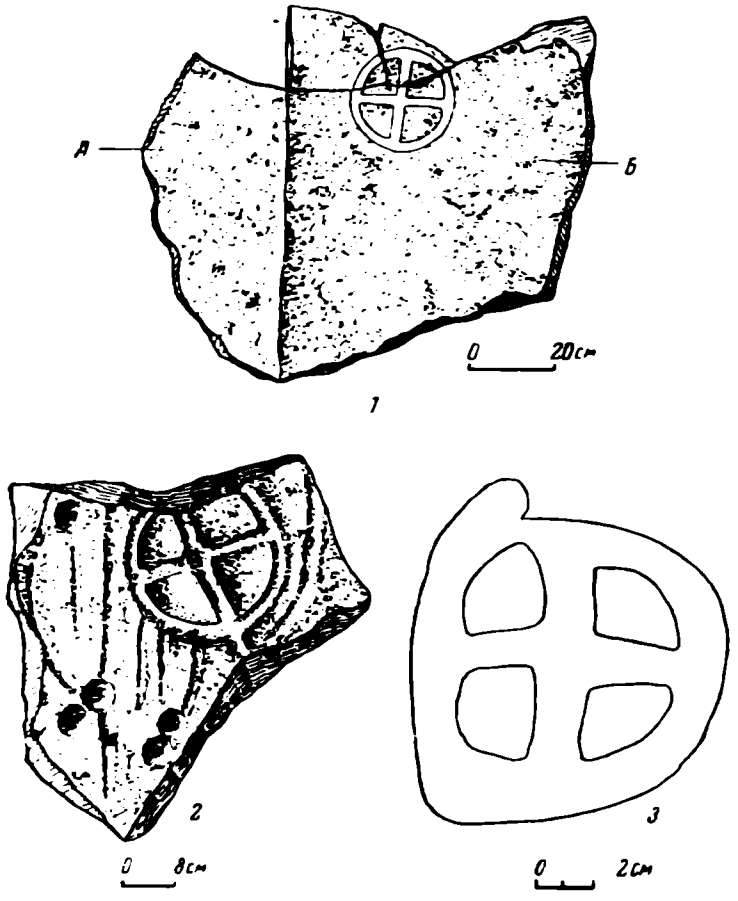


Рис. 1. Солярные знаки эпохи бронзы из Крыма

1 — на стенке каменного ящика из кургана у с. Долинное; *2* — на стеле из каменного ящика в Симферопольском кургане № 10; *3* — из росписи Таш-Аира

В Крыму выделяется группа курганов с каменными ящиками, установленными в центре насыпи, на древней поверхности или слегка впущенные в нее. Сложены ящики обычно из четырех больших плит и такими же плитами перекрыты. Погребения скорченные, в лежачем или

[3] К. Ф. Соколова. Антропологический материал кургана эпохи бронзы из Бахчисарайского района. Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 46, рис. 2; Х. И. Крис, Е. В. Веймарн. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 65 сл.

[4] Н. И. Репников. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 119 сл.

[5] Н. Ф. Романченко. Раскопки кургана у с. Кояш, Симферопольского уезда, Таврической губернии. ИТУАК, № 13, 1891, стр. 62; ср. Отчет Н. И. Веселовского о раскопках курганов в Таврической губернии. ОАК за 1895 г., стр. 8—15.

[6] ИТУАК, № 49, 1913, стр. 258.

полусидячем положении, головой на юго-восток или юго-запад, на костях — следы охры [7]. При скелетах — каменные орудия, лепные горшки и плоские медные ножи копьевидной формы [8]. Ящик из с. Долинное, судя по его конструкции и положению в кургане, росписи, ориентации и положению скелета, а также инвентарю, смело может быть включен в эту же группу памятников эпохи средней бронзы. Эта датировка, в частности, подтверждается и южной ориентацией покойников, которая в Крыму характерна для погребений катакомбного времени.

Что же касается солярного знака, то его ближайшей крымской аналогией является изображение солнца в наскальной росписи навеса Таш-Аир, обнаруженного Д. А. Крайновым в долине р. Качи у с. Предущельное, Бахчисарайского района. Под этим навесом оказалась стоянка с десятью культурными слоями, в том числе с неолитическими, энеолитическими и эпохи бронзы [9]. В наскальной росписи, нанесенной красной охрой, наряду с изображениями людей, животных, деревьев имеется и солярный знак — неровный круг, диаметром около 15 *см*, с перекрещивающимися в центре полосами (рис. 1, *3*).

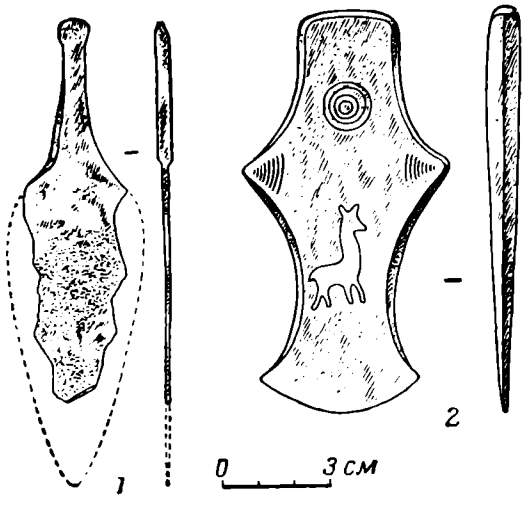


Рис. 2.

1 — бронзовый нож копьеобразной формы из каменного ящика у с. Долинное; *2* — солярный знак на бронзовом топоре из Керчи

Учитывая явное сходство со знаком из с. Долинное, а также принимая во внимание другие детали росписи, находящие аналогии в памятниках эпохи бронзы, мы допускаем, что он нанесен никак не позднее катакомбного времени [10]. Это тем более вероятно, что в культурных напластованиях Таш-Аира хорошо представлен горизонт ямно-катакомбного времени.

Аналогичный знак обнаружен и в Симферопольском кургане, основные погребения которого относятся к эпохе ранней бронзы. Под насыпью этого кургана, в центре — каменный ящик овально-ладьевидной формы, сложенный из небольших плит песчаника. Концы ящика перекрывались двумя крупными песчаниковыми плитами, над ними, закрывая среднюю часть ящика, лежала третья, известняковая плита. В ящике под этой плитой стоял обломок стрелы размером 0,55 × 0,40 × 0,10 *м*. На ее лицевой стороне высечен круг (диаметром 0,20 *м*), разделенный перекрещивающимися в его центре полосами. На месте перекрещивания — углубление. За пределами круга — ряд вертикальных линий и чашечных углублений (рис. 1, *2*). Против ожидания скелет, лежавший вытянуто на

---

[7] В 1957 г. автором в Крыму, около Белогорска, исследован длинный курган Кеми-Оба, под насыпью которого имелись деревянные и каменные ящики, а также катакомбы. На внутренней стороне одного каменного и двух деревянных ящиков сохранились следы росписи красной охрой. След росписи имелся и на плите, закрывавшей входное отверстие одной катакомбы. Погребения в этих могилах — ямно-катакомбного времени.

[8] Прежние исследователи часто принимали медные ножи копьеобразной формы ямно-катакомбного времени за плоские наконечники копий.

[9] Д. А. Крайнов. Стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Юго-Западного Крыма. Автореферат канд. диссертации. М., 1957, стр. 4.

[10] Это, в частности, подтверждается и человеческими фигурками Таш-Аира, которые очень близки фигуркам на антропоморфной стеле ямно-катакомбного времени из с. Казанки. См. А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. СА, 1958, № 2.

спине, головой на юго-запад, оказался не в ящике, а под его дном [11]. Из-за отсутствия инвентаря датировать этот погребальный комплекс затруднительно.

За южной стенкой этого ящика оказались впускные погребения кизил-кобинского времени — первой половины I тысячелетия до н. э.

Нам кажется наиболее вероятным, что каменный ящик со стелой относится ко времени основных, а не впускных погребений. Это подтверждается и тем, что верхний конец стелы был отбит, по всей вероятности, намеренно, так как целиком в ящике она не помещалась. Однако и оставшаяся часть стелы оказалась выше ящика, поэтому-то средняя покровная плита и была положена поверх боковых. Для нас эта деталь

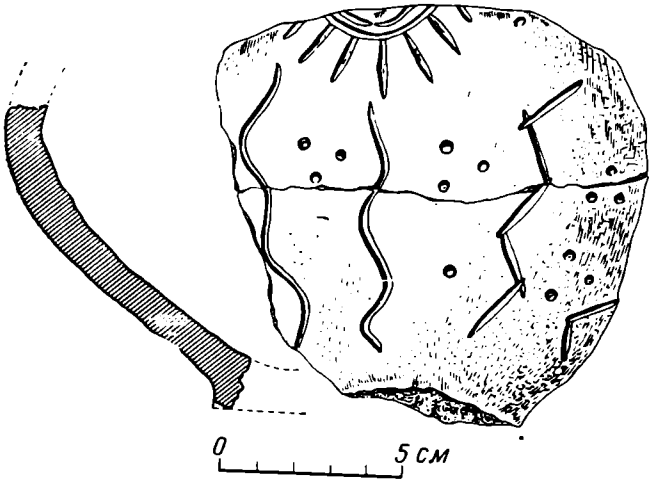


Рис. 3. Солярный знак на стенке лепного чернолощеного сосуда из пещеры Кизил-Коба

важна тем, что она свидетельствует о вторичном использовании стелы и, следовательно, о том, что стела была изготовлена значительно раньше, возможно, в ямно-катакомбное время. Это подтверждается и характером солярного знака.

Судя же по центральному положению стелы в специально сооруженном для нее ящике, несомненно, что она служила, как и все сооружение, для культовой цели, связанной с погребальным обрядом.

Третий знак, который, возможно, также относится к солярным, известен по материалам Белогорского поселения кизил-кобинской культуры: на дне неглубокой мисочки, с внешней стороны в центре пальцем по сырой глине прочерчен крест. В центре и в точке пересечения креста с поддоном — ямочные вдавления, нанесенные пальцем [12].

Схематическое изображение солнца в виде круга с лучами и зигзагообразными, несколько напоминающими молнии, линиями и точками за его пределами (рис. 3) имеется на фрагменте стенки чернолощеного лепного сосуда из поселения у пещеры Кизил-Коба. Поселение, а следовательно, и обломок сосуда с этим знаком, датируются, по бронзовым двухлопастным наконечникам стрел с шипами, VII—VI вв. до н. э. [13].

---

[11] П. Н. Шульц, А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 61 сл.

[12] П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 66; его же. Отчет о работе Белогорского отряда Тавро-скифской экспедиции. Архив Отдела античной и средневековой археологии ИА АН УССР.

[13] С. И. Забнин. Находки каменного века в Крыму. ИТУАК, вып. 54, 1918; Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. Журн. «Крым», № 2, 1926. Фрагмент сосуда со знаком и наконечники стрел находятся в экспозиции Обл. краеведческого музея в Симферополе.

Очень близкий мотив изображения солнца имеется и на тулове лепной чернолаковой курильницы из мавзолея Неаполя скифского. Здесь глубоко врезанными линиями изображены два концентрических круга; наружный круг — с лучами [14]. На другой неапольской курильнице имеется изображение двух концентрических кругов без лучей [15].

Сходное изображение солярного знака известно нам на плоском бронзовом топоре рубежа II и I тысячелетий до н. э. из Керчи (рис. 2,2) [16]. Ниже знака на топоре изображено животное (бык?). Если круги рассматривать как изображение солнца, то, вероятнее всего, это указывает на ритуальное назначение топора, возможно, предназначенного для умерщвления жертвенных животных при совершении культовых обрядов.

Характерно, что солярные знаки подобного же типа широко представлены и на Северном Кавказе в памятниках кобанской культуры, например на бронзовых топорах, где они также датируются концом II — серединой I тысячелетия до н. э. [17].

Итак, в настоящее время нам известны в Крыму шесть солярных знаков эпохи бронзы и раннего железа. Хронологически они делятся на две группы.

К первой, датирующейся эпохой бронзы, относятся изображения из с. Долинное, из Таш-Аира, Симферополя и Керчи. Два первых знака красной охрой нанесены в одном случае на плите каменного ящика, в другом — на стене навеса, третий, симферопольский знак высечен на известняковой стене, и четвертый знак рельефно изображен на бронзовом топоре из Керчи. Три первых, наиболее ранних знака представляют собой круги с перекрещивающимися в их центре под прямым углом полосами. Солярный знак из Симферополя, кроме того, сопровождается линиями и чашечными углублениями за пределами круга. Углубления, по-видимому, предназначены для жертвенных возлияний. Керченский солярный знак — самый поздний в этой группе.

Во вторую группу — рубежа эпохи бронзы и железа — входят два знака — из Кизил-Кобы и Белогорска. Они нанесены на поверхность лепных сосудов. Белогорский знак повторяет знаки эпохи ранней бронзы. Знак же из Кизил-Кобы резко отличается от других — это круг с лучами.

Вероятнее всего, солярные знаки на сосудах не являются декоративными, а скорее указывают на ритуальное назначение сосудов. Это, в частности, подтверждается наличием такого рода изображений на неапольских курильницах, носящих, по мнению П. Н. Шульца, ярко выраженный ритуальный характер. Таким образом, солярные знаки бытуют в Крыму и в памятниках скифского времени.

Все солярные знаки имеют ритуальное назначение. Часто в эпоху бронзы они связаны с погребальным обрядом. Судя по солярным знакам в Крыму, культ солнца уже в первой половине II тысячелетия до н. э. получает широкое распространение среди местных племен. Это подтверждается и наличием кромлехов, которые здесь появляются с позднеямного времени и прослеживаются вплоть до кизил-кобинского.

---

[14] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, стр. 33, рис. 16.

[15] Там же, табл. XXI; Н. Н. Погребова. Находки в мавзолее Неаполя скифского. Бюллетень ГМИИ «Памятники искусства», № 2, 1947, стр. 31, рис. 2.

[16] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Тр. СА РАНИОН, II, 1928, стр. 54, рис. 1.

[17] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900, стр. 19—20, табл. V, *2;* рис. 11, 18 и др.

И. И. АРТЕМЕНКО

ПОСЕЛЕНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА КУЗИНОЙ ГОРЕ

В 1958 г. Курским областным краеведческим музеем совместно с Курским отрядом Лесостепной экспедиции ИА АН СССР под руководством А. Е. Алиховой на городище раннего железного века [1] был обнаружен слой поселения бронзового века [2].

Городище расположено в 40 *км* к западу от Курска, в Иванинском районе, на высоком мысе правого берега р. Сейма, известного среди местных жителей под названием «Кузина Гора».

Поселение бронзового века было расположено вдоль восточного края мыса. Культурный слой сильно нарушен более поздними строительными комплексами. На площади поселения (в раскопе 2 1958 г.) найден каменный отбойник шаровидной формы и глиняное грузило, украшенное нарезными линиями (рис. 1, *9*).

Основное количество находок составляет керамика. Сосуды изготовлены от руки из хорошо перемешанной глины с небольшой (по-видимому, естественной) примесью песка. Обжиг слабо окислительный, неравномерный, часто дает темные пятна на поверхности. Цвет сосудов желтый, коричневый, желто-серый и серый. Внутренняя поверхность часто темнее наружной, со следами сглаживания при лепке. Наружная поверхность сосудов хорошо заглажена. Следы полосчатого сглаживания (по-видимому, травой) заметны иногда и на наружной поверхности. К сожалению, на поселении не сохранилось ни одного целого сосуда. Однако найденные обломки дают возможность предполагать, что сосуды были плоскодонные, горшковидной формы, с округлыми плечиками и прямым или слегка отогнутым венчиком, край которого часто утолщен и наискось срезан наружу.

Орнамент расположен в верхней части сосуда или, чаще, по всей его поверхности. Он нанесен наискось перевитой веревочкой и ямочными углублениями, образуя горизонтальные ряды (рис. 1, *1—6*).

Большое распространение имеют различные системы нарезного орнамента, чередующегося с ямочными углублениями. Он образует елочные композиции, а также пояса соприкасающихся сторонами заштрихованных треугольников, между которыми расположены ряды прямоугольных ямочных углублений (рис. 1, *7, 8, 10*).

Встречаются также сосуды, орнаментированные прямоугольными углублениями, нанесенными, по-видимому, лопаточкой, с нажимом на один конец (рис. 1, *11*).

В коллекции керамики есть также два обломка стенок, украшенных серповидными оттисками прямо перевитой веревочки и круглыми углублениями, исполненными круглым полым штампом.

Керамика из поселения Кузина Гора находит себе аналогии в керамике из поселений средней бронзы, известных в настоящее время на Сейме [3] и Суле [4]. Большое число аналогичных поселений обследовано в последние годы экспедициями Института археологии АН УССР на Десне и на левом берегу Днепра к северу от Киева [5].

---

[1] А. Е. Алихова. Особый тип сооружений на городище Кузина Гора. СА, 1958, № 3.

[2] Приношу глубокую благодарность А. Е. Алиховой за ценные сведения о материалах из поселения бронзового века и за любезное согласие на их опубликование.

[3] М. Рудинський. Мар'янівська стація. Антропологія, т. III, 1929, стр. 179—189; Я. Морачевський. Кераміка Мар'янівської стації. Там же, стр. 191—201; С. С. Березанська. Пам'ятки періоду середньої бронзи на Десні та Сеймі. Археологія, т. XI, 1957, стр. 87—94.

[4] Є. В. Махно. Нові пам'ятки епохи бронзи в Київській та Сумській областях. Археологія, т. X, 1957, стр. 141—142.

[5] С. С. Березанська. Ук. соч., стр. 90—91.

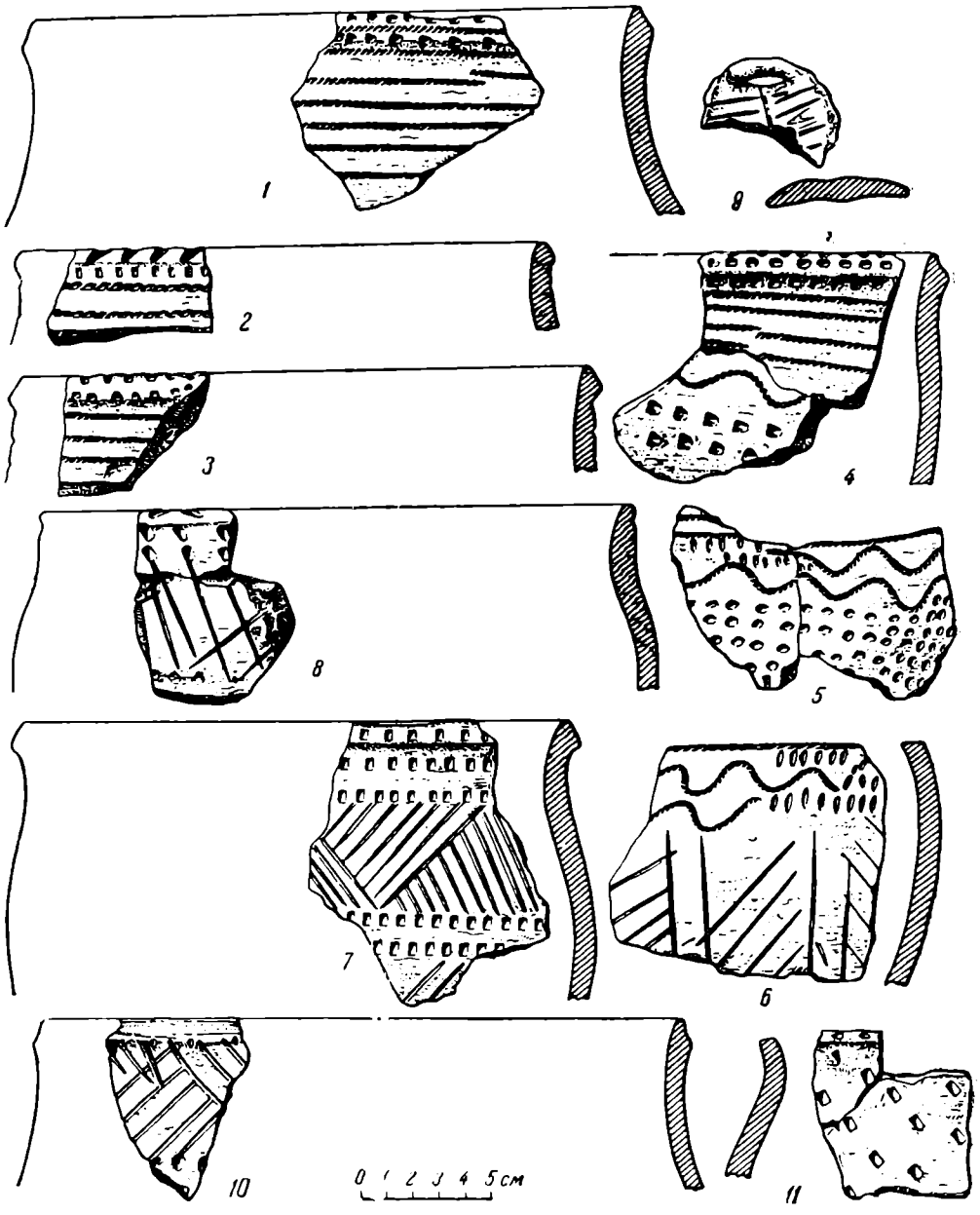


Рис. 1. Керамика поселения Кузина Гора

С. С. Березанская [6] выделяет эти поселения в отдельную сосницкую группу памятников средней бронзы и датирует их второй половиной II тысячелетия до н. э. По времени они соответствуют комаровской и тшинецкой культурам.

На Верхнем Днепре и Соже поселения сосницкого типа известны в районе Любеча и Радуля, Черниговской области [7], у дер. Мохов, Лоевского района, Гомельской области [8], у дер. Клубовка и Сусловка, Репкинского района, Черниговской области, у дер. Присно, Ветковского района, Гомельской области [9] и в других пунктах.

[6] С. С. Березанська. Ук. соч., стр. 92.

[7] Р. Л. Розенфельдт. Отчет об археологических разведках в г. Любече, Черниговской области УССР, и его окрестностях летом 1958 г. Архив ИА АН СССР.

[8] Раскопки О. Н. Мельниковской в 1955 г. См. И. И. Артеменко. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 39.

[9] К. М. Палікарповіч. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа. «Працы», т. I, Менск, 1928, стр. 179—182, 238—241.

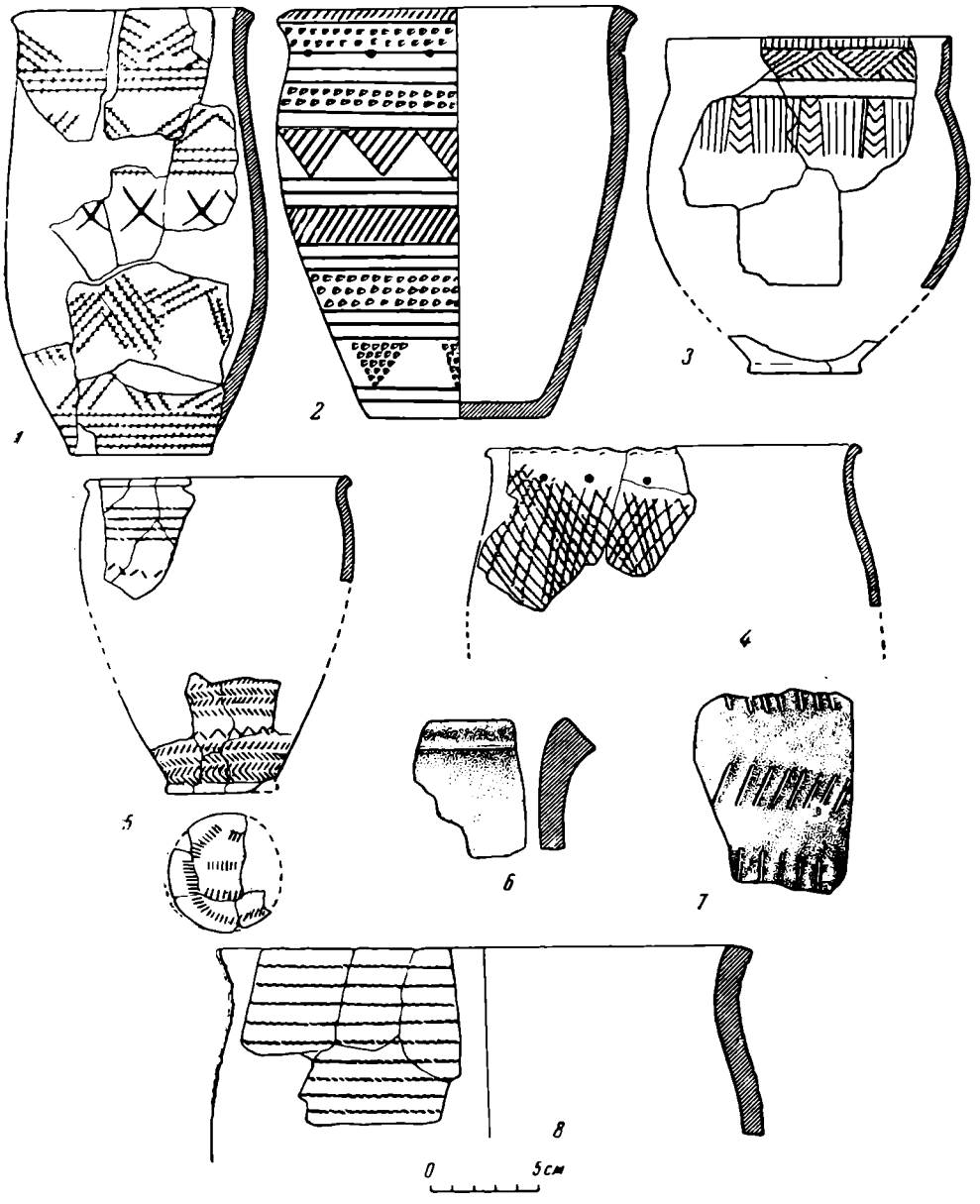


Рис. 2. Керамика различных поселений и погребений

1 — Горошков; *2* — Ходосовичи; *3—5* — Лучин (уроч. «Сосонка»); *6—8* — Романовичи

Таким образом, памятники бронзового века сосницкого типа известны в настоящее время на Верхнем Днепре, Соже, Десне, Сейме, Суле и нижнем течении Припяти. Они занимают почти ту же территорию, которую занимали предшествовавшие им памятники среднеднепровской культуры. Несколько не совпадает южная граница распространения памятников сосницкого типа и среднеднепровской культуры. В северных районах Среднего Поднепровья — в Каневском, Монастырищенском и Переяслав-Хмельницком, где известны памятники среднеднепровской культуры, памятники средней бронзы сосницкого типа отсутствуют. Судя по раскопкам курганов Н. Е. Бранденбурга [10] и А. Быдловского [11], в этих районах, по-видимому, во второй половине II тысячелетия до н. э. распространяются памятники срубной культуры.

[10] Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888—1902 гг. СПб., 1908.
[11] A. Bydlowski. Mogily w Jackowicy. Swiatowit, т. VI, Warszawa, 1905.

С. С. Березанская считает, что «по ряду признаков сосницкая группа памятников очень близка комаровской культуре, и, по всей вероятности, составляет ее левобережный вариант» [12].

Близость памятников сосницкого типа не только к памятникам комаровской, но и тишинецкой культуры наблюдается только в основной форме сосудов (так называемых тюльпановидных) и в орнаментации их заштрихованными треугольниками и прочерченными линиями. В то же время между керамикой сосницкого типа и керамикой комаровской и тшинецкой культур имеются, по нашему мнению, существенные различия.

Если для керамики сосницкого типа характерна примесь в глине песка и кварца или толченого гранита, то для керамики комаровской и тшинецкой культур характерна примесь обожженного толченого кремня. На керамике комаровской и тшинецкой культур сравнительно бедный и однообразный орнамент покрывает только верхнюю часть сосудов, а керамика сосницкого типа украшена богатым и разнообразным орнаментом, часто покрывающим всю поверхность сосудов. Кроме того, на сосудах сосницкого типа широко распространен орнамент, нанесенный тонким штампом, обмотанным ниткой (рис. 2, *1*), а на керамике комаровской и тшинецкой культур этот орнамент совершенно отсутствует.

На основании анализа керамики сосницкого типа, комаровской и тшинецкой культур считаем возможным предполагать, что памятники средней бронзы сосницкого типа не являются вариантом комаровской культуры, а представляют собой самостоятельную сосницкую культуру.

Отмеченная близость в керамике сосницкой, комаровской и тшинецкой культур объясняется, как правильно отметила С. С. Березанская [13], в какой-то мере общностью происхождения этих культур от предшествовавших им культур шнуровой керамики, которые также имели не только общие черты, но и существенные различия.

Наиболее сложным является вопрос о связи сосницкой и среднеднепровской культур. В этой связи керамика из поселения Кузина Гора представляет значительный интерес. Если по форме сосудов и технике их обработки керамика Кузиной Горы находит аналогии в керамике сосницкой культуры, то в орнаментации ее отпечатками перевитой веревочки и прочерченными линиями, образующими горизонтальные ряды и заштрихованные треугольники, мы находим характерные черты прежде всего для керамики среднеднепровской культуры.

Интересна также керамика из обнаруженных нами в 1956 г. четырех погребений с трупосожжением на площади поздненеолитической стоянки в уроч. Сосонка у дер. Лучин, Рогачевского района, Гомельской области. Поздненеолитическая стоянка расположена в 4 *км* от дер. Лучин, в пойме правого берега Днепра, на песчаной возвышенности, выступающей над поймой на 1,5—1,7 *м*. Погребения бронзового века были обнаружены в культурном слое поздненеолитической стоянки на глубине 0,4—0,5 *м*. Могильные ямы не прослеживались. Погребения представляли собой скопления золы, мелких кальцинированных костей (одна из них, по определению В. И. Цалкина, принадлежала ребенку) и содержали четыре сосуда.

Первый сосуд по форме и орнаменту можно отнести к типу керамики среднеднепровской культуры (рис. 2, *4*). Второй сосуд — с округлыми стенками и плоским дном. Поверхности его коричневого цвета, хорошо заглажены. В глине примесь песка. По краю венчика — оттиски пальцев. Под венчиком расположен ряд небольших круглых ямок. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда. Он состоит из косых перекрещивающихся отпечатков перевитой веревочки, образующих сетку (рис. 2, *5*). Форма сосуда, техника обработки и орнамент из круглых ямок под краем венчика сближают сосуд с керамикой сосницкой культуры. В то же время орнаментация сосуда

[12] С. С. Березанська. Ук. соч., стр. 94.
[13] Там же, стр. 92—93.

отпечатками перевитой веревочки, образующими сетку, находит аналогии в керамике среднеднепровской культуры.

Третий и четвертый сосуды одинаковы по форме и орнаменту. Это высокие открытые плоскодонные сосуды со слегка выпуклым туловом. Венчик немного отогнут наружу. Край венчика валикообразно утолщен и срезан наискось наружу.

Вся поверхность сосуда и дно орнаментированы отпечатками перевитой веревочки и линейного штампа (рис. 2, *3*). Форма сосудов и расположение орнамента по всей поверхности характерны для керамики сосницкой культуры, а наличие на сосудах орнамента из отпечатков веревочки и линейного штампа сближает их с керамикой среднеднепровской культуры.

Керамика сосницкой культуры с веревочным орнаментом известна также из поселения у дер. Романовичи в Гомельской области [14] (рис. 2, *6*).

Большой интерес представляет сосуд из погребения с трупосожжением, обнаруженный в 1959 г. у дер. Ходосовичи, Рогачевского района, Гомельской области [15]. Форма сосуда и техника обработки характерны для керамики сосницкой культуры. Это плоскодонный открытый сосуд с отогнутым наружу венчиком. Край венчика валикообразно утолщен и срезан наискось наружу. Поверхности сосуда желтого цвета, в глине примесь песка и крупного кварца. Интересен орнамент этого сосуда, покрывающий всю его поверхность. Он состоит из неглубоких ямочных вдавлений и прочерченных линий, образующих горизонтальные пояса. Под краем венчика расположен ряд глубоких круглых ямок (рис. 2, *2*). Аналогичные элементы орнамента из ямочных вдавлений и прочерченных линий мы видим и на керамике из поселения Кузина Гора. Зональность в расположении орнамента, наличие в орнаменте заштрихованных треугольников, окаймленных мелкими углублениями, указывают на черты сходства с керамикой среднеднепровской культуры.

Таким образом, исследования последних лет подтверждают, по нашему мнению, предположение С. С. Березанской [16] о том, что памятники сосницкой культуры представляют собой дальнейший этап в развитии среднеднепровской культуры.

---

[14] Обследование автора в 1958 г.

[15] Раскопки автора в 1959 г. Хранится в Гомельском областном краеведческом музее.

[16] С. С. Березанська. Ук. соч., стр. 93.

Г. М. АСЛАНОВ

О МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТАХ ДРЕВНЕГО АЗЕРБАЙДЖАНА

Одним из почти не изученных вопросов древней истории Азербайджана является вопрос о музыке. В 1947 г. при археологических раскопках в Мингечауре на правом берегу р. Куры, на глубине 2,65 *м*, было вскрыто грунтовое погребение (рис. 1) [1], в котором наряду с другими предметами были обнаружены остатки костяных музыкальных инструментов (рис. 2).

Костяк лежал на правом боку, в сильно скорченном положении, головой на северо-запад. Верхняя половина скелета по непонятным причинам оказалась не в анатомическом порядке.

В погребении обнаружены маслобойка серого обжига и восемь сосудов, тоже серого обжига, различных форм и размеров. У колена найден

---

[1] Данное погребение под № 77 было вскрыто автором этой статьи в раскопе № 64.

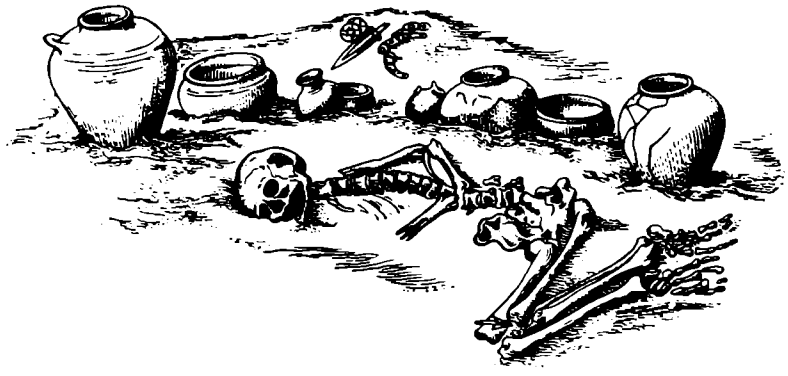


Рис. 1. Погребение, в котором найдены музыкальные инструменты

бронзовый наконечник стрелы (рис. 3, *3*). В стороне от скелета находился бронзовый кинжал с ажурным навершием (рис. 3, *1*), бронзовое четырехгранное шило (рис. 3, *2*), колечко и кости мелкого рогатого скота. Рядом с этими вещами лежали костяные музыкальные инструменты, остатки дерева и кожи.

Музыкальных инструментов найдено четыре.

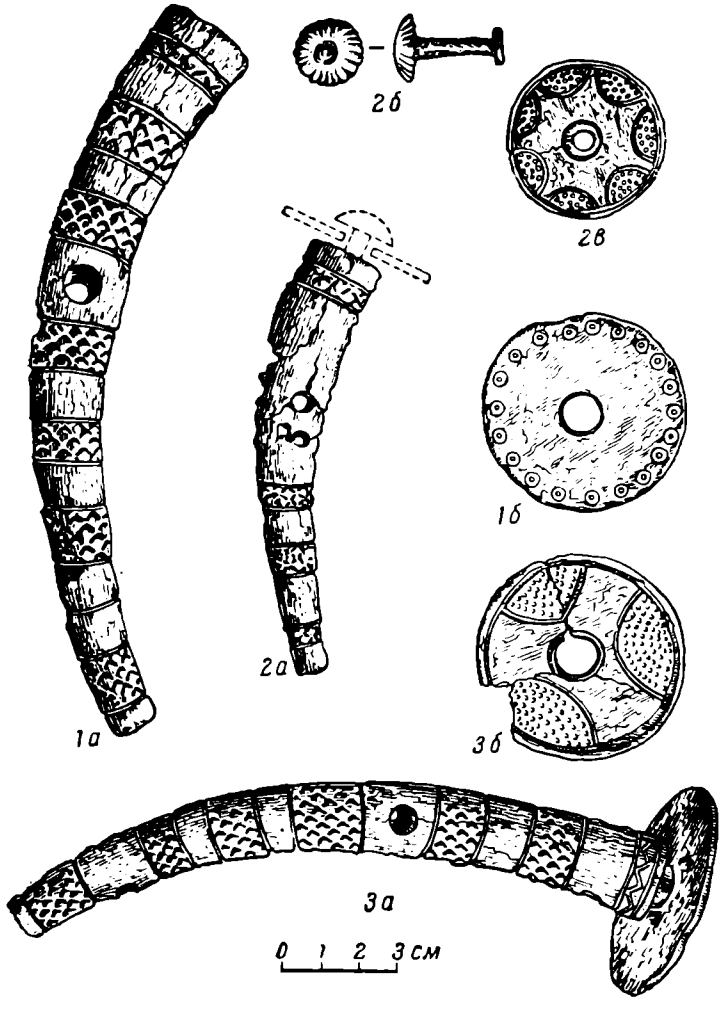


Рис. 2. Костяные флейты

1. Флейта костяная, изготовленная из третьего отростка оленьего рога[2] (рис. 2, *3а*). Поверхность ее украшена геометрическим ромбовидным вырезным орнаментом. В боковой стороне имеется шесть отверстий диаметром от 7 до 9 *мм*. Длина флейты — 14,8 *см*. У широкого конца — костяной диск, прикрепленный костяным стержнем. Диаметр диска —5,2 *см*, толщина — 4,3 *мм*, диаметр отверстия в диске — 1,1 *см*.

2. Флейта, аналогичная предыдущей, но сделанная из второго отростка оленьего рога (рис. 2, *1а*). Длина флейты — 15,3 *см*.

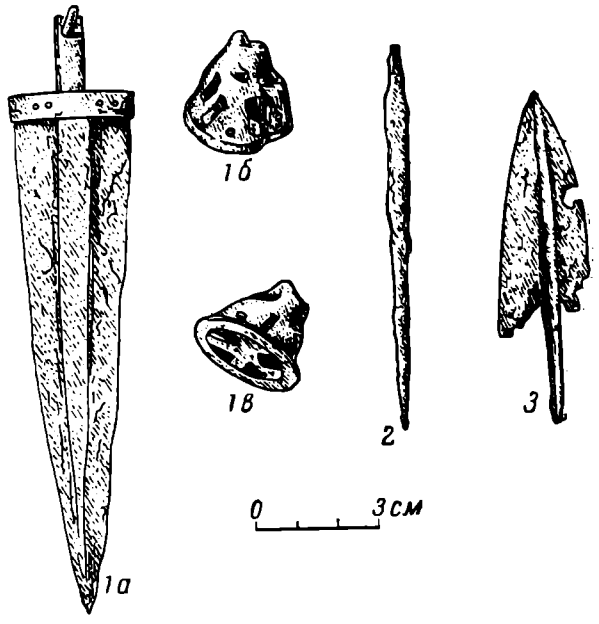


Рис. 3. Бронзовые предметы из погребения с флейтами

1 — кинжал с ажурным навершием; *2* — шило; *3* — стрела

3. Флейта костяная (рис. 2, *2а*), изготовленная из первого отростка оленьего рога. Орнаментирована как и предыдущие. Она имела четыре боковых отверстия, по два с каждой стороны, и посередине — большое овальное отверстие. Часть конца флейты не удалось обнаружить.

4. Фрагменты четвертой флейты по устройству и размерам аналогичны предыдущим.

Остатки кожи и фрагменты деревянных пластинок, обнаруженные рядом с флейтами, наводят на предположение о том, что в данном погребении имеются и остатки барабана. Известно, что в Азербайджане и в настоящее время игра на барабане сопровождает игру на флейте.

Характер глиняных сосудов, уровень техники обработки костяных и деревянных предметов позволяют отнести комплекс данного погребального инвентаря к оседлому населению. Само погребение, судя по сильно скорченному костяку, бронзовому кинжалу и бронзовой стреле, бесспорно может быть датировано концом эпохи бронзы, приблизительно — началом I тысячелетия до н. э.

Особенностью мингечаурских музыкальных инструментов является то, что они парные. Такие флейты известны с древнейших времен. Так, основным музыкальным инструментом в Этрурии была двойная флейта. Двойные флейты были известны древним мидийцам, персам, ассирийцам[3].

По форме и устройству музыкальные инструменты из Мингечаура, бесспорно, являются парными флейтами. Это предположение в какой-то

[2] Определения костного материала произведены канд. биол. наук Р. Д. Джафаровым.

[3] Э. Науман. История музыки, т. I, СПб., 1897, стр. 51—53, рис. 107.

мере обосновывается и тем, что по сей день на территории Азербайджана продолжают широко бытовать народные музыкальные инструменты, называемые «гоша зурна», т. е. «парная флейта», отличающаяся от двойных флейт совершенством конструкции. Кроме того, у азербайджанцев по сей день (в Нахичевани на Араксе и в других местах) бытует род волынки с пузырем и парой флейт.

Относительно звучания мингечаурских флейт пока конкретно сказать что-либо трудно.

Вышеизложенное дает основание прийти к заключению о том, что музыкальное искусство в Азербайджане существует с древнейших времен и что дошедшие до нас в усовершенствованной форме народные музыкальные инструменты являются, вероятно, развитием их древних форм.

В. Г. БОРИСОВ

МЕЧ И КОПЬЕ ИЗ ЯКУТИИ

Весной 1959 г. в Вилюйском районе Якутской АССР были случайно найдены два бронзовых предмета. Один из них — прекрасно сохранившийся меч из красной бронзы, другой — наконечник бронзового копья. Примечательно, что эти находки обнаружены в том же Вилюйском районе, где был найден еще в конце прошлого века уникальный бронзовый меч, широко известный под именем «вилюйского меча»[1].

Новый меч (рис. 1) найден охотником-якутом Х. Н. Савиновым под корнем обвалившегося старого дерева у оз. Туулаах, на левом берегу р. Вилюй, в 90 *км* от пос. Борогон. Меч был воткнут в землю острием вниз. Находчик передал его на хранение в музей Борогонской семилетней школы, где он был осмотрен и сфотографирован нами летом 1959 г.

Меч кинжаловидный, с плоской рукоятью, соединяющейся с клинком перекрестием своеобразной формы в виде двух выступающих овалов — «глазков». Рукоять оканчивается навершием в виде плоского овального кольца. Общая длина меча — 58,2 *см*, длина клинка — 39,7 *см*, ширина клинка — 4,8 *см*, ширина перекрестия — 7,8 *см*. Диаметр кольца в наиболее широкой части — 7,5 *см*. Толщина поперечного разреза рукояти — 0,6 *см*. Вдоль клинка (суженного у перекрестия) посредине лезвия, с обеих сторон, до конца острия проходит высокое узкое ребро. Рукоять меча украшена по краям орнаментом в виде смежных выемчатых треугольников. Кольчатое навершие орнаментировано двумя концентрическими желобками. Выступающие овалы перекрестия также украшены двумя концентрическими желобками, так что их общий вид напоминает изображение глаз. Орнамент у рукояти, навершия и перекрестия повторяется в точности на оборотной стороне. Мечом пользовались и как рубящим, и как колющим оружием.

Рис. 1. Бронзовый меч

Бронзовый втульчатый наконечник копья (рис. 2) най-

[1] А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I, М.—Л., 1955, стр. 150, рис. 47, *1*.

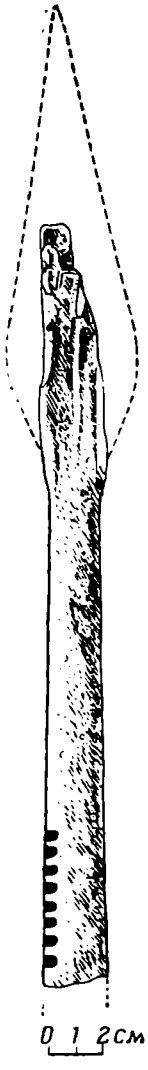


Рис. 2. Бронзовое копье

ден в тех же местах (точное его местонахождение не установлено). Первоначально он был совершенно целым, но, к сожалению, уже в сломанном виде попал в тот же музей Борогонской школы, где ныне и хранится.

Сохранившаяся часть наконечника копья имеет длину 28 *см*. Диаметр втулки — 2,5 *см*. Первоначально наконечник был листовидным, двуперым, но имел дополнительно по выступающему ребру посредине каждой стороны листовидной головки. В нижней части втулки сохранились восемь сквозных отверстий прямоугольной формы, отстоящих на 0,3 *см* друг от друга.

До настоящего времени на территории Якутии не встречалось мечей подобного типа. Было известно только три бронзовых меча [2], резко отличающихся друг от друга. Публикуемый меч также ничем не сходен даже с упомянутым бронзовым мечом, найденным в том же Вилюйском районе. Между тем, как известно, кинжалы и ножи с кольчатым навершием были широко распространены в карасукскую и тагагарскую эпоху в Южной Сибири [3], в Красноярском районе [4], Прибайкалье, Забайкалье [5] и в Монголии [6]. Орнамент в виде смежных выемчатых треугольников чаще всего встречается на рукоятях кинжалов из района г. Красноярска [7] и иногда — в Забайкалье [8]. Да и наконечники копий, найденные в самой Якутии, имеют такой же орнамент [9].

Те же «глазки» мы видим на кельтах с р. Пронина (приток Витима), с Ангары (литейная форма) и из долины Енисея [10]. Наконец, кинжал из окрестностей Красноярска [11] и кинжал из плиточной могилы у с. Саянтуй [12] (долина р. Селенги) имеют на перекрестии такие же «глазки».

Обращают на себя внимание сквозные прямоугольные отверстия на наконечнике копья. Такое количество их не было нужно для прикрепления наконечника к древку. Другой наконечник копья из Якутии [13] имеет одно круглое отверстие. Е. Е. Тевяшев, изучая отверстия на скифских стрелах и на кельтах, очевидно, справедливо указывал, что они служили для удобного извлечения древка из втулки в случае поломки [14]. Вероятно, и в данном случае отверстия на втулке имели такое же назначение, тем более что втулка нашего копья была очень длинной, из которой обломавшееся древко иначе извлечь было бы трудно.

Несмотря на большое сходство с южносибирскими и прибайкальскими кинжалами, вышеописанные меч и наконечник копья, скорее всего, были

---

[2] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 177, рис. 61.

[3] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XIII, *4*; табл. XXIII и XXV; Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. IV, *2, 5*; табл. V, *1—6*.

[4] В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 2, СПб., 1891.

[5] Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.

[6] С. В. Киселев. Монголия в древности. ИАН, серия истории и философии, т. IV, № 4, 1947.

[7] В. В. Радлов. Ук. соч., т. I, вып. 2, табл. X, *5*; табл. XI, *8*.

[8] Н. Н. Диков. Ук. соч., табл. XXV, *14*.

[9] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 179.

[10] Там же, стр. 181.

[11] Э. Р. Рыгдылон. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 132, рис. 56, *2*.

[12] Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. Тр. ОИПК ГЭ, т. I, 1941, стр. 301.

[13] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 178, рис. 61, *3*.

[14] Е. Е. Тевяшев. О значении боковых отверстий на наконечниках скифских стрел. СПб., 1910, стр. 15.

изготовлены в Якутии. Именно такие длинные мечи и наконечники копий были характерны для таежной зоны Сибири, и в особенности — для Якутии [15].

По имеющимся сведениям, осенью 1959 г. туристский отряд Борогонской семилетней школы посетил место находки меча и заложил там раскоп. При этом на глубине 0,3 *м* были обнаружены три кострища, 20 каменных орудий и большое количество обломков глиняных сосудов. Возможно, что здесь было поселение эпохи бронзы.

А. П. Окладников считает временем возникновения бронзовой индустрии в Якутии конец II тысячелетия до н. э. [16]. С. В. Киселев упоминает вилюйский меч в связи с карасукской культурой [17].

Первый вилюйский меч (с оз. Сюльгюмдэ) явно отличается от нашего своей массивностью и архаичностью формы. Наш меч можно датировать более поздним временем и относить его к эпохе развитой бронзы, т. е. к концу карасукского времени, определяемого началом I тысячелетия до н. э.

Публикуемые находки еще раз подтверждают вывод А. П. Окладникова о сложности бронзовой культуры Якутии и о ее самобытности.

---

[15] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 151—152.

[16] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 154; его же. Бронзовый меч из Якутии. СА, 1959, № 3, стр. 133.

[17] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 124.

И. И. ГУЩИНА

СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1959 г. учителем средней школы с. Лосева И. И. Верещагиным был доставлен в ГИМ комплекс интересных вещей — бронзовый шлем, восемь серебряных блях от конского убора и четыре экземпляра железных удил с псалиями, выпаханных трактором из кургана у дер. Антиповки, Лосевского района, Воронежской области [1]. Эта курганная группа, расположенная на высоком правом берегу р. Битюга, к западу от дер. Антиповки, запахивалась и раньше [2]. В 1958 г. при распашке лемех трактора зацепил за край бронзового шлема и протащил его на некоторое расстояние. При этом находившиеся внутри шлема вышеупомянутые предметы выпали из него и были найдены лежащими как бы цепочкой в свежей борозде. Обстоятельства находки позволяют считать весь комплекс вещей одновременным, но не дают возможности установить, относились ли они к определенному погребению или были зарыты в курган как клад.

Шлем литой, в виде шапки с небольшим козырьком спереди и шишкой-навершием сверху (рис. 1, *1*). Он помят лемехом трактора и имеет свежую пробоину в передней части. Высота шлема — 21 *см*. Гвоздевидное навершие имеет углубление в центре и орнаментировано радиально расходящимися от центра полосами. На нижней части шлема — орнамент из горизонтальных полос и ряда кружков, идущих на расстоянии 2 *см* от края и спускающихся спереди на козырек. Край шлема несколько выпуклый, украшен глубокими косыми насечками и растительным орнаментом на задней части шлема (рис. 1, *3*) и на козырьке (рис. 1, *2*). На внутренней стороне шлем по бокам имеет две медные пластинчатые петли для прикрепления нащечников. Сами нащечники отсутствуют. По форме най-

---

[1] ГИМ, инв. № 96212.

[2] В. П. Левашова. Отчет об археологическом обследовании в Воронежской области по реке Битюг в 1947 г. ГИМ, архив III археологического отдела, д. № 55, стр. 11.

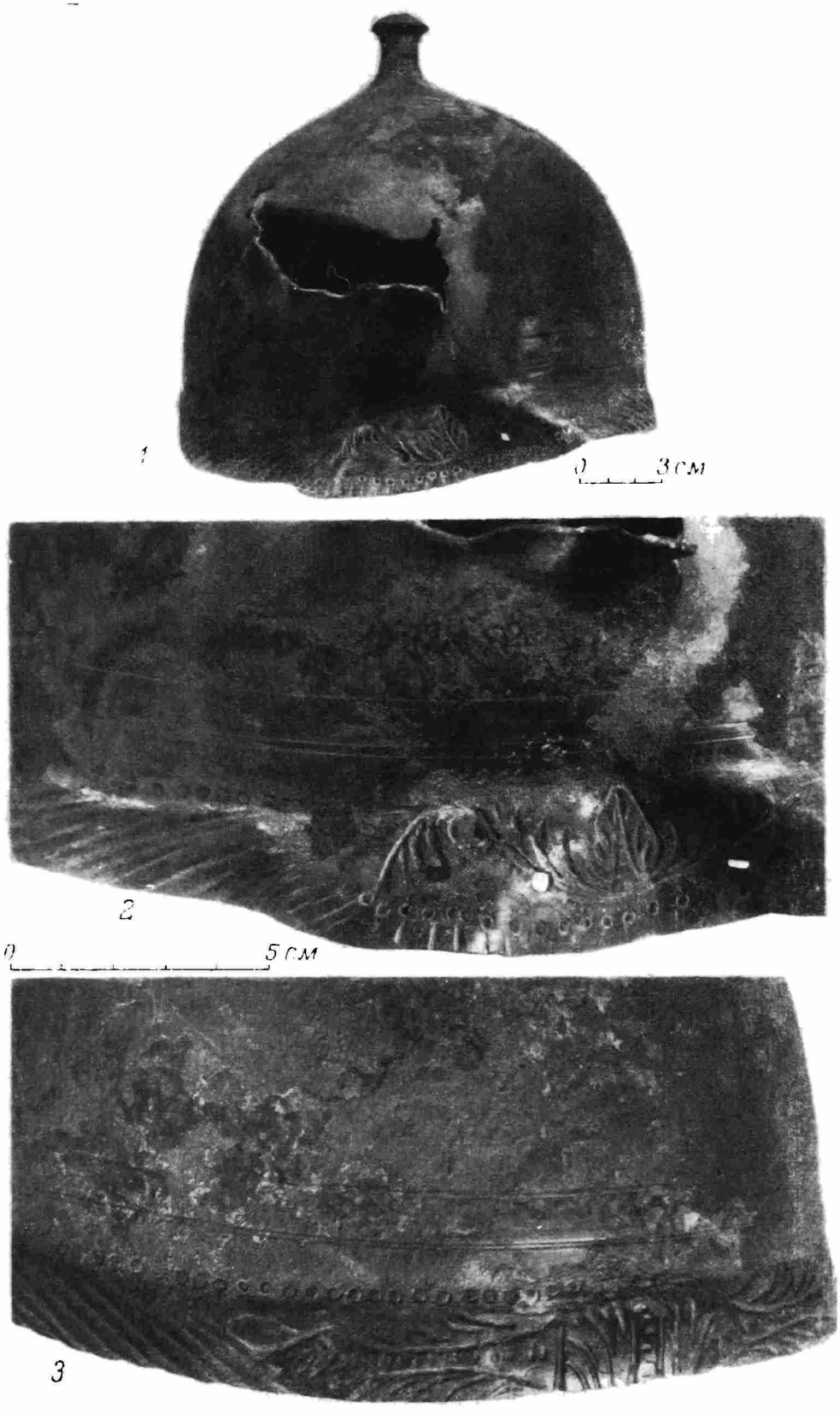


Рис. 1.

1 — бронзовый шлем; *2* — орнамент на передней части шлема; *3* — орнамент на задней части шлема

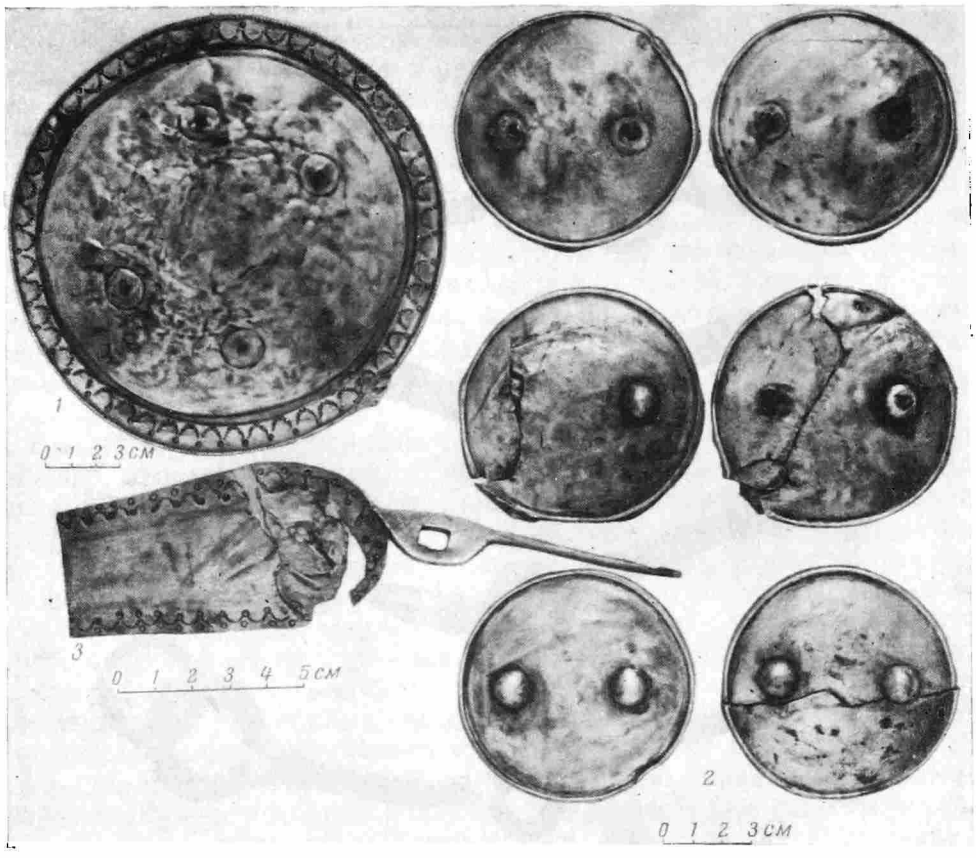


Рис. 2.

1 — серебряная бляха; *2* — шесть серебряных блях; *3* — серебряная пластина

денный шлем очень близок к западноевропейским так называемым колоколовидным шлемам. Они, так же как и наш шлем, имеют навершие, только более округлое и с другим орнаментом, отогнутый козырек, орнаментированный косыми насечками. Орнамент на нашем шлеме более сложный, чем на указанных. Шлемы этого типа считаются италийского [3] или греко-италийского происхождения [4] и относятся к эпохе латена, к IV—II вв. до н. э. Более точной даты ни Ж. Дешелетт, ни М. Эберт не дают.

На территории СССР встречены еще три шлема данного типа, в основных чертах сходные с нашим. Один найден в Нижнем Поволжье в кургане Д-22 на р. Большой Караман (бывш. Мариенталь) [5]. Орнамент его значительно проще (косые насечки по краю полей), чем орнамент на антиповском шлеме. В том же погребении Д-22 были найдены: небольшой железный кинжал с прямым перекрестием и кольцевым навершием, железные трехлопастные стрелы и остатки древков стрел. Судя по кинжалу с кольцевым навершием, какие распространены в Поволжье со II в. до н. э. по II в. н. э., погребение это относится к среднесарматскому времени, т. е. не ранее II в. до н. э.

Вторая находка шлема сделана на Дону, в разрушенном кургане у хут. Веселого [6]. Этот шлем очень близок по форме нашему, но почти совсем лишен орнамента. Найден он здесь вместе с железным мечом с

[3] J. Dechelette. Manuel d'archéologie, т. II, ч. 3, Paris, 1914, стр. 1162, рис. 489, 2.
[4] M. Ebert. Reallexikon der Vorgeschichte, т. V, стр. 294, табл. 90 a.
[5] P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiete im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, стр. 54, рис. 46.
[6] М. И. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. ИГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 208, рис. 181.

Рис. 3.

1—4 — железные удила; *5—8* — железные псалии

прямым перекрестием и серповидным навершием, какие в степях Нижнего Поволжья и Подонья бытуют в раннесарматское время, т. е. в IV—II вв. до н. э., и, следовательно, данный шлем подобного же типа найден на территории Молдавской ССР [7]. Последний тоже отличается от нашего формой навершия и более простым орнаментом из параллельных полос по нижней части шлема и косых насечек по его краю. Вместе с этим шлемом был найден целый ряд вещей, среди которых очень мало точно датирующих эту находку. Л. И. Якунина считает, что этот комплекс относится к этрусской культуре, и датирует его IV—III вв. до н. э., но А. М. Тальгрен в примечании к ее статье [8] делает справедливую поправку и относит эти вещи к позднелатенскому времени. Таким образом, на основе сравнения нашего шлема с аналогичными находками на юге СССР можно датировать его II в. до н. э.

Вместе со шлемом найдены семь серебряных круглых блях — одна большая, диаметром 19 *см*, и шесть маленьких — по 7,5 *см*. Большая бляха гладкая, только по краю имеет чеканный орнамент в виде кружков и дугообразных линий между ними (рис. 2, *1*). Средняя часть — выпуклая, на ее поверхности следы и остатки заклепок, укрепляющих четыре головки умбоновидной формы. Возможно, что этими заклепками прикреплялись также медные скобы с обратной стороны бляхи, как у скифских серебряных бляшек от уздечных наборов, найденных у с. Покровки, Запорожской области [9]. Подобные скобы (три вертикальные по краю), тоже прикрепленные заклепками, головки которых выступают наружу, имеет серебряная бляха неизвестного происхождения из собрания Гос. Эрмитажа. Она напоминает нашу бляху по форме, но украшена изображением слона, трактовка которого позволяет исследователям отнести эту бляху к кругу памятников греко-бактрийского искусства и датировать II в. до н. э. [10]. Антиповская бляха не находит себе точных аналогий среди блях и фаларов, известных с нашей территории, но сходна в некоторой степени с серебряной гладкой бляхой из комплекса вещей II в. до н. э., найденного в Ахтанизовке (Краснодарский край) [11].

Орнамент по краю нашей бляхи напоминает некоторыми деталями узор на самом большом из фаларов Янчокракского клада [12] (Запорожская область), который датируется II—I вв. до н. э. Янчокракские фалары тоже имеют заклепки, головки которых выступают на внешней поверхности, как и на бляхах Старобельского клада [13] (Харьковская область). Антиповская бляха сближается и с бляхами от конского убора, найденного на хут. Клеменковском, тоже в Воронежской области, где есть две гладкие золотые и такого же типа серебряные орнаментированные бляхи [14].

Таким образом, на основании аналогий большой бляхе, которые удалось собрать, можно сказать, что фалар из антиповской находки входит в тот же круг изделий — предметов конской сбруи, к которым относятся упомянутые вещи из Ахтанизовки, Янчокрака, хут. Клеменковского и других мест, и датируется II в. до н. э.

Найденные в Антиповке бляхи меньшего диаметра отличаются от большой отсутствием отогнутого края с орнаментом (рис. 2, *2*). Их края имеют лишь закраину, а внешняя поверхность украшена парой полушаро-

---

[7] L. Jakounina-Ivanova. Une trouvaille de l'âge de La Tène dans la Russie méridionale. ESA, I, 1927, стр. 101, рис. 8.

[8] Там же, стр. 109.

[9] ГИМ, инв. № 73933.

[10] К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 45 сл., табл. I, *2*.

[11] А. А. Спицын. Фалары Южной России. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 35, рис. 31.

[12] Там же, стр. 52, рис. 81; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 588.

[13] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 44, рис. 60.

[14] ГИМ, инв. № 54655.

видных выпуклостей — серебряных головок, которые прикреплялись бронзовыми заклепками. Как большая бляха, так и мелкие служили украшениями конской сбруи. Такое же назначение имела, по-видимому, серебряная пластинка вытянутой формы, со скобой и острием с одной стороны (рис. 2, *3*). По краю пластинки нанесен сделанный штампом орнамент, состоящий из мелких кружков и полукружий между ними. Сказать точно о назначении этой пластинки трудно. Может быть, она служила налобником. Похожие по форме пластинки от конского убора, но с крючками для подвешивания, есть среди вещей из Клеменковского хутора и в случайной находке у с. Бобуежи в Молдавии [15].

Остальную группу вещей данной находки составляют четыре экземпляра железных кольчатых удил и псалиев. На двух удилах сохранились еще и подвижные кольца (рис. 3, *1, 4*). Одни удила четырехугольные в сечении (рис. 3, *2*), на каждой грани их нанесен прорезной орнамент, состоящий из продольной полосы и косых линий в виде елочки. Тип удил с крупными подвижными кольцами (рис. 3, *1*) был широко распространен в I тысячелетии н. э., но на юге Европейской части СССР встречался и в позднеэллинистическое время [16]. Таким образом, наличие удил с крупными кольцами в антиповском комплексе не противоречит дате других его вещей.

Псалиев здесь четыре пары (к сожалению, обстоятельства находки не позволяют связать их с определенными экземплярами найденных удил). Одна пара — С-образные псалии с граненными шишечками на концах (рис. 3, *5*). Они аналогичны псалиям, встречающимся в скифских и сарматских памятниках нашего Юга с IV—III вв. до н. э. до первых веков нашей эры.

Второй тип, представленный тремя экземплярами (рис. 3, *6—8*),— двудырчатые псалии с прямоугольными отверстиями и с расплющенными концами, у одной пары — до широких лопастей. Такой тип псалиев встречается в прикубанских памятниках, где они относятся к концу II — началу I в. до н. э.[17].

Характеристика и датировка всех вещей антиповского комплекса в отдельности и сопоставление их друг с другом дают основание датировать комплекс II — началом I в. до н. э. Эта находка важна тем, что она дополняет материал скифо-сарматского времени, найденный на территории среднего течения Дона.

---

[15] ГИМ, инв. № 4530/306. Отчет Российского исторического музея за 1908 г. М., 1909, стр. 14, табл. I, *5, 7*.

[16] ОАК за 1902 г., стр. 78—79. ГИМ, инв. № 48478.

[17] ОАК за 1899 г., стр. 46, рис. 76; Е. К. Думберг. Раскопки курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. ИАК, вып. 1, 1901, стр. 98

Г. И. КОРНЮШИН

САРМАТСКИЙ МЕЧ ИЗ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В октябре 1959 г. во время уборки свеклы на поле колхоза «Путь к коммунизму» Ново-Курлакского сельсовета, Аненского района, Воронежской области, свеклоподъемник выкопал из земли старинный меч. Тракторист подобрал его и передал в краеведческий музей Ново-Курлакской средней школы, где он теперь хранится. Через несколько дней я узнал об этой находке, побывал в школе, осмотрел и сфотографировал меч.

Меч (рис. 1) железный, длина лезвия — 32 *см*, рукоятки с кольцом — 14 *см*, общая длина — 46 *см*. Кольцо на верхней части рукоятки имеет толщину 5—6 *мм*, сверху оно несколько сплющено, поэтому диаметр его — 4 и 5 *см*. От кольца до перекрестия идет рукоятка длиной 9 *см*.

Рукоятка, видимо, когда-то имела деревянные или костяные накладки или была обернута ремнем (как это делают даже теперь с рукоятками сапожных ножей) для удобства захвата рукой. Теперь ничего этого не сохранилось. Перекрестие прямое. Лезвие обоюдоострое, имеет форму сильно вытянутого равнобедренного треугольника, к середине утолщено, поперечное сечение ромбовидной формы.

Сохранность меча отличная. Судя по форме и весу (407 *г*), меч был очень удобен для нанесения колющих и рубящих ударов одной рукой.

Анализируя размеры и форму меча и сравнивая его с сарматскими мечами, известными из археологической литературы [1], я определил его как одну из разновидностей коротких сарматских мечей первых веков нашей эры — времени, когда сарматы из Заволжья распространились по территории донских и причерноморских степей.

До сих пор на территории Воронежской области известно лишь несколько, по существу, не исследованных памятников сарматского времени. Открыты они в южных степных районах (Острогожский, Павловский) области, по Среднему Дону. Поэтому находка описываемого нами меча в северном районе области интересна в том отношении, что она отодвигает границу распространения сарматских памятников, а следовательно, и сармат далеко на север, в лесостепную зону Воронежской области.

Рис. 1. Сарматский меч из Воронежской области

[1] Е. И. Крупнов, И. В. Синицын. Древнее население Нижнего Поволжья. Сб. «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана». М., 1954, стр. 8—89; А. Г. Шоков. Скифы на Среднем Дону. Воронеж, 1952, стр. 35.

И. ВЕНЕДИКОВ

НОВАЯ НАХОДКА АНТИЧНЫХ КОЛЕСНИЦ В БОЛГАРИИ

В Болгарии найдено самое большое в мире количество древних колесниц. Установлено, что на болгарских землях колесницы в древности делались лишь из дерева. Только после завоевания Балканского полуострова римлянами (I в. н. э.) были созданы большие мастерские, где изготовлялись различные металлические части для колесниц.

Новая находка античных колесниц была сделана при прокладке водопровода в окрестностях города Стара-Загора (Южная Болгария). Производя земляные работы возле кургана высотой более 20 *м*, рабочие наткнулись на железные прутья, шины от колес и другие металлические части (рис. 1). Археологи обнаружили здесь ров, предназначенный для захоронения колесниц, имевший уклон с севера на юг. В него были помещены пять колесниц (одна двухколесная, остальные — четырехколесные), в которые было впряжено по две лошади, положенных головой к востоку. Лошади были убиты в упряжке. У всех десяти скелетов лошадей в зубах имелись удила. На шеях у них обнаружены также деревянные хомуты, от

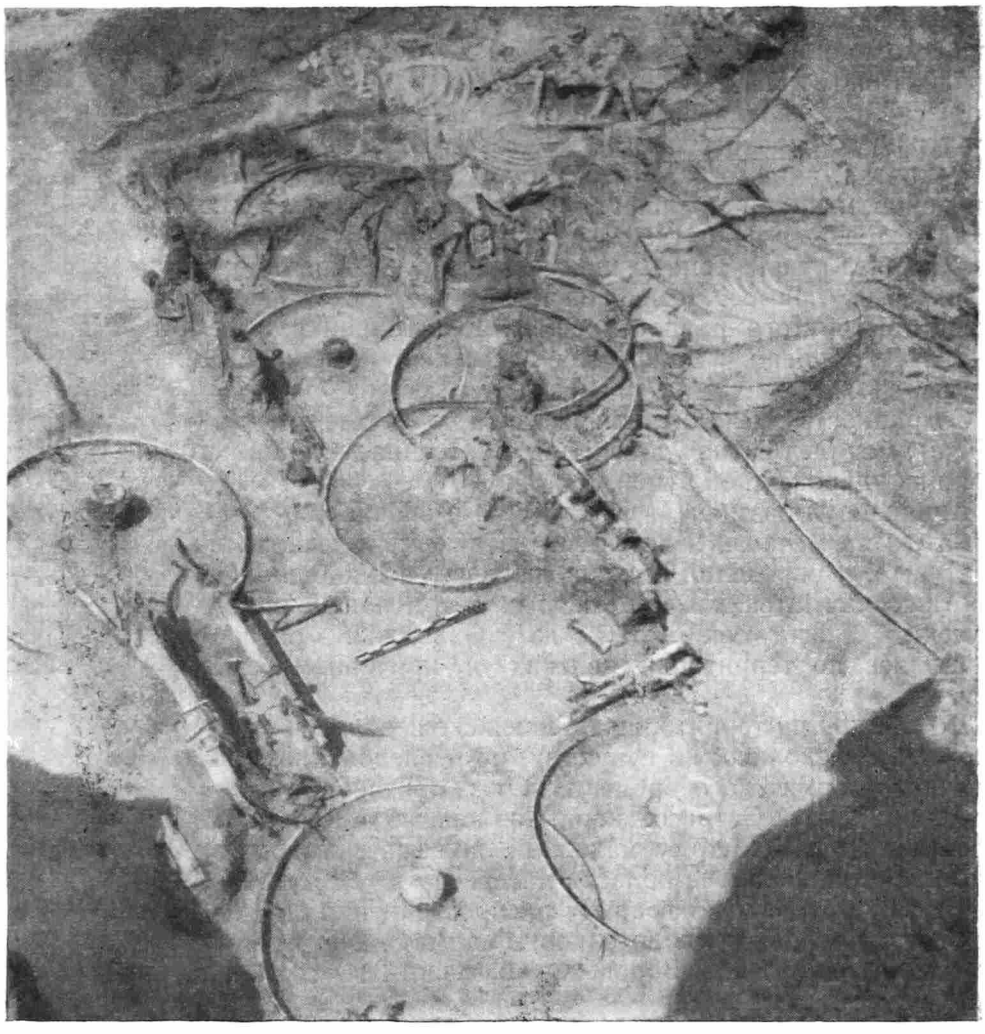


Рис. 1. Различные части колесниц и скелеты лошадей

которых сохранились лишь украшения и металлические части. Однако по ним можно восстановить полностью вид этого приспособления.

После того как колесницы поместили в ров, они были разобраны. Колеса были сняты с оси и помещены одно возле другого, кузовы колесниц также были сняты с оси и поставлены параллельно. Формы колесниц различны. Одна из них, как это можно заключить по многочисленным металлическим частям (от деревянной конструкции ничего не осталось), была богато украшена. Очевидно, это была одноместная повозка с сиденьем, спинкой и щитом перед ногами. Ее украшали 16 статуэток и большое количество пластинок из белого металла с изображениями богов (рис. 2). Другая колесница, также на четырех колесах, имела высокие деревянные реестры, окованные полосками железа.

Недалеко от этих колесниц были открыты и другие интересные материалы — девять больших сосудов из стекла и несколько из бронзы. Один из сосудов украшен рельефными изображениями всех подвигов Геракла. Были найдены также складной стул и железный меч.

Находка описанных колесниц представляет чрезвычайный интерес. Она относится к первой половине III в. н. э. Бóльшая часть статуэток отличается изящной выделкой и представляет собой местные фракийские божества. Это позволяет предполагать, что они являются изделиями

Рис. 2. Украшения на одной из колесниц

местного фракийско-римского художественного производства. Все эти факты говорят о большом значении находки для изучения древней культуры фракийцев в римскую эпоху. Раскопки были сняты на кинопленку. В настоящее время ведутся работы по реконструкции колесниц. Это первая в мире находка с таким большим количеством важного материала для изучения античных колесниц.

Н. А. БОГДАНОВА

ДВЕ СТЕЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА У с. ЗАВЕТНОЕ В КРЫМУ

Работы на могильнике первых веков нашей эры, расположенном близ с. Заветное, Бахчисарайского района, Крымской области, ознаменовались в 1958 г. интересной находкой: при снятии гумусного слоя, на глубине 0,2 *м* от современной поверхности, была обнаружена в лежачем положении, головой на запад, антропоморфная стела, высеченная из известняка (рис. 1, *1* и рис. 2, *1*) [1].

Стела представляет собой схематическое, уплощенное изображение человеческой фигуры с хорошо моделированной головой, узкими прямыми плечами и прямоугольным туловищем, без ног. Длина ее — 1,11 *м*, наибольшая ширина — 0,26 *м*, толщина — 0,18 *м*. Лицевая часть стелы глад-

[1] Исследование могильника проводилось Бахчисарайским историко-археологическим музеем в 1954—1956 и 1958—1960 гг. Вскрыта площадь 2475 $м^2$, на которой исследовано 183 погребения. См. Н. А. Богданова. Отчеты о раскопках Заветнинского могильника. Архив ИА АН УССР. Стела находится в экспозиции музея.

Рис. 1. Стелы из могильника у с. Заветное

1 — стела, найденная в 1958 г.; *2* — стела, найденная в 1959 г.

ко отесана; на плоскостно трактованном лице выступает нос треугольной формы, глаза намечены небольшими круглыми углублениями, рот и овал лица даны углубленными линиями. От углов рта к подбородку идут две параллельные линии, очевидно, изображающие бороду. Рельефный тонкий ободок с параллельными насечками, идущий от теменной части к затылку и шее, изображает, вероятно, кайму головного убора. Несколько углублений надо лбом представляют собой стилизованное изображение волос. На туловище с лицевой стороны имеются сделанные плоским рельефом высотой 0,03 *м* изображения ритона (справа) и кинжала в ножнах (слева). Ритон поддерживается схематически изображенными пальцами правой руки, а пальцы левой придерживают рукоять кинжала. Руки, трактованные в виде изогнутых под прямым углом рельефных прямых полос, изображены на боковых сторонах стелы. Между ритоном и кинжалом рельефной вертикальной линией изображено древко копья с листовидным наконечником. Спина и нижняя часть стелы, рассчитанная на впуск в землю, обработаны грубо.

Стела была найдена в 1,5 *м* к северо-востоку от погребения в подбойной могиле № 146, которому она, по-видимому, принадлежала. Могила

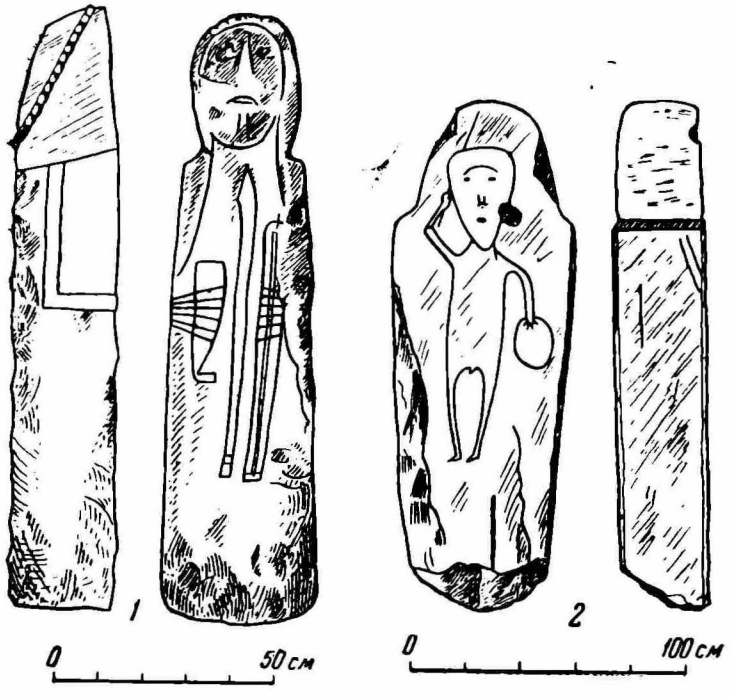


Рис. 2. Стелы из могильника у с. Заветное

1 — стела, найденная в 1958 г.; *2* — стела, найденная в 1959 г.

содержала остатки двух погребенных. Один костяк (мужской) сохранился хорошо. Он лежал на спине, с вытянутыми конечностями, к ногам первого, захороненного, очевидно, позже. Железный меч (длина —0,52 *м*) был обнаружен в трех фрагментах: два — на правой бедренной кости вытянутого костяка и один — у правой его стопы. Кроме меча, в погребении были найдены фрагменты ножа с кольцевым навершием, четыре бусины, бронзовый перстень и остатки бронзовой лучковой фибулы с подвязанным приемником, которая датируется I—II вв. н. э. [2].

Ни одно из известных нам изданных надгробий скифо-сарматской эпохи не дает прямых аналогий заветнинской стеле [3]. Она отличается от них резкой плоскостностью и детализацией изображенных предметов (копья, ритона, ножен меча) и более точным абрисом лица и фигуры. Древний скульптор стремился, по-видимому, к правильному и более детальному воспроизведению оригинала, с передачей характера вооружения, стараясь по возможности избежать обобщенной суммарности, обычной в подобного типа памятниках.

Некоторые детали стелы позволяют отнести ее к кругу памятников сарматской культуры: ножны меча аналогичны ножнам, обнаруженным И. В. Синицыным в сарматских курганах Нижнего Поволжья [4]; копье имеет вток, характерный для сарматских памятников этого типа.

Судя по инвентарю могилы, к которой, вероятно, эта стела принадлежала, ее можно датировать I—II вв. н. э. Характер могильного инвентаря и изображенного на стеле вооружения, а также ее стиль позволяют отнести этот памятник к пока еще мало известным сарматским каменным изваяниям. Для инвентаря могильника у с. Заветное вообще характерна значительная примесь сарматских изделий.

В 1959 г. в 120 *м* к югу от холмов, на которых расположен Заветнинский могильник, при вспашке территории под посев ячменя трактористом А. Д. Гондаренко была выпахана из земли стела (рис. 1, *2* и рис. 2, *2*), по-видимому, относящаяся к могильнику, так как осмотр места находки и ближайшей округи не дал подъемного материала, указывающего на существование поблизости от могильника еще одного подобного памятника.

Плита, высеченная из известняка, имела следующие размеры: высота — 0,90 *м*, наибольшая ширина — 0,31 *м*, наименьшая — 0,20 *м*, толщина — 0,17 *м*. Плита схематически изображает человеческую фигуру со слегка моделированной головой, узкими, несколько скошенными плечами и суживающимся книзу туловищем, без ног. Нижняя часть стелы, рассчитанная на впуск в землю, не обработана. Оборотная и боковые стороны гладко отесаны, на лицевой, имеющей более неровную поверхность, — углубленными линиями и плоским рельефом изображена человеческая фигура размером в 0,56 *м*. Большая по сравнению с туловищем голова углублена на 0,04 *м*, на лице овальными ямками намечены глаза и рот, нос слегка выступает на плоском лице, остроконечный длинный подбородок изображает бороду. Туловище — с выраженными половыми признаками, неестественно тонкие ноги и руки нанесены плоским рельефом, наибольшая высота которого — 0,05 *м*.

Перед нами — мужчина-воин, держащий в правой руке, поднятой над головой, копье, намеченное еле заметной врезанной линией, а в левой, слегка согнутой в локте,— круглый щит.

---

[2] А. І. Фурманська. Фібули з розкопок Ольвії. Археологія, т. VIII, 1953, стр. 85, рис. V, *1*, *2*.

[3] А. П. Смирнов. Куйбышевская каменная баба. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 47, рис. 17; А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. ИРАИМК, т. IV, 1925, стр. 97, рис. 2 и 36; А. А. Спицын. Археологические заметки. Тр. СА РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 48 сл., рис. 2; T. Passek, B. A. Latynine. Sur la question de «kamennye baby». ESA, IV, 1929, стр. 296, рис. 4, *а*, *б*.

[4] И. В. Синицын. Сарматская культура Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1956, стр. 93, рис. 28.

Стела отличается от найденной в 1958 г. большим схематизмом рисунка, отсутствием детализации изображенных предметов вооружения, небрежностью в прорисовке фигуры воина.

Она не находит прямых аналогий ни в одном из памятников подобного типа первых веков нашей эры, однако изображение лица можно сравнить со скульптурой, появившейся в Херсонесе со II в. н. э.[5]. Наиболее близкую аналогию дает бюст с грушевидным лицом, клинообразной бородой, расширяющимся книзу носом и маленьким ртом. Исследователи этих памятников считают их изображениями представителей местных этнических групп Херсонеса, предположительно — тавров[6]. Тавр изображен и на фреске Стасовского склепа II в. н. э. в Керчи; здесь тот же овал лица, клинообразная бородка[7].

В 1898 г. в Херсонесе был найден обломок известняковой плиты с грубым изображением воина-тавра с копьем в правой руке и круглым щитом в левой. Характер изображения и поза воина очень близки заветнинской стеле[8].

Немногие и не очень близкие аналогии позволяют предположить, что заветнинская стела изображает тавра. Примитивность и схематичность говорят об исполнении стелы местным, возможно, таврским мастером, и в этом ее большая научная ценность. Как и сарматскую стелу, ее можно датировать не ранее II в. н. э.

---

[5] А. П. Иванова. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями. СА, VII, 1941.

[6] М. И. Максимова, М. А. Наливкина. Скульптура. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.— Л., 1955, стр. 321.

[7] Е. В. Ернштедт. Монументальная живопись. Обзор памятников. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.— Л., 1955, стр. 208—281.

[8] ОАК за 1898 г., стр. 119, рис. 18.

С. А. ИЗЮМОВА

КУРГАНЫ У дер. ТРИЗНОВО

Летом 1957 г. совместной археологической экспедицией МГУ и Тульского областного краеведческого музея были произведены раскопки двух курганов с трупосожжениями близ дер. Тризново, Крапивенского района, Тульской области. Курганы расположены в 0,8 *км* к юго-западу от деревни, на склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Упы, на 20 *м* выше уровня воды, на расстоянии 10 *м* друг от друга.

Насыпи обоих курганов были повреждены кладоискательскими ямами, изменившими не только их форму, но и размеры.

Курган № 1 (рис. 1 и 2) имел полусферическую, слегка удлиненную форму насыпи (высота с севера — 1,3 *м*, с юга — около 3,5 *м*, диаметр с севера на юг — 14 *м*, с запада на восток — 10 *м*, окружность — 44 *м*). В процессе раскопок были прослежены ровики — с западной стороны (ширина — 5 *м*, глубина — 0,35—0,4 *м*) и с северной (ширина — 5,5 *м*, глубина — 1,2 *м*) и уточнена высота кургана — с севера — 2,2 *м* и с юга — около 3 *м*.

На глубине 2,1—2,8 *м* под насыпью кургана четко прослеживались контуры кольцевого ровика в виде светло-серой золистой полосы перегноя, шириной 0,4—0,5 *м*.

На поверхности ровика, в юго-восточной части кургана, на глубине 2,6—2,8 *м*, обнаружены остатки трех обутлившихся плашек или столбиков, 10—23 *см* длиной, 12—20 *см* шириной, 5—7 *см* толщиной, входивших в состав деревянной оградки кургана. В заполнении ровика, глубиной 0,3—0,5 *м*, кроме светло-серого золистого слоя, встречались угли,

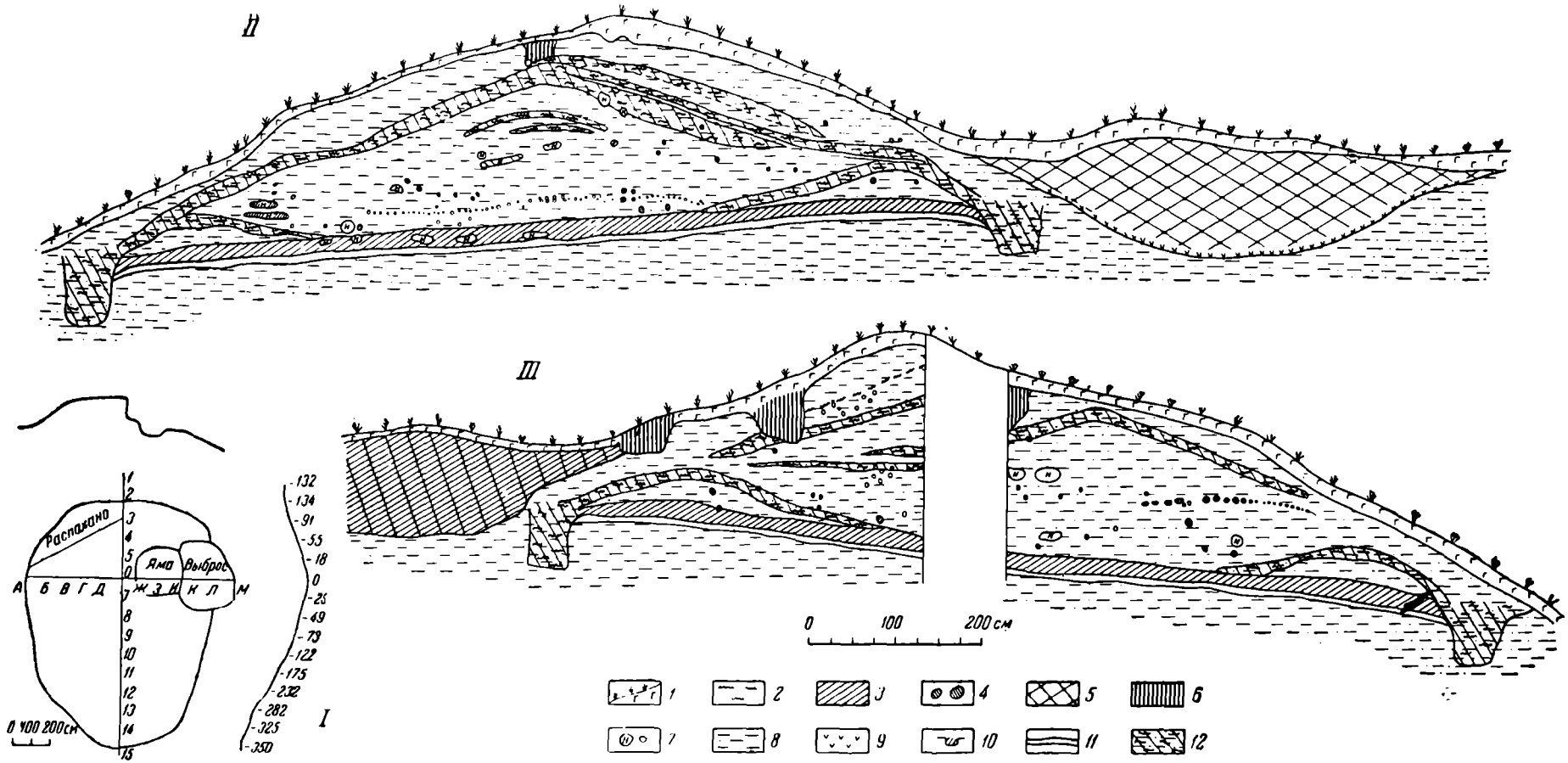


Рис. 1.

I — план и нивелировка кургана № 1; *II* — восточный профиль кургана №1; *III* — западный профиль кургана № 1: *1* — гумус; *2* — зола; *3* — темно-серый плотный слой; *4* — пятна из темно-серого слоя; *5* — черный слой; *6* — заполнение ям; *7* — норы; *8* — суглинок; *9* — угли; *10* — кольцевой ровик; *11* — слой погребенной почвы; *12* — суглинок светло-серый

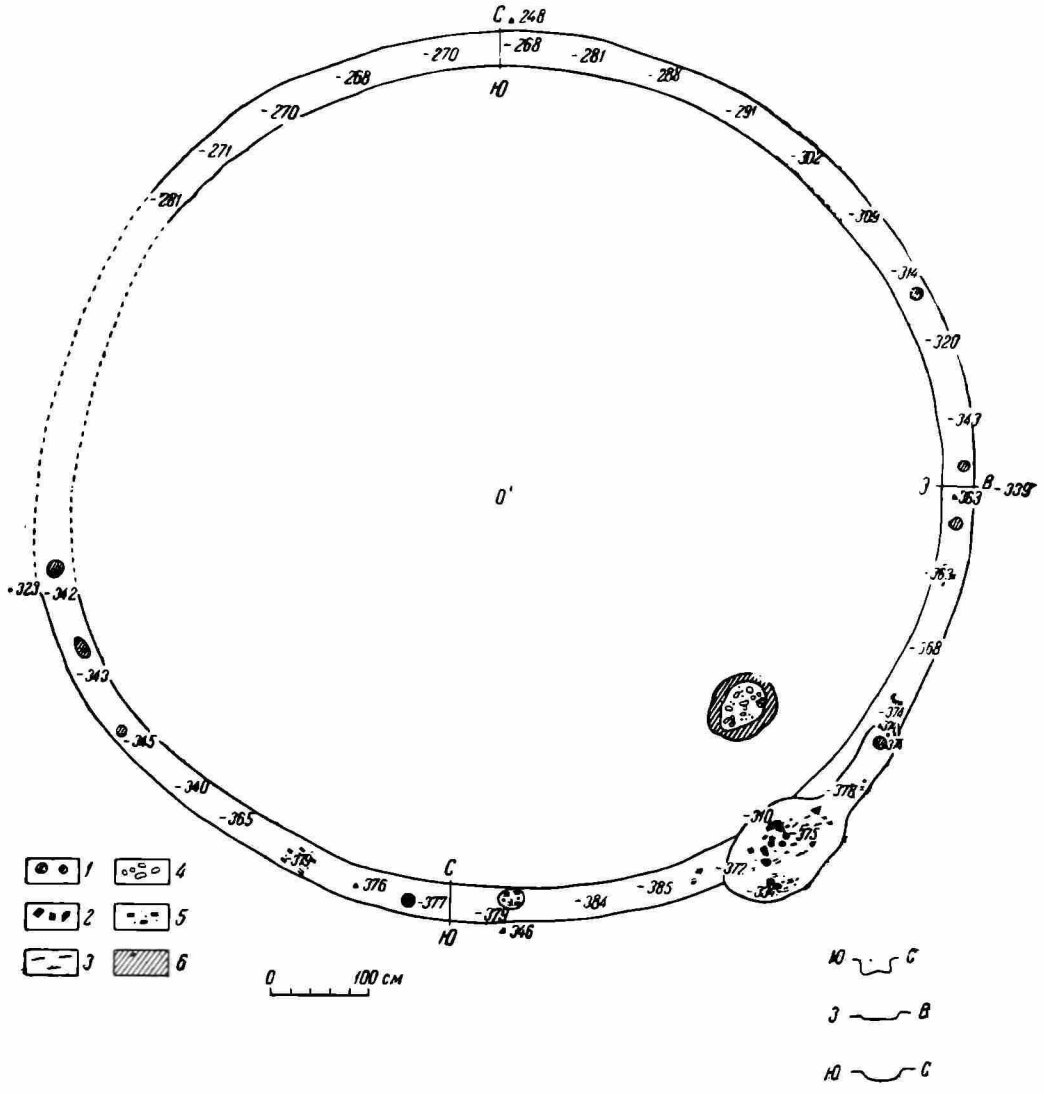


Рис. 2. Кольцевой ровик кургана № 1 с остатками обуглившихся столбиков оградки в юго-восточной части площадки

1 — ямы от столбов; *2* — угли; *3* — зола; *4* — кальцинированные кости; *5* — обожженный суглинок; *6* — темно-серый слой

кусочки обожженного суглинка, сконцентрированные в большинстве случаев возле пятен от столбов или плашек ограды.

Кольцевой ровик, служивший основанием деревянной оградки, не имел перерывов; следовательно, оградка вокруг кургана была сплошной, если не считать небольших промежутков между составляющими ее плашками или столбиками. Куски обуглившегося дерева на поверхности кольцевого ровика, а также наличие углей и комочков обожженной земли в его заполнении свидетельствует о том, что деревянное ограждение кургана горело.

На глубине 2,7 *м* в юго-восточном углу площадки кургана, в 1,2 *м* к северу от внутреннего края ровика, найдена кучка кальцинированных костей человека, принесенных с кострища. Ввиду того, что трупосожжение производилось вне кургана, возможность случайного зажигания оградки исключается. Следовательно, ее специально подожгли. Преднамеренное зажигание деревянного ограждения кургана являлось, видимо, отражением каких-то неизвестных нам особенностей погребального обряда, связанных с культом огня и имеющих место у населения, насыпавшего этот курган.

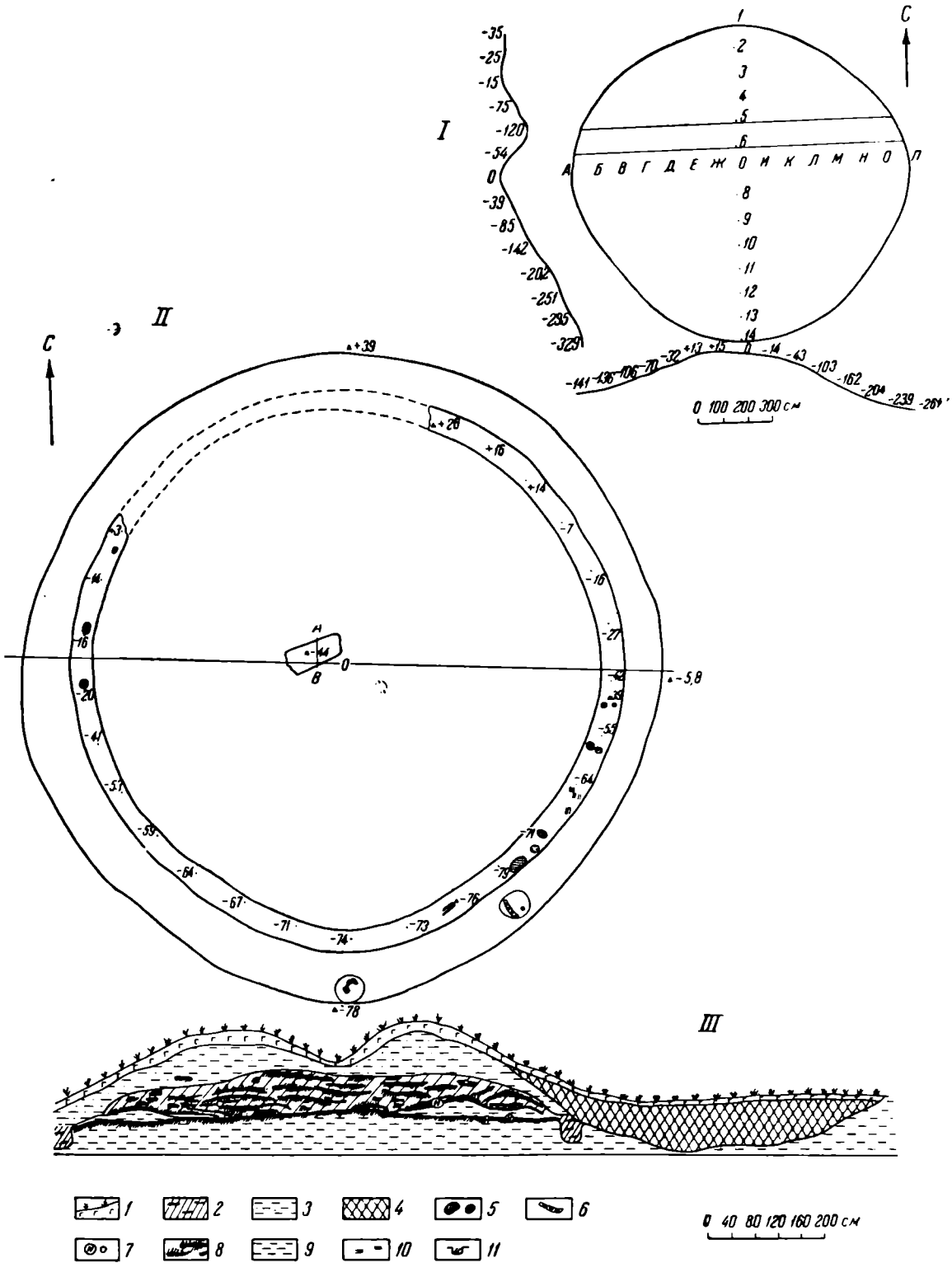


Рис. 3.

I — план и нивелировка кургана № 2; *II* — план кургана с кольцевым ровиком, пятнами от столбов оградки, остатками обуглившегося дерева; *III*—разрез кургана № 2 с северной стороны: *1* — дерн; *2* — светло-серый золистый перегной; *3* — суглинок; *4* — темный перегной рва; *5* — ямы от столбов; *6* — обуглившееся дерево; *7*—норы; *8* — углисто-золистые полосы; *9* — глина (материк); *10*—обожженная глина; *11*—кольцевой ровик

Курганы с кольцевыми ровиками и деревянными оградками, известные по раскопкам в Калужской, Московской, Воронежской и Орловской областях [1], на территории Тульской области встречаются впервые.

Обнесение кургана оградой из дерева являлось, по-видимому, характерной особенностью всех древневятичских погребальных памятников, датируемых серединой и третьей четвертью I тысячелетия н. э.

Однако обряд поджигания деревянного ограждения, имевший место в тризновском кургане, до сих пор нигде не наблюдался. При сравнении деревянной оградки рассматриваемого кургана с оградками других древневятичских курганов следует отметить одну деталь в ее устройстве — отсутствие перерыва, зависевшего, вероятно, от особенностей погребального обряда памятника.

Наличие перерыва в деревянном ограждении, видимо, свойственно только курганам с погребальными камерами, содержавшими остатки нескольких захоронений [2].

Раскопанный курган не менее интересен по устройству насыпи. Последняя состояла из темно-желтого суглинка с включением светло-серого суглинка и была сооружена на специально приготовленной площадке, диаметром 10 *м*, покрытой плотным, тщательно утрамбованным темно-серым слоем толщиной 0,2—0,25 *м*.

Устройство в основании насыпи кургана своеобразного точка из хорошо укатанного слоя наблюдал А. А. Спицын в сопках бывш. Петербургской губернии [3].

На подготовленную площадку были высыпаны остатки трупосожжения — тщательно выбранные с кострища кости, а вокруг площадки выкапывался ровик для деревянной оградки. Земля из ровика в виде линз темно-желтого материкового суглинка, засыпавшая пережженные кости, четко выделяется на вертикальных срезах кургана и образует по краям площадки кольцевой валик высотой 0,5 *м*, покрытый сверху слоем дерна (светло-серый суглинок). Столбики или плашки оградки, врытые с наружной стороны кольцевого валика, частично поджигались. Затем насыпался курган, землю для которого брали либо из рвов, прослеженных с северной и западной стороны кургана, либо с соседнего селища.

В состав насыпи для придания ей большей прочности укладывалось дерево — мелкий кустарник и небольшие колья, остатки которого в виде пятен темно-серого плотного слоя прослеживались на горизонтальных и вертикальных срезах.

Насыпь кургана на уровне 2 *м* от материка (в центре) имела в разрезе вид треугольника с широким основанием, ограниченного по боковым сторонам полосами светло-серого суглинка (толщиной 0,1—0,25 *м*), а снизу — темно-серым плотным слоем (до 0,2—0,25 *м*). Это объясняется тем, что конусообразный холм насыпи кургана на уровне 2 *м* высоты был обложен слоем дерна [4].

Линии скатов кургана покрыты дерном, на профилях не всегда правильные, а в некоторых местах даже прерываются вследствие нарушения насыпи кладоискательскими ямами. Поверх дернового покрова кургана был насыпан слой темно-желтого суглинка толщиной 0,5—0,7 *м*.

---

[1] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899; А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. МИА, № 7, 1947, стр. 15; П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Курганный могильник у с. Боршево. МИА, № 8, 1948, стр. 79—91; Т. Н. Никольская. Археологические исследования в Орловской области. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 102; ее же. Раскопки курганов в Орловской области в 1953 г. Архив ИА АН СССР, № 904.

[2] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Ук. соч.; Т. Н. Никольская. Отчет о раскопках в 1954 г. в Орловской области, Архив ИА АН СССР.

[3] А. А. Спицын. Материалы по доисторической археологии России. ЗРАО, т. XI, вып. 1-2, СПб., 1899, стр. 323—325.

[4] В 1935 г. близ с. Кипеть, Бельского района, Тульской области, был раскопан курган с трупосожжением, насыпь которого целиком состояла из слоев дерна. См. сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.», Л., 1941, стр. 43.

Таким образом, курган № 1 представлял собой своеобразное сооружение из земли, дерева и дерна, содержащее остатки трупосожжения и являющееся, возможно, ранним вариантом погребальной камеры.

В насыпи кургана на разной глубине встречались мелкие обломки лепной тонкостенной керамики с плотным в изломе черепком, содержащим примесь песка или толченого известняка. На тщательно заглаженной поверхности обломков встречался иногда узор в виде разнообразных по форме отпечатков деревянной палочки. Из-за фрагментарности керамических находок невозможно определить форму сосудов в целом. Можно лишь сказать, что большинство их имело невысокую, слегка отогнутую наружу шейку и плоское дно с бóльшим или меньшим уступом. Найденная в кургане керамика аналогична керамике соседнего селища, датирующегося серединой I тысячелетия н. э.

Курган № 2 (рис. 3) имел полусферическую форму насыпи (высота с запада — 1,4 *м*, с востока — 2,4 *м*, окружность — 41 *м*), разделявшуюся по составу заполнения на два горизонта (верхний и нижний), отчетливо прослеживаемых на вертикальных срезах.

Непосредственно под дерном начался темно-желтый суглинок верхнего горизонта (толщина до 0,8 *м*); ниже вплоть до материка залегал пестрый слой нижнего горизонта (толщина около 0,8 *м*), состоящий из темно-желтого суглинка и большого количества углисто-золистых прослоек толщиной до 0,04 *м* и длиной 0,4—0,6 *м*, содержащих иногда, кроме сажи, угля и золы, очень мелкие кусочки кальцинированных костей. Земля вокруг некоторых прослоек была обожжена.

На глубине 1,65—2,4 *м* вокруг площадки прослеживался кольцевой ровик в виде светло-серой золистой полосы, шириной 0,3—0,45 *м*, глубиной 0,4—0,5 *м*, образующий круг с внутренним диаметром 9 *м*. На поверхности и за пределами ровика, в юго-восточной части кургана, обнаружены остатки обуглившегося дерева длиной 10—30 *см*, шириной 5—10 *см* и толщиной 2,5—7 *см*. В заполнении его, кроме золистого слоя, встречались не только мелкие угольки, но и крупные куски обуглившегося дерева длиной 10—12 *см*, шириной 5 *см*, толщиной 2,5—3,5 *см*, комки обожженной глины до 5 *см* толщины. В основании ровика прослеживались пятна от столбиков или плашек, диаметром от 5 до 20 *см*, входивших в состав деревянного ограждения кургана и подвергавшихся действию огня. Под насыпью кургана, в юго-восточной части площадки, на глубине 2,3 *м* найдены скопления кальцинированных костей человека в виде двух небольших кучек. В одной из них лежал кусочек сильно окислившегося медного или бронзового предмета. В центре площадки, на материке, прослеживалась прямоугольная яма (1 × 0,38 × 0,5 *м*), заполненная очень плотным темно-серым углистым перегноем и служившая основанием деревянного столба (диаметром около 0,2 *м*), углубленного в материк на 0,5 *м*.

Неясно, с каким обрядом было связано сооружение деревянного столба. Во всяком случае он имел прямую связь с данным курганом.

Полученные в результате раскопок данные позволяют представить следующую картину сооружения кургана. На высоком месте, близ реки, выбиралась площадка для будущей насыпи. В центре ее ставился деревянный столб, изображавший, видимо, какое-нибудь языческое божество, а с краю, в юго-восточной части, были высыпаны остатки трупосожжения, принесенные со стороны. Поверхность площадки посыпалась углисто-золистым слоем, взятым, очевидно, с кострища, где происходило сожжение покойника. Затем выкапывался кольцевой ровик, землей из которого засыпались сожженные кости человека, и ставилась деревянная оградка. Последняя, как и в кургане № 1, поджигалась. Следы огня (обуглившееся дерево, обожженная земля) прослеживались с юго-восточной стороны кургана.

После того как заканчивался обряд сожжения деревянного ограждения, сооружалась насыпь, в состав которой включались, чередуясь, остатки многочисленных трупосожжений, взятые, по-видимому, с нескольких кострищ[5] (углисто-золистые прослойки с кусочками пережженных костей), и слои суглинка из ровиков, прослеживаемых с западной и северо-западной сторон кургана. Когда было исчерпано содержимое кострищ, землю для засыпки брали только из ровиков и ближайшей к кургану местности. Этим, нам кажется, следует объяснить наличие в кургане двух горизонтов насыпи, отличных друг от друга по составу.

Аналогичное чередование углистых прослоек, как остатков многочисленных трупосожжений, наблюдал И. Д. Четыркин при раскопках курганов близ дер. Ждамирово, Калужской области[6]. В насыпи кургана № 2 найдено несколько обломков лепной керамики, сходной с керамикой кургана № 1, и часть глиняного усеченно-конического пряслица. Подобной формы пряслица встречались в верхних слоях деснинских городищ[7].

Исследованные курганы у дер. Тризново, сходные по обряду погребения с древневятичскими курганами Московской, Калужской, Орловской и Воронежской областей (трупосожжение, наличие кольцевых ровиков и деревянных оградок), отличаются от них рядом особенностей (поджигание деревянной оградки, включение в состав насыпи дерева и дерна), дополняя имеющиеся сведения о погребальных обычаях вятичей новым материалом.

По обряду погребения курганы предположительно можно датировать серединой I тысячелетия н. э.

---

[5] Углисто-золистые прослойки, занимающие половину насыпи кургана, могли быть получены только с нескольких кострищ.

[6] Архив ЛОИА АН СССР, № 67/1895 и 41/1896.

[7] Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 151, рис. 52.

И. Ф. БОРОДИНА

РОСПИСЬ СТЕН МЕДРЕСЕ УЛУГБЕКА В САМАРКАНДЕ И ВРЕМЯ ЕЕ СОЗДАНИЯ

По обе стороны от главного портала медресе Улугбека в Самарканде находятся два симметричных коридора, которые ведут с площади Регистан во двор медресе. В плане они напоминают букву «Г». Коридоры разделены перекинутыми через них арками на квадратные в плане части, каждая из которых перекрыта куполом. Выступающие из плоскости стен лопатки — основания для арок — делят стены коридора на ряд простенков стрельчатого очертания. Коридоры темные, освещаются только через дверные проемы и окна над ними, выходящие на площадь и во двор. Весной 1957 г. при очистке рабочими стен северного коридора от поздней обветшалой штукатурки на открывшейся под ней основе черного цвета были замечены следы белого рисунка — отдельные спирали, завитки. Автор статьи летом 1957 г. занялся исследованием этих росписей.

Остатки декора сохранились на средней части простенков и щеках арок. На куполах теперь вовсе нет штукатурки, а иные из них, как видно, были переложены при ранних ремонтах. Нижняя часть стен также переложена, и трудно сказать, каков был ее декор. Но, очевидно, была панель, судя по тому, что композиция росписей оканчивается на высоте 1,6 *м* от современного уровня пола, а грунт под роспись — примерно на высоте 1 *м*.

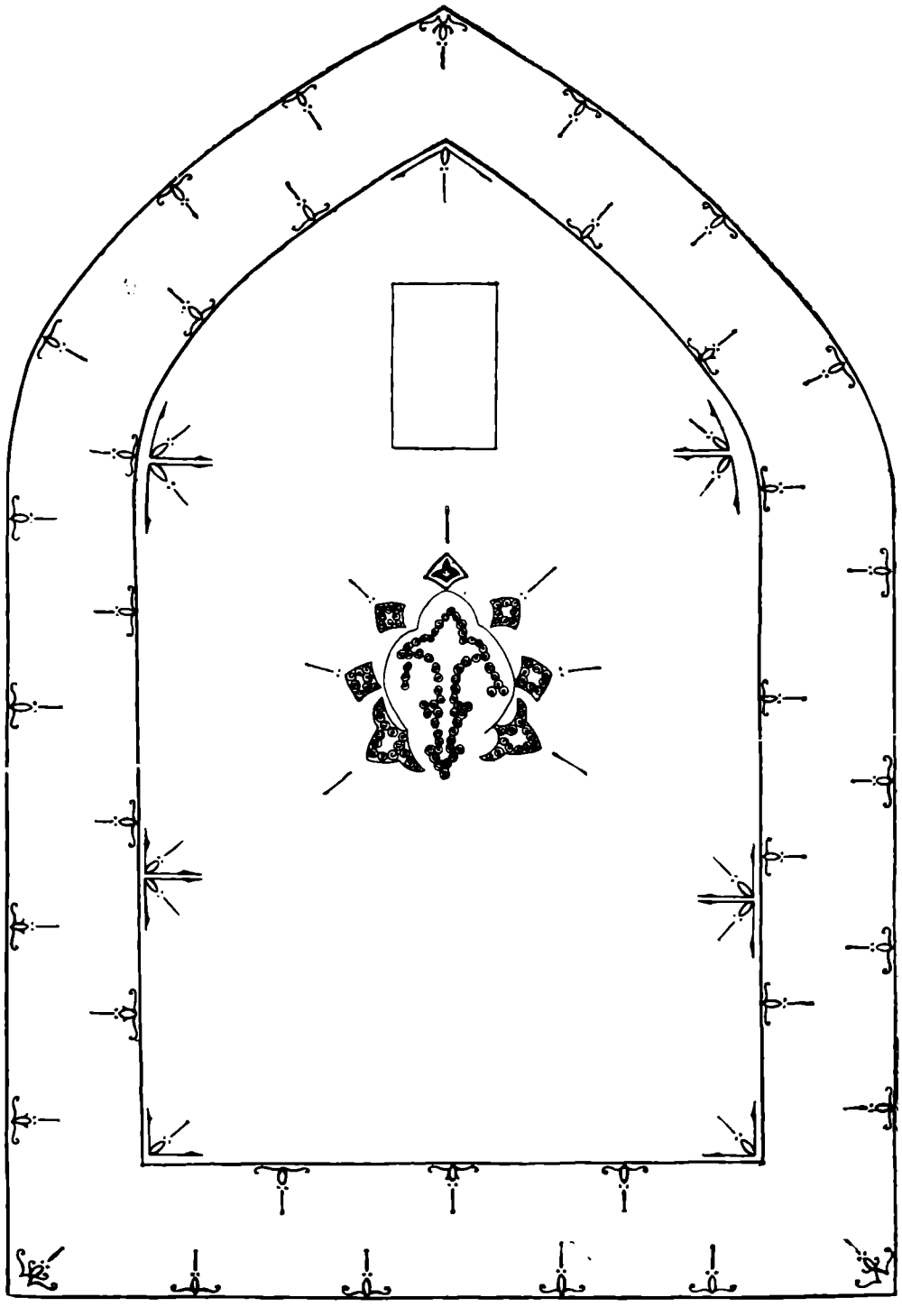


Рис. 1. Медресе Улугбека в Самарканде. Северный входной коридор. Роспись стен (реконструкция)

В результате обследования стен удалось установить, что видимые сейчас белые орнаменты — это не сама роспись, не краска, а лишь место, которое было покрыто осыпавшейся ныне краской. А черный тон — не что иное, как сильно закопченная поверхность некогда белого ганчевого грунта. Такое состояние интерьеров становится понятным, если учесть все превратности судьбы этого памятника архитектуры. Белые сейчас орнаменты были выполнены синей краской. От времени она утратила

свой клеящий состав и плохо держалась на поверхности. При нанесении на стены нового штукатурного слоя краска, очевидно, крепче пристала к нему и вместе с последним была сбита, а частью и отпала. В местах, где небольшие кусочки синей краски крепко держатся на грунте, они также покрыты копотью, как и остальная поверхность. Слой копоти настолько плотен, что синий цвет и белый грунт поверхности выглядят сейчас совершенно одинаково — черно-бурыми. Таким образом, нынешний вид стен является своеобразным негативом первоначального вида росписей.

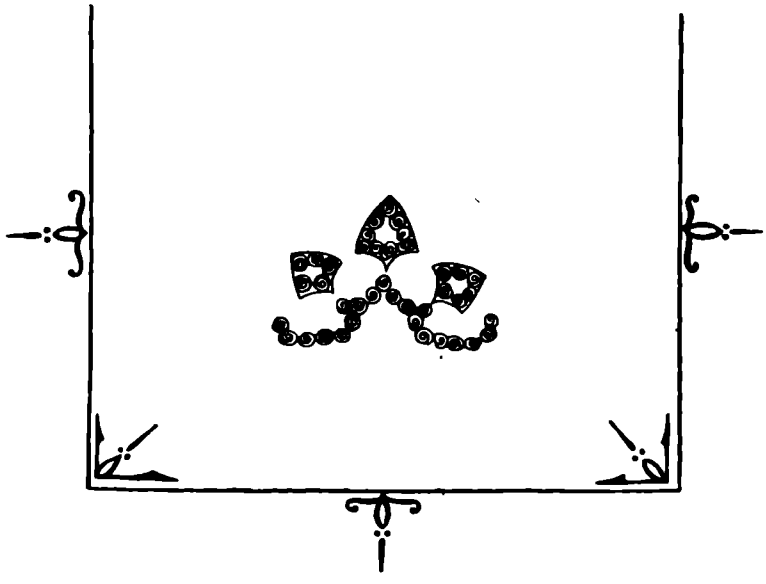


Рис. 2. Медресе Улугбека в Самарканде. Северный входной коридор. Роспись щеки арки (реконструкция)

При поднятии с грунта закопченного сверху слоя краски на обратной его стороне хорошо виден синий цвет. В первоначальном виде сохранился лишь небольшой фрагмент бордюра на западной стене, очевидно, покрытый штукатуркой в более ранние времена: на белом фоне — светло-синие полосы с отходящими от них остроконечными виньетками, тоже синего цвета.

Зондажи, заложенные автором в южном коридоре — выходе во двор,— показали, что и это помещение было расписано. То, что росписью были покрыты помещения, второстепенные по значению, дает право предположить, что интерьеры мечети и обеих дарсхана медресе, несомненно, были украшены росписью, к сожалению, теперь не сохранившейся.

При исследовании росписей удалось реконструировать отдельные орнаментальные композиции и восстановить общую картину убранства коридора.

Поверхность стен над панелью не была разделена на мелкие панно. За основные членения приняты архитектурные детали. Роспись каждого простенка, софита, паруса представляла собой законченную композицию, развертывающуюся на всей поверхности архитектурного элемента (рис. 1). По краю каждая плоскость обведена бордюром очень простого рисунка. Это сплошная синяя полоса шириной около 0,5 *см*, от которой внутрь украшаемого поля или же к краям его обращены остроконечные синие виньетки, расположенные приблизительно через равные промежутки — от 48 до 52 *см*. Иногда бордюр состоял из двух таких полос. В центре поля изображался один медальон или цепочка их на вертикаль-

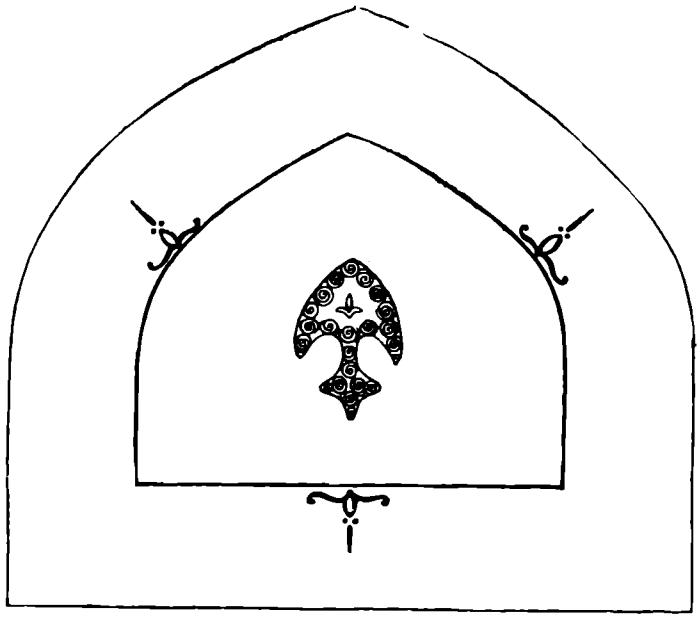


Рис. 3. Медресе Улугбека в Самарканде. Северный входной коридор. Роспись тромпа (реконструкция)

ной оси, если эта поверхность сильно вытянута, как, например, софиты и щеки арок. Форма медальонов во всех случаях повторяет форму плоскости: на щитовидном парусе медальоны подобны ромбу, на щеке арки— цепочка продолговатых фестончатых картушей и т. д. (рис. 2 и 3). Вокруг центральных медальонов до бордюра оставлено широкое белое поле,

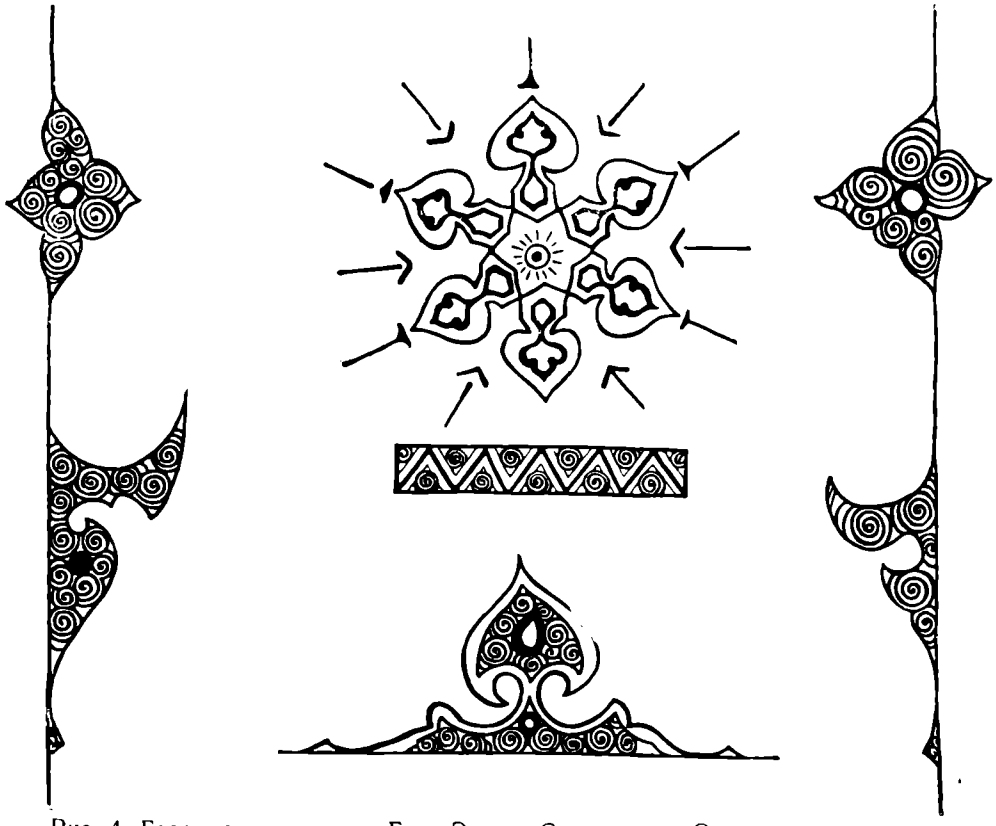


Рис. 4. Галерея у мавзолея Гури-Эмир в Самарканде. Орнаментальная композиция на щековой стене ниши

ничем не орнаментированное. И медальоны, и бордюр выполнялись художниками от руки без припороха и даже без разметки. Об этом свидетельствуют лишь приблизительно равные промежутки между виньетками бордюра, несовпадение отдельных симметричных деталей центральных медальонов. Для последних, несомненно, намечалась вертикальная ось и, может быть, еще какая-то дополнительная разбивка. Контур медальона художник рисовал кистью, очень жидкой черной краской. Толщина линии примерно от 0,5 до 0,3 *см*. Внутри по абрису медальона рисовались синие спирали. В центре изображалось нечто вроде трилистника. Вокруг медальона от всех выступающих его углов отходят остроконечные виньетки, придающие орнаменту игольчатые очертания. Линии четкие и суховатые. Белый грунт просвечивает сквозь спирали, образующие рисунок. Росписи очень графичны.

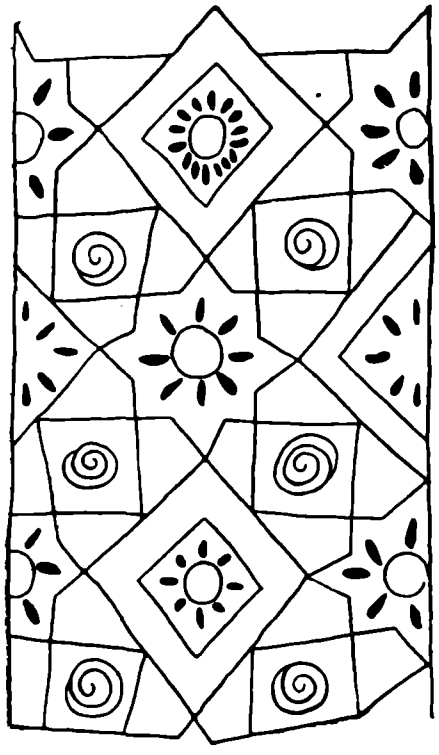


Рис. 5. Мавзолей Гумбази-Сейидан в Шахрисябзе. Фрагмент росписи стен

Участки стен, украшенные росписью, различны: стрельчатые простенки несколько отличаются по величине, некоторые из них прорезаны проемами окон и дверей, другие оставлены глухими. Различны по ширине и щеки арок, делящих коридор. Мастерами при украшении был очень удачно использован прием трактовки их как самостоятельных декоративных панно. Такой прием дал возможность сохранить смысл архитектурных элементов.

При украшении северного коридора мастера, несомненно, учитывали освещение помещения. Дневной свет в него попадает только через дверные проемы, расположенные в концах коридора. Поэтому в средней его части царит полумрак. Белые плоскости стен делали коридор светлее, а синий орнамент — медальон — занимал относительно небольшую площадь и был хорошо виден и при таком освещении.

При исследовании встал вопрос о датировке росписей: современны ли они зданию или это следы ремонта и поновления памятника.

Зондажи показали, что тонкий слой грунта под роспись лежит на двух слоях штукатурки, из которых нижний, грубый, нанесен на кирпичную кладку, а второй — чистовой, выравнивающий. Все слои одновременны.

Таким образом, сразу же отпадает предположение о том, что росписи выполнены при ремонте памятника.

Попробуем ограничить возможное время создания штукатурки и лежащей на ней росписи хронологическими рамками. Нижним рубежом будет 1417 г.— начало строительства медресе. Предположить, что роспись была выполнена во второй половине XV в., тоже невозможно, ибо в то время в Средней Азии в росписи стен процветает техника живописи «кундаль». Мавзолей Ишрат-хана в Самарканде датирует нижнюю границу этой техники 1464 годом. Несколько изменяясь, «кундаль» является единственным видом росписей на протяжении XVI и XVII вв. В этой манере выполнены росписи дарсхана медресе Шир-Дор и мечети Тилля-Кари в Самарканде. Таким образом, нет оснований предполагать, что росписи были сделаны во второй половине XV в., во время правления

Абу-Саида, или в XVII в., в правление Ялангтуша[1]. Но нельзя допустить, что в оконченном в 1420 г. медресе, которое функционировало 30 лет при жизни Улугбека, не были оштукатурены, а оставлены в грубой кирпичной кладке, без расшивки швов, стены коридоров — входов во двор. Вероятнее всего, что росписи могли быть выполнены только в период с 1417 по 1420 г., а точнее — во время отделочных работ медресе в 1419—1420 гг.

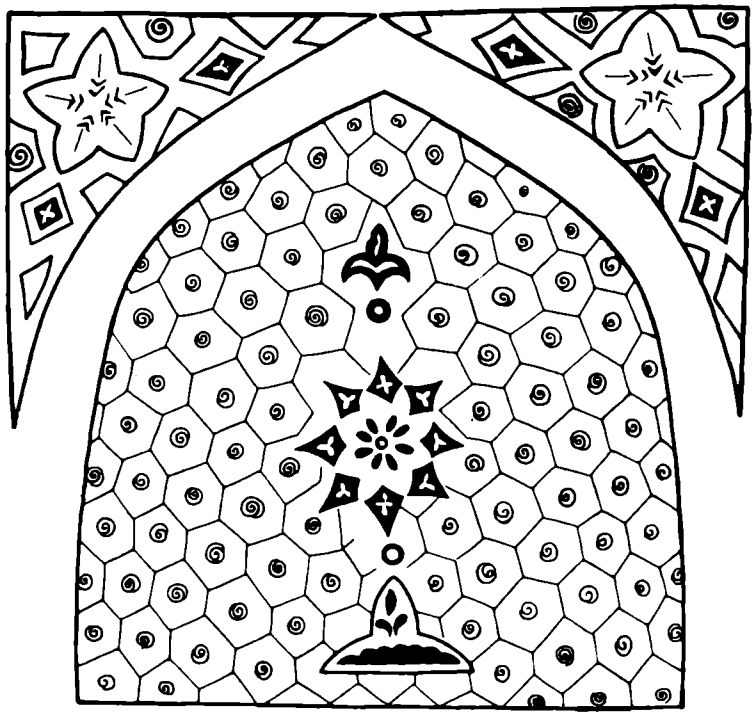


Рис. 6. Мавзолей Казы-заде-Руми в Шахи-Зинда в Самарканде. Роспись сталактитов

Изучение росписей других памятников архитектуры первой половины XV в. дало возможность установить, что росписи медресе Улугбека в Самарканде по стилю и характеру их композиционного размещения в интерьере не стоят особняком. Самую близкую аналогию росписям медресе дают росписи галереи, пристроенной в 1424 г.[2] Улугбеком к мавзолею Гури-Эмир с востока. Стены здесь, так же как и в медресе, украшены крупными орнаментами, выполненными в графической манере, в основном синей краской по белому фону (рис. 4). Синяя линия с простыми виньетками обрамляет орнаментированные поверхности. Характер росписей этих двух сооружений настолько схож, что возникает мысль, не принадлежат ли они кисти одних и тех же мастеров. Близки рассматриваемым росписям по манере выполнения, колориту, композициям, отдельным элементам и росписи других зданий, возведенных в первой половине XV в.— Гумбази-Сейидан в Шахрисябзе (рис. 5), мавзолея, приписываемого Казы-заде-Руми в Шахи-Зинда (рис. 6) и др.

Медальоны росписей медресе Улугбека по рисунку и исполнению очень близки к орнаментам, которыми украшались листы рукописей на

[1] Абу-Саид (вторая половина XV в.) — последний Тимурид; Ялангтуш — военачальник из узбекского рода Алчин, управлявший самаркандским вилайетом в первой половине XVII в. При них Самарканд переживал небольшие вспышки строительной деятельности.

[2] Я. Г. Гулямов. К вопросу о традиции архитектурных ансамблей в городах Средней Азии XV века. Сб. «Великий узбекский поэт [Алишер Навои]», Ташкент, 1948, стр. 151.

Востоке. Они использовались как заставки и концовки, но особенно щедро украшались фронтиспис и титульный лист. Примером могут служить рисунки, которые опубликовал А. Поп [3], а также рукописи из собрания АН Узбекской ССР[4]. Аналогичны росписям не только отдельные орнаменты, но принципы композиций. Так, цепочка различных по форме картушей или крупный центральный медальон часто применялись для украшения титульного листа и переплета.

Аналогии стенописи находим и в посуде XV в.: в композиционном размещении росписи, колорите, манере исполнения, самих орнаментах. У чаш, как правило, украшали только донце розеткой растительного или геометрического рисунка, а стенки оставляли чистыми. Близость орнаментов некоторых чаш картушам книжных украшений уже отмечалась Г. А. Пугаченковой. Роспись чаши, опубликованной ею [5], имеет много общего и с орнаментами рассмотренных стенных росписей. Это звездчатый медальон, подобный медальонам на стенах медресе и галереи Улугбека, на сталактитах в мавзолее Казы-заде-Руми.

Таким образом, устанавливается определенная связь и общность стиля стенных росписей и других видов декоративного искусства XV в.

Изучение монументальных росписей Средней Азии первой половины XV в. выявило стилистическое родство их, большую специфику и отличие по колориту, манере исполнения, композиции и общему художественному замыслу от стенописей, бытовавших в Средней Азии на рубеже XIV—XV вв.

В росписях XIV в. главную роль играло живописное начало, контрастное сочетание цветовых пятен, резкое чередование золотых деталей с ярко-синим окружением и сплошное ковровое заполнение поверхности орнаментом [6]. В графичных росписях первой половины XV в. главную роль играет не цвет, а линия, рисунок. Различие цвета (в орнаменте встречаются прорисовки черным) не привлекает внимания. Оно поглощено красивой формой медальонов, четкостью и той простотой, с которой они сделаны. Удачно найден цвет для орнаментов. Синяя краска приближается по тону к холодному белому фону гульганча. Орнаменты свободно брошены на белую поверхность. Они призваны украсить собой архитектуру, но не подавить ее — в этом, пожалуй, и сила этих росписей.

С открытием и изучением росписей коридора медресе Улугбека в Самарканде в научный обиход вводится еще один памятник стенной росписи первой половины XV в. Исследование росписей медресе подтверждает вывод о том, что в первой половине XV в. в Средней Азии на смену пышной, контрастной и яркой по колориту росписи интерьеров XIV в. пришла более скромная по цвету, строгая и изящная графическая стенопись, которая составила эпоху в истории монументальных росписей Средней Азии.

---

[3] А. Поре. A Survey of Persian Art, т. VII, Oxford, 1939, стр. 96.

[4] Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1952, стр. 23, 26.

[5] Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века. Тр. САГУ, т. XI, 1950, стр. 114.

[6] О росписях XIV в. см. Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.— Л., 1939, стр. 200—206; И. К. Мрочковский. Живопись мавзолея Биби-ханым. Музей восточных культур. Выставка научно-исследовательских работ по изучению материальной культуры Средней Азии. М., 1924—1926, стр. 4—7; И. Ф. Бородина. Интерьер памятников архитектуры Самарканда рубежа XIV—XV веков. Изв. ООН АН ТаджССР, 1958, № 2 (17), стр. 11—30.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

О СТАТЬЕ А. А. БОБРИНСКОГО «ГОНЧАРЫ-ПИДЬБЛЯНЕ»

Опубликованная в журнале «Советская археология» (1959 г., № 1) большая статья А. А. Бобринского «Гончары-пидьбляне» написана после изучения автором керамики, собранной на селище при устье ручья Пидьбы в окрестностях Новгорода. Селище это замечательно тем, что на нем, по утверждению летописи, жили гончары, снабжавшие в X в., а возможно, и позже, этот город керамикой. Собранная при шурфовке керамика вся фрагментированная и, к сожалению, не сопровождалась датирующими вещами. Ориентируясь на летописное свидетельство, автор предпринял попытку отыскать на территории этого селища остатки древнего керамического производства. Но ни остатки горнов, ни запасы сырья, ни ямы, заполненные бракованной керамикой, не были найдены. Однако отсутствие явных следов керамического производства не помешало автору при дальнейшем исследовании рассматривать всю керамику, собранную на территории селища, как керамический брак (стр. 234). Автором внимательно отмечаются случаи нахождения деформированных венчиков, однотонность окраски поверхности сосудов и встречающихся на них пластинчатых сколов, сам факт наличия этих сколов. Все приведенные выше признаки, якобы характерные для керамического брака (количество найденной керамики, имеющей эти признаки, не приводится), на самом деле ими не являются. Так, находки керамики с деформированными венчиками довольно часты в культурном слое любого поселения. Деформация получалась как в керамических горнах, так и в обычных печах при перекалке сосудов. Сосуды с небольшой деформацией венчиков употреблялись в быту наравне с хорошо формованными изделиями. Даже треснувшие горшки употреблялись в хозяйстве, для чего трещины стягивались при помощи нитей, пропущенных в сквозные отверстия, проделанные по сторонам трещин. Часто треснувшие сосуды из тех же соображений оплетались берестой. Что касается однотонности окраски поверхности сосудов и поверхности сколов с них, то у сосудов, хорошо прокаленных, цвет всегда одинаков, вне зависимости от того, где этот скол произошел — в горне при обжиге или при употреблении сосуда. У плохо прокаленных сосудов, таких, как на Пидьбе, при употреблении их поверхность скола вскоре приобретает однотонность при дополнительной прокалке их в печи. Сами сосуды с пластинчатыми сколами, так же как и горшки с деформированными венчиками, не рассматривались как брак и употреблялись наравне с обычными сосудами. Где эти сколы получались — при обжиге горшка или при употреблении его, сказать трудно. Характерно, что на селище найдена сильно измельченная керамика. Обычно выброшенные бракованные сосуды доходят до нас в более крупных обломках, чем обычная керамика с поселения. Из текста статьи можно усмотреть, что на венчиках «бракованной» керамики неоднократно был встречен нагар, который мог появиться только на сосудах, бывших в употреблении.

Ввиду отсутствия на селище полных экземпляров сосудов автором статьи была проведена детальная классификация 79 фрагментов венчиков горшков, и по профилировке их было выделено 14 разновидностей сосудов. Исходная цифра для такой классификации, на наш взгляд, более чем недостаточна. Подбор керамики, попавшей в руки исследователя, более чем случаен. На том же материале автором было проведено и определение высоты селищенских сосудов. Для этой цели он использует предложенную им и предварительно не обоснованную формулу, которая в том виде, в каком она приведена в статье, просто бессмысленна. Не касаясь этой формулы, следует заметить, что для применения ее в распоряжении автора статьи было еще меньше материала, ибо, по утверждению автора, ею можно

пользоваться в применении к венчикам сосудов, профиль которых сохранился до плечиков. На основании этих минимальных подсчетов, проведенных по формуле, которая не проверена и не обоснована, был вычислен процент больших, средних и малых сосудов на поселении. Такие «статистические» штудии и на таком количестве материала не поддаются критике.

Далее, на том же материале автор статьи занялся исследованием орнаментов сосудов, характерных, по его мнению, для отдельных групп выделенной им керамики. Надо думать, что на основании орнамента, встреченного на тех же 79 фрагментах венчиков, обоснованные выводы сделать трудно. Орнамент на стенках сосудов нельзя было связать с отдельными типами их. Выведенные на этом незначительном материале процентные данные были сопоставлены с орнаментацией керамики в ранних слоях Новгорода. По процентному отношению орнаментированных сосудов была установлена дата селищенской керамики. Она определена как последняя четверть X — начало XII в., хотя, судя по керамическим материалам из Новгорода, изданным Г. П. Смирновой, и материалам из других древнерусских городов, по профилировке сосудов часть из них может быть отнесена и к более позднему времени [1].

Считая решенным вопрос о том, что на Пидебском селище располагалась керамическая мастерская, автор статьи делает попытку разыскать среди новгородского керамического материала сосуды, изготовленные в Пидьбе. Для этого он обращается к цвету сосудов, степени прокаленности их, примесям, орнаментике и формам венчиков сосудов. Автору, по-видимому, неизвестно, что в одном горне сосуды могут прокалиться поразному, что форма венчиков сосудов говорит скорее об их дате, чем о вкусах отдельных мастеров, что для приготовления различных типов сосудов одними и теми же гончарами употреблялись в одно и то же время различные примеси и различные глины. Выделение сосудов по цвету поверхности — занятие более чем сомнительное. Цвет сосудов часто зависит от условий местонахождения их, от длительности употребления в быту, от дополнительной закалки сосудов и от многих других, не поддающихся пока учету, причин. Таким образом, по нашему мнению, выделить селищенскую керамику среди новгородской на основании приведенных признаков нельзя. Для того чтобы упрочить свои предположения, автор прибегает к технологии. Для этого им привлекаются единичные данные спектрального анализа отдельных керамических изделий из Новгорода и с селища, глин с территории города и из карьера, расположенного рядом с селищем. Автор предполагает, что по составу глины в керамических изделиях можно выделить сосуды, изготовленные на селище. При этом полагается, что состав глин в карьере рядом с селищем должен соответствовать составу керамики с селища и селищенской керамики в Новгороде. Не имея данных о месте, где гончары селища брали глину для изготовления сосудов, о составе различных сортов глин, имевшихся в ближайшем к селищу карьере, о влиянии примесей (а они по составу были весьма разнообразными) на состав теста черепка сосуда и многое другое, автор в заключение получил весьма пеструю таблицу анализов, которая не помогла разъяснению исследуемого вопроса, а только окончательно запутала его. Совершенно непонятно, как ему удалось выделить среди новгородской керамики группу ее, изготовленную пидебскими гончарами, и даже вычислить процентное отношение этой керамики к другим группам керамики, бытовавшим в Новгороде. Можно, конечно, допустить, что гончары селища брали глину именно из того карьера, какой указывает автор, но доказать это пока не представляется воз-

---

[1] Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, № 56. 1956, стр. 228—248.

можным [2]. Гончары, действительно, брали глину недалеко от того места, где они жили, но есть и исключения. Так, в XV в. яузские гончары в Москве пользовались белой глиной, привозимой из района с. Гжель. Какое отношение к статье имеет приводимое автором высказывание о запрещении в конце XVI в. посадским людям при добывании глины портить городские сооружения? Здесь нет ни слова о гончарах.

«Исследовав» таким образом новгородскую керамику, автор статьи предлагает применение своей методики для установления областей, откуда были заселены такие города, как Новгород и Старая Ладога. Для этого предлагается разыскать среди миллионов фрагментов битых горшков, имеющихся в культурном слое, именно те, которые принесли с собой первые насельники, а затем отыскать на обширной территории те карьеры, из которых была взята глина для формовки этих сосудов. При этом, вероятно, предполагается, что переселенцы шли, нагруженные горшками, и не расставались с ними до окончательного поселения на определенной территории и уж, во всяком случае, не задерживались в промежуточных пунктах в течение десятилетий.

Полунамеками в статье рассказывается о двух глиняных сооружениях, обнаруженных за последнее время на территории раскопов в Новгороде, рядом с которыми были найдены бракованные сосуды, и о найденном неподалеку гончарном круге. Если эти сооружения представляют собой остатки керамических горнов, то почему не написать об этом более определенно? Иначе неясно, какое отношение эти сооружения имеют к тексту статьи.

В рецензируемой работе много прописных истин, почерпнутых из учебников по керамической технологии; например, подробно объясняется, почему нельзя делать сосуды со стенками разной толщины и как удаляется влага из сосудов в процессе обжига. Относительно применения спектрального анализа при изучении керамики следует заметить, что сначала необходимо разработать методику исследования, а потом применять ее. Тогда она может дать определенные результаты. Пока же проведенное осмысление результатов единичных анализов нельзя признать удачным.

---

[2] Невероятно, что новгородские гончары брали глину из-под культурного слоя города. А именно ее анализы и дает А. А. Бобринский в статье.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОТКРЫТИЕ СВИДЕРСКОЙ СТОЯНКИ В РУМЫНИИ И ПРОБЛЕМА ЮЖНЫХ СВЯЗЕЙ И ДАТЫ СВИДЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В очередном томе румынского археологического ежегодника «Dacia» опубликована статья проф. К. Николаеску-Плопшора о свидерской культуре в Румынии[1]. В статье сообщается об одном из объектов исследований новостроечной археологической экспедиции на строительстве Биказской электростанции — стоянке Скауне. Этот памятник представляет большой интерес для проблемы мезолита Центральной и Восточной Европы.

Стоянка, расположенная на высоком берегу р. Быстрицы, дала около 2000 кремневых изделий. Среди них, наряду с концевыми скребками (112 экз.), срединными и боковыми резцами (14 экз.) и пластинками с притупленной спинкой типа граветт, найдена серия орудий из 36 экземпляров, дающая памятнику совершенно четкую культурно-историческую и хронологическую характеристику. Это черешковые наконечники стрел из ножевидных пластин, совершенно не известные до сих пор в Румынии, Молдавии и в прилегающих районах Балкан и Украины, но буквально тождественные наконечникам из стоянок свидерской культуры в Польше и на северо-западе СССР.

Находки в Скауне поднимают новую проблему — южных связей свидерской культуры и в то же время позволяют в связи с этой проблемой еще раз рассмотреть вопрос о дате свидерских стоянок.

Как известно, стоянки, характеризующиеся находками наконечников стрел из ножевидных пластинок свидерского облика, расположены в основном севернее 50° северной широты — в бассейнах Вислы, Немана, Вилии, Западного Буга, Стыри, Горыни, Припяти, Верхнего Днепра, Сожа, Десны, Оки и Верхней Волги. Южные пределы распространения стоянок с наконечниками стрел из ножевидных пластин отмечают стоянки района Кракова (Кобежин, Закржув и др.)[2], Сапанов и Гаи, Левятинские в Львовской области[3], стоянки Киевщины, вроде Виты Литовской[4].

Правда, много южнее давно известен один памятник с орудиями, очень напоминающими свидерские. Это стоянка Сюрень II в Крыму. При раскопках этой пещеры К. С. Мережковским, Г. А. Бонч-Осмоловским, а в недавние годы Е. А. Векиловой найдено около 50 наконечников стрел иволистного типа, изготовленных из ножевидных пластинок. Остальной инвентарь стоянки (односторонне обработанные нуклеусы, резцы и скребки из ножевидных пластин) вполне обычен для начала крымского мезолита. Но в отличие от подавляющей массы крымских стоянок эпохи мезолита, Сюрень II содержит очень небольшое число геометрических орудий. Это крупные трапеции, более высокие и грубые, чем трапеции позднего мезолита Крыма[5].

Встречаются наконечники стрел свидерского типа и в других крымских пещерах — Шан-Коба (4-й и 3-й слои — 4 экз.), Фатьма-Коба (5-й слой — 1 экз.), навес Буран-Кая (1 экз.), Замиль-Коба № 1 (1 экз.). Среди этих находок есть и черешковые наконечники, более близкие к наконечникам Скауне, чем к наконечникам Сюрени II. Хотя, кроме сюреньских, в Крыму найдено не более 10 наконечников, именно эти находки достаточно четко засекают положение слоев с наконечниками стрел свидерского типа в многослойных колонках пещер Крыма.

Этим слоям предшествуют раннемезолитические (условно «азильские») слои типа грота Буран-Кая, нижних слоев Шан-Кобы и Фатьма-Кобы, содержащие крупные сег-

[1] K. Nicolăesku-Plopşor. Sur la présence du Swidérien en Roumanie. Dacia, т. II, 1958, стр. 5—34; его же. Şantierul arheologic Bicaz. Materiale şi cercetări arheologice. VI, 1959, стр. 56—63.

[2] B. Czapkiewicz. Slady przemyslu swiderskiego na stanowiskach wydmowych w okolicy Krakowa. Wiadomosci Archeologiczne, т. XIV, 1936, стр. 32—39.

[3] J. Bryk. Kultury epoki kamiennej na wydmach zachodniej czesci Wolynia. Archivum Towaristwa naukowego wo Lwowie, отд. II, т. V, ч. 2, Lwow, 1928.

[4] Д. Я. Телегин. Мезолитические стоянки в окрестностях Киева. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 74—75.

[5] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Тр. II международной конференции АИЧПЕ, т. V, 1934, стр. 160—164.

ментовидные орудия и фауну, включающую дикую лошадь, дикого осла, сайгу, бизона и т. д. С другой стороны, интересующие нас слои перекрываются позднемезолитическими слоями (условно «тарденуазскими») типа Мурзак-Кобы, верхних слоев Шан-Кобы и Фатьма-Кобы с трапециевидными орудиями. Фауна этих слоев дает обычно резкое преобладание костей кабана. Перечисленные выше виды животных в списках фауны отсутствуют. Показательно, что в Сюрени II есть еще остатки сайги, лошади и дикого осла. Таким образом, интересующая нас стоянка по времени ближе к памятникам типа Буран-Кая, чем к комплексам типа Мурзак-Кобы, о чем говорит и характер трапеций Сюрени II.

Итак, мы можем говорить о том, что в Крыму инвентарь свидерского облика был распространен в середине мезолитического времени, несколько ближе к его началу, чем к концу [6].

Оторванность Сюрени II от основного ареала распространения стоянок свидерского типа не позволяла связывать этот памятник со свидерской культурой. Но нельзя было не отметить, что на территории распространения свидерских и близких им памятников известны предшественники наконечников свидерского типа уже в позднем палеолите (наконечники типа Гагарина, Погона, Боршева I). На территории же Крыма предшественников свидерских наконечников нет ни в палеолите, ни в начале мезолита. Это говорит об инородности Сюрени II в мезолите Крыма, где прослеживается одна непрерывная линия развития стоянок с геометрическими орудиями от начала мезолита до неолита [7].

Находка инвентаря свидерского типа в Румынии делает Сюрень II уже не таким единичным памятником в Причерноморье, как это казалось ранее. Необходимо вспомнить в этой связи и о том, что в некоторых пещерах Венгрии А. Брейль отмечал материал, близкий к инвентарю польского мезолита [8].

Все эти факты указывают на то, что свидерская культура оказывала известное влияние на южные районы. Мы обычно подчеркиваем влияние южных культур на северные, но известны и обратные примеры. Так, на Днепровских порогах на стоянке ямной культуры Скеля-Каменоломня обнаружена керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, характерная для лесной зоны Европейской части СССР. Южный предел сплошного распространения этой керамики проходит севернее Киева. Подобно тому, как наряду с воздействием ямной культуры на северные лесные районы имело место и воздействие лесных районов на ямную культуру, в более раннее время не только культуры Причерноморья влияли на северные, но и северные культуры оказывали влияние на Причерноморье.

Ставшая возможной после находок в Скауне более прочная увязка Сюрени II со свидерской культурой позволяет остановиться и на другом вопросе — о дате свидерских комплексов. Как известно, большинство польских исследователей рассматривает свидерскую культуру как позднепалеолитическую, тогда как советские археологи считают ее мезолитической. Из чего исходят польские археологи? С. Круковский говорит о том, что ранние стоянки свидерской культуры известны только на юге Польши, среднесвидерские — в более северных районах, а позднесвидерские — вплоть до Балтики. Это, по мнению Круковского, указывает на продвижение свидерцев вслед за отступающим ледником и на позднеледниковую дату свидерской культуры. Мысль интересная, но С. Круковский дал ее в общей форме, не подкрепив картой распространения памятников, таблицами, показывающими хронологическое различие северных и южных свидерских стоянок Польши, и т. д. Неясно и то, сколь велико число памятников для этого заключения [9].

Соображения Л. Савицкого, основанные на палеоклиматологической интерпретации стратиграфии дюнных стоянок, аргументированы шире. Время образования определенных слоев дюны, предшествующих и отвечающих свидеру и следующих за ним (перемежающиеся слои песка и ископаемого гумуса), определяется Савицким по сопоставлению со схемой колебаний климата в Прибалтике [10]. Но и эти соображения, основанные на коннексии, нельзя признать бесспорными. Укажу на то, что при недавних раскопках С. Ковальского в Кобежине под Краковом прослежена стратиграфия дюны, тождественная стратиграфии дюны в Свидры Виельке. Однако тот слой ископаемого гумуса, который Л. Савицкий связывал с неолитическим временем, точно датируется здесь римской эпохой.

Еще более существенны результаты раскопок В. и М. Хмелевских на стоянке Витов под Лодзью. Здесь выявлено два слоя — свидерский и тарденуазский, причем под-

---

[6] А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, XXI, 1954, стр. 39—41.

[7] А. А. Формозов. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века Русской равнины. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр 8—10.

[8] H. Breuil. Notes de voyage paléolithique en Europe centrale. L'Anthropologie, т. XXXIII, № 2, Paris, 1923.

[9] S. Krukowski. Paleolit. Prehistoria ziem polskich. Krakow, 1948, стр. 81—96.

[10] L. Sawicki. Wiek przemysłu Świderskiego w świetle geomorfologji podwarszawskiego odcinka pradoliny Wisły. Księga pamiątkowa ku uczeniu 70-rocznicy urodzin prof. W. Demetrykewicza, Poznań, 1930, стр. 9—49.

стилающим является именно тарденуазский слой [11]. Это неожиданное для польских археологов явление не удивляет советских археологов, писавших об очень поздних стоянках с инвентарем свидерского облика, доживающих до неолита и синхронных тарденуазским комплексам юга и запада СССР. Таким образом, даже польский материал говорит о мезолитическом возрасте свидерских памятников.

Теперь же, когда в свете румынских находок мы можем говорить о том, что материал типа Сюрени II появился в Крыму не в результате конвергенции со свидерской культурой, а под ее непосредственным влиянием, можно поставить свидер на определенное место в четкой хронологической шкале, основанной на стратиграфии пещерных мезолитических стоянок Крыма. Раскопки на дюнах дают стратиграфические наблюдения в очень редких случаях, поэтому соображения польских коллег по вопросу о дате свидерской культуры менее прочны, чем данные исследователей пещер.

Возвращаясь к стоянке Скауне, остановимся на мнении проф. К. Николаеску-Плопшора о том, что верхнепалеолитический возраст этой стоянки доказывается ее высоким положением над долиной р. Быстрицы. В СССР известны не только мезолитические стоянки, лежащие низко на дюнах, но и ряд памятников, связанных с высокими террасами и плато. Так, на плато, на большой высоте над долиной Десны расположена мезолитическая стоянка Смячка XIV [12]. Следовательно, высота стоянки над дном долины не решает проблему ее датировки.

Таковы те вопросы, которые ставят новые открытия румынских археологов.

А. А. Формозов

---

[11] С материалами раскопок С. Ковальского, В. и М. Хмелевских я ознакомился весной 1958 г. в Польше, благодаря любезности авторов раскопок.

[12] М. Я. Рудинський. До питання про культури «мезолітичної» доби на Вкраїні. Антропологія, т. I, 1928, стр. 85—86.

P. Bosch-Gimpera. El problema indoeuropea. Con un appéndice de M. Swadesh Mexico, 1960, 385 стр.+20 карт.

С 1923 г. автором рецензируемого труда было опубликовано более 20 работ по вопросам этногенеза народов Европы и Северной Африки. Естественно ожидать, что вышедшая теперь в «Трудах Института истории Мексиканского университета» обширная его монография на общую тему привлечет большое внимание. Имя автора, одного из видных участников «Эбертовского» многотомного реального словаря по доистории, широко известно в кругах археологов по его многочисленным археологическим статьям и исследованиям. Поэтому можно было ожидать очень многого от данной монографии.

Должен сказать, что по прочтении этой книги у меня создалось очень странное впечатление. Я теряюсь в выборе того, что следует отметить как весьма положительное (а таких мест немало), и того, против чего нужно решительно протестовать. Слишком обширна выбранная автором тема и очень много в ней затронуто частных и общих вопросов, стоящих перед археологией, лингвистикой и историей в узком значении этого термина. Подробный разбор этого труда потребовал бы, вероятно, еще больше страниц, чем их имеется в самой монографии. Поэтому поневоле приходится ограничить эту рецензию главным образом разбором примененной автором методики для разрешения сложной индоевропейской проблемы и отдельными выборочными местами из этой книги.

Первую часть своего труда П. Бош-Гимпера посвящает историографии вопроса. В этой части он ограничивается конспективным изложением взглядов большого числа (около ста) авторов, занимавшихся этой проблемой,— археологов, этнографов, лингвистов и антропологов,— изредка высказывает свое отношение к их взглядам. Об этой части труда П. Бош-Гимпера можно сказать только то, что она дает представление о колоссальной эрудиции автора и является очень нужным и полезным справочником для всех, занимающихся индоевропейской проблемой.

В третьем разделе монографии П. Бош-Гимпера излагает те общие положения, которых он придерживается в своём труде,— свой взгляд на процесс этногенеза народов. Как и в предшествовавших своих работах, он стремится доказать, что этногенез народов — явление очень сложное и не представляет ни для какого из современных народов единой линии развития. Приведя некоторые примеры (саксонцы, франки и т. д.), автор пишет: «Идя вглубь, мы находим ту же сложность, и народы в действительности всегда представляют собой конкреции, состоящие из различных элементов, часто разного происхождения. Нет никакого основания полагать, что в предыстории и археологии дело обстояло иначе» (стр. 84).

Из этого автор делает вывод, что следует отказаться от привычного старого метода этногенетических исследований и «не исходить из гипотезы о первоначальном народе, о первоначальной родине, о первоначальной культуре и языке,— о чем можно спорить, существовали ли они некогда... Необходимо исходить из тех этнических групп, которые археология позволяет рассматривать как скрещение... множества культурных и социальных факторов, давших начало народу в историческом смысле этого слова» (стр. 85).

С этим довольно трафаретным заключением вполне можно согласиться, но только в том случае, если в термины «народ», «родина», «язык» вкладывается такое их содержание, которое мы вкладываем в эти слова, говоря об исторически известных народах. К сожалению, П. Бош-Гимпера не раскрывает эмоционального оттенка применяемых им терминов и, как мы увидим ниже, пытается установить исходные области, в которых сложилось индоевропейское единство, выделить те племена (археологические культуры), которые принимали в этом участие, определить время сложения индоевропейского строя речи. А ведь при желании все это можно назвать прародиной, пранародом и праязыком. Так, например, он пишет:

«Если верно, как предполагают некоторые лингвисты, что происходила эволюция от агглютинирующего этапа к флективному, который привел к сложению индоевропейской речи, то этот процесс следует отнести к мезолиту. В каких европейских мезолитических группах и когда произошла эта эволюция, на этот вопрос трудно ответить. Но можно предполагать, что они находились, возможно, в понтийских районах и были в контакте — каком, неясно — с Ближним Востоком» (стр. 107—108).

Мне кажется, что в таких работах, как данная, основные применяемые автором термины должны быть совершенно ясными, и их содержание должно быть точно определено во избежание неправильного толкования их. В этом отношении обращает на себя внимание безразличное употребление автором термина pueblo (народ) как применительно к уже историческим народам, так и к древним племенам или далеко не ясное и частое употребление выражения, что язык той или иной этнической группы находился еще «в текучем состоянии» (en estado flúido.). Что именно надо понимать под этим, неизвестно: автор нигде не раскрывает смысла этого выражения.

Используя огромную литературу, один список которой составляет 85 страниц, и основываясь на своей долголетней деятельности в области археологии, П. Бош-Гимпера сделал попытку восстановить этнокарты Европы на разных этапах развития человечества, начиная с мезолита до эпохи раннего железа. Эта часть составляет ядро его монографии (стр. 85—251). Он старается выяснить существовавшие в древности отношения между многочисленными этнообразованиями, представленными археологическими культурами, намечает пути передвижений и расселений древних племен, их вероятные смешения, возможные случаи ассимиляции или вытеснения одних племен другими и т. д. Колоссальное число фактов, с которыми при этом приходится иметь дело автору, не дало ему возможности почти нигде развернуть аргументацию в защиту своих выводов. Я, естественно, не могу остановиться на большом числе таких мест и приведу только один пример, характеризующий приемы изложения автором своих утверждений.

«3. Этнология лужицкой культуры. Несомненно характеризует значительную этническую группу, сложившуюся между Одером и Вислой и между Судетами и Балтикой. В своих основах она имеет связи с унетицкой культурой, но ее культурная ориентация преимущественно дунайская, как по керамике, имеющей связи с культурой Тошег в Венгрии, в которой лужицкая орнаментика и трупосожжения появляются раньше, чем в лужицкой культуре, так и по венгерским типам бронзы, в отношении которой область лужицкой культуры была промежуточной между Венгрией, Трансильванией и северной зоной.

Это дало повод немецким археологам, начиная с Коссины, рассматривать представителей лужицкой культуры как «северных иллирийцев», подтверждая такое сопоставление параллелями между иллирийской и центральноевропейской топонимикой, достигающей границ лужицкой культуры. Между тем археологи славянских стран полагают, что лужицкая культура связана с проблемой происхождения славян и переживание имени венетов, которых долгое время считали иллирийцами и которые в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры занимали области к востоку от Вислы, в имени славянских вендов на лужицкой территории было одним из мотивов для идентификации лужичан со славянами.

Инфильтрация вендов в среду народов погребальных урн в узком смысле этого термина — венетов Вандеи во Франции, название Lacus Veneticus: озеро Констанцкое, венеты Италии, венеты между балканскими иллирийцами около Македонии, и, наконец, «enetoi» Пафлагонии в Малой Азии и существенные отличия лингвистических элементов в иллирийском от центральноевропейского, приписываемого народам лужицкой культуры, заставили, начиная с Кречмара, отказаться от идентификации иллирийцев с лужичанами и видеть в венетах эстов, в чем совпали взгляды Крахе, Покорного и др.

Таким образом, лужичанские передвижения были, в действительности, передвижениями венетов и эстов, индоевропейского народа, исчезнувшего с места своего происхождения, затемненными движением после 500 г. к югу германцев, после того как вторжения киммерийцев и скифов поколебали силу лужичан и венедов, от которых сохранились только восточные группы, появляющиеся позднее в качестве славян» (стр. 181—182).

Конечно, этим выводам предшествует часть археологическая с изложением «фактов». Я не буду утомлять читателя большой выдержкой и только извлеку из соответствующего вышесказанного раздела (стр. 167 сл.) несколько отрывков, характеризующих содержание этого раздела:

«В бассейне Одера унетицкая культура преобразовалась около 1600... в предлужицкую, параллельно с тшинецкой культурой на Средней и Верхней Висле с Верхней

Вартой, Наревом и Бугом... Эти культуры вскоре после 1300... объединились в собственно лужицкую культуру от Саксонии, Силезии и Лужиц... до Восточной Германии, включая Бранденбург, до Польши и Волыни... При переходе к железному веку (1200—1100) лужицкая культура получила большую силу экспансии, и ее народы предпринимают движения к западу, востоку и югу, далеко проникая во время своих набегов... Лужицкое влияние создало там (в Богемии.— *А. Б.*) кновицкую культуру, которая кладет начало полям погребальных урн в узком значении этого термина («Urnenfelderkultur», «Urnfield cultur»). В южной зоне Богемии продолжала существовать курганная культура и одновременно распространялась культура погребальных урн, наслаиваясь на курганную культуру (Милавецкая группа). Точно так же на юге Германии сохраняются пережитки курганной культуры, и в то же время распространяется культура погребальных урн, воздействуя на население курганной культуры и вызывая частичные движения ее народов, которых мы идентифицируем с кельтами, принуждая последних последовательными давлениями к далеким перемещениям (Бельгия, Франция, север Испании)... (Гальштат А: 1200—1100, Гальштат В: 1000—800)...»

Полагаю, что этих выдержек достаточно для того, чтобы можно было представить себе стиль этой основной части работы П. Бош-Гимпера. Здесь с каждой фразой можно либо соглашаться, либо вносить в нее дополнения и поправки, либо спорить, либо резко возражать. А такие фразы в монографии П. Бош-Гимпера более чем на 150 страницах. Поэтому я ограничиваюсь только выражением общего своего мнения не о содержании этих полутораста страниц, а о их ценности для разрешения поставленной автором перед собой задачи — решения индоевропейской проблемы. Мне представляется, что фактический археологический материал, приводимый автором для обоснования его выводов этногенетического порядка, недостаточно аргументирован, а часто подменен только его собственными утверждениями, хотя и основанными на археологических трудах других археологов и его собственных. Слишком многое приходится принимать на веру. Очень многие мысли и предположения автора весьма интересны и кажутся правильными, многие спорны, а есть и такие, с которыми никак нельзя согласиться. В этом отношении замечается большое различие между описаниями автором различных археологических фактов и делаемых им из этих фактов выводов. Там, где он использует материал, близко ему знакомый, его предположения кажутся вполне вероятными или, по меньшей мере, возможными, или только дискуссионными. Но там, где он использует материал, так сказать, из вторых рук, только по литературе (преимущественно материалы Восточной Европы), и особенно там, где авторы, на которых он опирается, сами знали археологический материал только по литературе, получаются иногда исключительные срывы. Приведу в этом отношении некоторые примеры, более близкие советским археологам.

Так, например, на стр. 114—115 П. Бош-Гимпера пишет: «В общем все эти евразийские неолитические группы от Скандинавии до Японии, на севере Среднерусской возвышенности, в приволжских и урало-каспийских (арало-каспийских?— *А. Б.*) степях, равно как и в коридоре азиатских степей, носившие ранее название «арктического неолита», имеют много общего и, как кажется, возникли на базе мезолита, от которого в них сохраняются большие пережитки, уходящие, вероятно, корнями в более раннюю палеолитическую базу».

Если бы автор обратился вместо иностранных авторов к работам советских археологов, например, к работам А. А. Формозова [1], он убедился бы, что этническая карта этих областей в раннем неолите далеко не так проста, как ему кажется. Но в большом перечне использованных автором археологических трудов фамилий А. А. Формозова или М. В. Воеводского не значится.

Так же неприемлемо заключение П. Бош-Гимпера, навеянное, возможно, статьей покойного Э. Штурмса [2], которая, впрочем, также отсутствует в списке использованной автором литературы: «В Центральной России влияние польской культуры и одновременно понтийских культур преобразовало экономику, дав место принципам земледелия в этих районах (food producing economy) и преобразованию керамики с гребенчатым орнаментом в ямочную (pit marked)» (стр. 150). Он относит это ко времени около 2000—1800 гг. до н. э. Если можно согласиться с распространением свидерской культуры (а точнее, некоторых элементов ее) на восток до верховьев Оки (Гремячевская стоянка), то, во всяком случае, это может быть отнесено только к такому раннему времени, когда не могло быть и речи о земледелии и тем более — о преобразовании типа керамики, которое совершалось, вопреки утверждению П. Бош-Гимпера, и много позднее совсем наоборот — от ямочной к гребенчатой.

Совершенно устарело и абсолютно не соответствует фактам утверждение на стр. 175, что Галичский клад свидетельствует об обменных связях с «культурой Бородина» (sic.— *А. Б.*).

Можно было бы привести из этой обширной монографии еще ряд подобных примеров, но дело не в этих ляпсусах, которые — должен сказать — встречаются в этом труде далеко не часто, а в опасности делать далеко идущие выводы по археологиче-

---

[1] См., например, А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

[2] E. Sturms. Der Ursprung der kamm- und grübchenkeramischen Kulturen Osteuropas. Bonn, 1957.

скому материалу, известному автору только по литературе. Может быть, в ряде случаев автор из-за этого злоупотребляет выражениями «вероятно» (probablemente), «кажется» (parece), «возможно» (posiblemente), что ослабляет убедительность делаемых на основании таких предположений выводов.

И, наконец, мне кажется, что автор придает слишком большое значение возможности диффузии культурных элементов. В этом отношении характерно делаемое П. Бош-Гимпера на стр. 112—115 утверждение об «излучении» (irradiaciones) элементов неолита с Востока:

«Вероятно, первые излучения неолита Ближнего Востока близки по времени к V тысячелетию. Во всяком случае, необходимо признать, что во второй его половине этот процесс уже развивался, а в апогее этого процесса, в III тысячелетии, он достигает полного развития со введением в Европе и в Средиземноморье знакомства с употреблением меди... Вскоре, возможно даже одновременно, из Средиземноморья и Малой Азии, а также через Кавказ шли потоки, которые разнесли неолит до центра и востока Европы, возможно, в течение V тысячелетия. Другим направлением должно было быть распространение неолита из Ирана через арало-каспийские районы со значительным центром в Кельтеминаре в Хорезме, на юг от Аральского моря, и на Урале; через северные отроги горных цепей Центральной Азии до верховьев Енисея и до Байкала; оттуда распространение пошло на восток, достигнув, как мы сказали, области Амура и Японии» (стр. 113—114).

Но к каким же окончательным выводам пришел автор в результате своего исследования? Само собой разумеется, что он не мог не заметить слабости некоторых своих аргументов и потому в итоговой части своего труда предупреждает, что его «реконструкция процесса формирования индоевропейских народов» является более или менее гипотетической, т. е. рабочей гипотезой (стр. 241). И далее он излагает в 23 пунктах окончательные свои выводы, занимающие девять страниц.

Сначала говорится, что появление индоевропейцев в начале II тысячелетия до н. э. должно было иметь за собой длинную историю, и археология доводит это начало до неолита, вероятно, до V тысячелетия. Но ни один из мезолитических народов нельзя считать предками индоевропейцев. В это время можно говорить только о финно-угорских, урало-алтайских, средиземноморских, азианийских, хамитских и семитских корнях.

В V тысячелетии до н. э. в центре Европы, в Чехословакии и прилегающих областях складывается этническое образование, давшее начало дунайской культуре, а в Польше и понтийских областях — те образования, которые, войдя в контакт с дунайскими, послужили ядром первичных индоевропейских народов. На границах с ними существовали финно-угорские образования, субстрат которых послужил впоследствии для образования ретийского языка и западных субстратов, на основе которых возник баскский язык. Это же объясняет наличие неиндоевропейских элементов в индоевропейской речи после ее кристаллизации.

В III тысячелетии до н. э. процесс кристаллизации достиг, по-видимому, своей зрелости в кругу дунайских культур; в них появилась, как кажется, и тенденция к дифференциации — Средний Дунай и Тисса, с одной стороны, и Трансильвания, Польша, Украина, Нижний Дунай (культура Кукутени — Триполье) — с другой. Экспансия и контакты дунайской культуры привели в результате к образованию индоевропейских групп, но «в текучем состоянии». Таков характер просачивания дунайцев в Италию (протолатиняне). Более прочная кристаллизация наблюдается на востоке балканской зоны — лувийцы и хетты Малой Азии, а также те племена, которые пришли в Грецию и, смешавшись с другими дунайцами, тоже индоевропейцами (народы боевых топоров), и приняв в качестве субстрата средиземноморцев и азианические племена, превратились в определенно греческую группу.

На Севере основными являлись неиндоевропейские племена, в среду которых проникали первичные эсты и которые входили в контакт с индоевропейскими племенами центра Европы.

В понтико-кавказских областях раньше кристаллизовались северокавказские группы, появляющиеся уже на горизонте неиндоевропейских народов Ближнего Востока,— еще не дифференцированные индо-иранцы. Эти группы достигли зрелости на переходе ко II тысячелетию до н. э. «Наиболее северные группы этой формации, в текучем состоянии, составляли степные народы, которые, проникая до центра Европы, положили начало новым временным формациям — народу культуры шаровидных амфор, народу культуры боевых топоров и шнуровой керамики, смешавшись с центральноевропейскими народами, с неиндоевропейскими народами внутренней России и балтийских областей, включая и народы северной культуры» (стр. 244).

Реакции со стороны михельсбергской культуры, культуры колоколовидных сосудов, контакты с азианико-балканскими народами (Винча, Иордансмюль, Баденская), северные инфильтрации, набеги народа боевых топоров вызвали дезинтеграцию народов Центральной Европы. Незатронута была только культура Кукутени — Триполье.

В первых веках II тысячелетия до н. э. оформляются различные индоевропейские народы. Индо-иранцы, главным образом индийцы, представители языков типа satem в виде компактной группы на севере Кавказа; в Анатолии — лувии и хетты; в Греции — формирующиеся греки, скоро образовавшие ахейскую группу; в Италии — менее плотные группы со средиземноморским субстратом. В понтийских областях, Польше,

Центральной России, Центральной Европе, севернобалтийских областях также происходила индоевропеизация, нарушаемая движениями народа боевых топоров.

В эпоху бронзы происходила консолидация этих явлений. В Греции появляются на сцену доряне и западные греки, северные группы в Фессалии и Эпире. На востоке Балкан консолидируется фрако-фригийская группа, а на западе группа, уходящая корнями в культуру Любляны-Вучедол и, возможно, бутмирскую, образующая, вероятно, позднее иллирийскую группу. В Венгрии (культура Тошег) — группа, представляющая будущих даков. В Чехословакии и прилегающих областях унетицкая культура представляет собой этническое образование, распространившееся на юг Германии (культура курганов), докатившееся до Бельгии, Восточной Франции и юго-востока Австрии; это смесь различных народов неиндоевропейского корня, остатки древней неолитической дунайской культуры, включения западного народа колоколообразных сосудов и народа боевых топоров; все это вместе мы считаем протокельтской культурой. От Саксонии до Вислы и Буга лужицкая культура представляет собой другое этническое образование, связанное с будущими венетами. В Дании, Северной Германии до Эльбы, в Скандинавии складывается северная культура, которую со второго периода надо рассматривать как германцев. В устье Вислы и северных областях Балтики складываются народы балтов, господствующих, вероятно, над остатками народов культур шаровидных амфор и боевых топоров и над неиндоевропейским населением Северо-Востока. «Господство групп эстов, которые в Центральной России составляли базу местного населения, после поглощения внедрившейся части народа боевых топоров (фатьяновская группа)... создает неиндоевропейскую сейминскую культуру» (стр. 247). В срубной культуре автор видит элементы еще не вполне оформившихся скифов, а на западе черноморских степей — этнические формирования, давшие начало будущим киммерийцам.

На Кавказе консолидируется сложение индо-иранцев, связанных с населением понтийских областей и Ближнего Востока. «Из индоевропейцев, распространившихся ранее на юг от Кавказа, касситы и митанни были поглощены историческими народами Месопотамии, а индийцы в Азербайджане и Западном Иране окончательно кристаллизуются в ведическую эпоху. Индоевропейцы, проникшие в Малую Азию, были в конце концов поглощены местным анатолийским населением. Только на юге Малой Азии сохранялся некоторое время лувийский язык.

В общем, до конца эпохи бронзы в центре Европы индоевропейские языки находились в текучем состоянии. Только на грани перехода к железному веку начинается этап окончательного развития индоевропейских народов и кристаллизация их языков.

Я привожу только содержание последнего, 23-го параграфа.

«После апогея своего распространения этнические группы лужицкой культуры входят, с движением киммерийцев и скифов к центру Европы, в этап разложения, усугубленный проникновением на их территорию кельтов и германцев. Происходят смешения с чужеземцами и более или менее длительное или кратковременное подчинение их последним. На этом этапе они существуют как некоторый субстрат, сохраняющий определенные пережитки своей культуры и лужицкий этнический облик, но испытывая в общем сильное видоизменение и денатурализацию. Только группы, более близкие к балтам и расположенные восточнее, в частности венеты, сохраняют свое своеобразие, ориентируясь на контакт с балтами и народами к востоку от Вислы, Белоруссии и Волыни. Это позволило им кристаллизоваться в восточную группу славян. С прекращением германских движений и сохраняя то, что осталось на их традиционных территориях от лужицкого субстрата, они объединяются с лужичанами, которые уже являются славянами, и имеет место большая экспансия этих народов, восстанавливающих древнее лужицкое единство, на этот раз безусловно славянское» (стр. 251).

Что можно сказать в итоге сделанного рассмотрения монографии П. Бош-Гимпера? Не вступая в оспаривание тех или других его выводов и не защищая тех или иных его положений — и для того и другого есть много оснований,— я хотел бы сказать следующее. Задача, поставленная перед собой автором, слишком велика, чтобы ее мог выполнить один человек, какой бы большой эрудицией он ни обладал. Отсюда вытекают неизбежные ошибки, пробелы, неопределенности, которые в такой работе делают конечные выводы не столько «рабочей гипотезой», сколько тем, что в формальной логике характеризуется, в лучшем случае, термином «probabilitas» (вероятность) или даже «possibilitas» (возможность). Тем не менее этот труд, излагающий точку зрения автора, и притом автора с большим опытом в этой области, представляет крупный интерес для исследователей в области индоевропейской проблемы в целом и в ее частностях. Особенно следует приветствовать поиски автором новых методов для разрешения этой сложной проблемы и отказ от устарелой «унитарной», как назвал ее автор, гипотезы о прямой линии происхождения индоевропейских народов от одного корня, как бы мы его ни называли. Лично я также полагаю, что в отношении этой проблемы следует говорить не о распаде индоевропейского языкового единства, а о сложении групп индоевропейской семьи языков. Подчеркиваю — «языков», а не «строя речи». Но со многим, содержащимся в труде П. Бош-Гимпера, можно спорить и не соглашаться. И это очень хорошо, так как еще старинная поговорка гласит, что из спора рождается истина. Важно то, что эта книга из области простого толкования археологических и лингвистических фактов уводит нас в область м е т о д о в толкования этих фактов. Этим труд П. Бош-Гимпера отличается от других и в этом его ценность.

А. Я. Брюсов

Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесский государственный археологический музей. Одесса. Вып. I, 1957; вып. II, 1959; вып. III, 1960.

Выход в свет трех книг рецензируемого издания представляет собой немаловажное явление в советской исторической науке, в изучении истории нашей Родины. Как известно, одесские археологи в прошлом сыграли крупную роль в развитии отечественной археологии. Одесский археологический музей, один из старейших в стране, собрал всемирно известную коллекцию археологических памятников. Одесское общество истории и древностей на протяжении большого периода было одним из деятельных центров отечественной археологии, а его издания, как и отдельные издания музея, заняли почетное место в археологической литературе. Однако в период 1930-х—1940-х годов издание археологической литературы в Одессе ослабло. Поэтому происшедшее за последнее время оживление археологической работы в Одессе, выразившееся в активизации научной, научно-пропагандистской и издательской деятельности музея, в создании Одесского археологического общества, нужно всемерно приветствовать. Вместе с тем небесполезно подвести некоторые итоги и попытаться оценить археологические издания музея [1].

Три книги «Материалов» представляют собой сборники статей общим объемом 632 стр., в них заключено 59 различных по величине работ (статьи, публикации, заметки), помимо 7 рецензий и 12 хроникальных сообщений. Большинство работ посвящено изучению истории и археологии междуречья Днестра и Южного Буга; несколько статей относятся к изучению других, но обычно сопредельных районов. В сборниках значительное место уделено публикации археологических памятников Одесского музея.

Хронологически статьи сборников охватывают период от палеолита до XVII в. Такое соотношение ограниченного географического ареала и широкого хронологического диапазона следует признать очень плодотворным, тем более что данный район в целом до последнего времени не подвергался должному археологическому изучению. Между тем междуречье Днестра и Южного Буга представляет собой один из важнейших районов в истории нашей Родины: здесь, с одной стороны, проживало древнейшее аборигенное население, с другой — сюда проникали различные народы, здесь перекрещивались и взаимодействовали различные культурные влияния. Этот район включает в себя такие важные культурные комплексы, как трипольская и усатовская культуры, скифы и сарматы, античные города и поселения, черняховская культура, культура полей погребений и т. д. Изучение последних и близких им по времени памятников важно для понимания древнейшей истории славянского населения.

Оценивая положительные стороны издания ОГАМ, нам хотелось бы особо подчеркнуть следующие достижения.

1. Путем публикации многочисленных работ о раскопках и разведках как прежних лет, так и последних в науку введен большой материал, способствующий прежде всего созданию полной археологической карты междуречья Днестра и Южного Буга.

2. Сборники включают в себя не только публикационный материал, но и обобщающие статьи по важным вопросам истории. Внесен новый вклад в изучение местных племен скифо-сарматского времени с точки зрения их социального строя, этнического состава и локализации (например, статьи М. С. Синицына). Сильно продвинуто изучение ольвийского денежного обращения (работы П. О. Карышковского и А. Г. Сальникова), а вместе с тем — и истории Ольвии в целом.

3. Введены в науку значительные материалы из фондов Одесского археологического музея. Как известно, комплектование фондов Одесского музея производилось различными путями, в том числе в значительной мере — путем покупок и даров. Поэтому многие памятники остаются до сего времени неопубликованными и неизвестными даже научным работникам.

Однако территориально материалы сборников не ограничены только междуречьем Днестра и Южного Буга. Во-первых, в них включен ряд работ по сопредельным и другим областям, а во-вторых, что самое главное, в большинстве статей и публикаций авторы при анализе исторических событий и памятников выходят далеко за рамки не только данного района, но и вообще Северного Причерноморья (особенно работы М. Ф. Болтенко, П. О. Карышковского, А. Г. Сальникова, А. Г. Загинайло, Н. П. Сорокиной и др.) и тем самым история исследуемого района закономерно рассматривается не изолированно, а в плане всемирно-исторического процесса.

Положительной чертой сборников является освещение (в разделах «Хроника») работы музея, состава и системы комплектования археологических коллекций, выставок и массовой работы, проводимой под углом зрения научно-атеистической пропаганды и воспитательной работы среди населения.

Обращаясь к характеристике материалов, помещенных в отдельных сборниках, заметим, что, хотя каждый из них не лишен каких-либо недостатков, общая тенден-

[1] Первый выпуск МАСП издан на русском языке, второй и третий (за исключением отдельных статей) — на украинском. Помимо изданий Одесского музея, археологический материал печатается в «Трудах Одесского государственного университета». Так, вып. 7 серии исторических наук, 1959 г., является археологическим сборником. В печати находится т. I «Записок Одесского археологического общества».

ция заключается в том, что от первого выпуска к третьему книги стали содержательнее и обширнее по объему.

Выпуск I (1957 г.) содержит 13 работ. Он открывается небольшой статьей П. И. Борисковского о разведках в районе Тирасполя. Работа имеет большое принципиальное значение, поскольку в ней даны сведения о впервые ставших известными следах жизни палеолитического человека и о первой тарденуазской стоянке в районе Нижнего Поднестровья.

В следующей статье, А. Л. Есипенко, сообщается об очень интересном трипольском поселении Александровка. К сожалению, статья носит описательный, дилетантский характер, в ней нет исследовательского элемента, попыток уточнения хронологии. В статье имеются грубые стилистические и смысловые погрешности. Так, например, стремясь подкрепить положение о том, что современная дубовая роща в районе поселения была остатком лесов трипольского времени, автор пишет: «Деревья растут из пней. Старожилы не помнят, чтобы здесь до настоящего времени когда-либо производили посадку дуба, но они подтверждают, что на протяжении 70—80 лет эта дубовая роща подвергалась порубке дважды» (стр. 11—12).

Две работы посвящены Усатову (Большой Куяльник). Покойный М. Ф. Болтенко, открывший и исследовавший археологический комплекс, давший название знаменитой усатовской культуре, впервые привел четкую стратиграфию поселения, столь необходимую для правильной датировки. Интересна публикация глиняных женских фигурок и мысль о связи их с образом девы-змеи из легенд скифской этногонии. Вызывает сомнение трактовка орнаментации усатовских глиняных кубиков как передачи фасада здания. Э. Ф. Патокова на основе изучения изображений животных (скульптурных и вырезанных на камне) из Усатова и соответствующего остеологического материала приходит к выводу о том, что усатовцы (конец III — начало II тысячелетия до н. э.) имели уже в своем стаде основных домашних животных (корова, овца, собака, лошадь).

В статье А. Н. Мелихова о двух погребальных памятниках эпохи бронзы в районе Адлера вызывает интерес не только оригинальность погребальных сооружений, но и мысль о связях этого района Кавказа с Прикубаньем и еще более северными областями во II тысячелетии до н. э.

Описанию керамики из поселения эпохи бронзы и раннего железа (XIII—VI вв. до н. э.) в с. Кременчук, Николаевской области, посвящена работа Е. Ф. Яровой. Заметка Ф. Рудыка информирует о раскопках поселения VI—III вв. до н. э. на берегу Сосицко-Березанского лимана (Викторовка I).

Три работы посвящены поселению в Лузановке, на северном берегу Одесской бухты. Статья М. С. Синицына содержит отчетные данные о раскопках 1929—1930 и 1937—1939 гг. Автор датирует поселение периодом от V в. до н. э. до II—III вв. н. э. Характеризуя экономику этого поселения, автор на основе не столь большого остеологического материала делает широкие выводы о роли отдельных видов животных в хозяйстве. В. И. Таганова (Кузьменко) систематизирует сероглиняную посуду из Лузановского поселения. По-видимому, из-за плохого состояния полевой документации эта керамика недостаточно связана со стратиграфией и отнесена к VI—IV вв. до н. э. Если поселение доживает до II—III вв. н. э. (М. С. Синицын), то автору следовало бы остановиться на вопросе, почему здесь нет более поздней сероглиняной керамики, хорошо известной в других поселениях и городах.

В посмертной статье А. Н. Зографа публикуются 13 монет из Лузановки. Нумизматическая тематика нашла отражение также в публикации литого медного дельфина А. Г. Сальниковым.

Вопрос о месте производства предметов античной торевтики, найденных в Северном Причерноморье, до сего времени вызывает бурные споры, поскольку не хватает точных объективных доказательств для его решения. Работа В. Никулина «К вопросу о наличии на Боспоре центра по штамповке изделий из золота и серебра», посвященная публикации четырех боспорских металлических штампов из коллекции Одесского музея, в сильной степени способствует положительному решению вопроса. Обратим внимание, однако, на утверждение автора о том, что с III—II вв. до н. э. «местные мастера Северного Причерноморья успешно начинают конкурировать с изделиями греческих торевтов» (стр. 87). Из текста следует, что под «местными» автор понимает мастеров-негреков. Но этого-то вывода в области торевтики имеющиеся материалы не дают возможности сделать. Заметим, что мотивы изображений на публикуемых штампах (цветок аканфа, ракушка, лягушка и луннича) свойственны греческому искусству.

В статье И. И. Козыренко публикуются тамгообразные знаки на некоторых вещах из Одесского музея, относимые к известным «загадочным знакам» Северного Причерноморья. Заметим, что знак на донце чернолакового сосуда несомненно представляет собой обычное граффито — греческую букву Е — и к «загадочным знакам» отношения не имеет [2].

[2] Не случайно оно не включено в книгу Э. И. Соломоник «Сарматские знаки Северного Причерноморья». Киев, 1959. Заметим, что Э. И. Соломоник (см. там же, стр. 136, № 85) знает в коллекции Одесского музея не две, а три пряжки со знаками.

Заключая характеристику первого выпуска «Материалов», отметим, что он содержит много полезного и важного материала; однако, возможно, в силу того что это был первый сборник музея, он оказался слабее последующих. Редколлегия (М. Ф. Болтенко, А. Л. Есипенко, А. Н. Мелихов) не сделала всего возможного в подготовке, отборе и редактировании статей, среди которых нет работ обобщающего характера и есть слабые, дилетантские работы (А. Л. Есипенко).

Выпуску предшествует краткое, не совсем четко написанное предисловие, к которому примыкает по своему содержанию более обширный раздел «Хроники», с характеристикой фондов, полевой деятельности и экспозиции музея. К сожалению, полезные сведения здесь облечены в форму самовосхваления. Справедливо противопоставляя современную работу музея его предреволюционной деятельности, автор (бывш. директор музея А. Л. Есипенко) превратно оценивает недостатки русских и украинских ученых прошлого, когда пишет, что «в экспозиции господствовало преклонение перед находками чужеземного происхождения», «экспонировались предметы, принадлежавшие пришельцам и завоевателям». Такая характеристика способна зачеркнуть славные и патриотические научные традиции Одесского музея. В третьем выпуске «Материалов», к удовлетворению читателя, эта ошибка исправлена (стр. 303).

Выпуск II (1959 г.) содержит более 20 работ, сгруппированных по разделам; он открывается статьей Л. А. Ануфриева «Выше уровень научно-атеистической пропаганды», нацеливающей археологов и историков на пропаганду научных знаний, на связь музейной работы с жизнью. Своевременно помещенная статья нашла отклик, как это видно из содержания третьего выпуска «Материалов», в котором рассказывается о значительной работе коллектива Одесского археологического музея в этом направлении и дается краткий научно-популярный очерк о происхождении религии (статья В. П. Цыбескова).

В раздел «Статьи» включено шесть работ, из которых широтою поставленной проблемы привлекает внимание статья М. С. Синицына «Население Днестро-Бугского Причерноморья скифо-сарматского времени». Вначале автор останавливается на проблеме взаимоотношений оседлых и кочевых племен в этом районе и приходит к выводу о том, что их отношения базировались не только на принуждении, но и на обмене, с чем трудно не согласиться. Однако вызывают сомнение этнографические параллели из жизни народов Сибири и Дальнего Востока нового времени, приводимые автором для обоснования своего положения. Вряд ли прав автор, утверждая, что кочевые племена днестро-бугского междуречья делали свою посуду только из дерева и шкур, а не из глины, и что лепную посуду они приобретали путем обмена у оседлого населения этого района. Едва ли следует представлять себе кочевые племена в вечном движении. Страбон говорит, например, что номады-сарматы зиму проводят в болотах Меотиды[3]. Производство лепной керамики столь несложно, что не требует ни долговременных установок, ни особых материалов. Покупка и перевоз в степь такого рода керамики могли обходиться кочевникам дороже собственного изготовления. Справедливо замечание Г. А. Дзис-Райко в следующей статье (стр. 36) о том, что лепная керамика слабо распространялась путем обмена.

Но главной целью статьи М. С. Синицына является выяснение этнической принадлежности населения этого района. Основные выводы автора заключаются в следующем. Как в скифский, так и в сарматский периоды в Днестро-Бугском междуречье имеются следующие этнические элементы: 1) кочевники-чужеземцы, они же северные иранцы (скифы и сарматы); 2) коренное население, автохтоны, частью кочевое (алазоны), но в массе оседлое, генетически связанное с населением эпохи бронзы, что объясняет его культурную близость населению лесостепи древнего Приазовья, Крыма, Молдавии, Румынии, Венгрии; 3) греки, которыми автор в этой статье не занимается. Соответственно в языковом отношении выделяются три компонента: иранский, фракийский, греческий. Автор считает, что в период прихода ираноязычных скифов автохтонные племена стояли ниже скифов по своему социальному развитию; скифы их подчинили и в значительной мере ассимилировали (алазонов), испытав влияние покоренных. Затем оседлые земледельческие племена, вступившие в период военной демократии, в свою очередь, ассимилировали скифов. Заслуживает внимания мысль о древнем родстве каллипидов и алазонов, о различии их дальнейшего пути развития, а также определение границы между геродотовскими алазонами и скифами-пахарями границей малогумусных черноземов. В целом эта работа, хотя и не бесспорная в своих отдельных частях, вносит много нового в разрешение проблемы. Наряду с письменными, лингвистическими и этнографическими источниками, в ней широко использован для исторических выводов археологический материал. Заметим, что внимание автора приковано в большей мере к раннему периоду, что вполне закономерно. Этнический состав населения сарматского времени охарактеризован менее подробно. В связи с этим, возможно, автор преувеличивает культурную отсталость сарматов, наложивших, как известно, сильный отпечаток на культуру всех народов Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Отдельно заметим, что упоминание Диона Хрисостома о меланхленах, вероятно, является ораторским приемом.

[3] Strabo, VII, 3, 17.

Статья Г. А. Дзис-Райко посвящена изучению лепной керамики с о. Березани, которую автор относит к культуре местных племен киммерийского и раннескифского времени. В общем с этим положением можно согласиться. Однако хотелось бы высказать предостережение, что нельзя считать лепную керамику, находимую во всех слоях греческих городов и поселений Северного Причерноморья, бесспорным доказательством наличия негреческого населения в них, как это делают некоторые исследователи[4]. В целом статья полезная, она идет в русле оживившегося за последнее время изучения очень важного березанского комплекса.

Большой интерес представляет статья А. Г. Сальникова об ольвийских рыбках. Несмотря на огромную важность и оригинальность этой группы памятников, она еще недостаточно изучена, хотя автор и неправ в том, что о рыбках мало написано. А. Г. Сальников, остро полемизируя с рядом авторов, обобщает вопрос о рыбках и останавливается на хронологической классификации, чем вносит новый вклад в изучение вопроса, и на обосновании монетного характера ольвийских рыбок. Автор на основе стилистического анализа выделяет четыре хронологические группы: геометрическую, реалистическую, схематическую и стреловидную; он не останавливается на относительной периодизации, но идет далее и определяет время выпуска всех видов рыбок в 120—150 лет, причем начало выпуска относит к 570—560 гг. до н. э. Не все положения автора бесспорны. В частности, говоря о безмонетном периоде в Ольвии, он приводит известные положения о возникновении денег вообще, в то время как речь идет о применении металлических денег-монет. Не следует упускать из виду, что Ольвия возникла не в результате распада первобытнообщинного строя, а как апойкия Милета, в котором металлическая монета чеканилась уже с конца VII в. до н. э.[5].

Работа покойной Е. О. Прушевской об аттическом краснофигурном килике из собрания Одесского музея показывает, как тщательное изучение даже одного предмета может привести к большим выводам. Автор определяет чашу как произведение афинского мастера Гермонакса, созданное им в ранний период его деятельности (не позднее 470 г. до н. э.), в бытность его учеником Макрона. Эта работа кладет начало изучению рядовых керамических мастерских, а не только работ выдающихся мастеров, как это сделано Дж. Бизли.

Статьи П. О. Карышковского, посвященные ольвийской нумизматике, обычно приносят новые данные для изучения экономических и внешнеполитических связей Ольвии. Таким же образом обстоит дело и с помещенной в данном выпуске работой о внешнеполитических связях Ольвии с Родосом. Начав с исправления чтения[6] и толкования ольвийской надписи в честь родосца, найденной в 1954 г., автор затем суммирует другие источники о связях Ольвии и Родоса в III в. до н. э. Центр тяжести исследования лежит в нумизматическом экскурсе, в результате которого автор приходит к убедительному выводу о существовании в Ольвии родосской денежной системы.

И. Г. Хынку в статье «К вопросу о средневековой керамике Молдавии» публикует материалы раскопок 1957 г. славянского поселения Лукашовка V Оргеевского района Молдавской ССР. Основная типологическая классификация автора вполне убедительна. К сожалению, материал немногочислен и фрагментарен. Он не соответствует большим выводам, сделанным в конце работы, о судьбах славянского населения XI—XIV вв. в Прутско-Днестровском междуречье. Керамика всех трех выделенных категорий в общем близка друг другу, и при обращении к аналогиям получается, что каждая категория датируется по-разному в различных районах. Скрупулезное изучение фрагментов делает честь автору, но он неосторожно постулирует выводы о развитии одних типов в другие; более того, он говорит о развитии, об эволюции отдельных частей сосуда (венчика) в пределах одного слоя и одного вида сосудов — горшка. Отрицать различия нельзя, но развитие нужно доказать.

В раздел «Публикации и полевые исследования» включено семь работ. Л. Г. Гаркуша сообщает об археологических разведках в бассейне р. Кодыма, А. Л. Есипенко — о разведках в районе Кодыма — Котовск — Рыбница, И. Б. Клейман и К. И. Ревенко — о разведках по западному берегу Днестровского лимана, А. А. Кравченко и В. И. Кузьменко — о разведках в Кучурганской долине, В. Красковский и А. Кремер — о Михайловской эпипалеолитической стоянке, Э. Ф. Патокова — о памятниках по течению р. Савранки, М. С. Синицын — о разведках по побережью Хаджибейского лимана. Материалы раздела отражают большую работу сотрудников Одесского музея, проведенную по разведке археоло-

---

[4] И. Т. Круглікова. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города. МИА, № 33, 1954, стр. 80.

[5] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 24, табл. I, *7—9*.

[6] Касаясь собственно чтения опубликованной Е. И. Леви надписи (Е. И. Леви. К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э. СА, XXVIII, 1958, стр. 243), следует заметить, что вслед за П. О. Карышковским, но независимо от него такое же исправление чтения этой ольвийской надписи сделано известными французскими исследователями: см. J. Robert, L. Robert. Bulletin épigraphique. REG, т. LXXII, 1959, стр. 217, № 270, a.

гических памятников в 1950-х годах и дают значительный материал к археологической карте. Зарегистрированы десятки поселений и курганов, относящихся к различным эпохам, начиная с палеолита. Некоторые авторы ограничиваются простым описанием обнаруженных памятников, без анализа добытых материалов. Отметим подвергнутое значительным раскопкам (М. С. Синицын) поселение эпохи бронзы у хут. Черевичного (Хаджибейский лиман), в котором открыты редкие для этой эпохи каменные основания строений.

В разделе «Заметки и доклады» помещено также семь работ. А. Л. Есипенко публикует каменный топор эпохи бронзы, являющийся редкой находкой для степной полосы Причерноморья. Археологам, занимающимся скифо-сарматским периодом, в большей степени приходится иметь дело с изделиями, чем с орудиями производства. Поэтому издание Е. Ф. Яровой земледельческих орудий скифо-сарматской эпохи из фондов ОГАМ очень полезно. Заметим только, что не следует сближать с лемехом мотыгу из Пашковского могильника[7]. Заметка Н. Г. Доконт посвящена египетской статуэтке, которую автор определяет как магическую и относит к эпохе IV династии (Древнее Царство). В связи с этой публикацией заметим, что Одесский музей обладает хорошей коллекцией (третьей после Эрмитажа и ГМИИ) древнеегипетских вещей, дальнейшая научная обработка которых очень желательна. М. Ф. Болтенко уточняет чтение надписи из ОГАМ № 50 497 и вслед за Б. Н. Граковым считает ее происходящей из города Томи. И. Д. Головко приводит список неизданных граффити из Ольвии и Березани, хранящихся в археологическом музее Одесского университета, выделяя негреческую группу, в которой, однако, на наш взгляд, не все знаки можно связать с «загадочными» знаками Северного Причерноморья и с возникновением местного письма.

Работа П. О. Карышковского «Из истории монетного дела на Боспоре в III в. н. э.» направлена против выводов тех нумизматов, которые приписывают выпуск монет с именем Рискупорида в период 240—268 гг. нескольким правителям. Тщательная аргументация автора убеждает читателя и содержит ряд полезных деталей для выяснения темного периода в истории Боспора, однако спора она не заканчивает. Близка тематически предыдущей заметка К. В. Голенко о некоторых монетах с именем Фофорса, которые автор, на основании искажения легенды, справедливо считает подражаниями, но имевшими место после прекращения боспорской чеканки в IV в. н. э. Нам представляется, что автор напрасно отвергает мысль об участии фальшивомонетчиков в изготовлении этих монет, ибо, при всех условиях, это была не государственная чеканка, и вопрос заключается только в том, имела ли деятельность фальшивомонетчиков место до или после прекращения чеканки. В последнем случае это имело бы очень важное значение для понимания экономики Боспора в IV в. н. э.

Выпуск III (1960 г.) является лучшим из трех во всех отношениях. Чувствуется, что редакционная коллегия (М. С. Синицын, А. Г. Сальников, П. О. Карышковский, Э. Ф. Патокова) провела значительную работу по привлечению и подготовке к печати статей.

В сборнике содержится более 30 работ, разделенных примерно на такие же части, как и выпуск II, но дополнительно включены два раздела: 1) «Рецензии и библиографические заметки», 2) «Из опыта работы музея». В результате сборник приобрел характер солидного журнала. Научная значимость этого выпуска сказывается прежде всего в обобщающем характере большинства работ, помещенных в разделе «Статьи», и в повышении качества публикаций.

Две статьи М. С. Синицына продолжают начатую им тему по изучению истории населения днестро-бугского междуречья. Первую из них автор посвящает вопросу о локализации населенных пунктов, упоминаемых древними авторами между устьями Южного Буга и Днестра. Критически пересматривая взгляды предшествующих исследователей по этому вопросу (П. В. Беккера, В. И. Гошкевича, В. В. Латышева и др.), автор предлагает свою локализацию, не бесспорную, но наиболее вероятную, вследствие того что в работе последовательно применен метод сопоставления данных античных авторов и археологии. В статье широко использованы материалы археологических раскопок и разведок последних лет, что лишний раз доказывает значение такого рода работ и оправдывает их публикацию Одесским музеем. В итоге Алектор отождествляется с городищем у хут. Петуховки на западном берегу Днестро-Бугского лимана, Одесс локализуется на территории с. Коблево на берегу Тилигульского лимана, Скопела — около с. Осетровки на берегу Березанского лимана, Гавань Истриан — в районе Лузановского и Киселовского поселений на северном берегу Одесской бухты, Гавань Исиаков — у с. Черноморки, Гермонакса — на территории с. Затоки у Днестровского гирла, башня Неоптолема — в урочище Змейка, Никоний — на северо-восточном берегу Днестровского лимана около с. Южного; Офиусса отождествляется с городищем у с. Роксоланы, Фиска — с Овидиопольским городищем. Нам представляется, что необходимо с большей осторожностью основываться на том выдвинутом автором положении, что упоминаемые римскими писателями поселения следует считать построенными в «сар-

---

[7] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 108—109.

матское» время, в силу того что ранними (греческими) авторами они не упоминаются. Проверка этого положения должна идти через археологическое исследование.

Вторая статья М. С. Синицына — «Об общественном развитии оседлого населения Днестро-Бугского Причерноморья сарматского времени» — касается одной из сложнейших исторических проблем. Широко используя археологический материал, в частности результаты раскопок городища у хут. Петуховки, автор на основе марксистско-ленинской методологии убедительно намечает основную линию прогрессивного социально-экономического развития оседлого населения этого района от скифского времени к сарматскому. Он считает, что это население достигло в своем развитии ступени военной демократии. Однако в статье немало спорных моментов. Нам хотелось бы обратить внимание на одну сторону в решении этой проблемы. Как известно, Северное Причерноморье в целом, особенно его западная часть, становится в III в. н. э. ареной сложных племенных передвижений и столкновений. Поэтому решение проблемы об уровне социального развития населения в данном случае тесно связано с выяснением этнической принадлежности его и определением того, какие памятники и какие исторические события связываются с тем или иным племенем или группировкой племен. Ведь в это время в Северном Причерноморье появляются новые племена (сарматы, готы и др.), социальный строй которых не был идентичным строю коренного оседлого местного населения. Между тем автор не подвергает анализу эту часть вопроса и в духе позднеантичных авторов называет все северопричерноморские племена «скифскими», сначала в кавычках, а затем и без кавычек. Мы понимаем трудность задачи в связи с недостатком источников [8]. Однако вряд ли правомерно без дополнительных данных связывать постройку большого флота варварами для нападения на римские владения с оседлым населением днестро-бугского междуречья или использовать умолчание Дексиппа [9] о наличии конницы у варваров при осаде Филиппополя для доказательства их оседлости и сходства в социальном развитии осаждавших Филиппополь и жителей поселения у Петуховки. Заметим, что сарматы, в частности, в это время обладали лучшей конницей [10]. Кроме того, в обращении императора Деция к населению Филиппополя, переданном тем же Дексиппом [11], говорится, что у противника имеется «многочисленная конница». Отдельно заметим, что вряд ли зольная яма на оборонительной стене городища у хут. Петуховки служила оборонительным целям; наличие ямы скорее доказывает, что в IV в. н. э. стена не выполняла своих первоначальных функций. Вероятно, не следовало бы для иллюстрации роста социально-экономического неравенства в среде местного оседлого населения ссылаться на ольвийскую стелу Стратона, отражающую культуру города, более 600 лет развивавшегося в условиях рабовладельческого строя.

А. Г. Сальников в статье «К вопросу о торговых связях древних поселений на побережье Днестровского лимана с Грецией в VII—II вв. до н. э.» приводит интересные материалы о клеймах на амфорах из Тиры, Роксоланского и Надлиманского городищ, а также нумизматические находки, говорящие об интенсивности торговых связей со многими античными центрами. В дальнейшем желательно исследовать вопрос о том, были ли эти связи непосредственными или осуществлялись через крупнейшие города (Ольвия, Тира).

О Геродоте, его жизни и творчестве имеется огромная литература; критика и похвалы его труду начались еще в античную эпоху, но значение трудов «отца истории» настолько велико, что внимание к нему не ослабевает, особенно в последние два-три десятилетия, когда появилось все больше доказательств реалистической основы его рассказов. В этой связи цикл экскурсов покойного М. Ф. Болтенко о Геродоте [12] представляет собой отрадное явление. Автор сумел найти новые аспекты, новые доказательства своему основному выводу о том, что Геродот был сознательным сторонником афинской политики и афинского государственного строя. Не менее интересен экскурс о скифских этногонических легендах, в котором автор на основе анализа имени Таргитая и его сыновей выделяет киммерийский (доскифский) языковый субстрат. Правда, вызывает сомнение анализ названия «каллипиды» как «сыны прекрасного Липа», ибо, устранив греческое чтение второй части слова (ἵππος) автор оставил его в первой καλός). Интересна гипотеза об отождествлении геродотовских каллипидов с позднейшими авхатами и сатархеями и о переселении этого племени с запада на восток. Автор, пожалуй, впервые четко выразил мысль о племенных передвижениях, совершавшихся не только с востока на запад, но и в обратном направлении.

---

[8] См. А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э. М., 1954, стр. 4.

[9] Dexipp., fr. 19 = SC, I, стр. 653—654.

[10] См. В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 121.

[11] Dexipp., fr. 19.

[12] Три первых экскурса (о времени жизни Геродота; о семье и отношении к «варварам»; Геродот и Самос) см. М. Ф. Болтенко. Herodoteanea. Тр. Одесского гос. университета, т. 149, серия исторических наук, вып. 7, ч. I, 1959, стр. 35—46.

Новым словом в изучении истории античных городов Северного Причерноморья является статья П. О. Карышковского «Ольвия и Афинский союз», посвященная давно возникшему вопросу о том, входили ли северопричерноморские города в Афинский морской союз. Что касается Ольвии, то после статьи П. О. Карышковского эту проблему можно считать решенной. Автору удалось доказать, что один неизданный обломок плиты с надписью, происходящий из Ольвии и хранившийся в ОГАМ, представляет собой копию афинского декрета Клеарха о распространении афинских мер и весов на союзные Афинам города. В свете этого открытия П. О. Карышковский мобилизует и другие источники, в частности — рассказ Плутарха о понтийской экспедиции Перикла, с которой автор связывает непосредственно вступление Ольвии в Афинский союз. В итоге реальность экспедиции Перикла получила новое подкрепление. Проведенный автором анализ ольвийских литых монет привел его к выводу о зависимости ольвийской чеканки от Афин и о датировке пребывания Ольвии в Афинском союзе в период 437—413 гг. до н. э. Все выводы автора хорошо аргументированы и взаимно связаны, что делает их убедительными, не говоря уже о бесспорности толкования надписи. Однако заметим, что хронология ольвийских литых монет второй половины V в. до н. э., построенная на методе стилистического анализа изображений, об осторожности пользования которым автор сам справедливо предупреждал в одной из своих статей [13], видимо, потребует дополнительных данных. Таким образом, в статье использованы три вида источников: эпиграфика, античные авторы и нумизматика. К сожалению, археологического материала автор коснулся только попутно. Между тем анализ ольвийского импорта по керамическим данным мог бы дать большие результаты. Неправ автор, когда, критикуя исследователей, занимавшихся проблемой о вхождении боспорских городов в Афинский союз, утверждает, что этот вопрос возник в связи с «пресловутым» (!) делом Гилона. Дело же заключается в том, что этот вопрос нельзя разбирать без привлечения рассказа Эсхина о Гилоне.

В статье И. Д. Головко «Борьба между Римом и Парфией в период между первым и вторым триумвиратами» указывается, что главной причиной этой борьбы было обладание восточным побережьем Средиземного моря. Этот компетентный обзор римско-парфянских отношений выпадает из общего круга северопричерноморских проблем, но мы рассматриваем его как естественное расширение тематики сборников.

Ценную работу Г. А. Дзис-Райко о раскопках славянского поселения Бранешты I, датируемого автором VII—X вв., следовало бы поместить в раздел о полевых исследованиях. Некоторой доработки, как нам кажется, требует статья Г. Ф. Чеботаренко, посвященная классификации наконечников стрел, найденных на средневековых молдавских поселениях. В ней неясно написаны вводные разделы, положения которых, к тому же, повторяются. Вначале автор говорит о том, что каждая из двух групп (втульчатые и черешковые) наконечников делится на три подгруппы, а затем группа втульчатых делится только на две подгруппы. Очень неясен вывод, гласящий: «На вооружении основного состава молдавского войска XV—XVII вв. состояли стрелы различных типов, которые употреблялись на этой территории» (стр. 142).

В разделе «Полевые исследования и публикации» помещено семь работ. Ж. В. Валенционок сообщает о разведках в районе с. Нечаянное памятников эпохи бронзы, скифского и сарматского времени. П. М. Грибенко публикует материалы к археологической карте Новогеоргиевского района Кировоградской области. А. А. Кравченко рассказывает об археологических памятниках в долинах рек Тростянец и Ягорлык. О позднепалеолитических памятниках в долине высохшей р. Барабой приводятся материалы в статье В. И. Красковского. Э. Ф. Патокова публикует результаты разведки в долине р. Тилигул; М. С. Синицын информирует о доследовании кургана у с. Черноморка, содержавшем погребения различных эпох, а И. Т. Черняков — о разведках по р. Алкалии.

В разделе «Публикации и сообщения» содержится девять работ, вводящих в научный оборот значительное количество археологических памятников, преимущественно из фондов ОГАМ. Так, Е. Ф. Яровая публикует каменные орудия (секиры, молоты, полировальники) эпохи неолита и бронзы; П. А. Некрасов — каменные орудия, найденные у с. Деревянка Винницкой обл.; Л. П. Латышева — три антропоморфных изваяния скифского времени с Роксоланского городища; А. М. Лесков — материалы из старых раскопок таврских могильников в Крыму; Н. П. Сорокина — три стеклянных сосуда с рельефными изображениями. Н. П. Сорокина убедительно датирует сосуды IV в. н. э., определяет их сирийское происхождение и связь с христианским культом. Работа показывает, что изучение античного стекла, которому не уделялось достаточно внимания в отечественной литературе, может дать серьезные результаты и пролить свет на некоторые стороны культурной и экономической истории античных городов в первые столетия нашей эры.

Четыре ценные работы посвящены нумизматической тематике. П. О. Карышковский публикует 11 ольвийских серебряных статеров с изображением Деметры и дает полный список этого вида монет; А. Г. Сальников приводит определение золотых

---

[13] П. О. Карышковский. Из истории монетного дела на Боспоре в III в. н. э. МАСП, вып. II, 1959, стр. 179.

монет из коллекции ОГАМ, которых насчитывается 84 экземпляра, в том числе ряд редких монет. Интересны данные проб металла монет боспорских царей I—III вв. н. э., показывающие постепенное уменьшение содержания золота от I к III в. н. э.; А. Г. Загинайло публикует (к сожалению, без иллюстраций) редкую монету — бактрийскую тетрадрахму Херсонского музея, а И. Л. Бала — четыре серебряные киевские гривны из Одесского музея.

В разделе рецензий ценно то, что центром внимания оказались издания, посвященные музейной работе, путеводители и пособия, ибо такие издания очень часто пропускаются в критической литературе.

В качестве общего недостатка сборников отметим невысокое качество иллюстративного материала, хотя и значительно улучшенного в третьем выпуске. Хочется пожелать также, чтобы редколлегия настойчиво продолжала работу по подготовке к печати материалов, особенно — статей молодых авторов, с тем, чтобы придать каждой публикации исследовательский характер.

В заключение нашего обзора отметим, что все наши критические замечания, касавшиеся, как правило, отдельных спорных проблем или частных недостатков, ни в коей мере не преуменьшают научного значения изданий Одесского археологического музея. В статьях не только ставятся новые проблемы, но они побуждают к решению все новых и новых вопросов, особенно путем публикации свежих археологических материалов. Редколлегия сумела объединить большой коллектив одесских археологов и привлечь авторов из других городов Советского Союза, наладить регулярный ежегодный выход сборников, превратив их в научный орган, ставший необходимой частью советской исторической печати.

Н. И. Сокольский

ДВА СБОРНИКА ПО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ КРЫМА

1

История и археология древнего Крыма. Ответств. редактор П. Н. Шульц. Киев, 1957. 335 стр. Тираж 4000. Цена 15 р. 60 к.

Первый из рецензируемых сборников подготовлен к печати Отделом истории и археологии Крымского филиала Академии наук СССР, преобразованным затем в 1956 г. в Отдел античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР. Сборник не только суммирует работы сотрудников Отдела, но и включает в себя статьи археологов Москвы и Ленинграда и краеведов Крымской области. Основная часть книги посвящена археологии местных племен древнего Крыма, и сравнительно мало места уделено греческим колониям.

Сборник имеет пять разделов: 1) «Вопросы первобытной археологии»; 2) «Вопросы скифо-сарматской археологии»; 3) «Вопросы античной археологии»; 4) «Вопросы реставрации и консервации»; 5) «Археологические заметки».

Первый раздел — «Вопросы первобытной археологии» — представлен статьями О. Н. Бадера, К. Ф. Соколовой, В. В. Веселова, Х. И. Крис и В. В. Бобина.

Сборник открывается статьей О. Н. Бадера «Некоторые памятники палеолита и мезолита в восточной части горного Крыма» (стр. 7—25), являющейся предварительной публикацией материалов Крымской палеоантропологической экспедиции МГУ 1935 г. Было обследовано 270 стоянок в пещерах, протах и под навесами скал, из которых 10 дали находки древнего кремня, а также свыше 20 стоянок и местонахождений под открытым небом. Автор отмечает, что верхнепалеолитические памятники Крыма можно считать принадлежащими к обширной капсийской культуре (стр. 23). В заключение О. Н. Бадер указывает на необходимость коренного пересмотра периодизации верхнего палеолита Крыма.

В статье К. Ф. Соколовой «Антропологические материалы кургана эпохи бронзы в Бахчисарайском районе» (стр. 26—34) рассматриваются четыре черепа из кургана, раскопанного в 1952 г. Е. В. Веймарном[1]. Сооружение кургана относится к раннему периоду катакомбной культуры. Черепа все долихокранные, принадлежат к одному этническому типу, прослеживаемому во многих пунктах Крыма, а также на территории Поднепровья и в других районах. Автор не решает вопроса о том, является ли этот тип местным или пришлым.

В. В. Веселов в статье «Стоянки эпохи бронзы на Керченском полуострове близ поселков Каменка, Глейки и Маяк» (стр. 36—39) излагает результаты проведенного им обследования трех стоянок. Среди подъемного материала (керамика, кремневые орудия, каменные полированные топоры и пр.) выделяется бронзовое тесло со стоянки

[1] См. Х. И. Крис, Е. В. Веймарн. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 65—71.

на территории карьера Глейки. Приведенные в статье данные свидетельствуют о довольно густом заселении Керченского полуострова еще в эпоху бронзы.

В двух небольших статьях Х. И. Крис публикуются материалы двух поселений кизил-кобинской культуры. В первой статье — «Поселение кизил-кобинской культуры в балке Ашлама-Дере» (стр. 40—46) — упоминается о зачистке нескольких обычных для поселений данной культуры хозяйственных ям, причем своего суждения о назначении всех этих ям автор не высказывает, но одну из них считает гончарной печью. В основном статья посвящена публикации керамики. Попытку классификации керамики нельзя признать удачной, поскольку в ней отсутствует четкость. Помещение данной публикации в рецензируемом сборнике вызывает удивление, так как она является повторной: вся керамика, публикуемая здесь Х. И. Крис, уже была опубликована ею двумя годами раньше [2].

В следующей статье того же автора — «Раннетаврское поселение в Инкермане» — публикуются результаты небольших раскопок 1948 г. Обнаружено было 15 ям, вопрос о назначении которых опять оставляется автором открытым, и погребение со скорченным костяком. Выдвигая предположение о разновременности частей поселения на основании находки в одной части поселения нескольких фрагментов античных амфор, Х. И. Крис не подкрепляет это предположение наблюдениями над лепной керамикой, среди которой хронологические различия не выявляются.

Небольшая статья В. В. Бобина «Черты сходства культур древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу» (стр. 54—60) посвящена весьма важному и интересному вопросу, уже неоднократно привлекавшему внимание исследователей. В. В. Бобин делает краткий обзор сходных памятников, выявляя некоторые дополнительные черты сходства и приводя при этом также новые материалы из исследовавшегося им могильника в г. Кисловодске. Автор указывает на два пути, по которым могло сообщаться между собой древнее население Крыма (тавры) и Северного Кавказа: 1) через Керченский пролив и 2) через степи к северу от Азовского моря (стр. 57). Второе предположение заслуживает внимания, но оно значительно выиграло бы, если бы автор обосновал его путем обзора соответствующих памятников на этой территории. Суммируя черты сходства между рассматриваемыми культурами и учитывая при этом также локальные различия, В. В. Бобин заключает, что «объяснение данного явления надо искать в обмене и культурных взаимосвязях, а может быть, и в этническом родстве».

Во второй раздел сборника — «Вопросы скифо-сарматской археологии» — входят статьи П. Н. Шульца, В. П. Бабенчикова, Н. Н. Погребовой, А. П. Манцевич, Т. Н. Троицкой, О. И. Домбровского, Э. И. Соломоник и Е. В. Веймарна.

В большой статье П. Н. Шульца «Исследования Неаполя скифского 1945—1950 гг.» (стр. 61—93) подводится итог первому этапу исследования Неаполя Тавро-скифской экспедицией. П. Н. Шульц, показывая Неаполь как центр государства поздних скифов, привлекает данные и о других скифских городищах в Крыму.

Архитектурные памятники Неаполя рассматриваются автором в хронологическом порядке, по строительным периодам, что дает ему возможность наиболее наглядно и полно показать картину жизни города. Далее на основании материалов раскопок Неаполя излагаются выводы о хозяйстве, торговле и некоторых чертах общественного строя поздних скифов.

В заключительном разделе рассматривается Неаполь как центр культуры поздних скифов. Здесь наиболее важным является положение о том, что государство с центром в Неаполе было действительно скифским, а не «тавро-скифским» или «греко-скифским», каким его считали некоторые ученые. Греческое влияние на культуру крымских скифов отмечается и справедливо, без преувеличения, оценивается П. Н. Шульцем, равно как и сарматское на нее влияние (стр. 88, 89). Иначе и более правильно, чем в прежних работах, где скифы рассматривались как прямые предки славян, П. Н. Шульц ставит в данной статье вопрос о некоторых скифских элементах в славянской культуре. Приводя ряд примеров (мотив крылатых коней и богини, мотив копья и коней), автор делает вывод о вкладе культуры поздних скифов в процесс формирования культуры восточного славянства, с оговоркой, что «эти сопоставления... сами по себе ровно ничего не дают по вопросу об этнических взаимосвязях тех и других» (стр. 93).

В данной статье, как и в других своих работах, П. Н. Шульц категорически утверждает, что вопрос о местоположении Неаполя, упоминаемого в декрете в честь Диофанта и у Страбона, решен (стр. 62, 63). Однако аргументация этого положения опять подменяется доказательством того, что симферопольское городище было столицей крымских скифов. Вопрос же заключается в том, что в источниках не сказано, какой из скифских городов являлся главным [3]. Указание на то, что Неаполь «воспринимался греками как

---

[2] Х. И. Крис. Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая. СА, XXIV, 1955, стр. 184—196; ср. рис. 2 и 3 с рис. 2 и 3 в рецензируемом сборнике.

[3] Этой теме нами посвящена специальная статья. См. О. Д. Дашевская. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном. ВДИ, 1958, № 2.

полис, о чем свидетельствует наименование города», является неубедительным. Слово πόλις у греков применялось также к небольшим городам[4]. Кроме того, греческое название города Νεάπολις могло быть переводом скифского названия[5].

Необоснованным является вывод П. Н. Шульца о том, что Неаполь существовал до IV в. н. э. включительно — до нашествия гуннов (стр. 77). Поскольку материал IV в. н. э. из Неаполя до сих пор не был известен[6], то автор должен был бы для подтверждения своего вывода опубликовать те находки, которые он датирует IV в. н. э. В статье имеются некоторые мелкие неточности. Так, на стр. 71 говорится, что на Неаполе «были найдены надписи Посидея, в частности посвященные Афине Линдийской». На самом же деле из четырех найденных на городище надписей Посидея[7] только одна посвящена Афине Линдийской[8]. Золотая подвеска в виде палицы Геракла, изображенная на рис. 9, в тексте почему-то названа «серьгой с подвеской». Место находки подвески указано неверно: она происходит не из погребения воина, о котором пишет автор (стр. 76), а из погребения ребенка.

Статья В. П. Бабенчикова «Некрополь Неаполя скифского» (стр. 94—141) представляет собой первичную публикацию раскопанных автором каменных вырубных склепов и погребений грунтового могильника Неаполя.

Сравнивая архитектуру склепов Неаполя с архитектурой античных склепов юга СССР, В. П. Бабенчиков указывает на существенные различия между теми и другими: в неапольских склепах отсутствуют сводчатые дромосы, ступеньки, лежанки (стр. 97).

Автор отмечает сходство неапольских склепов с более поздними земляными склепами Эски-Кермена, Суук-Су, Узень-Баша и других крымских могильников V—VII вв. н. э., однако не ставит вопроса о происхождении исследуемых им памятников путем сравнения их с более ранними скифскими погребальными сооружениями.

В. П. Бабенчиков датирует склепы Неаполя временем от I в. до III—IV вв. н. э. При этом поздняя дата, являющаяся спорной, к сожалению, не обосновывается. Наиболее ранним автор считает известный склеп № 9.

В. П. Бабенчиков дает убедительное объяснение тому, что в некоторых склепах сохранилось лишь ничтожное количество костей: при ограблении в древности из склепов выносили останки погребенных, чтобы обирать их, пользуясь дневным светом (стр. 98—99).

В главе «Рельефная и живописная орнаментация склепов» рассматриваются орнаменты склепа № 9, уже неоднократно упоминавшиеся в печати. Можно пожалеть, что этот интереснейший материал до сих пор, и в данной статье, не получил полной публикации, хотя прошло уже 15 лет со времени открытия склепа Тавро-скифской экспедицией. То же можно сказать и про следующую главу — «Рисунки на стенах склепов».

В главе «Сопоставление росписей склепов Неаполя с росписями Боспора» В. П. Бабенчиков высказывает ряд интересных наблюдений и взглядов. Сравнивая росписи неапольских склепов и керченских склепов сабазиастов, автор находит в них мало общего, считая таковым только технику росписи краской по неоштукатуренной стене и геометрическую трактовку фигур. В противоположность мнению, высказанному П. Н. Шульцем, В. П. Бабенчиков считает, что рисунки в склепах Неаполя имели не магическое, а мемориальное значение (стр. 113, 114).

Рассматривая роспись склепа № 9, автор приходит к выводу о ее своеобразном, оригинальном характере и также мемориальном значении. Заслуживает внимания предположение В. П. Бабенчикова о том, что сюжетная живопись и орнаментальная роспись в данном склепе выполнены разными мастерами; однако отсюда нет необходимости делать заключение о разновременности исполнения росписей.

В. П. Бабенчиковым было раскопано 30 могил, в том числе три земляных склепа[9]. Как установлено работами В. П. Бабенчикова, в каменных склепах, расположенных ближе к городу, являвшихся семейными усыпальницами, хоронили более знатных и богатых людей, чем в земляных склепах и подбоях (стр. 140). Оружия в некрополе почти не встречено. На материалах грунтового могильника автор прослеживает имущественную дифференциацию населения города.

Выявлено несколько сидячих и скорченных погребений, а также погребение со скрещенными ногами. В двух последних видах погребений автор справедливо усматривает соответственно таврские и сарматские элементы.

---

[4] Ср. В. Д. Блаватский. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху». М., 1959, стр. 19.

[5] С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, 1938, № 3, стр. 54.

[6] Раскопки могильника Неаполя, проводившиеся в 1956—1958 гг. Э. А. Сымоновичем, также не дали находок позже первой половины III в. н. э.

[7] IOSPE, I², №№ 670—672; О. Д. Дашевская. Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского. СА, 1960, № 1.

[8] IOSPE, I², № 671.

[9] Первую публикацию см. В. П. Бабенчиков. Новый участок некрополя Неаполя скифского. ВДИ, 1949, № 1.

Отмечая значительное количество античных сосудов в погребальном инвентаре (стр. 139, 140), В. П. Бабенчиков говорит о ввозе красноглиняной и краснолаковой посуды из Херсонеса. Однако выше (стр. 121 и 131) он совершенно напрасно употребляет по отношению к тем же сосудам выражения «так называемый херсонесский тип» или «херсонесский тип» в кавычках, как будто ставя этим под сомнение определение данной керамики как херсонесской.

Нельзя согласиться с В. П. Бабенчиковым, когда, рассматривая грубый лепной сосуд из некрополя, он говорит о деградации лепной керамики Неаполя и объясняет это конкуренцией с привозной и с местной гончарной посудой (стр. 131). Прежде всего, как показало специальное изучение лепной керамики Неаполя [10], никакой ее деградации не наблюдается, как не наблюдается и ее вытеснения греческой привозной посудой. Роль последней в быту жителей Неаполя, как видно по материалам раскопок городища, была невелика.

Что же касается местной гончарной посуды, то суждение о вытеснении ею лепной посуды не основано на фактах и должно быть решительно отвергнуто. Ведь за все годы раскопок Неаполя наряду с огромной массой лепной керамики найдено лишь несколько невыразительных обломков грубых гончарных сосудов, о которых можно предполагать, что они — местного производства.

Попутно заметим, что приводимые В. П. Бабенчиковым рисунки керамики не дают необходимого археологу представления об изображаемых сосудах. Это замечание можно отнести и к другим рисункам, на которых изображены различные предметы из погребений.

Вызывает возражение утверждение В. П. Бабенчикова, что захват Неаполя войсками Диофанта и Херсонеса и последующее возрождение города хорошо доказываются исследованием его оборонительной стены (стр. 140, 141). Наоборот, наблюдения А. Н. Карасева, специально изучавшего оборонительные сооружения скифской столицы, не подтверждают этого [11]. Кроме того, напомним, что отождествление исследуемой столицы скифов с захваченным войсками Диофанта Неаполем не может считаться установленным [12].

Как мы упоминали выше, поздняя дата могильника — IV в. до н. э.— не обоснована автором и является спорной. Поэтому остается необоснованным и вытекающий из данной датировки исторический вывод — о разрушении города гуннами.

В целом рассмотренная публикация является весьма интересной и нужной, и можно пожелать автору полного издания всех материалов некрополя, с выделением комплексов и со всеми необходимыми иллюстрациями.

Н. Н. Погребова в статье «Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя скифского» (стр. 142—154) рассматривает 13 комплектов и единичных находок золотых лицевых пластин из мавзолея (II—I вв. до н. э.). Оказалось, что все комплекты различаются между собой по форме, орнаменту, приемам имитации ресниц, глаз, рта. Но хронологической эволюции их установить невозможно. Там, где лицевые пластины найдены in situ, они относились только к мужским взрослым и к детским костякам.

Н. Н. Погребова приводит широкий круг аналогий для исследуемых ею лицевых пластин. Прежде всего, это — находки в Северном Причерноморье (Херсонес, Пантикапей, Ольвия, Каменское городище [13] и др.).

Самые ранние золотые наглазники автор прослеживает в эгейском мире и считает, что они предшествовали микенским золотым маскам и, возможно, являлись их исходной формой. Такое же соотношение между пластинами и масками, а затем сосуществование тех и других наблюдается в Месопотамии и в Египте.

Н. Н. Погребова на основании изучения большого сравнительного материала пришла к следующему интересному выводу. Лицевые пластины большей частью встречаются у племен и народностей, применяющих и погребальные маски. Золотые лицевые пластины и золотые маски в основном концентрируются в районах распространения переднеазиатских и средиземноморских культур. Золотые лицевые пластины проникли в Северное Причерноморье во II—I вв. до н. э. с Востока, вероятно, через Кавказ. Грекам обычай наложения пластин был чужд, и к знати северопричерноморских греческих колоний он попал уже от крымских скифов (стр. 153).

Статья Н. Н. Погребовой перекликается с почти одновременно вышедшей в свет работой Н. В. Пятышевой. В книге Н. В. Пятышевой специальный раздел посвящен лицевым пластинам, и в основу положены херсонесские материалы [14]. Использованные

---

[10] О. Д. Дашевская. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма. МИА, № 64, 1958.

[11] А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя скифского в 1948 г. ВДИ, 1950, № 4, стр. 186.

[12] См. О. Д. Дашевская. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном. ВДИ, 1958, № 2.

[13] См. Н. Н. Погребова. Погребение на земляном валу акрополя Каменского городища. КСИИМК, вып. 63, 1956. (Статья вышла уже после сдачи в набор рецензируемого сборника).

[14] Н. В. Пятышева. Ювелирные изделия Херсонеса. Тр. ГИМ, Памятники культуры, вып. XVIII, 1956, стр. 29—41. Н. В. Пятышева склонна связывать появление лицевых пластин в Херсонесе с сарматами (стр. 40—41).

Н. Н. Погребовой новые данные об открытии в Херсонесе в 1955 г. склепа III в. н. э., содержавшего погребение с лицевыми пластинами (стр. 153, примечание 1), вносят коррективы в высказанное Н. В. Пятышевой мнение, что рассматриваемый ритуал в Херсонесе существовал не более, чем у двух поколений [15].

Результаты раскопок последних лет позволяют нам сделать некоторые дополнения к содержащимся в статье Н. Н. Погребовой сведениям о находках лицевых пластин. Так, Н. Н. Погребова отмечает для Кавказа только одну находку золотых лицевых пластин — в долине р. Алгети (Грузия) [16]. Добавим, что в 1958 г. на территории Грузии золотые лицевые пластины были найдены в Самтаврском могильнике [17]. В 1956 г. в Крыму были найдены золотые лицевые пластины в Заветнинском могильнике [18]. Сейчас можно добавить, что на Неаполе скифском мавзолей уже не является единственным местом, где были найдены лицевые пластины: в 1958 г. наглазники обнаружены в одном из склепов восточного могильника. Эта находка не противоречит выводу Н. Н. Погребовой о том, что золотые лицевые пластины свойственны лишь наиболее богатым погребениям.

Статья А. П. Манцевич «Ритон Талаевского кургана» (стр. 155—173) посвящена уникальной находке — рогу оленя в серебряной оправе, найденному в 1891 г. в курганном скифском погребении близ Симферополя. Автор датирует ритон IV в. до н. э. и считает его, как и знаменитую чертомлыцкую вазу, вопреки общепринятой точке зрения, изделием мастеров македоно-фракийских областей.

Т. Н. Троицкая в статье «Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в Областном краеведческом музее» (стр. 174—190) публикует материалы из погребений V—I вв. до н. э. Поскольку поселения скифов в Крыму возникают только в III в. до н. э., для предшествующего периода скифские курганные комплексы являются единственным археологическим источником.

Статья О. И. Домбровского «Керамическая печь на скифском городище „Красное"» (стр. 191—209) посвящена исследованию печи I в. н. э., открытой им в 1945 г. Несмотря на сравнительно хорошую сохранность памятника и тщательность раскопок, автору пришлось проделать большую и сложную работу для полной реконструкции печи. Эта работа может служить образцом для археологов, исследующих подобные памятники.

Сходные керамические печи были широко распространены в античном мире. Однако автор отмечает в конструкции печи особенности скифских строительных приемов: каждая часть печи имеет свою систему кладки, а в некоторых случаях и свою особую форму кирпичей (стр. 203). Так, в кладке купола обжигательной камеры автором с исключительной тщательностью выявлено 14 разных размеров сырцового кирпича.

Статья хорошо иллюстрирована многочисленными чертежами, дающими полное представление о конструкции печи. Большим достоинством работы является то, что автор, не ограничиваясь реконструкцией печи, делает попытку восстановить картину производственного процесса и даже производственных отношений.

Однако жаль, что О. И. Домбровский не включил в свое исследование керамику, найденную в печи. Вопрос о гончарном ремесле у скифов является спорным. Именно на данном материале основывается П. Н. Шульц, выдвигая положение о производстве крымскими скифами посуды на сбыт (см. стр. 79 рецензируемого сборника). И нужно поставить в упрек крымским археологам то, что этот важнейший материал остается с 1945 г. неопубликованным и к тому же недоступным для изучения на месте.

Вызывает возражение утверждение О. И. Домбровского, что печь была врыта в зольник (стр. 195—197). Зольник возник позже, во II—III вв. н. э., и перекрыл остатки печи. А зольный слой, лежащий ниже печи, о котором упоминает О. И. Домбровский (стр. 196), на самом деле, как показали раскопки 1951 г. [19], является прослойкой пола здания III в. до н. э.

Маловероятным представляется предложение автора, что открытая в 1951 г. на городище яма глубиной 2,4 *м* также служила керамической печью (стр. 204). Характер заполнения ямы свидетельствует скорее о том, что она находилась по соседству с керамической печью.

Значительный интерес представляет статья Э. И. Соломоник «О таврении скота в Северном Причерноморье» (стр. 210—218). Автором выявлены три археологических памятника из Северного Причерноморья (терракотовая фигурка бычка и две стелы) с изображением загадочных знаков на домашнем скоте.

---

[15] Там же, стр. 40.

[16] О том, что это — единственный случай находок лицевых пластин в Закавказье, пишет и Н. В. Пятышева. См. Н. В. Пятышева. Ук. соч., стр. 33.

[17] Раскопки производились под руководством А. Н. Каландадзе Мцхетской экспедицией Ин-та истории АН Грузии. Материал пока не опубликован. В Грузии был найден также бронзовый нагубник. См. Г. А. Ломтатидзе. Некрополь II в. н. э. в Клдеети. Тбилиси, 1957, стр. 168 (на груз. яз.).

[18] Раскопки Бахчисарайского историко-археологического музея под руководством Н. А. Богдановой.

[19] О. Д. Дашевская. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 117.

Привлекая к исследованию этнографические материалы, аналогичные знаки на других памятниках и письменные источники о различных странах древнего мира (в свидетельствах древних авторов о Северном Причерноморье данных по этому вопросу нет), автор делает новый и важный вывод о существовании в Северном Причерноморье в античную эпоху обычая тавренния скота. Тем самым Э. И. Соломоник убедительно определяет назначение в некоторых случаях загадочных знаков[20] как знаков собственности, что существенно для изучения происхождения и развития института частной собственности у местных племен.

Е. В. Веймарн в статье «Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г.» (стр. 219—237) кратко публикует материалы из исследованных им 45 могил III—IV вв. н. э. Прослежены разнообразные погребальные сооружения и погребальные обряды. Это дает автору основание ставить вопрос о том, что могильник принадлежал смешанному населению, в основном — сарматскому, частично ассимилировавшему тавров. Отмечается влияние позднеантичной культуры соседнего Херсонеса, а также проникновение отдельных предметов культуры полей погребений. Данная публикация носит предварительный характер. Материалы Инкерманского могильника, имеющего большое значение для исследования населения Крыма позднеантичного времени, несомненно, заслуживают детального изучения и полной публикации.

«Вопросы античной археологии» (третий раздел сборника) представлены статьями Г. Д. Белова, Н. В. Пятышевой, М. А. Наливкиной и И. И. Бабкова.

Г. Д. Белов в статье «Итоги раскопок в Херсонесе за 1946—1950 гг.» (стр. 238—248) суммирует основные результаты работ в северном районе города за указанные годы. Продолжалось исследование некрополя классической эпохи, имеющего важнейшее значение для определения даты основания города (V в. до н. э.), возникшего на месте таврского поселения. Раскапывались жилые кварталы эллинистической эпохи (III—II вв. до н. э.). Установлено, что на рубеже II—I вв. до н. э. жилые дома были разрушены; это наблюдение связывается с историческими событиями — войной со скифами. Из раскопанных памятников римского времени, помимо жилых и общественных зданий, значительный интерес представляют винодельни и винный склад (II—IV вв. н. э.).

В верхних слоях на исследованной территории открыты разновременные средневековые памятники. Доследовалась известная базилика, открытая в 1935 г. Фрески, найденные в обломках в этой базилике, о которых кратко упоминает Г. Д. Белов, в настоящее время уже реконструированы[21]. Раскопки верхнего слоя рисуют картину гибели города в конце XIV в.

Ввиду недостаточности иллюстраций в статье автору следовало бы дать больше ссылок на имеющиеся публикации, хотя бы на публикацию замечательной мозаики из базилики 1935 г.[22], тем более что на основании последних данных Г. Д. Белов в рецензируемой статье (стр. 242) уточнил датировку мозаики (V в. н. э.).

Статья Н. В. Пятышевой «Скифы и Херсонес» (стр. 249—263) посвящена интересной теме — взаимоотношениям античного Херсонеса со скифами. Автор убедительно показывает значительные скифские элементы в культуре города, привлекая в своей работе письменные источники, а также довольно полно приводя соответствующие эпиграфические и археологические памятники Херсонеса. По постановке вопроса статья Н. В. Пятышевой отличается от почти одноименной статьи А. И. Тюменева[23] (на которую Н. В. Пятышева почему-то ни разу не ссылается), где полнее рассматриваются письменные источники, а также шире используются археологические данные, касающиеся крымских скифов вообще, но зато отсутствует конкретный разбор херсонесского материала.

Можно пожалеть, что наряду с достаточно подробным анализом скифских памятников искусства из Херсонеса Н. В. Пятышева совершенно не рассматривает ту керамику, которую в беглом упоминании называет скифской, не пытается отличить ее от таврской.

Говоря о предметах херсонесского импорта в Неаполе, следовало бы упомянуть весьма многочисленную там в первые века нашей эры херсонесскую посуду. Надо было также отметить значительный ввоз херсонесского вина в Неаполь в эллинистическую эпоху, внеся этим коррективы в сведения, содержащиеся в вышеупомянутой статье А. И. Тюменева[24].

В статье М. А. Наливкиной «Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена» (стр. 264—281) излагаются основные результаты ее раскопок в Евпатории (древней Керкинитиде) 1950—1952 гг. и раскопок городища Калос Лимен близ с. Черноморского, в 64 *км* к северо-западу от Евпатории, в 1948—1950 гг.

В Керкинитиде открыты хорошо сохранившиеся остатки античных зданий, относящихся ко времени от VI в. до н. э. и до II в. н. э. Особенно важно выявление слоя

---

[20] См. Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

[21] О. И. Домбровский. Фрески южного нефа херсонесской базилики 1935 года. Херсонесский сборник, вып. V, 1959, стр. 207—228.

[22] С. Ф. Стржелецкий. Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. ВДИ, 1951, № 2, стр. 137, рис. 1.

[23] А. И. Тюменев. Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население: скифы. ВДИ, 1950, № 2, стр. 48—56.

[24] Там же, стр. 54.

VI в. до н. э., что впервые дает раннюю дату возникновения города. Как подчеркивает М. А. Наливкина в новой своей статье, «это обстоятельство позволяет отказаться от общепринятого определения Керкинитиды как колонии Херсонеса»[25].

В Калос Лимене наряду с античными зданиями (III в. до н. э.— III в. н. э.) обнаружены и средневековые строительные остатки, сопровождающиеся керамикой салтово-маяцкого типа.

Раскопки этих двух малоизученных греческих городов на западном побережье Крыма пока еще проведены на небольших площадях. Продолжение раскопок здесь даст, несомненно, важнейшие результаты и позволит автору связать археологические наблюдения с имеющимися письменными и эпиграфическими источниками.

Статья И. И. Бабкова «К вопросу о местонахождении Асандрова вала» (стр. 282—291) явилась результатом обследования Керченского полуострова, в частности — Ак-Монайского перешейка, автором, географом по специальности. Убедительно доказав, вопреки предположениям многих исследователей, что на перешейке нет следов какого-либо искусственного вала, а имеется естественный Парпачский хребет, автор предлагает локализовать упоминаемый Страбоном вал Асандра или на Перекопе, или в середине Керченского полуострова, где проходит так называемый Аккосов вал (правильнее, как указывает И. И. Бабков,— Аккозский).

Нам представляется более вероятным второе предположение. Во-первых, как в свое время справедливо заметил Л. Д. Дмитров[26], по Страбону Перекопский перешеек (ὁ ἰσθμὸς τῆς μεγάλης χερρονήσου) не лежал у Меотиды, а отделял Гнилое озеро (Σαπρὰ λίμνη) — Сиваш — от Черного моря[27]. Во-вторых, в I в. до н. э. власть боспорских царей, в том числе и Асандра, не простиралась над скифами, и в основной своей части Крымский полуостров, который Страбон называет Таврским и Скифским[28], не был владением Боспора. Поэтому Асандр никак не мог возводить свою стену на Перекопском перешейке, находившемся столь далеко от его владений.

В особый раздел сборника выделена статья О. И. Домбровского «О реставраторской службе Инкерманской археологической экспедиции 1950 г.» (стр. 292—306), в которой автор делится ценным опытом реставрационной работы, как полевой, так и камеральной.

Наконец, последний, пятый раздел составляют «Археологические заметки» крымских краеведов.

Статья А. А. Щепинского «Археологическое обследование Курцово-Сабловской долины в 1950 г.» (стр. 307—322) является результатом его разведок в Центральном Крыму и информирует об открытии ряда новых памятников времени от неолита до средневековья

Заметка М. К. Зиновьева «Археологические памятники Раздольненского района Крымской области» (стр. 323—326) представляет интерес, как сообщение об обследовании памятников малоизученной северо-западной окраины Крымского полуострова. Помимо стоянок эпохи бронзы и многочисленных курганов, здесь выявлено и скифское поселение у с. Борисовка, что является большой редкостью для данного района[29].

В интересной заметке А. П. Припускова «О зольных подстилках под основаниями скифских построек» (стр. 327) высказана новая и убедительно доказанная автором мысль, что зольные прослойки в полах имели, наряду с гидро- и термоизоляционным значением, также и значение для защиты от различных вредителей (грызунов, насекомых, змей). С этим связано и часто наблюдаемое в Крыму сооружение скифских зерновых ям в зольниках.

В заметке Г. А. Никитина «О древних памятниках на горе Крестовой, у с. Пещерного и Чертовой лестницы» (стр. 330—334) сообщается о трех обследованных автором памятниках Южного Крыма — таврском убежище, средневековом могильнике и каменном столбе со знаками.

Подводя итог, надо сказать, что рецензируемый сборник, состоящий в основном из статей публикационного характера, давно ожидавших издания, является необходимой книгой для всех, занимающихся археологией Крыма. Следует приветствовать то, что центральное место в сборнике занимает скифская тематика, мало еще разработанная на материалах Крыма и требующая в первую очередь новых полевых исследований.

О. Д. Дашевская

---

[25] М. А. Наливкина. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма. Керкинитида и Калос Лимен в V—II вв. до н. э. Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 183. Следует заметить, что в этой статье М. А. Наливкина датирует ранний слой Керкинитиды рубежом VI и V вв. до н. э.

[26] Л. Д. Дмитров. Перекоп (ров и вал). Киев, 1940, стр. 49.

[27] Strabo, VII, 4, 1.

[28] Там же.

[29] Ср. Ю. Г. Колосов. Археологические исследования в степном Крыму в 1952 году. Изв. Крым. отд. Географич. об-ва СССР, вып. 4, 1957, стр. 77—81.

2

История и археология средневекового Крыма. Ответств. редактор А. П. Смирнов. М., 1958. 190 стр. Тираж 3000. Цена 12 р.

Археология средневекового Крыма продолжает оставаться отсталым участком исторического изучения СССР: раскопки ведутся в очень ограниченном объеме, материал поэтому накапливается крайне медленно, столь же медленно продвигается и исследование истории средневекового Крыма. Только за последние несколько лет дело оживилось. Работы немногих исследователей, главным образом крымских, занимающихся указанной областью истории, начали, наконец, получать печатное выражение. В 1958 г. вышел в свет давно ожидавшийся сборник статей коллектива Отдела античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР.

Сборник состоит из семи статей, из которых две сравнительно большие; к тому же именно они касаются наиболее важных вопросов истории раннесредневековой Таврики. Это статья Е. В. Веймарна «Оборонительные сооружения Эски-Кермена. Опыт реконструкции», (стр. 7—54) и В. П. Бабенчикова — «Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень» (стр. 88—146).

Первая из указанных статей представляет собой развитие работы Н. И. Репникова на ту же тему [1]. По сравнению с этой работой статья Е. В. Веймарна содержит более последовательную и цельную картину обороны Эски-Кермена — обороны, характерной чертой которой является сочетание наземных сооружений (крепостных стен) с пещерными казематами. Вместе с тем автор вносит ряд существенных корректив в работу Н. И. Репникова, например, в отношении организации обороны вдоль северо-западной линии скалы на южном участке крепости (стр. 15). На основании тщательного анализа всех данных Е. В. Веймарн дает убедительную реконструкцию южного участка обороны Эски-Кермена, в частности устройства помещений по сторонам ворот. Важны соображения Е. В. Веймарна о времени разрушения крепости Эски-Кермен, которое он относит к VIII в. и связывает с нашествием хазар (стр. 26), что, на наш взгляд возможно.

В аналитической части работы Е. В. Веймарна вызывают возражения его замечания относительно кладки крепостных стен Эски-Кермена, которые «крепились... тяжестью верхнего камня, лежащего на панцирях кладки». По мнению автора, «эта конструктивная особенность..., возможно, указывает на глубокие связи строительных приемов на городище с древними строительными традициями, которые наблюдаются еще в сооружениях тавров» (стр. 27—28). Однако очевидно, что прочность кладки зависела не от перекрывающих стену плит, а от самой кладки из правильной формы квадров, положенных на растворе, причем обе стороны стены соединены забутовкой. Этот принцип кладки типичен для поздней античности, как показывают памятники самого Крыма (например, крепостные стены Херсонеса), и с таврами ничего общего, конечно, не имеет. Техника эта была унаследована ранним средневековьем и получила повсеместное распространение в различных районах Причерноморья, в Малой Азии, Сирии, Закавказье, на всем Ближнем Востоке, как и в Таврике [2]. К раннему средневековью эти строительные приемы, по-видимому, вполне укоренились в Таврике, стали обычными, «местными», что, однако, не должно скрыть от исследователя происхождение рассматриваемых приемов кладки. Не снимает это и вопроса об участии в строительстве стен Эски-Кермена квалифицированных мастеров из ближайшего культурного центра, каким был Херсон (Херсонес), что признает и сам автор в другой своей статье [3]. Только недоразумением можно объяснить утверждение Е. В. Веймарна, что техника крепостных стен Эски-Кермена не известна «ни в Херсонесе, ни в самой Византии, ни в других раннесредневековых крепостях, связанных с Византией» (стр. 29).

Это утверждение — результат того, что Е. В. Веймарн при изучении строительной техники изолирует Таврику и пренебрегает сравнительными материалами из областей, с которыми Таврика была исторически связана, что, как в данном случае, привело его к неверным заключениям. Взгляды Е. В. Веймарна — это запоздалое отражение дискредитировавшей себя тенденции видеть во всем автохтонность; при этом полностью игнорируется взаимосвязь явлений, взаимосвязь народов и стран, постоянно проявлявшаяся и в античную эпоху, и в средние века; без изучения такой взаимосвязи историческое развитие, в частности историю материальной культуры средневековой Таврики, понять, конечно, невозможно.

Другим существенным недостатком работы является почти полное отсутствие обоснования датировок и самих оборонительных сооружений (как наземных, так и пещерных), и массового археологического материала. Между тем раннесредневековая дата крепостных стен Эски-Кермена наиболее надежно определяется именно сравнительным и хорошо датированным материалом — прежде всего стенами Херсонеса (в Крыму). Истрии и Ульметон (в Румынии) и др. Ничем не подкреплена и датировка керамики V—VI вв. — ни в данной статье (стр. 44), ни в статье Н. И. Репникова, на которую

[1] Н. И. Репников. Остатки укреплений Эски-Кермена. «Готский сборник». ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932.

[2] Сравнительный материал см. А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, 1959, гл. II.

[3] Е. В. Веймарн. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954—1955 гг. СА, 1958, № 1, стр. 78.

ссылается автор [4]. Отсутствие же описания и воспроизведения керамики оставляет читателя в полном неведении относительно этого материала. Ничем не обосновано отнесение к раннему средневековью многочисленных ям, высеченных в скале (стр. 23, 32, 39, 43, 47).

В заключение Е. В. Веймарн останавливается на историческом значении Эски-Керменской крепости и ее месте среди других раннесредневековых крепостей Юго-Западного Крыма. Автор полемизирует с М. А. Тихановой и А. Л. Якобсоном, дает интересный обзор всех этих крепостей и приходит к выводу, что они «не могут быть отождествлены... с „длинными стенами"», о которых писал Прокопий [5]. Действительно, этот обзор убеждает в ошибочности прежнего мнения и в справедливости заключения Е. В. Веймарна, которое, на наш взгляд, должно быть принято. Вопрос же о местонахождении подлинных «длинных стен» остается открытым.

Однако другие заключения Е. В. Веймарна о крепостных стенах Эски-Кермена вызывают серьезные возражения. Речь идет о происхождении раннесредневековых крепостей Юго-Западного Крыма (Эски-Кермен, Мангуп, Сюрень, Чуфут-Кале и др.). Е. В. Веймарн отрицает политическое господство Византии в Юго-Западной Таврике в V—VI вв. и лишь допускает союз империи с местным населением, причем союз, по-видимому, вполне равноправный (стр. 52). Исходя из этого, он считает, что крепости «созданы потомками тавров и скифов и сармато-аланами» (стр. 52, 53, ср. стр. 62).

Но нетрудно показать, что такой вывод лишен конкретного содержания. Как показывает представленный Е. В. Веймарном обзор, крепостное строительство, которое происходило преимущественно в VI в., охватило почти все юго-западное нагорье Крыма и отчасти южное побережье (Алустон и Горзувиты, которые, кстати сказать, автор неизвестно почему считает совсем небольшими крепостями по сравнению с Эски-Керменской — стр. 49 и 62). При этом важно иметь в виду, что, как признает и сам автор [6], эти крепости в той или иной степени были взаимно связаны, их постройка была подчинена определенной общей цели; поэтому их нельзя рассматривать изолированно [7]. Тем более очевидно, что это громадное (по масштабам средневековья) крепостное строительство могло быть под силу только централизованной и достаточно сильной государственной власти, а не сельской общине. Такой властью в Таврике эпохи раннего средневековья обладала именно Византия, а не вообще местное население и не разобщенные «сармато-аланские» или готские, или гуннские племенные князьки, к тому времени уже ослабленные и часто враждовавшие друг с другом; фактически они являлись федератами империи, о чем недвусмысленно и очень определенно сообщает Прокопий [8], т. е. проводниками политики той же Византии в этом крае. Местная племенная верхушка, конечно, и осуществляла здесь византийскую политику, одним из выражений которой являлось и строительство крепостей. Последние по своему политическому значению являлись поэтому именно византийскими. Да и техника их постройки нисколько не противоречит сказанному, ибо она вполне однородна с техникой других крепостных стен, заведомо византийских, как, например, в Херсоне.

Слабым аргументом является и ссылка автора на то, что, по словам Прокопия, Юстиниан I не строил крепостей во внутренней части Таврики, т. е. в юго-западном нагорье. Однако в том же тексте Прокопий отмечает постройку императором в том же районе «длинных стен»; следовательно, крепостное строительство Византия здесь вела. Важным свидетельством является и найденный на плато Мангупа фрагмент строительной надписи с именем Юстиниана I, указывающий на монументальное византийское строительство в этом городе-крепости [9].

Наконец, Е. В. Веймарн почему-то смешивает два совершенно разных вопроса: возникновение крепостей и возникновение городов горного Крыма (см., например, стр. 52, 53), причем совершенно произвольно приписывает своим оппонентам мнение, будто эти города — иначе говоря, местные крупные поселения («пещерные города», как неудачно они до недавнего времени назывались), также созданы были Византией (стр. 48). Такое же ложное утверждение мы встречаем в другой статье Е. В. Веймарна [10]. На самом же деле в работе М. А. Тихановой [11] и в наших [12] утверждалось как раз обратное.

---

[4] Н. И. Репников. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг. ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 130.

[5] Procop. Caes., De aedificiis, III, 7.

[6] Е. В. Веймарн. Ук. соч., стр. 76—77.

[7] Речь идет именно о крепостях, а не о поселениях, которые, конечно, древнее крепостей (как, например, Мангуп), причем в крепости были с течением времени превращены далеко не все раннесредневековые поселения, а только стратегически важные (ср. Е. В. Веймарн. Ук. соч., стр. 76).,

[8] Procop. Caes., De aedificiis, III, 7.

[9] См. В. В. Латышев. Эпиграфические новости из южной России. ИАК, вып. 65, 1918, стр. 18—19.

[10] Е. В. Веймарн. Ук. соч., стр. 71.

[11] М. А. Тиханова. Дорос — Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, 1953, стр. 326.

[12] А. Л. Якобсон. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. II. Мангупская базилика. СА, VI, 1940, стр. 224; его же. Византия в истории раннесредневековой Таврики. СА, XXI, 1954, стр. 150.

Отмеченные недостатки не мешают признать работу Е. В. Веймарна ценной и важной. Еще в большей степени это относится к другой его же статье в сборнике «О времени возникновения средневековой крепости Каламита» (стр. 55—62), где излагаются результаты раскопок 1948 и 1950 гг., показавших, что нынешняя Инкерманская крепость XV в. (древняя Каламита) построена на месте крепости, воздвигнутой в раннее средневековье, как это вполне убедительно устанавливает автор на основании данных стратиграфии и характера кладки из очень крупных блоков (стр. 58 и 62). Вряд ли можно переоценить открытие Е. В. Веймарном не известной до того раннесредневековой крепости в устье р. Черной, на ближайших подступах к столице края — Херсону (Херсонесу) и потому стратегически очень важной. Памятник существенно дополняет раннесредневековую историческую карту Юго-Западного Крыма и тем самым приближает нас к правильному пониманию истории края. В конце статьи Е. В. Веймарн не удержался от повторений своей ошибочной мысли о политической независимости Таврики в VI в. и связанной с этим неверной трактовки крепостных стен того времени.

Следующая работа в сборнике принадлежит К. Ф. Соколовой и посвящена «Антропологическим материалам из раннесредневековых могильников Крыма» (стр. 63—87). В статье анализируется материал из могильников близ Чуфут-Кале, Алушты, Коктебеля и Судака. Не будучи специалистом-антропологом, ограничусь лишь самым кратким изложением выводов автора. Как показал анализ, антропологический тип, представленный материалом из могильника близ Чуфут-Кале, «является преобладающим в могильниках Крыма не только в раннее средневековье», но и в предшествующее время: черепа из Чуфут-Кале близки к черепам из скифо-сарматских могильников Крыма (стр. 69). Это находит себе объяснение в «длительном процессе смешения скифского и сарматского населения в Северном Причерноморье». «Население раннесредневекового Чуфут-Кале принадлежало к сармато-аланской группе, сходной по морфологическим признакам со скифами, или же к позднескифской группе, усвоившей сарматский обычай деформации черепов» (стр. 70). Очень ограниченный материал из могильников Коктебеля и Судака не позволил автору прийти к более определенным выводам.

Наибольшее место (стр. 88—146) в сборнике по справедливости отведено статье В. П. Бабенчикова, излагающей «Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень», расположенного рядом с с. Планерским (бывш. Коктебелем). Речь идет об одном из наиболее крупных средневековых поселений Восточного Крыма, существовавшем в VIII—IX вв. и являвшемся, как показали раскопки В. П. Бабенчикова (в 1949—1953 гг.), а затем М. А. Фронджуло, ремесленным центром, иначе говоря — городом в средневековом смысле слова. Мы не знаем древнего его названия, у нас нет и письменных о нем свидетельств, но о значении и заселенности города говорят не только его размеры (площадь его — около 17 *га*), но и густота застройки, и обширность некрополя, и множество храмов, среди которых выделяется огромная трехнефная базилика (стр. 92). Раскопки поселения на холме Тепсень открыли, можно сказать, новую главу истории средневековой Таврики. Раскопки его продолжаются и теперь (их ведет М. А. Фронджуло), но, к сожалению, масштаб их крайне незначителен.

Статья В. П. Бабенчикова содержит значительно более полную публикацию раскопок, чем первая его статья о Тепсене[13]. Характеризуя топографию поселения и указывая на правильность его планировки, В. П. Бабенчиков правомерно заключает, что город «был возведен по определенному плану и в течение сравнительно небольшого времени» (стр. 90). Автор в основном правильно датирует памятник VIII—X вв., исходя из массового археологического материала (стр. 95). Однако мы полагаем, что эту дату можно несколько сузить: судя по отсутствию среди находок на городище керамики, типичной специально для X в. (к числу их принадлежат амфоры с темно-красным черепком, хорошо известные по слоям X в. в Херсонесе)[14], верхний предел существования городища правильнее определить не вообще X в., а началом или первой половиной этого столетия, не позже (ср. датировку могил в базилике, стр. 116). Таким образом, период существования города оказывается действительно довольно кратким.

В. П. Бабенчиков сравнительно подробно рассказывает о дискуссии относительно этнической принадлежности жителей поселения. Одни (в том числе В. П. Бабенчиков) считали и продолжают считать культуру поселения славянской, другие связывают ее с салтово-маяцкой культурой (стр. 93—96). Однако В. П. Бабенчиков считает эту острую дискуссию незаконченной и не раскрывшей памятник. К этому вопросу мы еще вернемся.

Значительная часть статьи содержит описание раскопанных памятников — жилого комплекса (стр. 96—99) и храмов (стр. 101—118). Жилой дом состоит из двух помещений, что было здесь, по-видимому, обычно (это показали новейшие раскопки), сложенных «в ёлку», с глинобитным полом, открытыми очагами на каменной круглой плите, печью-каменкой в углу, остекленными окнами, с пристроенной со стороны двора

---

[13] В. П. Бабенчиков. Средневековое поселение близ села Планерское. КСИИМК, вып. XLIX, 1953.

[14] А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1950, стр. 333, рис. 6, *26*, *27*.

хозяйственной кладовой. Постройки эти, как отмечает и автор, вполне аналогичны жилым домам, открытым на других одновременных поселениях Восточного Крыма (Илурате, Тиритаке), и также датируются, судя по массовому материалу, VIII—IX вв.

Основное внимание автор уделяет храмам, особенно — большой базилике, раскопки которой стояли в центре внимания экспедиции; исследование же жилых комплексов, являющихся основными памятниками поселения, оказалось в тени. Этот недостаток восполняется в последние годы благодаря раскопкам М. А. Фронджуло, пока еще не опубликованным.

Остатки большой трехнефной базилики (длина ее — 31,5 *м*), раскапывавшейся в 1950—1953 гг., описаны в статье достаточно подробно. Здание построено на месте более древней, также трехнефной базилики, которую автор относит к VIII в., а более позднюю датирует временем не позднее IX в. (стр. 110), что вполне обосновано как данными архитектуры, так и инвентарем и монетами из могил в нартексе базилики. Но, вопреки автору, мы не видим остатков третьей базилики, по времени якобы промежуточной (стр. 105—106): апсида из сырцовых кирпичей, концентричная апсиде первоначальной базилики, не может служить достаточным указанием на особое здание, тем более что ничего другого от него не сохранилось. К тому же вряд ли возможно, что одна из базилик была, хотя бы в апсидальной части, сложена из сырцовых кирпичей.

Поздняя базилика, очень монументальная, имеет три полукруглые апсиды, прямоугольные столбы, с западной стороны — нартекс. Своей планировке здание находит ближайшую аналогию в одновременной базилике Партенита, построенной в конце VIII в. Нам поэтому совершенно непонятен экскурс автора в область сирийской архитектуры V—VI вв. (стр. 106—108), где, естественно, не нашлось ничего близкого тепсеньскому храму, и, тем более, непонятно обращение к крестово-купольной архитектуре Херсонеса, ибо тепсеньский храм отнюдь не был купольным. Тепсеньская базилика, как и Партенитская, представляет собой лишь переоформление обычного в городах раннесредневековой Таврики культового здания в виде базилики, с заменой колонн столбами и добавлением боковых апсид.

В последнем разделе статьи автор довольно подробно описывает находки, характеризующие ремесло и другие занятия населения (стр. 117—122); он особо выделяет кровельную черепицу, являвшуюся продукцией гончаров-ремесленников, и приходит на основании анализа рельефных знаков к очень вероятному выводу о местном производстве черепицы. Раздел заключает описание массовых видов керамики из раскопок городища — амфор, кувшинов с ойнохоевидным горлом и высокогорлых с плоской ручкой, пифосов, фляг, затем лепной и кухонной посуды в виде многочисленных горшков с черным или серым черепком, шаровидным корпусом, обычно с отогнутым венчиком, и сплошным рифлением, поверх которого в верхней части сосуда протянута многорядная волна (рис. 25 на стр. 136), наконец, поливной керамики, относящейся, однако, к значительно более позднему времени, XIV—XV вв. (стр. 140—141).

Особый интерес представляют серые горшки со сплошным рифлением, которые В. П. Бабенчиков называет «тепсеньским типом» (стр. 142), хотя, как он же сам показывает, керамика эта была распространена по всему Восточному Крыму; она характерна для всего Приазовья и поселений Нижнего Дона[15]. Ее-то В. П. Бабенчиков и считает славянской (стр. 138), однако без малейшей аргументации, за которой отсылает читателя к своей же статье[16], где, однако, обоснование такой атрибуции также, по существу, отсутствует. Автора в этом вопросе поддерживает и редактор сборника — А. П. Смирнов, видящий определенные отличия тепсеньской серой керамики от салтовской в характере глины, в профиле венчика, в орнаментации (стр. 5); но мы их усмотреть не можем. На основании такого определения серой керамики некоторые исследователи склонны считать и само поселение на холме Тепсень славянским.

Однако такая же серая керамика (горшки с округлым корпусом и со сплошным рифлением и волной) хорошо известна по салтовским городищам — в самом Салтове, на степных поселениях в бассейне Донца и Дона, где ее никто не принимал и не принимает за славянскую; дата ее — VIII—X вв. — также не вызывала сомнений. А рядом, в лесостепной полосе нашего юга, в одновременных поселениях, не менее известна другая керамика — лепная, так называемая роменско-боршевская, резко отличающаяся от салтовской. Славянская принадлежность роменской керамики также ни у кого не вызывала сомнений. Но если признать восточнокрымскую, а следовательно, и салтовскую керамику (мало-мальски существенных различий между той и другой, повторяю, нет) славянской, иначе говоря — пренебречь резкими отличиями между керамикой салтовской и роменской, то, во-первых, останутся без объяснения эти различия, а во-вторых, вообще исчезнет возможность использовать эти виды керамики в качестве этнического показателя.

Но если считаться с археологическими признаками культуры, в том числе и со специфическими признаками керамики, в данном случае — салтовской и тождественной с ней восточнокрымской, то придется признать, что она этнически не однородна с роменской и, следовательно, происхождение ее — не славянское.

Сторонники славянской принадлежности серой керамики в Восточном Крыму исходят, по-видимому, из того, что эта керамика, действительно, немного похожа на рус-

---

[15] Подробно см. И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. Тр. Волго-Донской экспедиции, I, МИА, № 62, 1958, стр. 107—112.

[16] В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 116.

скую городищенскую керамику XI—XII вв., хорошо известную по предмонгольским слоям древнерусских городищ. Однако нетрудно убедиться в достаточно ощутимой разнице между той и другой керамикой (несколько иная, сильнее суживающаяся книзу, форма русских горшков, наличие у венчика «бережка», отсутствие сплошного густого рифления и др.). Эти различия в форме и орнаментации слишком заметны, чтобы ими пренебречь. К тому же речь идет о группах керамики, различных по времени: в XI—XII вв., когда у русских постепенно выработались формы интересующей нас керамики, в Крыму салтовской керамики уже не было, ибо прекратилась жизнь на тех самых поселениях, где эта керамика бытовала.

Аналогичное и неоправданное отождествление праболгарской (можно ее назвать и салтовской) керамики и подлинно славянской имело место, как известно, и в болгарской археологии [17], но теперь эту ошибку там преодолевают [18].

Мы не будем подробно останавливаться на остальных статьях сборника. Интересной и важной является статья М. К. Старокадомской «Русское торговое население генуэзской Кафы» (стр. 147—154), в которой автор убедительно показывает что русский торговый элемент в Кафе начал скапливаться уже в конце XIII — начале XIV в.

Важный материал содержит и статья Е. Ч. Скржинской «Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма» (стр. 155—175). В статье детально анализируются четыре надписи: одна — надгробная греческая XIII—XIV вв., найденная в Алуште в 1950 г., и три латинские из Судака — вновь найденный фрагмент строительной надписи 1378 г., забытая надпись 1451 г. с гербом генуэзского дожа Пьетро Кампофрегозо и надпись 1469 г. о постройке здания, свидетельствующая о генуэзском строительстве в Судаке накануне турецкого завоевания.

Статья важна также детальным разбором палеографии надписей, которым сопровождается их публикация, что имеет большое практическое значение для археологов-медиевистов. Следует пожелать автору выполнить такой же подробный палеографический анализ и для первой половины средневековья. В результате получилось бы своего рода руководство по крымской средневековой эпиграфике, в котором ощущается большая потребность.

Наконец, в статье Э. А. Лапковской (стр. 176—189) издается найденный в Крыму водолей XII—XIII вв. в форме бюста юноши. Широкий круг аналогий из Румынии и Венгрии, привлекаемых автором, приводит его к заключению, что водолей происходит из художественных мастерских Центральной или Южной Европы.

В целом рецензируемый сборник следует расценить как значительный вклад в изучение средневековой эпохи Северного Причерноморья: существенно продвинуто исследование раннесредневековых крепостей Таврики, открыты новые памятники (крепость в Каламите), важные результаты принесли раскопки поселения на горе Тепсень, которое в VIII—IX вв. стало, по-видимому, экономическим и ремесленным центром Восточного, а может быть, и всего Крыма.

Но вместе с тем статьи сборника показывают, сколь много еще нерешенных и темных вопросов в средневековой истории Северного Причерноморья; для освещения их потребуются еще многие годы археологических исследований, которые ведутся, к сожалению, еще в совершенно недостаточном объеме.

А. Л. Якобсон

---

[17] Об этом писал М. И. Артамонов в предисловии к книге: Живка Въжарова. Славяно-болгарското селище край село Попино Силистринско. София, 1956, стр. 4—10.

[18] См. С. Станчев. Новый памятник ранней болгарской культуры (к вопросу о праболгарах). СА, XXVII, 1957, стр. 124 сл., 131.

УСПЕХИ КЕРАМИЧЕСКОЙ ЭПИГРАФИКИ

Клейменая керамическая тара (ручки и горла амфор) является ценнейшим материалом не только для датировки культурных слоев, в которых они встречаются, но и для различного рода исторических выводов. Они имеют первостепенное значение для изучения истории торговых сношений, керамического производства, ономастики и т. п.

В настоящее время количество накопленного материала исчисляется уже сотнями тысяч амфорных клейм, и каждый новый сезон полевых археологических исследований приносит новые сотни и тысячи клейм, которые вносят много нового и ценного в наши представления.

За последние годы развитие керамической эпиграфики достигло значительных успехов. С одной стороны, осуществлялись и осуществляются систематические публикации

вновь найденных клейм: клейма из Афин (Пникс) [1], Аргоса [2], Тарса [3], Бирсы [4], Крокодилополя [5], польских раскопок Мирмекия [6]. С другой стороны, и это особенно важно, начато издание корпусов клейм. Уже вышли из печати превосходно изданный фундаментальный корпус фасосских клейм [7], исследование и публикация клейм, найденных при раскопках Истрии [8], каталог клейм Варненского музея [9]. Готовятся к печати корпусы книдских и косских клейм (Вирджиния Грейс), корпус керамических клейм, найденных на территории Румынии [10]. Наиболее значительным является подготовленный к печати корпус амфорных клейм Северного Причерноморья (IOSPE, III), включающий более 30 000 клейм. Работа над этим изданием, начатая в свое время еще покойным Е. М. Придиком, успешно завершена в настоящее время Б. Н. Граковым. В ней зарегистрировано огромное большинство клейм из раскопок и случайных находок на территории СССР по 1955 г. включительно. Приходиться лишь пожелать, чтобы это ценнейшее издание возможно скорее увидело свет. Наконец, за последние годы опубликован целый ряд исследований, связанных с изучением амфорных клейм, с их использованием в качестве исторического источника, а также ряд обзорных статей, характеризующих амфорные клейма из ряда раскапываемых памятников и музейных коллекций.

Ввиду того, что в краткой статье не представляется возможным рассматривать все работы, связанные с публикацией и изучением клейм, изданных в последнее время, мы остановимся лишь на некоторых основных вопросах керамической эпиграфики. Таковыми следует считать вопросы: 1) о локализации отдельных групп амфорных клейм неизвестного происхождения; 2) о хронологии и датировке клейм; 3) о назначении, характере и технике клеймения и 4) исторические выводы, делаемые на основании изучения клейм.

1

Группа клейм так называемых неопределенных, или неизвестных, центров в настоящее время уже не так велика — она составляет менее 10% общего числа амфорных клейм. За последние годы рамки ее еще более сузились. Достойно внимания, как будет показано ниже, что разные исследователи в различных странах независимо друг от друга почти одновременно в ряде случаев пришли к одинаковым или очень близким выводам. Это обстоятельство придает им большой вес и убедительность.

Прежде всего остановимся на группе так называемых колесообразных, или колесных, клейм, которые Е. М. Придик считал происходящими из Ольвии [11]. На основании сопоставления этих клейм с монетными типами Е. М. Штаерман пришла к выводу, что центр производства их надо искать в Македонии или Фракии, причем наиболее вероятными ей представляются Аканф, Месембрия или Менде [12]. Что касается последнего города, то его клейма с большой вероятностью выделены недавно В. Грейс [13] и не имеют ничего общего с колесообразными клеймами. В настоящее время местом происхождения колесных клейм все более определенно признается Фасос [14]. Б. Н. Граков отнес указанную группу к Фасосу

---

[1] V. Grace. Pnyx: Stamped Wine Jar Fragments. Hesperia, Suppl. X, 1956.

[2] M.-T. Lenger. Timbres amphoriques trouvés à Argos. BCH, т. LXXIX, 1955, стр. 484 сл.; BCH, т. LXXXI, 1957, стр. 160 сл.

[3] V. Grace. The Stamped Amphora Handles. Excavations at Gözlü Kule. Tarsus, т. I, Princeton, 1950, стр. 135 сл.

[4] J. Ferron, M. Pinard. Les fouilles de Byrsa: 1953—1954. Cahiers de Byrsa, 5 1955, Musée Lavigerie, стр. 61 сл.

[5] J. Bingen. Anses d'amphores de Crocodilopolis — Arsinoe. Chronique d'Egypte, 1955.

[6] A. Sadurska. Stemplowanie imadla amfor, dachówki i inne zabytki epigrafiki ceramicznej.В кн.: K. Michałowski. Mirmeki, I, Warszawa, 1958, стр. 101 сл.; ср. Katalog Wystawy zabytków z wykopalisk w Mirmeki w roku 1956. Warszawa, 1957, стр. 36 сл. Z. Sztetyłło. В кн.: Pamiętnik wystawy zabytków z wykopalisk w Mirmeki w 1957 roku. Warszawa, 1959, стр. 70 сл.

[7] A.-M. Bon, A. Bon. Les timbres amphoriques de Thasos Etudes Thasiennes, IV, Paris, 1957.

[8] V. Canarache. Importul amforelor stampilate la Istria. Bucuresti, 1957.

[9] М. Мирчев. Амфорните печати от музея във Варна. София, 1958.

[10] См. V. Eftimie. Imports of Stamped Amphorae in the Lower Danubian Regions and a Draft Rumanian Corpus of Amphora Stamps. «Dacia», новая серия, т. III, 1959, стр. 212 сл.

[11] Е. М. Придик. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 174.

[12] Е. М. Штаерман. Керамические клейма из Тиры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 46 сл.

[13] См. V. Grace. Standard Pottery Containers of the Ancient Greek World. Hesperia, Suppl. VIII, 1949, стр. 180, 186; табл. 20,*1*. Автор отмечает, что по составу глины и форме ручки мендеская амфора в общем соответствует фасосской. В IOSPE III Б. Н. Граковым зарегистрированы два таких же клейма: одно — из Пантикапея, другое — из Ольвии.

[14] Вероятно, недоразумением следует объяснить определение колесного клейма как боспорского в статье З. Штетылло. См. Zofia Sztetyłło. Stemplowanie amfor greckich. Kwartalnik historii kultury materialnej, 1958, годVI, № 3, стр. 467, рис. 2,*a*.

в корпусе северопричерноморских клейм, подготовленном к печати. К Фасосу же она отнесена в корпусе фасосских клейм [15]. Основанием для определения колесообразных клейм как фасосских послужили как характер глины (которая, правда, несколько отличается от глины заведомо фасосских амфор плохой отмученностью и наличием дополнительных включений в виде зерен белого кварца), так и форма амфоры в целом. Весьма сильным аргументом в пользу принадлежности колесных клейм Фасосу является отмеченный издателями корпуса фасосских клейм факт, что они в значительном числе найдены на Фасосе, где клейма других производственных центров почти полностью отсутствуют [16]. Очень трудно допустить, чтобы Фасос, богатый превосходным вином и имевший весьма развитое керамическое производство, ввозил амфоры из какого-то близкого и политически связанного с ним центра. А связь колесных клейм с влиянием Фасоса признается всеми исследователями. Такую же атрибуцию колесных клейм как фасосских предложил на основании состава глины амфор и формы ручек М. Мирчев [17].

Вместе с тем нельзя не учитывать, что глина амфор с этими клеймами не является абсолютно идентичной глине фасосских амфор. Форма ручек амфор также отличается от фасосских — все они, как правило, значительно массивнее последних. Правда, и глина заведомо фасосских амфор, в клеймах которых содержится этникон, весьма разнородна. Различны ее оттенки, содержание и качество включений в виде характерных блесток слюды, а также консистенция и строение глины [18]. Сказанное подтверждается и данными спектрального анализа глины, произведенного в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР под руководством И. В. Богдановой-Березовской. Для окончательного решения вопроса о фасосском происхождении колесных клейм, по-видимому, потребуется еще дополнительное исследование.

Прежде всего здесь необходимо прибегнуть к помощи естественных наук; массовый химический и спектральный анализ глины ручек, вероятно, позволит прийти к более определенным выводам. Далее, необходимо ответить на вопрос о месте этих клейм в фасосском клеймении.

Хронологически они, по стратиграфическим данным, относятся к IV—III вв. до н. э., т. е. сосуществуют с заведомо фасосскими клеймами. Вместе с тем надлежит отметить, что по ряду признаков все колесообразные клейма относятся, по-видимому, к хронологически весьма ограниченному отрезку времени — они являются продукцией одного или нескольких лет. Если исходить из принимаемой и нами гипотезы о принадлежности колесных клейм Фасосу, то следует предположить, что какие-то исторические события на острове привели к резкому изменению клеймения, прежде всего — к коренному изменению типа клейма, которое затем вернулось к старому, но уже видоизмененному типу. На Фасосе таким событием было в указанное время подчинение острова Македонии в 340 г. до н. э. Изменения в фасосском клеймении после 340 г. уже отмечались в научной литературе [19]. Может быть, именно колесообразные клейма и являются тем переходным типом, который разделяет два коренных этапа фасосского клеймения, рубежом которых является 340 г., и именно к этому времени они и относятся. (В. Эфтимие, вслед за издателями корпуса фасосских клейм, высказывается за позднюю датировку колесных клейм II—I вв. до н. э.).

Совсем недавно Д. Б. Шелов выделил группу анэпиграфных фасосских клейм (голова по диагонали клейма)[20] и еще одну группу клейм, условно названную автором «группой А», частично энглифических, частично рельефных [21]. Клейма эти, иногда состоящие из одной или нескольких букв, иногда же анэпиграфные, содержатся на ручках амфор, глина которых весьма близко напоминает фасосскую. И. Б. Зеест недавно дала описание типа амфор с так называемыми рюмкообразными ножками в связи с находками клейм так называемой «группы А» Шелова в Гермонассе [22]. Автор датирует группу амфор с рюмкообразными ножками IV—III вв. до н. э. и отмечает их большую близость с фасосскими амфорами. Период, в течение которого ввозились эти амфоры, совпадает с периодом наибольшего расцвета фасосского импорта, а прекращение ввоза — со временем сокращения фасосскго ввоза. И. Б. Зеест приходит к выводу, что вероятным местом изготовления амфор с рюмкообразными ножками представляется один из центров Эгейского моря, тесно связанный с Фасосом, через посредство которого импорт их и проникал в города Северного Причерноморья. Автор публикует три клейма, относящихся к этой группе и найденных в Гермонассе: 1) углубленное колечко, 2) анэпиграфнсе клеймо с изображением одноручного сосуда, окруженного точечным орнаментом и 3) рельефная буква Ф в углубленном ромбовидном поле. Клейма с изображением одноручного сосуда, а также анэпиграфные клейма с изображением пятиконечной звезды были найдены и при раскопках Пантикапея и Фанагории и отнесены Д. Б. Шеловым к «группе» А», причем автор указывает, что эти клейма, входя-

---

[15] А.-М. Воп, А. Воп. Ук. соч., стр. 28, 35.
[16] Там же, стр. 35.
[17] См. М. Мирчев. Ук. соч., стр. 11.
[18] См. А.-М. Воп, А. Воп. Ук. соч., стр. 14.
[19] См. V. Grace. Рпух..., стр. 122 сл.; ее же. Standard Pottery..., стр. 182.
[20] Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, 1956, стр. 133.
[21] Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. МИА, № 56, 1956, стр. 217 сл.
[22] И. Б. Зеест. Раскопки Гермонассы. КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 62 сл.

щие составной частью в качестве эмблемы в фасосские эпиграфические клейма, могут быть отнесены к этому центру [23].

Что касается амфор с рюмкообразными ножками, то вероятным местом их изготовления мог быть и сам Фасос, в керамическом производстве которого наблюдается весьма большое разнообразие типов амфор [24]. Рассматриваемый тип, вероятно, идентичен или, во всяком случае, очень близок типу I-B по Бон. Следует также отметить, что целый ряд клейм, отнесенных Д. Б. Шеловым к «группе А», включен в корпус фасосских клейм в качестве принадлежащих данному центру [25]. Правда, авторы указывают, что определение этих клейм как фасосских остается под сомнением. Возможно, что они являются продукцией ряда производственных центров, которые в определенное время адоптировали эту систему клеймения. К такому выводу относительно клейм «группы А» приходит Д. Б. Шелов [26]. Таким образом, различные исследователи независимо друг от друга пришли к одинаковым или очень близким выводам. Д. Б. Шелов выделил также и другую группу клейм, условно названную им «группой Б» [27]. Ее объединяют как характер глины и форма ручек амфор, так и форма и состав самого клейма, заключающего обычно несколько тщательно выполненных букв в прямоугольном или овальном узком поле. Амфоры с этими клеймами характеризуются припухлым горлом и массивным валикообразным венчиком, что дает основание Д. Б. Шелову относить их к началу V в. до н. э. и высказать предположение, что они являются наиболее ранними греческими керамическими клеймами [28]. Что касается места производства указанных клейменых амфор, то его определение не представляется пока возможным даже предположительно.

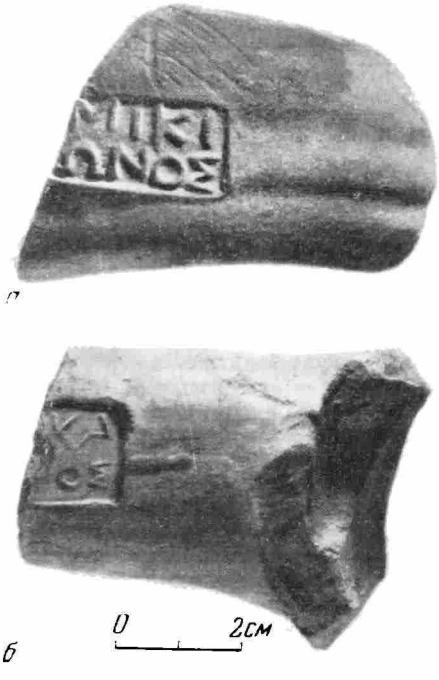


Рис. 1. Амфорные клейма «группы Парменнска». Мирмекий

В. Грейс выделила группу клейм, названную ею условно «группой Парменнска» [29]. Эта группа, характерными особенностями которой является наличие в клейме одного имени, чаще всего разделенного в две строки, берет начало еще в доэллинистическое время, но большинство клейм ее относится ко времени с конца III до конца II в. до н. э. Глина амфор «группы Парменнска» характеризуется присутствием блесток слюды, иногда у ручек имеется неровная серовато-коричневая сердцевина. Область распространения клейм этой группы охватывает Афины, Делос и в меньшей степени Коринф, Фасос, Филиппы, Пергам, Трою и Причерноморье. Автору известно около 85 клейм этой группы, содержащих 25 различных имен. Следует отметить, что в настоящее время число клейм этой группы, повидимому, значительно больше. В частности, в Северном Причерноморье встречаются клейма с именем Μικί/ωνος (рис. 1,*1*) [30]. Вероятно, к этой же группе относятся клейма Ε]ὐδ/[ωρ]ος (рис. 2, *а*, *б*) [31] и, возможно, Ἀλ]κά/[νο]ρος (рис. 1,*2*) [32] из Мирмекия, которые В. Грейс неизвестны. Грейс выделила также группу клейм, названную ею «имперской группой» (Imperial group), хронологические рамки которой распространяются на конец I — начало II в. н. э. [33]. Ручки амфор этой группы сделаны небрежно, невелики по размерам. Само клеймо продолговатое, шрифт небрежный, эпсилон и сигма — лунарные. Большинство легенд дается в сокращениях и написано ретроградно.

---

[23] См. Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах.., стр. 219. табл. V, 4, 5 и стр. 221; ср. А.-М. Воп, А. Воп. Ук. соч., с №№ 791, 838, 972, 973, 1055, 1090, 1396, 1986; анэпиграфное клеймо с пятиконечной звездой — № 2145.

[24] А.-М. Воп, А. Воп. Ук. соч., рис. 3—6, стр. 18 сл.

[25] Там же, №№ 2183—2232.

[26] Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах..., стр. 219 сл.

[27] Там же, стр. 221.

[28] Ср. V. Grace. Рпух..., стр. 122.

[29] Там же, стр. 168 сл.

[30] Клеймо с именем Μικί/ωνος найдено также и в Болгарии. См. М. Мирчев. Ук. соч., № 80, табл. X, 8, где оно ошибочно отнесено к Фасосу. Е. М. Штаерман (Ук. соч., стр. 38) подобное же клеймо из Тиры ошибочно отнесла к Гераклее.

[31] Мирмекий, 1957, № 690. Клеймо ретроградное.

[32] Мирмекий, 1956, № 1754.

[33] V. Grace. Рпух..., стр. 170.

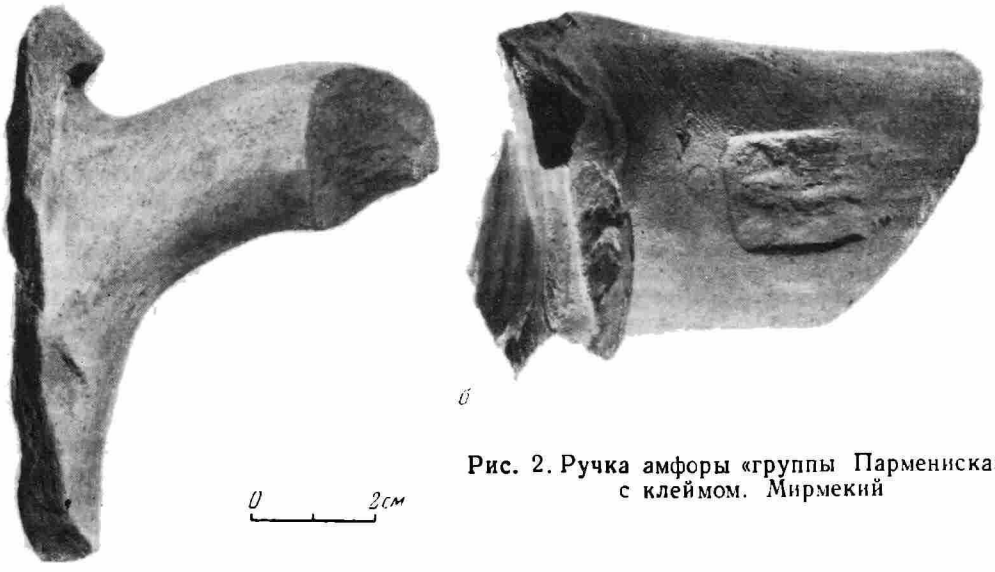


Рис. 2. Ручка амфоры «группы Парменискa» с клеймом. Мирмекий

Помимо указанных выше групп, выделены также эллинистические клейма Хиоса, относящиеся к III в. до н. э. [34]. К этой группе относятся встречающиеся довольно часто в Северном Причерноморье клейма Гикесия (Ἱκεσίου). Что касается ранних хиосских клейм, то они известны в виде врезанных по сырой глине кружков на горле, ручках или ножке амфоры, или же в виде анэпиграфных клейм с изображением, заимствованным с хиосских монетных типов [35]. Недавно в Мирмекии был найден обломок горла пухлогорлой хиосской амфоры V в. до н. э. с энглифическим клеймом в виде буквы А во вдавленном круглом поле (рис. 3) [36]. Насколько нам известно, это клеймо является уникальным и представляет собой наиболее ранний тип хиосского буквенного клейма.

Еще Е. М. Придик предположительно отнес к Книду группу квадратных клейм, в центре которых изображен нос корабля, а отдельные имена расположены вдоль краев квадрата [37]. До этого времени они считались критскими. Д. Б. Шелов, подробно обосновав гипотезу Е. М. Придика, уже с полной уверенностью отнес вышеописанные клейма к продукции Книда [38]. К Книду же отнес их и Б. Н. Граков в IOSPE, III.

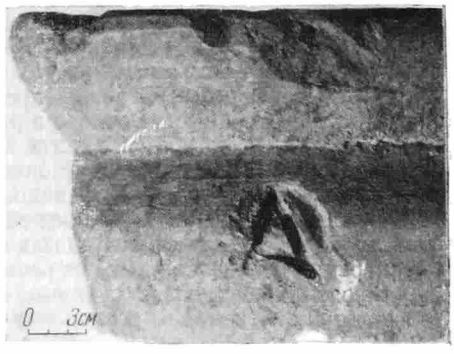


Рис. 3. Обломок горла пухлогорлой хиосской амфоры с клеймом V в. до н. э. Мирмекий

На основании изучения амфорных клейм, происходящих из Тиры, Е. М. Штаерман пришла к важному выводу о существовании в Гераклее Понтийской не только энглифического клеймения горл, но и рельефного клеймения ручек амфор [39]. Необходимо указать на то, что большинство рельефных клейм на ручках амфор, приписываемых автором продукции Гераклеи, таковыми в действительности не являются. Так, например, клеймо Εὐά/νθη с палицей между строками в качестве эмблемы, вероятно, является фасосским; Νουίου — синопским [40]; Φιλοκράτης/Σκύμνος с кадуцеем в качестве эмблемы,— вероятно, фасосское; Μικί/ωνος и Μικί/ων относятся к описанной выше «группе Парменискa» и т. д. Тем не менее общий вывод Е. М. Штаерман представляется вполне правильным. К нему можно добавить, что не исключена возможность наличия в Гераклее Понтийской и энглифического клеймения ручек амфор. Среди материалов из раскопок Мирмекия, которые в настоящее время готовятся к изданию автором настоящей статьи, имеется ручка, клеймо

---

[34] Там же, стр. 166, №№ 197—199.

[35] О хиосских клеймах см. C. Boulter. Pottery of the Mid-Fifth Century from a Well in the Athenian Agora. Hesperia, XXII, 1953, стр. 104 сл., № 152.

[36] Мирмекий, 1958, №2905.

[37] Е. М. Придик. Ук. соч., стр. 178

[38] См. Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах..., стр. 215.

[39] Е. М. Штаерман. Ук. соч., стр. 35 сл.

[40] См. Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах..., стр. 208.

на которой по форме и по составу легенды вполне совпадает с гераклейскими клеймами на горлах амфор. Однако форма ручки и глина отличаются от обычных гераклейских. Что касается времени рельефного клеймения в Гераклее,то Е. М. Штаерман считает, что переход от энглифического клеймения к рельефному произошел в середине III в. до н. э. Следует, однако, иметь в виду, что, судя по археологическим находкам, рельефное клеймение, по-видимому, никогда не занимало господствующего положения в Гераклее и было незначительным.

В той же статье Е. М. Штаерман попыталась выделить также группу косских клейм не на обычных двуствольных, а на одноствольных ручках амфор. Эти ручки, похожие на родосские, составляют как бы один ствол двуствольной косской ручки амфоры [41]. Автор полагает также возможным считать Кос местом изготовления узкогорлых амфор с клеймами на горлах. Что же касается клейма ἐπὶ Κυδο[σθήν]/ευς τέχνων, которое еще Дюмон считал книдским, а Е. М. Штаерман считает возможным относить к Косу, то думается, что прав был, безусловно, Дюмон.

Несколько слов необходимо сказать об астиномных клеймах,которые еще более тридцати лет тому назад были определены Б. Н. Граковым как синопские [42]. До последнего времени находились скептики, которые подвергали сомнению правильность выводов Б. Н. Гракова, хотя большинство советских исследователей уже давно полностью признало их убедительность. В ряде зарубежных изданий синопские клейма до сих пор зачастую обозначаются как «южнорусские» или «понтийские». В настоящее время всем сомнениям относительно правоты Б. Н. Гракова должен окончательно и навсегда быть положен конец. Раскопки в Синопе, проведенные в 1951—1953 гг., позволяют с полной уверенностью утверждать, что изделия из характерной глины с многочисленными черными вкраплениями, которые советскими исследователями уже давно определялись как синопские, в действительности таковыми и являются [43]. Авторы предварительного отчета отмечают также, что при раскопках Синопы было найдено значительное число амфорных клейм с разнообразными эмблемами, которые вскоре должны быть опубликованы (амфорные клейма наряду с памятниками лапидарной эпиграфики готовятся к изданию профессоромСаарбрюккенского университета Жаном Моро).

Среди единичных клейм, принадлежность которых к определенным производственным центрам установлена в последнее время, следует указать на клеймо Менды, найденное в Афинах [44]. Клеймо анэпиграфное, с изображением Диониса верхом на осле, повторяющим монетный тип Менде. Глина содержит блестки слюды и сходна с фасосской. Следует полагать,что клеймение Менде не ограничивается опубликованным клеймом и что клейма Менды должны присутствовать среди клейм Северного Причерноморья, куда ввоз вина из этого города засвидетельствован письменными источниками [45].

Опубликовано также клеймо Александрии в Троаде [46], известное издателю в единственном экземпляре (ΑΛΕΞΑΝ/ΚΕΦΑΛΙΩΝ). Совершенно идентичное клеймо найдено, согласно любезному сообщению Б. Н. Гракова, при раскопках Ольвии в 1949 г. Другое аналогичное клеймо с совершенно идентичной изданному В.Грейс клейму эмблемой (пасущейся лошадью) и именем ΚΕΦΑΛΙ , но без обозначения места производства найдено в 1946 г. в Мирмекии и опубликовано В. Ф. Гайдукевичем [47].

Остается еще рассмотреть вопрос о боспорских амфорных клеймах. Широкое развитие клеймения черепицы на Боспоре a priori дает основания для предположения о вероятности и клеймения амфор, в производстве которых на Боспоре сомнений нет. Еще в 1940 г. Л. А Ельницким была предпринята попытка выделить и определить группу боспорских амфорных клейм [48]. Эта попытка, однако, не может быть признана целиком удачной. Изучение группы боспорских клейм, таким образом, является еще делом будущего.Попытка выделения группы боспорских клейм была предпринята и Д. Б. Шеловым, который отнес к числу боспорских несколько клейм из раскопок Пантикапея в 1945—1949 гг.Основанием для такого вывода послужил состав глины, а также внешний вид самого клейма, близкого, по мнению автора, к клеймам боспорских черепиц[49]. Одно клеймо из раскопок Фанагории отнесено к этому городу тем же исследователем [50]. Предположения Д. Б. Шелова все же носят пока весьма гипотетический характер уже хотя бы потому, что слишком незначителен еще материал, на основании которого высказаны его суждения.

---

[41] Е. М. Штаерман. Ук. соч., стр. 39 сл.

[42] Б. Н. Граков. Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

[43] См. E. Akurgal, L. Budde. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Sinope. Ankara, 1956; ср. рецензию М. И. Максимовой (СА, 1958, № 3, стр. 255).

[44] См. V. Grace. Standard Pottery..., стр. 186 сл. и табл. 20,*1*. В IOSPE, III зарегистрированы два экземпляра таких же клейм.

[45] См. [Dem.], XXXV, 35.

[46] См. V. Grace. Standard Pottery..., стр. 187, № 3 и табл. 20,*3*.

[47] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг. МИА, № 85, 1958, стр. 193, рис. 44,*3*. Очевидно, по недоразумению клеймо определено как боспорское (?).

[48] См. Л. А. Ельницкий. О боспорских амфорных клеймах. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 318 сл.

[49] Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах..., стр. 217.

[50] Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 151 и рис. 4,*6*.

Для обснования гипотезы о боспорском клеймении амфор был привлечен найденный при раскопках Пантикапея глиняный штемпель с врезанной монограммой ΠΑΡ [51]. Л. А. Ельницкий полагает, что этот штемпель, имеющий в сечении 3,3 *см*, мог использоваться именно для клеймения амфор, а не черепиц, и считает поэтому, что находка его кладет конец каким бы то ни было сомнениям в отношении клеймения боспорских амфор. Подобный же штемпель, содержащий ту же монограмму, лишь несколько более небрежно исполненную, чем пантикапейская, был найден в 1947 г. в Тиритаке [52]. Как и пантикапейский, тиритакский штемпель также изготовлен из круглой в сечении (3 *см*) амфорной ручки. В. Ф. Гайдукевич высказывает сомнения относительно правильности функционального определения штемпеля как штампа для клеймения амфор, на том основании, что нет данных, чтобы говорить о производстве боспорских клейменых амфор в Тиритаке [53]. Автор полагает, что тиритакский штемпель имел какое-то иное назначение, но какое именно — он не указывает даже предположительно. Что касается определения назначения пантикапейского штемпеля как штампа для клеймения амфор, то В. Ф. Гайдукевич считает это предположение лишь догадкой, и притом пока бездоказательной, так как клейма, подобные монограмме на штемпеле, неизвестны.

Как нам представляется, наиболее вероятным и убедительным предположением относительно назначения указанных выше штемпелей является предположение, что они предназначались для клеймения глиняных изделий. Однако считать, что ими непременно должны были клеймиться именно амфоры, как это делает Л. А. Ельницкий, нет никаких оснований, тем более что, как справедливо указывает В. Ф. Гайдукевич, подобные клейма на амфорах пока неизвестны. В то же время надлежит признать вероятным, что рассматриваемые штемпели служили для клеймения черепицы. В этом отношении большой интерес представляет опубликованное Д. Б. Шеловым круглое боспорское черепичное клеймо, включающее в себя сложную монограмму, в состав которой входят те же буквы — П,А,Р[54]. По сложности и тщательности исполнения это клеймо намного превосходит не только тиритакский, но и пантикапейский штемпели, но его форма (диаметр несколько менее 3 *см*) и состав монограммы весьма сближают его с указанными выше глиняными штемпелями.

Все сказанное выше относительно исследований по определению мест происхождения клейм, ранее неизвестных, показывает, что в этом отношении, особенно за последние годы, достигнуты значительные успехи.

2

Задачей первостепенной важности в изучении амфорных клейм является установление их относительной и абсолютной хронологии. Датированное клеймо приобретает большую ценность при археологических раскопках как материал для датировки культурного слоя или комплекса, в котором оно найдено. Только датированное клеймо становится полноценным историческим источником. До последнего времени подавляющая масса амфорных клейм оставалась недатированной.

Основные методы хронологического определения клейм разработаны Б. Н. Граковым в его неопубликованной, но часто цитируемой в работах советских археологов докторской диссертации [55].

Автор описывает семь методов. 1. Стратиграфический метод, основанный на датировке по археологическому комплексу или слою. Этот метод является основным и наиболее достоверным, но, к сожалению, далеко не всегда возможным, ввиду того, что, как известно, археологам очень часто приходится иметь дело с мешаными слоями. 2. Морфологический метод, основанный на изучении эволюции формы амфоры и ручки. 3. Палеографический метод. Очень важно сопоставление палеографии клейм с палеографией нумизматической. Что касается сопоставлений с лапидарной эпиграфикой, то здесь часто возможны ошибки, так как развитие письма в монументальных надписях существенно отличается от развития его в керамических надписях. 4. Грамматический метод. 5. Нумизматический метод — метод изучения эмблем. 6. Метод установления синхронности имен магистратов и владельцев керамических мастерских. 7. Исторический метод.

Б. Н. Граков указывает, что для разработки хронологии клейм необходимо учитывать и сочетать все возможные методы. В этом же труде автором разработана и хронология всех основных групп амфорных клейм.

За последние годы существенных успехов разработка хронологии амфорных клейм достигла в работах В. Грейс, которая кладет в основу датировки клейма археологический, или стратиграфический, метод и считает его единственно достоверным. Необходимо при этом отметить, что В. Грейс имеет счастливую возможность пользоваться этим методом, так

---

[51] Л. А. Ельницкий. Эпиграфические новинки из Керчи. ВДИ, 1947, № 3, стр. 207 сл.

[52] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 171 сл. и рис. 25.

[53] Там же.

[54] Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах..., стр. 225 и табл. VI, *6*.

[55] Б. Н. Граков. Клейменая керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Архив ИА АН СССР, № 538. Ранее эти методы были описаны тем же автором в менее разработанном виде: см. Б. Н. Граков. Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов, стр. 102—106.

как клейма, над которыми она работает, добытые в результате раскопок на афинской агоре [56] и на Пниксе, в значительной своей части происходят из хорошо датированных, замкнутых археологических комплексов. Вместе с тем В. Грейс широко пользуется и другими методами датировки. Любопытно отметить, что исследовательница, идя своим путем, приходит приблизительно к тем же выводам, что и Б. Н. Граков в своей неопубликованной работе.

Хронология ранних фасосских клейм, в основном разработанная еще Б. Н. Граковым, получила дальнейшее развитие в работах В. Грейс[57]. Автор устанавливает наиболее раннюю дату для фасосских клейм, содержащих имена,как и вообще для амфорных клейм с греческими именами,— 425 г. до н. э. Наиболее ранней серией является серия безэмблемных клейм, которые содержат два имени и этникон. Затем следует серия клейм, тесно связанная во времени с первой, которая содержит имя Аристомена и в качестве эмблем изображение Геракла, стоящего на одном колене и стреляющего из лука. Следующей является группа клейм с юношеской головой в профиль и с именем Мегона, которая, как и предыдущая, находит параллель в золотой монете. Далее следует небольшая серия с одним именем и двумя эмблемами, из которых одна — фиала, и т. д. Дальнейшее обоснование хронология фасосских клейм получила в результате изучения клейм из раскопок Пникса в Афинах, где большая группа их была найдена в археологическом комплексе, датируемом не позднее примерно 340 г. до н. э. [58]. К концу V — первой половине IV в. до н. э., помимо вышеперечисленных серий, относится основная масса фасосских клейм, содержащих два имени и этникон, окружающие эмблему, расположенную в четырехугольном поле, а также клейма с одним именем и этниконом, между которыми располагаются две эмблемы, из которых одна — звезда. Ко второй половине IV и III в. до н. э. относятся клейма, содержащие одно имя, этникон и эмблему [59].

Д. Б. Шелов выделил еще одну группу фасосских клейм, состоящих из легенды, расположенной в две или три строки вдоль одной из коротких сторон прямоугольного поля над эмблемой (или под нею.— *И. Б.*) [60]. В этих клеймах всегда содержатся сокращения имен Μεσ, Μεγ, Μεγα, и датируются они второй четвертью IV в. до н. э.

Как уже отмечалось выше, около 340 г. до н. э. происходят изменения в фасосском клеймении, вызванные, вероятно, завоеванием острова Филиппом II Македонским.

Общая хронология родосских клейм была установлена еще Б. Н. Граковым [61], определившим хронологические рамки клеймения этого центра с 331 по 40 г. до н. э. К аналогичным выводам пришла и В. Грейс, относящая начало родосского клеймения к последней четверти IV в. до н. э. и конец — к I в. до н. э. [62]. Автор отмечает наличие родосского клейма из Коринфа, которое может быть датировано приблизительно 44 г. до н. э. В. Грейс предложила распределение родосских клейм по шести хронологическим группам, которые в общем соответствуют хронологическим группам синопских клейм, установленным Б. Н. Граковым. Авор предлагает следующую датировку хронологических групп. I группа — конец IV — начало III в. до н. э.; II — около 280—220 гг. до н. э.; III — около 220—180 гг. до н. э.; IV — около 180—150 гг. до н. э.; V — вторая половина II в.; VI— начало I в. до н. э. [63]. Позднее В. Грейс несколько изменила хронологические рамки установленных ею групп: I — с конца IV до середины III в. до н. э.; II — около третьей четверти III в. до н. э.; III —около 220—180 гг. до н. э.; IV— около 180—150 гг. до н. э. V — вторая половина II в. до н. э.; VI — начало I в. до н. э. [64]. Особое внимание автор уделяет стратиграфическим данным, а также эволюции типа амфоры, ручки и клейма. В. Грейс, по предложенной ею хронологической классификации, опубликовала список родосских эпонимов, содержащихся в клеймах из Делоса, с индивидуальными их датировками [65]. Вместе с тем она подчеркивает, что эти датировки имеют силу только для Делоса и что в каждом случае датировка того или иного эпонима должна подвергаться проверке, так как среди родосских эпонимов имеется много омонимов [66]. Например, клеймо эпонима Ксенофанта на ручках из Делоса относится к IV периоду клеймения, в то время как среди клейм афинской агоры имеется 38 экземпляров с именем того же эпонима, которые относятся ко II хронологической группе. Ряд индивидуальных датировок родосских клейм предложен В. Грейс в публикации клейм из раскопок Тарса [67]. Исследовательница указывает, что

---

[56] На 1949 г. при раскопках агоры было найдено более 10 000 амфорных клейм. См. V. Grace. Standard Pottery..., стр. 185.

[57] V. Grace. Early Thasian Stamped Amphoras. AJA, № 50, 1946, стр. 31 сл. Хронологическая схема Б. Н. Гракова изложена Д. Б. Шеловым, см. Д. Б. Шелов. Клейма на амфорах и черепицах..., стр. 203—204.

[58] V. Grace. Pnyx..., стр. 122 сл.

[59] Ср. Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 132.

[60] Там же, стр. 130.

[61] Б. Н. Граков. Клейменая керамическая тара..., стр. 28.

[62] V. Grace. The Eponyms Named on Rhodian Amphora Stamps. Hesperia, XXII, 1953, стр. 118 сл.

[63] V. Grace. Timbres amphoriques trouvés à Délos. BCH, т. 76, 1952, стр. 525.

[64] См. V. Grace. Pnyx..., стр. 140.

[65] V. Grace. Timbres amphoriques trouvés à Délos, стр. 528 сл.

[66] Там же, стр. 525.

[67] V. Grace. The Stamped Amphora Handles. Excavations at Gözlü Kule, стр 136 сл.

таблица родосских эпонимов Гиллера [68] нуждается в поправках [69], и публикует список родосских эпонимов в алфавитном порядке, включая в него 14 новых эпонимов[70]. Этот список был позднее дополнен еще 12 новыми именами [71].

Д. Б. Шелов выделил в особую группу ряд родосских клейм, характерных своим беглым небрежным шрифтом [72]. Эта группа, названная автором группой курсивных клейм, характеризуется рядом особенностей: 1) клейма всегда прямоугольные; 2) написание всегда ретроградное; 3) клейма только эпонимные, и притом всегда с указанием должности в необычной орфографии (ἐπ'ἱερέος). Последнее едва ли может быть признано достаточно убедительным. Ведь хорошо известно, что на родосских амфорах клеймились обе ручки. Клейма в сумме всегда содержат три элемента — имя эпонима, имя эргастериарха и название месяца.Поэтому следует полагать, что и амфоры с курсивными клеймами имели на одной ручке клеймо эпонима, а на другой — курсивное же клеймо эргастериарха. И действительно, среди неопубликованных родосских клейм из раскопок Мирмекия имеется клеймо, шрифт которого полностью совпадает с клеймами рассматриваемой группы, содержащее одно только имя владельца керамической мастерской. Обычно, как отмечает Д. Б. Шелов, курсивные клейма являются трехстрочными, иногда— двух- или четырехстрочными. Название месяца, если оно содержится в клейме, стоит в первой строке. Автор полагает, что все штемпели курсивных клейм сделаны одним резчиком, а амфоры, носящие эти клейма, являются продукцией одной мастерской или даже одного мастера. Выделение этой группы позволяет сблизить во времени и таким образом датировать ряд родосских эпонимов. Выявлен новый эпоним — Хонтий. Д. Б. Шелов предлагает датировать выделенную им группу временем с конца даты Пергамского комплекса примерно до середины II в. до н. э. (около 180—150 гг.). Возможно, что эту датировку следует несколько передвинуть, а именно — считать нижней границей существования группы середину II в. до н. э. или конец первой его половины, а временем бытования курсивных клейм — вторую половину века. Это соображение основано на том, что большинство перечисленных Д. Б. Шеловым эпонимов в клеймах из Делоса датируется именно этим временем. Трудно допустить, что все они являются омонимами.

Начало керамического клеймения в Синопе, которое в свое время было отнесено Б. Н. Граковым к концу IV в. до н. э., было им позднее, в связи с передатировкой группы синопских монет, отодвинуто к середине IV в. [73]. Что касается верхней хронологической границы синопских астиномных клейм, то и она, вероятно, должна быть несколько понижена. Так, например, В. Грейс отмечает находку синопского клейма, относящегося к VI хронологической группе Гракова (120— 70 гг. до н. э.), в комплексе на афинской агоре, датируемом первой половиной, возможно, даже первой четвертью II в. [74]. А. А. Нейхардт отмечает, что в Мирмекии и Тиритаке, как и в Ольвии, синопские клейма VI хронологической группы неоднократно встречены в слоях и комплексах, материал которых не выходит за пределы II в. до н. э. [75]. К таким же выводам приводит и изучение весьма обширной коллекции синопских клейм, происходящих из раскопок Мирмекия последних лет. По-видимому, верхнюю границу синопского керамического астиномного клеймения следует несколько отодвинуть назад, во II в. до н. э.Более точное определение конечной даты синопских клейм требует еще тщательного исследования и обоснования.

Новая схема периодизации синопских клейм была недавно предложена В. И. Цехмистренко [76]. Автор прежде всего предлагает вместо пяти вариантов легенды синопских клейм, выделенных в свое время Б. Н. Граковым, шесть вариантов (схем, по Цехмистренко): 1) клейма без магистратуры; 2) название магистратуры между собственными именами с предшествующим именем астинома; 3) то же, но предшествует имя гончара; 4) магистратура в начале легенды; 5) магистратура в конце легенды и 6) распределение основных частей легенды в двух штемпелях.

Эта схема, принципиально не отличающаяся от схемы Б. Н. Гракова, несколько дополняет и развивает последнюю. Однако грамматически неверно устранение автором варианта с предлогом ἐπί . Особо следует отметить выделение варианта, при котором в астиномном клейме должность не названа. В.И. Цехмистренко предлагает также новую схему периодизации синопских астиномных клейм. Вместо шести хронологических групп Б. Н. Гракова им устанавливаются четыре хронологических периода в синопском клеймении. К первому периоду относятся клейма с орлом на дельфине в качестве эмблемы; ко второму — клейма с различными эмблемами гончаров; третий период характеризуется

---

[68] См. RE, Rhodos.

[69] V. Grace. The Eponyms..., стр. 119; ее же. The Stamped Amphora Handles. Excavations at Gözlü Kule, стр. 136, прим. 5.

[70] V. Grace. The Eponyms..., стр. 122 сл.

[71] V. Grace. Pnyx..., стр. 139.

[72] Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 143 сл.

[73] Б. Н. Граков. Клейменая керамическая тара..., стр. 28; его же. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 90—91.

[74] V. Grace. Pnyx..., стр. 165, № 194.

[75] А. А. Нейхардт. Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки как источник для изучения торговых связей Боспорского царства с центрами Причерноморья в эллинистическую эпоху. Автореферат канд. диссертации. Л., 1951, стр. 12.

[76] В. И. Цехмистренко. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. СА, 1958, № 1, стр. 56 сл.

наличием в клейме двух и более эмблем, одни из которых принадлежат гончарам, другие — астиномам; наконец, четвертый период является периодом астиномных эмблем. Соображения В. И. Цехмистренко, подкрепленные анализом большого числа клейм из собрания Керченского музея, следует в известной мере признать основательными. Однако предложенная им периодизация, не говоря уже о том, что она является лишь относительной и не содержит никаких абсолютных дат, не может пока заменить периодизацию Б. Н. Гракова. Укажем хотя бы на то, что четвертый период Цехмистренко покрывает почти всю III и IV—VI хронологические группы Гракова, иными словами, включает в себя огромное большинство всех синопских клейм. Следует отметить, что Б. Н. Граков, устанавливая хронологические группы, исходил не только из характера эмблем, как неверно считает В. И. Цехмистренко, но из всего комплекса признаков, характерных для того или иного клейма (палеография, ономастика, нумизматические аналогии, исторические влияния и т. д.), которые не учитываются В. И. Цехмистренко. Поэтому, признавая известную правомерность и убедительность установления Цехмистренко первых трех периодов, уточняющих группы Б. Н. Гракова, но в общем совпадающих с ними, следует отметить, что его четвертый период, с формальной стороны также вполне правомерный, с точки зрения хронологической классификации неудовлетворителен.

В конце своей статьи В.И. Цехмистренко предлагает общую схему развития синопских клейм, которая содержит 11 этапов, позволяющих приблизительно наметить относительную их хронологию. Эта схема представляется интересной. Некоторые сомнения вызывает лишь возможность и целесообразность столь дробной классификации. Надо надеяться, что успешно начатая В. И. Цехмистренко работа, которая, насколько нам известно, автором продолжается, придет к успешному завершению и приведет к уточнению хронологии синопских клейм. Хочется лишь пожелать, чтобы автор в дальнейшей своей работе обратил должное внимание на все элементы, необходимые для датировки клейм, и не увлекался только формально-типологическим, сравнительным методом.

В другой статье [77] В. И. Цехмистренко касается специально хронологии синопских керамических клейм, содержащих одни лишь имена керамевсов (гончаров). Автор убедительно показывает, что начало керамического клеймения в Синопе следует, вероятно, относить к середине второй четверти IV в. до н. э. Однако его предположение, что начало клеймения нужно отнести еще к первой четверти IV или даже последней четверти V в. до н. э., лишено оснований. В статье содержится ряд интересных наблюдений; некоторые датировки автора,в частности датировка группы гончарных клейм с указанием профессии и отчества гончара концом IV— началом III в. до н. э., представляются вполне убедительными. Однако с рядом положений, содержащихся в статье, согласиться нельзя. Это относится прежде всего к выводу автора о конце астиномного клеймения в первой четверти II в. до н. э. В. И. Цехмистренко связывает это с захватом Синопы понтийскими царями. При всей соблазнительности и кажущейся логичности подобного построения оно противоречит фактическому материалу. Не вдаваясь в подробности, укажем хотя бы на то, что для обоснования своего тезиса автор вынужден прибегнуть к явным натяжкам, вроде абсолютно необоснованного утверждения, будто бы городские магистратуры в Синопе, в том числе и астиномная, были ликвидированы за несколько лет до завоевания города Фарнаком I (183 г. до н. э.), поскольку гончарные клейма с датами,которые он относит к послеастиномному периоду клеймения, сейчас известны уже начиная с 188 г. до н. э. Равным образом недоказанным остается и другой тезис В.И. Цехмистренко, согласно которому в Синопе существовали безмагистратские клейма, имеющие самостоятельное значение. В настоящее время не известно ни одной целой синопской амфоры или черепицы, которые могли бы подтвердить это положение автора. Напротив, наличный в настоящее время материал противоречит его выводу.

Неточно, наконец, и суждение В. И. Цехмистренко относительно того, что лишь после исчезновения астиномных клейм некоторые синопские амфоры не клеймились вовсе. Неклейменые синопские амфоры известны начиная с IV в. до н. э.

Некоторые уточнения вносятся также и в датировку гераклейских клейм, выделенных и датированных еще более тридцати лет назад Б. Н. Граковым [78]. Начало гераклейского клеймения было отнесено Б. Н. Граковым к 325 г. до н. э. Однако, как показывают находки клейм из хорошо датированных археологических комплексов, начало клеймения амфор в Гераклее Понтийской следует несколько отодвинуть назад. И. Б. Зеест, изучавшая гераклейские амфоры из разных музеев и раскопок, и А. А. Нейхардт, на основании изучения гераклейских клейм из раскопок Мирмекия и Тиритаки, пришли к выводу о начале клеймения Гераклеи с середины IV в. до н. э. [79]. В. М. Скуднова на основании изучения комплекса находок из святилища Кабиров в Нимфее считает возможным датировать некоторые гераклейские амфоры с энглифическими клеймами началом IV в. до н. э. [80]. К близким выводам приводят и материалы находок последних лет в Мирмекии и Ольвии,

---

[77] В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма с именами гончаров. СА, 1960, № 3, стр. 59 сл.

[78] Б. Н. Граков. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических амфор. Тр. ГИМ, вып. I, 1926, стр. 195 сл.

[79] И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 48—52; А. А. Нейхардт. Ук. соч., стр. 9.

[80] В. М. Скуднова. Комплекс находок из раскопок святилища Кабиров в Нимфее. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 128 сл.

где некоторые гераклейские клейма найдены в комплексах совместно, в частности, с ранними фасосскими клеймами конца V — первой половины IV в. до н. э. Таким образом, очевидно, следует прийти к выводу, что клеймение керамической тары в Гераклее Понтийской берет начало ненамного позднее начала фасосского клеймения и относится, вероятнее всего, к рубежу первой и второй четверти IV в. до н. э.

Хронологическая классификация астиномных клейм Херсонеса Таврического была предложена Р. Б. Ахмеровым [81]. Общие хронологические рамки херсонесского клеймения определяются автором с конца IV в. до н. э. и до начала I в. до н. э., до того времени, когда в Херсонесе возникает новая эра, когда исчезает должность магистрата-эпонима и официальные документы начинают датироваться цифрой текущего года и указанием на царствование Девы. Все астиномные клейма разбиты Р. Б. Ахмеровым на четыре хронологические группы: I — конец IV и первая половина III в. до н. э.; II — середина и конец III в. до н.э.; III — конец III — начало II в. до н.э.; IV—начало II—начало I в. до н. э.

А. А. Нейхардт, принимая верхнюю и нижнюю границы классификации Ахмерова, предлагает разбивать астиномов на три хронологические группы: I — с конца IV до середины III в. до н. э.; II — от середины III до начала II в. до н. э. [82]. Иными словами, А. А. Нейхардт объединяет II и III хронологические группы Р. Б. Ахмерова в одну (II группу). Основанием для такого корректива служит справедливое утверждение автора, что по палеографическим особенностям чрезвычайно трудно расчленять херсонесские клейма так дробно, как это делает Р. Б. Ахмеров.

Помимо указанных выше работ по определению хронологии амфорных клейм, установлен целый ряд индивидуальных датировок для различных клейм разных производственных центров. Таким образом, и в этой области за последние годы достигнуты определенные успехи, хотя очень многое еще предстоит сделать.

3

Вопрос о назначении амфорных клейм является одним из наиболее сложных и спорных. Существует ряд гипотез, которые с различных точек зрения подходят к решению указанной проблемы, но ни одна из них не дает ответа на все возникающие вопросы. Все существующие точки зрения могут быть сведены к трем основным гипотезам, сформулированным издателями корпуса фасосских клейм в применении к клеймам этого центра [83]. Согласно первой гипотезе, клеймо относилось к амфоре. В таком случае логично предположить, что оно служило гарантией объема амфоры. Но клеймо наносилось по сырой глине, что не согласуется с приведенной точкой зрения. К этому надлежит добавить, что те же клейма, что и на амфорах, встречаются на черепице, в том числе — того же Фасоса [84]. Возможно, что клеймо служило целям официальной рекламы в интересах местного гончарства. По второй гипотезе, клеймо относилось к содержимому амфоры. Оно могло указывать на дату наполнения амфоры, а также и на возраст вина. Третья гипотеза сводится к тому, что клеймо служило целям регламентации торговли, будучи своего рода лицензией, выкупавшейся владельцами керамических мастерских у государства. Последняя гипотеза, высказанная В. Грейс [85], обосновывается автором сопоставлением с папирологическим материалом. Однако, как справедливо указывает А. Садурская, следует иметь в виду, что, во-первых, практика лицензий была принята в эллинистических абсолютных монархиях и, во-вторых, применялась в отношении товаров, на которые существовала царская монополия[86].

М. Мирчев полагает, что основным назначением клейма была датировка амфоры и ее содержимого [87], В. Канараке — что клеймо было сертификатом, удостоверением, своего рода этикеткой [88].

Не менее спорным является вопрос о характере клеймения, т. е. о том, было ли оно государственным или частным. В настоящее время господствует точка зрения, согласно которой клеймение амфор в большинстве центров носило частный характер. Дополнительный аргумент в пользу этого взгляда А. Садурская видит в книдском клейме из раскопок Мирмекия — Παιδίων Θευδωρίδα «(из мастерской) детей Феодорида» [89]. По мнению автора, это клеймо свидетельствует о том, что старые, солидные «фирмы» рекламировали свою продукцию именами своих основателей из предыдущего поколения. Это толкование вызывает серьезные сомнения. Едва ли слово παιδίων можно понимать как родительный падеж в смысле «детишек» или «ребятишек» от уменьшительного παίδιον — «ребеночек», что, к тому же, совершенно беспрецедентно в клеймах. Скорее, это — имя собственное. Однако, судя по фотографии клейма, первое слово можно было бы читать не Παιδίων, а Κνιδίων.

---

[81] Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, № 4, стр. 99 сл.

[82] А. А. Нейхардт. Ук. соч., стр. 10.

[83] См. А.-М. Воп, А. Воп. Ук. соч., стр. 35 сл.

[84] Ср. V. Grace. Standard Pottery..., стр. 177 сл.

[85] V. Grace. Hesperia, т. III, 1934, стр. 199.

[86] A. Sadurska. Ук. соч., стр. 102,

[87] М. Мирчев. Ук. соч., стр. 5.

[88] V. Canarache. Ук. соч., стр. 16 сл.

[89] A. Sadurska. Ук. соч., стр. 102; ср. Z. Sztetyłło. Stemplowane imadła amfor greckich z wykopalisk polskich w Mirmeki na Krymie. Meander, 1960, № 7, стр. 351.

В. Канараке [90] полагает, что взгляд на клеймение как на частное нуждается в пересмотре. Он предлагает считать все клейма, в которых присутствует государственный герб (цветок граната или бюст Гелиоса — в родосских клеймах) или имя эпонимного магистрата (Родос, Синопа и т. д.), государственными. Этот взгляд автором не подкреплен, однако, достаточно вескими аргументами и поэтому носит пока чисто гипотетический характер [91].

По мнению Б. Н. Гракова, о государственном клеймении можно говорить для Херсонеса, где оно существовало наряду с частным [92]. В пользу этого, по мнению автора, свидетельствуют клейма Σκυθικόν и Ταυρικόν, которые убедительно толкуются им как названия государственных глиняных или мастерских при них (Σκυθικὸν κεραμεῖον или ἐργαστήριον) [93].

Что касается техники клеймения, то и здесь нет единства взглядов. Материал штемпелей был, очевидно, весьма разнообразным. А. Садурская полагает, что штемпели изготовлялись не из твердого материала, а из мягкого (дерево и, особенно, глина) [94]. Помимо этого, штемпели изготовлялись, очевидно, из металла, кости и, возможно, камня. М. Мирчев [95] публикует штемпель из Варны, изготовленный из олова. Штемпель этот, однако, поздний, и поэтому вопрос о том, применялось ли олово для изготовления штемпелей и в эллинистическое время, решить невозможно.

4

Изучение амфорных клейм послужило основанием для ряда исторических исследований. При этом необходимо отметить, что, как правило, в работах буржуазных исследователей, посвященных амфорным клеймам, исторические выводы присутствуют лишь в редких случаях. Поэтому в настоящем разделе речь пойдет главным образом о работах советских исследователей и ученых других социалистических стран.

Прежде всего необходимо указать на фундаментальное исследование Б. Н. Гракова «Клейменая керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли с центрами Причерноморья», завершенное автором еще до войны, но до сих пор, к большому сожалению, не опубликованное. В нем Б. Н. Граков пришел к целому ряду весьма важных и интересных выводов, как специальных, так и общеисторических. В частности, особенно ценны его выводы, касающиеся экономических связей Северного Причерноморья в эллинистическое время. В настоящее время многие исследователи в различных странах приходят к выводам, к которым Б. Н. Граков пришел еще более 20 лет назад.

Изучению внешнеторговых связей Боспорского государства с центрами Причерноморья на основании амфорных клейм из раскопок двух боспорских городов — Мирмекия и Тиритаки — в эпоху эллинизма посвящена работа А. А. Нейхардт, упоминавшаяся выше. Автор приходит к следующим историческим выводам: 1) к началу III в. до н. э. усиливается ввоз Гераклеи Понтийской на Боспор [96]; 2) незначительность находок клейменой керамической тары Херсонеса Таврического на территории Боспора может указывать лишь на то, что ввоз вина из Херсонеса был очень ограниченным и что, вероятно, основное количество изготовляемого там вина Херсонес потреблял сам [97]; 3) обилие синопских клейм III и II вв. до н. э. на Боспоре связано с усилением в III в. до н. э. торгового значения Синопы, которая с упадком торговли Родоса приобрела на некоторое время значение одного из главных центров, торговавших с Северным Причерноморьем. Несомненное увеличение синопского экспорта на Боспор в последний период клеймения Синопы автор справедливо связывает с усилением интереса Понтийского царства к Северному Причерноморью — сначала при Фарнаке I, а затем в царствование Митридата VI Евпатора [98].

Ряд статей посвящен связям Северного Причерноморья с Родосом и истории самого Родоса. Д. Б. Шелов [99] прослеживает колебания родосского импорта в Северном Причерноморье в различные периоды. Наиболее интенсивный ввоз амфор из Родоса падает на конец III и начало II в. до н. э. [100]. Автор указывает, что колебания родосского импорта в разных частях Северного Причерноморья были неравномерны. Так, если в начальный период ввоза родосских клейменых амфор (конец IV—III в. до н. э.) экспорт Родоса ориентировался в большей степени на Ольвию, чем на Боспор (родосских клейм этого времени в Ольвии вдвое больше, чем на Боспоре), то начиная с середины II в. до н. э. положение резко меняется. Начиная с этого времени происходит резкое сокращение родосского импорта

---

[90] V. Canarache. Ук. соч., стр. 364 сл.

[91] Ср. И. Б. Брашинский. Рецензия на книгу V. Canarache. «Importul amforelor stampilate la Istria». ВДИ, 1959, № 2, стр. 184.

[92] Б. Н. Граков. Клейменая керамическая тара..., стр. 140 сл.

[93] Р. Б. Ахмеров (см. Р. Б. Ахмеров. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1951, № 3, стр. 79) толкует эти клейма как обозначения этнического названия мастеров-рабов, что маловероятно с грамматической точки зрения.

[94] A. Sadurska. Ук. соч., стр. 103.

[95] М. Мирчев. Ук. соч., стр. 5 и табл. XL, 5.

[96] А. А. Нейхардт. Ук. соч., стр. 9.

[97] Там же, стр. 11.

[98] Там же, стр. 13.

[99] Д. Б. Шелов. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом. СА, XXVIII, 1958, стр. 333 сл.

[100] Ср. Б. Н. Граков. Клейменая керамическая тара..., стр. 225.

в Ольвию по сравнению с Боспором. В период с середины до конца II в. до н. э. импорт на Боспор уже вдвое превышает соответствующий импорт в Ольвию, а в конце II— начале I в. до н. э. соотношение становится уже 5:1 в пользу Боспора. Наблюдения над амфорными клеймами приводят к выводу о быстром прогрессивном снижении торговли Ольвии и Тиры с Родосом. Особенно сильным был родосский импорт на азиатскую сторону Боспора, в Фанагорию, откуда родосские амфоры проникали в глубь Прикубанья [101]. Д. Б. Шелов отмечает, что в конце II в. до н. э. наблюдается политическая ориентация азиатских городов Боспора (Горгиппии и Фанагории) на Родос, что выразилось в заимствовании этими городами родосских монетных типов.

Этому же вопросу посвящена статья Ю. С. Крушкол [102]. Автор выделяет четыре основных направления родосского импорта: 1) Ольвия, Тира и оттуда — на Каменское городище; 2) Западный Крым — Херсонес и Керкинитида — и оттуда в Неаполь скифский, а также другие поселения; 3) Восточный Крым — Пантикапей, Мирмекий, Тиритака, Нимфей, Киммерик, Феодосия и 4) Таманский полуостров, Дон, Северный Кавказ и Кубань (Фанагория, Танаис, Горгиппия, Елизаветинская и др.). Известную пользу приносит приводимый Ю. С. Крушкол перечень мест находок родосских клейм в Северном Причерноморье с указанием числа найденных клейм (по данным рукописи IOSPE, III, на 1950 г.). Однако вряд ли можно согласиться с выводами автора. Ю. С. Крушкол отмечает в начале своей статьи, что археологические исследования различных пунктов Северного Причерноморья проводились и проводятся весьма неравномерно, из чего следует, что абсолютные цифры, приводимые ею, могут восприниматься лишь как весьма условные. Далее сам автор отмечает, что важно не абсолютное количество клейм, а их соотношение. Не совсем ясно, что Ю. С. Крушкол подразумевает в данном случае под соотношением: соотношение ли родосских клейм с клеймами других центров, соотношение ли хронологическое и т. д.— это остается нерасшифрованным. Следует,однако, отметить, что в работе не проведено анализа ни хронологического соотношения, ни соотношения родосских клейм с клеймами других центров, а лишь путем проведения подобного анализа и можно было прийти к убедительным выводам относительно интенсивности родосского импорта в разные периоды. Так, например, вывод Ю. С. Крушкол, что первое место в родосском импорте в Северное Причерноморье занимает западная его часть (район Ольвии и Тиры), нельзя признать целиком правильным. Здесь совершенно не учтены изменения, происходившие в торговой ориентации Родоса на протяжении различных периодов. Эти изменения отчетливо прослежены в рассмотренной выше работе Д. Б. Шелова. Вообще следует отметить, что подход Д. Б. Шелова и Ю. С. Крушкол к одному и тому же материалу в корне различен, и правильным, безусловно, надлежит признать метод исследования Д. Б. Шелова. В вопросе о месте азиатской стороны Боспора в торговле с Родосом прав, несомненно, также Д. Б. Шелов, отмечающий факт ориентации этого района на Родос в конце II в. до н. э. В изображении же Ю. С. Крушкол этот район занимает последнее место в торговых связях Родоса с Северным Причерноморьем.

Другая статья Ю. С. Крушкол посвящена изучению легенд родосских клейм [103]. На основании изучения клейм, помеченных названиями различных месяцев, автор приходит к выводу о решительном преобладании на Родосе производства сухого вина, которое составляло 75% общего вывоза. Анализ имен, содержащихся в легендах клейм, приводит автора к выводу, что эпонимы на Родосе были выходцами из аристократических слоев, в то время как эргастериархи — владельцы мастерских — являлись представителями самых различных слоев общества. Впрочем, об этом писал уже давно М. Нильсон [104]. Другое наблюдение Ю. С. Крушкол сводится к тому, что целый ряд имен гончаров (рабских) не встречается в клеймах с эмблемами. Это, по мнению автора,— гончары, мастера амфор, а не владельцы мастерских. Этот вывод едва ли можно признать в полной мере правильным. Известен целый ряд клейм с рабскими именами, которые содержат также и эмблему, в том числе и изображение государственного герба Родоса — цветка граната. Это обстоятельство приводит также к необходимости дополнительного обоснования конечного вывода автора, согласно которому неэпонимные родосские клейма могли принадлежать представителям различных социальных групп: и крупным эргастериархам, и мелким ремесленникам, непосредственно занятым в производстве.

Некоторые вопросы развития рабства на Родосе на основании данных ономастики, в том числе и рабских имен, встречающихся в амфорных клеймах, рассматриваются в краткой заметке Ю. С. Крушкол [105].

К весьма ценным историческим выводам, основанным на изучении амфорных клейм, происходящих с территории современной Болгарии, пришел М. Мирчев [106]. Юго-Западное Причерноморье было после македонского завоевания теснее всего связано с фракийским побережьем. Отсюда — преобладание фасосского импорта. Фасос имел с указанным районом наиболее тесные и длительные связи. Что касается Синопы, которая, как известно, вступила в весьма тесные и ранние экономические связи с Северным Причерноморьем, то

[101] Ср. Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории, стр. 129.

[102] Ю. С. Крушкол. Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху. ВДИ, 1957, № 4, стр. 110 сл.

[103] Ю. С. Крушкол. Легенды родосских амфор. ВДИ, 1946, № 3, стр. 190 сл.

[104] M. Nilsson. Timbres amphoriques de Lindos. Copenhague, 1909. стр. 76 сл.

[105] Ю. С. Крушкол. Некоторые данные о рабстве на Родосе в эпоху эллинизма. ВДИ, 1947, №3, стр. 231 сл.

[106] М. Мирчев. Ук. соч.

с Юго-Западным Причерноморьем в IV и III вв. она либо вовсе не поддерживала торговых сношений, либо поддерживала их в крайне незначительных размерах. Торговые связи с Синопой начинают оживленно развиваться во II в. до н.э., что совпадает со временем упадка Фасоса и Родоса и появлением новой силы — Понтийского царства.

Ряд ценных наблюдений и выводов, касающихся торговли Истрии и прилегающего района, содержится в труде В. Канараке [107].

Ряд интересных выводов, касающихся колебаний в торговле античных городов и поселений, расположенных на территории современной Румынской Народной Республики, с различными средиземноморскими и причерноморскими центрами на основании амфорных клейм сделала В. Эфтимие [108].

В. В. Борисова привлекла данные амфорных клейм для исследования вопроса об институте астиномов в Херсонесе [109]. Автор полагает, что в Херсонесе существовала коллегия астиномов, у членов которой были различные функции: они должны были следить как за изготовлением керамической тары и черепицы, так и за их экспортом. Едва ли можно считать доказанной точку зрения В. В. Борисовой, что ввиду второстепенности должности астиномов их вряд ли можно считать эпонимными чиновниками. Если принять эту точку зрения, то потребуется объяснить, чему служило астиномное клеймо в тех случаях (а их очень много), когда на амфоре, помимо него, содержалось также и клеймо гончара, или же когда оба элемента содержатся в одном штемпеле. Полагаю, что прав Р. Б. Ахмеров, считающий, что астиномные клейма Херсонеса носили эпонимный характер [110]. Астиномы, как указывает автор, не являлись эпонимами всего государства, но являлись таковыми по отношению к керамическому производству; возможно, что одновременно они заведовали и монетным делом.

Чрезвычайно любопытное клеймо из Яффы, содержащее название должности агораномa и дату, вероятно, по селевкидской эре, опубликовал И. Ландау [111]. До сих пор агораномные клейма, равно как и клейма с датами, были известны лишь среди синопских клейм.

Д. Кент на основании находок датированных амфорных клейм на территории Делосского храма пришел к выводу, что храм продолжал функционировать до разграбления Делоса в 88 г., а возможно, даже до пиратского рейда 69 г. до н. э. [112].

Подводя итог, можно сказать, что, хотя за последние полтора десятилетия использование материала амфорных клейм в качестве исторического источника достигло известного прогресса, все же до настоящего времени этот вид источников не используется в полной мере. В значительной степени это объясняется тем прискорбным фактом, что очень плохо еще обстоит дело с публикацией амфорных клейм.

Ограниченный объем статьи не позволяет коснуться целого ряда вопросов керамической эпиграфики, в частности — оценки новых изданий клейм. Эта задача, очевидно, должна послужить предметом особой рецензии.

И. Б. Брашинский

---

[107] V. Canarache. Ук. соч.; см. об этом И. Б. Брашинский. Ук. соч. стр. 183 сл.

[108] См. V. Eftimie. Ук. соч., стр. 195 сл.

[109] В. В. Борисова. К вопросу об астиномах Херсонеса. ВДИ, 1955, № 2, стр. 145 сл.

[110] Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса, стр. 123.

[111] J. H. Landau. A Stamped Jar Handle from Jaffa. Atigot, II,1959, стр. 186 сл.

[112] John Kent. Stamped Amphora Handles from the Deilian Temple Estates, Studies Presented to D. M. Robinson, II, 1953, стр. 127 сл.

B. Philip Lozinski. The Original Homeland of the Parthians. S.-Gravenage, 1959. 55 стр.

Рецензируемая работа, сравнительно небольшая по объему, посвящена некоторым наиболее кардинальным вопросам истории Парфии. Взгляды, развиваемые автором, настолько своеобразны и столь далеко расходятся с общепринятыми, что необходимо самое детальное обсуждение поднятых им вопросов.

Построение книги, состоящей из введения и 10 главок, несколько необычно: основные положения изложены в первой главе, занимающей значительную часть книги, все же остальные главы являются сравнительно самостоятельными небольшими очерками, призванными подкрепить фактами выводы первой главы.

Основной идеей введения (стр. 9—11) является положение, что вся современная литература по истории Парфии страдает одним серьезным пороком: в то время как широко используются свидетельства античных авторов, данные восточной традиции (китайской, армянской, персидской, арабской) почти не привлекаются. Необходимость же использования ее данных диктуется хотя бы тем, что в этой традиции дается совершенно иная картина истории Парфии.

Глава первая, «Divisions of Parthia» (стр. 12—24), как уже отмечалось, важнейшая для понимания концепции автора. Исследуя доступные ему источники как античные, так и восточные (по-видимому, в основном в переводах), автор приходит к выводу, что Парфия была отнюдь не единым (в строгом смысле этого слова) государством, а целой системой мелких государственных образований под верховной властью Аршакидов.

Переходя к вопросу о ходе парфянских завоеваний, автор считает необходимым отметить два момента: 1) хороший административный аппарат во вновь завоевываемых территориях, кадры для которого подготавливались где-то вне их пределов, и 2) постоянный приток парфянских элементов в завоеванные районы, примером чего может служить основание Ктезифона и постоянная ориентализация городов Месопотамии, предшествовавшая, а может быть, и подготовившая парфянское завоевание. Районом же, откуда черпались и кадры для административного аппарата, и парфянское население для городов Месопотамии, была Средняя Азия, причем автор по существу считает всю ее парфянской.

Указывая на огромное число мертвых городов в Средней Азии, Б. Лозинский утверждает, что все они были оставлены населением, ушедшим на запад, причиной же «этой великой парфянской миграции» было, по мнению автора, изменение климата. Миграция привела к гибели эллинизма в Азии.

Исследуя китайские источники, Б. Лозинский приходит к выводу, что термин «Ань-си» китайских источников идентичен с «reges Tocharorum Asiani» Помпея Трога и асами и аланами западных источников и, в свою очередь, идентичен с Аршакидами античных авторов и Ашканиан поздней ближневосточной традиции.

Внутренняя организация Парфянской державы, как стремится доказать автор, была следующей: все царство было разделено между пятью ветвями Аршакидской династии, из которых одна была важнейшей и осуществляла верховную власть.

Глава вторая, «Arsacid Armor» (стр. 22—25), посвящена в основном истории парфянского оборонительного доспеха, парфянской стратегии и тактики и происхождению парфянского боевого коня. Автор приходит к выводу, что многочисленность тяжеловооруженных всадников в битве при Каррах свидетельствует о широком развитии металлургического производства и долгих традициях его развития.

То новое, что характеризует парфян в военном отношении, составляет, по мнению автора, не только броня, покрывающая всадника и лошадь, но также и составной лук, а поскольку этот лук происходит из Евразийских степей, то и парфянская армия, вероятнее всего, пришла именно оттуда.

Глава третья, «Eastern Arsacides» (стр. 26—28), в значительной мере построена на базе толкований фонетических соответствий и несоответствий терминов в античных и китайских источниках. Важнейшее ее положение — идентификация Юе-чжи = Арсы = = парфяне — неверна; основанием же для такой идентификации, по мнению автора, послужили последующие династические связи между Аршакидской династией и правящими группами Юе-чжи.

Стремясь воссоздать конкретную историческую картину Средней Азии II в. до н. э., Б. Лозинский пытается доказать, что районы к северу от Бактрии были парфянскими по культуре, но в то же время считает, что Хорезм находился одно время под властью Греко-Бактрийского царства. Это вытекает из того, что «элементы греческого искусства и культуры представлены здесь слишком широко» (стр. 27).

Пытаясь проследить пути проникновения парфян в Месопотамию, автор высказывает предположение, что таким путем могли быть Крым и Кавказ.

Глава четвертая, «Ar-Sacae Sacae and Tochari» (стр. 29—32), также в значительной мере построена на лингвистическом анализе терминов. Важнейшее положение главы: тохары были социальной группой, «вернее даже кастой». Характерным для этой касты было то, что члены ее были воинами тяжелой кавалерии — главной военной силой Аршакидской династии. Имя династии — Аршакиды, Ар-шак, он считает возможным рассматривать как «господин, владыка Ар». Затем автор переходит к вопросу об этнической принадлежности некоторых других племенных объединений Средней Азии, упомянутых у античных авторов: в саках и сакараулах Страбона он также видит одну из групп тохаров, управляемых Аршакидами; пасианы, по его мнению,— другое название парфянасов.

Полемизируя с С. П. Толстовым, Б. Лозинский стремится доказать, что катафракта не могла быть хорезмийского происхождения, хотя и признает возможным, что во время своей миграции Аршакиды с тохарами-катафрактариями обладали одно время властью над Хорезмом.

В главе пятой, «Partian Iron Industry» (стр. 33—35), автор вновь возвращается к вопросу о происхождении железного оборонительного доспеха конных воинов Парфии, доказывая, что доспех этот должен был происходить из района Евразийских степей.

Глава шестая, «Parthi-san» (стр. 36—39), посвящена вопросу о титуле «san», использовавшемся, как это представляется автору, в аршакидское время. Автор считает этот титул характерным для многих народов, в жизни которых производство железа играло большую роль.

Глава седьмая, «Homeland of the Arsacides» (стр. 40—42), трактует вопрос о месте происхождения Аршакидов. Таким местом, по мнению автора, мог быть только Во-

сточный Казахстан, в частности — верховья Иртыша. Этот район, как ему кажется, является наиболее подходящим, так как там имеются золотые и железорудные шахты, «которые могут быть парфянскими шахтами, принадлежащими главному аршакидскому дому» (стр. 42). Кроме того, Восточный Казахстан с его степями гораздо более подходит для выведения нисийских лошадей, чем Хорезм, «изрезанный бесчисленными каналами и горными отрогами».

Глава восьмая, «Nisa» (стр. 43—48), посвящена более детальному разбору источников с целью выяснения места происхождения знаменитой «нисийской» лошади. Этот район, как стремится доказать автор,— Южная Сибирь.

В главе девятой, «Siberia» (стр. 49—50), автор указывает, что совершенно неправильно рассматривать Южную Сибирь как район, лишенный населения в древности. Южная Сибирь, по его мнению, должна была быть областью высокой культуры и густой сети городских поселений.

В главе десятой, «Migration of Place-names» (стр. 51—55), содержащей также и заключение, автор стремится доказать, что топонимический элемент «Нис», происходящий от «Ниса, Нисайя», распространился по всему Восточному полушарию (Германия, Франция, Югославия, Северная Африка), благодаря миграциям, может быть, германцев, бывших в древности соседями иранцев. Он хочет показать, что названия населенных пунктов могут иметь самостоятельную судьбу, совершенно отличную от судьбы самих поселений.

В заключение, подводя итоги, Б. Лозинский заявляет, что местом первоначального обитания парфян может быть только район Верхнего Иртыша.

Таким образом, из отдельных, зачастую не совсем связанных между собой очерков, вырисовывается цельная концепция, находящаяся в коренном противоречии с общепринятыми взглядами на историю Парфии. Прежде всего, автору можно сделать несколько упреков общеметодологического характера.

1. Как нам кажется, важнейшим из недостатков принципиального характера, определившим во многом неправильные выводы Б. Лозинского, является отсутствие серьезной критики исторической традиции. Для решения конкретных вопросов истории Парфии автор привлекает источники самого широкого территориального и хронологического диапазона. При умении отделить важнейшие и заслуживающие доверия источники от недостоверных и второстепенных это было бы только большим плюсом работы, но при отсутствии подобного подхода такой широкий охват источников превращается в коренной порок. В связи с этим необходимо, конечно, отвести и упрек со стороны автора по отношению к современной историографии в недостаточном использовании восточной исторической традиции. Саму восточную традицию нельзя рассматривать как что-то единое — слишком различна судьба и ценность ее компонентов. Если китайская историческая традиция, основывающаяся на источниках современного периода, дает нам целый ряд важнейших сведений по истории Парфии, которые, кстати, очень широко используются современной историографией [1], то поздняя иранская и арабская традиция, получившая свои истоки в официальной сасанидской исторической концепции, всячески принижавшей аршакидский период в истории иранского мира, является очень спорным и в значительной мере недостоверным источником. Чтобы извлечь какое-то реальное содержание из источников подобного рода, необходимо подвергнуть их особо тщательному изучению, а это-то как раз и отсутствует в книге Б. Лозинского.

Еще более недостоверна армянская историческая традиция, в частности труды Моисея Хоренского (разумеется, только в отношении событий эпохи Парфянского государства). Эта традиция восходит не к документальным свидетельствам Аршакидского времени, как считает Б. Лозинский (стр. 29), а к источникам гораздо более позднего времени [2] и располагает по отношению к эпохе Аршакидов сведениями в основном легендарного характера [3]. Так, например, из истории Моисея Хоренского, на сведения которого особенно часто опирается автор, мы узнаем, что Крассу наносит поражение армянский царь Тигран, что основные контингенты войск Пакора в Сирии и Малой Азии состоят из армян, что парфянские роды Карен и Сурен происходят от сыновей армянского царя Арташеса и даже царя Креза разбивает армянский царь Арташес.

Таким образом, противопоставление в работе Б. Лозинского сравнительно поздней (средневековой) восточной исторической традиции, как более верной, античной традиции, все-таки основанной на свидетельствах современников, лишено серьезных оснований.

---

[1] См., например: N. C. Debevoise. A Political History of Parthia. Chicago, 1938; М. Е. Массон. Народы и области Южного Туркменистана в составе Парфянского государства. Тр. ЮТАКЭ, т. 5, 1955; W. Tarn. Parthia. CAH, т. IX, гл. 14.

[2] Так, главы II, 1 и II, 2 «Истории Армении» Моисея Хоренского — важнейшее место, где упоминается о ранней истории Парфии,— основаны на известном церковном историке Евсевии (III—IV вв.), армянском переводе Библии, Анании Ширакаци (VII в.), Прокопии Кесарийском (VI в.). См. Т. Халатьянц. Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского. М., 1903, стр. 7—8.

[3] Сама династия армянских Аршакидов пришла к власти в Армении не «почти одновременно» с приходом к власти парфянских Аршакидов (т. е. в III в. до н. э.), как это утверждает Б. Лозинский на основании сведений Моисея Хоренского, а в I в. н. э. См. Т. Халатьянц. Ук. соч., стр. 5.

Свидетельства античных авторов, при условии исторической критики, могут дать очень серьезные материалы. Правда, свидетельства греческих и латинских авторов о Средней Азии менее надежны и более схематичны, чем, например, о Месопотамии, но нет никакого основания отвергать их, как это делает Б. Лозинский. Более того, археологические работы подтвердили целый ряд данных античных авторов.

Так, в частности, работами ЮТАКЭ были подтверждены свидетельства Исидора Харакского [4]. И, конечно, при определении расстояний по Исидору Харакскому необходимо учитывать реальное направление древних дорог со всеми их зигзагами и отклонениями, а не представлять их, подобно Б. Лозинскому (стр. 47), в виде прямой линии.

2. Автор отвергает всю абсолютную хронологию советских археологов, причем по существу этот вопрос не рассматривается. Важнейший вопрос о датировке культур автором разрешается мимоходом, в примечании из нескольких строк (стр. 15, прим. 23). При этом Б. Лозинский не затрудняет себя ни разбором оснований для датировок, предложенных советскими археологами, ни, тем более, попыткой предложить свою обоснованную и самостоятельную хронологию. Единственным основанием для огульного отбрасывания результатов работ многих ученых послужило только то, что они противоречат теориям Б. Лозинского. Вряд ли это может быть названо серьезным методом научной работы и научной дискуссии.

Перейдем теперь к отдельным вопросам рецензируемой работы. Важнейшим положением книги Б. Лозинского является теория парфянской миграции с Верхнего Иртыша через Среднюю Азию в Месопотамию и Иран.

Это кардинальное положение работы совершенно не подтверждается фактами. Прежде всего, данной теории противоречит отсутствие среди населения Месопотамии в парфянское время значительного количества ираноязычного населения. Парфяне составляли незначительный процент среди жителей городов Месопотамии и, особенно в первые века своего владычества, не могли оказать серьезного влияния на культуру местного населения, которое в основном оставалось семито- и грекоязычным. Подтверждением этому служит рядовой город Месопотамии — Дура-Европос, где парфяне, как показывают источники, были лишь чиновниками, да и то только высокого ранга, а даже низшая администрация, не говоря уже об основной массе жителей, состояла в основном из местного (семитского и греческого) населения [5].

Основание Ктезифона (и добавим от себя — Вологазокерта) отнюдь не является аргументом. Бо́льшая часть населения этих городов была переселена из старых месопотамских городов (в том числе, видимо, и Селевкии), что издавна практиковалось в Месопотамии.

Конечно, также не является аргументом, подтверждающим положение Лозинского о парфянской миграции в Месопотамию, факт ориентализации греческих городов Месопотамии, по мнению автора, предшествовавшей, а может быть даже и подготовившей парфянское завоевание. Прежде всего, ориентализация вовсе не значит иранизация. Действительно, мы наблюдаем процесс ориентализации полисов Месопотамии, но это значит, что в культуре населения этих городов возобладали местные, идущие из глубокой древности семитские начала, иранские же элементы заметны сравнительно слабо [6]. В частности, это характерно для наиболее исследованного из греческих городов Месопотамии — Дура-Европос [7].

Кроме того, ни в коей мере не является верным утверждение автора, что ориентализация предшествовала парфянскому завоеванию. Например, Дура-Европос, как показывают раскопки Ф. Кюмона и М. И. Ростовцева, после захвата парфянами, по крайней мере, в течение 100 лет сохраняли облик греческого города, и только затем началась быстрая ориентализация города [8]. Археологические работы в Селевкии позволили выделить четыре слоя. Самый ранний, IV слой начинается с основания города и кончается примерно в 141 г. до н. э., т. е. во время парфянского завоевания; слой III охватывает период до 43 г. н. э.— даты подавления великого восстания Селевкии; следующий, II слой, продолжается примерно до 110—120 гг. н. э.; слой I заканчивается с концом жизни города в раннесасанидское время.

Слой IV не имеет никаких следов восточных влияний, слой III по своему характеру очень незначительно отличается от слоя IV, и только после 43 г. н. э., т. е. после утери городом автономии, начинается резкое изменение характера его культуры. Греческие

---

[4] М. Е. Массон. Народы и области..., стр. 23.

[5] M. I. Rostovtzeff, C. B. Welles. A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos on the Euphrates. Yale Classical Studies, т. 2, New Haven, 1931, стр. 59—60. Резкое возрастание иранского населения в Дура-Европос происходит только после 256 г. н. э., когда Сасаниды, взяв город, перебили или увели в плен большинство населения города и поселили на их место парфян и персов. См. J. Harmatta. Die parthischen Ostraka aus Dura-Europos. Budapest, 1958.

[6] O. Reuther. Parthian Architecture. SPA, I, Oxford, 1938, стр. 411, 428—435; 444.

[7] M. Rostovtzeff. Dura-Europos and Its Art. Oxford, 1938, стр. 39; его же. Dura and the Problem of Parthian Art. Yale Classical Studies, т. 5, New Haven, 1935, стр. 198.

[8] M. Rostovtzeff. Dura-Europos and Its Art, стр. 39.

элементы в культуре отступают на задний план, восточные превалируют [9]. Таким образом, и в Селевкии настоящая ориентализация началась 180 с лишним лет спустя после парфянского завоевания.

Далее, совершенно не подтверждается фактами и утверждение Б. Лозинского о том, что заброшенные в настоящее время древние поселения Средней Азии оставлены жителями, ушедшими на запад. Прежде всего, нельзя всю Среднюю Азию считать парфянской. Парфии принадлежала лишь незначительная часть Средней Азии. Парфяне даже в момент своих наибольших внешнеполитических успехов на востоке распространяли свою власть только на Маргиану [10]. Материальная культура исконных парфянских районов, таких, как Парфиена и др., значительно отличается от материальной культуры более восточных районов Средней Азии, и считать парфянскими районы восточнее Маргианы — значит противоречить археологическому материалу, на данном уровне наших знаний — наиболее важному источнику.

Что же касается ухода парфян на запад из Средней Азии, о котором пишет Б. Лозинский, то против этого свидетельствует тот факт, что значительные сокращения орошаемых земель, запустение городов, разрушение оросительной сети, которые автор связывает только с уходом парфян, в действительности имели место в истории Средней Азии неоднократно. Из таких периодов ближайшим ко времени существования Парфянского государства является бурный период перехода от рабовладения к феодализму [11]. Этот период отстоит от времени гибели Парфянского государства на 150—200 лет, а от эпохи мнимой парфянской миграции — и того больше.

Также неправ автор, утверждая, что причиной сокращения обжитых земель, ирригационной сети и т. д. являются изменения климата Средней Азии [12].

Против предложенной Б. Лозинским теории о парфянской миграции с верховьев Иртыша в Среднюю Азию и далее на запад, в Месопотамию, говорит далее то, что Парфия и парфяне упоминаются источниками гораздо более древними, чем эпоха миграции в Среднюю Азию, по Б. Лозинскому. Пренебрегать данными этих источников (Бисутунская надпись; Herod., VII, 66 и III, 93) нельзя. Противоречат этой теории и довольно многочисленные упоминания о парфянах у авторов эпохи Александра Македонского и поры возникновения парфянского государства. Причем наши источники знают как оседлых парфян, так и парфян-кочевников. Общеизвестна та роль, которую сыграли парфяне-кочевники в образовании Парфянского государства. Следовательно, даже кочевники-парфяне населяли область предгорий Копет-Дага значительно раньше, чем это допускает теория автора.

Против утверждения о приходе парфян с верховьев Иртыша, где у них были большие города, хорошие ирригационные системы, развитая железная индустрия, свидетельствуют, наконец, и наши археологические источники. Район верховьев Иртыша с V—IV вв. до н. э. (т. е. со времени, непосредственно предшествующего парфянской миграции в Среднюю Азию, если следовать теориям автора) был далекой окраиной кочевого мира [13], и никаких находок, хотя бы отдаленно связанных с парфянами, здесь мы не знаем. Таким образом, пройдя по всему пути мнимой миграции парфян, мы не смогли найти никаких данных, подтверждающих эту теорию [14].

Столь же противоречащими фактам оказываются и другие утверждения автора. Для подкрепления своей теории о миграции парфян с верховьев Иртыша Б. Лозинский пытается проследить историю парфянского оборонительного доспеха, считая его происходящим из степных районов Евразии, в частности — с верховьев Иртыша. Он утверждает, что доспех этот не мог быть сделан в пределах собственно Парфянской державы, так как там, по его мнению, не было запасов железных руд, и поэтому-то оружие и доспехи, которые были у парфян в битве при Каррах,— восточноказахстанского происхождения.

При исследовании этого вопроса нам кажется необходимым разделить его на две части:

---

[9] Manaseh. Architectural Features of Block «B». Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar. Iraq, 1935, стр. 1; N. C. Debevoise. Parthian Pottery from Seleucia. Ann Arbor, 1934, стр. 8—9; R. H. Mc. Dowell. The Excations at Seleucia on the Tigris. Papers of Michigan Academy of Sience, Arts and Letters, т. XVIII, 1932.

[10] М. Е. Массон. О северо-восточных пределах Парфянского государства. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 148.

[11] См., например, Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 287.

[12] См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 52.

[13] См. С. С. Черников. К изучению древней истории Восточного Казахстана. КСИИМК, вып. XIX, 1957, стр. 21.

[14] Конечно, отрицать наличие связей Восточного Казахстана и Южной Сибири с рабовладельческими государствами Средней Азии нельзя, но эти связи в основном сводились к «постоянному импорту различных изделий, материалов, ценных пород скота из Средней Азии... попадали они в Сибирь, видимо, различными путями: частью в порядке обмена, торговли, частью как военные трофеи, как приданое невесты..., в качестве даров и т. д.» (М. П. Грязнов. Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тысячелетии до н. э. Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М. — Л., 1959, стр. 138—139).

1) происхождение парфянского наступательного и оборонительного оружия и 2) место производства того оружия, которое парфяне употребляли в битве при Каррах и о котором, со слов античных авторов, известно, что оно было сделано из «маргианского железа»

Несомненно, что парфянское оборонительное и наступательное оружие (имеющее много общего с сарматским) возникло в последние века до нашей эры, где-то в Евразийских степях. Может быть, как считает С. П. Толстов, впервые оно появилось у массагетов. Но, во всяком случае, местом происхождения этого железного оборонительного и наступательного оружия не может быть Восточный Казахстан, который был, действительно, крупным центром металлургии в эпоху бронзы, но утратил всякое значение с переходом к железу [15].

Далее, парфянское оружие, о котором столь ясно пишут античные авторы, что оно сделано из «маргианского» железа, конечно, было произведено в Мерве, хотя железо было и не мервским, а было завезено в Мерв, вероятнее всего, из не очень отдаленных от него районов. Отрицать, как это делает Б. Лозинский, местное парфянское производство железного оружия на том основании, что поблизости от Мерва не было запасов железной руды, нельзя, так как изучение истории черной металлургии и горного дела Средней Азии приводит к прямо противоположным выводам [16].

Далее, само введение тяжелого железного оборонительного доспеха связано, повидимому, с военной реформой Митридата II (123—86 гг. до н. э.) [17], вызванной необходимостью борьбы с саками и выразившейся, в частности, в заимствовании от саков их вооружения. Таким образом, утверждение автора о том, что парфяне пришли в Среднюю Азию с верховьев Иртыша, где ими был изобретен железный оборонительный доспех и где на базе местного производства железа они создали свою систему вооружения, фактами не подтверждается. Кроме того, парфянская армия, вернее — ядро ее, состоящее из тяжеловооруженных всадников, пришла к Каррам не из Восточного Казахстана, а из Сакастены [18].

То же самое можно сказать и в отношении парфянской тактики. Она явно заимствована из степного мира, и вероятнее всего — именно в период войн с саками.

Неверны и утверждения автора относительно происхождения парфянского боевого коня. Совсем нет необходимости выводить его из степной Сибири и Казахстана: было доказано, что он происходит из степных и полупустынных равнин северных предгорий Копет-Дага, и далекие потомки этой прославленной породы дожили до нашего времени (так называемая текинская порода) [19].

Вызывает решительные возражения утверждение автора о тохарах как касте воинов-латников, составлявших основную опору главной Аршакидской династии. Известны, например, войны, которые вели парфянские цари с тохарами [20]. Видимо, тохары были одним из пяти племен, послуживших основой для образования Кушанского государства.

Столь же надуманной представляется идентификация автором «Ань-си» китайских источников с «reges Tocharorum Asiani» Помпея Трога [21] и с асами и аланами западных источников. Это отождествление покоится на весьма шатких и натянутых лингвистических построениях и не имеет под собой твердой почвы исторических фактов. Конечно, вопрос об этнической принадлежности племен, живших в древности в Средней Азии, еще не решен, и решение его возможно только путем согласования античных и китайских свидетельств на базе археологического материала. Имеются факты, противоречащие теории Б. Лозинского: аланы пришли в районы к северу от Парфиены только в первые века нашей эры и создали и возглавили здесь конфедерацию дахских племен. Именно с помощью алан римляне в 38 г. до н. э. наносят поражение парфянской армии.

Нельзя согласиться с автором и в его трактовке названия династии «Аршак» и в его переводе этого термина. Автор, как уже отмечалось, переводит это слово «господин, владыка Ар», т. е. «господин, владыка касты катафрактариев» (стр. 30), так что создается впечатление, что это имя в силу своего значения может принадлежать только парфянской династии.

---

[15] С. С. Черников. Ук. соч., стр. 21.

[16] «Большое количество железных криц и шлаков среди развалин парфянских городов и селений как Маргианы, так и других областей современного Южного Туркменистана свидетельствует о довольно интенсивном железоделательном промысле, сырьевой базой для которого служили месторождения Астауэны (в округе Туса)». (М. Е. Массон. Народы и области... стр. 31); см. его же. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1947, стр. 25; его же. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.

[17] М. Е. Массон. Народы и области..., стр. 44—45.

[18] E. Herzfeld. Archaeological History of Iran. London, 1935, стр. 62.

[19] М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Тр. ЮТАКЭ, т. I, 1949, стр. 20—21; см. также В. О. Витт. Лошади Древнего Востока. Сб. «Конские породы Средней Азии», М., 1937; М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 138, прим. 6.

[20] Justin, XLII, 2, 2.

[21] Там же.

Факты решительно противоречат этому: имя Аршак, Ἀρσάκης, встречающееся еще в древнеперсидских письменных памятниках [22], является обычным, рядовым среднеперсидским именем [23], широко распространенным в эллинистическое и римское время во всем Восточном Средиземноморье [24], и происходит либо от aršan — «человек», «герой», либо от «aršа» — медведь [25].

Столь же надуманной является теория северного происхождения железа и проникновения его в Среднюю Азию с севера (стр. 35). Родиной черной металлургии, видимо, является одна из областей Малой Азии, и Средняя Азия познакомилась с железом через посредство Ирана [26].

Отметив важнейшие несоответствия концепции автора фактам, коротко остановимся на более мелких ошибках и неточностях книги.

1. Нет никаких оснований утверждать, что род Сурена «победоносно сражался для Митридата II» между 124 и 115 гг. до н. э. (стр. 25). Вероятно, род Сурена имел сакское происхождение [27] и именно в этот период саки были главными врагами парфян, пока они не были покорены и поселены в пределах современного Систана.

2. Конечно, нельзя считать области Северной Бактрии «парфянскими как в искусстве, так и в архитектуре» (стр. 27). При всем сходстве материальной культуры Средней Азии античной эпохи все же можно заметить значительное различие между собственно парфянскими землями и другими районами Средней Азии (в том числе и Северной Бактрии). В частности, в архитектуре Средней Азии античной эпохи, помимо парфянской школы, выделяются архитектурные школы Тохаристана, Согда и Хорезма [28].

3. Вряд ли когда-нибудь Греко-Бактрийская держава владела Хорезмом. Основанием для такого утверждения, по мнению автора, является сильная эллинизация хорезмской культуры (стр. 27). Но завоевание Хорезма Греко-Бактрийским царством источниками не подтверждается, а процесс эллинизации Хорезма носил гораздо более сложный характер, чем это представляется Б. Лозинскому [29]. Во всяком случае, греческое влияние пришло в Хорезм не непосредственно от греков. Элементы эллинистического искусства проникают в Хорезм только в первые века нашей эры вместе с индийскими художественными традициями и миром буддийских религиозных образов.

4. Совершенно противоречит всем фактам попытка автора локализовать Мидию где-то далеко на севере (стр. 28), но отнюдь не в том месте, где ее помещают все античные авторы и современные ученые.

5. Столь же фантастическим является утверждение автора, что парфяне пришли в Месопотамию из Средней Азии через Кавказ и Крым (стр. 28).

6. Дворец в Варахше никогда не был и не мог быть резиденцией парфянских царей.

7. Децентрализация Парфии не была присущей ей с самого основания Парфянского государства (стр. 14), и наши источники подтверждают это. Только со времени Плиния можно говорить о процессе децентрализации.

8. Вряд ли стоит привлекать для решения конкретных вопросов парфянской истории легенду о месте рождения Диониса.

Таким образом, при некоторых несомненных достоинствах работы — привлечении внимания к восточным источникам, попытках пересмотреть некоторые установившиеся точки зрения, смелости в постановке вопросов — основная оценка работы все-таки должна быть отрицательной. Смелые гипотезы автора не только не подтверждаются фактами, но и прямо противоречат им.

Г. А. Кошеленко

---

[22] C. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strasburg, 1904, стр. 203.

[23] L. Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, стр. 274, § 544.

[24] Встречается, например, в Ольвии — см. IOSPE, I², №№ 56 и 117; в Магнезии — см. IG, IX, 2, 1158.

[25] L. Zgusta. Ук. соч., стр. 274.

[26] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.—Л., 1959, стр. 107—108.

[27] E. Herzfeld. Ук. соч., стр. 62.

[28] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 115—117.

[29] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 160.

Вологодско-Пермская летопись. Полное собрание русских летописей. Том двадцать шестой. Изд. Академии наук СССР. М., 1959, 416 стр. Тираж 1800. Цена 32 р. 75 к.

Большим научным событием явилось возобновление в послевоенное время по инициативе акад. М. Н. Тихомирова издания русских летописей. Том двадцать четвертый (Типографская летопись) вышел в 1921 г., а том двадцать пятый (Московский летописный свод конца XV в.) — в 1949 г., под редакцией М. Н. Тихомирова. Работа продолжается, и в 1959 г. вышел двадцать шестой том. Его составляет Вологодско-Пермская летопись. Редактором тоже является М. Н. Тихомиров, еще в 1940 г. издавший исследование об этом ценном источнике.

Странно, что Вологодско-Пермская летопись, свыше полутораста лет известная историкам и содержащая много сведений, отсутствующих в других летописях, доныне оставалась неизданной. Ею пользовались Н. М. Карамзин, А. А. Шахматов, С. К. Шамбинаго, А. Е. Пресняков, С. В. Бахрушин. Как доказано М. Н. Тихомировым, в основе этой летописи лежит свод, составленный на рубеже XV—XVI вв. при дворе пермского епископа Филофея на основании Софийской Первой летописи. Свод этот носил общерусский характер, но был в своей последней части (с 1480 г.) существенно дополнен местными вологодско-пермскими записями (Филофей, с 1472 г. пермский епископ, получил в 1492 г. в состав своей епархии Вологду, и сам туда переехал). В XVI в. летопись была продолжена преимущественно московскими известиями и доведена до 1538 г.

В основу издания положен Кирилло-Белозерский список. Для вариантов привлечено шесть списков: Синодальный (как доказано М. Н. Тихомировым, этим списком пользовался Н. М. Карамзин), Чертковский, Академический, Лондонский (из Лондона для настоящего издания был прислан полный микрофильм), Румянцевский, Воронцовский. Во всем издании строго соблюдены принятые в наше время правила публикации важнейших исторических источников.

Настоящая рецензия имеет целью обратить внимание на богатство этой летописи новыми для науки историческими сведениями. Особое внимание при этом обращается на историю материальной культуры, что естественно на страницах археологического журнала.

Наиболее интересна заключительная часть, с 1480 по 1538 г., поскольку она не находит себе аналогий в других летописных сводах. Приведу оттуда отдельные известия.

Не буду подробно касаться драгоценных сведений по истории остяков и вогулов. Сведения эти уже использовал С. В. Бахрушин в своей известной книге об остяцких и вогульских княжествах. Значение этих княжеств было бо́льшим, чем можно заключить по другим летописям. Вологодско-Пермская летопись подробно излагает русские походы в эти земли. Удивленный голос открывателя новых стран слышится в словах: «поидоша оттоле на великую реку Обь, ширина ее шездесят врѣстъ». Русские войска, посланные из Москвы, были, судя по этим словам, на Оби в 1484 г.

Для истории артиллерии драгоценно московское известие рассматриваемой летописи под 1488 г.: «Павлин Фрязин Деббосисъ слил пушку велику медяну, а в неи тысяча пудов меди». Собственно говоря, это известие о литье пушки Павлином Фрязином Деббосисом имеется также в Четвертой Новгородской, Воскресенской, Никоновской и Симеоновской летописях. Но лишь в Вологодско-Пермской летописи указан вес, а только он имеет здесь серьезное научное значение. В XV в., оказывается, у нас отливались более значительные пушки, чем предполагали историки артиллерии.

В свое время И. Е. Забелин в своей превосходной работе о происхождении шатровых храмов использовал известие Устюжского летописного свода под 1492 г. о строительстве «круглой» церкви в Устюге вологодским зодчим Алексеем. Вологодско-Пермская летопись содержит под 1492 г. другой вариант рассказа о строительстве той же церкви. Зодчим назван: «мастерь Олексеи Вологжанин, Мишаковъ братъ Вологжанинов Гулынского». Любопытно, что брат его тоже, оказывается, был зодчим и что он тоже строил шатровые храмы. Под 1493 г. сказано: «владыка Филофеи Пермьскии и Вологодцкыи заложил церковь вверхъ святое Вознесение господа бога и спаса нашего Исусъ Христа в своем манастыре на Вологде в слободке, а мастеръ тое церкви Мишак Володин Гулынского». Как доказано историками архитектуры, термин «церковь вверх» означал церковь, увенчанную шатром.

Под 1533 г. сказано: «князь великии Василеи Иванович всеа Русии слил колокол болшои благовестник, а меди в нем тысяча пудов, а лилъ его мастеръ Николаи Фрязин. Людовиков товарищъ». Почти такое же известие имеется в Воскресенской, Никоновской и Львовской летописях, всюду указан и вес. Однако мастером в тех трех летописях назван Николай Немчин. Слово «немчин» в это время означало иностранца вообще. Благодаря Вологодско-Пермской летописи мы узнали, что литейщиком был итальянец. Эта летопись содержит, кроме того, годом раньше (под 1532 г.) известие о литье тем же мастером вдвое меньшего колокола (в пятьсот пудов); в других летописях этого нет.

Для исторической топографии Москвы огромное значение имеет точное описание границ территории, отведенной под строительство Китай-города; другие летописи не содержат подобных точных топографических сведений. Под 1534 г. сказано: «князь великии Иван Васильевич велел на Москве город Китаи делати, торги все ввести в город, от Никольских воротъ по Неглимне вверхъ къ Троице, где ся поля били, да по Иванов двор Иванова сына Челяднина, да по коневои площадке на Васильевскои лугъ к Кузьма Демьяну на Вострои конец, да от Кузма Демьяна вверхъ по Москве

реке къ Свиблове стрелнице, а мастеръ городовои Петрок Малои Фрязин архитектон. А опосле князь великии велел около того города Китая делати город камен». В словах «где ся поля били» речь идет о судебных поединках.

Для наших нумизматов руководящее значение имеют два известия Вологодско-Пермской летописи о денежной реформе Елены Глинской. Научная литература по этой реформе велика, но источники были до сих пор недостаточны. Под 1536 г. сказано: «князь великии Иван Васильевич велел заповедати, не ходити старым денгам Ноугородкам, а велел делати денги Ноугородки новое кузло в Новгороде и во Пьскове, по три рубли из гривенки, а старое было кузло по полутретья рубля з гривною из гривенки».

Значение слово «кузло» выясняется по картотеке словаря древнерусского языка Академии наук СССР. Там на это слово имеется довольно много карточек. Все они составлены по расходным книгам XVI—XVII вв. северных монастырей. Неизменно «кузло» означает «ковка» или «поковка», вообще производственный кузнечный процесс. Там речь всегда идет о ковке железа, а в летописи о ковке серебра (точнее говоря, о чеканке, но во всяком случае не о литье), однако смысл от этого не меняется.

Подробный рассказ об этой денежной реформе имеется только во Второй Софийской летописи, но там речь идет лишь о Новгородском монетном дворе. В других летописях указания на место чеканки отсутствуют. Нумизматы все-таки считали, что в в Москве реформа была проведена раньше, чем в Новгороде. Вологодско-Пермская летопись это опровергает. Под 1538 г. (т. е. через два года после цитированного известия) в ней сказано: «князь великии Иван Васильевич велел заповедати, не ходити старым денгам Московкам, а велел делати денги Московки новое кузло на Москве по три рубли из гривенки, а старое было кузло по полутретья рубля з гривною из гривенки».

Русские летописи являются неисчерпаемой сокровищницей исторических сведений. В частности, археологи должны постоянно обращаться туда за сведениями по истории материальной культуры. И надо приветствовать публикацию такого первоклассного исторического источника, каким следует признать Вологодско-Пермскую летопись.

А. В. Арциховский

ХРОНИКА

ПОЕЗДКА ПО ГРЕЦИИ

В апреле 1960 г. группа научных сотрудников Академии наук СССР совершила путешествие по Греции. В состав группы входили: чл.-корр. АН СССР А. В. Арциховский, доктора наук В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич, Т. Н. Книпович, М. М. Кобылина, кандидаты наук А. К. Бергер, Т. В. Блаватская, Г. Г. Дилигенский, Ю. К. Колосовская, Г. А. Цветаева, И. Т. Кругликова, И. Б. Зеест, Н. А. Онайко, Н. И. Сокольский, Д. Б. Шелов, Г. А. Федоров-Давыдов, научные сотрудники М. А. Наливкина, Е. Г. Катанаян.

Во время остановки в Варне (древней Одессос) удалось посмотреть музей и его лапидарий; наиболее интересны архитектурные детали и скульптура, особенно надгробия с изображением погребального пира, носящие черты греко-римско-фракийской культуры.

Благодаря любезности директора музея Милко Мирчева и научного сотрудника Гораны Тончевой мы посмотрели остатки большого общественного здания римского времени, занимавшего целый гектар. От него сохранилась башня (позже перестроенная) и бесконечная сеть подземных проходов великолепной сохранности; они дают яркое представление о технике римских античных кирпичных конструкций и грандиозности римских сооружений. Нам показали вновь открытые при строительстве города сооружения: нижнюю часть римской полукруглой башни из крупных блоков камня на Красноармейском бульваре и вблизи порта раскопки римских терм.

Рано утром наш пароход вошел в порт Стамбул. Во время четырехчасовой поездки по Стамбулу мы успели посмотреть ипподром.

На следующий день пароход шел уже по Эгейскому морю мимо островов, которые были видны в туманной дымке. 6 апреля появились очертания островов Эвбеи и Андроса. Мы прошли мимо скалистого, местами заросшего лесом мыса Суния.

Потом стал виден остров Эгина, Саламин, и вот мы в бухте Пирея. Перед нами широко раскинулись Афины, тесно и живописно расположенные белые дома, вдали в тумане были видны холмы Акрополя, Пникса, гора Ликабетт.

Здесь мы сели в специальный автобус, на котором и совершили все поездки по Греции.

Из Пирея мы направились в Дельфы. Мы проехали мимо исторических мест — городов Платеи, Фивы. Дельфы расположены на склоне Парнаса, перед глубоким ущельем с нависающими громадными утесами; перед Дельфами — открытая лощина. Только увидев, можно понять все величие этого места, таинственную темноту Кастальского ущелья и открывающиеся бесконечные дали вершин. Здесь древний человек чувствовал себя во власти непонятных сил природы, здесь возник культ, сначала Геи — богини земли, а потом Аполлона, божества света, победившего темные вредоносные силы природы, Пифона. Оракул возник здесь еще в XIV в. до н. э., как об этом свидетельствуют находки микенской керамики.

Сооружения, составляющие комплекс святилища, расположены по склону, поэтому ни планы, ни реконструкции не дают полного представления о живописности целого.

На скалистой террасе расположено как бы предместье святилища, так называемая Мармария (часть святилища, где много мрамора). Здесь сохранились остатки храма Афины Пронайи, дорического периптера V в. до н. э., построенного на месте предшествующих архаических храмов VII и VI вв. до н. э. Тут же лежат и архаические капители — один из немногих образцов древнейшего доисторического ордера.

Довольно хорошо сохранившийся толос IV в. до н. э. является ярким примером греческих конструкций круглых сооружений: трехступенчатое основание, гладкая круглая стена из великолепно отесанных квадров и вокруг нее дорическая колоннада — сохранились три колонны (было 20), несущие легкий анатаблемент.

При выходе из Мармарии — большой гимнасий с водоемом для холодной воды; у стены были помещения с горячей водой, в стене видны отверстия, через которые она подавалась; тут же лежит каменная ванна.

Выше этой террасы проходит священная дорога; она ведет к храму Аполлона, делая несколько крутых поворотов. Еще сохранились древние ступени и большие пло-

ские камни, выстилающие поверхность дороги. По сторонам ее, как памятники истории святилища, стоят сокровищницы: внизу — сокровищница македонян ионийского ордера, римского времени, выше — сокровищница сикионцев VI в. до н. э., сокровищница сиффийцев VI в. до н. э. и др. Большей частью от сокровищниц сохранились in situ одни цокольные части, только сокровищница афинян начала V в. до н. э. уцелела почти полностью. Она имеет вид маленького храма в антах и четко вырисовывается на фоне дальних гор и на фоне полигональной подпорной стены храма Аполлона.

Храм Аполлона доминирует над остальными сооружениями. На камнях подпорной стены, поддерживающей террасу храма, масса посвятительных надписей. Полностью сохранилась нижняя часть храма, как он был перестроен в конце VI в. до н. э. Это был дорический периптер 6 × 15 колонн. Колонны и части колонн IV в. до н. э. еще стоят на месте. В адитоне этого храма, за его трехчастной целлой и находилась пифия, когда она изрекала предсказания.

Терраса храма замыкалась театром. Еще выше находится ипподром.

Кастальский источник VI в. до н. э. раскопан недавно — сохранилась часть стены переходной кладки от полигональной к квадровой (камни связаны пиронами архаической формы в виде двух сходящих вершинами вытянутых треугольников) а также часть плит настила водостока (остальные — реставрация). Вода источника падала в узкий водоем и затем попадала по водостоку в бассейн; вокруг бассейна был портик. Здесь происходило омовение.

Общее представление о святилище дополняется материалами, хранящимися в музее Дельф. Здесь самые разнообразные посвящения Аполлону. В центре зала — бронзовая статуя дельфийского возницы (вторая четверть V в. до н. э.).

Из Дельф мы отправились в Пелопоннес. Мы переправились через Коринфский залив, затем Патрасский залив: едем сначала по берегу Ионического моря и прибываем в Западный Пелопоннес — на ровную зеленую Элидскую равнину, с рощами цветущих деревьев и кипарисами на склонах холмов. Олимпия расположена в долине реки Алфея, у подножия горы Кронос. Самое святилище — Алтис — было ограждено с трех сторон стеной, с востока же замыкалось длинным сорокачетырехколонным ионийским портиком «Эхо».

В северной части Алтиса находится храм Геры — древнейшее святилище Олимпии, существовавшее с VIII вв. до н. э. В течение веков сохранялась древняя форма вытянутого периптера, созданного в VII в. до н. э. Храм Геры выполнен из известняка. Когда-то он был оштукатурен и расписан; красочные архитектурные детали из терракоты, в том числе акротерий VIII в. до н. э. в виде круга с геометрическим орнаментом (диаметр — 2,31 *м*), находятся в музее Олимпии. От храма сохранилось трехступенчатое основание, цокольная часть стен целлы и остатки дорийской колоннады; в колоннаде целлы этого храма была найдена известная статуя Гермеса с младенцем Дионисом.

К югу от храма Геры находится пелопион — место культа легендарного героя Пелопса, по преданию впервые установившего олимпийские состязания на колесницах; оно находится внутри ограды, здесь растут деревья, стояли статуи, совершались жертвоприношения Пелопсу.

Главное святилище Олимпии — Храм Зевса был построен архитектором Либоном в 448—456 гг. Храм был разрушен землетрясением и лежит в развалинах, но и в таком виде поражает своей грандиозностью. Огромные барабаны дорийских колонн (диаметр 1,75—2,25 *м*), блоки карниза лежат в беспорядке около стилобата храма, на котором стоят части стен целлы. Храм сооружен из местного твердого камня, был покрыт тонким слоем штукатурки, детали расписаны; его сима, фронтоны и метопы внутри портиков были богато украшены скульптурой — она хранится в музее Олимпии. Культовая же статуя Зевса из золота и слоновой кости, исполненная Фиднем, не сохранилась; видно лишь место, где она стояла.

Вблизи храма Зевса стоят базы статуй, среди них треугольный в плане высокий пьедестал, на котором стояла статуя богини Ники, исполненная Пеонием, на пьедестале видна посвятительная надпись мессенян и навпактин (статуя хранится в музее).

В святилище мы видели также целый ряд небольших сооружений, посвященных Зевсу общинами и отдельными лицами.— Филиппейон — круглое здание, сооруженное Филиппом Македонским в память победы при Херонее; от него сохранилось основание (диаметр — 14 *м*) и нижние части наружной колоннады ионийского ордера. Внутри здания когда-то стояли хризоэлефантинные портретные статуи Филиппа и его родственников, исполненные скульптором Леохаром.

Вдоль северной стены ограды, на особой террасе стояли 13 сокровищниц, заключавших приношения различных греческих общин. К ограде святилища с юга примыкали: с западной стороны — гимнасий, палестра, теоколеон — жилище жрецов, леонидэйон — пристанище для почетных посетителей святилища (построенные Леонидом, из Наксоса в IV в. до н. э.); с юга — булевтерий VI—V вв. до н. э.; с севера — пританей; у северо-восточного угла святилища проход, перекрытый римской аркой, ведет к стадиону; с юго-восточной стороны святилища раскопаны сооружения римского времени.

Около средневековой церкви в последние годы раскопана мастерская скульптора, по предположению некоторых исследователей,— Фидия. Вследствие отказа западногерманских археологов, производивших здесь раскопки, нам не удалось ни увидеть эту мастерскую, ни познакомиться с методикой производившихся в это время в Олимпии раскопок.

Благодаря любезности администрации музея мы смогли очень хорошо посмотреть музей Олимпии и не только экспозицию, но и запасы и реставрационные мастерские.

Находки в Олимпии указывают на то, что Олимпия существовала уже в микенскую эпоху. Здесь выставлены самые разнообразные посвящения в храм; среди них — бронзовые украшения архаических сосудов в виде головы грифона, вооружение, статуэтки атлетов, статуи победителей на Олимпийских играх, в их числе курос VII в. до н. э. четырехфасадный с надписью, вырезанной на груди. Большой зал заключает скульптуры, украшавшие храм Зевса, его знаменитые фронтоны и 12 метоп. Особенно выразительна метопа с Гераклом, попирающим ногами побежденного льва. В реставрационной мастерской под руководством специалистов подбираются вновь найденные части к метопам, а также фигурам восточного и западного фронтонов храма Зевса.

Собрание архитектурных деталей и скульптуры из терракоты является наиболее богатым и интересным из виденных нами в музеях Греции. Прекрасно сохранившуюся полихромию и техническое исполнение больших глиняных скульптур VI и V вв. до н. э. не могут передать полностью никакие издания; наиболее значительны — дельфин на волне и статуя льва VI в. до н. э., акротерий — Зевс с Гамидом и статуя юноши, высотой около 1 *м* (середина V в. до н. э.). У Зевса тело медного цвета, гиматий — красный с черной каймой; у юноши — хламида пурпуровая, с черной узорчатой каймой.

Терракотовые скульптуры и архитектурные детали отличаются богатством вариантов сим, водометов, акротериев с расписными пальметтами, обращают на себя внимание архаические водометы в виде трубы сокровищницы Гелы, расписанные черной и красной краской.

В одном из зал выставлена статуя Гермеса Праксителя; ее можно обойти со всех сторон. Статуя очаровывает грацией движения, безукоризненно правильных, идеально прекрасных форм атлетического тела, мягкостью неопределенно устремленного вдаль взгляда Гермеса и также совершенством техники мрамора. Этой технике странно противоречит обработка спины Гермеса; на ней видны грубые широкие и длинные полоски, оставленные скарпелью,— одна из деталей, заставляющая предполагать в этой статуе римскую копию.

Из Олимпии мы направились в Спарту. Мы проехали цветущие поля и фруктовые сады Аркадии, ее горные склоны со стадами коз и овец; в Лаконике попали буквально в царство апельсинов. Здесь мы внимательно осмотрели музей. Он отличается своеобразием своих экспонатов. Среди них посвящения из храма Артемиды Орфии — древнейшего храма Греции IX—VIII вв. до н. э. Культ этой богини плодородия когда-то сопровождался человеческими жертвами; в 800 г. до н. э. это было заменено обрядом бичевания. Юноши-всины, перенесшие такое бичевание, имели право на статую и на изображение серпа. В музее две такие статуи. В одном из зал выставлены маленькие свинцовые изображения богов и животных VIII—VII вв. до н. э., вероятно, пожертвования илотов. Здесь же маски старухи и горгоны из храма Артемиды Орфии. На свинцовых пластинках за 300 лет до ордера — изображение волют.

Спартанские надгробия VII—VI вв. до н. э. представляют собой плиты с рельефными изображениями героизированных умерших, неподвижно сидящих на троне, перед ними стоят приносящие дары.

Особую группу составляют рельефы из святилища Диоскуров.

Проехав Арголиду, мы прибыли в Эпидавр. В Эпидавре — общегреческое древнее святилище бога здоровья — Асклепия.

Святилище бога здоровья находится в очень здоровой местности, на равнине, обрамленной тенистыми деревьями и невысокими горами, здесь чудесный воздух, масса певчих птиц. Оно особенно процветало в IV в. до н. э. От города к святилищу ведут пропилеи, от них сохранились мощные плиты основания и пандус великолепной кладки. Здесь находятся прославленные сооружения IV в. до н. э.— храм Асклепия (архитектор Феодот), небольшой дорический периптер и две постройки архитектора Поликлета Младшего — фимела или толос — большое круглое здание (диаметр — 21,82 *м*), предназначавшееся, вероятно, для музыкальных выступлений, и театр. Театр в Эпидавре по своей красоте и прекрасной сохранности — лучший из виденных нами; его койлон имеет правильную форму, а орхестра представляет собой круг с алтарем в центре (диаметр — 19,31 *м*); сохранились аналеммы — подпорные стены театрона и фундаменты проскения и сцены. Все уступы койлона (всего 55) одинаковы, но нижние имеют кресла, украшенные львиными лапами; к местам ведут радиально расположенные лестницы. Акустика такова, что с верхнего ряда можно слышать звон монеты, упавшей на поле орхестры.

К священной ограде примыкает удлиненная постройка — абатон, имеющая вид ионийского портика длиною 70 *м*; сохранились основания стен и колонн, лестница, ведущая в нижний этаж, и разнообразные архитектурные детали.

Среди зелени на территории святилища сооружены каменные полукруглые скамьи и экседры для отдыха больных, стоят базы посвятительных статуй (одна база имеет вид носа корабля на волне), мраморные лутерии с посвятительными надписями.

К святилищу примыкает стадион, огромный, длиною 181 *м*, с западной стороны сохранился старт в виде десяти каменных столбиков, отделявших состязавшихся (бежали девять человек). С северной и южной сторон поднимаются ряды сидений, при этом с северной стороны — из плотного серого камня с подтесами для более удобного положения ног сидящих, а с южной — из конгломерата с вертикальными стенками; с юж-

ной стороны проходит водосток. Из святилища на стадион ведет сводчатый проход. Имеется также гимнасий. В Эпидавре происходили состязания, продолжавшиеся девять дней после олимпийских.

Два великолепных водостока с отстойниками ведут к римским термам; здесь есть помещение с мозаичным полом и гипокаустом.

В Эпидавре небольшой, но весьма интересный музей; вдоль стен довольно узких помещений выставлены реконструкции, заключающие подлинные части лучших сооружений Эпидавра; антаблемент храма Асклепия, верхняя часть с перекрытием и нижняя часть с полом толоса и др. Фотографии не передают тонкой скульптурной формы высеченных в мраморе коринфских капителей колонн толоса, стоявших внутри ротонды, тонкой светотени розеток, как бы с прозрачными лепестками, украшавших метопы, и симы (с растительным орнаментом в виде аканфа и пальметт) наружного дорического ордера здания, столь же живописно исполнены глубокие перспективные кассеты перекрытия. Здесь выставлена также реконструкция верхней части храма Артемиды, карниз фронтона храма Асклепия и т. п.

Из Эпидавра едем через Арголиду. Ярко выступает общий характер древних ахейских городов и величие златообильных Микен.

Здесь все носит печать крупных исторических событий, когда-то потрясавших ахейские города. И Аргос, и Микены расположены на высоких, изолированно стоящих холмах. Подступы к ним трудны. Дворцы ахейских правителей и их сокровища скрыты за высокими стенами Акрополя. Сюда во время опасности скрывалось и население.

Мы остановились на плато у подножия холма Микен и наш осмотр начинали с гробниц. Гробница Атрея расположена так, что ее дромос видно с вершины холма. Она хорошо сохранилась и всем известна по публикациям, однако только непосредственное впечатление от самого памятника может дать представление о монументальности этого сооружения, единстве огромного пространства, простой и вместе с тем рациональной конструкции входа и уступчатого свода круглого зала гробницы.

Подъем на акрополь Микен приводит к величественному входу, как бы охраняемому двумя львицами (Львиные ворота).

При выходе из ворот — огромный двойной круг из вертикально поставленных больших плит в высоту человеческого роста — место погребений микенской знати; внутри круга видны шахтовые могилы, в которых были найдены погребения с золотыми масками и множеством золотых вещей, теперь хранящихся в Национальном музее Афин.

Поднимаемся на акрополь — четко выступают на поверхности скалы нижние каменные части стен мегарона и высеченные в скале основания колонн.

С акрополя видны с одной стороны долины, с другой — горы. Немного спускаемся от мегарона на восток — здесь в крепостной стене маленькая потайная калитка, недалеко от нее, с другой стороны, спуск к источнику Персея, над лестницей — свод из огромных камней, как в проходах Тиринфа.

У подножия холма Микен жилые дома, недавно раскопанные Милонас, тесно расположенные, с общими стенами, с маленькими помещениями, стены сложены из осколков камня на глине.

По сравнению с Микенами Тиринфский холм значительно ниже. Крепостные сооружения начинаются от основания холма. Они поражают мощью циклопической кладки, особенно проходы со сходящимися над головой огромными глыбами, образующими как бы стрельчатый свод.

Мы прибыли в Коринф. Город расположен у подножия огромной горы — Акрокоринфа. На вершине ее был храм Афродиты, на склонах обнаружены циклопические стены.

Остатки греческого Коринфа — самого крупного торгового и производственного города материковой Греции в VII—VI вв. до н. э., славившегося литьем бронзы, расписными вазами,— лежат под позднейшими перестройками и сооружениями римского времени. Однако сохранился древний храм Аполлона первой половины VI в. до н. э., дорийский периптер: на основании, уложенном в вырубку в скале, еще стоят семь мощных монолитных колонн, высотой 7,24 м поддерживающих гладкий тяжелый архитрав. Другие памятники дают яркое представление о технике и конструкциях римских сооружений: улица-дорога с тротуарами, выложенная большими плитами, ведущая к гавани Лехей (расположенной на расстоянии 4 *км*); лестницы на террасу, где расположена агора; римская базилика, торговые лавки. Близ пропилей находится источник Перена; его внутренняя часть относится ко времени коринфского тирана Периандра (627—585 гг. до н. э.) и представляет собой легкий ионийский портик, перед ним — пышное сооружение Ирода Аттика, стена с арочными пролетами, с приставными коринфскими колоннами. На агоре — Бэма — трибуна римского времени. К западу от агоры — Одеон, частично высеченный в скале, и театр, сооруженные Иродом Аттиком.

Музей Коринфа небольшой. Самое замечательное в этом музее — это керамика, начиная от самого раннего микенского и протогеометрического стиля, кончая прекрасными образцами коринфского коврового стиля с красочными росписями по светлой глине. Представление о монументальной живописи дают пинаки — довольно большие терракотовые доски, с росписями. Коринфская терракота — другой столь же интересный раздел, особенно VI и V вв. до н. э., например, миниатюрная коляска с парой лошадей и в ней две сидящие женские фигуры, всадники, женская фигура в расшитой одежде, сфинкс с расписными крыльями и т. д., архитектурные детали с полихромными росписями. Среди мраморных скульптур — известная полихромная греческая копия головы дорифора Поликлета. Много статуй римского времени. В зале Асклепия выстав-

лены приношения Асклепию просящих об исцелении — терракотовые уши, руки, ноги, ступни и т. д., а также детали украшения храма.

По пути из Коринфа в Афины мы осмотрели диолкос — мощенную каменными плитами, прорезанную двумя колеями дорогу, сооруженную Периандром для перетаскивания кораблей через Истмийский перешеек. (Теперь суда проходят через канал шириною 24 *м*, с высокими отвесными берегами, мост через канал лежит на 84 *м* выше воды в канале). Путь в Афины лежал через Мегариду, все время по берегу Саламинского залива. В морской дали снова показался о. Саламин, мы увидели историческое место Саламинской битвы греков с персами. В Афины прибыли вечером 11 апреля. Осмотр начали с Афинского Национального музея. Этот музей очень широк по содержанию и огромен по количеству памятников, он заключает 40 зал, расположенных в два этажа, экспонаты не только из Аттики, но и из других областей.

В нижних 20 залах одним из интереснейших разделов являются памятники эгейской культуры: расписные вазы, фресковые росписи, изделия из кости, золотые маски и украшения, а также островные идолы.

Раздел архаической скульптуры заключает в себе прославленные произведения греческого искусства от VII до конца VI в. до н. э. Особенно важно посмотреть бронзовую скульптуру — древнейшие статуэтки из Додоны VIII и VII вв., Аполлон Пиомбино (конец VI в. до н. э.), мировой известности бронзовые статуи — статуя Зевса, бросающего молнии (середина V в. до н. э.) и так называемый «Марафонский Эфеб» (IV в. до н. э.).

Среди памятников мраморной скульптуры V—IV вв. до н. э. находится известный элевсинский рельеф с изображением Деметры и Коры, скульптуры с фронтона Афины Алеи в Тегее, собрание мраморных аттических надгробий IV в. до н. э. с изображениями умерших, исполненных тихой грусти и достоинства, совершенно не передаваемыми ни слепками, ни фотографиями. Все верхние залы представляют собой непрерывное кольцо экспонатов керамики. Здесь можно изучить историю развития греческих расписных ваз и терракот на самых ярких образцах и проследить тесную связь греческой культуры с предшествующей, эгейской.

Благодаря любезности руководства музея мы смогли посмотреть замечательные памятники, хранящиеся в запасе музея. Среди них две бронзовые статуи из группы статуй, открытых в Пирее 18 июля 1959 г. Статуи были найдены случайно. При них были найдены монеты разного времени, самые поздние — времени Суллы, что и заставляет предполагать, что статуи были спрятаны во время разгрома Афин римлянами. Одна из статуй изображает архаического куроса, совершенно неподвижного, с архаической улыбкой на лице, но с протянутыми вперед руками. Сохранность статуй поразительная. Глаза юноши вставлены. В правдивой передаче ступней ног и кистей рук видно изучение натуры. Статуя свидетельствует о высокой технике литья бронзы уже во второй половине VI в. до н. э. Статуя считается работой сикионского скульптора. Другая статуя — из Пирея, относится к IV в. до н. э.; она изображает Артемиду, с колчаном за плечами, с женственно нежным лицом, мягко улыбающуюся. В запасе нам были показаны и фрагменты архаических скульптур из золота и слоновой кости, уникальные памятники, открытые в Дельфах, свидетельствующие о существовании хризоэлефантинной скульптуры за 100 лет до статуй Фидия.

Следующие три дня были посвящены осмотру древних Афин и исторических мест Аттики.

Мы посмотрели древние сооружения близ акрополя. Арка Адриана с огромным арочным пролетом и легким портиком над ним вписана в пейзаж, как легкая стройная кулиса. Когда-то она начинала собою блестящие постройки императора Адриана. Самая грандиозная из них — храм (диптер) Зевса Олимпийского; еще стоят 16 мраморных колонн коринфского ордера, высотой 20 *м*. Одна из них лежит, распавшись на огромные отдельные барабаны. Вблизи стоит барабан колонны того же храма времени Писистрата, впервые задумавшего осуществить это огромное сооружение (длиною 109 *м*).

В конце узенькой улицы виден изящный силуэт хорегического памятника Лисикрата. С южной стороны акрополя — театр Диониса (IV в. до н. э.). Он имеет круглую орхестру (диаметр — 22,5 *м*) с алтарем Диониса в центре; койлон не такой правильной формы, как у театра в Эпидавре; в нем особенно интересны нижние ряды сидений, где имеются 67 мраморных кресел, предназначавшихся для почетных гостей города, среди них — кресло жреца Диониса с тонко исполненными рельефными изображениями. На скамьях видны надписи с именами лиц, их занимавших. Театр имеет переделки, относящиеся к римскому времени,— загородку, отделявшую театрон от орхестры, и украшенный скульптурой подий сцены.

Мы посмотрели затем портик Евмена и Одеон Ирода Аттика; от последнего сохранилась арочная конструкция фасада сцены и пароды.

Затем мы поднялись на высокий холм Нимф с мавзолеем Филопаппа на вершине (II в. н. э.). От памятника остался фрагмент — часть фасада с тремя нишами и статуями в них. С этого холма открывается великолепный вид на акрополь.

Большое впечатление осталось от посещения другого холма — Пникса. Впервые как место собраний Пникс был устроен при Клисфене. Здесь собиралось до 5000 человек. Для президиума и ораторов вырублена в скале трибуна, для присутствующих на собрании искусственно расширена и выровнена большая площадь (посредством насыпи); народ сидел или стоял.

Затем мы направились ко входу на акрополь. С площади у основания Акрополя хорошо виден подъем на холм ареопага и лестница, высеченная в скале, ведшая к месту судилища на его вершине.

Поднимаясь на Акрополь, проходим мимо пиргоса, на нем высится, четко вырисовываясь на небе, маленький ионийский амфипростиль — храм Бескрылой Победы.

Мы поднялись на Акрополь по мраморной лестнице, сооруженной в римское время. Перед нами — монументальный фасад главного входа, стройные и величественные дорийские колонны. В просвете видим сложный силуэт Эрехтейона, который кажется миниатюрным. Представляем себе путь панафинейской процессии, поднимавшейся не по этой мраморной лестнице, а по дороге мимо пиргоса Афины, через центральный проезд пропилей; ионийские колонны обрамляют этот проезд с обеих сторон; пешеходы поднимались по ступеням боковых проходов (по два с каждой стороны дороги).

При выходе из пропилей открывается пространство Акрополя и Парфенон. Здесь как-то особенно светло — прозрачный желтоватый мрамор зданий пронизан солнцем, скала акрополя сверкает белизной. Можно представить себе, как выглядела при входе на Акрополь бронзовая статуя Афины Промахос, колосс 9 *м* высотою, блиставшая на солнце своими позолоченными доспехами и как бы защищавшая святыни и казну, хранившиеся на Акрополе. На расстоянии около 50 *м* от пропилей имеется квадратное углубление — место, где находилось основание этой статуи.

Теперь при выходе из пропилей на Акрополь виден прежде Парфенон. Он виден с угла, так что каждая деталь его колоннады освещена различно, движение света и тени меняется при обходе храма и в разное время дня в зависимости от освещения.

Парфенон поднят на особую террасу. Терраса выделена с запада монументальной лестницей, которая протягивается во всю длину западного фасада храма (30,89 *м*).

Вся центральная внутренняя часть Парфенона погибла при взрыве 1687 г. Осталась часть стен целлы у западного портика. Бо́льшая часть скульптуры, украшавшей фронтоны, а также фриз, часть метоп увезены в Лондонский музей, часть этой скульптуры хранится в музее акрополя. Лишь группа Кекропа с дочерью Паллросой, отдельные метопы и часть фриза остаются на месте и позволяют представить себе богатство скульптурного декора Парфенона и его единство с архитектурой. Парфенон доминирует над другими сооружениями, но он не подавляет, а поднимает человека гармонией целого, ритмом своих форм, столь ясно выраженных в благородном материале мрамора.

Рядом с величавой строгостью Парфенона ярко выступает, как контраст, живописная композиция Эрехтейона, фасады которого оживлены сложной светотенью разнообразно решенных портиков и тонко исполненного орнамента.

Осмотр памятников классической архитектуры акрополя дал полное представление о греческой строительной технике V в. до н. э., кладке насухо из тщательно отесанных квадров, настолько хорошо пригнанных один к другому, что самые очертания квадров оживляют гладь стены стройным и простым рисунком, об исполнении фундамента, стилобата, ступеней, перекрытий, дверных проемов, настила пола, а также о тонкости исполнения пластично изваянных деталей капителей, антаблемента, профилировке аттико-ионийских баз и т. д.

Акрополь в целом — памятник древней истории Афин с самого начала существования города. С северной стороны Акрополя сохранились остатки циклопических стен и раскопаны дома микенского периода. Архаические сооружения Акрополя были разрушены персами. При восстановлении Акрополя обломки разрушенного старого храма Афины — Гекатомпедона и архаических сокровищниц, декоративной скульптуры и посвятительных статуй были закопаны при выравнивании и расширении площади акрополя для сооружения нового храма Афины Паллады — Парфенона. В 1882—1889 гг. этот так называемый персидский мусор был раскопан. В настоящее время раскопаны и фундаменты старого храма Афины Гекатомпедона (VI в. до н. э.), они видны прямо против выхода из пропилей на акрополь.

К юго-востоку от Парфенона находится музей акрополя — ценнейшее собрание памятников, найденных на акрополе. Особенно интересны находки в персидском мусоре: они дают яркое представление об архаическом искусстве, о мифологическом миропонимании греков и жизнерадостной красочности архитектуры и скульптуры этого времени. Другой раздел экспозиции заключает прославленные оригиналы декоративной скульптуры Парфенона и храма Ники Аптерос.

В закрытых помещениях музея ведется реставрационная работа; так, например, дополнена вновь найденными кусками фронтонная группа Афины, побеждающей гиганта Энкелада с фронтона Гекатомпедона. Очень хороша экспозиция музея. В зале экспонатов немного, статуи выставлены далеко от стены с расчетом на обход; для особенно выдающихся скульптур сделаны цветные фоны, например, статуя афинянина Ромба (Мосхофор) поставлена на фоне розового цвета, статуи кор — на фоне светло-серо-голубого цвета, подчеркивающих прозрачность мрамора и оттенок его цвета. Здесь декоративная структура из местного мягкого камня пороса, изображения древнейших аттических божеств со змеиными хвостами, битв зверей, подвигов Геракла и др. Здесь же мраморные статуи девушек и юношей, когда-то стоявших около Парфенона, посвященные богине Афине; среди них особую группу скульптур составляют статуи всадников.

Тут же выставлены архитектурные детали древнейших построек на Акрополе.

Фрагменты фронтовых скульптур дополняются рисунком несохранившихся частей. Архитектурные детали, фризы выставлены на высоте, доступной для обозрения.

После Акрополя мы посмотрели агору и музей агоры. С запада к агоре примыкает Гефестион — периптер 6 × 11 колонн, V в. до н. э. Сооружения агоры, вскрытые раскопками американской археологической школы в Афинах, представляют собой сложную картину строительных остатков разного времени. Еще к VI в. до н. э. относится булевтерий, храм Аполлона, святилище Зевса в западной части агоры. К концу VI в. до н. э. относится святилище 12 богов, к югу от него — эсхара; к V в. до н. э.— стоя Зевса, стоя Пойкила и толос, а также дом с фонтаном (конец V в. до н. э.). Эллинистическому времени принадлежат длинные портики — стоя Аталла II, средняя стоя, южная стоя и храмы — Афродиты, Урании, Метроон (храм матери богов), храм Ареса; римскому времени — Одеон с портиком гигантов и арсенал.

Стоя Аталла II была восстановлена (1953—1956 гг.) как музей. Реконструкция включает сохранившиеся подлинные части стои. Она представляет собой портик длиной 14,2 *м*, с двухэтажной колоннадой, внизу дорийского, вверху ионийского ордера. Здесь хранятся материалы из раскопок агоры.

Экспонаты музея ярко характеризуют культуру Афин от эгейского периода до завоевания римлянами. Здесь много новых типов керамики, особенно интересны протогеометрические и ранние чернофигурные вазы, довольно много бытовых предметов (например, гири, грузила, расписной стульчик для ребенка, подставки для пифосов, жаровня и пр.), а также строительная керамика, мраморный акротерий в виде Ники конца V в. до н. э., школы Тимофея. Должна быть отмечена также четкая организация хранения огромных запасов керамики, клейм, монет и пр., картотеки с самыми разнообразными указателями.

По пути из агоры мы посмотрели башню ветров и библиотеку Адриана. Башня ветров построена Андроником из Кирры у северного склона Акрополя в I в. до н. э. Внутри башни — водяные часы, соединенные с источником Акрополя Клепсидрой. Башня восьмигранная, на каждой стороне вверху хорошо сохранились рельефные изображения ветров.

Библиотека Адриана — образец римской постройки; сохранились девять приставных коринфских колонн во всю высоту здания в части мозаичного пола внутри здания.

Затем был осмотрен Керамик.

Из музея Керамика мы прошли к Диплионским воротам, они сложены из огромных квадров. Вдоль дороги — городская стена классического времени с эллинистической протейхизмой.

Может быть, нигде так не ощущается мифологическое миропонимание древних греков, как в Элевсине. Здесь каждое сооружение раскрывает содержание культа Деметры, по преданию научившей людей возделывать хлеб. Здесь воплощены в образы отдельные наиболее важные моменты мифа о Деметре и Коре. Налево от входа в святилище — великолепной сохранности архаический круглый колодец, глубиною 8 *м*; здесь, по преданию, отдыхала Деметра, когда прибыла в Элевсин. К святилищу вели Большие и Малые Пропилеи. Большие Пропилеи имели строгий наружный фасад дорического ордера. Их предваряла постройка, украшенная бюстом Адриана.

Направо от главного прохода Малых Пропилей в боковом проходе видно углубление для воды, в котором жрецы умывали руки. По правую сторону от дороги к святилищу находится частично вырубленное в скале святилище Плутона: здесь показывают авитон — круглый колодец, 15 *м* глубиной; по преданию, Плутон, похитив Кору, спустился под землю через этот колодец. Главное святилище — телестерион, или храм Мистерий, занимает большую площадь 54 × 57 *м*. Его построил Иктин в середине V в. до н. э. Оно частично врезано в скалу. Его форма не имеет подобной себе в греческой архитектуре и ведет свое происхождение, вероятно, от критских театральных площадок (один из Гомеровских гимнов сообщает, что Деметра приплыла сюда с о. Крита). Внутри его раскопаны телестерион VII и VI вв. до н. э. Здание было замкнуто с четырех сторон стенами, а внутреннее пространство расчленено колоннами или столбами (предполагают 49), стоявшими на равных расстояниях. Внутри, вдоль каждой из стен,— восемь рядов ступеней. Полагают, что на них стояли посвященные во время мистериальных таинств, происходивших ночью при свете факелов. Здесь показывались страдания Деметры, потерявшей свою дочь Кору, странствования Деметры, радость встречи с Корой, появление первого хлебного колоса.

Перед этим зданием — дорический двенадцатиколонный портик, сооруженный архитектором Филоном в IV в. до н. э. Вблизи телестериона раскопаны подвалы, предназначавшиеся для хранения зерна — приношений Деметре, а также принадлежавшие самому святилищу; сырцовые стены архаических подвалов сохранились на высоту нескольких метров, они стоят на каменном основании полигональной кладки.

Культ Деметры был общенародный, общегреческий, демократический, в тайны мистерии могли быть посвящены и метеки, и рабы, и иностранцы.

При входе в святилище с левой стороны находились гостиницы для приезжавших.

В Элевсине имеется музей. В центре одного из зал — огромный мраморный бюст Деметры, поддерживающей обеими руками на голове цисту, украшенную розеттами — одна из капителей, венчавших колонны малых пропилей I в. до н. э.

Здесь выставлены приношения Деметре — терракотовые статуэтки свиньи, голубей, храмового мальчика, танцовщиц, возлежащего мужчины, сидящей богини. К первой половине V в. до н. э. относится статуя убегающей Коры с фронтона малых пропилей (ок. 460 г. до н. э.).

Изумительны тонкостью исполнения мраморные статуэтки аттической работы второй половины V в. до н. э., изображающие Деметру и Кору.

Очень много расписных ваз, начиная с микенской эпохи, среди них прекрасные образцы аттических ваз геометрического стиля; раннеаттическая огромная амфора первой половины VII в. до н. э. с изображением горгон; здесь собраны посвятительные рельефы, статуи и архитектурные детали элевсинских сооружений. Перед входом в музей находится лапидарий.

В то время как одна часть нашей группы осталась в Афинах для более детального ознакомления с Национальным музеем и для поездки в Элевсин, другая часть совершила поездку по Аттике по направлению к мысу Суния.

Во время пребывания в Афинах мы встречались со многими специалистами, ведущими раскопки, работающими в музеях. Мы вспоминаем с глубокой благодарностью об этих встречах. Они дали нам возможность познакомиться с раскопками, с материалами раскопок, с памятниками не только в экспозиционных залах музеев, но и в запасах, а также с такими вновь открытыми оригиналами греческого искусства, как бронзовые статуи из Пирея.

Общество «Дружбы с Грецией» организовало для нашей группы две встречи с учеными-археологами Греции. Очень интересно было познакомиться с организацией Археологического Общества, которую нам изложил председатель Общества, профессор А. К. Орландос.

Из Афин мы выехали в Пирей с тем, чтобы отправиться в обратный путь.

В Пирее мы успели посмотреть музей. Здесь же увидели остальные статуи из находки 1959 г. Это были: бронзовая статуя Афины, высотою 2,35 *м*, и статуя Музы (высоты — 1,94 *м*), большая трагическая маска — все прекрасной сохранности, хорошей работы IV в. до н. э. Кроме бронзовых статуй, в этой группе есть одна небольшая мраморная статуя IV в. до н. э., своеобразная по сюжету — возможно изображение ксоанона, а также две одинаковые гермы Диониса (высота — 1,40 *м*).

Из здания музея прошли в древний пирейский театр; от него остались два уступа театрона и круглые плиты основания сцены, а также гладкие стволы колонн, украшавших сцену.

Мы отплывали из Греции в дождь. Горизонт был в тумане. К вечеру начался сильный ветер, который все усиливался, и ночью начался циклон. Наши представления о мягком климате в древней Греции были полностью разрушены, и мы легко могли представить себе бедствия Одиссея и его спутников. Из-за этого циклона мы потеряли возможность посмотреть музей Стамбула, так как пристали туда поздно вечером. Однако мы успели взглянуть на средневековые стены и башни Византия. Вопреки греческим сказаниям о негостеприимном Понте, Черное море встретило нас необыкновенно тихо и ласково. Мы вошли в порт Одессы при ярком солнце на совершенно лазурном небе.

М. Кобылина

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ТУРКМЕНИСТАНА

Многочисленные археологические и архитектурные памятники Туркменской республики имеют большое историко-культурное значение и заслуживают специального внимания в деле их охраны от преднамеренных разрушений, а также самовольных раскопок. С этой целью в 1957 г. при Министерстве культуры Туркменской ССР был создан «Отдел охраны памятников», в ведение которого переданы все вопросы, связанные с охраной и консервацией древних сооружений. Создание такого «Отдела» приобретает огромное значение в связи с проведением Кара-Кумского канала, трасса которого проходит в непосредственной близости от целого ряда археологических памятников. Еще большее количество разновременных памятников попадет в зону орошения новых земель, и тем самым все они обречены на постепенное разрушение. Все это поставило перед небольшим коллективом сотрудников «Отдела», возглавляемым К. А. Адыковым, первоочередную задачу по учету, охране и консервации ряда памятников.

За сравнительно небольшой срок «Отделом» были заново составлены и уточнены списки археологических объектов; по специальному заказу изготовлены металлические «охранные доски», где приводятся краткие сведения, касающиеся конкретного объекта. Текст (на русском и туркменском языках) заканчивается призывом к бережному сохранению памятника и строгой ответственности «за самовольные раскопки и преднамеренные разрушения».

В настоящее время такие «доски», закрепленные в цементные основания, установлены примерно на ста древних поселениях, большая часть которых расположена в самых отдаленных уголках республики, среди барханных песков и такыров.

Следует указать также, что во все поселковые советы республики разосланы специальные инструкции для предупреждения возможных разрушений археологических памятников при сельском строительстве.

В настоящее время тематика «Отдела» особенно тесно связана с проведением первой и второй очереди строительства Кара-Кумского канала: результаты по регистрации и специальным раскопкам на памятниках, попадающих в зону орошения новых земель, уже получили свое отражение в литературе [1].

На месте будущего Хауз-Ханского водохранилища летом и осенью 1960 г. были проведены широкие стационарные раскопки с учетом всего комплекса археологических вопросов. Стратиграфические шурфы и археолого-архитектурные исследования на месте караванной остановки — Хауз-Хан-Кала позволили уточнить вопросы, связанные с характером поселений такого типа. Впервые в практике среднеазиатской археологии были начаты раскопки укрепленной станции — рабата, расположенной на древнем торговом пути из Серахса в Мерв.

Полученный богатый раскопочный материал позволит сохранить для науки этот обреченный на уничтожение объект.

Планируются более широкие работы на месте Хауз-Ханского водохранилища и в последующие годы.

Подвергнуты стационарному изучению поселения, расположенные в месте слияния Кара-Кумского канала с р. Теджен. Здесь специальным отрядом были обследованы холмы, относящиеся к ахеменидскому времени; продолжены раскопки ряда бугров анауского типа (геоксюрская группа энеолитических поселений). Комплексные работы включили исследования по вопросам древней ирригации с использованием методов аэроразведки. Результаты этих работ будут опубликованы в сборнике, который предполагается выпустить в 1961 г.

Перспективный план, составленный «Отделом» на ближайшие пять лет, тесно увязан с научным обследованием большого количества памятников, попадающих в зону третьей очереди строительства Кара-Кумского канала.

Не меньшее значение имеют вопросы популяризации древних памятников культуры Туркменистана. В настоящее время «Отделом охраны памятников» при Министерстве культуры Туркменской ССР издан и готовится к выпуску целый ряд путеводителей на русском и туркменском языках, рассчитанных на широкий круг читателей.

Тематически путеводители разбиты на две группы — по территориальному признаку и по отдельным, заслуживающим особого внимания памятникам. Путеводитель, написанный В. М. Массоном [2], является как бы вводной, общей сводкой, дающей представление о характере и облике культуры древнеземледельческих племен Туркменистана.

Брошюра начинается с краткого, но достаточно полного обзора неолитического поселения Джейтун. Следуя по пути предполагаемого расселения джейтунцев, автор подходит к характеристике холмов Анау, логически связав с ними историю изучения этой культуры.

Дойдя до описания восточноанауской группы энеолитических поселений, В. М. Массон дает ясную историческую картину возникновения жизни и запустения геоксюрского «оазиса», характеризует домостроительную планировку древнейших племен края и особый вид их погребального ритуала, подчеркивая своеобразное отличие материальной культуры геоксюрских поселений от других синхронных памятников прикопетдагской равнины.

При характеристике центральноанауских холмов автор на примере поселения Кара-Тепе дает примерную реконструкцию хозяйственной и общественной жизни древних насельников; касаясь глиняных изображений, росписей на сосудах,— приводит их возможную семантику.

Особенно ценным следует признать тот факт, что описание всего материала дается на широком фоне развития древнейших культур сопредельных областей — от Хорезма до Ирана.

Второй предполагаемый к выпуску путеводитель этого же автора (В. М. Массон. Древности Юго-Западной Туркмении) будет посвящен древности Юго-Западной Туркмении.

Аналогичного характера брошюры, касающиеся памятников Юго-Восточной и Северной Туркмении, уже находятся в производстве (И. Н. Хлопин. Древности Этека; Д. Дурдыев. Древности северных районов Туркменистана).

Вторая серия путеводителей посвящена конкретным памятникам Туркмении. Так, К. А. Адыковым издана брошюра о развалинах большого города, известного в литературе под названием Старый Серахс [3]. В ней на основе новейших археологических данных дается история возникновения и роста этого замечательного памятника старины. Используя археолого-топографическое изучение и данные письменных источников, автор в доступной и понятной форме приводит описание и назначение отдельных участков былого города, как бы «оживляет» современные развалины удачно подобранными свидетельствами средневековых авторов.

Касаясь существования серахской «школы» зодчих, К. А. Адыков органически связывает с ними сохранившиеся до наших дней мавзолеи около Серахса, указывая на

---

[1] К. А. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья. ИАН ТССР, № 2, 1960, Ашхабад.

[2] В. М. Массон. Древние земледельцы на юге Туркменистана. Ашхабад, 1959.

[3] К. А. Адыков. Койне Серахс. Ашхабад, 1960.

подлинную историю их сооружения, восстанавливая полузабытые среди местного населения названия погребенных в них исторических лиц.

Заканчивается путеводитель обращением к местным жителям — «беречь от разрушений и самовольных раскопок древнее городище».

Предполагается к изданию другая брошюра этого же автора, посвященная древним торговым путям, где будет сделано сопоставление и возможное отождествление сохранившихся развалин (караванных остановок) со свидетельствами средневековых географов (К. А. Адыков. По древним караванным путям Туркменистана).

Путеводитель Г. А. Пугаченковой посвящен археолого-архитектурному обзору развалин древнего Мерва [4].

В нем приведен достаточно полный анализ истории существования Мерва от античности до позднего средневековья; особенно ценны специальные архитектурные разделы, касающиеся развалин VI—VII вв., а также сохранившихся мавзолеев и мечети. Расшифровывая подлинно научную значимость некоторых мавзолеев, автор приводит имена исторических лиц, погребенных в них. В ряде случаев этот момент имеет определенное антирелигиозное значение. Дело в том, что эти мавзолеи почитаются как суннитские, а на самом деле они, как показали исследования, являются шиитскими.

Городищам Старая и Новая Ниса посвящена специальная брошюра Г. А. Пугаченковой, в которой приводятся исторические данные, относящиеся к области древней Парфиены и ее главному городу — Новой Нисе. Подробно описана структура города, рост и сокращение его в зависимости от политических событий, развитие отдельных ремесел и хозяйства [5].

Останавливаясь на блестящих находках в городище Старая Ниса, автор не только дает их научно-популярную интерпретацию (например, разделы, касающиеся ритонов и остраконов), но и воссоздает общие контуры былых храмов, парадных залов, ссылаясь на сохранившиеся остатки былой планировки. Большую помощь любителю-туристу окажет сделанное к путеводителю приложение в виде подробного описания маршрута по городищам.

Небольшая монография этого же автора является исследованием ныне не сохранившейся мечети Анау [6]. Привлекая археологические данные в совокупности с известиями исторических хроник, Г. А. Пугаченкова дает исчерпывающее исследование одного из памятников монументального зодчества Туркменистана. К тексту приложено большое количество иллюстраций, чертежей, планов реконструкций, специальных разрезов — всего 45 рисунков и фотографий. Надо отметить также, что книга хорошо оформлена издательством.

Большое место в тематике работ «Отдела» занимают вопросы исследования древних памятников архитектуры Северного Туркменистана. В этих целях организованы специальные бригады из архитекторов и археологов, которые проводят комплексное изучение самих памятников. В результате этих работ впервые для ряда мавзолеев были составлены научные обмерные документы, практическим отражением чего может служить монография, посвященная инженерно-архитектурному анализу памятников Куня Ургенча (А. А. Асанов. Вопросы укрепления и реконструкции памятников Куня Ургенча).

Заканчивая обзор деятельности «Отдела охраны памятников» в части выпусков путеводителей, можно пожелать лишь, чтобы каждый отдельный выпуск сопровождался большим количеством иллюстраций. Также следует обратить внимание, что не всегда текст брошюр написан достаточно ясным и простым языком. В целом же можно пожелать дальнейших успехов деятельности «Отдела» как в отношении сохранения и изучения памятников древности, так и в деле их широкой популяризации.

В. И. Сарианиди

---

[4] Г. А. Пугаченкова. По памятникам и городищам Старого Мерва. Ашхабад, 1960.

[5] Г. А. Пугаченкова. Ниса. Ашхабад, 1958.

[6] Г. А. Пугаченкова. Мечеть Анау. Ашхабад, 1959.

СЕССИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 1958—1959 гг.

28—30 марта 1960 г. в Государственном Историческом музее состоялась сессия Ученого совета, посвященная итогам археологических экспедиций 1958—1959 гг.

Сессия открылась докладом А. Я. Брюсова, посвященным проблеме индоевропейской общности, в частности — вопросу о сверленых топорах. Теоретические выводы докладчика построены на изучении огромного археологического материала, собранного им в музеях СССР, Финляндии и Норвегии.

Ряд экспедиций работал над изучением памятников эпохи бронзы в малоизученном районе междуречья Оки и Волги, над уточнением границ, хронологии и взаимоотношений археологических культур этого края.

В. М. Раушенбах сделала сообщение о раскопках на многослойном неолитическом поселении Николо-Перевоз, на правом берегу р. Дубны. Здесь льяловский слой (начало II тыс. до н. э.) перекрыт слоем с волосовской керамикой. Присутствие последней гораздо севернее границ известной ранее области распространения волосовской культуры представляет большой интерес и отражает продвижение в третьей четверти II тыс. до н. э. племен этой культуры на север. В слое с материалом волосовской культуры открыто коллективное фатьяновское погребение. В могильной яме среди прочих вещей найдены стрелы двух типов — фатьяновские и волосовские. В верхнем слое поселения, насыщенном находками дьяковского типа, открыто пять вытянутых на спине погребений, которые можно считать первыми дьяковскими погребениями. Об изучении памятников эпохи бронзы в Ярославской области доложила И. К. Цветаева. В результате раскопок Пашутинской дюнной стоянки отмечено три этапа заселения района. Нижний — льяловский слой (конец III — начало II тыс. до н. э.) на части стоянки представлен в чистом виде, на остальной площади — перекрыт волосовским слоем, в котором открыто большое полуподземное жилище. Третий слой Пашутинской стоянки представлен материалами поздняковской культуры (конец II тыс. до н. э.)

Т. В. Попова сделала доклад об исследованиях в бассейне р. Цны. Изучение ряда поселений здесь показало, что в III тыс. до н. э. на Тамбовщину проникли племена древнеямной культуры. Поселения этой культуры оказались позднее занятыми племенами срубной культуры, которые уже в середине II тыс. до н. э. проникли на Тамбовщину с юга. Сравнение керамического материала показывает, что срубная культура проникла сюда из бассейна Дона, а Цна, в свою очередь, была одним из основных путей, по которым племена этой культуры проникли в Окский бассейн.

С сообщением о работах в Оренбургской области выступила Э. А. Федорова-Давыдова. Там открыты курганные погребения не известного ранее типа, близкие ямной и полтавкинской культурам Поволжья, интереснейшие курганы алакульского времени с коллективными захоронениями, преимущественно детскими. Первые результаты привели автора к заключению, что алакульский этап андроновской культуры следует датировать не концом II тыс. до н. э., а третьей четвертью II тыс. до н. э., что федоровский и алакульский этапы андроновской культуры следует считать не хронологическими периодами, а территориальными вариантами данной культуры.

Об участии в работах одного из отрядов Иркутской экспедиции доложила Л. Грехова. На Фафановском могильнике на р. Селенге, в Забайкалье, был вскрыт ряд грунтовых погребений эпохи неолита и бронзы, которые могут быть сопоставлены с китойским и глазковским периодами периодизации прибайкальских культур. Особенно интересно коллективное погребение китойского времени и находка в могиле глазковского периода костей домашней овцы, что, по определению В. И. Цалкина, является исключительным случаем в данной местности.

Доклад М. Н. Погребовой был посвящен изучению памятников нагорного Дагестана, в частности — малоизученных коллективных склепов Ирганайской долины. Один из них оказался неразграбленным и дал интереснейшее двухъярусное коллективное погребение середины II тыс. до н. э. Автор делает вывод, что такой тип погребальных памятников становится характерным для Дагестана середины II тыс. до н. э.

Н. П. Сорокина сделала доклад о раскопках некрополя города Кеп, который состоит из курганного и грунтового могильника. Раскопки его дали несколько типов погребений — детские погребения в родосских и синопских амфорах III—II вв. до н. э.; погребения V—II вв. до н. э. в простых земляных ямах, форма которых не прослеживается; черепичные могилы середины IV—II вв. до н. э. двух вариантов типа «Haustypus» и с наклонно поставленными к стенке земляной ямы черепицами. Все типы дают только трупоположения с инвентарем, состоящим из керамики, украшений и монет, главным образом при скелетах взрослых. Очень интересно открытие двух тризн, при одной из которых горел большой костер, совершены кровавые жертвоприношения и заколоты три лошади.

ГИМ по-прежнему принимал участие в раскопках Неаполя скифского. И. В. Яценко доложила о раскопках здания с фресками середины I тыс. до н. э. На прилегающем к нему участке был открыт ряд новых зданий эллинистического времени и начала нашей эры, а также оранительные внутригородские стены эллинистического периода. Среди находок чрезвычайный интерес представляет серебряное блюдце с надписью боспорской царицы Гипепирии.

С докладом об изучении городищ раннего железного века западных районов Чувашии выступила Н. В. Трубникова. На городище Малахай под слоем с жилыми сооружениями рубежа нашей эры был открыт слой с керамикой рубежа II—I тыс. до н. э., связанной с одновременными культурами Мордовской и Марийской АССР, что дает возможность установить территорию одной из культур предгородецкого времени. Наиболее интересно городище первых веков нашей эры Ножа-Вар, где открыто 12 жилых помещений, очаг для плавки железа, клад бронзовых вещей II—III вв. и ритуальное жертвоприношение трех человек.

А. П. Смирнов сделал доклад о работах Чувашской археологической экспедиции, три отряда которой работали в различных районах Чувашии. Отрядом под руководством В. Ф. Каховского исследована группа поселений середины II тыс. до н. э., на которых открыты жилые помещения, а на самом интересном из них — Шоркино-I — сложный бревенчатый настил, покрывающий площадь всего поселения и служивший основанием для наземных деревянных построек. Отряд Н. Я. Мерперта работал на

курганной группе у дер. Уразмаметево. В исследованных курганах сохранились остатки сложных погребальных сооружений, открыты погребения байбатыревского типа с инвентарем, дающим возможность удревнить дату проникновения племен срубной культуры в лесостепное Поволжье. Отряд Г. А. Федорова-Давыдова продолжал раскопки на Тигашевском городище, где было открыто два святилища болгарского времени.

Продолжая изучение истории русской деревни и быта сельского населения, ГИМ предпринял исследования Тимиревского могильника в Ярославской области, насчитывающего более четырехсот курганных насыпей.

О результатах раскопок этого памятника доложила М. В. Фехнер. Материал вскрытых 62 курганов показал, что основным обрядом погребения является трупосожжение, что могильник принадлежал, несомненно, сельскому населению и может быть датирован X — началом XI в. Этническая его принадлежность неоднородна — могильник оставлен смешанным славяно-финским населением.

А. В. Успенская сделала сообщение о раскопках на многослойном городище Подмоклово в Серпуховском районе Московской области. Это городище возникло в III—II вв. до н. э. как неукрепленное поселение, затем, в первых веках нашей эры, поселок был укреплен. Наиболее интенсивный период жизни городища относится к III—V вв. н. э. В VI—VII вв. жизнь на городище прекращается и вновь возобновляется только в IX в. Очевидно, к этому времени и надо относить возникновение на городище славянского поселения.

О разведках в районе Белого озера в 1959 г. доложила Н. В. Тухтина. Ею был исследован ряд памятников, связываемых некоторыми исследователями с племенем весь. Основное внимание было сосредоточено на изучении бескурганных грунтовых могильников, отличительной чертой которых является расположение на холмах.

Н. В. Пятышева сообщила о проведенных ею работах на южном участке городской оборонительной стены Херсонеса. Там открыты раннесредневековая оборонительная башня, остатки античной рустованной кладки и эллинистический грунтовой могильник. Наиболее важным результатом работ оказалась возможность на основании тщательного стратиграфического обследования участка точно датировать некоторые известные археологические памятники Херсонеса, которые автор связывает с деятельностью Петроны.

Об обследовании некоторых средневековых памятников Крыма доложил Д. Л. Талис. Основное внимание было уделено так называемым малым пещерным городам Крыма (тепе Кермен, Киз-Кермен, Качи-Кальян, Бакла, Сюрень). Особенно интересными оказались тепе Кермен (с V по VIII—XIV вв.) и тепе Бакла (IX—X вв.).

Л. Матвеева

НОВОЕ ПОСТУПЛЕНИЕ В МУЗЕЙ ПРИ КАФЕДРЕ АРХЕОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

В 1960 г. Музей при кафедре археологии Исторического факультета МГУ пополнился коллекцией более сотни образцов поливной архитектурной и бытовой керамики из Бухары. Эта коллекция была подарена Музею известным краеведом, археологом и знатоком древностей Средней Азии Сергеем Николаевичем Юреневым, проживающим в г. Бухаре. Коллекция содержит большое количество изразцов, майолики и мозаик почти со всех важнейших памятников архитектуры Бухары: здесь есть изразцы с мечети и минарета Калян, медресе Кукельдаш, Мир-Араб, Яр-Мухаммед-Аталлык и др., резные терракотовые плитки, обвалившиеся с бухарской Намазгох, поливная керамика самаркандского типа, тимуридская керамика типа «кобальт», прекрасные образцы посуды бухарского производства XVI—XVII вв. Особый интерес представляют раннесредневековая керамика из Пайкенда и Варахши, а также с бухарского Арка, собранная С. Н. Юреневым. Есть несколько фрагментов резного ганча из Варахши, несколько антропоморфных терракотовых статуэток, фрагментов оссуариев и т. п. Коллекция, принесенная С. Н. Юреневым в дар Музею, не только является прекрасным учебным пособием, но имеет большое научное значение. Кафедра археологии Исторического факультета выражает благодарность за этот дар С. Н. Юреневу.

Г. Ф.-Д.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ — Ассоциация изучения четвертичного периода
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМИИ — Государственный Музей изобразительных искусств
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАИ — Известия на археологическите института при БАН
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
ИОАИЭКУ — Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОИПК ГЭ — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
СА РАНИОН — Секция Археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук
СЭ — Советская этнография
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
AJA — American Journal of Archaeology
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
CAH — Cambridge Ancient History
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
RE — Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
SPA — Survey of Persian Art

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова (Ленинград). Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14}) 3

С. А. Токарев (Москва). К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита 12

А. А. Бобринский (Москва). К изучению гончарного круга на территории СССР 21

К. В. Сальников (Уфа). Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья 37

Л. С. Клейн (Ленинград). О так называемых ямных погребениях катакомбного типа 49

А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович (Ленинград). Из истории среднеазиатского шелкоткачества (к идентификации ткани «занданечи») 66

В. А. Кузнецов, В. К. Пудовин (Москва). Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов» 79

С. Н. Георгиева-Казанджиева (София). К вопросу о материальной культуре славян и праболгар на Нижнем Дунае 96

В. В. Седов (Москва). Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси 103

Н. П. Журжалина (Москва). Древнерусские привески-амулеты и их датировка 122

Б. А. Рыбаков (Москва). Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»? 141

Публикации

В. М. Раушенбах (Москва). Мастерская каменных орудий на Голом камне под Нижним Тагилом 164

И. К. Цветкова (Москва). Стоянка Подборица-Щербининская 172

Г. Г. Мовша (Киев). О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века 186

Э. А. Сымонович (Москва). Поселение эпохи Киевской Руси в с. Чаплин в Южной Белоруссии 200

О. Л. Вильчевский (Ленинград). Сфероконические сосуды в переднеазиатском трактате по прикладной технологии XII в. 210

А. В. Никитин (Москва). Братский острог 213

Заметки

А. А. Щепинский (Симферополь). Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма 227

И. И. Артеменко (Москва). Поселение бронзового века на Кузиной Горе . . 232

Г. М. Асланов (Баку). О музыкальных инструментах древнего Азербайджана 236

В. Г. Борисов (Москва). Меч и копье из Якутии 239

И. И. Гущина (Москва). Случайная находка в Воронежской области . . . 241

Г. И. Корнюшин (Воронежская обл.). Сарматский меч из Воронежской области 246

И. Венедиков (София). Новая находка античных колесниц в Болгарии . . . 247

Н. А. Богданова (Бахчисарай). Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму 249

С. А. Изюмова (Москва). Курганы у дер. Тризново 252

И. Ф. Бородина (Москва). Роспись стен медресе Улугбека в Самарканде и время ее создания 258

Р. Л. Розенфельдт (Москва). О статье А. А. Бобринского «Гончары-пидьбляне» 265

Критика и библиография

А. А. Формозов (Москва). Открытие свидерской стоянки в Румынии и проблема южных связей и даты свидерской культуры 268

А. Я. Брюсов (Москва). P. Bosch-Gimpera. El problema indoeuropea. Con un appéndice de M. Swadesh 270

Н. И. Сокольский (Москва). Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. I—III 275

О. Д. Дашевская (Москва), **А. Л. Якобсон** (Ленинград). Два сборника по истории и археологии Крыма 282

И. Б. Брашинский (Ленинград). Успехи керамической эпиграфики 293

Г. А. Кошеленко (Москва). B. Philip Lozinski. The original Homeland of the Parthians, S-Gravenage 306

А. В. Арциховский (Москва). Вологодско-Пермская летопись. Полное собрание русских летописей, том 26, М., 1959 г. 313

Хроника

М. М. Кобылина (Москва). Поездка по Греции 315

В. И. Сарианиди (Москва). Охрана памятников Туркменистана 322

Л. П. Матвеев (Москва). Сессия Ученого совета ГИМ 324

Г. Ф.-Д. (Москва). Новое поступление в Музей при кафедре археологии Исторического факультета МГУ. 326

SOMMAIRE

Articles

V. V. Artémiev, S. V. Boutomo, V. M. Drojjine, E. N. Romanova (Léningrad). Sur les résultats de la détermination de l'âge absolu d'échantillons archéologiques et géologiques d'aprés le carbone radioactif (C^{14}) 3

S. A. Tokarlev (Moscou): Sur la question de la signification de représentations féminines de l'époque paléolithique. 12

A. A. Bobrinsky (Moscou) Pour l'étude du tour de potier sur le territoire de l'URSS 21

K. V. Salnikov (Oufa): Essai de classification de la céramique de la région transouralienne de steppe boisée 37

L. S. Klein (Léningrad): Sur de soi-disantes fosses funéraires de type catacombes 49

A. M. Bélénitsky, I. B. Bentovitch (Léningrad): Sur l'histoire du tissage de la soie en Asie centrale (pour l'identification du tissu «Zandanetchi») 66

V. A. Kouznetsov, V. K. Poudovine (Moscou): Les Alans en Europe occidentale à l'époque de la «grande migration des peuples» 79

S. N. Guéorgulieva-Kazandjiéva (Sofia): Sur la question de la culture matérielle des Slaves et des Prabolgares sur le Bas-Danube 96

V. V. Sedov (Moscou): Traces du rite funéraire baltique oriental dans des tumulus de l'Ancienne Russie 103

N. P. Jourjalina (Moscou): Etablissement des dates des pendentifs-amulettes anciens russes 122

B. A. Rybakov (Moscou): Ce qu'apporte de noveau dans la science l'article de A. V. Artsikhovsky «Sur la chronologie novgorodienne» 141

Publications

V. M. Raouchenbach (Moscou): Atelier sur le Goli kamen (la Pierre nue) 164

I. K. Tsvetkova (Moscou): La station Podboritsa-Tcherbinskaya 172

T. G. Movcha (Kiev): Sur les relations des tribus de civilisation tripolienne avec les tribus des steppes de l'âge d'airain 186

Z. A. Symonovitch (Moscou): Établissement de l'époque de la Russie de Kiev dans le village Tchapline dans le sud de la Biélorussie 200

O. L. Viltchevsky (Léningrad): Vases en forme de cône tronqué d'après un traité sur la technique appliquée en Asie Mineure au XII siècle 210

A. V. Nikitine (Moscou): La prison de Bratsk 213

Notes

A. A. Schépinsky (Simféropol): Les représentations solaires de l'âge du bronze de Crimée 227

I. I. Artémenko (Moskou): Etablissement de l'âge du bronze sur le Mont Kouzina . 232

G. M. Aslanov (Bakou): Sur les instruments de musique de l'ancien Azerbaidjan 236

V. G. Borisov (Moscou): Glaive et lance de Yakoutie 239

I. I. Gouschina (Moscou): Trouvaille fortuite dans la région de Voronéje 241

G. I. Korniuchine (région de Voronèje): Glaive sarmate de la région de Voronèje 246

I. Vénédikov (Sofia): Nouvelle trouvaille de char antique en Bulgarie 247

N. A. Bogdanova (Bakhtchisaraï): Les deux stèles de Bakhtchisaraï 249

S. A. Iziumova (Moscou): Tumulus près du village Triznovo 252

I. F. Borodina (Moscou): Peinture murale de la médressé d'Oulougbek dans Samarkand et le temps de sa création 258

R. Z. Rozenfeldt (Moscou): Sur l'article de A. A. Bobrinsky «Gontchary-pidblianié» 265

Critique et Bibliographie

A. A. Formozov (Moscou): La découverte de la station Svider en Roumanie et le problème des relations mèridionales et des dates de la civilisation svidérienne 268

A. J. Brusov (Moscou): R. Bosch-Simpéra. El problema indoeuropea. Con un appendice de S. Swadesh 270

N. I. Sokolsky (Moscou): Matériaux sur l'archéologie de la région au nord de la Mer Noire. Fasc. I—III 275

O. D. Dachevskaïa (Moscou): **A. L. Yacobson** (Léningrad): Deux recueils sur l'histoire et l'archéologie de la Crimée 282

I. B. Brachinsky (Léningrad): Résultats obtenus en épigraphie sur céramiques 293

G. A. Kochélenko (Moscou): B. Philip Lozinsky. The original Homeland of the Parthians, S — Gravenage 306

A. V. Artsikhovsky (Moscou): Annales de Vologda-Perm. Recueil complet des annales russes, vol. 26, M.— L., 1959. 313

Chronique

M. M. Kobylina (Moscou): Voyage en Grèce 315

V. I. Sarisnidi (Moscou): Protection des monuments du Turkménistan 322

L. P. Matvéevka (Moscou): Session du conseil scientifique du Musée historique d'Etat 324

G. F.-D. (Moscou): Nouvelle rentrée au Musée archéologique de l'Université de Moscou 326